

УДК 81'2
ББК 81.2Рус-923
Н50

Рецензенты:
кафедра русского языка и общего языкознания
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова
(зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. *М. А. Грачев*);
д-р филол. наук, проф. *Е. Ф. Киров*
(Московский городской педагогический университет)

Немченко, В. Н.

Н50 Введение в языкознание : учебник для вузов / В. Н. Немченко. — М. : Дрофа, 2008. — 703, [1] с.

ISBN 978-5-358-01193-9

Курс «Введение в языкознание» является основополагающим в процессе обучения студентов-филологов. Учебник познакомит студентов с основными понятиями современного языкознания, с лингвистической терминологией. Основное внимание уделено описанию системы языков, его уровней. При изложении материала использована научная и справочная литература, отражающая опыт разработки теоретических проблем языкознания учеными разных поколений (включены выдержки из книг и статей). По спорным вопросам приводятся мнения разных ученых.

В конце книги помещен детализированный предметный указатель.

Для студентов-филологов, аспирантов, преподавателей русского и иностранных языков.

УДК 81'2
ББК 81.2Рус-923

ISBN 978-5-358-01193-9

© ООО «Дрофа», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В процессе подготовки студентов, обучающихся по специальности «Филология», курс «Введение в языкознание» занимает исключительно важное место. С изучения данного курса начинается лингвистическое образование студентов-филологов, и в этом смысле он является основополагающим.

Главная задача курса «Введение в языкознание» состоит в том, чтобы познакомить студента с основными понятиями современного языкознания и его терминологией, что необходимо при изучении всех вузовских лингвистических дисциплин.

Основное место в учебнике отводится объяснению программных вопросов, связанных с описанием системы языка, его уровней. Содержание этой части курса в наибольшей мере необходимо студенту при изучении теоретических лингвистических курсов, а также иностранных языков. Наряду с разделами «Фонетика», «Лексикология» и «Грамматика», которые традиционно присутствуют в учебных пособиях по введению в языкознание, здесь впервые выделяются в качестве равноправных относительно новые разделы — «Морфемика (морфемология)» и «Словообразование (дериватология)». Порядок расположения разделов определяется степенью сложности описываемых в них языковых единиц: «Фонетика», «Морфемика», «Лексикология», «Словообразование», «Грамматика (морфология и синтаксис)».

Описание языковой системы предваряется подробным и всесторонним рассмотрением вопросов, связанных с объяснением понятия языка как объекта лингвистической науки. Большое внимание в учебнике уделяется также проблемам общетеоретического характера — о формах существования языка, происхождении языка, развитии языков, возможных их классификациях и др. Необходимость обстоятельного разъяснения подобных сложных вопросов связана с тем, что в ряде учебных пособий по курсу «Введение в языкознание» некоторые из них или освещаются весьма поверхностно, или вообще не рассматриваются.

Предлагаемое в учебнике построение курса «Введение в языкознание» опирается на собственную концепцию автора, сложившуюся в процессе многолетнего преподавания различных лингвис-

тических дисциплин в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского.

При написании учебника использована научная и справочная литература, отражающая опыт разработки теоретических проблем языкознания учеными разных поколений (включая результаты новейших лингвистических исследований). По спорным вопросам приводятся мнения разных языковедов, что дает возможность студенту творчески усваивать программный материал, сравнивать предлагаемые решения рассматриваемых вопросов, выбирать наиболее приемлемые из них. Поэтому одна из существенных особенностей данного пособия — широкое использование выдержек из лингвистической литературы и ссылок на использованные работы. Такой подход к объяснению учебного материала преследует и практическую цель — освободить студента от необходимости постоянно обращаться к источникам, искать интересующую его информацию в дополнительной лингвистической литературе. Это важно прежде всего для студентов вечерней и заочной форм обучения, но особенно для студентов дистанционной формы обучения, которая в последнее время эффективно внедряется в ряде регионов страны. Многочисленные цитаты и ссылки на языковедческие работы позволяют студентам получить некоторое представление о важнейших научных школах и направлениях современной лингвистики, обеспечивают возможность углубить, расширить свои знания по тем или иным вопросам лингвистической теории.

Объяснение языковых явлений широко иллюстрируется примерами из разных языков, преимущественно индоевропейских (прежде всего славянских, балтийских, германских и романских). Объяснение терминов иноязычного происхождения сопровождается справками этимологического характера — с целью лучшего их понимания.

Для удобства пользования учебником часть цитируемых текстов, а также материал, носящий факультативный характер (необязательный для усвоения студентами), выделяются более мелким шрифтом.

В. Немченко

Языкознание как наука

§ 1. Профессиональная подготовка студентов, обучающихся по специальности «Филология», предполагает изучение большого количества филологических дисциплин. Филология как наука (от греч. *phileō* — ‘люблю’ и *logos* — ‘слово, учение’) представляет собой совокупность таких основных научных дисциплин, как языкознание, литературоведение, история, семиотика, культурология, а также многих частных, вспомогательных дисциплин, таких, как палеография, текстология, теория искусства, поэтика, риторика и др. «Филология — это буквально словолюбие, т. е. изучение всего, что связано со словом и первоначально с письменным словом, т. е. изучение письменных памятников для разных целей» [Реформатский, 1967, с. 49].

Слово «филология» в терминологических словарях объясняется по-разному:

как «общее название дисциплин, изучающих язык, литературу и культуру данного народа преимущественно через посредство литературных и других культурно-исторических сочинений и памятников» [СЛТ-А, с. 492—493];

как «совокупность наук, изучающих культуру какого-либо народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [СЛТ-РТ, с. 460];

как «содружество гуманитарных дисциплин — языкознание, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [РЯЭ-Ф, с. 372];

как «область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — т е к с т» [РЯЭ-К, с. 592].

В контексте обучения студентов по специальности «Филология» под филологией понимается прежде всего языкознание и литературоведение, т. е. совокупность наук, изучающих язык и литературу. Иными словами, каждый будущий филолог изучает в равной мере основные языковедческие и

литературоведческие дисциплины (наряду со специальными курсами по избранной студентом специальности, а также общегуманитарными дисциплинами, такими, как история, философия, логика, психология и др. — в зависимости от профиля учебного заведения).

Лингвистическая подготовка студентов-филологов по специальности «Русский язык и литература» включает три основных цикла учебных дисциплин:

1) дисциплины, непосредственно связанные с изучением современного русского литературного языка («Современный русский язык», «Методика преподавания русского языка», «Основы культуры речи и стилистики»);

2) лингвистические дисциплины исторического цикла («История русского литературного языка», «Историческая грамматика русского языка», «Старославянский язык», а также «Русская диалектология» и один из современных славянских языков);

3) «Общее языкознание», включающее в качестве начальной составной части курс «Введение в языкознание».

Все перечисленные дисциплины объединяются общим понятием языкознание (познание языка как общечеловеческого явления, наука о языке). Наряду с этим термином для обозначения данной науки нередко используются и синонимичные термины: языковедение (ср. др.-рус. *вѣдь* — ‘знание’), лингвистика (от лат. *lingua* — ‘язык’). Реже в этом значении употребляется термин глоттология (от греч. *glōtta* — ‘язык’ и *logos* — ‘слово, учение’)¹. Иногда используется также описательное наименование данного понятия — наука о языке. Наиболее употребительным является термин «языкознание», остальные используются значительно реже. В частности, это нашло отражение в названиях учебников и учебных пособий по данному курсу: «Введение в языкознание» (авторы книг: Л. А. Булаховский, Б. Н. Головин, В. И. Кодухов, Ю. С. Маслов, А. С. Чикобава, О. С. Широков и др.), «Введение в языковедение» (авторы книг: В. К. Поржезинский, А. А. Реформатский), «Введение в лингвистику» (автор — А. Я. Шай-

¹ В современном русском языке чаще употребляются другие термины, включающие греческое название языка (*glōtta*), например: «глоттогония», «глоттогенез» — ‘происхождение языка’, «полиглот» — ‘человек, знающий много языков’.

кевич), «Введение в науку о языке (о языках)» (авторы книг: Р. А. Будагов, О. С. Широков). Языкознание может быть определено как наука, изучающая тот или иной конкретный язык, определенные группы языков (обычно родственные, реже — неродственные) или языки вообще, т. е. язык как общечеловеческое явление.

По определению Вяч. Вс. Иванова, языкознание (языковедение, лингвистика) — это «наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как индивидуальных его представителях» [ЛЭС, с. 618].

Ср.: «Языковедение (языкознание, лингвистика) — наука, изучающая языки (в принципе — все существующие, когда-либо существовавшие или могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще» [Маслов, 1987, с. 4];

«объектом языкознания является язык во всем объеме его свойств и функций, строение, функционирование и историческое развитие языка» [РЯЭ-К, с. 672].

§ 2. В зависимости от характера изучаемого объекта (количества изучаемых языков), целей и задач его изучения в современной науке о языке различается языкознание общее и частное.

Общее языкознание изучает общие особенности человеческого языка, общие законы его строения, функционирования и развития. В центре внимания общего языкознания находятся так называемые языковые универсалии (от лат. *universālis* — ‘общий, всеобщий’), т. е. такие языковые явления, факты, закономерности и т. п., которые свойственны всем языкам мира (абсолютные универсалии) или большинству из них (статистические универсалии). К языковым универсалиям относятся такие явления, как, например, звук, гласный, согласный, смычный согласный, слово, часть речи, имя, имя собственное, глагол, имя числительное, местоимение, предложение, выражение в нем отношений между субъектом (подлежащим) и предикатом (сказуемым), категории оценки, определенности-неопределенности и др.¹ Объектом изучения в общем языкознании могут служить и относи-

¹ Подробнее о языковых универсалиях см.: Яз. универсалии, 1969; Серебренников, 1972; Панфилов В., с. 99; Маслов, 1987, с. 5; ЛЭС, с. 535.

тельно редкие, и даже уникальные явления, если они представляют интерес для построения общей лингвистической теории.

Общее языкознание интересуют также проблемы происхождения языка, закономерности исторического развития языков, классификации языков мира, вопрос о происхождении и развитии письма. К компетенции общего языкознания относится проблема создания и использования различных средств международного общения, искусственных международных языков. Разработкой этой проблемы занимается раздел языкознания, который называется йнтерлингвистикой.

Курс «Введение в языкознание» как начальная составная часть курса общего языкознания содержит самые элементарные сведения о языке как общечеловеческом явлении, т. е. представляет собой элементарное изложение важнейших сведений из курса общего языкознания. Основная цель данного курса — познакомить студентов с важнейшими понятиями и явлениями, знание которых необходимо при изучении всех остальных языковедческих дисциплин.

Ср.: «Данный курс должен служить для того, чтобы ознакомить студентов с системой понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедческая дисциплина и без которых трудно слушать и понимать соответствующие специальные курсы. Этот курс должен быть подлинным “введением” в весь цикл лингвистических предметов вуза» [Реформатский, 1967, с. 5—6].

Частное языкознание занимается изучением отдельных языков, определенных групп языков (родственных и неродственных) или их семей, например: русского, польского и немецкого, русского и чешского, русского и казахского, славянских, германских, всех индоевропейских и т. д. В зависимости от объекта изучения (конкретного языка, группы языков или их семьи) в частном языкознании выделяются частные языковедческие дисциплины: русское языкознание (или русистика — изучает русский язык), литовское языкознание (или литуанистика — изучает литовский язык), японское языкознание (или японистика — изучает японский язык), германское языкознание (или германистика — изучает германские языки), романское языкознание (или романистика — изучает романские языки), тюркское языкознание (или тюркология — изучает тюркские языки),

кавказское языкознание (или кавказоведение — изучает кавказские языки), индоевропейское языкознание (или индоевропейстика — изучает индоевропейские языки) и т. д.

В частном языкознании отдельные языки или их группы и семьи могут исследоваться в разных отношениях, в разных аспектах, в частности с точки зрения их состояния, функционирования в тот или иной момент, на том или ином этапе развития или же с точки зрения эволюции, исторического развития языков. На этом основании в рамках частного языкознания различается языкознание описательное и историческое.

Описательное языкознание [или синхронное, синхроническое (от греч. *synchronos* — ‘одновременный’)] изучает языки (или отдельные их уровни, определенные языковые факты, явления) по их состоянию на известном этапе развития. Обычно это современное их состояние, реже — состояние предыдущих этапов развития (например: современный русский язык, русский язык второй половины XIX в.). При этом в центре внимания лингвистов находятся различные языковые явления, факты, единицы разных уровней языка в их связях и взаимоотношениях, системные взаимоотношения между ними.

В рамках описательного языкознания выделяется сопоставительное языкознание, которое изучает два (реже — более двух) родственных либо неродственных языка в методических целях, для облегчения усвоения материала разных языков, прежде всего неродных по отношению к родному. В прошлом в разных союзных и автономных республиках СССР было широко распространено сопоставительное описание русского языка и разных национальных языков (например, существовали: сопоставительная грамматика русского и украинского языков, сопоставительная грамматика русского и узбекского языков).

Историческое языкознание [или диахронное, диахроническое (от греч. *dia* — ‘через’ и *chronos* — ‘время’)] изучает языки (различные языковые факты и явления) с точки зрения их изменения и развития (на основе результатов описательного языкознания). При этом в центре внимания исследователей находятся изменения, происходящие в изучаемых языках,

т. е. различные языковые процессы. В качестве примера можно привести описание языкового материала, языковых фактов в учебных пособиях по истории русского литературного языка, исторической грамматике русского языка.

В рамках исторического языкознания выделяется сравнительно-историческое языкознание, которое изучает определенные группы родственных языков с целью определения исторического прошлого и направления развития того или иного языка путем сравнения отдельных фактов изучаемых языков. Например, установлено, что существительное *мать* употребляется с данным корнем во всех славянских языках и в ряде других (неславянских) индоевропейских языков, откуда следует, что это слово возникло в период до образования общеславянского языкового единства, т. е. в общеиндоевропейском (праиндоевропейском) языке, или в индоевропейском праязыке. Глагол *писать* имеет общий корень только в славянских языках, но в неславянских индоевропейских языках этот корень отсутствует; это значит, что данный глагол возник в период общеславянского языкового единства, т. е. в общеславянском (праславянском) языке, или в славянском праязыке. Полные, местоименные формы прилагательных известны только в славянских и балтийских языках, следовательно, они могли возникнуть в период предполагаемого балто-славянского языкового единства. В качестве примеров сравнительно-исторического описания языкового материала можно привести научные труды под такими названиями, как «Сравнительная грамматика славянских языков», «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» и т. п.

§ 3. Языкознание принято считать гуманитарной, общественной (социальной) наукой, хотя долгое время его относили сначала к наукам естественным, затем — к психологическим. О принадлежности языкознания к общественным наукам впервые заявил польский ученый К. Аппель в 80-х годах XIX в. [см.: Леонтьев, 1963, с. 122]. Социальный характер языкознания определяется общественной природой языка как объекта языкознания. Будучи наукой общественной, языкознание тесно связано с другими социальными науками, прежде всего с такими, как литературоведение, философия (по мнению некоторых ученых, она является «мето-

дологической базой языкознания», определяет сам подход к изучению языка, принципы его исследования [см.: Баранникова, 1973, с. 29]), история, археология, этнография, социология, логика, психология, педагогика. Языкознание связано также с некоторыми естественными науками, прежде всего с биологией (точнее, с физиологией — их связь проявляется в деятельности органов речи при производстве звуков речи), с физикой (эта связь проявляется в изучении акустических свойств звуков речи, в использовании звуков речи при создании и развитии технических средств связи), с антропологией (связь обнаруживается при изучении вопросов о происхождении языка, о классификации языков), с медициной (при изучении речи глухонемых и слепоглухонемых, при изучении и лечении расстройств речи), с математикой, статистикой и др.

В результате взаимодействия языкознания с другими науками возникают смежные науки, научные направления и соответствующие научные дисциплины, изучающие язык в его связях и взаимоотношениях с другими общественными или естественными явлениями, такие, как лингвистическая философия (философия языка, философия «обыденного языка»), социолингвистика (социальная лингвистика), этнолингвистика, экстралингвистика (внешняя лингвистика), психолингвистика (металингвистика, экзолингвистика), нейролингвистика, математическая лингвистика, вычислительная (компьютерная, инженерная) лингвистика, лингвостатистика (лингвистическая статистика) и др.

Лингвистическая философия возникла на стыке языкознания и философии. Как целостное научное направление она сформировалась в Великобритании в середине XX в. Основной задачей соответствующей научной дисциплины является «изучение общепhilosophической основы языка и речи» с целью определить философски значимые понятия (такие, как «добро», «зло», «долг», «знание», «значение» и др.), «опираясь на контексты употребления соответствующих слов в обыденной речи», а также выявить особые правила «функционирования языка в условиях повседневной коммуникации» [СЛТ-А, с. 493; ЛЭС, с. 269].

Социолингвистика развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и некоторых других наук. Она изучает проблемы общественного использования языка и социальные условия его развития, причинные связи между языком

и другими явлениями общественной жизни, такими, как производство, наука, культура, экономика, политика, идеология, государство, право и др. Социолингвистика решает ряд конкретных вопросов, непосредственно связанных с социальной природой языка: роль языка в жизни общества, социальные функции языка, социальная дифференциация языка, влияние разных социальных факторов на изменение и развитие языка, социальные аспекты двуязычия и многоязычия, языковая политика, т. е. меры, предпринимаемые государством, общественными и другими организациями, связанные с сохранением или изменением языковых норм, и т. д.

Этнолингвистика объединяет языкознание с историей народа, этнографией. Как самостоятельное научное направление она выделилась на рубеже XIX—XX вв. из этнографии. Она изучает «отношения между языком и народом и взаимодействие лингвистических и этнических факторов в функционировании и развитии языка», «язык в его отношении к культуре», содержание («план содержания») культуры, народной психологии и мифологии с помощью лингвистических методов [СЛТ-А, с. 529; ЛЭС, с. 597]. Известны два варианта этнолингвистики — американский и германский. Американская этнолингвистика изучает проблемы соотношения языка с культурой, бытом, обычаями, верованиями народов, германская — взаимоотношения языка с психологией народа, которая определяет творческую силу, дух языка. Широкое развитие этнолингвистика получила в американской науке начиная с 70-х годов XIX в. в связи с интенсивным изучением жизни индейских племен.

Экстралингвистика — это научное направление, отрасль языкознания, которая изучает «совокупность этнических, общественно-исторических, социальных, географических и других факторов как неразрывно связанных с развитием и функционированием языка» [СЛТ-А, с. 217].

Психолингвистика как особое научное направление сформировалась в 50-е годы XX в. в результате применения методов психологии, психологических экспериментов по отношению к речевой деятельности человека. По предмету исследования она близка к лингвистике, по методам исследования — к психологии. Возникло это научное направление в США, а затем получило распространение во многих других странах, в том числе и в СССР. Психолингвистика занимается исследованием речевой деятельности человека, она изучает процессы формирования и

восприятия речи. Точнее предмет этой научной дисциплины можно определить как «процесс речи с точки зрения содержания, коммуникативной ценности, адекватности речевого акта данному коммуникативному намерению» или как «особенности содержательной стороны языка в связи с мышлением и общественной жизнью говорящего коллектива» [Там же, с. 373—374, 230]. Психолингвистика решает такие конкретные собственно лингвистические вопросы, как, например: закономерности овладения языком (развитие речи у детей, двуязычие и т. п.), проблемы речевого воздействия (в частности, в пропагандистской работе, в деятельности средств массовой информации) и др.

Нейролингвистика как научное направление и научная дисциплина возникла на стыке языкознания и неврологии. На основании лингвистических данных она изучает систему языка соотносительно с деятельностью головного мозга человека, а также связанные с языком зоны и функции центральной нервной системы.

Связь языкознания с литературоведением в известной мере обнаруживается в таких филологических дисциплинах, как стилистика и текстология. В задачи этих дисциплин входит изучение как литературы (в широком смысле слова), так и языковых средств, используемых в текстах разных стилей и жанров.

Как известно, научные знания о языке широко применяются для решения разных практических задач. Этим занимается прикладное языкознание (или прикладная лингвистика). Прикладным языкознанием называется «направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка» [ЛЭС, с. 397]. Такими задачами являются: создание письменности для того или иного языка; совершенствование письменных систем разных языков; создание систем письма для слепых; создание систем фонетической транскрипции (транскрипции устной речи, иноязычных слов и др.); создание систем стенографической записи речи; обучение письму и чтению; обучение неродному языку; разработка методов преподавания языков; составление словарей разных типов; упорядочение, унификация и стандартизация научно-технической терминологии; автоматическая обработка текста, в частности для машинного перевода; автоматизация информационных работ, создание автоматизированных систем информационного поиска; лингвистическое обеспечение автоматизиро-

ванных систем управления (АСУ); создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке; аннотирование и реферирование научной и иной информации; лингвистическая дешифровка неизвестных письменностей, письменных текстов.

Прикладной наукой по своему содержанию является, в частности, зародившаяся в XVII—XVIII вв. интерлингвистика. Так называется научное направление в лингвистике, занимающееся созданием (конструированием) и изучением искусственных (плановых) международных языков как средства межъязыкового (международного) общения. Наиболее известны такие искусственные международные языки, как эсперанто, йдо (реформированный вариант эсперанто), оксиденталь (окциденталь), интерлингва, воляпюк, новиаль¹.

К прикладным относятся и такие научные направления, как вычислительная лингвистика и математическая лингвистика.

Вычислительная лингвистика (или компьютерная, инженерная) изучает язык в его отношении к электронно-вычислительной машине (ЭВМ). Она решает проблемы машинной обработки информации о языке, о его строении и функционировании, а также информации, заключенной в разных единицах языка, занимается созданием специальных систем для обслуживания ЭВМ с помощью языковых средств, обеспечивающих непосредственное общение (прямой разговор) человека с ЭВМ [см.: Березин, Головин, с. 46; ЛЭС, с. 619].

Математической лингвистикой называется, по существу математическая, дисциплина, занимающаяся разработкой «формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков» [ЛЭС, с. 287].

Частично к прикладным относятся и такие направления в языкознании, как психолингвистика и нейролингвистика².

¹ Подробнее об интерлингвистике и искусственных международных языках см.: Ахманова, Бокарев, 1956; Григорьев, 1966; Дрезен, 1928, 1932; Кузнецов, 1984, 1987; Международный язык, 1910; Проблемы, 1976; Свадост-Истомин, 1968.

² Вопросы о взаимоотношении языкознания с другими науками посвящены специальные разделы в ряде учебных пособий по языкознанию [см.: Реформатский, 1967, с. 44; Баранникова, 1973, с. 29; Березин, Головин, с. 30; Кодухов, 1979, с. 9; Гречко, 1995, с. 16], а также некоторые специальные исследования [см.: Горнунг, 1960; Шендельс, 1962; Краус, 1974; Никольский, 1974; Аврорин, 1975].

Язык как объект языкознания

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКА

§ 4. Языкознание, как и любая наука, имеет свой объект изучения. Объектом изучения в языкознании является язык (или языки). Знакомство с языкознанием как особой наукой целесообразно начинать с определения понятия языка. Язык — явление очень сложное, и определение его представляется делом непростым. «Язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или стороны языка выделяются. Определения возможны: а) с точки зрения функции языка (или функций языка)... б) с точки зрения устройства (механизма) языка... в) с точки зрения существования языка...» [Солнцев, 1971, с. 9—10].

В отечественном языкознании в советское время получило распространение ленинское определение языка: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [Ленин, с. 258]. Это средство общения определяется как важнейшее потому, что наряду с языком в качестве средств общения используются и другие, дополнительные, или вспомогательные, средства: буквенные знаки, цифры, дорожные знаки, морские сигналы и др. [см. § 14].

Ленинское определение языка дано с точки зрения назначения языка, выполняемой им основной функции. Для того чтобы представление о языке было более полным, необходимо разъяснить, что конкретно представляет собой это средство человеческого общения, с помощью чего осуществляется общение между людьми. Ответ на этот вопрос можно найти в работах ученых-языковедов, определяющих язык с точки зрения его устройства, или механизма. Приведем некоторые из таких определений:

«язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа» [Бодуэн де Куртенэ, с. 37];

«язык — это ограниченный набор типовых элементарных единиц и законы их сочетания и чередования» [Панов, 1967, с. 13];

«язык — это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами» [Солнцев, 1971, с. 63].

Совершенно очевидно, что при определении языка необходимо учитывать как выполняемую им функцию (или функции), так и конкретные материальные средства, с помощью которых эта функция осуществляется. Следовательно, в самом общем виде язык можно определить как своеобразную систему знаков (знаков особого рода), служащих основным, важнейшим средством общения людей.

Ср.: «Язык — это система материальных единиц, служащих общению людей и отражаемых в сознании коллектива в отвлечении и независимо от конкретных мыслей, чувств и желаний людей» [Головин, 1966, с. 26];

«сущность языка невозможно охватить каким-то простым и единым определением. По своей роли в жизни людей, по той функции, которую язык выполняет в человеческом коллективе, он является важнейшим средством общения, средством обмена информацией, обмена мыслями и, более того, средством самого формирования мысли. По той внутренней организации, по своей структуре язык оказывается своеобразной, очень сложной системой знаков, системой многоярусной, все элементы которой, взаимодействуя, обеспечивают выполнение языком его общественной функции» [Маслов, 1975, с. 5];

«язык состоит из слов, а словами являются звуки речи как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований» [Фортунатов, с. 23].

Подобные определения языка встречаются также в работах других ученых, в терминологических и иных словарях [см.: СЛТ-А, с. 530; СЛТ-РТ, с. 493; РЯЭ-Ф, с. 410].

О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

§ 5. Рассмотрев вопрос о понятии языка как своеобразной системы знаков, служащих средством общения людей, мож-

но попытаться ответить на вопрос о том, какова природа языка, в чем его сущность. По этому вопросу есть разные мнения. Одни ученые считают язык общественным (социальным) явлением, другие относят его к явлениям биологическим, третьи — к психическим.

В современном отечественном языкознании широко распространено мнение, согласно которому язык является социальным явлением. Положение об общественной природе языка находит отражение в определении языка как важнейшего средства человеческого общения. При этом принимается во внимание, что нет и не может быть языка без человека, вне человеческого общества. Еще И. И. Срезневский в своей работе «Мысли об истории русского языка» (1849) обращал внимание на то, что «народ и язык один без другого представлен быть не может».

Язык социален. Он выполняет разнообразные общественные функции с момента своего возникновения: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее и для меня самого, действительное сознание и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс, с. 29].

Возникает, живет и развивается язык вместе с возникновением и развитием человеческого общества; он сохраняет общественный характер, обслуживает потребности общества на протяжении своего существования и развития. С исчезновением человеческого коллектива, народа, говорящего на том или ином языке, исчезает и данный язык. При наличии письменности на таком языке он сохраняется как язык неживой, или мертвый. В качестве примеров можно назвать такие мертвые языки, как старославянский, древнегреческий, латинский, прусский (один из балтийских языков, язык прусских племен, живших на восточном побережье Балтийского моря), шумерский (язык шумеров, или шумерцев, — древнего народа, населявшего территорию современного Ирака), многие языки народов Австралии, Северной Америки и др.

Будучи явлением общественным, язык коренным образом отличается от всех других общественных явлений, таких, как, например, наука, культура, производство. Принципи-

альное отличие языка от других общественных явлений заключается в его специфической функции — быть основным средством общения людей.

Необходимо также обратить внимание на отношение языка к разным социальным группировкам, к разным классам общества. Этот вопрос довольно долго дискутировался в советском языкознании. В течение некоторого времени было распространено мнение о классовой сущности языка. После дискуссии в печати было признано, что язык носит общенародный характер, т. е. является единым для всего народа — как по своей структуре, так и по выполняемым функциям [см.: Головин, 1966, с. 17].

Говоря о языке как общественном явлении, надо иметь в виду, что язык представляет собой явление многоаспектное в том смысле, что некоторыми своими сторонами он связан непосредственно с явлениями естественными — биологическими, физическими, в частности акустическими. Существование, функционирование языка как знаковой системы обусловлено строением и деятельностью головного мозга человека, т. е. явлением биологическим, физиологическим. Знаки, единицы естественного языка образуются в процессе общения людей благодаря деятельности органов речи (фактор биологический) и воспринимаются в виде звуковых колебаний во внешней среде (фактор физический). Общение между людьми «делается возможным лишь при условии физиологических явлений говорения и вызываемых ими звуков, т. е. уже физических явлений во внешней среде (или при условии соответствующих явлений письменной речи)» [Смирницкий, 1954а, с. 10].

Обобщая все изложенное выше по данному вопросу, можно согласиться с тем, что «речевая деятельность отдельного человека и коллектива людей (в том числе и народа) представляет собой явление, имеющее много сторон и измерений. Те измерения, которые касаются отношения языка и общества, языка и истории народа, языка и географии, отчасти языка и мышления, социологичны по своей природе. Те аспекты языкознания, которые измеряют соотношение языка и физиологии, языка и акустики... не являются социологическими. В этих аспектах языкознание выступает как естественная наука» [Пиотровский, с. 132]. Таким образом, язык — это и общественное и природное явление.

Некоторые ученые придерживаются мнения, согласно которому язык представляет собой чисто биологическое явление, подобное таким явлениям, как способность ходить, принимать пищу и т. п. Согласно данной концепции, способность общаться с окружающими людьми передается детям по наследству. Такая точка зрения на природу языка представляется необоснованной, потому что опровергается известными фактами. Хорошо известно, например, что дети, с раннего возраста оказавшиеся в обществе людей иной национальности, говорящих на другом языке, начинают говорить не на «врожденном» языке, а на языке окружающих их людей.

Известны многочисленные случаи усыновления детей разных национальностей людьми иной национальности; естественно, в подобных случаях дети овладевают языком своих приемных родителей и окружающих их людей, а не языком своих собственных родителей. Один из таких случаев подробно описывается в повести А. В. Калинина «Цыган»: цыганский мальчик, лишившийся родителей сразу же после рождения, оказывается в русской среде, усваивает русский язык и долгое время даже не подозревает, что его родители — цыгане.

В определенных условиях (в условиях постоянного или длительного иноязычного окружения, при постоянном общении с людьми иной национальности и т. п.) часто дети в одинаковой мере овладевают разными языками. Более того, в иноязычной среде дети иногда забывают родной язык. Подобные факты тоже могут служить подтверждением несостоятельности концепции биологической природы языка.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой язык представляет собой явление психическое, является выражением духа (духа Божьего или духа народа). Так, в первой половине XIX в. немецкий языковед В. Гумбольдт писал о том, что язык есть «орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления», что он есть «как бы внешнее проявление духа народа», что «язык народа есть его дух», что «язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящегося превратить дух в выражение мысли» [Гумбольдт, с. 69—73]. Подобного мнения придерживаются и многие современные лингвисты.

С таким взглядом на язык тоже нельзя согласиться. Из признания языка выражением духа должно следовать, что он может и должен развиваться у любого человека, независимо от ус-

ловий его существования. Однако хорошо известно, что язык возникает и развивается у ребенка только в условиях человеческого общества; вне коллектива язык возникнуть не может. Это подтверждается, в частности, тем, что люди, с детства оказавшиеся вне человеческого общества, говорить не могут. Так, в 1920 г. в Индии в волчьей норе были найдены две девочки (примерно восьми и полутора лет), жившие среди волчат. Младшая вскоре умерла, так и не научившись говорить. Старшая смогла произнести первое предложение лишь после пяти лет жизни среди людей [см.: Сидоров, с. 13]. В 1972 г. также в Индии был обнаружен мальчик в возрасте трех-четырёх лет, игравший в лесу с четырьмя волчатами. Он передвигался на четвереньках и только через пять месяцев с трудом начал вставать на ноги. К десятилетнему возрасту он не научился говорить, что, как представляется, не оставляло надежды на возвращение дара речи [см.: Лантц, 1986].

Вопрос о природе языка иногда рассматривается и в других аспектах, например: социальное в языке противопоставляется индивидуальному; дискутируется вопрос о том, является язык сущностью материальной или идеальной [см. § 241].

СВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

§ 6. Язык как общественное явление, как важнейшее средство человеческого общения так или иначе связан с другими явлениями общественного характера. Особый интерес ученых (прежде всего лингвистов и философов) вызывает вопрос о взаимоотношении языка и мышления. Обсуждение этой проблемы имеет длительную историю. Проблема связи языка и мышления обсуждалась еще в Древней Греции, интересовала ученых в Средние века, но особую актуальность приобрела в современной науке.

С давних времен ученые обращали внимание на тесную связь между языком и мышлением. Известный немецкий философ XVIII в. И. Кант писал: «Каждый язык есть обозначение мыслей, и наоборот, самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка, этого величайшего средства понять себя и других. Мыслить — значит

говорить с самим собой» [Кант, с. 430]. В настоящее время наличие связи языка и мышления, их взаимоотношение и взаимодействие признаются представителями самых различных лингвистических и философских направлений. В то же время проблема связи рассматриваемых явлений представляется одной из самых сложных и дискуссионных проблем языкознания и философии. Это объясняется прежде всего противоречивостью природы явлений языка и мышления, законы которых еще недостаточно изучены.

Рассмотрение вопроса о связи языка и мышления целесообразно начать с объяснения понятия мышления. Обычно под мышлением понимается активный процесс отражения объективной действительности в понятиях, суждениях, представлениях, способность человека мыслить, рассуждать, строить умозаключения, сопоставляя мысли и делая из них выводы [см.: ССРЛЯ, т. 6, с. 1434]. В научной литературе мышление определяется как «обобщенное, опосредованное, понятийное отражение действительности», как «продукт высокоорганизованной материи, мыслящего мозга... субъективный образ объективного мира», как «продукт деятельности центральной нервной системы, головного мозга человека, идеальная образная форма отражения окружающей действительности» [Шубняков, с. 44—45, 57].

В психологии различают три типа мышления: **п р а к т и ч е с к о е** (или техническое, наглядно-действенное), **о б р а з н о е** (иначе — наглядно-образное, чувственно-наглядное, мышление в чувственно-наглядных образах) и **л о г и ч е с к о е** (иначе — абстрактное, отвлеченное, обобщенное, понятийное, теоретическое, отвлеченно-теоретическое) [см.: Звегинцев, 1962, с. 293; Панфилов В., с. 49; Кодухов, 1979, с. 47; Шубняков, с. 50]. Первые два типа мышления иногда объединяются в общий тип **н а г л я д н о г о** мышления, в рамках которого различают мышление наглядно-действенное и наглядно-образное. Выделение разных типов (или форм) мышления «в определенной мере отражает поступательность в развитии человека и этапы формирования его мыслительной деятельности» [Шубняков, с. 50].

Практическое мышление основано на накопившемся опыте распознавать существенные стороны и связи предметов и явлений объективной действительности. При практическом мышлении «человек анализирует, синтезирует, сравнивает, соотносит

явления практически, но эта практика всегда опирается на результаты эмпирического [т. е. основанного на чувственном опыте, на фактах. — В. Н.] познания» [Шубняков, с. 51]. Можно предположить, что практическое мышление формируется у детей в первые годы их жизни. Оно проявляется, в частности, в стремлении ребенка потрогать руками заинтересовавший его предмет, являющийся объектом познания. Этот тип мышления распространен среди некоторых людей, работающих на производстве. Речь идет о работниках, которых часто называют практиками (в отличие от дипломированных специалистов). Такие люди в своей деятельности руководствуются прежде всего не теоретическими знаниями, а практическими навыками, они опираются на практическое мышление, основанное на большом жизненном опыте. Данный тип мышления можно рассматривать как первый, начальный этап формирования мыслительной деятельности человека.

Следующий этап развития мышления человека — проявление образного мышления. «Наглядно-образное мышление более сложно, гибко и обобщенно по сравнению с практическим, так как человек в этом случае оперирует уже главным образом содержащимися в памяти чувственными и абстрактными образами предметов и явлений» [Там же, с. 51]. Этот тип мышления предполагает «живость восприятия, единство понятия и представления, понятия и оценки» [Кодухов, 1979, с. 47].

По мнению психологов, образное мышление в простейшей форме возникает у детей преимущественно в возрасте от четырех до семи лет. Связь мышления с практическими действиями у них «хотя и сохраняется, но... не является такой тесной, прямой и непосредственной, как раньше. В ходе анализа и синтеза познаваемого объекта ребенок не обязательно и далеко не всегда должен потрогать руками заинтересовавший его предмет» [Общ. психология, с. 313]. Данный тип мышления наиболее ярко проявляется у людей творческого труда — писателей, художников, скульпторов, композиторов, режиссеров, архитекторов, конструкторов.

Высшая стадия развития мыслительной деятельности человека — это логическое (или абстрактное, понятийное) мышление.

§ 7. Логическое (абстрактное, понятийное) мышление осуществляется в логических формах — понятиях и суждени-

ях. Оно основано на строгом соблюдении правил употребления понятий и построения суждений. Понятия и суждения можно рассматривать как основные единицы логического мышления.

Понятие «образуется посредством процессов обобщения» и отражает «важные и существенные свойства... вещей» [Звегинцев, 1962, с. 293; Шубняков, с. 45]. Оно может быть определено как «мысль об общих существенных свойствах, связях и отношениях предметов и явлений объективной действительности» [ССРЛЯ, т. 10, с. 1250] или как «форма мышления, отражающая общие и существенные признаки предметов и явлений действительности (и среди них обязательно специфические), которая выделяет предметы и явления как самостоятельные объекты, выступающие в особом отношении к другим таким же объектам» [Чесноков, с. 108].

Более пространное объяснение сущности понятия как логической категории, как единицы логического мышления можно найти в работах по логике: «Понятие как и т о г познания предмета есть уже не простая мысль об отличительных признаках предмета: понятие-итог есть сложная мысль, суммирующая длинный ряд предшествующих суждений и выводов, характеризующих существенные стороны, признаки предмета. Понятие как итог познания — это сгусток многочисленных уже добытых знаний о предмете, сжатый в одну мысль» [Логика, с. 29—30].

Суждение понимается в логике как «мысль, в которой утверждается или отрицается что-либо о чем-либо» [Там же, с. 69];

как «мысль о предмете (или предметах), в которой посредством утверждения или отрицания раскрывается тот или иной его признак или отношение между предметами» [Попов и др., с. 3];

как «форма мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь» [Кондаков, с. 503].

В лингвистической литературе встречается и более широкое понимание суждения, например: «...суждением называется не утвердительно-отрицательная мысль, а более общий формальный тип мысли, представляющий собой наименьший мыслительный акт, соотносящий свое содержание с

действительностью и объединяющий, следовательно, суждение в его традиционном понимании, вопрос и побуждение» [Чесноков, с. 125—126].

Суждение включает такие элементы, как субъект (знание о предмете суждения), предикат (знание о том, что утверждается или отрицается о предмете) и связка (устанавливает, что мыслимое в предикате присуще или не присуще предмету суждения) [см.: Логика, с. 71]. Ср.: *Корова есть животное; Солнце есть источник света; Телевизор не является предметом роскоши*. Связка в суждении может отсутствовать (т. е. быть нулевой): *Все люди смертны; Листья дерева зелены*.

Между суждением и понятием есть нечто общее. Это видно уже по тому, что в качестве опорного элемента в определении того и другого используется одно и то же слово «мысль». Данное сходство подчеркивается и определениями, например: «Суждение можно рассматривать как развернутое понятие, как раскрытие его содержания» [Колоколова, с. 90].

Логическое мышление, свойственное всем взрослым, в наибольшей мере проявляется у людей умственного труда. Мышление практическое и образное, по предположению многих ученых, свойственно не только людям, но и высшим животным, например, обезьянам, собакам, кошкам, у которых совершенно отсутствует логическое мышление. При этом по уровню развития такое мышление у животных совершенно несопоставимо с мышлением человека [см.: Звегинцев, 1962, с. 293].

Ученые, решающие вопрос о взаимоотношении языка и мышления с позиций диалектического материализма, исходят из признания единства этих явлений. При этом нередко делается ссылка на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «язык есть непосредственная действительность мысли», что «язык есть практическое... действительное сознание» [Маркс, Энгельс, с. 448, 29].

Связь языка и мышления обусловлена объективной действительностью, трудовой деятельностью людей, без чего невозможно существование ни языка, ни мышления, равно как и последние невозможны в отрыве от трудовой деятельности. Именно через мышление осуществляется связь языка с действительностью. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе

особого царства... они — только проявления действительной жизни» [Там же, с. 449].

§ 8. Связь между языком и мышлением ученые видят в том, что язык является средством формирования, выражения и сообщения мысли. Эта связь состоит прежде всего в том, что основные мыслительные категории, единицы мышления (понятия и суждения) выражаются средствами языка, определенными языковыми единицами: понятия выражаются отдельными словами или словосочетаниями, суждения — предложениями. В языке нет и не может быть слова, словосочетания или предложения, которое не выражало бы какого-либо значения, мысли, понятия, суждения. Трудно представить себе также мысль в виде понятия или суждения, не выраженную теми или иными единицами языка. Лингвисты постоянно обращают внимание на то, что «основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический характер» [Панфилов В., с. 41].

Соотносительность слова и понятия заключается в том, что слово как основная единица языка (речь идет о словах знаменательных, выражающих вещественные значения) и понятие как одна из основных единиц мышления отражают отличительные признаки предметов и явлений объективного мира [см.: Кодухов, 1979, с. 47]. И слово и понятие имеют обобщенный характер.

Ср.: «Понятие как логическая категория, как итог знаний о предмете, как сложная мысль, суммирующая длинный ряд предшествующих суждений и признаков, как отражение существенных, решающих признаков и свойств предмета — это целестремленное и логическое оформление того процесса обобщения, который как бы “стихийно” совершается в слове в силу его обобщающей природы». Также и «знаменательное слово [разумеется, исключая имена собственные. — В. Н.] всегда обозначает определенную совокупность предметов, объединяемых по тому или иному признаку в определенный класс предметов» [Звегинцев, 1962, с. 345, 343]. Оно является выразителем общих признаков ряда однородных в каком-то отношении предметов.

Иначе говоря, «значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей». Особенно тесная связь между значением слова и понятием наблюдается в терминологии, где, как правило, «значение и понятие сливаются». На основании сказанного значение слова рассматривается как «высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие» [Степанов, с. 11, 12, 13].

Сходство между предложением и суждением состоит в том, что предложение как грамматически оформленная целостная единица языка (речи) и суждение как соотносительная единица мышления организуют мысль в виде утверждения/отрицания. Соотносительны также основные элементы предложения и суждения: подлежащее и субъект, сказуемое и предикат. Например, в суждении, выраженном предложением *Корова есть животное*, слово и понятие *корова* является подлежащим (в предложении) и субъектом (в суждении), а *животное* — соответственно сказуемым и предикатом.

§ 9. Связь языка и мышления не означает их тождества; между ними имеются принципиальные различия, каждое из этих явлений имеет свои особенности. Прежде всего следует обратить внимание на то, что язык материален, его единицы имеют материальное выражение, звуковую оболочку и воспринимаются органами чувств, на слух. А мышление — идеально, мысли не имеют материального воплощения.

Язык и мышление принципиально различаются по своим функциям. Основным назначением языка является выражение и сообщение, передача мысли, в то время как мышление служит источником получения новых знаний, их совершенствования и развития и т. д. «Целью мышления является получение новых знаний, их систематизация, тогда как язык всего лишь обслуживает познавательную деятельность, помогая оформить мысли и закрепить знания, передать их» [Кодухов, 1979, с. 48].

В мире насчитывается несколько тысяч языков, и каждый из них имеет свои особые законы, правила и т. д. Это значит, что языковые законы носят индивидуальны

характер. Законы мышления, наоборот, носят всеобщий, общечеловеческий характер. Логический строй мысли одинаков у всех людей, независимо от того, с помощью какого языка они формируют и выражают свои мысли. Если бы этого не было, невозможен был бы интеллектуальный контакт между народами, перевод текстов с одного языка на другой [см.: Колесникова, с. 104].

Различия в характере законов языка и мышления предопределяют принципиальные структурные различия между языком и мышлением, наличие специфических особенностей их структуры, построения их единиц. Язык и мышление различаются прежде всего по количеству единиц, их видов, типов и т. п. Основными единицами мышления являются понятие и суждение. В структуре языка существенную роль играют такие виды единиц, как звук (фонема), морф (морфема), слово (лексема), словосочетание (свободное и устойчивое), предложение (простое и сложное) и др. Некоторые из языковых единиц (фонемы, морфемы) не имеют соответствий среди единиц мышления. «Фонемы вообще непосредственно не связаны с мыслительным содержанием, морфемам соответствуют лишь отдельные стороны в содержании тех нерасчлененных мыслительных единиц, которые выражаются словоформами; иначе говоря, с морфемой сопряжена особая форма слитного отражения фактов объективной действительности, исключая появление в мысли отдельного отрезка мыслительного процесса (сегмента)» [Чесноков, с. 106].

Кроме того, имеются весьма существенные различия между основными единицами мышления и непосредственно соотносящимися с ними языковыми единицами, т. е. между понятием и словом, между суждением и предложением.

Говоря о соотношении понятия и слова, следует обратить внимание на то, что далеко не всякое слово способно выражать понятие, хотя каждое понятие обязательно выражается словом или сочетанием слов, предложением. Не соотносительны с понятием, например, служебные слова (предлоги, союзы, частицы), междометия, вводные (модальные) слова, имена собственные.

Нет полной соотносительности между понятием и словом и в том отношении, что одно и то же понятие может быть выражено разными словами (синонимами). Например, существ-

вительные *языкознание, языковедение, лингвистика, глоттология* обозначают одну и ту же науку; прилагательные *красный, алый, пунцовый, рдяный, кумачовый* и т. п. обозначают один и тот же цвет; глаголы *делать, изготавливать, производить* и т. п. обозначают одно и то же действие и т. д. В то же время одно и то же слово (многозначное, или полисемичное) способно выражать разные понятия. Так, существительное *стол* соотносится с такими понятиями: ‘известный предмет мебели’, ‘данный предмет вместе с поставленными на нем предметами пицци’, ‘пицца, кушанья’, ‘учреждение или отдел в учреждении, занимающиеся определенными канцелярскими делами’, ‘княжеский престол (в Древней Руси)’ и др. В русском языке, так же как и во многих других, многозначные слова преобладают. Это значит, что в большинстве случаев понятия соотносятся не со словами, а с их отдельными лексическими значениями.

Между понятием и значением слова тоже далеко не всегда имеется прямая связь. Дело в том, что с понятием соотносится ядро лексического значения слова (так называемое денотативное, или концептуальное, значение), а в значениях многих слов, помимо ядра, может быть еще и периферия, т. е. разные «добавочные» смысловые или оценочные элементы (так называемые коннотативные значения, или коннотации) — эмоциональные, экспрессивные, стилистические. Ср., например: *лошадь* — *кляча, страх* — *ужас, отличный* — *чудесный, малый* — *мизерный, спать* — *дряхнуть*¹.

Суждение и предложение во многих случаях различаются по своей структуре. Основными элементами суждения являются субъект и предикат, которым в предложении соответствуют подлежащее и сказуемое, именуемые главными членами предложения, причем в односоставном предложении присутствует только один главный член. Но в предложении, кроме главных членов, могут быть еще и второстепенные члены, а также вводные слова, обращения и вставные конструкции, которые не имеют соотносительных элементов в структуре суждения. Иными словами, суждение всегда

¹ Подробнее о соотношении слова или его лексического значения и понятия см.: Звегинцев, 1962, с. 340; Степанов, с. 10; Колоколова, с. 84; Чесноков, с. 106.

двучленно, в то время как предложение может быть не только двучленным, но и одночленным и многочленным.

Главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) тоже не всегда находятся в прямом соотношении с соответствующими элементами суждения (субъектом и предикатом). Например, в предложении *Стакан разбился* в роли подлежащего выступает существительное *стакан*, а в роли сказуемого — глагол *разбился*. В аналогичном суждении предикатом может быть как глагол, так и существительное, если предметом суждения является ‘предмет, который разбился’; в таком случае существительное выделяется ударением или же ударением и постановкой в высказывании после глагола: *разбился стакан* [см.: Логика, с. 71].

Предложения различаются не только в структурном отношении, но и по другим признакам, в частности по цели высказывания. По этому признаку предложения подразделяются на повествовательные, вопросительные и побудительные. При традиционном понимании суждения как мысли, содержащей утверждение/отрицание чего-либо, с суждением соотносится только повествовательное предложение. Вопросительное и побудительное предложения суждений не выражают, поскольку они не выражают ни утверждения, ни отрицания чего-либо¹.

Язык и мышление, несмотря на наличие тесных связей и взаимоотношений между ними, представляют собой явления относительно самостоятельные. Каждое из них функционирует и развивается по своим собственным законам. В то же время они обуславливают друг друга, взаимодействуют друг с другом. Мышление как явление идеальное требует для выражения своих категорий материального воплощения, языковых форм выражения, которые, в свою очередь, способствуют реализации мышления, его совершенствованию. В этом проявляется действие основного закона диалектики — о единстве и борьбе противоположностей.

§ 10. Дискуссионным остается вопрос о роли, которую играют язык и мышление в процессе их взаимодействия. Одни

¹ О соотношении предложения и суждения см.: Звегинцев, 1962, с. 377; Колоколова, с. 91; Чесноков, с. 118.

ученые ведущую, определяющую роль отводят языку, другие — мышлению.

Некоторые зарубежные ученые, например немецкий философ и лингвист В. Гумбольдт и его последователи (американский лингвист Э. Сепир и некоторые другие), утверждают, что именно язык определяет мышление. По словам Гумбольдта, «язык есть орган, образующий мысль». Отсюда делается вывод, что характер и результаты познания объективного мира зависят от того, на каком языке говорят люди. Иными словами, отрицается всеобщий, общечеловеческий характер законов мышления, мыслительной деятельности людей, с чем вряд ли можно согласиться.

В отечественном языкознании долгое время было распространено иное мнение. Советские ученые утверждали, что доминирующая роль во взаимодействии языка и мышления принадлежит мышлению, т. е. «хотя язык и представляет собой относительно самостоятельное явление, основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический характер» [Панфилов В., с. 40—41]. В подтверждение данного положения приводятся конкретные факты. Известно, например, что тот или иной язык, получивший распространение на не «своей» территории (с иными природными и социальными условиями жизни людей), претерпевает существенные изменения прежде всего в лексической семантике: значения многих слов приводятся в соответствие с новыми реалиями, с которыми встречаются носители данного языка. Однако это не оказывает заметного воздействия на результаты познавательной деятельности человеческого мышления. Так было, например, с испанским языком, получившим распространение на американском континенте [см. там же, с. 34].

Сторонники концепции о ведущей роли мышления в его взаимоотношениях с языком, признавая язык явлением самостоятельным, в то же время подчеркивают его влияние на мышление. «Язык действительно оказывает известное влияние на мышление и познавательную деятельность человека. Во-первых, язык обеспечивает саму возможность специфически человеческого, т. е. абстрактного, обобщенного, мышления и познания. Во-вторых, в языке в той или иной мере

фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности... Очевидно, что предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности» [Там же, с. 29]. В подтверждение этой мысли приводится такой факт. В некоторых языках (таких, как нивхский, некоторые индийские, языки народов Океании) при счете разных предметов (длинных или круглых предметов, людей и т. д.) употребляются разные числительные, которые обозначают не только количество предметов, но и отдельные их признаки. Предполагается, что такие числительные, возникшие из сочетаний слов, обозначающих числа и предметы счета, не могут не оказывать влияния на характер количественных представлений у людей, говорящих на соответствующих языках [см. там же, с. 31, 190].

Итак, можно согласиться со следующим определением взаимоотношений языка и мышления: «Мышление и язык выступают по отношению друг к другу как содержание и форма. Мышление в этом единстве выступает содержанием, а язык — формой, оказывающей на свое содержание обратное активное воздействие» [Шубняков, с. 44].

§ 11. Признавая важную роль языка в процессе мышления, ученые по-разному решают вопрос о том, является ли язык единственным средством выражения мысли, всегда ли мышление осуществляется средствами языка или же оно возможно и без использования языковых средств.

Многие ученые придерживаются мнения, согласно которому «мышление человека совершается только на базе языка и в какой-либо иной форме осуществляться не может, поскольку абстрактные понятия, лежащие в основе человеческого мышления, могут быть выражены только словами» [РЯЭ-Ф, с. 412]. Еще В. Гумбольдт утверждал, что мышление людей всегда связано со звуками языка. Немецкий философ Г. Гегель говорил о том, что слова становятся «наличным бытием, оживленным мыслью. Это наличное бытие для наших мыслей абсолютно необходимо. О наших мыслях мы знаем только тогда, когда имеем определенные, действенные мысли, когда мы даем им форму предметности, раз-

личности от нашего внутреннего существа, следовательно, форму внешности, и притом такой внешности, которая в то же время носит на себе печать высшего внутреннего. Таким внутренним высшим является единственно только членораздельный звук, слово» [Гегель, с. 303].

Некоторые языковеды, придерживающиеся данной точки зрения на мышление, т. е. отрицающие возможность мыслить без участия языка, обращают внимание на то, что язык является единственным средством только логического (понятийного, абстрактного) мышления, ибо «только понятийный тип мышления... протекает в языковых формах», а практическое и образное мышление человека осуществляется без участия языка, «во внеязыковых формах» [Звегинцев, 1962, с. 293].

Другие же ученые утверждают, что для людей «язык является средством и орудием всех видов мышления» [Кодухов, 1979, с. 47], что «положение о неразрывной связи языка и мышления относится не только к теоретическому, познающему мышлению, но и к практическому и наглядно-образному, так как они тоже оперируют логическими понятиями и отображают с помощью абстракции реально существующее общее в предметах и явлениях» [Шубняков, с. 54].

Существует и другая точка зрения, согласно которой мышление людей (безотносительно к тому или иному его типу, т. е. включая и логическое мышление) может осуществляться и вне связи с языком [см.: Рассел, с. 94; Уорф, с. 190; Дубровский, с. 102]. Некоторые ученые идею об обязательном участии языка/речи в процессе мышления называют предрассудком [см.: Леонтьев, 1972, с. 151]. В обоснование концепции о возможности мышления без участия языка приводятся довольно убедительные на первый взгляд аргументы. Один из таких аргументов — мышление глухонемых: «Глухонемые, конечно, мыслят, хотя их мысль и не облекается в вербальные формы, свойственные людям, использующим звуковой язык. Это значит, что связь языка с мышлением не обязательно осуществляется посредством “звуковых” слов» [Звегинцев, 1962, с. 293].

Еще одним аргументом, которым ученые пользуются для обоснования концепции о внеязыковом мышлении, является внутренняя (или бессловесная) речь, под которой понима-

ется размышление, рассуждение «про себя», без произносимых слов. Внутренняя речь осуществляется, например, в тех случаях, когда решается какая-либо сложная задача; отсутствие звуковой речи помогает лучше сосредоточиться и этим во многом способствует решению задачи. Внутренняя речь возможна во время сна, когда организм человека (в том числе и речевые органы) находится в состоянии покоя, она проявляется в сновидениях.

В подтверждение теории о возможности внеязыкового мышления иногда приводится факт использования различных систем научных и научно-технических знаков, которые в таком случае рассматриваются как внеязыковые знаковые системы [см.: Истрин, с. 15—16].

Говоря о специфике мышления глухонемых и внутренней речи любого человека, многие ученые стремятся все же увязать эти виды мышления с языковыми средствами выражения мысли. Широко распространено мнение, что и они опираются на язык, строятся на базе языковых средств. Например, обращается внимание на то, что «умственная деятельность глухонемых — результат научения со стороны людей, полностью владеющих речью» [Бунак, 1951, с. 260], что «язык глухонемых есть производное от языка неглухонемых, в среде которых они живут» [Звегинцев, 1962, с. 294]. Аналогичным образом оценивается и внутренняя речь: «Усеченный, редуцированный, предикативный и фактически несловесный характер внутренней речи отнюдь не означает, что мышление осуществляется во внеязыковых формах. Язык создает базу для мышления в формах внутренней речи другими своими сторонами, теми же самыми, которые мы встречаем в мышлении глухонемых: структурными отношениями и типами членения своих элементов, формами, схемами построения речи» [Там же, с. 297]¹.

Связь бессловесного мышления, или внутренней речи, с языком проявляется в том, что внутренняя речь нередко сопровождается «зачаточными движениями органов речи» [Головин, 1966, с. 16], что во время внутренней речи «индивид ощущает ту ослабленную «скрытую» артикуляцию, которую

¹ Подобные мысли высказываются и другими учеными [см.: Головин, 1966, с. 16; Соколов, с. 77; Баранникова, 1973, с. 12; Панов, 1979, с. 5; Шубняков, с. 55].

он сам не производит» [Соколов, с. 131], что в редуцированной внутренней речи содержатся «трудноуловимые намеки» на слова, «выражаемые в каких-то элементах артикулирования, которые становятся носителями общего смысла» [РЯЭ-Ф, с. 413]. Это особенно характерно для внутренней речи детей, которые «при решении трудных задач помогают себе движениями губ и языка» [Бунак, 1966, с. 511]. Конечно же, такое бывает и у взрослых. По свидетельству некоторых исследователей, движения речевых органов человека во время внутренней речи фиксируются специальными приборами [см.: Там же, с. 511; Шубняков, с. 56].

Ср. любопытное в этом отношении признание физиолога И. М. Сеченова: «Я по крайней мере знаю по себе, что моя мысль очень часто сопровождается при закрытом и неподвижном рте немым разговором, т. е. движениями мышц языка и полости рта. Во всех же случаях, когда я хочу фиксировать какую-нибудь мысль преимущественно перед другими, то непременно шептываю ее» [Сеченов, с. 142].

Не менее убедительным подтверждением связи внутренней речи человека со словесным языком является то, что «сосредоточенное безмолвное размышление в трудных его звеньях часто дополняется произнесением слов» [Бунак, 1966, с. 511]. Звуковые слова нередко произносятся во время сновидений (ср., например, эпизод из художественного телефильма «Большая перемена»: задремавший человек громко произносит фразу: *Полина, самолёт не взлетит!*).

Давая общую оценку рассматриваемой проблемы на современном уровне знаний, можно согласиться с таким мнением: «Очевидно, обязательность выражения мысли в форме естественного человеческого языка окончательно доказанной считать нельзя, как, впрочем, нельзя считать доказанным и обратное» [Аврорин, 1974, с. 358].

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

§ 12. Язык как социальное явление, как важнейшее средство человеческого общения выполняет в жизни людей ряд общественных функций.

Слово «функция» (лат. *functio* — ‘исполнение’) многозначно. В общем употреблении оно может обозначать такие понятия: ‘значение, назначение, роль’, ‘обязанность, круг обязанностей’, ‘работа, вид деятельности’, ‘определенное явление, зависящее от другого, основного явления и служащее формой его проявления, осуществления’. Это слово по-разному используется в качестве научного термина, т. е. имеет ряд специальных значений. По мнению некоторых лингвистов, в последнее время в науке о языке этот термин (наряду с термином «структура») стал наиболее двузначным и трафаретным [см.: Якобсон, с. 377].

Составным лингвистическим термином функция языка (или «языковая функция») обозначается назначение или «предназначенность, потенциальная направленность языковой системы для удовлетворения потребностей общения (коммуникации) и потребностей психической деятельности» [Киселева, с. 67]. Понятие «функция языка» может быть определено и как «практическое проявление сущности языка, реализация его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой, то, без чего язык не может существовать, как не существует материя без движения» [Аврорин, 1974, с. 354].

Когда говорят о языковых функциях в общетеоретическом плане, имеют в виду прежде всего функции языка вообще, как явления общечеловеческого, т. е. функции, свойственные разным языкам. С ними не следует смешивать специфические функции отдельных языков, связанные с особыми условиями их функционирования. Ср. такие функции русского языка, как, например: быть средством межнационального общения народов России (или народов союзных республик в бывшем СССР), выступать в качестве одного из международных языков и др.¹

Иногда в качестве языковых функций рассматриваются разновидности языка, обслуживающие специфические сферы деятельности людей, т. е. говорится о выполнении языком функций народного разговорного языка, устной формы

¹ В курсах «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» обычно рассматриваются те функции, которые проявляются в любом языке, осуществляются или могут осуществляться каждым языком.

литературного языка, языка науки и техники, языка культуры, искусства, языка общественно-политической жизни [см.: Костомаров, с. 241], или о функции языка, употребляемого в различных сферах общественно-политической жизни, о функции языка преподавания (например, в школах и вузах) и др. В подобных случаях правильнее было бы говорить не о функциях языка, а о сферах его применения.

Следует различать функции языка как средства человеческого общения, как целостной системы и функции элементов этой системы — разных языковых единиц, их видов: например, функции слова, предложения, звука речи, словесного ударения и т. п. [см.: Аврорин, 1974, с. 353]. В данном пособии речь пойдет только о собственно языковых функциях.

Основной функцией языка принято считать функцию *о б щ е н и я* [или коммуникативную (от лат. *communicatio* — ‘сообщение’)]. Под этой функцией понимается предназначение языка служить средством общения людей, обмена информацией и т. п. В процессе общения с помощью языка люди передают друг другу различные сообщения, свои мысли, чувства, желания, настроения, душевные переживания и т. д.

Наличие у языка коммуникативной функции обусловлено самой природой языка, которая находит свое выражение в общепринятом понимании языка как важнейшего средства человеческого общения. Данная языковая функция является «изначальной, первичной, ради которой и появился человеческий язык» [Там же, с. 855].

Язык существует постольку, поскольку он реализует свое назначение — служить средством общения людей. Если в силу тех или иных условий язык перестает выполнять это свое назначение, он прекращает свое функционирование или (при наличии письменности) сохраняется в виде мертвого языка.

Для того чтобы обмениваться информацией, мыслями об окружающей нас действительности, о конкретных предметах и явлениях, необходимо конструировать соответствующие мысли. Они не существуют в готовом виде, а появляются лишь в результате мыслительной деятельности человека, которая осуществляется (преимущественно или только) с помощью языка. Напомним, что единицы мышления (понятия, суждения) выражаются языковыми средствами (словами, словосочетаниями, предложениями). На этом основании

выделяется функция **формирования мысли** [или конструктивная (от лат. *cōstrūctio* — ‘составление, строение’)]. Эта функция языка (она называется иногда мыслительной или функцией орудия мышления) в отличие от коммуникативной, по мнению некоторых лингвистов, принадлежит не языку, а мышлению [см.: Глозман, с. 39].

Обычно мысль формируется, конструируется человеком с целью передачи ее другим. А это возможно лишь при условии, что мысль имеет материальное выражение, звуковую оболочку, т. е. выражена языковыми средствами. Для того чтобы мысль могла быть передана другому, «нужно выразить эту мысль в доступной восприятию форме, нужно, чтобы мысль получила материальное воплощение. Важнейшим средством для этого... и является человеческий язык» [Аврорин, 1974, с. 356]. Именно язык, будучи тесно связанным с отвлеченным мышлением, обеспечивает возможность «передавать любую информацию, в том числе общие суждения, обобщения о предметах, не присутствующих в ситуации речи, о прошлом и будущем, о фантастических или просто не соответствующих действительности ситуациях» [РЯЭ-Ф, с. 413]. Таким образом, следует признать, что, наряду с рассмотренными выше функциями, язык выполняет также функцию **выражения мысли** (проще — выразительную функцию), которая называется **экспрессивной** (от лат. *expressio* — ‘выразительность’) или **эксपлицативной** (от лат. *explicatio* — ‘объяснение, истолкование’).

Для выражения мыслей, обмена суждениями о предметах и явлениях окружающей действительности в процессе общения необходимо, чтобы соответствующие предметы и явления имели свои названия. Эти названия создаются на протяжении всей истории развития языка с помощью определенных языковых средств — таких единиц языка, как слова и словосочетания.

На этом основании некоторые языковеды выделяют **назывную** [или номинативную (от лат. *nōminatio* — ‘называние, именование’)] функцию языка, для обозначения которой иногда используются такие термины, как «функция называния явлений действительности» [Баранникова, 1982, с. 58] или «функция отображающего обозначения» [Головин, 1966, с. 13]. Думается, однако, что нет достаточных оснований рассматривать подобную функцию как собственно языковую, поскольку наименование предметов и явлений связано с языком не как с

целостной системой, а как с отдельными элементами этой системы. Очевидно, в данном случае правомернее говорить не о языковой функции, а о функции слова, словосочетания.

Выражая свои мысли, суждения об окружающем мире, о предметах и явлениях действительности, говорящий может одновременно выражать свое отношение к содержанию речи, к сообщаемым фактам, событиям и т. п., свои чувства, эмоции, переживания в связи с сообщаемой информацией. Это наиболее ярко проявляется в художественной, поэтической речи и постигается путем специального отбора, целенаправленного использования разных средств общенародного языка, «художественной организации языкового материала» [Загоровская, 1982а, с. 6]. В этих целях используются такие языковые средства, как, например: вводные слова и словосочетания, модальные частицы, междометия, знаменательные слова с эмоциональной, экспрессивной стилистической окраской, переносные значения слов, словообразовательные аффиксы с оценочным значением, порядок слов в предложении, интонация (интонация радости, восхищения, гнева и т. п.). В связи с этим выделяется особая функция языка — функция выражения эмоций, чувств, переживаний и настроений, или «функция выражения чувств и воли говорящего» [Баранникова, 1982, с. 58—59], которую в лингвистической литературе обычно называют художественной, поэтической, эстетической, эмоциональной (или эмотивной).

Эта функция языка может быть определена как «способность языка выступать формой искусства, становиться воплощением художественного замысла», «служить средством воплощения художественного замысла, средством создания художественного произведения» [Загоровская, 1978, с. 13, 18]. Суть ее состоит в том, что язык как форма словесного искусства становится «средством образного отражения действительности, преломленной в сознании художника» [Загоровская, 1982, с. 12].

Язык является не только средством отражения действительности, предметов и явлений окружающего мира, средством выражения человеческих мыслей, чувств, эмоций и т. п., но также основным средством и важнейшим источником познания мира, происходящих в нем процессов. Иными

словами, язык выполняет функцию познавательную [иначе — гностическую, гносеологическую (от греч. *gnōsis* — ‘знание, познание’ и *logos* — ‘слово, учение’), когнитивную (от лат. *cōgnōscere* — ‘понимать, сознать’)].

Простейшим способом познания внешнего мира является чувственное восприятие, однако органами чувств воспринимаются и познаются далеко не все предметы, их признаки, свойства и т. п. В частности, чувственному восприятию совершенно недоступны отвлеченные понятия, такие, как пространство, движение, скорость и др. Да и о конкретных предметах с помощью органов чувств можно получить лишь весьма поверхностное представление. Глубокое и всестороннее познание окружающего мира возможно лишь с помощью языка.

Участие языка в познании действительности проявляется, как известно, в процессе мышления, при формировании понятий и суждений, которые выражаются словами и предложениями. Без участия языковых средств немислима научная, исследовательская деятельность людей, в результате которой наши познания постоянно обогащаются новыми сведениями об окружающем мире, об изучаемых явлениях.

В процессе познания исключительно важную роль играет общение людей с целью обмена информацией, опытом. Такой обмен возможен не только при непосредственном общении в устной форме, но и при чтении книг, газет и журналов, во время слушания радиопередач, просмотра телепередач, кинофильмов, спектаклей и т. п. Особенно интенсивно процесс познания осуществляется на учебных занятиях. Все это возможно только при участии языка.

Язык — это не только средство, но и источник знаний об окружающем мире, он «сам по себе несет информацию, заложенную в его знаках» [Глозман, с. 40]. Ту или иную информацию содержат все значимые единицы языка — морфемы, слова, словосочетания, предложения. «Содержательная сторона значащих единиц языка, т. е. значения слов и компонентов слов, значения словосочетаний, семантика предложенических структур, является обработанной человеческой мыслью (в каждом языке в чем-то по-разному), картиной мира, сложившейся в результате длительной аналитической, познавательной деятельности множества предшествующих поколений» [Почепцов, с. 61].

Источником знаний являются не только конкретные единицы языка, но и определенные языковые категории, в частности грамматические. Так, имя существительное как часть речи обозначает предмет (в широком смысле), или предметность, имя прилагательное — признак предмета, имя числительное — число, количество предметов, глагол — действие, процесс. То же самое можно сказать о лексико-грамматических разрядах частей речи, о категориях числа, рода, одушевленности-неодушевленности, времени, наклонения, степеней сравнения и др.

Следует заметить, что познавательная функция языка (как и функция конструктивная) признается не всеми учеными. Некоторые языковеды считают, что «эта функция свойственна человеческому мышлению, а язык является лишь орудием, которое используется в процессе ее осуществления» [Панфилов В., с. 102], что он выполняет не познавательную функцию, а лишь функцию средства познания [см.: Глозман, с. 42]. Думается, однако, что это различие не принципиальное. Ведь язык является не только познавательным средством, но и средством общения. Язык выполняет коммуникативную функцию именно благодаря тому, что он является средством общения людей. В равной мере можно утверждать, что язык как средство познания выполняет познавательную функцию.

Специфика языка, по сравнению с другими общественными явлениями, состоит в том, что он, будучи средством, орудием и источником познания окружающей действительности, является в то же время и объектом изучения. В этом отношении язык отличается от всех других изучаемых и познаваемых явлений. «Ни одно другое явление в мире не обладает подобным свойством, и именно оно придает языку уникальный характер... язык может одновременно выступать в качестве и объекта, и инструмента исследования» [Слюсарева, с. 140].

На основании того, что язык служит средством, инструментом изучения самого себя, иногда выделяется особая функция языка — *инструментальная* [или *металингвистическая*, *метаязыковая* (от *meta*язык — ‘язык как средство изучения и описания языковой системы, разных языковых явлений’; ср. греч. *meta* — ‘через, после, за’)]. Эта функция определяется как «способность языка в полном объеме и непротиворечиво описывать самого себя» [Там же].

Необходимость выделения данной функции языка (наряду с коммуникативной, познавательной и др.) также признается не всеми лингвистами. Некоторые ученые считают, что способность языка служить средством описания самого себя — это лишь «особая реализация коммуникативной функции». Они объясняют это тем, что данная способность «является следствием неограниченности коммуникативной функции языка, т. е. его способности сообщать о любых (произвольных) сюжетах» [Пазухин, 1979, с. 50]. Такое мнение представляется вполне убедительным.

С познавательной функцией языка тесно связана аккумулятивная функция (ср. лат. *accumulatio* — ‘накопление’), т. е. функция накопления, закрепления и передачи общественного опыта, или «средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания» [Леонтьев, 1963, с. 123]. Суть этой функции состоит в том, что «язык в известном смысле аккумулирует в себе общественный опыт человечества и приобретаемые в процессе жизни знания», которые «откладываются прежде всего в знаменательной лексике, но в известной мере также и в грамматике, отражающей в большей или меньшей мере опосредованно связи и отношения действительности» [Аврурин, 1974, с. 358]. С помощью языка приобретенные знания и опыт распространяются между людьми, передаются от поколения к поколению, становятся достоянием разных народов, что и обеспечивает накопление и постоянное обогащение опыта и знаний, развитие науки, техники и т. д. «Если бы язык не делал возможным такую передачу знаний, то каждое поколение должно было бы начинать в развитии знаний с “пустого места”, и тогда не было бы прогресса ни науки, ни техники, ни культуры» [Ардентов, с. 4].

В последние десятилетия в специальной литературе много говорится о так называемой фатической (или контактной, контактоустанавливающей) функции языка [см.: Докторович, 1979; Наер, 1979]. Эта функция языка связана «с установлением и поддержанием контакта, т. е. с таким использованием и таких языковых средств, которые обеспечивают возможность ведения и беспрепятственной и устойчивой передачи информации» [Наер, с. 83].

Иногда ее и называют «функцией установления и поддержания контакта» [Баранникова, 1982, с. 59]. Эта функция проявляется «в ситуациях, в которых говорящий не стремится сразу же передать слушающему определенную информацию, а хочет лишь придать естественность совместному пребыванию где-либо, подготовить слушающего к восприятию информации, обратиться на себя его внимание и т. п.» [СЛТ-А, с. 508].

Фатическая функция языка реализуется с помощью таких единиц, как высказывание — предложение, словосочетание или отдельное слово. Обычно это разные формы приветствия, вопросы о состоянии здоровья, распространенные ответы на них, замечания о погоде, разного рода реплики и т. п. Подобные высказывания (например: *Привет!*; *Извините!*; *Прошу прощения!*; *Скажите, пожалуйста!*; *Ладно!*; *Ну и погода!*; *Алло, вы меня слышите?*; «*Как дела?*» — «*Спасибо, хорошо!*») особенно распространены в устной речи.

Некоторые лингвисты в рамках фатической функции языка собственно фатическую и контактоустанавливающую функции рассматривают как особые разновидности. Различие между ними усматривается прежде всего в том, что языковые средства собственно фатической функции лишены языкового значения (десемантизированы), в то время как контактоустанавливающие средства сохраняют определенное значение [см.: Докторович, 1979, с. 50].

Можно высказать сомнение по поводу целесообразности выделения фатической функции языка (наряду с коммуникативной и другими функциями). Эта функция выполняется не языковой системой в целом, а лишь определенными элементами этой системы, что дает основание рассматривать ее как функцию не языка, а лишь соответствующих языковых единиц.

Наряду с названными функциями языка некоторые лингвисты выделяют еще ряд функций, например, регулятивную, т. е. функцию, «регулирующую отношения между людьми в процессе общения» [Баранникова, 1982, с. 58], и другие, которые, на наш взгляд, не представляют особого интереса.

В лингвистических работах указывается разное количество функций языка. Здесь рассмотрены лишь те из них, на которые чаще всего обращается внимание. Да и эти функции признаются далеко не всеми учеными. Некоторые лингвисты говорят только об одной функции языка — либо комму-

никативной (например, Л. Блумфилд, Н. И. Жинкин), либо экспрессивной (Г. В. Колшанский), либо эмоциональной (Л. Фосслер). Обычно же выделяется несколько функций — две, три и более.

Главное, пожалуй, не в установлении количества функций языка, а в том, как определяются связи и взаимоотношения между ними. Многие языковеды различают основные и вспомогательные языковые функции. Например, Л. И. Баранникова говорит о двух основных функциях языка (речи) — коммуникативной и познавательной, в рамках которых выделяются (или на базе которых развиваются) такие функции, как номинативная, эмотивная, фатическая, эстетическая, регулятивная и др.

Обычно основной признается коммуникативная функция языка, а все остальные рассматриваются как подчиненные ей. Отсюда иногда делается вывод о том, что все функции языка являются коммуникативными [см.: Лойфман, с. 10]. Наряду с коммуникативной в качестве основных иногда указываются и такие функции языка, как экспрессивная (В. З. Панфилов), конструктивная (Н. А. Слюсарева) или аккумулятивная (А. А. Леонтьев).

Принимая во внимание общепринятое понимание языка как важнейшего средства человеческого общения, основной его функцией следует считать функцию общения (коммуникативную).

ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА

Понятие знака

§ 13. Язык как важнейшее средство общения людей выполняет свои общественные функции (и прежде всего функцию общения) с помощью различных знаков. Поэтому для более полного представления о том, что такое язык, важно выяснить, в чем заключается знаковость языка, его знаковая сущность. С этой целью необходимо ответить на некоторые вопросы, а именно:

- 1) что такое знак, каковы его характерные признаки?
- 2) в чем специфика языкового знака по сравнению с другими (неязыковыми) знаками?

3) что представляет собой единица языка? какие бывают языковые единицы и каково их отношение к знакам?

4) как связаны между собой разные единицы языка? каковы взаимоотношения между ними?

§ 14. Рассмотрение вопроса о знаковой сущности языка целесообразно начать с объяснения понятия знака вообще. Обычно под знаком понимается «какой-либо предмет или действие в роли условного обозначения чего-либо» [ССРЛЯ, т. 4, с. 1275]. В современной науке знаками называются всевозможные заменители, заместители или представители (репрезентанты) предметов и явлений реального мира, которые вызывают в нашем сознании образ соответствующих предметов или явлений действительности. Представление или понятие о них и используется людьми в процессе обмена информацией [см.: Маслов, 1975, с. 24]. При таком понимании знака обращается внимание на материальность знака, на то, что знаки воспринимаются органами чувств.

Ср.: знак — это «материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода» [ФЭ, с. 177];

это «материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации и знаний)» [ФЭС, с. 198];

это «чувственно воспринимаемое явление, передающее информацию о другом явлении, материальном или идеальном, в силу условий связи между ними» [Чесноков, с. 63].

Знаками являются многочисленные начертания разных систем общего письма, буквы разных алфавитов, знаки препинания, диакритические (надстрочные и подстрочные) знаки, математические знаки, цифры. К знакам относятся также единицы разных специальных азбук: азбуки Морзе, шрифта Брайля (точечного письма для незрячих), элементы так называемой ручной азбуки (азбуки для глухонемых),

нотной записи и др. В качестве знаков широко используются различные конкретные предметы или их изображения, такие, например, как: семафор, регулирующий движение поездов; всевозможные дорожные указатели, информирующие водителей об особенностях предстоящего отрезка пути либо предписывающие или запрещающие какие-либо действия; поднятая рука человека на дороге, желающего остановить автомашину; флаг над зданием государственного учреждения; зарубка на дереве, показывающая направление движения; изображение перечеркнутой дымящейся сигареты; билет на право проезда в том или ином виде транспорта и др.

Знаками могут служить различные признаки или свойства конкретных предметов (например: цвет светофора, регулирующий движение транспортных средств и пешеходов; цвет ракеты, сигнализирующий о начале какого-либо действия; запах газа, предупреждающий о его утечке; красный цвет пожарной машины), а также всевозможные звуковые сигналы (например: гудок паровоза, автомашины, звонок будильника, звук пожарной сирены и т. д.).

В качестве примеров знаков иногда приводятся определенные действия: движение рук регулировщика уличного движения, установленные движения флажками или руками как средство связи между судами и др. В связи с этим можно заметить, что движения как таковые не являются материальными, чувственно не воспринимаются. Очевидно, в подобных случаях знаками следует считать не действия с предметами, а сами эти предметы в их движении в определенном направлении.

§ 15. Знаки характеризуются конкретными признаками, которыми они отличаются от соответствующих предметов или явлений, не являющихся знаками. В качестве обязательных для знака обычно называются следующие признаки:

1) наличие материальной, чувственно воспринимаемой «формы», называемой означающим [или экспонентом знака (от лат. *exponens* — ‘выставляющий напоказ’)];

2) наличие соотносительного с означающим (экспонентом) значения, которое называется означаемым (или содержанием знака);

3) условность связи между означающим и означаемым (экспонентом и содержанием знака), отсутствие полного их сходства¹.

1. Для того чтобы знак мог выполнять свое основное назначение — служить средством передачи информации, он должен быть материальным, способным восприниматься чувственно.

Ср.: «Для того чтобы служить целям общения, знак должен быть чувственно воспринимаем. Поэтому материальность является обязательным свойством знака», «знак обязательно есть материальный предмет (в широком смысле)» [Солнцев, 1977, с. 15, 26];

«знаком является материальный чувственно воспринимаемый предмет» [Чесноков, с. 68].

В подавляющем большинстве случаев знаки воспринимаются зрительно, органами зрения (например, дорожные знаки, морские сигналы, буквы, цифры и др.) или на слух, органами слуха (например, пожарная сирена, клаксон автомобиля, звонок телефона и др.). Некоторые знаки воспринимаются другими органами чувств: обонянием (например, запах бытового газа), осязанием (например, буквы специальной азбуки, предназначенной для слепых).

Теоретически с тем, что материальность знака — это один из основных и обязательных его признаков, согласны все ученые. В то же время некоторые языковеды (разумеется, на словах признающие материальность в качестве основного свойства знака) утверждают нечто противоположное:

«отсутствие знака может иметь в системе функцию знака» [Панов, 1967, с. 17];

«значимое отсутствие означающего есть тоже знак. Или по-другому: отсутствие знака, противопоставленное наличию знака, есть тоже знак» [Панов, 1979, с. 9].

Данное явление иллюстрируется такими примерами: отсутствие билета у пассажира означает, что за проезд не уплачено; отсутствие офицерской формы, т. е. наличие любой другой одежды на человеке (в противоположность человеку в офицерской форме), свидетельствует о том, что на данное лицо в на-

¹ См., например: Панфилов В., с. 45; Солнцев, 1977, с. 15; Баранникова, 1973, с. 16; Маслов, 1975, с. 25; Панов, 1979, с. 7.

стоящее время не распространяются права и обязанности офицерского состава [см.: Панов, 1967, с. 17]; невключение «поворотников» автомобиля как знака его поворота налево/направо обозначает «еду прямо» [см.: Маслов, 1975, с. 26]. В подобных случаях говорят о нулевом знаке (М. В. Панов) или о нулевом экспоненте знака (Ю. С. Маслов).

С такими суждениями вряд ли можно согласиться. В приведенных примерах материальным является не отсутствие определенного знака или его означающего, а потенциальный обладатель соответствующего атрибута (так называемого экспонента знака) или же совершенно иной предмет как знак, сообщающий противоположную информацию. Чувственно (зрительно) воспринимается не отсутствие у пассажира билета, а сам пассажир, у которого отсутствует билет, не отсутствие на человеке офицерской формы, а какая-либо другая (не офицерская) одежда или человек в этой одежде, не невключение «поворотников», а «поворотник» без электрического освещения или же автомобиль с невключенными «поворотниками». Они-то и являются подлинными носителями соответствующей информации.

Так называемый нулевой знак (или нулевой экспонент знака), т. е. отсутствие знака или его означающего, не может считаться знаком, потому что у него отсутствует один из обязательных признаков знака — он не является материальным, воспринимается не органами чувств, а в результате некоторой мыслительной деятельности человека, путем сопоставления (скажем, безбилетного пассажира с пассажиром, имеющим билет, лица в гражданской одежде с лицом в офицерской форме и т. д.).

Из всего сказанного следует, что в рассматриваемых случаях логичнее говорить не о нулевом знаке (или нулевом экспоненте знака), а об отсутствии знака. Аналогичные мысли высказывают многие лингвисты, говоря о так называемых нулевых языковых знаках [см.: Пастушенков, 1977, с. 23; Чесноков, с. 84].

2. Тот или иной материальный предмет (в широком смысле), воспринимаемый органами чувств человека, является знаком лишь при условии, если он выражает определенное значение. Материальный предмет «не является знаком “от природы”». Он становится знаком только тогда, когда ему придается значение. Иметь значение — обязательное свойство знака» [Солнцев, 1977, с. 26]. При этом значение знака,

т. е. его содержание, или означаемое, учеными понимается по-разному. Одни исследователи признают означаемым «идеальное содержание, воспроизводимое знаком, — гносеологический образ отражаемого объективного явления», другие — само это явление [Чесноков, с. 86].

Так, Ю. С. Маслов под содержанием знака понимает вызываемый знаком в сознании людей образ соответствующих предметов и явлений действительности, представление или понятие о них. По его мнению, «содержание знака есть о т р а ж е н и е в сознании людей, использующих этот знак, предметов, явлений, ситуаций действительности, причем отражение о б о б щ е н н о е и с х е м а т и ч н о е» [Маслов, 1975, с. 27]. По определению В. М. Солнцева, значением (или содержанием) знака является то, на что данный знак указывает [см.: Солнцев, 1977, с. 26]. Очевидно, под содержанием знака можно понимать и сам предмет, на который указывает знак, и понятие или представление о данном предмете [см.: Чесноков, с. 86].

Говоря о значении, или содержании, знака как обязательном его свойстве, некоторые ученые подчеркивают мысль о том, что «само значение в знак не входит и является тем, на что знак указывает», и приводят весьма убедительное объяснение данного утверждения: «По определению знака то, на что указывает знак (в данном случае — значение), должно находиться вне знака. Именно так и обстоит дело в действительности: значение как факт сознания, как функция мозга, может “находиться” только в головах людей. Знак же как материальный предмет всегда находится вне человека. (Образ знака, имеющийся в сознании, считать знаком... никак нельзя.) Если же включить понимаемое таким образом значение в знак, то следует признать, что знак указывает на самого себя или что одна часть знака указывает на другую, а это абсурдно» [Солнцев, 1977, с. 20, 19].

Подобной точки зрения на содержание знака придерживаются и другие исследователи. По словам П. В. Чеснокова, «идеальное содержание не входит в знак», хотя и неотделимо от него, а предмет, являющийся знаком, лишь «указывает, отсылает к другому предмету, выступая в качестве его представителя, т. е. о б о з н а ч а е т другой предмет» [Чесноков, с. 66, 68].

Надо, однако, заметить, что не все ученые разделяют такой взгляд на содержание знака [см.: Звегинцев, 1962, с. 20; Панов, 1979, с. 8].

3. Существенной особенностью знака, отличающей его от соответствующего предмета, не являющегося знаком, считается также условность связи между экспонентом и содержанием знака, т. е. «отсутствие естественной или причинной связи между знаком и тем, что он замещает» [Солнцев, 1977, с. 15]. Эта связь основана на обязательной договоренности. Поэтому знак иногда определяется как «условная (принятая в данном коллективе) связь между обозначаемым и обозначающим», как сочетание обозначаемого и обозначающего, связь между которыми является условной [см.: Павнов, 1979, с. 8; 1967, с. 16].

Из сказанного следует, что знак всегда отличается от того материального предмета (в широком смысле), который используется в качестве экспонента соответствующего знака. Таким образом, все знаки «обозначают нечто отличное от самого знака» [Маслов, 1975, с. 25]. Еще Г. Гегель определил знак как «непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое созерцание, чем то, которое оно имеет само по себе» [Гегель, с. 294]. Поясним это на примерах.

Буква «А» вызывает в нашем сознании представление о гласном звуке, произносимом в словах *глава, парта, карандаш*. Однако буква и звук — совершенно разные вещи¹. Букву мы пишем и воспринимаем зрительно, а звук — произносим и воспринимаем на слух. Буква вызывает представление об определенном звуке речи, следовательно, есть все основания считать букву знаком.

Дорожный знак «зигзаг», в отличие от буквы, внешне напоминает то, что он обозначает, т. е. участок дороги определенной формы, но это только условное изображение участка дороги, которое отличается от изображаемого предмета и по размерам, и, как правило, по форме. Это также отвечает требованиям, предъявляемым к знаку.

Цветочный горшок, стоящий на своем обычном месте, является просто декоративным предметом, но тот же горшок, специально поставленный на условленное место с целью предупреждения заинтересованного лица (как, например, в знаменитом телефильме «Семнадцать мгновений весны»),

¹ Можно заметить, что эти два понятия очень часто не различаются. Ср., например: *Он [Дюнька] так и не научился ещё выговаривать звук «ка»* (Мал.).

служит определенным сигналом и, таким образом, является знаком.

§ 16. Будучи средством общения, передачи информации, весьма разнообразные по своему характеру знаки различаются, прежде всего, в зависимости от их роли в жизни людей, от характера выполняемых ими функций. По этому признаку все знаки можно разделить на языковые и неязыковые. Языковыми являются знаки естественных языков [см. § 17—18]. Неязыковыми можно признать все остальные знаки (т. е. не относящиеся к языковым).

Среди неязыковых наиболее четко, пожалуй, различаются знаки естественные и искусственные. Естественными считаются знаки, возникающие естественным путем, стихийно, помимо воли человека и сигнализирующие о каких-либо естественных явлениях. Например, туча сигнализирует о возможности дождя, цветки на плодовых деревьях в период цветения — о предстоящем урожае и т. д. [см.: Гречко, 1995, с. 48].

Знаки называются искусственными, если они созданы по воле человека, сознательно используются людьми в коммуникативных целях и имеют условный характер. К ним относятся: начертательные знаки разных систем письма, знаки письменных систем специального назначения (например, письма для слепых), математические символы, нотные знаки, различные предметы или их признаки, изображения предметов, являющиеся носителями какой-либо информации, и т. д.

Искусственные неязыковые знаки существенно различаются между собой по характеру связей, взаимоотношений между экспонентом и содержанием, по наличию/отсутствию какого-либо сходства между означающим и означаемым. Связи, отношения между экспонентом и содержанием знака носят условный характер, причем эта условность может проявляться в разной степени. В одних случаях между экспонентом и содержанием знака нет ничего общего, т. е. связь между ними чисто условная. В других случаях обнаруживаются некоторые черты сходства между ними, экспонент знака в той или иной мере мотивируется его содержанием.

На этом основании искусственные знаки можно разделить на собственно знаки (или условные знаки — в случае отсутст-

вия какой бы то ни было связи между экспонентом и содержанием знака) и символы (или знаки-символы — в случае мотивированности экспонента знака его содержанием). «Знак отличен от символа: последний есть некоторое созерцание, собственная определенность которого по своей сущности и понятию является более или менее тем самым содержанием, которое оно как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, знаком чего оно является, не имеют между собой ничего общего» [Гегель, с. 294—295]. Собственно знаками (условными знаками) являются, например, цвет светофора (зеленый, желтый или красный), цвет сигнальной ракеты, красный цвет пожарной машины, буквы, знаки препинания и др. Символами (знаками-символами) можно назвать дорожный знак «зигзаг», рисунок черепа и скрещенных костей на трансформаторной будке, нарисованную сумку у входа в камеру хранения на вокзале, гербы, эмблемы и т. п. Не все ученые признают символы знаками, иногда их называют «незнаками, имеющими знаковое использование» [Солнцев, 1977, с. 25].

По внешнему виду и характеру выражаемого значения искусственные неязыковые знаки можно разделить на простые (или целостные, нечленимые) и сложные (или составные). Простой знак выражает целостное содержание, не поддающееся разложению на отдельные компоненты, и обычно представляется единым, целостным его экспонентом (например, флаг над зданием, цвет ракеты, запах газа, буква, цифра). Сложный знак выражает содержание, состоящее из отдельных компонентов, соотносящихся с определенными частями экспонента знака (например, изображение перечеркнутой дымящейся сигареты, где сигарета обозначает процесс курения, а пересекающая ее косая черта — запрет соответствующего действия).

Различаются искусственные неязыковые знаки и по количеству выражаемых ими значений (или означаемых). По этому признаку знаки подразделяются на однозначные [или моносемичные (от греч. *monos* — ‘один’ и *sēma* — ‘знак’)], которые преобладают, и многозначные [или полисемичные (от греч. *poly* — ‘много, многое’ и *sēma* — ‘знак’)]. К многозначным знакам, например, относится: большинство букв алфавитов старославянского, церковнославянского и древнерусского язы-

ков, которыми обозначались соответствующие звуки, определенные числа и порядковые номера (например, номера страниц в книгах); используемые разными народами цифровые знаки, с помощью которых передаются числа и порядковые номера; разные математические знаки (скажем, в математике знак «плюс» может иметь два значения: ‘прибавить’ и ‘положительное число’); многие знаки препинания и др.

В зависимости от степени распространенности искусственные неязыковые знаки (прежде всего условные, или собственно знаки) можно разделить на узуальные и окказиональные. Узуальными (ср. *úzus* — ‘обычай, правило; то, что принято, стало обычным’; от лат. *úsus* — ‘употребление, обычай’) являются знаки общепринятые, понятные всем (или многим) членам данного коллектива (например, буквы, цифры, цвета светофора). Окказиональными (от лат. *occasionalis* — ‘случайный’) называются знаки индивидуальные, принятые отдельными членами коллектива, обычно для данного конкретного случая (например, цвет сигнальной ракеты, цветочный горшок на подоконнике как знак какой-либо договоренности).

Названные и многие другие различительные признаки знаков как носителей определенной информации свидетельствуют о том, что все знаки так или иначе связаны друг с другом разными отношениями, объединяются какими-то общими признаками. Иными словами, знаки разных типов составляют упорядоченные их совокупности, или системы. Знаковые системы являются объектом специального научного исследования. Наука, изучающая знаки и знаковые системы, называется семиотикой [или семиологией (ср. греч. *sēma* — ‘знак’)].

Понятие языкового знака

§ 17. Определение языка как системы знаков особого рода предполагает известное сходство знаков языка и неязыковых знаков, с одной стороны, и своеобразие, специфику языковых знаков по сравнению с неязыковыми — с другой. Следовательно, при объяснении понятия языкового знака необходимо учитывать как сходство, так и различия между теми и другими.

Сходство между языковыми и неязыковыми знаками проявляется в том, что знаки языка характеризуются в основном теми же признаками, что и другие знаки. Языковые знаки имеют экспонент (означающее), который выражает определенное содержание знака, т. е. соотносится с известным означаемым, причем связь между экспонентом знака и его содержанием носит условный характер.

Все без исключения слова любого языка, равно как и другие языковые знаки, представляют собой предметы (в широком смысле), чувственно воспринимаемые материальные сущности, которые «сделаны» из звуковой материи [см.: Солнцев, 1977, с. 15]. В процессе общения, в потоке речи слова выступают в виде звуковых последовательностей или отдельных звуков, воспринимаемых органами слуха. Эти звуковые оболочки слов и являются экспонентами (означающими) словесных знаков. Экспоненты словесных знаков, как и других знаков языка, служат отправной точкой в процессе общения. «Проблема понимания в процессе общения возникает именно потому, что слушающий воспринимает не мысль своего собеседника как таковую, а лишь материальную, знаковую сторону языковых единиц, которая вызывает у него мысль, приближающуюся по своему содержанию к мысли говорящего в той степени, в какой у обоих собеседников оказываются общими те языковые значения, которые закреплены у каждого из них за материальной стороной языковых единиц, посредством которых выражается соответствующая мысль» [Панфилов В., с. 97].

Каждое слово как языковой знак заключает в себе ту или иную информацию, выражает определенное значение (или ряд значений). Так, у существительного *лес* может быть выделено два основных значения — ‘площадь земли, обильно заросшая деревьями’ и ‘срубленные деревья как строительный, поделочный и т. п. материал’; у существительного *книга* — три значения, у глагола *пить* — четыре, у прилагательного *зелёный* — пять, у глагола *лететь* — шесть, у существительного *стол* — семь и т. д. Значение слова — это содержание словесного знака, его означаемое. Слово является знаком именно потому, что оно выражает определенное содержание. «Звучание [стол], если и пока оно осуществляется без соединения его со значением, если, например, его производит граммофон и его никто не слышит, еще не представляет собой факта языка [т. е. языкового знака. — В. Н.]. Только вместе со значением ‘стол’ оно делается словом

русского языка, со значением ‘стул’ — болгарского» [Смирницкий, 1954а, с. 24].

Содержание слова, как и любого знака, обязательно отличается от самого слова как экспонента соответствующего знака. Так, слово *книга* и обозначаемый им предмет — совершенно разные вещи: слово нельзя подержать в руках, полистать, как книгу, оно не сообщает никаких сведений о содержании, объеме книги, об описываемых в ней фактах, событиях и т. п.; слово *зелёный* не имеет ни зеленого, ни какого-либо другого цвета; слово *пить* не может утолить жажду и т. д. Произносимые и воспринимаемые на слух слова лишь вызывают представления о соответствующих предметах, признаках, действиях, состояниях, отношениях и т. д. Данная особенность языковых знаков играет важную роль не только в процессе общения людей, обмена информацией между ними, но и в процессе мышления.

«Отсутствие подобия между материальной стороной языковой единицы и ее идеальной стороной (десигнатом), а следовательно, и теми явлениями объективной действительности (денотатом), с которыми они соотносятся, является необходимым условием осуществления процессов абстракции и обобщения, образования обобщенного по своему характеру десигната. <...> Возможность абстрагирования и обобщения создается только благодаря тому, что материальная сторона языковых единиц... репрезентирует предметы того или иного рода, с которыми она не имеет какого-либо существенного подобия или сходства» [Панфилов В., с. 45, 47].

Говоря о специфике языковых знаков, можно отметить ряд особенностей, отличающих знаки языка от неязыковых знаков. Наиболее заметны внешние, формальные различия между знаками языка и неязыковыми знаками, т. е. различия в характере экспонента знака, в его строении (структуре). По мнению некоторых лингвистов, неязыковые знаки характеризуются непродуктивностью — в том смысле, что они не используются для образования новых знаков, в то время как языковые знаки в большинстве своем участвуют в создании других, более сложных знаков, необходимых для выражения более сложного содержания. Иными словами, в подавляющем большинстве языковые знаки являются сложными (составными), представляют собой различные

комбинации более простых знаков. Возможность образования сложных знаков путем сочетания более простых знаков обеспечивает исключительное обилие и разнообразие языковых знаков.

Неязыковые знаки также могут быть сложными, однако они используются исключительно редко. В искусственных системах знаки «либо вовсе не комбинируются между собой в составе одного “сообщения” (например, не сочетаются красный и зеленый сигналы светофора), либо же комбинируются в строго ограниченных рамках, и эти комбинации обычно точно фиксируются в виде стандартных сложных знаков (ср. дорожные знаки, обозначающие запрет проезда тем или иным транспортным средствам, запрет поворота направо/налево и т. д.)» [Маслов, 1975, с. 32]. В языке, наоборот, возможности создания сложных знаков путем комбинирования более простых знаков, можно сказать, безграничны.

Простейшей, кратчайшей знаковой единицей языка считается морфема (значимая часть слова). Морфемы прямо или косвенно участвуют в образовании более сложных языковых знаков всех видов — слов, словосочетаний, предложений. В русском языке, например, большинство слов представляет собой сочетание двух или более морфем. Слова, в свою очередь, являются составными частями словосочетаний и предложений. Предложения могут включать в свой состав не только слова, но и словосочетания. Иначе говоря, сложными (составными) знаками русского языка, как и многих других языков, являются большинство слов, все словосочетания и предложения (за редкими исключениями типа *Да; Нет; Стоп!*).

Знаки языка принципиально отличаются от многих неязыковых знаков по характеру взаимоотношений между экспонентом и содержанием знака. Если экспоненты неязыковых знаков в той или иной мере мотивируются их содержанием, то языковые знаки принято считать лишенными какой бы то ни было мотивированности. Утверждается, что связь между экспонентом и содержанием у языковых знаков в высшей степени условна: «Знаки языка — звуко сочетания (иногда отдельные звуки) представляют собой именно высшую, развитую форму знаков, поскольку их связь с обозначаемыми (значениями) ничем не предопределена» [Солнцев, 1977, с. 26]. Наглядным подтверждением данного по-

ложения может служить, в частности, тот факт, что одни и те же предметы, признаки, действия и т. д. в разных языках, как правило, обозначаются по-разному, соотносятся с разными звуковыми комплексами. Более того, нередко в разных языках один и тот же (или схожий) звуковой комплекс обозначает совершенно разные явления; ср.: рус. *рот* и нем. *rot* ('красный'), рус. *тот* и нем. *tot* ('мертвый, умерший'), нем. *du* ('ты') и лит. *du* ('два'), рус. *грубость* и польск. *grubość* ('толщина'), рус. *запоминать* и польск. *zapominać* ('забывать').

Благодаря отсутствию мотивированности устанавливается тесная связь между экспонентом и содержанием языкового знака, они как бы сливаются друг с другом. Когда мы в процессе общения употребляем то или иное слово, мы не думаем о его материальной стороне, звуковой оболочке; обращая внимание лишь на значение слова, его звуковой стороны мы как бы не замечаем. Известны случаи, когда билингв, находящийся в разноязычной среде, с точностью пересказывает содержание только что состоявшегося телефонного разговора, но затрудняется вспомнить, на каком языке он разговаривал с собеседником, т. е. какими конкретными знаками (словами какого языка) он пользовался при этом. Подобный факт может служить еще одним убедительным подтверждением условности связи между экспонентом и содержанием языкового знака.

Говоря об отсутствии мотивированности у языковых знаков, следует все же обратить внимание на то, что среди них есть и такие знаки, которые нельзя признать немотивированными. Речь идет о звукоподражаниях, которые определяются как слова, представляющие собой «простое воспроизведение языковыми средствами различных звучаний (шумов, возникших в результате какого-либо действия, криков животных и птиц и т. д.)» [Совр. рус. яз., 1964, с. 21] или как «условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом» [РГ, т. 1, с. 732].

Разумеется, звукоподражательные слова «не могут быть точным воспроизведением того или иного звучания: это всегда звучание в том виде, в каком оно было воспринято человеческим ухом и у с л о в н о [выделено нами. — В. Н.] воспроизведено в... речи» [Совр. рус. яз., 1964, с. 21]. Иными словами, полное, тождественное воспроизведение звуков птиц, животных, явле-

ний природы невозможно ни в одном языке, а «только приблизительно и условно [выделено нами. — В. Н.] передаются звуки речи, схожие с издаваемыми тем или иным живым существом или природными силами» [Там же, с. 244]. Признавая условность воспроизведения в звукоподражательных словах различных звучаний, сопровождающих действия людей, животных, явления природы и т. п., вряд ли можно отрицать мотивированность этих слов соответствующими конкретными звуками.

Язык как естественная, стихийно складывающаяся система знаков является самой привычной для человека знаковой системой. Будучи к тому же наиболее сложной, эта знаковая система отличается от искусственных знаковых систем неограниченными возможностями использования. С помощью знаков языка люди, помимо обычного общения друг с другом, формируют свои мысли, познают окружающий мир и т. д. Средствами языка передаются также чувства людей, выражаются их настроения, эмоции, для чего используются, например, такие знаки, как эмоционально окрашенные, стилистически сниженные слова, суффиксы эмоциональной оценки и др.

Поскольку знаковая система языка возникает и развивается естественным путем, помимо воли говорящих на данном языке людей, в ней много неупорядоченности, нет желаемого (полного и строгого) соответствия между означающим знаком и его означаемым, т. е. «то или другое звучание не предполагает с необходимостью строго определенного значения и наоборот» [РЯЭ-Ф, с. 411]. Это проявляется в широком распространении таких явлений, как многозначность (полисемия), омонимия, синонимия, вариантность языковых знаков, что в известной мере осложняет процесс общения [см.: Маслов, 1987, с. 32]. Есть, конечно, некоторые элементы подобной неупорядоченности и в некоторых искусственных знаковых системах, однако там подобные случаи являются, можно сказать, исключением из правила.

Обилие разных по своей структуре языковых знаков, неограниченные возможности создания новых сложных знаков путем сочетания более простых, расширение сферы использования знаков за счет полисемии делают язык универсальной знаковой системой — в отличие от любой другой из

существующих знаковых систем. Язык как знаковая система особого рода обслуживает людей во всех сферах их жизни и деятельности, в то время как искусственные знаковые системы в большинстве своем используются в отдельных сферах человеческой деятельности, причем с их помощью решаются лишь специальные задачи.

После того, что мы узнали о знаке языка, о его специфических свойствах, можно попытаться сформулировать определение понятия языкового знака, которое представляет собой видовое понятие по отношению к знаку вообще как понятию родовому. Если под знаком вообще понимается материальный, чувственно воспринимаемый предмет (или явление), выражающий то или иное содержание, передающий определенную информацию, то языковой знак — это знак, выраженный звуком речи или комплексом звуков речи.

Ср.: языковой знак — это «звук или комплекс звуков, являющийся носителем определенного языкового значения» [Гречко, 1995, с. 66];

это «материальная единица языка (звуковой или графический комплекс), воспроизводящая в силу исторически условной связи идеальное содержание, которое представляет собой отражение определенного факта объективной действительности с возможными эмоциональными и волевыми наслоениями» [Чесноков, с. 66];

это «материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности» [ЛЭС, с. 167].

§ 18. Любой знак языка выражает то или иное языковое значение или определенную совокупность языковых значений. Хорошо известны, в достаточной мере изучены и описаны, например, значения слов (лексические, грамматические, словообразовательные и иные), словосочетаний, предложений, морфем и т. д. Сложнее обстоит дело с определением понятия языкового значения вообще, безотносительно к тому или иному виду знаковых единиц языка. По утверждению некоторых ученых, видовое понятие, выражаемое термином «значение», вообще не поддается определению [см.: Лемов, с. 153]. Тем не менее установить значение данного понятия пытаются многие лингвисты. В современном язы-

кознании наиболее распространена концепция, в соответствии с которой языковым значением называют «идеальное содержание, выражаемое идеальной единицей языка, — единицу мышления, представляющую собой отражение определенного факта объективной действительности (класса предметов и явлений или отдельного предмета или явления — в зависимости от контекста), вместе с возможными эмоционально-оценочными и волевыми наслоениями» [Чесноков, с. 95].

Ср.: значение — это «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» [СЛТ-А, с. 160];

это «содержание языкового знака... образующееся вследствие отображения внеязыковой действительности в сознании людей» [РЯЭ-К, с. 140].

Единицы языка и их отношение к знакам

§ 19. В современном языкознании понятие языкового знака нередко смешивается с понятием языковой единицы; в специальной литературе соответствующие термины довольно часто используются как равнозначные, как абсолютные синонимы. Однако данные понятия находятся в родо-видовых отношениях: языковой знак является видовым понятием по отношению к понятию языковой единицы, и наоборот, языковая единица — родовым понятием по отношению к понятию языкового знака. Иными словами, каждый знак языка есть языковая единица, но не каждая единица языка есть языковой знак. Таким образом, понятие языковой единицы шире понятия языкового знака. Если знаком языка называется чувственно воспринимаемая материальная сущность, выражающая определенное значение, т. е. обладающая содержанием (или означаемым), то под единицей языка обычно понимается любое языковое средство, выполняющее ту или иную языковую функцию, независимо от степени участия в выражении значения.

Считается, что «выделение единиц языка связано с членением потока речи (и текста)» [Маслов, 1975, с. 27]. В соответст-

вии с этим в качестве языковых единиц чаще всего рассматриваются определенные отрезки звучащей речи, речевого потока, такие, как: звук (или фонема, т. е. звук как различитель значимых единиц языка), морф (или морфема, т. е. значимая часть слова), слово (или лексема, т. е. слово во всех его грамматических формах и иных формальных и смысловых видоизменениях), словосочетание (называемое иногда синтагмой), предложение [см.: Степанов, с. 226; Федоренко, с. 6].

Некоторые лингвисты к единицам языка/речи относят высказывание, которое может состоять из одного или более предложений. Ср.: «Речевое общение осуществляется в форме высказываний (сообщений, вопросов и ответов, просьб, приказаний и т. д.). Отдельное высказывание составляет основную единицу общения, основную единицу речи» [Маслов, 1975, с. 27]. Подобные единицы, прежде всего фонемы, морфемы, слова и предложения, иногда называются основными единицами языка [см.: Баранникова, 1982, с. 59; ЛЭС, с. 149].

К единицам языка относятся и некоторые другие отрезки (или сегменты) речевого потока. В ряде языков наряду с отдельными звуками (или монофтонгами) употребляются так называемые полифтонги (сочетания разных гласных в составе одного слога) — дифтонги, трифтонги, тетрафтонги [см. § 50]. Выполняя те же функции, что и звуки/фонемы, они тоже являются единицами языка. Иногда к языковым единицам причисляют слог [см.: Грамматика, 1953, с. 12; РЯЭ-Ф, с. 411]. Языковой единицей можно считать и такую часть слова, как соединительный гласный, или интерфикс (это звуковая вставка между корнем и суффиксом), и др.

Языковыми единицами нередко признаются и такие явления, которые не имеют звукового выражения: ударение, интонация [см.: Матусевич, 1976, с. 15; Панов, 1979, с. 16], чередования звуков, порядок слов в предложении, если они связаны с выражением языкового значения [см.: Маслов, 1975, с. 175; Кодухов, 1979, с. 235].

Единицами языка принято считать всевозможные образцы, схемы (или модели) построения определенных материальных единиц языка, представленных теми или иными отрезками звучащей речи, например: грамматические категории, граммемы, словоизменительные типы, модели словосочетаний, предложений [см. § 179 и др.], словообразова-

тельные категории, словообразовательные модели, типы [см. § 169], типы и модели слогов [см. § 53] и др.

В качестве особой разновидности языковых единиц рассматриваются так называемые единицы значения, например семы, которые представляют собой смысловую, идеальную сторону формальных, материально выраженных единиц, «элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [см.: ЛЭС, с. 149, 437].

Наконец, единицей языка часто называют такое явление, как отсутствие того или иного материального элемента языковой системы в составе материально выраженной единицы при наличии соотносительного элемента/элементов в составе других аналогичных образований. Иначе говоря, признаются нулевые языковые единицы. В русском языке различаются так называемые нулевые звуки (т. е. беглые гласные в словоформах типа *день — дня, сон — сна*), нулевые морфемы (обычно окончания и суффиксы), нулевые слова, точнее — нулевые связки. Некоторыми лингвистами признаются даже нулевые соединительные гласные (или нулевые интерфиксы): например, в сложных словах типа *Ленинград, Царь-пушка, Гуляйполе, фосфорорганический* [см.: Грамматика, 1970, с. 42; РГ, т. 1, с. 139].

В зависимости от того, какие языковые средства, какие элементы системы языка признаются единицами языка, предлагаются разные определения данного понятия. Обычно при определении понятия языковой единицы учитывается наличие у нее материальной, звуковой оболочки, т. е. единицами языка признаются некоторые отрезки звучащей речи. Ср., например: единица (единица языка, языковая единица) — это «отрезок речи, регулярно воспроизводимый как определенное единство содержания и выражения» [СЛТ-РТ, с. 94]. При этом в качестве таких единиц называются следующие элементы: фонема, морфема, слово, словосочетание (в том числе устойчивое) и предложение.

Предлагается и такое определение: единица языка — это «отрезок речи, регулярно воспроизводимый как данное специфическое единство выражения и содержания и приобретающий, таким образом, характер отдельной, функционально обособленной части или постоянного (устойчивого) элемента языка» [СЛТ-А, с. 145]. Однако наряду с данным значением этого терми-

на здесь указываются и другие значения, в том числе и такие, как «порядок слов и ритмико-интонационное членение высказывания как структурный элемент (строевая единица языка), регулярно воспроизводимый в речи».

Еще один пример подобного определения языковой единицы: «Единица языка — это прежде всего его элемент, обладающий коммуникативной, номинативной или строевой функцией, воспроизводимой в речи в качестве ее материального отрезка (сегмента)» [Лаврова, с. 32].

Некоторые лингвисты под языковой единицей понимают любой элемент языковой системы, выполняющий в языке ту или иную функцию.

Ср.: единицы языка — это «его постоянные элементы, отличающиеся друг от друга назначением, строением и местом в системе языка» [Кодухов, 1979, с. 105];

это «элементы системы языка, имеющие разные функции и значения» [ЛЭС, с. 149].

Очевидно, следует различать широкое и узкое значения термина «языковая единица». В качестве языковых единиц в широком смысле можно рассматривать все перечисленные выше виды единиц, кроме так называемых нулевых (называть единицей ее отсутствие представляется алогичным) и таких явлений, как чередование звуков, порядок слов в предложении (их следовало бы называть своими именами). К языковым единицам в узком смысле можно отнести такие единицы, которые имеют то или иное материальное (звуковое) выражение: отдельные звуки/фонемы, дифтонги, слоги, морфемы, соединительные гласные (интерфиксы), слова, словосочетания, предложения.

Таким образом, термином «единица языка» в широком смысле следует обозначить «обширный круг неоднородных явлений, являющихся объектом изучения лингвистики», а именно: единицы, имеющие постоянную звуковую оболочку (например, фонемы, морфемы, слова, предложения), модели строения выраженных звуками единиц (например, слов, словосочетаний, предложений), единицы значения (например, семы). В узком смысле термином «единица языка» называются совокупности основных единиц, которые образуют определенные «уровни» языковой системы, например,

фонемы — фонемный уровень, морфемы — морфемный уровень и др.» [ЛЭС, с. 149].

§ 20. Единицы языка различаются и могут классифицироваться по разным признакам. По способу выражения среди единиц языка (в широком смысле) можно выделить две основные группы — единицы материальные и идеальные. Материальными являются все единицы языка, воспринимаемые чувственно, на слух (звуки, слоги, морфемы, слова, предложения, ударение, интонация и др.). К идеальным единицам языка относятся единицы значения. Особое положение между материальными и идеальными единицами языка занимают «относительно-материальные» единицы, к которым относятся различные образцы, схемы, модели определенных материальных единиц (грамматические категории, словообразовательные типы, модели предложения и др.). Будучи идеальными единицами как отвлеченные схемы, они в то же время представляют соответствующие материальные единицы языка, различные их совокупности, объединения, или комплексы. Поэтому их иногда называют комплексными единицами языка.

Материальные единицы языка различаются прежде всего по характеру их материальной оболочки. По этому признаку довольно четко противопоставлены друг другу единицы линейные и нелинейные, или, в иной терминологии, сегментные и несегментные (надсегментные, сверхсегментные, суперсегментные, супрасегментные) [см.: Матусевич, 1976, с. 14; Панов, 1979, с. 16].

Линейные языковые единицы (или сегментные) представляют собой определенные отрезки (сегменты) звучащей речи, речевого потока, т. е. звуки или сочетания звуков, как бы выстраиваемые в известные ряды, линии. «Под линейными единицами понимаются звуки языка или их сочетания, располагающиеся друг за другом» [Матусевич, 1976, с. 14]. К линейным обычно относят такие единицы языка, как звуки/фонемы, слоги, морфемы, словосочетания и др.

Нелинейные единицы языка (или несегментные) «отличаются от линейных единиц тем, что не могут существовать сами по себе, отдельно от звуков речи (сегментов)... Они как бы накладываются на линейные отрезки: линейный отрезок можно обособить, произнести отдельно, а суперсегментный —

только вместе с ним» [Там же, с. 15]. К нелинейным единицам относятся прежде всего такие явления, как ударение и интонация, которые неразрывно связаны с определенными сегментными единицами языка, неотделимы от них. Лингвисты, рассматривающие в качестве языковых единиц такие явления, как чередование звуков и порядок слов в предложении, относят их к единицам нелинейным [см.: Маслов, 1972, с. 195].

В зависимости от того, какие именно функции единицы языка выполняют, они подразделяются на коммуникативные, номинативные и конструктивные. Коммуникативные единицы языка способны самостоятельно передавать ту или иную информацию. Основной коммуникативной единицей языка считается предложение.

Номинативные единицы языка обозначают отдельные предметы, понятия, представления, отношения и т. п. Такими единицами являются слова и словосочетания.

Конструктивные единицы языка (или строевые) используются для построения и оформления номинативных и коммуникативных единиц. Конструктивными единицами являются фонемы, морфемы, разные грамматические формы слов.

Различаются формы существования языка, чаще всего такие, как собственно язык (система языковых знаков, или, шире, языковых единиц) и речь (система языковых единиц в действии, в коммуникативном применении). В связи с этим многие языковеды говорят о существовании единиц языка и единиц речи [см. § 241].

Единицы языка существенно различаются по их отношению к знакам. Известно, что не все единицы языка являются знаками. Это значит, что есть знаковые единицы языка, или двусторонние, т. е. имеющие план выражения (материально выраженные) и план содержания (выражающие определенное значение), и незнаковые, или односторонние, т. е. не имеющие плана содержания. В связи с этим актуальным представляется вопрос о том, какие именно единицы языка являются знаковыми.

Обычно знаковыми считаются единицы языка, выражающие определенные языковые значения, незнаковыми — единицы, не выражающие таких значений. Однако в науке нет общепринятого понимания языкового значения, что затрудняет разграничение названных типов языковых единиц.

В качестве примеров знаковых единиц чаще всего приводятся слова и морфемы [см.: Маслов, 1975, с. 29; Панов, 1979, с. 8]. Наряду с данными единицами языка к знаковым нередко относят и более сложные единицы — словосочетания и предложения [см.: Кодухов, 1974, с. 132; РЯЭ-Ф, с. 411]. Иногда в качестве знаковых единиц языка рассматриваются морфемы, слова и предложения [см.: ЛЭС, с. 149; РЯЭ-К, с. 127]. Некоторые языковеды (например, представители Пражской лингвистической школы) считают знаковыми и такие единицы языка, как фонемы.

Из перечисленных видов языковых единиц бесспорным языковым знаком является слово: его знаковый характер никем не оспаривается. В слове совершенно отчетливо представлен план выражения (в виде звуковых комплексов или отдельных звуков) и обязательно выражено определенное языковое значение (или ряд значений).

Принадлежность к знакам синтаксических единиц языка, т. е. словосочетаний (свободных) и предложений, многими лингвистами оспаривается [см.: Звегинцев, 1973, с. 226; Маслов, 1975, с. 33; Попова, с. 71; Фоменко, с. 10]. Подобные единицы часто квалифицируются не как отдельные знаки, а как сочетания знаков, или, иначе, комбинации номинативных единиц. Ср.: «Языковой знак, как правило, есть... не целое высказывание, а лишь компонент высказывания; как правило, он дает не целостную информацию (соответствующую определенной ситуации), а лишь частичную информацию, соответствующую отдельным элементам ситуации, на которые этот знак указывает, которые он выделяет, называет и т. д.» [Маслов, 1975, с. 33].

Вместе с тем в научной литературе довольно убедительно обосновывается мысль о знаковом характере словосочетаний и предложений. Такое мнение аргументируется тем, что названные единицы имеют особое значение, отличное от того, которое выражают составляющие их компоненты, вместе взятые. Словосочетания и предложения «были бы только сочетаниями знаков, если бы их значение равнялось сумме значений входящих в их состав словоформ, однако это не так. В синтаксических единицах появляется новое содержание, не выводимое из содержания их компонентов: это идея отношения между фактами, обозначаемыми отдельными словоформами, которая занимает центральное место в содержании синтаксических единиц»

[Чесноков, с. 85]. По характеру внешней, материальной оболочки (экспонента) и значения (содержания) эти единицы напоминают сложные (составные) знаки. На наш взгляд, имеются достаточные основания для того, чтобы рассматривать их как сложные знаковые единицы языка.

Некоторые ученые оспаривают принадлежность к знакам и таких единиц языка, как морфемы. П. В. Чесноков объясняет отрицательное отношение к знаковости морфемы следующим образом: «...морфема сама по себе не выражает единицы мышления, следовательно, не может информировать о каком-либо объекте, она лишь в составе слова соответствует одной из сторон воссоздаваемого им идеального содержания, реально структурно не расчлененного, не состоящего из отдельных сегментов мысли и выступающего как единый сегмент... Идеальное содержание, соответствующее отдельной морфеме в составе слова, воспроизводится не морфемой, а словоформой в целом благодаря наличию морфемы, без которой словоформа не может выразить соответствующего идеального содержания». На этом основании морфема рассматривается как «значимая (в отличие от фонемы), но не знаковая единица» [Там же, с. 81]. По тем же соображениям морфему иногда называют полужнаком [см.: Кодухов, 1974, с. 132; ЛЭС, с. 167].

Говоря о том, что содержание морфемы в составе слова воспроизводится словоформой в целом, а не морфемой, следовало бы обратить внимание на то, что содержание синтаксических единиц (словосочетаний и предложений) тоже выражается не соответствующими их элементами (словами, словоформами), а синтаксическими единицами в целом. Тем не менее слова считаются знаковыми единицами языка. Очевидно, следует согласиться с тем, что морфема является «минимальным и несамостоятельным» знаком языка, в отличие от слова, являющегося «простейшим самостоятельным (способным называть) кодовым знаком», «оптимальным знаком языка» [РЯЭ-К, с. 138].

Считая знаковыми единицами языка и звуки/фонемы, некоторые языковеды идею знаковости звука иногда пытаются объяснить наличием у него так называемого структурного значения. Однако данное понятие не получило всеобщего признания. Как нам представляется, понятие структурного значения языковой единицы смешивается с понятием функции, которая свойственна всем единицам языка (как знаковым, так и незнаковым), а поэтому не может служить показателем знаковости

языковой единицы. Следовательно, нет оснований считать звуки/фонемы знаковыми единицами языка. Такого мнения придерживается большинство ученых.

Ср.: «Хотя звуки языка и находятся друг к другу в сложных фонологических отношениях, функционируя в качестве различителей звуковых оболочек морфем и слов, тем не менее они не являются языковыми единицами... двусторонними; они не имеют свойственного каждому из них и закреплённого за ними значения» [Ахманова, с. 213];

«из определения знака следует, что звуки языка сами по себе не являются знаками, они образуют лишь означающее — оболочки слов, морфем, предложений» [Панов, 1967, с. 16];

«“ниже” морфемы мы имеем уже дело с единицами о д н о с т о р о н н и м и», а также: «...что касается фонем, то они, будучи единицами односторонними, не являются знаками, но служат строительным материалом для знаков, точнее — для экспонентов знаков» [Маслов, 1975, с. 29, 30];

«являясь материальной основой для выражения языковых значений, т. е. строительным материалом для знаков языка, сами по себе фонемы (если исключить предельные случаи, где они совпадают с морфемами) не являются знаками, поскольку не отвечают двум условиям знака» [Солнцев, 1971, с. 115].

Естественно, не являются знаками и другие фонетические единицы языка, которые сами по себе не выражают значения, такие, как полифтонги (дифтонги, трифтонги, тетрафтонги), слоги, а также сверхсегментные единицы (ударение, интонация), различные схемы (модели) построения материальных языковых единиц (грамматические категории, словообразовательные типы, модели предложений и др.).

Типы взаимоотношений между единицами языка

§ 21. В каждом языке используется бесчисленное множество единиц — знаковых и незнаковых. Например, в русском и многих родственных ему языках несколько десятков самостоятельных звуков/фонем образуют сотни морфем (не считая корневых), сотни тысяч слов/лексем, подавляющее большинство которых употребляется в разных грамматических формах. В результате всевозможных комбинаций отдельных слов и их грамматических форм образуется неисчислимо количество (миллионы, даже миллиарды) слово-

сочетаний и предложений, на основе которых формируются различные грамматические категории и т. д.

Разные языковые единицы в рамках данного языка так или иначе связаны друг с другом общностью внешних (или формальных) и смысловых (или семантических) признаков. Подобные связи обнаруживаются как между отдельными единицами внутри определенных типов и категорий, так и между разными их типами и категориями, а также между определенными частями отдельных сложных единиц. Существующие связи и отношения между языковыми единицами, их типами, категориями учитываются при их описании и изучении. Без определения сходства и различий между языковыми единицами невозможно их запоминание и практическое пользование ими в процессе общения.

Отношения между единицами языка, определенными их типами очень сложны и разнообразны. Их характеристика основывается на классификации по тем или иным признакам. В современном языкознании обычно различаются два основных типа отношений между единицами языка — отношения парадигматические и синтагматические [см.: Степанов, с. 227; Березин, Головин, с. 202; Маслов, 1987, с. 29].

Парадигматическими называются отношения между однородными в известном смысле единицами языка, т. е. «отношения, которые объединяют единицы языка в группы, ряды, категории» [Кодухов, 1979, с. 106] или «отношения взаимной противопоставленности в системе языка между единицами одного уровня, так или иначе связанными по смыслу» [Маслов, 1987, с. 29]. Парадигматические отношения иногда называют еще ассоциативными [см.: Солнцев, 1971, с. 65; Березин, Головин, с. 202]. Совокупности языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями, определяют как парадигмы (от греч. *paradeigma* — ‘пример, образец, модель’) или парадигматические ряды.

Понятие парадигмы (парадигматических отношений) наиболее широко распространено в области морфологии, где первоначально оно было использовано. Типичными примерами морфологической парадигмы могут служить совокупности грамматических форм отдельных слов (рядов слов), изменяющихся по данному образцу, например: существительных I склонения, глаголов II спряжения, качественных и относи-

тельных прилагательных (в отличие от притяжательных, имеющих особые формы в некоторых падежах) и т. д.

В последнее время широкое распространение получило понятие словообразовательной парадигмы, под которой понимается совокупность производных слов, образованных непосредственно от одного и того же производящего [см. § 169].

Парадигматические отношения имеют место и в других областях системы языка. Так, в лексике парадигму составляют все слова, относящиеся к определенной части речи, все существительные, называющие лиц по профессии (*агроном, бухгалтер, инженер, учитель* и др.), все прилагательные со значением цвета (*белый, синий, алый, малиновый* и др.), все глаголы со значением движения (*идти, бежать, лететь, плыть* и др.) и т. д. В фонетике в качестве примеров парадигм можно назвать такие группы звуков/фонем, как гласные (в отличие от согласных), согласные (в противоположность гласным), глухие согласные, звонкие согласные, губные согласные (произносимые при активном участии губ) и т. д.

Частные случаи проявления парадигматических отношений представляют собой такие явления, как синонимия и антонимия слов, синонимия морфем (ср. суффиксы со значением лица женского пола в словах: *студентка, актриса, поэтесса, дикторша, учительница* и др.), антонимия морфем (ср. приставки в парах слов: *внести — вынести, прилететь — улететь, закрыть — открыть, заоблачный — подоблачный, надводный — подводный*), синонимия словосочетаний и предложений (ср.: *дом отца — отцовский дом; Аудитория заполнена студентами. — Аудиторию заполняют студенты*), вариантность языковых единиц разных уровней — фонем, морфем, слов и др.

В потоке речи разные языковые единицы могут объединяться, сочетаться друг с другом, образуя более сложные единицы. Отношения простых языковых единиц в рамках более сложных называются синтагматическими, а сами эти сложные единицы — синта́гмами (от греч. *shintagma* — ‘нечто соединенное’) [см.: Солнцев, 1971, с. 66].

Понятие синтагмы (синтагматических отношений) наиболее употребительно в синтаксисе, где термин «синтагма» используется для обозначения словосочетания вообще или определенного типа словосочетаний. В современном языке это понятие

распространяется на языковые единицы разных уровней. Оно определяется, например, как «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» или как «последовательность двух (или более) языковых единиц (морфем... слов... словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи (например, определительной)» [ЛЭС, с. 447].

При этом обычно имеется в виду, что в рамках отдельных единиц могут объединяться как однородные, одноуровневые, т. е. одинаковые по сложности, единицы, например, звуки/фонемы в составе морфемы, морфемы в составе слова, слова в составе словосочетания и предложения, простые предложения в составе сложного предложения, так и разные по сложности единицы. Например, в составе производного слова могут сочетаться отдельное слово и морфема, словообразовательная приставка (ср.: *подполковник*, *невесёлый*, *принести*), многоморфемная основа слова и суффикс (ср.: *обусловл-енн-ость*, *учительств-ова-ть*), в составе предложения — слово и словосочетание, в составе сложного предложения — предложения простое и сложное.

Встречается и более узкое толкование синтагматических отношений между единицами языка: «Синтагматические отношения — это отношения, в которые вступают единицы **о д н о г о** [выделено нами. — *В. Н.*] уровня, соединяясь друг с другом в процессе речи или в составе единиц более высокого уровня» [Маслов, 1987, с. 29].

Объединение разных единиц языка в рамках более сложных единиц осуществляется в соответствии с действующими в языке законами и правилами, т. е. «единицы языка организуются в речевую последовательность не по прихоти автора речи, а по законам языковой структуры, в соответствии с сочетательными возможностями фонем, морфем, слов и т. д.» [Березин, Головин, с. 208—209]. А эти сочетательные возможности у разных единиц языка, в том числе и у единиц одного и того же уровня, очень неодинаковые.

Например, среди слов русского языка есть такие, которые способны сочетаться в речи с огромным количеством других слов. Так, прилагательное *лёгкий* в своем прямом, номинативном значении может сочетаться в речи с каждым конкретным существительным, обозначающим предмет, обладающий фи-

зическим весом. Это же прилагательное в переносных значениях способно сочетаться со многими другими существительными, в частности с такими, которые называют определенные предметы или абстрактные понятия, обладающие каким-либо признаком, обозначаемым данным прилагательным в том или ином переносном значении. Ср., например: *лёгкий, -ая, -ое — экипаж, завтрак, жанр, шорох, поклон, выговор, одежда, победа, походка, задача, музыка, поэзия, дорога, прохлада, дымка, улыбка, простуда, движение, счастье, знакомство, поведение* и т. д. Все эти и многие другие сочетания данного прилагательного с существительными зафиксированы в словарях современного русского литературного языка. То же самое можно сказать, например, о глаголе *лежать*, сочетающемся с названиями всех конкретных предметов, способных занимать соответствующее положение, и о многих других словах.

В то же время в русском языке имеются слова, которые способны сочетаться всего лишь с несколькими словами или даже с одним-единственным словом: *безысходный, -ая, -ое — грусть, печаль, скорбь, тоска, отчаяние; горячая — слеза; закадычный — друг; крошечный, -ая — ад, тьма; стоеросовая — дубина; отворотить — беду, несчастье, опасность, угрозу; пробудить — желание, интерес, охоту, страсть; всмятку — яйца, сапоги, расшибиться; чреват — последствиями.*

Строгие ограничения существуют в сочетаемости морфем друг с другом, со словами или основами слов при образовании разных грамматических форм и, особенно, производных слов. Так, возможность сочетания производящих основ со словообразующими суффиксами зачастую зависит от семантики, лексических значений производящих слов, от фонетического оформления конца производящей основы (от наличия на конце основы одиночного согласного или группы согласных), от слоговой структуры основы (от количества слогов в основе) и даже от некоторых морфологических особенностей производящих слов (например, от типа склонения существительного, образующего притяжательное прилагательное) [см.: Немченко, 1994, с. 154].

Хорошо известны также разные ограничения в сочетаемости звуков/фонем в составе слов или отдельных морфем. Например, в русском языке довольно часто употребляются сочетания согласных *ств, стр, здр* (ср.: *створка, бегство, страна, острый, здравствовать*), но для него совершенно нетипичны звукосочетания типа *втс, рзд, ртс*. Мягкие согласные свободно со-

четаются с последующим гласным *и*, но не сочетаются с гласным *ы* и т. д.

Наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями между единицами языка иногда отмечаются еще иерархические отношения между единицами разных классов, разной сложности (в отличие от парадигматических отношений), которые не могут объединяться в более сложные единицы (в отличие от синтагматических отношений). Такие отношения обнаруживаются, например, между звуками/фонемами и морфемами, между звуками и словами, между словами и предложениями. Подобные отношения иногда называются гипонимическими [см.: Солнцев, 1971, с. 66, 78; Панфилов В., с. 104; Кодухов, 1979, с. 106].

Некоторые языковеды наряду с рассмотренными типами отношений между языковыми единицами выделяют также *ассоциативные* отношения [см.: Кодухов, 1979, с. 107]. Однако, судя по приводимым примерам, это, скорее, отношения между языковыми единицами и обозначаемыми ими реалиями, а не отношения между разными единицами языка.

Существование у разных единиц языка важнейших различительных признаков, наличие закономерных связей и взаимоотношений между ними позволяет говорить о системном характере языковых единиц, о системности языка в целом.

Прежде чем перейти к рассмотрению языковой системы, характеристике конкретных единиц разных уровней языка, необходимо рассмотреть еще один принципиально важный для языкознания теоретический вопрос — о соотношении синхронии и диахронии в языке.

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ В ЯЗЫКЕ

§ 22. Когда говорится о языке как знаковой системе, как системе языковых единиц разных уровней, имеется в виду прежде всего иерархически построенная система взаимосвязанных и взаимодействующих единиц, функционирующая в определенный период развития языка, т. е. в его синхронном (синхроническом) аспекте. В то же время эта система на-

ходится в состоянии непрерывного изменения и развития, т. е. в состоянии диахроническом. Таким образом, она может исследоваться не только в синхронном, но и в диахроническом аспекте. Это относится как к языковой системе в целом, так и к отдельным ее частям, элементам, единицам всех без исключения ее уровней, изучаемым в разных разделах языкознания.

В современном языковедении синхрония и диахрония рассматриваются как явления соотносительные, хотя и принципиально различные. Соотносительность данных явлений состоит в том, что и синхрония, и диахрония представляют собой определенные формы временного существования одних и тех же языковых явлений, «отдельных компонентов языковой коммуникации и их параметров» [Шубин, с. 10]. Различие между ними проявляется в том, что они представляют собой разные системы измерения, когда «в одной из этих систем измерения мы устанавливаем отношения между существующими элементами... В другой системе измерения, сравнивая одну непосредственную данность с другой, мы устанавливаем отношения преемственности или отношения замещения» [Кубрякова, 1968, с. 121].

Языковая диахрония понимается, в основном, однозначно. Она определяется как «историческая последовательность языковых явлений» [СИС, с. 226];

как «путь во времени, который преодолевает каждый элемент языка как часть языковой системы» [СЛТ-А, с. 133];

как «процесс закономерной замены предшествующего структурного состояния языковых единиц (категорий и т. д.) последующим их состоянием» [Головин, 1966, с. 9].

Все определения языковой диахронии по их содержанию можно свести к одному: диахрония — это процесс изменения языковой системы, ее историческое развитие в результате замены одного состояния другим.

Под синхронией в языке традиционно понимается состояние языковой системы или отдельных ее элементов в определенный момент развития языка. Она определяется, например, как «состояние языка в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: лексических, грамматических и фонетических, которые обладают ценностью, или значимостью... независимо от их происхождения, а только в силу соотношений между собой

внутри целого — системы» [Реформатский, 1967, с. 40]. При этом понятие момента в процессе языкового развития в разных источниках объясняется по-разному.

Одни лингвисты при определении синхронного состояния языка под моментом в языковом развитии понимают миг, мгновение, математическую точку во времени, или «ось одновременности, касающуюся отношений между существующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени» [Соссюр, 1933, с. 88]. Другие же имеют в виду известный промежуток времени, определенную эпоху, «какой-либо исторический период», «исторический этап в развитии языка» [см.: СИС, с. 641; СРЯ-Е, т. 4, с. 136; СЛТ-А, с. 411]. При таком объяснении синхронного состояния языка утрачивается принципиальное различие между синхронией и диахронией, поскольку изменения в языковой системе, касающиеся тех или иных ее единиц, возможны и неизбежно происходят в любую эпоху, в любой исторический период, на любом историческом этапе языкового развития.

В последние десятилетия некоторые лингвисты пытаются уточнить традиционное понимание языковой синхронии. Синхронное состояние языка определяется, например, как «кусочек объективной действительности, срез, выбранный из общего потока развития языка (истории) на основании ряда определенных признаков, в частности по отсутствию изменений» [Кубрякова, 1968, с. 177] или как «такая протяженность, такое “состояние” [языка], которое характеризуется отсутствием изменений или может быть описано вне изменений» [Крылов, с. 121]¹.

Понятия синхронии и диахронии (и соответствующие термины) используются не только по отношению к языковой системе, но и по отношению к науке о языке, к соответствующим разделам языкознания. Различаются, например, синхронная (или описательная) и диахроническая (или историческая) фонетика, синхронная и диахроническая лексикология, синхронное и диахроническое словообразование (или дериватология), синхронная и диахроническая грамматика, а также синхронное и диахроническое языкознание в целом. Различие между синхронным и диахроническим описанием языка «едва ли возмож-

¹ Более подробно о синхронии языка см.: Немченко, 1985а, с. 49; 1994, с. 15.

но провести в шкале абсолютного времени. Тем не менее описание должно быть без колебаний признано синхронным, если при всех своих “отступлениях” оно ставит в центре своего внимания языковую статику... И наоборот, диахронический характер описания не будет нарушен, если при сосредоточении внимания на языковых изменениях в поле зрения исследователя попадут те или иные элементы статики» [Общ. языкознание, 1973, с. 114].

Иногда высказываются возражения против полисемичного использования терминов «синхрония» и «диахрония» — по отношению к языку и по отношению к его изучению. Предлагается терминологически дифференцировать соответствующие явления в языке и в учении о нем. Некоторые лингвисты считают целесообразным использовать данные термины только по отношению к «реальным формам существования» языка, формам временного существования языковых явлений, а по отношению к их исследованию рекомендуют использовать, например, термины «синхронный анализ» и «диахронический анализ» [см.: Шубин, с. 10; Общ. языкознание, 1973, с. 111, 117].

Но есть и другое мнение: терминами «синхрония» и «диахрония» предлагается называть известные науке о языке исследовательские подходы, т. е. аспекты исследования, а для обозначения определенных состояний языка использовать иные термины, например «функционирование» и «развитие» [см.: Головин, 1966, с. 8; РЯЭ-Ф, с. 75, 292]. В то же время рассматриваемые термины нередко употребляются в разных значениях — для обозначения различных состояний языка и определенных аспектов его изучения [см.: ЛЭС, с. 136, 451].

Система языка

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

§ 23. Разные языковые единицы в их связях и взаимоотношениях образуют систему языка (иначе — языковую систему). В общенаучном плане под системой (от греч. *sistēma* — ‘целое, составленное из частей; соединенное’) обычно понимается организованная, упорядоченная совокупность элементов известного целого.

В лингвистической литературе система определяется как «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» [Солнцев, 1971, с. 11];

как «внутренне организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [Мельничук, с. 43];

как «такое закономерное объединение частей в одно целое, в котором каждая занимает определенное место, обусловленное их взаимной связью» [Гешнер, с. 52];

как «такая совокупность единиц, в которой каждая единица определяется всеми остальными единицами» [Панов, 1979, с. 6].

Подобное объяснение системы содержится и в толковых словарях, например: система — это «единство закономерно расположенных и функционирующих частей» или «совокупность каких-либо элементов, единиц, частей, объединяемых по общему признаку, назначению» [ССРЛЯ, т. 13, с. 855, 856].

Язык как системное образование характеризуется теми же основными, общими свойствами, которые присущи любой другой сложной системе. В последнее время для обозначения понятия системы языка (языковой системы) используются термины «механизм языка», «модель языка», «модель языкового механизма» и др. [см.: Киров, 1989; 1997, с. 26].

Под системой языка понимается прежде всего организованная, упорядоченная разными отношениями совокупность языковых элементов, единиц языка, возможных их объединений (классов, типов и т. д.).

Особо подчеркиваются такие свойства языковой системы, как целостность, наличие закономерных связей и отношений между элементами. Ср., например, определение языковой системы, предлагаемое Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым — «множество языковых элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом, характеризующееся определенной целостностью» [РЯЭ-К, с. 477]. Эти свойства языковой системы или, по крайней мере, одно из них выдвигаются на первый план при определении данного понятия и другими лингвистами. Так, Е. С. Кубрякова считает, что «понятие лингвистической [т. е. языковой. — В. Н.] системы складывается из представления об объекте как о целостном упорядоченном единстве, характеризующемся определенным составом и определенной сеткой отношений между его элементами» [Кубрякова, 1969, с. 3]. Системность языка определяется соответственно как «последовательное проявление общих свойств и закономерностей в строении, семантике и функциях элементов языка разных уровней» [Никитевич, с. 8].

Закономерность связей и отношений между элементами языковой системы предполагает наличие определенных правил организации единиц языка как элементов системы. По мнению В. М. Солнцева, «система языка — это своего рода “кладовая”, где сложены (не в прямом смысле, конечно) п р а в и л а [выделено нами. — В. Н.] и элементы (или единицы)». Действующие в языке правила в известном смысле регулируют отношения между языковыми единицами: «Правила как бы накладывают ограничения на возможные отношения элементов, являясь в то же время перечнем или набором этих отношений» [Солнцев, 1971, с. 63, 64].

Говоря о языковой системе, необходимо обратить внимание на то, что в лингвистической литературе это понятие часто смешивается с понятием структуры языка (языковой структуры). Это проявляется прежде всего в том, что систему языка (в данном выше понимании) нередко называют структурой, например: «...под структурой языка будем понимать целостную, организованную, единую совокупность составляющих его сторон (фонетика, лексика, грамматика, словообразование), частей этих сторон (различные группы слов, ряды грамматических категорий или звуков и т. д.) и отдельных языковых единиц (слова, звуки, морфемы, словосочетания, предложения и т. п.)»

[Головин, 1966, с. 23]. Иногда, наоборот, связи, отношения между элементами языка называют системой: «Система [речь идет о языке. — В. Н.] — это взаимосвязь, взаимодействие между рядом явлений одного порядка» [Жирмунский, 1958, с. 50]. Аналогичное использование данных терминов встречается и в работах других ученых [см.: Чесноков, с. 4].

В последнее время наметилась тенденция к строгому разграничению рассматриваемых понятий. Если под системой языка обычно понимается организованная совокупность взаимосвязанных его элементов, то структурой языка (лат. *strūctūra* — ‘строение, расположение, порядок’) принято называть организацию элементов в языковой системе, существующие отношения между ними, регулируемые действующими правилами.

В современной лингвистической литературе структура языка определяется как «совокупность связей и отношений, которая организует элементы системы» [Гречко, 1995, с. 84];

как «расчлененность целостного объекта на составляющие компоненты и их взаимосвязь, внутренняя организация объекта, рассматриваемого со стороны его целостности» [Чесноков, с. 10];

как «схема взаимоотношений между элементами системы» [Мельничук, с. 43].

Иногда рассматриваемые понятия разграничиваются следующим образом:

«Под с и с т е м о й понимается единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует е е с т р у к т у р у» [Степанов, с. 228];

«с и с т е м а я з ы к а — это инвентарь его единиц, объединенных в категории и ярусы по типовым отношениям; с т р у к т у р у я з ы к а образуют отношения между ярусами и частями единиц; следовательно, структура языка — лишь один из признаков системы языка» [Кодухов, 1979, с. 105].

Философы определяют систему как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство», а структуру — как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [ФЭС, с. 584, 629]. Именно такое разграничение, или различие, терминов «система» и «структура» является наиболее распространенным [см.: Мельничук, с. 43].

§ 24. Язык как общая система включает в себя все многообразие языковых элементов: конкретные единицы и всевозможные их комбинации, типы, разряды и т. д. Разные объединения языковых единиц, связанные общностью определенных признаков, входят в общую систему языка как ее частные системы (или подсистемы). Система каждого языка «обнимает множество частных систем, в разной степени между собой связанных» [Жирмунский, 1958, с. 50]. Это находит выражение в использовании таких терминов, как: «система звуков» или «звуковая система»; «система фонем» или «фонологическая система»; «система гласных (звуков, фонем)»; «система вокализма» или «вокалическая система»; «система согласных», «система консонантизма» или «консонантная система»; «система мягких согласных»; «лексическая система»; «терминологическая система» или «терминосистема»; «фразеологическая система»; «словообразовательная система» или «система словообразования»; «грамматическая система»; «морфологическая система»; «система частей речи»; «система имени существительного»; «система глагола» или «глагольная система», «система глагольных форм»; «система склонения»; «система спряжения»; «система падежей (падежных форм, падежных окончаний)»; «система видов (времен, залогов, наклонений)»; «система совершенного вида» и др.

Наиболее крупные из таких частных систем (подсистем) принято называть уровнями языка (или языковыми уровнями), реже — ярусами. Однако общепринятого понимания языкового уровня (яруса) в современном языкознании нет.

Обычно языковыми уровнями называют определенные совокупности единиц языка, относительно близких друг к другу в каком-либо отношении [см.: Солнцев, 1971, с. 80].

Определение понятия языкового уровня в терминологических словарях, как правило, носит общий, абстрактный характер. Ср., например: «Уровни языка — подсистемы (ярусы) языка, устанавливаемые в процессе исследования языка на разных этапах его анализа» [РЯЭ-Ф, с. 359].

В специальной литературе объяснение понятия языкового уровня так или иначе конкретизируется. Некоторые языковеды предлагают выделять уровни языка «соответственно основным [выделено нами. — В.Н.] единицам языковой системы»

[см.: Лопатин, Улуханов, с. 120], хотя при этом неясно, какие именно единицы следует считать основными.

Другие лингвисты при выделении языковых уровней принимают во внимание наличие специфических единиц языка, отсутствующих в других уровнях [см.: Кубрякова, 1965, с. 74].

Однако, как представляется, наличие специфических единиц языка обязательно для каждого языкового уровня при любом из предлагаемых делений языковой системы на уровни, при выделении любого количества уровней. Поэтому данный признак не может служить основанием для строгого и однозначного разграничения уровней языка, определения границ между ними. Иногда возможность выделения тех или иных языковых уровней ставится в зависимость от наименования языковых единиц: «Уровнем языка называется та часть его системы, которая имеет соответствующую одноименную единицу» [Степанов, с. 218].

В связи с этим можно заметить, что соответствующую одноименную единицу имеет любая часть языковой системы, иначе — любая частная система, подсистема, любое объединение языковых единиц, называемое системой, в том числе и такие, как, например, система окончаний, система гласных, слоговая (силлабическая) система и др. В соответствии с предлагаемым определением уровня языка подобные части языковой системы следовало бы рассматривать как отдельные уровни, однако к языковым уровням их, кажется, никто никогда и не отнесил.

Совершенно очевидно, что названия языковых единиц в выделении уровней языка принципиального значения не имеют. Более приемлемыми представляются определения уровня (яруса) языка, опирающиеся на сходство языковых единиц отдельных уровней.

Ср.: «Ярус языка — совокупность однотипных единиц и категорий языка» [Кодухов, 1979, с. 106];

«уровни языка — некоторые “части” языка; подсистемы общей системы языка... каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы» [РЯЭ-К, с. 579].

Подобные определения тоже не являются достаточно строгими, поскольку учитываемый в них различительный признак (однотипность, относительная однородность единиц) крайне неопределенен, т. е. не имеет четкого выражения.

Серьезного внимания заслуживает точка зрения, согласно которой уровни языка следует различать с учетом иерархических отношений между языковыми единицами.

Ср. некоторые определения: уровень языка — это «одна из основных подсистем языка (фонетика, морфология, синтаксис), рассматриваемых в порядке их иерархии» [СЛТ-РТ, с. 456];

это «один из основных аспектов (“ярусов”) языка... мыслимых как ступень в иерархии подсистем языка» [СЛТ-А, с. 488];

это «идея иерархического соотношения взаимосвязанных систем и их единиц в структуре языка» [Архангельский, с. 93].

В этом плане интересно толкование понятия языкового уровня, предлагаемое В. М. Солнцевым:

«Уровнем языка, по-видимому, следует называть совокупность относительно однородных единиц, не находящихся в иерархических отношениях между собой и обнаруживающих иерархические отношения (либо как величины более крупные, либо как величины более мелкие) с другими единицами, также составляющими некоторую совокупность.

Совокупности таких единиц представляют собой сверхпарадигмы относительно однородных единиц (например, в с е фонемы данного языка, в с е морфемы данного языка, в с е слова данного языка). Единицы, составляющие сверхпарадигму, или уровень, обнаруживают парадигматические и синтагматические свойства относительно друг друга: они группируются в классы, или парадигмы (например, разные классы фонем, разные классы морфем, разные классы слов), и сочетаются между собой в линейных (синтагматических) цепях (цепочки фонем, цепочки морфем, цепочки слов).

Единицы разных сверхпарадигм, или разных уровней, не вступают между собой ни в парадигматические, ни в синтагматические отношения. Так, не может быть класса, составленного из фонем и морфем, из морфем и слов и т. п., так же как нет ли-

нейных последовательностей, состоящих из расположенных друг за другом фонем, морфем и слов» [Солнцев, 1971, с. 81—82].

Суть этого определения заключается в том, что языковые уровни представляют собой совокупности относительно однородных единиц языка, связанных друг с другом парадигматическими и синтагматическими отношениями и не связанных отношениями иерархическими (иерархическими отношениями они связаны с языковыми единицами других уровней). Например, все морфемы того или иного языка образуют отдельный уровень, поскольку они связаны друг с другом отношениями парадигматическими (являются однородными в известном смысле) и синтагматическими (в потоке речи могут объединяться в составе более сложных единиц), но не связаны между собой отношениями иерархическими (одна морфема не может входить в состав другой, быть ее частью). Иерархическими отношениями морфемы связаны только с единицами других уровней — фонетического как уровня более низкого (обычно представлены сочетаниями разных фонем) и лексического как более высокого (представляют собой, как правило, определенные части лексем).

На наш взгляд, уровни языка, определяемые с учетом иерархических отношений между языковыми единицами, различаются наиболее строго и последовательно. Однако данное Солнцевым определение языкового уровня нельзя признать идеальным: распределение языковых единиц по уровням в данном их понимании имеет относительный характер. На основе предлагаемого понимания языкового уровня (как, впрочем, и иных его толкований) в уровни объединяются только линейные, сегментные единицы языка, да и то в значительной степени условно, поскольку далеко не все единицы, однородные по семантике и выполняемым функциям, однородны в формальном отношении, т. е. по своей сложности. Например, морфема может состоять как из ряда фонем, так и из одной-единственной фонемы, слово — как из ряда морфем, так и из одной морфемы, в том числе и такой, которая представлена единственной фонемой, и т. д. При данном понимании языкового уровня трудно (и возможно ли вообще) определить место в уровневой системе языка таких линейных единиц, как слог, соединительный гласный (интерфикс) и т. д.

Очевидно, построить идеальную схему языкового уровня, дать идеальное определение этого понятия вообще невозможно. А потому вполне объяснимо предложение некоторых лингвистов отказаться от идеи уровневой классификации единиц языка, «от попыток построить все подсистемы языковой системы в один ряд» [Чесноков, с. 15].

§ 25. В связи с неоднозначным пониманием лингвистами языкового уровня, а также в зависимости от того, что они понимают под единицей языка, в научной литературе называется и описывается разное количество языковых уровней — три, четыре, пять и более. При относительно строгом понимании языковых уровней, различаемых с учетом иерархических отношений между единицами языка, самостоятельными уровнями, очевидно, можно считать такие:

1) фонетический (фонемный), или уровень фонем (иногда называется фонологическим, фонетико-фонологическим);

2) морфемный, или уровень морфем (чаще называется морфологическим, иногда — морфемо-морфологическим);

3) лексический, или уровень слов, лексем (называется также словесным, лексико-семантическим);

4) уровень словосочетаний;

5) уровень предложений (иногда называется синтаксическим, или коммуникативно-синтаксическим) — с возможным подразделением на уровень простых предложений и уровень сложных предложений.

В современном языкознании чаще всего различаются четыре уровня языка:

1) фонетический (фонемный), или уровень фонем;

2) морфемный (морфологический), или уровень морфем;

3) лексический, или уровень слов, лексем;

4) синтаксический, или уровень предложений [см.: Макаев, с. 52; Баранникова, 1973, с. 19; Гречко, 1995, с. 95; ЛЭС, с. 539; РЯЭ-К, с. 579].

В некоторых терминологических словарях при объяснении данного понятия называются или три уровня: фонетический, морфологический (морфемный) и синтаксический [см.: СЛТ-РТ, с. 456], или же четыре уровня: фонетический, морфологический, синтаксический и лингвостилистический [см.: СЛТ-А, с. 488].

Четыре языковых уровня — фонетический, морфемный, лексический и синтаксический — иногда рассматриваются как основные, наряду с которыми указываются некоторые промежуточные уровни: морфонологический (выявляется на стыке фонем и морфем), словообразовательный (на стыке морфем и слов) и фразеологический (на стыке слов и словосочетаний) [см.: Кодухов, 1974, с. 137; 1979, с. 106; РЯЭ-Ф, с. 359] или морфонологический (включает морфемы, рассматриваемые как совокупности фонем), лексико-морфологический (слова, рассматриваемые с точки зрения их морфемного состава, т. е. производные слова и разные грамматические формы слов) и конструктивно-синтаксический (предложения, рассматриваемые с точки зрения их формально-грамматического состава) [см.: Распопов, с. 52].

Термином «синтаксический уровень языка» одни языковеды называют совокупность предложений, т. е. относят к синтаксическому уровню предложения разных типов [см.: ЛЭС, с. 539; РЯЭ-К, с. 579], другие — совокупность разных синтаксических единиц — предложения и словосочетания, т. е. включают в синтаксический уровень и те и другие [см.: Гречко, 1995, с. 105; РЯЭ-Ф, с. 359]. Нередко различают два синтаксических уровня языка — уровень предложений и уровень словосочетаний. Таким образом, выделяется в общей сложности пять самостоятельных уровней языка [см.: Степанов, с. 218].

Иногда в соответствии с уровнем предложений различают два самостоятельных языковых уровня (два подуровня) — простого предложения и сложного предложения [см.: Киров, 1997, с. 21]. Это позволяет говорить о шести уровнях языка.

Некоторые лингвисты выделяют четыре уровня синтаксических единиц: уровень словосочетаний, уровень структурных (т. е. простых) предложений, уровень сложных предложений и уровень сверхфразовых единств как определенных логико-грамматических объединений, доводя, таким образом, общее количество языковых уровней до семи [см.: Чесноков, с. 17].

В качестве основных уровней языка (наряду с фонетическим, морфемным и лексическим уровнями, а также с уровнями словосочетаний и предложений) нередко рассматриваются уровни морфонологический (в собственном смысле, в отличие от морфемного, который обычно называют морфологическим) и словообразовательный. При этом единицами словообразовательного уровня считаются словообразовательные типы, единицами морфонологического уровня — морфонологические категории или

словоизменяемые типы (модели) [см.: Березин, Головин, с. 147; Лаврова, с. 31]. Термин «словообразовательный уровень» довольно часто употребляется в литературе по словообразованию (например, в работах В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, А. И. Моисеева, Г. С. Зенкова, И. Г. Милославского, Р. С. Манучаряна, Г. П. Цыганенко и др.). На наш взгляд, для выделения морфологии и словообразования в качестве самостоятельных уровней языка нет достаточных оснований.

Морфология как система (или подсистема) представляет собой прежде всего совокупность грамматических форм слов (словоформ), которые относятся к с л о в а м (или лексемам) как их своеобразные элементы, как их представители в речи. Что же касается таких абстрактных единиц морфологии, как грамматические (точнее — морфологические) категории, которые иногда рассматриваются как основные единицы морфологии, или граммы как более частные единицы, то они тоже представляют определенные формы слов, характеризуют слова с точки зрения тех или иных грамматических признаков. «Будучи представленной в ряде словоформ и в отдельной словоформе, грамма относится к уровню слова (как словоформы). К тому же уровню относится и морфологическая категория как система граммем» [Бондарко А., 1971, с. 32]. Еще Ф. де Соссюр говорил, что «с лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального объекта изучения» [Соссюр, 1933, с. 130]. Не случайно академик В. В. Виноградов назвал свой основной труд по морфологии «Русский язык» (1947) «грамматическим учением о слове».

Словообразование, или словообразовательная система (подсистема) языка, включает в качестве важнейших единиц прежде всего производные слова, относящиеся к лексическому уровню языка наряду с непроизводными словами, ввиду чего некоторые ученые (А. И. Смирницкий, К. А. Левковская) относят эту область языка к лексике. Что касается так называемых комплексных единиц словообразовательной системы языка, таких, как словообразовательный тип, словообразовательная модель, которые иногда рассматриваются в качестве основных единиц словообразования, то они представляют собой определенные схемы производных слов, т. е. характеризуют определенную часть лексических единиц с точки зрения известных словообразовательных признаков (подобно тому как грамматические категории и граммы характеризуют слова в морфологическом отношении).

Итак, единицы словообразования и морфологии теснейшим образом связаны с лексикой. Обе эти подсистемы языка имеют в качестве основной единицы с л о в о. Б. Н. Головин представляет лексику как «совокупность слов языка в их индивидуальных, структурой языка не воспроизводимых отношениях друг к другу», морфологию — как «совокупность слов в их структурно-стандартных отношениях друг к другу, объединяющих слова в типы, называемые частями речи», словообразование — как «совокупность слов в их стандартно-индивидуальных или аналогически-индивидуальных отношениях друг к другу, возникающих в процессе “порождения” одного слова другим (или другими)». Он считает, что «отношения между словами в лексике прежде всего семантически... отношения слов в морфологии прежде всего формальны... отношения слов в словообразовании формально-семантически». Таким образом, «лексика, морфология и словообразование — три аспекта структуры языка, возникающие на основе трех типов отношений между словами» [Головин, 1967, с. 27—29, 130].

Все сказанное позволяет утверждать, что словообразование и морфология не представляют самостоятельных уровней языка. Их можно рассматривать как уровни промежуточные или как подуровни лексического уровня языка. К лексическому (словесному) уровню языка относят их многие языковеды. Ср., например: «На словесном уровне, кроме конкретных лексем и их вариантов... существуют определенные типы словесных структур, формальные образцы (модели) словообразования и словоизменения» [Чесноков, с. 22].

Не следует рассматривать в качестве самостоятельных языковых уровней и такие системы (подсистемы) языка, как фразеологическая, интонационная и стилистическая, а также семантический аспект языка, которые иногда оказываются в одном ряду с традиционно выделяемыми уровнями [см.: Архангельский, с. 94].

ФОНЕТИКА

Понятие фонетики

§ 26. Термин фонетика, как и многие другие лингвистические термины, греческого происхождения (от греч. *phōnē* — ‘звук’). Подобно большинству языковедческих терминов,

в том числе и являющихся названиями языковых уровней, данный термин неоднозначен: им определяется не только один из уровней языковой системы, но и раздел науки о языке, изучающий соответствующий языковой уровень, единицы этого уровня, их признаки, взаимоотношения между ними и т. д. Под «фонетикой» понимается:

‘звуковой состав языка’ и ‘раздел языкознания, изучающий звуковой состав языка’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1472];

‘звуковой строй языка’ и ‘раздел лингвистики, изучающий звуковой строй языка’ [СИС, с. 743];

‘акустические и физиологические (артикуляционные) свойства данного языка’ и ‘раздел языкознания, изучающий способы образования звуков речи и их акустические свойства, т. е. физиологию и акустику звуков речи’ [СЛТ-А, с. 496] и т. п.

Необходимо заметить, что в учебной литературе и в некоторых других источниках чаще всего указывается одно значение термина «фонетика»:

‘наука о звуковой системе языка’ [Галкина-Федорук и др., 1957, с. 109];

‘наука о звуках речи, являющихся элементами звуковой системы языка’ [Валгина и др., с. 73];

‘наука, изучающая звуки речи с физиологической и акустической стороны, их закономерные изменения’ [Введенская и др., с. 171].

Наряду с термином «фонетика» в современном языкознании употребляются и другие соотносительные по значению однокоренные термины — «фонемика», «фонематика», «фонология», «фонемология», «фонематология». Наиболее распространен термин «фонология», который обычно используется для обозначения раздела языкознания, или, точнее, раздела фонетики, изучающего «звуки речи как средство различения звуковых оболочек (звуковой стороны, выражения) слов и морфем» [СЛТ-А, с. 499].

В то же время термин «фонология» иногда употребляется для обозначения фонетики в рассмотренном выше ее понимании, т. е. в значении учения о звуковом составе, фонетическом уровне языка вообще [см.: Зиндер, с. 12]. Некоторые зарубежные ученые (М. Граммон, Ф. де Соссюр) называли этим термином учение о звуках речи как физико-физиологических явлениях, использовали его для обозначения исследования «звуков речи во

всех их тончайших оттенках безотносительно к их значимости» [Щерба, 1958, с. 162]. В аналогичном значении ('звуковой строй языка') термин «фонология» иногда употребляется и в отечественном языкознании: «Задача у науки о звуковом строе языка (у фонологии) — одна: установление единиц этого строя, их системы и их функционирования или эволюции» [Реформатский, 1970, с. 83] или: «до сих пор фонология в основном занимается характеристикой и систематикой репрезентантов фонем, а не фонем» [Торсуев, с. 15—16]. В подобном значении некоторыми лингвистами употребляется и термин «фонемология» [см.: Зиндер, с. 12].

На основании изложенного представляется возможным упорядочить использование терминов, а именно: термин «фонетика» сохранить в одном из двух его значений и использовать для обозначения фонетического уровня, фонетического строя языка (ср. «лексика»), а термин «фонология» использовать для обозначения раздела языкознания, изучающего фонетический строй, единицы фонетического уровня языка (ср. «лексикология»). В случае необходимости выделить терминологически подраздел данного раздела языкознания, традиционно именуемый фонологией, допустимо было бы использовать термин «фонемология» (или его вариант «фонематология»), а для обозначения совокупности, системы фонем как объекта изучения данного подраздела — термин «фонемика» (или его вариант «фонематика») [ср.: СЛТ-А, с. 496]. В данной книге сохраняется традиционное использование терминов «фонетика» и «фонология».

Многообразие языковых средств, рассматриваемых в качестве объекта фонетики, находит отражение в предлагаемых некоторыми лингвистами определениях данного раздела языкознания. Ср., например: «Фонетика... — наука о звуках человеческой речи, или фонемах, о слогах, речевых тактах, а также о таких звуковых явлениях, которые тесно связаны с целыми словами и предложениями и самостоятельно не вычлениваются в речи (ударение, интонация)» [Головин, 1966, с. 23—24].

Для обозначения совокупности разнородных языковых явлений, изучаемых фонетикой, нередко используются такие термины, как «звуковые средства», «звуковой материал», «звуковая

сторона языка», а исследующий эти явления раздел науки о языке определяется соответственно:

как «раздел языкознания, изучающий языковые средства языка» [РЯЭ-Ф, с. 374];

как наука о «звуковом материале» языка [Маслов, 1987, с. 33];

как раздел языкознания, изучающий «звуковую сторону» языка [Аванесов, 1956, с. 5].

§ 27. Объектом изучения в фонетике являются прежде всего звуки речи (или фонемы), звуковой (фонемный) состав языка. В то же время в фонетике изучаются и другие единицы, средства языка, которые сами по себе, подобно звукам речи, не выражают языковых значений. Это такие отрезки звучащей речи, сегменты речевого потока, как слоги, дифтонги, трифтонги и т. п., а также некоторые несегментные, нелинейные единицы — ударение, интонация. Именно «учение о звуках... в современной фонетике занимает центральное место. С изучением звуков тесно связано изучение и других явлений звуковой стороны языка: ударения, слога, интонации» [Зиндер, с. 4]. Таким образом, в фонетике изучается «в с я звуковая система языка, т. е. прежде всего его звуки, но не только они, но и их фонетические чередования, различные виды ударения (в словах и во фразах), мелодические типы [т. е. типы интонации. — В. Н.] и ряд других вопросов, касающихся звукового оформления речи» [Матусевич, 1976, с. 5].

Кроме названных фонетических средств, в качестве объекта фонетики как раздела языкознания нередко рассматриваются и такие сегментные единицы, или отрезки звучащей речи, как фонетическое слово, такт (речевой такт), фраза (фонетическая фраза, фонологическая фраза) [см.: Валгина и др., с. 74; РЯЭ-К, с. 598]. При этом наряду со звуками речи и слогами их иногда считают основными фонетическими единицами языка [см.: РЯЭ-К, с. 598].

Фонетическим словом называется отрезок речи, объединенный одним словесным ударением. Это «либо одна словоформа, несущая на себе ударение, либо сочетание в потоке речи ударной словоформы с соседней безударной словоформой (реже с двумя безударными словоформами)» [РГ, т. 1, с. 90].

Фонетическое слово называют еще фонологическим словом [см.: Ломтев, 1972, с. 223; РЯЭ-Ф, с. 360], акцентным словом

[см.: Маслов, 1987, с. 74], акцентной группой [см.: Зиндер, с. 251; Матусевич, 1959, с. 99], большим словом [см.: Гвоздев, 1973, с. 35].

Безударные слова, входящие в состав фонетического слова, называются клíтиками, среди которых различают проклíтики (ср. греч. *proklinō* — ‘наклоняю вперед’), т. е. слова, располагающиеся перед самостоятельным, ударяемым словом, и энклíтики (ср. греч. *enklinō* — ‘склоняюсь’), т. е. слова, располагающиеся после ударяемого слова. Например, в качестве проклитик выступают предлоги в русском и многих других языках (ср.: *на столе, у стола, со стола, за столом, под столом*), частица *не* в русском языке (ср.: *не хочу, не пришёл, не спится*), артикли в немецком, английском, французском и других языках (ср.: нем. *der Mensch* — ‘человек’, *die Hand* — ‘рука’, *das Buch* — ‘книга’). В качестве энклитик выступают в русском языке некоторые постпозитивные частицы (ср.: *сказал бы, садись же, хочешь ли*); в польском языке — особые, сокращенные формы личного местоимения: *go* (наряду с *jego* — ‘его’), *ti* (наряду с *jemu* — ‘ему’), древняя форма винительного падежа единственного числа возвратного местоимения *się*, которой в русском языке соответствует возвратная частица (постфикс) *-ся/-сь* (ср.: *dobrac się* — ‘добраться’, *prosić się* — ‘проситься’, *zapominać się* — ‘забываться’). В некоторых случаях в состав фонетического слова могут входить одновременно и проклитика, и энклитика (ср.: *а придёт ли, да сегодня же, на дачу бы*).

Словесное ударение в составе фонетического слова может перемещаться с самостоятельного слова на служебное, т. е. на клитику, обычно употребляемую без ударения. Это характерно, в частности, для некоторых языков с фиксированным ударением. Так, в польском языке, где ударение всегда на предпоследнем слоге, при сочетании односложного слова (словоформы) со слоговым предлогом или отрицательной частицей *nie* ударение закономерно переходит на проклитику (ср.: *do mnie* — ‘ко мне’, *za rok* — ‘за год’, *nie tam* — ‘не имею’). Аналогичное явление имеет место и в русском языке, при нефиксированном ударении (ср.: *на пол, за город, под руку, не был*).

Фонетические слова выделяются в потоке речи на основе собственно фонетических признаков (отношений), без учета выражаемого ими смысла [см.: РЯЭ-К, с. 598].

Возможны случаи, когда разные фонетические слова входят в состав одного слова как лексической единицы языка (так называемого словарного, или орфографического, слова). Это бывает тогда, когда слово/словоформа имеет два равноправных, равноценных ударения. Например, в немецком слове *blutarm* ('очень бледный') разные ударения в слове имеют одинаковую силу [см.: Маслов, 1975, с. 97].

Некоторые ученые в качестве разных фонетических слов рассматривают также части сложной лексической единицы, имеющие дополнительное (второстепенное, побочное) ударение (наряду с основным, главным ударением), т. е. части этих слов (ср.: *высòдкóуважáемый, перепòнчатокрýлые*), объединенные и основным, и дополнительным ударением [см.: Панов, 1967, с. 182].

По мнению других лингвистов, фонетическое (акцентное) слово создается главным ударением, а «с помощью второстепенного ударения создается лишь некоторое различие внутри единого смыслового и фонетического целого» [Маслов, 1987, с. 78].

Такт (или речевой такт) представляет собой отрезок речи между двумя краткими (ограничительными) паузами. Он может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения [см.: Аванесов, 1956, с. 60; Валгина и др., с. 74; Головин, 1983, с. 44; РЯЭ-Ф, с. 411].

По определению О. С. Ахмановой, такт — это «основная единица ритмико-интонационного членения речи, произносимая одним непрерывным произносительным потоком и выделяемая паузами (или минимумами ритмо-мелодической интенсивности)» [СЛТ-А, с. 468].

В лингвистической литературе данная фонетическая единица называется и речевым звеном [см.: СЛТ-А, с. 385], и дыхательной группой [см.: Зиндер, с. 245].

Однако чаще всего в этом значении используется термин «синтагма» [см.: РГ, т. 1, с. 98; СЛТ-А, с. 408; РЯЭ-К, с. 598; ЛЭС, с. 447; см. также работы Р. И. Аванесова, Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич, В. И. Кодухова, Ю. С. Маслова и др.].

Фраза (фонетическая, фонологическая) — самая крупная фонетическая единица. Фраза (греч. *phrasis* — 'выражение, оборот речи') — это «ряд тактов, объединенных и выделенных инто-

нацией (в частном случае ряд может состоять и из одного такта)» [Панов, 1979, с. 83].

Для обозначения данной фонетической единицы иногда используются и другие термины: «фонетическое словосочетание» [см.: Степанов, с. 93], «высказывание» [РЯЭ-К, с. 598], «интонаема» [см.: РЯЭ-Ф, с. 360].

Термином «фраза» нередко обозначается также фонетическая единица, обычно называемая тактом (или речевым тактом) [см.: СЛТ-А, с. 502; РЯЭ-К, с. 605].

По определению Н. Д. Светозарова, фраза — это «любое интонационно-смысловое единство, ограниченное с двух сторон паузами». При таком употреблении данного термина в нем объединяются понятия фразы и синтагмы [см.: ЛЭС, с. 559].

§ 28. Задачи фонетики как раздела языкознания определяются объектом исследования. Фонетика занимается всесторонним изучением различных фонетических средств языка/языков, их фонетических свойств и т. д. Фонетические средства исследуются с точки зрения их функционирования в речи и изменения в процессе языкового развития. При более широком понимании фонетики как раздела лингвистики в ее задачи включается изучение норм произношения звуков речи (соответственно выделяется подраздел «Орфоэпия»), совокупности графических, начертательных знаков, используемых для передачи звуков речи на письме (подраздел «Графика»), системы правил передачи звуков речи на письме, написания значимых единиц языка (подраздел «Орфография»).

В зависимости от характера задач, решаемых в области фонетики, принято различать фонетику общую и частную (подобно тому как различается общее и частное языкознание).

Общая фонетика изучает общие фонетические закономерности, действующие в разных языках, на основе данных, полученных в результате анализа фонетических явлений конкретных языков. В свою очередь, она является теоретической основой для изучения фонетических систем, фонетических явлений этих языков.

Частная фонетика изучает фонетические средства, различные фонетические явления конкретных языков или опреде-

ленных групп языков, их фонетические системы в целом, вопросы функционирования и развития фонетических систем соответствующих языков.

В рамках частной фонетики различается фонетика описательная (или синхроническая) и историческая (или диахроническая). Историческая фонетика изучает вопросы формирования, изменения и развития разных фонетических явлений отдельных языков или определенных групп языков и фонетических систем этих языков в целом.

Описательная фонетика изучает звуки речи и другие фонетические явления с точки зрения их функционирования, взаимодействия и использования на определенном этапе развития данного языка, в частности в его современном состоянии.

В описательной фонетике звуки речи как важнейшие единицы фонетического строя языка исследуются с разных точек зрения. Обычно говорят о трех аспектах изучения звуков речи:

- 1) физическом, или акустическом;
- 2) биологическом, физиологическом (анатомо-физиологическом), или артикуляционном;
- 3) собственно лингвистическом, социальном, или функциональном.

В соответствии с этим различается фонетика акустическая, артикуляционная и функциональная.

Акустическая фонетика рассматривает звуки речи с точки зрения их физических (акустических) признаков, т. е. изучает акустические свойства звуков, которые позволяют воспринимать звуки речи на слух и различать их.

Наряду с акустическим аспектом изучения звуков речи некоторые лингвисты особо выделяют *п е р ц е п т и в н ы й* аспект фонетики (от лат. *perceptio* — ‘понимание, восприятие, постижение’), который предполагает изучение звуков с точки зрения их восприятия человеком, слушающим звучащую речь [см.: Бондарко Л., с. 6; ЛЭС, с. 554].

Название этого аспекта объясняется как «отражение предметов и явлений реального мира в их целом во время воздействия их на наши органы чувств; восприятие» [ССРЛЯ, т. 9, с. 1066].

Артикуляционная фонетика изучает биологические свойства звуков, физиологию их образования (т. е. работу органов ре-

чи, в результате которой образуются соответствующие звуки), а также устройство речевого аппарата.

Функциональная фонетика занимается изучением звуков речи с точки зрения их использования в процессе общения, выполняемой ими социальной функции — служить средством общения людей.

Обычно функциональную фонетику называют фонолбгией, которую противопоставляют фонетике акустической и артикуляционной. Иными словами, различаются собственно фонетика, включающая акустическую и артикуляционную фонетику, и фонология как подраздел фонетики либо как самостоятельный раздел языкознания, изучающий «звуковую сторону языка в ее функциональной значимости» [РЯЭ-Ф, с. 376] или звуки речи как средство различения звуковых оболочек (звуковой стороны, выражения) слов и морфем» [СЛТ-А, с. 499].

По мнению Л. Р. Зиндера, «звуковую сторону языка можно рассматривать в акустико-артикуляционном и функционально-языковом аспектах», в соответствии с чем различается собственно фонетика и фонология [см.: ЛЭС, с. 554].

Таким образом, термин «фонетика» используется и в широком смысле (как учение о звуках речи в трех названных выше аспектах), и в более узком смысле (как учение о звуках речи в акустическом и артикуляционном аспектах).

В современной лингвистике выделяется также экспериментальная фонетика, в задачи которой входит изучение звуковых единиц языка на основе опытов, экспериментов¹. В экспериментальной фонетике часто используются различные технические средства, поэтому ее нередко называют фонетикой инструментальной (или аппаратурной).

Используемые в фонетических исследованиях технические средства позволяют более точно определить акустические и артикуляционные признаки звуков речи, характер изменения звуков в речевом потоке. Например, с помощью осциллографа звуковые колебания превращаются в колебания электрического тока, светового луча, фиксируемые на киноплёнке или на экране, что позволяет определить длительность, силу, высоту тона звука. С помощью звукового спектрографа можно получить об-

¹ Подробнее см.: Бондарко Л., с. 6, 11; Зиндер, с. 18; Матусевич, 1959, с. 6; Щерба, 1958, с. 140.

щую акустическую картину звука речи. Использование искусственного нёба (пластинка из целлулоида или иного тонкого материала, покрытая тальком), позволяет зафиксировать положение языка по отношению к нёбу при произнесении того или иного звука. Рентгеновский аппарат дает возможность наблюдать за положением и изменением разных органов речи в процессе их работы. С помощью технических средств искусственным путем (без участия человека) создаются также речеподобные звуки [см.: Зиндер, с. 21; Панов, 1979, с. 41; Бондарко Л., с. 29].

§ 29. Фонетика изучает единицы языка, которые непосредственно не выражают каких-либо значений, сами по себе не содержат какой-либо информации. Поэтому на первый взгляд может показаться, что изучение фонетических единиц не имеет существенного значения. На самом деле оно имеет исключительно важное значение — как теоретическое, так и практическое, прикладное.

Теоретическое значение фонетики объясняется прежде всего тем, что она имеет дело с такими материальными единицами языка, как звуки речи, т. е. с единицами, без материального воплощения которых невозможно представить себе более сложные единицы языка и в целом язык как средство общения людей. Таким образом, «без знакомства с фонетической системой языка невозможно теоретическое или практическое изучение языка», в частности, его грамматического строя и словарного состава [Аванесов, 1956, с. 13]. Не случайно именно с фонетики обычно начинается изучение и научное описание любого языка.

Изучение звуковой системы языка, закономерностей изменения звуков речи в процессе исторического развития языка имеет важное значение для исторического языкознания, прежде всего для исторической грамматики и исторической лексикологии. Оно помогает «не только объяснить происшедшие в языке изменения, но и в какой-то мере предсказать возможные пути развития его» [Бондарко Л., с. 3].

Практическое, прикладное значение фонетики состоит прежде всего в том, что на основе ее данных создается письменность для ранее бесписьменных языков и совершенствуются существующие письменные системы; фонетика поло-

жена в основу обучения письму и чтению; на фонетику опирается изучение произношения на неродном языке.

Лингвистические сведения, полученные в результате фонетических исследований, практически используются и в других сферах человеческой деятельности. В медицине (в логопедии) они широко используются для успешного лечения речевых расстройств, устранения дефектов речи. Они необходимы для совершенствования и повышения эффективности работы технических средств связи, для увеличения пропускной способности телефонных линий и т. д.

Понятие звука речи

§ 30. Звук — важнейшая единица фонетического уровня языка. Понятие звука речи можно объяснить, опираясь на ближайшее родовое понятие — на звук как акустическое явление. Звук в физическом смысле обычно определяется как «волнообразно распространяющееся колебательное движение материальных частиц упругого тела» или, точнее, как результат такого движения, как «воспринимаемое органами слуха ощущение, вызываемое механическими колебаниями» [ССРЛЯ, т. 4, с. 1158]. Для того чтобы легче было представить себе звук как результат механических колебаний, можно сравнить данное явление со зрительно воспринимаемым волнообразным колебанием массы воды на поверхности водоема, которое образуется при соприкосновении с брошенным в воду камешком.

Говоря о звуке как результате механических колебаний материальных частиц упругого тела, необходимо иметь в виду, что не всякое колебание материальных частиц воспринимается человеком как звук. Установлено, что человеческое ухо способно улавливать колебания упругой среды, имеющие частоту от 15 до 20 000 герц. Колебания, имеющие частоту менее 15 герц, органами слуха человека не воспринимаются. Колебания, частота которых превышает 20 000 герц, ощущаются как боль в ушах. Лучшее всего воспринимаются человеком колебания с частотой 1500—3000 герц.

Звук речи как понятие видовое по отношению к звуку как понятию родовому следует определять с учетом конкретных признаков, по которым он отличается от всех других звуков (звуков природы, звуков, издаваемых животными, образуемых музыкальными инструментами, и др.). В качестве важнейших отличительных признаков звука речи можно назвать следующие:

1) звуки речи образуются с помощью органов речи человека, его речевого аппарата (в отличие от неречевых звуков);

2) звуки речи используются в процессе общения людей, выступают в качестве средства общения, т. е. выполняют социальную, коммуникативную функцию (в отличие от других звуков, в том числе и издаваемых человеком, таких, как свист, вздохи, стоны и др.);

3) звуки речи сами по себе не выражают языковых значений (в отличие от единиц других уровней языка, в том числе и таких, которые состоят из одного-единственного звука, т. е. равных звуку в материальном отношении, например: окончание *-а*, префикс *в-*, суффикс *-н-*, союз *и*, предлог *у* и др.).

Естественно, звук речи является простейшей, кратчайшей единицей языка, не способной делиться на более мелкие языковые единицы (в отличие от большинства морфем, слогов, слов и др.). На основании перечисленных признаков звук речи можно определить как звук, создаваемый с помощью речевых органов человека, служащий средством общения людей, лишенный языкового значения. Иными словами, звуки речи представляют собой кратчайшие отрезки, или сегменты, звучащей человеческой речи, речевого потока, лишенные языкового значения.

По определению Л. В. Бондарко, звуками речи являются «минимальные единицы речевой цепи, являющиеся результатом артикуляционной деятельности человека и характеризующиеся определенными акустическими и перцептивными (связанными с восприятием речи) свойствами», иначе — «комплексы артикуляционных движений и их определенный акустический эффект, формирующие звуковую оболочку значимых единиц речи» [ЛЭС, с. 165; РЯЭ-Ф, с. 86].

Предлагаются и более простые определения данного понятия [см.: ОПФТ, с. 91].

Понятие звука речи соотносительно в известном смысле с понятием фонемы (от греч. *phōnē* — ‘звук’). Отношения между этими понятиями можно определить как родо-видовые. Каждая фонема представляет собой звук речи, но не каждый звук речи является фонемой. Фонемами считаются такие звуки речи, которые не только образуют более сложные единицы языка, но и способны различать эти единицы, противопоставлять их друг другу. Так, <о> и <а> в составе слов/словоформ *стол* и *стал* представляют собой две разные фонемы, поскольку именно они различают данные словоформы — существительное в форме именительного падежа единственного числа и глагол в форме единственного числа мужского рода прошедшего времени. Соответствующие им звуки в составе словоформ *стол* и *столы* не являются разными фонемами, представляют собой две разновидности фонемы <о>, поскольку они не служат средством различения данных словоформ; различие между ними создается не с помощью корневых звуков [о] и [а], а благодаря наличию в словоформе *столы* окончания именительного падежа множественного числа -ы (ср.: *кран* — *краны*, *порт* — *порты*, *зуб* — *зубы*, *тигр* — *тигры*, *тень* — *тени*, представляющие аналогичные формы существительных, полностью совпадающие по корневым гласным). Таким образом, фонема может быть определена как звук речи, способный различать более сложные, значимые единицы языка (морфемы, слова и др.), их звуковые оболочки.

Ср.: фонемами называются «звуки речи как особого рода знаки, при помощи которых различаются слова языка, точнее, звуковая оболочка слов» [Аванесов, 1956, с. 7].

Иными словами, фонема — это «кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы... служащая для образования и различения самих слов и морфем» [Будагов, 1965, с. 174];

это «минимальная звуковая единица, используемая в языке для образования значимых единиц и для их различения» [Бондарко Л., с. 114];

это «единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц — морфем, в состав которых она входит в качестве минимального сегментного компонента, а через них — и для опознавания и различения слов» [ЛЭС, с. 552].

Транскрипция как средство отображения звуков речи

§ 31. Известно, что звуки речи на письме передаются особыми знаками — буквами. Известно также, что полное соответствие между звуками и обозначающими их буквами часто отсутствует. Ср., например, написание и произнесение начального согласного в слове *что*, конечного согласного в слове *снег*, безударных гласных в словах *голова*, *переход*, *пятерня* и т. д. Для точного отображения звуков речи на письме используется специальная система письма, называемая транскрипцией (от лат. *trānscrīptio* — ‘переписывание’)¹.

Транскрипция определяется как «особая система письма, применяемая для точного обозначения звукового состава речи» [Головин, 1983, с. 179];

как «способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [ЛЭС, с. 517];

как «специальный способ записи речи для научно-лингвистических целей» [СЛТ-А, с. 478].

При этом подчеркивается, что «всякая транскрипция исходит из з в у ч а н и я и стремится передать его с той или иной степенью точности» [Маслов, 1987, с. 262].

В зависимости от целей, которые ставятся перед транскрипцией, различается транскрипция научная и практическая. Научная транскрипция применяется в теоретических исследованиях в области фонетики, при изучении и описании территориальных диалектов, в специальной учебной литературе, в лингвистических словарях и справочниках. В зависимости от характера использования транскрипционных знаков (степени точности обозначения ими звуков транскрибируемого текста) в рамках научной транскрипции различается транскрипция фонетическая (или аллофонемная) и фонематическая (или фонемная, фонологическая).

Фонетической транскрипцией называется запись устной речи, «основанная на строгом соответствии между буквами письма и реально произносимыми звуками» [Аванесов, 1956, с. 44]. Она передает на письме устную речь со всеми ее звуковыми осо-

¹ Вопрос о транскрипции относится к широкому кругу вопросов теории письма. Рассмотрение этого вопроса в разделе «Фонетика» мотивируется тем, что транскрипция используется при объяснении звуков речи и многих других фонетических явлений.

бенностями, с учетом всевозможных изменений звуков в речевом потоке. Для обозначения каждого звука в фонетической транскрипции вводится особый буквенный знак, который в случае необходимости сопровождается дополнительными различительными, дифференциальными (диакритическими) значками.

В работах по фонетике русского языка при фонетической транскрипции обычно применяется система транскрипционных знаков, разработанная на основе русского алфавита. В работах по общему языкознанию целесообразнее использовать транскрипционную систему, основанную на латинском алфавите, поскольку в них приходится объяснять фонетические явления различных языков, многие из которых пользуются латиницей. Транскрибируемые звуки и слова заключаются в квадратные скобки, например: о[с'л']ик.

При фонетической транскрипции используются только строчные буквы:

<i>лат.</i>	<i>рус.</i>	<i>лат.</i>	<i>рус.</i>
a	а	l	л
b	б	m	м
c	ц	n	н
d	д	o	о
e	е	p	п
f	ф	r	р
g	г	s	с
h	[г] фрикативный (произносится с придыханием)	t	т
i	и	u	у
j	й	v	в
k	к	z	з

Для обозначения шипящих согласных используются латинские буквы с надстрочным значком в виде «галочки»: [č] (рус. [ч]), [š] (рус. [ш]), [ž] (рус. [ж]).

Для обозначения звонких слитных согласных (или аффрикат), которые во многих языках отсутствуют, использу-

ются сочетания двух букв, объединенных сверху дужкой: [d̥z̥] (звонкая свистящая аффриката) и [d̥ʒ̥] (звонкая шипящая аффриката). Аналогичным образом обозначаются дифтонги: [e̯i], [u̯i], [a̯u], [i̯e], [u̯o] и др.

В случае необходимости передать в транскрипции гласный древнерусского языка, обозначавшийся буквой ѣ («ять»), используется знак [ě].

Буквами русского алфавита обозначаются: согласный [x], который в ряде языков обозначается сочетанием разных букв; гласный [ы], который во многих языках, пользующихся латинским алфавитом, отсутствует. Редуцированные гласные, характерные для русского языка, произносимые во втором предударном слоге и в заударных слогах в соответствии с ударными [а], [о], [э], обозначаются как [ъ] и [ь]: *n[ъ]русина, кам[ь]нь*.

Для обозначения ослабленного гласного [а], произносимого в русском языке на месте *a* или *o* в первом предударном слоге, традиционно используется особый знак ^ («крышка»): *в[^]да́*.

При обозначении некоторых звуков речи, совмещающих в той или иной мере артикуляцию разных звуков, в транскрипции рядом с основным знаком ставится маленькая буква (справа сверху), символизирующая соответствующий призвук основного звука. Так, для обозначения русского гласного [э] с призвуком [и] ([э̯], склонное к [и]), произносимого на месте *э* или *a* в первом предударном слоге после мягкого согласного, используется сложный знак [e̯ⁱ]. Подобным способом могут передаваться звуки, обозначаемые в немецком языке буквами *ö* [o̯ⁱ] и *ü* [u̯ⁱ].

Соответствующим образом носовой призвук гласного может обозначаться маленькой буквой *n*, например: польск. *ręka* [reⁿka] — ‘рука’.

Для обозначения губного оттенка согласного в качестве дополнительного значка используется кружок, символизирующий округленность губ: *пирог* [p’ir^ook], *рагу* [rag^ou].

Мягкость согласных принято обозначать значком, напоминающим знак апострофа: *лес* [l’es], *пять* [p’at’]. Полумягкость согласных обозначается соответствующим двойным значком, например: польск. *las* [l’”as] — ‘лес’.

Долгота звука может обозначаться либо чертой над буквенным знаком, либо двоеточием после него. Более удобным

знаком представляется двоеточие. Использование верхней черточки несколько затруднено из-за наличия в транскрипционной записи других надстрочных диакритических знаков и знака ударения.

Словесное ударение обозначается обычным знаком ударения (´). В случае необходимости обозначить дополнительное, побочное ударение может быть использован этот же знак, но с наклоном влево (˘).

Клитики в фонетическом слове при транскрипции соединяются со знаменательным словом дужкой сверху: *на горе* [пъ̣gʌr'e], *под столбм* [pъṭstʌlom], *видишь ли* [v'idiš'li].

Фонематическая транскрипция представляет собой запись речи, в которой передаются не все звуки, а только состав фонем данного языка, раскрывается фонемный состав слов. При этом каждая фонема передается одним и тем же знаком, независимо от ее возможных изменений в речи¹.

Практическая транскрипция используется при передаче иноязычных слов или словосочетаний, главным образом имен собственных и научных терминов. С ее помощью воспроизводится приблизительное звучание иноязычных слов графическими средствами заимствующего языка, в соответствии с его фонетической системой. Звуки заимствуемых слов, отсутствующие в заимствующем языке, заменяются другими, наиболее близкими к ним в акустическом отношении. Так, глоточный согласный [h] (звук, произносимый в немецком, английском и других языках при сужении прохода для воздуха в полости глотки) в русской транскрипции обычно передается как [г] или [х] (*Гейне, Говард, Хирт*). При этом допускаются некоторые отклонения от принятых в заимствующем языке правил орфографии. Так, в русском письме, вопреки существующим правилам, допускается написание в именах собственных буквы *ы* после *ж, ш, к, й* (*Джыланды, Шыклар, Кызыл, Жайык*), букв *ё, ю, я* после *ж, ш, ц, ч, ш, к, г, х, й* (*Цюрих, Шяуляй, Кяхта* и др.). Практическая транскрипция широко применяется в издательской практике, в периодической печати, в специальной литературе, в туристических путеводителях, на географических картах, при

¹ Подробнее о фонетической и фонематической транскрипции см.: Аванесов, 1956, с. 10; Щерба, 1957, с. 153; Матусевич, 1976, с. 44; Зиндер, с. 292; Маслов, 1987, с. 34, 48, 262; РГ, т. 1, с. 15, 72.

переводе технической документации, номенклатурных списков товаров, прейскурантов и т. п. [см.: Реформатский, 1967, с. 380; ЛЭС, с. 518]¹.

Акустическая характеристика звуков речи

§ 32. Существует три аспекта изучения звуков речи — акустический, артикуляционный и функциональный [см. § 28]. По традиции рассмотрение звуков речи начинают с их акустической (т. е. физической) характеристики, с объяснения акустических признаков звуков, по которым они различаются на слух. Звуки речи, как и все другие звуки, характеризуются рядом акустических признаков:

- 1) наличием (преобладанием) тона (музыкального тона, голоса) или шума;
- 2) силой, громкостью, или интенсивностью;
- 3) высотой тона;
- 4) долготой, длительностью, или количеством;
- 5) тембром.

Наличие (преобладание) тона или шума зависит от характера колебания упругого тела, образующего звук (например, металлической пластинки, корпуса колокола, струны музыкального инструмента, голосовых связок). По этому признаку среди звуков различаются тоны и шумы. Тон образуется тогда, когда колебание носит упорядоченный, ритмический характер, т. е. является равномерно периодическим. К тонам относятся, например, звуки, производимые музыкальными инструментами. Шум возникает при условии, если ритмичность, периодичность в колебаниях отсутствует. Шумами являются, например, звуки, возникающие при движении колес автомобиля.

Среди звуков речи тоны образуются при сближенных, напряженных и вибрирующих голосовых связках, шумы — при ненапряженных голосовых связках. Так, все гласные звуки представляют собой тоны (или являются в основном тонами [см.: Матусевич, 1959, с. 20]), в то время как согласные представляют собой чистые шумы или сочетания шума и то-

¹ Транскрипцию (в разных ее видах) не следует смешивать с транслитерацией, под которой понимается побуквенная передача текста или отдельных слов, записанных на том или ином языке, графическими средствами воспроизводящего языка [см. § 323].

на. К чистым шумам относятся глухие согласные (например, [п], [т], [к], [с], [ш], [ф], [х]). Звонкие же согласные сочетают в себе (в разной степени) шумы и тоны. У шумных звонких (таких, как [б], [д], [г], [з], [ж], [в]) преобладает шум, у звонких сонорных ([л], [м], [н], [р]) — тон.

Сила звука различается в зависимости от размаха, амплитуды колебаний упругого тела, в том числе голосовых связок человека. Амплитуда колебания тела, в свою очередь, зависит от величины колеблющегося тела и силы воздействия на него. Чем больше по размеру колеблющееся тело, тем значительнее амплитуда его колебания (при соответствующем воздействии) и, следовательно, тем сильнее звук. И наоборот, чем меньше тело, тем ниже амплитуда его колебаний и слабее звук. Ср., например, звуки соборного колокола и колокольчика на шее животного, рев быка и комариный писк, голос взрослого человека и речь детей, у которых голосовые связки значительно короче, чем у взрослых. Сила речевого звука зависит от разных условий, в частности, от места удара в слове, особенно в языках с так называемым силовым (динамическим, экспираторным) ударением. В таких языках с наибольшей силой произносится звук ударный: *каранда́ш*, несколько слабее — в первом предударном слоге: *каранда́ш*, еще слабее — другие безударные: *каранда́ш*.

Высота звука (или тона звука) определяется частотой колебания физического тела, которая зависит от размеров и упругости, эластичности колеблющегося тела. Чем меньше и эластичнее тело, тем значительнее частота его колебания и выше тон издаваемого им звука. Ср., например, звуки колоколов разных размеров, струн рояля разной длины, струн скрипки разной напряженности. Высота тона звуков речи зависит от длины и напряженности голосовых связок. Чем короче связки, тем они напряженнее и чаще колеблются и тем выше тон издаваемого ими звука. В языках с тоническим (или музыкальным) ударением заметно различается высота тона ударных и безударных гласных: ударные звуки произносятся на более высокой ноте, чем безударные.

Длительность звука определяется продолжительностью колебания физического тела, количеством времени, которое затрачивается на образование данного звука. Ср., например,

звук выстрела и гудок парохода, звуки гласные и согласные, которые обычно короче гласных.

Длительность звука речи во многом зависит от темпа речи: «чем быстрее темп, тем меньше длительность звука, и наоборот, чем медленнее темп, тем больше длительность звука» [РГ, т. 1, с. 14]. Отмечается также зависимость длительности звуков речи от количества звуков в слове: чем больше звуков в слове, тем меньше длительность каждого из них [см.: Бондарко Л., с. 159].

Долгота-краткость звука нередко зависит от фонетических условий его употребления. В частности, длительность гласного может зависеть от места словесного ударения (особенно при квантитативном, т. е. количественном, ударении), от положения звука по отношению к началу или концу слова, от структуры слога, от количества звуков в нем, от типа слога (закрытый или открытый), от качества соседнего согласного (глухой или звонкий) и др. Например, в некоторых языках, в том числе и в русском, ударные гласные более длительные, чем безударные; в закрытом слоге гласный обычно звучит короче, чем в открытом; в положении перед звонким согласным гласный обычно произносится более длительно, чем перед глухим; во французском языке в абсолютном конце слова, как правило, употребляются только краткие гласные.

В ряде языков долгое или краткое произнесение отдельных гласных не зависит от фонетических условий их употребления; долгие и краткие звуки выступают как самостоятельные фонемы, т. е. служат средством различения звуковой оболочки слов [см. § 45].

Тембр звука, т. е. специфическая окраска, различающая звуки одинаковой силы, высоты и длительности, создается в результате сочетания основного тона с добавочными (побочными, парциальными) тонами (или обертонами). Тембр звука различается в зависимости от объема и формы резонирующего пространства, или резонатора (например, комнаты, концертного зала, внутреннего пространства музыкального инструмента). Ср., например, звук выстрела из одного и того же пистолета в закрытом помещении и в открытом пространстве, игру на одном и том же инструменте в жилой комнате, в концертном зале и на открытой эстраде.

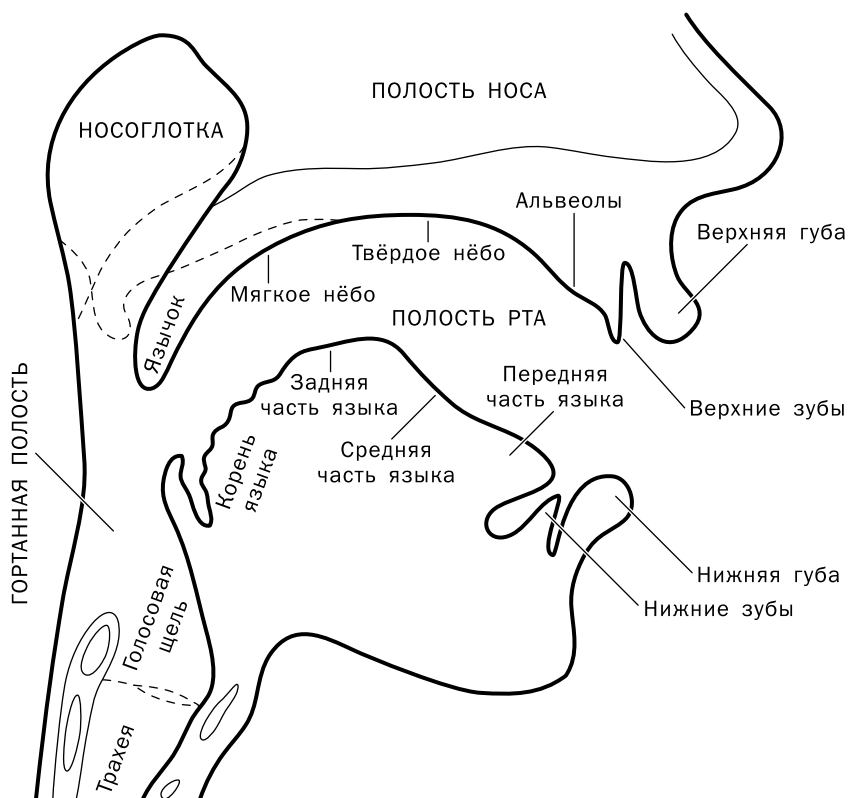
Тембр звуков речи различается в зависимости от объема и формы полостей рта, носа и гортани, которые в процессе говорения видоизменяются с помощью активных органов речи. По тембру различаются также одни и те же звуки, произносимые разными людьми (поскольку объем и форма резонирующих полостей у людей не совпадают). Именно благодаря тембру произносимых звуков мы часто различаем знакомых нам людей по голосу, не видя их (например, в разговоре по телефону).

Артикуляционный аспект звуков речи

§ 33. Акустические свойства звуков речи определяются их артикуляционными особенностями, т. е. зависят от работы органов речи. Поэтому объяснение артикуляционных (т. е. биологических, физиологических) признаков звуков речи целесообразно начинать с характеристики органов речи, речевого аппарата человека.

Речевым аппаратом называется совокупность органов речи. Органами речи являются части организма человека, которые наряду с той или иной физиологической функцией выполняют определенную социальную функцию, прямо или косвенно участвуя в образовании звуков речи. К органам речи относятся: язык, губы (верхняя и нижняя), зубы (верхние и нижние), альвеолы (бугорки у корней передних зубов, образующие неровный выпуклый валик), нёбо (переднее, или твердое, и заднее, или мягкое), нёбная занавеска (задняя часть мягкого нёба)¹, язычок, или маленький язычок (конечная часть нёбной занавески в виде конусообразного выступа, отростка), голосовые связки (упругие мышцы, два пучка мускулов, расположенные поперек гортани и прикрепленные к ее хрящам, напоминающие струны музыкального инструмента), легкие, дыхательное горло, гортань, надгортанные полости (т. е. полости рта, носа и глотки, или зева) и др.

¹ Этим термином иногда называют также мягкое нёбо [см.: Будагов, 1965, с. 166; Кодухов, 1987, с. 106] или язычок [см.: Гвоздев, 1973, с. 18].

В зависимости от того, какие функции выполняют органы речи в процессе образования звуков, их можно разделить на три группы — на органы дыхательные, резонирующие и произносительные.

Дыхательными органами речи являются: легкие, бронхи, дыхательное горло, гортань; иногда к ним относят также грудную клетку и грудобрюшную преграду, или диафрагму. Они создают воздушную струю, необходимую для того, чтобы вызвать звуковые колебания. Все дыхательные органы образуют дыхательный аппарат.

Резонирующими органами речи (или резонаторами) называются надгортанные полости, т. е. полость рта, полость носа и полость глотки (зева). Совокупность этих органов речи иног-

да называют надставной трубой. В речевом процессе эти органы изменяют свой объем и форму, чем определяется тембр произносимых звуков.

Произносительные органы речи (или органы произношения) — это язык, губы, зубы, альвеолы, твердое нёбо, мягкое нёбо, нёбная занавеска, язычок и голосовые связки. Расположенные в полости рта, эти органы непосредственно участвуют в оформлении звуков, создавая разные препятствия струе выдыхаемого воздуха и обеспечивая тем самым различия между звуками¹.

В зависимости от степени их участия в образовании звуков произносительные (собственно произносительные) органы речи подразделяются на активные и пассивные. Активными органами речи являются такие, которые при образовании звуков изменяют свое положение в полости рта, т. е. выполняют те или иные движения, необходимые для образования звука речи. К ним относятся язык, губы, мягкое нёбо, нёбная занавеска, язычок и голосовые связки. Пассивными органами речи называют такие, которые при произнесении звуков не меняют своего положения, «служат лишь “точкой опоры” для активного органа» [Маслов, 1987, с. 37]. Это твердое нёбо, зубы и альвеолы [см. § 43].

Некоторые лингвисты к числу органов речи относят головной мозг и центральную нервную систему человека, которые при образовании звуков речи выполняют особые функции: головной мозг побуждает органы речи к образованию звуков, центральная нервная система управляет всей работой речевого аппарата.

§ 34. При произнесении звука речи органы речи занимают определенное положение, осуществляют те или иные движения. Работа всех произносительных органов речи, совокупность движений активных органов, которые необходимы для образования отдельного звука, называется артикуляцией звука речи. Можно говорить, например, об артикуляции

¹ Некоторые лингвисты резонирующие и произносительные органы речи объединяют в одну группу произносительных органов, среди которых различают органы дыхательные и собственно произносительные [см.: Зиндер, с. 86].

русского гласного [ы], французского носового гласного [o], польского слитного (аффрикативного) согласного [dʒ] и т. д.

Артикуляция звука речи представляет собой явление сложное. В артикуляции различается три фазы: приступ, выдержка и отступ. Приступ (или экскурсия) — это начальная фаза артикуляции звука речи, при которой органы речи приводятся в положение, необходимое для произнесения данного звука. Например, в начале артикуляции гласного [у] губы размыкаются, округляются и выпячиваются вперед; в начальной фазе артикуляции согласного [в] нижняя губа сближается с верхними зубами и т. д.

Выдержка — главная фаза артикуляции звука речи — заключается в прекращении (либо замедлении) движения органов речи. В этот момент произнесения звука струя выдыхаемого воздуха преодолевает преграду, образуемую производительными органами, в результате чего и возникает звук.

Отступ (или метастаз) — это последняя фаза артикуляции звука речи. В данный момент образования звука органы речи приводятся в исходное положение или же принимают положение, необходимое для произнесения следующего звука.

Если приступ — это «выход на работу органов речи» [Панов, 1967, с. 29], то выдержка может рассматриваться как основная их работа по оформлению данного звука, его акустических свойств, а отступ — как «уход речевых органов с работы».

Совокупность артикуляций звуков того или иного языка называется артикуляционной базой данного языка. Звуковые системы разных языков различаются как в количественном, так и в качественном отношении. Следовательно, различаются и артикуляционные базы языков. «Строение органов речи у всех людей одинаково, но работают эти органы в процессе речи по-разному» [Баранникова, 1973, с. 7].

Овладение отдельными артикуляциями (а значит, и артикуляционной базой) неродного языка нередко вызывает значительные трудности. Так, лица, для которых родным языком является русский, испытывают затруднения в овладении артикуляциями носовых гласных французского, польского и других языков, так называемого европейского, или среднего

(по твердости-мягкости), согласного [л], мягких согласных [ж] и [сь] и др.

Многие иностранцы с трудом произносят или вообще не в состоянии произнести русский гласный [ы]. Например, в речи француза русское слово *быстро* обычно звучит как *бистрô* (отсюда французское название небольшого кафе, вернувшееся в русский язык в преобразованном на французский лад виде)¹.

Звуки речи с функциональной точки зрения

Фонема и ее отличительные признаки

§ 35. В науке звуки речи изучаются не только в акустическом и артикуляционном аспектах, но и в аспекте функциональном (функционально-языковом, собственно лингвистическом, или фонологическом). На этом основании фонетике как учению о звуках речи в акустико-артикуляционном аспекте обычно противопоставляется фонология (или функциональная фонетика) как учение о звуках речи в функциональном аспекте. При этом функциональная сторона звуков признается наиболее важной для языкознания. Основной единицей языка, изучаемой в фонологии, является фонема, которая представляет собой звук речи, способный различать значимые единицы языка (морфемы, слова и др.), их звуковые оболочки [см. § 30]. Важно отметить, что фонема сама по себе не выражает языкового значения, не является знаковой единицей языка. Правда, многие фонемы могут внешне совпадать со значимыми единицами языка — морфемами или словами, например, с суффиксами (-н-, -т- и др.), префиксами (о-, у-, в-, с-), флексиями (-а, -о, -е, -и, -у, -ы), предлогами (у, в, к, с), союзами (а, и). Но в таких случаях они представляют собой уже не фонемы (как асемантические единицы языка), а морфемы или слова.

Фонемы способны различать значимые единицы языка благодаря тому, что они материально выражены, обладают известными акустическими и артикуляционными свойствами, воспринимаются органами слуха человека.

¹ О классификации звуков речи (фонем) по артикуляционным признакам см. § 42.

«Язык может служить орудием общения и обмена мыслями только потому, что значащие единицы языка (морфемы, слова и т. д.) материализуются в звуках, произносимых говорящими и воспринимаемых слушающими. Роль звуков языка — фонем [выделено нами. — В.Н.] и состоит в том, чтобы служить материальной оболочкой мысли» [Маслов, 1975, с. 50]. Функцию различения значимых единиц языка, их звуковой оболочки фонемы выполняют благодаря наличию у них определенных различительных признаков.

Говоря о материальности фонем как единиц языка, необходимо сделать две существенные оговорки. Во-первых, следует иметь в виду, что одни лингвисты под фонемой понимают совокупность конкретных звуков, представляющих собой различные видоизменения определенной фонемы в речи (набор фонов, аллофонов данной фонемы), воспринимаемых на слух. Другие языковеды представляют фонему как некую абстракцию, которая реализуется в конкретных звуках (фонах, аллофонах), но сама по себе не является материальной сущностью [см.: Шайкевич, с. 42].

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что некоторые ученые признают наличие в языках (наряду с материально выраженными фонемами) так называемых нулевых фонем (или зерофонем), под которыми понимаются паузы между материальными, «звуковыми» фонемами, или диэрэмы [см.: Панов, 1967, с. 169]. Предполагается, что отсутствие звучания — это тоже «своеобразный способ материального выражения фонетической единицы» [см.: Киров, 1997, с. 253]. Более того, высказывается мнение, что «анализ звуков языка следует начинать с принятия аксиомы о том, что существуют звук и пауза, которая является нулевым звуком и играет в синтагматике языка очень важную разграничительную роль. И коль скоро существует нулевой звук, то существует и образ этого звука, т. е. ментальная фонема паузы, — нулевая ментальная фонема» [Там же, с. 252].

Более убедительным представляется мнение, согласно которому необходимо «отказаться от включения нулевой фонемы в систему фонем» на том основании, что нулевая фонема «не выполняет основной функции фонемы — не образует слов языка» [Там же, с. 254].

Различительные признаки фонем (или дифференциальные¹, дистинктивные) определяются артикуляцией соответствующих звуков речи, положением и изменением отдельных органов речи при их произнесении. Каждая фонема характеризуется наличием определенного набора дифференциальных признаков, которые частично повторяются у разных фонем. Например, для фонемы <у>-[u] в русском языке, равно как и во многих других языках, характерны следующие признаки: гласная (в отличие от всех согласных), задний ряд (не передний или средний), верхний подъем (не нижний или средний), губная (в противоположность негубным), чистая (не носовая); фонеме <б>-[b] свойственны такие признаки: согласная (в отличие от гласных), шумная (в противоположность сонорным), звонкая (не глухая), твердая (не мягкая), губно-губная (не губно-зубная или язычная), смычная (не щелевая или дрожащая), чистая (не носовая).

Та или иная конкретная фонема отличается от других фонем данного языка одним, двумя или большим количеством дифференциальных признаков. Например, в русском языке гласные фонемы <э>-[e] и <и>-[i] различаются одним признаком (по месту подъема языка), фонемы <у>-[u] и <ы> — двумя признаками (по месту подъема языка и по участию губ), фонемы <у>-[u] и <а> — тремя признаками (по месту подъема языка, по степени его подъема и по участию губ) и т. д.

Различия между фонемами того или иного языка по каким-либо конкретным дифференциальным признакам называются противопоставлением фонем [или их оппозицией (от лат. *oppositio* — ‘противопоставление’)]. Можно говорить, например, о противопоставлении (опозиции) согласных фонем по при-

¹ Термин «дифференциальные признаки фонемы» нередко используется в более узком значении, т. е. для обозначения различительных признаков, по которым данная фонема противопоставляется другим фонемам того же языка, например, признак глухости, по которому русский согласный [к] противопоставляется звонкому согласному [г]. Такие признаки, по которым соответствующая фонема в данном языке не противопоставляется другим фонемам, называются интегральными; это, например, глухость русского согласного [х], который не образует пары по глухости-звонкости.

знаку звонкости-глухости в русском языке (ср. <д>-[d] и <т>-[t] в словах *дом* и *том*, *дот* и *тот*, *дам* и *там* и т. п.), по твердости-мягкости (ср. <н>-[n] и <н'>-[n'] в словах *кон* и *конь*, *нос* и *нёс*), по месту образования (ср. <п>-[p], <т>-[t] и <к>-[k] в словах *пол*, *тол*, *кол*).

В определенных фонетических условиях (в слабой позиции) различия между отдельными фонемами по тем или иным признакам способны утрачиваться, т. е. разные фонемы могут совпадать в одном звуке. Такое явление называется нейтрализацией фонемных противопоставлений (или нейтрализацией фонем, фонологической нейтрализацией).

Достаточно часто наблюдается нейтрализация противопоставления согласных фонем по признаку звонкости-глухости в абсолютном конце слова, когда происходит оглушение конечного шумного звонкого согласного. Так, в русских словах *код* (ср. *коды*) и *кот* (ср. *коты*) конечные фонемы совпадают в звуке [т] ([t]); в формах родительного падежа множественного числа существительных *коз* (ср. *коза*) и *кос* (ср. *коса*) конечные фонемы совпадают в звуке [с] ([s]); у существительных *изморозь* (ср. *морозить*) и *изморось* (ср. *моросить*) разные конечные фонемы совпадают в звуке [с'] ([s']). Данное явление характерно также для болгарского, польского, чешского, литовского, немецкого и других языков, но не свойственно украинскому, английскому, шведскому, французскому и другим языкам.

В ряде языков, в том числе и в русском, имеет место нейтрализация противопоставлений согласных фонем по звонкости-глухости также внутри слова: звонкая согласная фонема перед глухой оглушается, а глухая перед звонкой озвончается. В русском языке это находит отражение в таких словах, как *косьба́* [kʌz'ba] (ср. *косить*), *просьба́* [proz'bʲa] (ср. *просить*), *перевозки* [p'eʁ'eʲvosk'i] (ср. *перевозить*) и др. В некоторых языках (в чувашском, тюркских языках Сибири) глухие согласные фонемы подвергаются озвончению внутри слова в положении между гласными [см.: ЛЭС, с. 528].

Широко распространена в разных языках нейтрализация согласных фонем по признаку твердости-мягкости: твердый согласный в положении перед мягким смягчается, мягкий

перед твердым отвердевает. В русском языке это отражено в таких словах, как: *насто́льный* [nastol'nyj] (ср. *стол*), *сиби́рский* [s'ib'irsk'ij] (ср. *Сибирь*), *ру́ки* [ruk'i] (ср. *рука*) и др.

Для некоторых языков (например, для русского, белорусского) характерна нейтрализация противопоставлений гласных фонем неверхнего (нижнего и среднего) подъема. Так, в русском языке в безударных слогах совпадают по звучанию гласные [o] и [a], а в положении после мягкого согласного — также [э] ([e]) и [a]. Ср.: *во́лы* [v\lɨ] (ср. *вол*) и *ва́лы* [v\lɨ] (ср. *вал*); *сома́* [s\ma] (ср. *сом*) и *сама́* [s\ma] (ср. *сам*); *мохови́к* [m'x\v'ik] (ср. *мох*) и *махови́к* [m'x\v'ik] (ср.: *махать*, *машет*); *пелу́х* [p'e'tux], *пелушо́к* [p'ɛtušok] (ср. *петь*) и *пята́к* [p'e'tak], *пятачо́к* [p'ɛtʂ'ok] (ср. *пятя*).

Фонемой называется «кратчайшая звуковая единица данного языка, способная быть в нем единственным внешним различителем экспонентов морфем и слов. Кратчайшая — значит неделимая на какие-либо более короткие единицы, которые следовали бы друг за другом в линейной последовательности речевой цепи и обладали бы теми же функциональными свойствами, которыми обладает фонема» [Маслов, 1987, с. 54].

Говоря о фонеме как кратчайшей единице языка, следует обратить внимание на то, что некоторые лингвисты кратчайшей единицей языка считают не фонему, а тот или иной различительный признак фонемы: например, огубленность (или лабиализованность) гласного, взрывность, звонкость, мягкость согласного и т. п. [см.: Степанов, с. 226]. Такие признаки фонем называются еще акúсами [см.: Панов, 1967, с. 150; Торсуев, с. 10], кинéмами [см.: Там же; Гвоздев, 1973, с. 11; Лебедева, с. 20], субфонемами [см.: Панов, 1967, с. 113; Реформатский, 1970, с. 90].

По мнению В. В. Иванова, фонема — это «основная единица звукового строя языка, предельный элемент, выделяемый линейным членением речи», но она «не является простейшим элементом, так как состоит из сосуществующих признаков» [РЯЭ-Ф, с. 374].

Думается, что различительные признаки фонем не следует рассматривать как самостоятельные единицы языка на том основании, что они сами по себе (в отрыве от фонем) не выполняют в языке каких-либо функций, они «никогда не могут играть

роль единственного различителя двух слов или морфем» [Маслов, 1975, с. 63].

Функции фонем

§ 36. Фонемы, как и другие языковые единицы (знаковые и незнаковые), выполняют в языке определенные функции. Обычно различаются две основные функции фонем: функция образования других (более сложных) единиц языка, или строевая функция, и функция различения значимых единиц языка (морфем, слов и др.), или различительная функция.

При общей характеристике языковых единиц [см. § 20] фонемы были отнесены к числу строевых, конструктивных единиц языка. Этим уже сказано, что одной из важнейших функций фонем является функция строевая (или конструктивная, конститутивная). Из фонем состоят («строятся») все линейные (сегментные) единицы любого языка.

Строевая функция фонем может быть определена как способность «участвовать в образовании значимых единиц языка» или «образовывать... звуковые оболочки значимых единиц (морфем, слов и т. д.)» [Бондарко Л., с. 7, 6].

С точки зрения выполнения данной функции фонемы иногда образно называют «кирпичиками», из которых строятся экспоненты значащих единиц языка». При этом обращается внимание на то, что фонемы «обязательно должны быть достаточно разными, различимыми для восприятия: они ведь должны не просто составлять некоторые последовательности (“цепочки”), а должны составлять для разных языков р а з н ы е последовательности, чтобы соответствующие знаки, морфемы или слова, о т л и ч а л и с ь друг от друга на слух и р а с п о з н а в а л и с ь, т. е. узнавались как нечто разное» [Маслов, 1975, с. 50].

Определяя понятие фонемы, лингвисты особо подчеркивают такую ее особенность, как способность различать знаковые единицы языка (морфемы, слова), их звуковые оболочки. Это и есть вторая важнейшая функция фонем — различительная [или дифференциальная, дистинктивная, сигнификативная (от лат. *significare* — ‘обозначать’)]. Данную функцию фонем можно определить как способность различать более сложные единицы языка (морфемы, слова и др.), или, точнее, экспоненты таких единиц.

Знаковые единицы языка, в частности слова/словоформы, могут отличаться от других единиц соответствующего уровня количеством и качеством фонем (ср.: *рот* и *крот*, *стол* и *столб*, *танк* и *станок*, *нога* и *ножка*, *руки* и *руками*).

При одинаковом количестве фонем у разных слов/словоформ или морфем данные единицы могут различаться одной, двумя или бóльшим числом фонем и даже полностью расходиться по фонемному составу (ср.: *бот* — *вот* — *дот* — *кот* — *лот* — *мот* — *пот* — *рот* — *тот*; *мал* — *мол* — *мул* — *мыл*; *рознь* — *ромб* — *рост* — *роща*; *банк* — *борт* — *бусы*; *зуб* — *кит* — *пень* — *ром* — *сад*; *глаз* — *бровь* — *куст*).

Можно отметить многочисленные случаи, когда разные лексические единицы отличаются друг от друга только порядком расположения фонем (ср.: *ад* — *да*, *он* — *но*, *от* — *то*; *бар* — *раб*, *док* — *код*, *куль* — *люк*, *лом* — *мол*, *мот* — *том*, *нос* — *сон*; *бар* — *раб* — *бра*; *кот* — *ток* — *кто*; *рост* — *сорт* — *торс* — *трос* — *остр*).

Некоторые лингвисты различительной (дифференциальной) функции фонем противопоставляют функцию *в о с п р и я т и я* (или опознавательную, перцептивную). По словам А. А. Реформатского, фонемы/звуки «выполняют две функции: функцию доведения речи до восприятия... — перцептивную и функцию различения значимых единиц языка, морфем и слов — сигнификативную» [Реформатский, 1967, с. 154]. По определению Л. И. Баранниковой, сущность перцептивной функции состоит в том, что «фонемы служат своеобразными эталонами, с помощью которых мы узнаем, воспринимаем звуки» [Баранникова, 1973, с. 20].

Существует мнение, согласно которому для выделения перцептивной функции фонем как самостоятельной функции нет достаточных оснований, ибо данная функция является «органической составной частью как конструктивной, так и дистинктивной функции фонемы» [Маслов, 1975, с. 51].

Позиции фонем

§ 37. Способность фонем выполнять свои функции (прежде всего различительную функцию) во многом зависит от их положения в составе более сложных единиц, в частности от по-

ложения в слове. Речь идет, например, о месте в слове по отношению к ударному слогу, абсолютному концу слова, о качестве соседних (предыдущих и последующих) фонем. Положение фонемы в слове, определяемое подобными фонетическими условиями, называется позицией фонемы (или фонологической позицией). Под позицией фонемы понимается, таким образом, «положение фонемы по отношению к другой фонеме или к месту и ударению в слове» [РЯЭ-Ф, с. 215]. Иными словами, фонологическая позиция — это условие употребления фонемы в речи, «условие реализации фонем в плане сохранения ими своей тождественности (отличимости)», т. е. с точки зрения сохранения дифференциальных признаков [ЛЭС, с. 556].

В зависимости от того, в какой мере положение фонем в слове способствует сохранению их различительных признаков и, следовательно, выполнению дифференциальной функции, принято разграничивать два основных типа фонологических позиций — позиции сильные и слабые.

Сильной позицией фонемы является такое ее положение, в котором она максимально сохраняет свои различительные признаки, вследствие чего произносится наиболее отчетливо, явно отличается по звучанию от всех других фонем данного языка, что способствует выполнению дифференциальной функции. Ввиду того что в сильной позиции фонемы в наибольшей степени сохраняют свои различительные признаки, в данной позиции обнаруживается наибольшее количество «звуковых представителей» (или фонем, аллофонов).

В русском языке, например, сильной позицией для гласных фонем является их положение в ударном слоге; в данном положении каждая гласная фонема по своим дифференциальным признакам четко противопоставляется любой другой гласной фонеме. Для согласных сильной позицией является их положение перед гласным или сонорным согласным, когда отчетливо различаются все согласные фонемы.

Ср.: сильная позиция фонем называется также позицией максимального различения фонем [см.: Маслов, 1987, с. 59], позицией максимальной дифференциации фонем или максимального фонеморазличения [см.: РЯЭ-Ф, с. 215, 378].

Слабой позицией фонемы считается положение, в котором она утрачивает определенные различительные признаки, сближаясь с другой фонемой (или с другими фонемами). Возможны случаи, когда разные фонемы полностью уподобляются друг другу, совпадают в одном звуке, т. е. происходит нейтрализация фонемных противопоставлений. Таким образом, в слабой позиции различается меньшее количество звуков, чем в сильной позиции.

Во многих языках, в том числе и в русском, слабой позицией для гласной фонемы является ее положение в безударном слоге, где ряд гласных фонем совпадает по звучанию. Так, в русском литературном языке происходит нейтрализация безударных гласных фонем <a> и <o> (за редким исключением), а в положении после мягкого согласного — также фонем <a> и <э>-[e]. Для согласной фонемы слабой позицией является ее положение перед другим согласным, где может происходить нейтрализация по твердости-мягкости, звонкости-глухости и некоторым другим признакам, а также в абсолютном конце слова, где звонкие шумные согласные оглушаются.

Для обозначения слабой позиции фонем используются также термины: «позиция нейтрализации» [Маслов, 1987, с. 59], «позиция минимальной дифференциации», «позиция меньшей обусловленности» [РЯЭ-Ф, с. 216].

Варьирование фонем

§ 38. В речи (в речевом потоке) фонемы могут видоизменяться, т. е. употребляться в виде разных звуков. Видоизменение фонемы в речи называется ее варьированием, а конкретные звуки, представляющие ту или иную фонему в речевом потоке, — вариантами фонемы [или фонами, аллофонами (аллофонéмами)]; Л. В. Щерба называл их оттенками фонемы].

Варианты фонем (фоны, аллофоны, аллофонемы) обычно определяются как «разные звуки, объединяемые как разновидности одной фонемы»;

как ряд «артикуляционно и акустически разных звуков в рамках одной фонемы» [Маслов, 1987, с. 48—49];

как «звуки, реализующие данную фонему» [РЯЭ-Ф, с. 374];

как «разные звуковые реализации одной и той же единицы — фонемы» [ЛЭС, с. 81];

как «разновидности, конкретные манифестации фонемы» [СЛТ-А, с. 40] и т. д.

Необходимо заметить, что наименования внешних, «физических» разновидностей фонемы (фоны, аллофоны, аллофонемы) используются неоднозначно. В частности, термином «аллофон(а)» некоторые лингвисты называют речевые видоизменения фонемы, различающиеся в зависимости от ее положения в слове, т. е. позиционные варианты [см.: Шайкевич, с. 41; ЛЭС, с. 553].

В ряде работ разграничиваются варианты фонемы и ее вариации. Вариантами фонемы считаются такие ее видоизменения, которые по своему звучанию совпадают с какой-либо другой фонемой данного языка (например, конечный согласный в слове *род* [r^oot] — ср. *рот* — ‘полость между челюстями’); все остальные видоизменения фонем называются ее вариациями [см.: Будагов, 1965, с. 179; Реформатский, 1967, с. 215; РЯЭ-К, с. 351].

Каждая фонема характеризуется своим, особым набором речевых видоизменений, или вариантов (в широком понимании этого термина). Совокупность всех вариантов одной и той же фонемы называется фонемным рядом, точнее — рядом вариантов фонем, фонемных разновидностей [см.: Аванесов, 1956, с. 8; ЛЭС, с. 316; РЯЭ-К, с. 597]¹. Так, в русском языке фонемный ряд, представляющий фонему <a>, включает следующие варианты:

[a] — в ударном слоге в начале, конце или середине слова в соседстве с твердыми согласными, кроме носовых: *áрка* [arkʲ], *река́* [r'e¹ka], *ста́рт* [start];

[aⁱ] — в ударном слоге между твердым и мягким согласными: *да́ть* [da¹tʲ];

[i^a] — в ударном слоге между мягким и твердым согласными: *пя́тый* [pʲi¹atyj];

[i^ai] — в ударном слоге между двумя мягкими согласными: *пя́ть* [pʲi¹a¹tʲ];

[aⁿ] — в ударном слоге перед носовым согласным: *да́м* [da¹m];

[eⁱ] — в первом предударном слоге после мягкого согласного: *пя́так* [pʲe¹ta:k];

¹ Иные объяснения понятия фонемного ряда см.: СЛТ-А, с. 496; СЛТ-РТ, с. 463.

[ʙ] — в безударных слогах, кроме первого предупредительного, после мягкого согласного: *пяча́ók* [p'ʔtʌč'ok] и др.

Фонемный ряд, представляющий фонему <с>-[s], состоит из таких вариантов:

[s] — в положении перед нелабиализованными гласными переднего ряда *a*, *ы* и перед твердыми глухими или сонорными звонкими согласными, а также в абсолютном конце слова перед паузой: *сад* [sat], *сыр* [syr], *сталь* [stal'], *сла́ва* [slavʔ], *квас* [kvas];

[z] — перед звонким шумным твердым согласным: *сда́ть* [zdaʔt'];

[s'] — перед мягким шумным глухим или сонорным согласным: *спилу́ть* [s'p'il'it'], *слить* [s'l'it'];

[z'] — перед мягким звонким шумным согласным: *сбить* [z'b'it'];

[š'] — перед мягким шипящим согласным [ч]-[č']: *счи́-лить* [š'č'is'l'it'];

[s°] — перед губным гласным: *со́хнутъ* [s°oxnuʔt'], *су-шить* [s°ušyt''] и др.

В каждом фонемном ряду выделяется один вариант (член фонемного ряда) в качестве основного, доминирующего, который иногда рассматривается как и н в а р и а н т соответствующей фонемы. Основным считается тот вариант фонемы, который сохраняет все дифференциальные признаки данной фонемы, вследствие чего наиболее отчетливо противопоставляется всем другим фонемам (в их основных вариантах). Это такой вариант фонемы, в котором фонема выступает в условиях сильной позиции или близких к условиям сильной позиции, в частности при изолированном произнесении соответствующей фонемы. Так, для приведенных выше двух фонемных рядов основными являются варианты фонем, указанные на первом месте: вариант [a], т. е. звук, произносимый в ударном слоге в начале, в конце или внутри слова рядом с твердыми согласными, кроме носовых (как в словах *арка*, *река*, *старт*), и вариант [s], т. е. звук, произносимый в положении перед нелабиализованным гласным переднего ряда и перед твердым глухим или сонорным звонким согласным, а также в абсолютном конце слова перед паузой (как в словах *сад*, *сыр*, *сталь*, *слава*, *квас*).

§ 39. Варианты фонем весьма неодинаковы по своему характеру. Они различаются и могут классифицироваться по разным признакам. В зависимости от фонетических условий проявления вариантов фонем среди них следует различать варианты обязательные и факультативные.

Обязательные варианты фонемы (или фонетические, или позиционные в широком смысле) — это такие звуки, которые произносятся в строго определенных фонетических позициях, различаются в зависимости от фонетических условий употребления фонемы и, следовательно, невозможны в одном и том же звуковом окружении. Они строго обязательны для всех говорящих на данном языке.

Позиционные варианты фонем подразделяются на варианты собственно позиционные и комбинаторные. Собственно позиционными (или позиционными в узком смысле) считаются такие обязательные (фонетические) варианты фонемы, которые различаются в зависимости от места в слове по отношению к абсолютному началу или концу слова и к ударному слогу и не зависят от артикуляции соседних звуков. В русском языке к ним относятся, например, разные варианты гласных фонем неверхнего (нижнего и среднего) подъема, произносимые в безударных слогах, варианты звонких шумных согласных фонем в абсолютном конце слова [см. § 68].

Комбинаторными называются обязательные варианты фонемы, различающиеся в зависимости от артикуляции соседних звуков. Это, например, варианты гласных фонем, зависящие от твердости-мягкости, звонкости-глухости соседних согласных, варианты согласных фонем, различающиеся в зависимости от твердости-мягкости соседних согласных, наличия/отсутствия огубленности соседних гласных [см. § 69].

Факультативные варианты фонемы (или нефонетические) различаются независимо от фонетических условий употребления, произносятся в одном и том же звуковом окружении, т. е. могут заменяться друг другом в одной и той же фонетической позиции.

К факультативным вариантам фонемы относятся прежде всего варианты, которые допускаются нормами литературного произношения. Их можно назвать **н о р м а т и в н ы**

м и вариантами¹. В русском языке нормативными допустимо считать разные варианты ([a] и [e^{bl}]) фонемы <a> в положении после твердого шипящего согласного в первом предударном слоге (например, в словах *жарá, шатёр, шагáть*), варианты фонемы <o> в безударных слогах многих слов иноязычного происхождения (*поёт, поэзия, проёт, шоссé, кольé* и др.), твердый и мягкий варианты переднеязычных согласных перед гласным переднего ряда [e] в словах иноязычного происхождения [*конгресс, прогресс, сессия, стратегия, энергия* и др.), заднеязычных согласных [г]-[g], [к]-[k] и [х] в конце основы прилагательных в форме именительного падежа единственного числа мужского рода и в форме глагола несовершенного вида перед суффиксом *-ива-* (в словах типа *мягкий, тихий, упругий; отпрыгивать, подчёркивать, размахивать*) и др. В польском языке в разных нормативных вариантах употребляется твердый согласный [l], который в одном и том же положении может произноситься как заднеязычный и губно-губной. В немецком и французском языках фонема <r> в любом положении произносится и как переднеязычный звук, и как звук увулярный.

Возможны факультативные варианты некоторых фонем, один из которых, соответствуя диалектному произношению, выходит за рамки литературной нормы. В русском языке распространено, например, произношение безударного гласного [o] в исконно русских словах (наряду с [ʌ] или [ɤ]), встречаются случаи твердого произношения согласного [ч]-[č] (наряду с нормативным мягким) и мягкого произношения согласных [ж]-[ž] и [ш]-[š] (наряду с нормативным твердым), произношения [г]-[g] как щелевого, фрикативного звука (наряду со смычным, или взрывным). Кроме факультативных вариантов фонем, иногда особо выделяются варианты индивидуальные. К ним относятся варианты фонем, обусловленные особенностями строения речевого аппарата (например, органов речи мужчин и женщин), дефектами речи (ими обуславливается, в частности, картавость,

¹ Такие варианты фонем иногда называются орфоэпическими [см.: Кодухов, 1987, с. 134]. Данное название представляется неудачным, поскольку орфоэпическими, по существу, являются также фонемные варианты других типов, включая и варианты фонетические.

шепелявость, гнусавость произношения) и др. [см.: Кодухов, 1987, с. 134].

В отношении индивидуальных вариантов фонем, связанных с дефектами речи или произносительными привычками говорящих, высказывается мнение, что они «не имеют никакого лингвистического значения», и их «не стоит включать в число вариантов фонем» [Маслов, 1975, с. 58].

§ 40. Поскольку фонемы в речи употребляются в виде разнообразных вариантов (фонов, аллофонов), количество конкретных звуков, представляющих фонемы того или иного языка, значительно превышает количество используемых в данном языке фонем.

Фонемы каждого языка поддаются счету, причем количественный состав фонем в языках существенно различается. В большинстве языков не более нескольких десятков фонем. Например, в гаванском языке насчитывается 13 фонем (5 гласных и 8 согласных), в румынском — 27 (соответственно 7 и 20), в узбекском — 29 (6 и 23), в персидском — 31 (8 и 23), в грузинском — 33 (5 и 28), в китайском — 33 (10 и 23), в армянском — 36 (6 и 30), в итальянском — 42 (7 и 35), в кхмерском — 48 (30 и 18), в бенгальском — 49 (14 и 35), в эстонском — 51 (27 и 24), в тайском — 55 (35 и 20), в абхазском — 60 (2 и 58) [см.: Шайкевич, с. 46]. Отмечены языки, в которых насчитывается свыше сотни фонем (в бирманском языке — 112 фонем) [см.: Чесноков, с. 11].

В русском языке указывают разное количество фонем: 39 фонем (5 гласных и 34 согласных) [см.: Аванесов, 1956, с. 88; Галкина-Федорук и др., 1957, с. 122; Будагов, 1965, с. 177; Грамматика, 1970, с. 8], 38 фонем [см.: Совр. рус. яз., 1979, с. 98], 40 фонем [см.: Шайкевич, с. 47], 41 фонему [см.: Грамматика, 1953, с. 51], 42 фонемы [см.: РГ, т. 1, с. 76; РЯЭ-К, с. 442], 43 фонемы [см.: Гвоздев, 1973, с. 12].

Как видим, в большинстве языков согласные фонемы заметно преобладают над гласными. Есть и такие языки, в которых фонетическая система представлена только согласными фонемами. Речь идет о языках (например, аранта), в которых имеется всего лишь один гласный звук. Такой единственный гласный не может выполнять дистинктивную

(различительную) функцию, следовательно, не является фонемой. Высказывается предположение, что к такого рода языкам принадлежал индоевропейский праязык в древнейшую эпоху его существования [см.: Панов, 1967, с. 17].

Если количество фонем в языках обычно колеблется в пределах нескольких десятков, то звуковые варианты фонем исчисляются, по крайней мере, сотнями. Точно определить количественный состав звуков в том или ином языке невозможно. Он зависит не только от количества фонем и возможных условий их варьирования в данном языке, но и от того, с какой точностью устанавливаются различия между вариантами определенной фонемы, в какой мере учитываются эти различия при описании фонетической системы языка [см.: Панов, 1979, с. 91].

Совершенно очевидно, что фонетические системы разных языков различаются не только по количеству фонем и возможных их вариантов, но и по качественному составу системы фонем. В большинстве языков согласных фонем больше, чем гласных, но в некоторых языках количество гласных превышает количество согласных. Многие языки заметно различаются между собой по артикуляционным и акустическим признакам фонем — гласных или согласных. В частности, в английском языке нет почти ни одного гласного, общего с гласными французского языка [см.: Вандриес, с. 33]. В ряде языков наряду с монофтонгами используются полифтонги (дифтонги, трифтонги, тетрафтонги) и т. д.

О границах фонем

§ 41. Фонемная система языка характеризуется на основе принятого понимания фонемы. Определение фонемного состава того или иного языка предполагает решение вопроса о разграничении фонем как собственно языковых единиц и вариантов фонем (фононов, аллофононов) как единиц речи. Иными словами, для выявления состава фонем конкретного языка необходимо установить, какие звуки речи представляют аллофоны разных фонем и какие относятся к одной и той же фонеме. Лингвисты предлагают разные пути решения этого вопроса, вследствие чего иногда в одном и том же языке на-

считывают неодинаковое количество фонем (ср. подсчет фонем в русском языке).

Необходимо подчеркнуть, что фонемы различаются по чисто лингвистическим критериям (в отличие от вариантов фонемы, которые отличаются друг от друга по артикуляционным и акустическим признакам). «Поскольку для выделения фонемы недостаточны сами по себе акустико-артикуляционные признаки, а необходимо знание языка, остается предположить, что выделяемость фонемы как-то опирается на смысл, на значение, хотя сама по себе фонема и не является единицей значащей» [Маслов, 1987, с. 46]. Таким образом, выделение фонем «есть результат в значительной степени научного мышления» [Щерба, 1912, с. 6].

Основной принцип выявления фонем, т. е. определения фонематичности звуков речи, их фонемного статуса, может быть определен так: «Если в данном языке различие между двумя данными звуками позволяет различать разные слова или разные грамматические формы, эти звуки относятся к разным фонемам» [Шайкевич, с. 40]. В соответствии с данным принципом фонемами должны быть признаны прежде всего такие звуки, которые внешне соотносятся со значимыми единицами языка — словами и морфемами, являются их экспонентами, т. е. представителями. В русском языке такими звуками являются, например, гласные <a> (соотносится с соответствующим союзом, междометием, частицей, префиксом, суффиксом, окончанием слов разных частей речи), <o> (междометие, предлог, префикс, окончание), <и>-[i] (союз, частица, междометие, глагольный суффикс, окончание), <э>-[e] (междометие, суффикс, окончание), согласные <c>-[s] (соотносится с предлогом, префиксом), <c'>-[s'] (ср. постфикс у возвратных глаголов), <н>-[n] (продуктивный суффикс отсубстантивных прилагательных, суффикс краткой формы страдательных причастий прошедшего времени), <н'>-[n'] (суффикс прилагательных), <в>-[v] (предлог, префикс, суффиксальный морф деепричастий совершенного вида прошедшего времени), <т>-[t] (суффикс страдательных причастий прошедшего времени, корень местоимения *тот, та, то*), <л>-[l] (суффикс прошедшего времени глаголов и отглагольных прилагательных), <ш>-[ʃ] (суффикс действительных причастий прошедшего времени),

<к>-[к] (предлог и префикс) [см.: Щерба, 1912, с. 6; Маслов, 1987, с. 46]. Подобные звуки отчетливо выделяются в качестве фонем в таких случаях, когда они не являются звуковыми оболочками значимых единиц языка.

Ср.: «Если делимость, например, русских слов *та, то* на две части обусловлена тем, что каждая из частей — *т, а, о* — является особой морфемой, то в словах *да, до* делимость имеет место благодаря тому, что входящие в их состав фонемы могут в других словах быть планом выражения смысловых единиц» [Зиндер, с. 38].

При решении вопроса о границах фонем широко используется принцип, получивший название метода квазиомонимов или «минимальных пар». В соответствии с данным критерием фонемами признаются звуки, которыми один член «минимальной пары» отличается от другого. Под «минимальной парой» при этом понимается пара слов и грамматических форм, различающихся по значению (лексическому или грамматическому) и отличающихся друг от друга только одним звуком [см.: Зиндер, с. 69; Матусевич, 1976, с. 39; Панов, 1979, с. 93; Шайкевич, с. 40]. «Минимальные пары» могут быть представлены словами/словоформами, совпадающими по количеству звуков: *стол — стул, дом — дам, дом — том, нос — нёс, вес — весь*, или же словами, одно из которых имеет на один звук больше или меньше: *стол — столб, стол — ствол, утка — шутка*. В приведенных парах слов/словоформ фонемами являются гласные <о> и <у>-[u] (*стол — стул*), <а> и <о> (*дам — дом*), согласные <д>-[d] и <т>-[t] (*дом — том*), <н>-[n] и <н'>-[n'] (*нос — нёс*), <с>-[s] и <с'>-[s'] (*вес — весь*), <б>-[b] (*столб*), <в>-[v] (*ствол*), <ш>-[š] (*шутка*).

В настоящее время широко распространен критерий выделения фонем, предложенный Н. С. Трубецким: фонемами признаются звуки речи, которые встречаются не только в одном данном слове, но и в других словах. Например, чешское слово *duby* ('дубы') воспринимается как состоящее из четырех фонем <d + u + b + ы> на том основании, что начальный звук [d] повторяется в словах *dáti* ('дать'), *deset* ('десять'), *dýka* ('кинжал'), *dolů* ('вниз') и др., звук [u] встречается в словах *zuby* ('зубы'), *ruka* ('рука') и т. д. [см.: Зиндер, с. 40].

Предлагаются и иные критерии выделения фонем. Например: фонемами считаются два разных звука, которые встречаются в тождественном фонетическом положении (в одном и том же звуковом окружении), т. е. «если два разных звука встречаются в одном и том же окружении (но в двух разных словах), то это два полноценных, настоящих различителя слов... это — две разные фонемы» [Панов, 1979, с. 94]. Ср. фонемы <a> и <o> в словах/словоформах *дам* и *дом*, фонемы <д>-[d] и <т>-[t] в словах *дам* и *там*, фонемы <м>-[m] и <н>-[n] в словах *дам* и *дан*.

И наоборот: звуки являются вариантами данной фонемы, если они позиционно чередуются, т. е. различаются в зависимости от фонетической позиции (звукового окружения), например: лабиализованный согласный [с]-[s^o] в предложно-падежных сочетаниях *с Олей*, *с Улей* и нелабиализованный согласный [s] в сочетаниях *с Машей*, *с Аней* [см. там же, с. 106, 112].

По определению М. И. Матусевич, «для доказательства фонематичности двух звуков достаточно того, что они встречаются в языке в одном и том же фонетическом положении» [Матусевич, 1976, с. 39].

Классификация звуков речи (фонем)

Гласные и согласные как основные типы звуков речи

§ 42. Звуки речи можно характеризовать и классифицировать по разным признакам — акустическим (физическим) и артикуляционным (физиологическим). При классификации звуков речи, при характеристике отдельных звуков или определенных групп звуков следует строго различать акустические и артикуляционные их признаки, которые в современном языкознании не всегда достаточно последовательно разграничиваются. Еще Л. В. Щерба в статье «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912) писал: «Впрочем, самый главный недостаток в наших системах гласных [т. е. в их описаниях. — В. Н.] — это незнание связи между акустическими и физиологическими качествами» [Щерба, 1958, с. 139]. Это не в меньшей степени относится и к описаниям согласных звуков. Ср.: «Согласные различаются: 1) по участию шума и голоса; 2) по месту образования шума;

3) по способу образования шума; 4) по отсутствию или наличию палатализации» [Галкина-Федорук и др., 1957, с. 116]¹.

При артикуляционной характеристике звуков речи необходимо учитывать их артикуляционные признаки, т. е. различия в работе органов речи при образовании разных звуков.

§ 43. Классификация звуков речи по их артикуляционным признакам начинается с выделения двух основных классов, или типов, звуков — гласных и согласных, которые различаются во всех языках. Артикуляционные различия между гласными и согласными звуками состоят в следующем:

1. При образовании (произнесении) гласных звуков путь для прохождения струи выдыхаемого воздуха в речевом канале свободен, воздушная струя проходит беспрепятственно. При образовании согласных звуков в речевом канале образуются различные преграды для воздушной струи; ср., например, произношение звуков [а] и [б].

2. При образовании гласных звуков выдыхаемая струя воздуха относительно слабая, при образовании согласных — более сильная, способная преодолеть образующуюся в речевом канале преграду. В этом можно убедиться, произнося отдельные звуки перед горящей свечой: при произнесении гласных пламя колеблется значительно слабее, чем при произнесении согласных.

3. При произнесении гласных звуков напряженность речевого аппарата и сила струи выдыхаемого воздуха равномерны на всем протяжении звучания. При произнесении согласных звуков напряженность речевого аппарата и сила воздушной струи больше в момент преодоления преграды, затрудняющей прохождение воздушной струи.

Артикуляция шумных согласных (т. е. всех согласных звуков, кроме сонорных) отличается от артикуляции гласных также по положению голосовых связок. При их образовании голосовые связки менее напряжены, чем при образо-

¹ Совокупность, система гласных звуков того или иного языка (или группы языков) иногда называют вокализмом [или системой вокализма, вокалической системой (от лат. *vōcālis* — ‘гласный звук’)], а совокупность согласных — консонантизмом [или системой консонантизма (от лат. *cōnsonāns* — ‘согласный звук’)].

вании гласных (этим и объясняется преобладание шума над голосом).

По артикуляционным признакам разные согласные звуки (разные группы согласных) отличаются от гласных в неодинаковой степени. Наиболее резко противопоставлены гласным взрывные согласные, особенно глухие [п], [т], [к]. Менее ярко проявляются артикуляционные различия между гласными и так называемыми фрикативными (или щелевыми) шумными согласными [в], [ф], [х], [з], [с], [ш]. Наименее заметны указанные различия между гласными и сонорными согласными [л], [м], [н], [р], которые по своей артикуляции приближаются к гласным¹. На этом основании сонорные согласные иногда выделяются в особую группу звуков, занимающую промежуточное положение между согласными и гласными.

Существует мнение, что некоторые сонорные согласные вообще не отличаются артикуляционно от отдельных гласных. По утверждению Л. В. Бондарко, в русском языке отсутствуют артикуляционные (а также акустические) различия, например, между гласным [и] и согласным [j]² в словоформе *Май* (ф. род. п. ед. ч. имени *Мая*) и в слове *май* [см.: ЛЭС, с. 105].

Классификация гласных звуков

§ 44. В артикуляционном отношении гласные звуки различаются в зависимости от участия в их образовании активных органов речи, а именно: языка, губ, нёбной занавески (или мягкого нёба).

Язык при образовании гласных может занимать разное место по отношению к передней/задней части полости рта и по отношению к нёбу. Соответственно возможны две классификации гласных звуков: по месту подъема языка (или по месту образования) и по степени подъема языка (или по способу образования).

¹ Именно поэтому они могут выступать в качестве слоговых (слогообразующих) звуков, функцию которых обычно выполняют гласные [см. § 53].

² Здесь и далее буквой *j* («йот») обозначается согласный, который в русской графике передается разными средствами — буквой *й*, йотованными буквами *е, ё, ю, я* и др.

В зависимости от положения языка по отношению к передней/задней части полости рта, т. е. от того, какая часть спинки языка и в каком месте поднимается к нёбу, различаются гласные переднего ряда (или передние), заднего ряда (или задние) и среднего ряда (или средние).

При образовании гласных переднего ряда средняя часть спинки языка в той или иной степени поднимается к твердому нёбу, оставляя в передней части полости рта небольшой резонатор (например, рус. [и], [э]).

При образовании гласных заднего ряда задняя часть спинки языка в большей или меньшей степени поднимается к мягкому нёбу, образуя в полости рта большой резонатор (например, рус. [о], [у]).

При образовании гласных среднего ряда вся спинка языка высоко поднята к нёбу, в результате чего образуется резонатор в форме длинной трубы (например, рус. [ы]).

В зависимости от положения языка по отношению к нёбу, по степени его подъема, различаются гласные верхнего подъема (или верхние), нижнего подъема (или нижние) и среднего подъема (или средние).

При образовании гласных верхнего подъема язык находится в верхней части полости рта, максимально ограничивая пространство для прохода воздушной струи. Поэтому такие гласные называются еще узкими, или закрытыми (например, рус. [и], [ы], [у]).

При образовании гласных нижнего подъема язык располагается в нижней части полости рта, в результате чего между языком и нёбом создается наиболее широкое пространство для прохода воздушной струи. В связи с этим их называют также широкими, или открытыми (например, рус. [а]).

При образовании гласных среднего подъема язык слегка приподнят к нёбу, т. е. занимает положение более низкое, чем при произношении гласных верхнего подъема, и более высокое, чем при произношении гласных нижнего подъема (например, рус. [э], [о]).

В зависимости от степени участия губ в образовании гласных звуков различаются гласные губные и негубные. При образовании губных гласных [или огубленных, лабиализованных (от лат. *labialis* — ‘губной’)] губы выпячиваются вперед и округляются, создавая относительно узкое отверстие для про-

хождения струи выдыхаемого воздуха. Губными являются, например, гласные [o], [y] в русском языке, немецкие гласные, обозначаемые на письме буквами *ö*, *ü*, и др.

При образовании негубных гласных (или нелабиализованных) губы находятся в обычном, разомкнутом положении, образуя широкое отверстие. Ср., например, произнесение любого русского гласного, кроме [o] и [y] (за исключением случаев, когда рядом с гласным произносится носовой согласный, под воздействием артикуляции которого гласный приобретает носовой оттенок).

В зависимости от положения нёбной занавески различаются гласные носовые [или назализованные (от лат. *nāsus* — ‘нос’)] и ртовые (или ротовые, неназализованные). При произнесении ртовых гласных нёбная занавеска находится в обычном, приподнятом положении и закрывает воздуху проход в полость носа, а поэтому струя выдыхаемого воздуха проходит через полость рта. К ртовым относятся, например, все гласные русского языка, а также большинство гласных других языков. Когда нёбная занавеска опускается, открывается проход в полость носа, куда при произнесении звука направляется часть воздушной струи. В результате этого звук приобретает определенный носовой призвук, — так образуются носовые гласные.

В современном русском языке все гласные — ртовые. Носовых гласных как таковых нет; возможны лишь носовые оттенки различных гласных, возникающие под воздействием артикуляции соседних носовых согласных [м], [н] [см. § 69]. Носовые гласные [o], [э] употреблялись в общеславянском и древнерусском языках. В древнерусских текстах они обозначались буквами, называемыми юсом большим (носовой [o]): *зѣбѣ* (‘зуб’) и юсом малым (носовой [э]): *пѣть* (‘пять’). Из современных славянских языков носовые гласные [o] (а) и [э] (е) сохранил польский язык: *dąb* (‘дуб’), *język* (‘язык’). Широко распространены носовые гласные и во французском языке. Носовые [i] и [u] употребляются в португальском языке. В некоторых диалектах литовского языка сохранились носовые [a], [e], [i], [u], которым в литературном языке соответствуют ртовые долгие гласные, обозначаемые на письме как *a*, *e*, *i*, *u*.

§ 45. Звуки речи различаются не только по характеру преграды, создаваемой в речевом канале различными органами речи и определяющей объем и форму резонатора, но и в зависимости от продолжительности артикуляции соответствующего звука. Иными словами, звуки речи различаются не только в качественном, но и в количественном отношении, т. е. возможны звуки краткие и долгие.

Долгота (или длительность) звуков речи определяется разными факторами, в частности, фонетическими условиями их употребления — местом словесного ударения, характером соседних согласных и др. В то же время во многих языках длительность звуков речи, прежде всего гласных, является их постоянным признаком, различается независимо от фонетических и иных условий употребления звука. Краткий и долгий гласные определенного качества могут употребляться в одних и тех же фонетических условиях: ср., например, лит. *pilis* [p'il'is] ('замок') и *arklys* [arkl'i:s] ('лошадь'). Более того, возможны случаи, когда в одном и том же звуковом окружении в ударном слоге употребляется краткий гласный, а в безударном произносится соответствующий долгий гласный: ср. лит. *sūnus* [su:nus] ('сын') и *sūnūs* [su:nu:s] ('сыновья').

Краткость и долгота гласных как постоянный их признак служат средством различения значимых единиц языка, в таких случаях краткие и долгие гласные выступают как самостоятельные фонемы. Фонологически (функционально) они различаются во многих языках: английском, немецком, французском, чешском, словацком, сербском, литовском, латышском, венгерском, финском, эстонском, киргизском, туркменском, якутском и др. Различались они в древнегреческом и латинском языках. Например, долгота-краткость гласных является единственным средством различения слов: лат. *malum* ('зло') и *mālum* ('яблоко'), *levis* ('легкий') и *lēvis* ('гладкий'); англ. *lip* ('губа') и *leap* [l'i:p] ('прыжок'); чешск. *pas* ('паспорт') и *pás* [pa:s] ('пояс'); лит. *bukas* ('тупой') и *būkas* [bu:kas] ('бук'), *linas* ('лен') и *lynas* [l'i:nas] ('линь'), *kasti* ('копать, рыть') и *kąsti* [ka:st'i] ('кусать') и др.

В некоторых языках различается три степени долготы гласных. Так, в эстонском языке наряду с краткими и длинными гласными фонематически различаются еще гласные сверхдолгие.

Классификация согласных звуков

§ 46. Согласные звуки, как и гласные, артикуляционно различаются, главным образом по работе языка и губ, по их положению и изменению в процессе образования звука. На этом основании строятся две классификации согласных звуков:

1) в зависимости от того, какой из активных органов речи и, следовательно, в каком месте образует преграду для струи выдыхаемого воздуха, т. е. по месту образования;

2) в зависимости от характера преграды и способа ее преодоления, т. е. по способу образования.

1. По месту образования согласные звуки делятся на губные и язычные. В некоторых языках есть еще так называемые заязычные согласные.

Губными [или лабиальными (от лат. *labialis* — ‘губной’)] называются согласные, при произнесении которых преграда образуется с помощью губ. В одних случаях, когда участвуют только губы (нижняя губа сближается с верхней), образуются губно-губные согласные (или лабио-лабиальные, би-лабиальные): например, рус. [б], [п], [м]. В других случаях, когда нижняя губа сближается с верхними зубами, образуются губно-зубные [или лабио-дентальные, денто-лабиальные (ср. лат. *dentis* — ‘зуб’)] согласные: например, рус. [в], [ф].

Язычными называются согласные, при произнесении которых преграда образуется с помощью разных частей языка, в разных местах полости рта. Язычными являются все согласные русского языка, кроме губных. В зависимости от того, какая часть языка и в какой части полости рта образует преграду, различаются согласные переднеязычные, заднеязычные и среднеязычные.

Переднеязычными называются согласные, при образовании которых преграда создается в передней части полости рта путем сближения передней части спинки языка и его кончика с зубами (нижними или верхними), альвеолами или передним нёбом. К ним относится большинство язычных согласных: например, рус. [д], [т], [з], [с], [ж], [ш], [ц], [ч], [н], [р].

В зависимости от того, какие из перечисленных органов речи принимают участие в образовании преграды выдыхаемому воздуху, переднеязычные согласные подразделяются на разные типы. Среди них наиболее заметно различаются

зубные и нёбно-зубные согласные, называемые также передненёбными. В русском языке нёбно-зубными являются согласные [ж] и [ш], зубными — все остальные переднеязычные.

Заднеязычными [или задненёбными, веля́рными (от лат. *vēlum* — ‘завеса’)] являются согласные, при образовании которых преграда возникает в задней части полости рта в результате сближения задней части спинки языка с нёбом. Это, например, рус. [г], [к], [х].

К среднеязычным [или средненёбным, палата́льным (от лат. *palātum* — ‘нёбо’)] относятся согласные, при образовании которых преграда создается в средней части полости рта, где средняя часть спинки языка сближается с нёбом. Среднеязычными являются, например, русский звук [j], немецкий согласный, обозначаемый сочетанием букв *ch* и произносимый в словах *ich* (‘я’), *Recht* (‘право’) и др.

В некоторых языках выделяются заязычные (или поствеля́рные) согласные, при образовании которых преграда воздушной струе создается в полостях, расположенных за корнем языка, позади мягкого нёба. Среди них различаются согласные язычковые, глоточные и гортанные.

Язычко́вые [или глубокоязычные, глубоконёбные, увуля́рные (от лат. *uvula* — ‘язычок’)] согласные представляют собой звуки, при образовании которых преграда создается в гортани с помощью язычка (или мягкого нёба вместе с язычком). К язычковым согласным относится, например, «картавий» [г], представляющий один из типов французского произношения соответствующего согласного в таких словах, как *roze* (‘роза’). В немецком языке язычковым является согласный звук, обозначаемый буквами *ch* и произносимый после гласного заднего ряда, например в слове *Buch* (‘книга’). В русском языке такой же звук иногда произносится в междометии *ах*.

Гло́точными [или фаринга́льными (от греч. *pharynx* — ‘зев, глотка’)] являются согласные, при образовании которых преграда создается в результате сужения полости глотки. В качестве примера глоточного согласного можно назвать звук, обозначаемый в немецком языке буквой *h* и употребляющийся в начале слова, а также внутри слова в начале морфемы, например в словах *haben* (‘иметь’), *Freiheit* (‘свобода’). В украинском языке подобный звук произносится,

например, в начале слов *голова*, *гора*. Имеются такие звуки также в английском, арабском, аварском и других языках.

Гортанными [или ларингальными (от греч. *larynx* — ‘гортань’)] называются согласные, при образовании которых преграда струе воздуха создается в результате полного смыкания или сближения голосовых связок. Ларингальный звук нередко произносится как особый элемент отдельного гласного или смычного согласного. Так, в немецком языке гласные с подобным элементом произносятся в начале слова, например [u] и [o] в первых двух слогах существительного *Unordnung* (‘беспорядок’). В некоторых языках, например в арабском, гортанный согласный употребляется как самостоятельная фонема¹.

2. По способу образования согласные звуки можно разделить на смычные, щелевые и дрожащие.

Смычными называются согласные, при образовании которых органами речи создается преграда в виде полной смычки (затвора). В зависимости от способа преодоления преграды воздушной струей среди смычных согласных различаются взрывные, смычно-щелевые и смычно-проходные.

Взрывные (или смычно-взрывные, собственно смычные, чистые смычные, мгновенные) согласные — это звуки, при образовании которых создаваемая органами речи преграда в виде смычки раскрывается мгновенно, резким толчком выдыхаемой воздушной струи. Это, например, рус. [б], [п], [д], [т], [г], [к].

Смычно-щелевыми [или слитными, аффрикативными, или аффрикатами (от лат. *affricata* — ‘притертая’)] согласными являются звуки, при образовании которых смычка раскрывается постепенно, переходя в щель. В русском языке в качестве самостоятельных фонем употребляются глухие аффрикаты [ц] и [ч], например в словах *цирк*, *целый*, *час*, *чай*, *чистый*. В положении перед звонким согласным они звучат как звонкие аффрикаты: *плацдарм* [plʌdʒdarm], *алчба* [ʌldʒba], *начдив* [nʌdʒdʲif].

¹ Термин «гортанный согласный» иногда употребляется в более широком значении — для обозначения собственно гортанных согласных вместе с глоточными [см.: Головин, 1983, с. 41]. Нередко им обозначаются глоточные и язычковые согласные, вместе взятые [см.: Матусевич, 1959, с. 42].

Во многих языках звонкие аффрикаты, как и глухие, употребляются в качестве самостоятельных фонем. Ср., например: польск. *dzban* [dźban] ('жбан, кувшин'), *dzwon* [dźvon] ('звон'), *wiedza* [v'édza] ('знание'), *dzien* [dź'en'] ('день'), *dziura* [dź'ura] ('дыра'); лит. *džiazas* [dž'azas] ('джаз'), *džiunglės* [džungl'es] ('джунгли'), *džiaugsmas* [dž'auksmas] ('радость').

В некоторых языках, кроме переднеязычных аффрикат, произносятся аффрикаты губные: нем. *Apfel* [apfel'] ('яблоко'), *Pferd* [pfer̩t] ('лошадь'), *Pfiff* [pf'if:] ('свист, свисток').

Смычно-проходными называются согласные, при образовании которых струя выдыхаемого воздуха проходит через надгортанные полости, минуя смычку. В зависимости от того, каким путем проходит воздушная струя, различаются смычно-проходные согласные носовые и боковые. Носовыми [или назальными (от лат. *nāsus* — 'нос')] называются смычно-проходные согласные, при образовании которых воздушная струя проходит через полость носа. Это, например, рус. [м] и [н]. Боковыми [или латеральными (от лат. *laterālis* — 'боковой')] называются согласные, при произнесении которых воздушная струя проходит через полость рта, по ее краям, по бокам языка (в некоторых языках — с одной его стороны). Это, например, рус. [л].

Во многих языках среди смычно-проходных согласных различаются звуки свистящие и шипящие (они так называются по акустическим свойствам). Это, например, рус. [з] и [ж], [с] и [ш]. Артикуляционно они различаются по характеру создаваемой органами речи щели. При образовании свистящих согласных создается «узкая щель со сложной конфигурацией», в результате чего возникает «резкий высокочастотный шум» [ЛЭС, с. 479]. При образовании шипящих согласных создается щель более широкая, чем при произнесении свистящих.

Промежуточное положение между шипящими и свистящими занимают употребляющиеся в некоторых языках шепелявые согласные. Такие звуки нередко произносятся при определенных дефектах речи.

Щелевые согласные [или фрикативные (от лат. *fricāre* — 'тереть'), спиранты (от лат. *spirāns* — 'дующий, выдыхающий')] представляют собой звуки, при образовании которых преграда создается путем сближения речевых органов (без полного их

смыкания), между которыми остается узкое пространство (щель) для прохождения воздушной струи. Такие звуки возникают в результате трения струи выдыхаемого воздуха о стенки образующейся щели. Это, например, рус. [в], [ф], [з], [ж], [с], [ш], [х].

Дрожащие согласные [или вибрáнты (от лат. *vibrāre* — ‘качать, колебать’)] — это звуки, которые образуются в результате повторения смычки и щели, что происходит при вибрировании (дрожании) кончика языка или другого активного органа речи. К дрожащим относятся, например, русский переднеязычный сонорный согласный [р], губно-губной шумный согласный, произносимый в слове *тпру* (‘возглас, которым останавливают лошадь’), чешский переднеязычный шумный согласный, обозначаемый буквой *ř*, в словах *řeka* (‘река’), *řidký* (‘редкий’), *přenést* (‘перенести’).

§ 47. Кроме артикуляционных признаков согласных (место и способ образования), при классификации согласных учитываются и другие признаки, например, положение (поведение) голосовых связок, наличие/отсутствие дополнительной артикуляции.

В зависимости от положения голосовых связок различаются согласные звонкие и глухие. При произнесении звонких согласных голосовые связки сближены, напряжены и вибрируют, в результате чего образуется голос, сопровождающий шум. К звонким относятся, например, рус. [б], [в], [г], [д], [з]. Для произнесения звонких согласных требуется более сильная струя воздуха, поэтому такие согласные называют также сильными.

Когда голосовые связки расслаблены и находятся в неподвижном состоянии, т. е. не участвуют в артикуляции, образуются глухие согласные, представляющие собой чистые шумы. Это, например, рус. [п], [ф], [к]. Глухие согласные произносятся при более слабой струе воздуха, поэтому их еще называют слабыми.

Большинство согласных образует пары по звонкости-глухости: рус. [б — п], [д — т], [г — к], [з — с], [ж — ш]. Члены такой пары различаются только положением голосовых связок и силой воздушной струи; в остальном артикуляции парных согласных одинаковы.

По положению голосовых связок различаются также согласные сонóрные [или сонáнты (от лат. *sonārus* — ‘звучный’)] и шумные. В лингвистической литературе названные две группы согласных чаще всего характеризуются по акустическому признаку: сонорные согласные определяются как звуки, у которых преобладает голос, а шумные — как звуки, при произнесении которых преобладает шум. По этому признаку сонорные звуки ближе к гласным, чем к согласным.

В русском языке к сонорным относятся согласные [л], [м], [н], [р] и соответствующие парные мягкие (иногда к ним относят также звуки [в] и [j]), к шумным — все остальные. Сонорные согласные обычно являются звонкими, хотя в некоторых случаях могут произноситься как глухие, например, на конце некоторых словоформ в положении после глухого согласного: *вепрь, вихрь, вопль, литр, метр, песнь, косм* (ф. род. п. мн. ч. от *космы*). В эмоциональной речи может произноситься и глухой [j], например в словоформах *отдай, открой* [см.: Панов, 1967, с. 36; Маслов, 1987, с. 40]. В некоторых языках (например, в хантыйском, эскимосском) отдельные глухие сонорные согласные употребляются как самостоятельные фонемы [см.: Матусевич, 1959, с. 37].

Среди шумных согласных есть и глухие, и звонкие.

По наличию/отсутствию дополнительной артикуляции, а именно дополнительного подъема языка к нёбу, различаются согласные твердые и мягкие. Артикуляция мягких согласных отличается от артикуляции твердых тем, что при их произнесении «передняя часть языка приподнимается по направлению к твердому нёбу» [см.: Панов, 1979, с. 24] или, иначе, мягкие согласные образуются «при сближении средней части спинки языка с твердым нёбом и продвижении всей массы языка вперед» [ЛЭС, с. 479].

Большинство согласных образуют пары по твердости-мягкости. Ср. произнесение начальных согласных в словоформах *быть — бить, выть — вить, мал — мял, нос — нёс, пыл — пил*. Некоторые согласные таких пар не образуют. Это, например, русские твердые [ж], [ш], мягкий [ч] (в определенных фонетических условиях он может произноситься твердо, как, например, в положении перед [ш] в слове *лучше*), в белорусском и польском языках это твердые [д] и [т]. Различие в положении языка при образовании твердых и

мягких согласных нетрудно обнаружить, произнося парные по твердости-мягкости звуки один за другим.

Мягкость согласных может проявляться в разной степени. В украинском языке, например, различаются мягкие, смягченные и полусмягченные согласные. В ряде языков по признаку твердости-мягкости особо выделяется так называемый полумягкий (или средний), европейский [l], артикуляция которого занимает промежуточное положение между артикуляциями соответствующих твердого и мягкого согласных. Такой звук произносится, например, в нем. *lassen* [lʰas:en] ('заставлять, допускать'), польск. *las* [lʰas] ('лес').

§ 48. Согласные звуки, как и гласные, могут различаться по долготе, т. е. возможны долгие и краткие согласные. Длительность звучания согласного определяется продолжительностью его артикуляции, прежде всего второй ее фазы — поддержки. Обычно долгота согласного зависит от его качества (ср., например, согласные смычные, взрывные и щелевые, глухие и звонкие), а также от некоторых фонетических условий его употребления, таких, как место в слове (начало, середина или конец слова), место в слоге (начало или конец слога), положение по отношению к ударению, долгота или краткость предшествующего согласного [см.: Зиндер, с. 126].

Долгие согласные часто произносятся на стыке морфем, при сочетании двух одинаковых звуков: например, *винтить, исследовать, отторгнуть, военный, тбилисский*. В подобных случаях различие согласных по долготе-краткости не имеет фонологической значимости. В то же время в некоторых языках (например, в украинском, итальянском, венгерском, якутском и некоторых дагестанских языках) краткие и долгие согласные различаются как самостоятельные фонемы. Ср.: итал. *caro* [karo] ('дорогой') и *carre* [kar:e] ('воз'), *dote* [dote] ('приданое') и *dotto* [dot:o] ('ученый').

§ 49. Обычно согласные звуки, как и гласные, образуются при выдохе, в результате воздействия на преграду выдыхаемой струи воздуха, т. е. являются звуками выдыхательными [или экспираторными (от лат. *expirāre* — 'выдыхать')].

В то же время согласные могут произноситься при вдохе, при движении воздуха в ротовую полость извне. Таким способом образуются согласные, которые называются вдыхатель-

ными [или щелкающими, инспираторными, инспиратами (от лат. *inspiratio* — ‘вдохновение, внушение’)]. Это согласные, напоминающие звук [ц-ц-ц], которым обычно выражают сожаление. Они широко употребляются, например, в готтентотско-бушменских языках [см.: Леонтьев, 1963, с. 70; Зиндер, с. 116, 168]. Иногда говорят о согласных выдыхательных (инспираторных) и щелкающих как о звуках разных типов [см.: ЛЭС, с. 479].

Существуют и иные классификации звуков речи. Например, некоторые лингвисты классификацию согласных начинают с их деления на шумные и сонорные [см.: Чикобава, с. 154; Галкина-Федорук и др., 1957, с. 116; Валгина и др., с. 77; Маслов, 1987, с. 40], глухие и звонкие [см.: Гвоздев, 1973, с. 18], выдыхательные (т. е. выдыхательные) и недыхательные (или выдыхательные, щелкающие) [см.: Зиндер, с. 116; Глинских, Петрова, с. 92].

При классификации согласных по способу образования (или по способу артикуляции) среди согласных иногда различают только два основных типа: согласные смычные и щелевые (дрожжащие рассматриваются как одна из разновидностей смычных согласных) [см.: Совр. рус. яз., 1981, с. 39].

Довольно часто согласные по этому признаку делят на четыре основных типа: смычные, щелевые (фрикативные), смычно-щелевые (слитные, аффрикаты) и дрожжащие [см.: Гвоздев, 1973, с. 18; Валгина и др., с. 77; Попов и др., с. 21]. Некоторые лингвисты в одном ряду рассматривают согласные смычные, щелевые, смычно-щелевые, смычно-проходные и дрожжащие [см.: Галкина-Федорук и др., 1957, с. 117] и т. д.

Вопрос о полифтонгах

§ 50. Наряду со звуками речи, которые рассматриваются как кратчайшие, элементарные единицы фонетической системы языка, во многих языках мира используются более сложные фонетические единицы, называемые полифтонгами (от греч. *poly* — ‘много’ и *phthongos* — ‘звук’). Среди них различаются дифтонги, трифтонги и тетрафтонги. Все они, вместе взятые, противопоставляются «обычным» звукам, которые в таком случае называются монофтонгами (от греч. *monos* — ‘один’ и *phthongos* — ‘звук’).

Среди полифтонгов наиболее известны дифтонги [от греч. *di(s)* — ‘дважды’ и *phthongos* — ‘звук’]. Понятие дифтонга чаще всего определяется как сочетание двух гласных звуков (слогового и неслогового), употребляющихся в составе одного слога. Иногда дифтонг определяется как гласный звук, точнее, как «сложный гласный, состоящий из двух элементов, образующих один слог» [ЛЭС, с. 138]. Некоторые лингвисты, определяя дифтонг как гласный звук, состоящий из двух элементов, все же оговариваются: «В сущности, это с о е д и н е н и е д в у х г л а с н ы х [выделено нами. — В. Н.] в одном слоге» [Глинских, Петрова, с. 90—91]. В артикуляционном отношении дифтонг отличается от монофтонга тем, что в процессе его артикуляции «происходит сдвиг органов речи», в то время как при образовании одиночного гласного «органы речи не меняют своего положения на всем протяжении артикуляции» [Шайкевич, с. 20].

Дифтонги были в общеиндоевропейском языке (индоевропейском праязыке), в общеславянском языке, употребляются в ряде современных языков (например, в чешском, словацком, литовском, латышском, английском, немецком, испанском, португальском, молдавском, китайском, бирманском и якутском). Ср.: англ. *boy* [boi] (‘мальчик’), *smoke* [smouk] (‘дым’), *take* [teik] (‘брать’), *now* [nau] (‘сейчас’); нем. *Haus* (‘дом’), *Maus* (‘мышь’), *Eis* (‘лед’), *heute* [hoite] (‘сегодня’), *ein* [ain] (‘один’), *zwei* [svai] (‘два’), *mein* [main] (‘мой’); лит. *tauras* (‘дикий бык, тур’), *daina* (‘песня’), *snaigė* (‘снежинка’), *diena* (‘день’), *duona* (‘хлеб’), *akmuo* (‘камень’) и др.

По характеру (интенсивности) произнесения начального и конечного гласного дифтонги делят на истинные (или устойчивые, однородные, равновесные) и ложные (или скользящие). И с т и н н ы м и называются дифтонги, у которых оба элемента произносятся примерно с одинаковой четкостью, без заметного «перевеса» того или иного элемента. Такие дифтонги употребляются, например, в латышском языке: *tauta* (‘народ’), *jauns* (‘молодой, новый’), *meita* (‘дочь’), *viena* (‘один’).

Л о ж н ы м и называются дифтонги, у которых один элемент произносится более четко, как полноценный гласный, и выполняет функцию слогового звука, а другой произносится менее отчетливо. Он представляет собой так называемый

полугласный, т. е. слогообразующей функции он не выполняет. Такие дифтонги употребляются, например, в английском, немецком, испанском, румынском, молдавском, литовском и китайском языках.

В зависимости от порядка расположения слогового и неслогового элементов ложные дифтонги подразделяются на нисходящие (или падающие) и восходящие. Н и с х о д я щ и м и являются дифтонги, которые начинаются со слогового элемента и заканчиваются неслоговым: лит. *kaina* ('цена'), *kaimas* ('деревня'), *plaukas* ('волос'), *teisė* ('право'), *meilė* ('любовь'). Нисходящие дифтонги произносятся в некоторых русских словах иноязычного происхождения: *аудитория*, *аукцион*, *аут*, *браунинг*, *гаубица*, *лауреат*, *маузер*, *пауза*, *страус*, *траулер* (в отличие от сочетаний гласных в словах типа *аул*, *каурый*, *наука*, *паук*, *траур*, *Даурия*, *Паутовский*, где каждый гласный образует отдельный слог).

В о с х о д я щ и м и являются дифтонги, начинающиеся с неслогового элемента и заканчивающиеся слоговым: исп. *bueno* ('хороший, добрый'), *nuevo* ('новый'), *fiesta* ('праздник'); лит. *sniegas* ('снег'), *sesuo* ('сестра') и др.

Дифтонгом иногда называют сочетание гласного с последующим сонорным согласным, произносимое в составе одного слога. Например, в литовском языке это сочетания *al*, *am*, *an*, *ar*, *il*, *ul*, *ur* в словах *balsas* ('голос'), *kampas* ('угол'), *lankas* ('дуга'), *varnas* ('ворон'), *pilnas* ('полный'), *pulkas* ('полк'), *turgus* ('базар, рынок'). В литовском языкознании такие звукосочетания называются смешанными дифтонгами (или смешанными двугласными) в противоположность сочетаниям гласных, которые называются чистыми дифтонгами (или чистыми двугласными).

Иногда такое соединение гласного с согласным называют и дифтонгическим сочетанием [см.: Петерсон, 1955, с. 16], как определяют, например, сочетание редуцированного гласного с сонорным согласным в древнерусском языке.

По звучанию, следовательно и по артикуляции, к дифтонгам близки так называемые дифтонгоиды (термин образован от слова *дифтонг* при помощи суффикса *-оид*, имеющего значение 'подобный тому, что называется производящим словом'). Они занимают промежуточное положение между дифтонгами и одиночными гласными. Дифтонгоид можно определить как «качественно неоднородный гласный, имеющий в своем составе (в качест-

ве призвука) элемент, артикуляция которого близка к основному элементу» [СЛТ-А, с. 138]. Примером дифтонгоида может служить английский гласный [i:] («i долгий»), произносимый с призвуком гласного схожей артикуляции [i:]; он состоит из более переднего и напряженного [i] и более отодвинутого и менее напряженного призвука. В русском языке дифтонгоид напоминает звук [э], произносимый после мягкого согласного, например в словах *дед, лето, сетка*. Похож на дифтонгоид также русский гласный [о], который начинается призвуком [y] — [ʷo]¹.

К дифтонгоидам приближаются литовские дифтонги [ie̯], [uo̯], компоненты которых как бы сливаются в один звук, в то время как компоненты остальных литовских дифтонгов различаются весьма четко [см.: Языки, с. 504]. Дифтонгоиды как особый тип гласных распространены, например, в долганском языке, где они сформировались на месте бывших дифтонгов в процессе изолированного развития данного тюркского языка.

Трифтонг (от греч. *tri* — ‘трех’ и *phthongos* — ‘голос, звук’) обычно определяют как сочетание трех гласных, употребляемых в составе одного слога. Иногда трифтонг определяется как «сложный гласный, состоящий из трех элементов, образующих один слог» [ЛЭС, с. 520]. Трифтонги употребляются в тех языках, в которых имеются дифтонги (например, в английском, испанском, итальянском, китайском и вьетнамском): англ. *desire* [dizai̯e] (‘желание’), *fire* [faie̯] (‘огонь’), *flower* [flaue̯] (‘цветок’), *lower* [laue̯] (‘низший’).

Тетрафтонг (от греч. *tetra* — ‘четыре’ и *phthongos* — ‘звук’) представляет собой сочетание четырех гласных в составе одного слога. Такая комбинация гласных встречается, например, в провансальском (окситанском) слове *pluoei*.

Понятие о слоге

§ 51. Более сложной фонетической единицей по сравнению со звуком является слог. Слоги — это кратчайшие произносительные единицы речи, кратчайшие элементы (сегменты), на которые распадается звучащая речь (речевой поток) в про-

¹ Подробнее см.: Зиндер, с. 211; Матусевич, 1959, с. 81; Панов, 1979, с. 12; Маслов, 1987, с. 70; Шайкевич, с. 20; ЛЭС, с. 138.

износительном отношении. Ср.: «В первом приближении слог может быть определен как минимальная произносительная (артикуляционная) единица речи» [Маслов, 1975, с. 78].

Звуки речи, отличающиеся друг от друга в артикуляционном и акустическом отношении, в речевом потоке строго не разграничиваются, поскольку артикуляции смежных звуков в составе более сложных единиц частично накладываются одна на другую. Выделение фонем в потоке речи возможно лишь в результате лингвистического анализа. Членение речевого потока на слоги не вызывает особых затруднений, однако определение понятия слога, его сущности, его границ связано с большими трудностями и составляет предмет длительного спора между учеными.

По утверждению некоторых лингвистов, слог — «одна из самых сложных фонетических единиц» [Панов, 1967, с. 171], а потому «дать определение слога, выяснить его сущность и особенно те принципы, согласно которым происходит это членение [членение речевого потока на слоги. — В. Н.], т. е. определить границы слога, представляется одной из самых трудных проблем фонетики» [Матусевич, 1976, с. 166].

Трудности определения слога связаны с тем, что сам по себе слог не может быть носителем смысла, а «является лишь результатом физиологической последовательности движений артикуляционных органов, дающих определенный акустический результат» [Матусевич, 1976, с. 166], что в большинстве языков (а именно в языках фонемного строя, каким является и русский) «он не соотносится с какими-либо значимыми единицами, а выявляется на основе достаточно неопределенных фонетических характеристик» [РЯЭ-К, с. 511].

Следует заметить, что в русском языке, как и во многих других языках, слог по своему звуковому составу может совпадать со значимыми единицами языка — словами или морфемами (ср., например, односложные слова *а, и, у, на, по, от, под, он, тот, так, там, здесь, дом, стол, лес, сад, день, тень*; ср. также: *вы-бор, из-нос, про-ход, не-вы-ход, не-до-лёт*). В то же время в большинстве случаев слова и морфемы, прежде всего корневые, состоят из двух и более слогов: *го-род, ста-кан, та-ра-кан, о-то-звать, и-зо-бра-зить, пе-ре-си-лить*. Имеется также немало односложных слов, состоящих из нескольких морфем: *бра-ть, бра-л;*

зна-ть, зна-л; в-ста-ть, в-ста-л; с-би-ть, с-би-л; с-кры-ть, с-кры-л и т. п.

Есть и такие языки, в которых границы слогов почти всегда совпадают с границами между морфемами. Это такие языки слогового типа, как китайский, вьетнамский и японский.

§ 52. Существуют разные теории слога. Наиболее известны артикуляционная и акустическая теории.

Артикуляционная теория слога (или экспираторная, мускульная, теория мускульного напряжения) была выдвинута французским лингвистом М. Граммóном; в отечественном языкознании она была развита Л. В. Щербой и его учениками. Согласно этой теории, слог определяется как «минимальная произносительная единица, т. е. такая последовательность речевых движений, которая образуется единым дыхательным толчком (Р. Стетсон), единым импульсом мускульного направления (Л. В. Щерба) или в результате одной управляющей команды (Л. А. Чистович и др.)» [РЯЭ-Ф, с. 311]. Иначе — это «часть речевого потока, начиная с усиливающегося звука и кончая ослабляющимся» [Щерба, 1957, с. 160] либо «звук или несколько звуков, произносимых одним толчком выдыхаемого воздуха» [СЛТ-РТ, с. 383]. Для проверки правильности такого понимания слога обычно рекомендуется произносить отдельные слова перед горящей свечой: сколько раз пламя дрогнет при произнесении слова, столько слогов насчитывается в составе данного слова.

Объяснение слога как отрезка речи, произносимого одним дыхательным толчком, не выдерживает критики. Как показывают экспериментальные данные, число дыхательных толчков при произнесении слова не всегда совпадает с числом слогов в этом слове. Например, междометие *ау* считается двусложным, хотя оно произносится одним толчком выдыхаемого воздуха (при его произнесении пламя свечи вздрагивает один раз). Такие глагольные формы, как *ткать, ткёт, бди*, признаются односложными, несмотря на то что при их произнесении наблюдается два толчка выдыхаемого воздуха (пламя свечи вздрагивает два раза) [см.: Панов, 1967, с. 171].

Виднейшим представителем акустической теории слога (или сонорной, теории сонорности) был известный датский лингвист О. Ёсперсен. В нашей стране эта теория развивалась

Р. И. Аванесовым и другими учеными. В соответствии с данной теорией слог определяется как «волна нарастания и ослабления звучности» [РЯЭ-Ф, с. 311];

как «сочетание более звучного (сонорного) элемента с менее звучным» [Зиндер, с. 253];

как «сочетание слогаобразующего элемента (обычно гласного) с одним или несколькими неслогообразующими элементами — согласными» [РЯЭ-К, с. 511];

как «отрезок речи, в котором один звук выделяется наибольшей звучностью в сравнении с соседними — предшествующим и последующим» [СЛТ-РТ, с. 383].

Теория сонорности тоже не в состоянии объяснить некоторые вопросы выделения слога. Недостатком этой теории является, в частности, то, что она не позволяет определить границы между слогами в составе многих слов.

§ 53. В разных языках и в конкретном языке слоги заметно различаются по своей структуре. Слог может состоять из одного, двух и более звуков. В каждом слоге выделяется «главный» звук — слоговой (или слогаобразующий). Он называется вершиной слога (или его центром, ядром). Это наиболее звучный элемент слога. Остальные, неслоговые звуки образуют периферию слога. Периферийные звуки могут находиться перед слоговым звуком, следовать за ним или располагаться по обе его стороны, а могут и отсутствовать в слоге (т. е. слог может быть представлен одним лишь слоговым звуком)¹.

Вершиной слога обычно бывает гласный звук. В некоторых языках в качестве слоговых употребляются как гласные звуки, так и согласные, прежде всего сонорные. Так, в чешском языке в качестве слоговых сонорные [l] и [r] употребляются в положении между разными согласными или в абсо-

¹ Периферийные звуки слога, находящиеся перед слоговым звуком, образуют так называемые превокальные группы (или превока́лии), которые называются также консонантным началом (или инициа́лью), а звуки, располагающиеся после слогового звука, образуют поствокальные группы (или поствока́лии), называемые консонантным концом (или фина́лью). Поствока́лии вместе со слоговым звуком иногда объединяются в одну часть слога, называемую рифмой, которая противопоставляется фина́лям [см.: Ломтев, 1972, с. 201; ЛЭС, с. 470].

лютом конце слова: *vlk* ('волк'), *plst* ('войлок'), *nesl* ('нес'), *brva* ('бровь'), *krk* ('шея'), *prst* ('палец'), *hrdlo* ('горло'). В словацком языке согласные [l] и [r] могут быть слоговыми: *slza* ('слеза'), *zrno* ('зерно'). В сербском языке в качестве слогового употребляется согласный [p]: *брз* ('быстрый'), *срце* ('сердце'), *трз* ('рынок, площадь'). Сонорные согласные могут выступать в качестве слоговых и в английском языке: например, конечный звук [l] в слове *little* ['itl̩] ('маленький'). В литовском языке слоговыми являются все сонорные в составе смешанных дифтонгов с восходящей интонацией: *vilkas* ('волк'), *kaltas* ('виноват'), *antis* ('пазуха'), *ginti* ('гнать'), *imti* ('брать'), *gardas* ('огороженное место'), *turgus* ('рынок, базар'), *kur* ('где'), *visur* ('езде'). Плавные сонорные [л] и [р] регулярно употреблялись в качестве слоговых согласных в старославянском и древнерусском языках: *плѣкъ* ('полк'), *трѣгъ* ('торг').

В современном русском языке в беглом разговорном произношении в качестве слогового может выступать любой сонорный согласный [см.: Маслов, 1987, с. 67]. Слогообразующую функцию такие согласные выполняют в случае их сочетания с другими (преимущественно шумными) согласными, чаще всего в абсолютном конце слова: *рубль* [rubl̩'], *мысль* [mysl̩'], *смысл* [smysl̩], *кремль*, *спектакль*, *жизнь*, *болезнь*, *боязнь*, *фильм*, *реализм*, *патриотизм*, *спектр*, *центр*, *театр*. Реже такие согласные выступают как слогообразующие внутри многосложных слов в положении между разными согласными: например, звук [л] в слове *джентльмен*.

Внутри многосложного слова сонорные согласные могут выступать в качестве слоговых в случае полной редукции соседнего безударного гласного: *учительница* [uč'it'ɫ'n'icʌ], *жаворонок* [žavɔɾnɔk], *Ивановна* [ivʌnɔɲɔ]. Естественно, сонорные произносятся как слоговые звуки в словах, в которых гласные отсутствуют: *брр* (междометие, выражающее чувство холода, отвращения, презрения и т. п.), *тпrrrr* (междометие, которым останавливают лошадь).

В отдельных случаях слогообразующую функцию могут выполнять и шумные согласные. Это бывает, в частности, при отсутствии в составе слова гласных и сонорных согласных: рус. *тсс!*, *тшш!*, *чш!*, *чш-ш!*; франц. *pst!* ('тсс!'). В русском языке в качестве слоговых выступают согласные в та-

ких словах, как *ветвь*, *волхв*, *Вакх*, *биллингв*, *букв* (род. п. мн. ч.), *Кошс* (фамилия) [см.: Панов, 1967, с. 176].

Неслоговыми звуками, образующими периферию слога, обычно являются согласные. В то же время неслоговыми звуками могут быть и гласные, например в китайском языке [см.: Шайкевич, с. 30]. По мнению некоторых лингвистов, и в русском языке есть неслоговые гласные: конечный звук в словах типа *кий*, *опий*, *ликуй*, *выкуй* иногда рассматривается как неслоговой гласный [и], а конечный звук начального (или единственного) слога в словах *байронический*, *рейд*, *флейта* — как неслоговой [э] [см.: Панов, 1967, с. 45].

§ 54. Слоги могут классифицироваться по ряду конкретных признаков. В русском языке, например, они традиционно классифицируются в зависимости от положения слогового звука по отношению к концу слога. По этому признаку различаются слоги открытые и закрытые. Открытый слог оканчивается слоговым звуком: *во-да*, *стра-на*, *мо-ло-ко*. Закрытый слог оканчивается неслоговым звуком: *дом*, *стол*, *под-нос*.

В зависимости от положения слогового звука по отношению к началу слога многие лингвисты различают слоги прикрытые и неприкрытые. Прикрытый слог начинается неслоговым звуком: *да*, *но*, *два*, *дом*, *стол*. Неприкрытый слог начинается слоговым звуком: *он*, *акт*, *остр*.

В зависимости от положения слогового звука по отношению к началу и концу слога все слоги можно разделить на четыре типа:

1) о т к р ы т ы й н е п р и к р ы т ы й (или открыто-неприкрытый, неприкрыто-открытый) слог — состоит из одного слогового звука, который занимает положение и начала, и конца слова: *а*, *и*, *у*, *о-чертить*, *у-гостить*, *по-о-бещать*, *ради-о*;

2) о т к р ы т ы й п р и к р ы т ы й (или открыто-прикрытый, прикрыто-открытый) слог — начинается слоговым звуком и оканчивается неслоговым: *два*, *дно*, *сто*, *во-да*, *стра-на*;

3) з а к р ы т ы й н е п р и к р ы т ы й (или закрыто-неприкрытый, неприкрыто-закрытый) слог: *ад*, *ум*, *он*, *акт*, *остр* и др.;

4) **з а к р ы т ы й п р и к р ы т ы й** (или закрыто-прикрытый, прикрыто-закрытый) слог: *дом, стол, брат, вздох, страсть* и т. п.

Некоторые лингвисты среди закрытых слогов особо выделяют слоги **п о л у з а к р ы т ы е** (или полуоткрытые), т. е. оканчивающиеся сонорным согласным, а среди прикрытых — **п о л у п р и к р ы т ы е**, т. е. начинающиеся сонорным согласным [см.: Реформатский, 1967, с. 190; Глинских, Петрова, с. 132].

В зависимости от наличия/отсутствия словесного ударения слоги иногда подразделяются на сильные — слог, на который падает словесное ударение, и слабые — слог, у которого словесное ударение отсутствует.

Существует и иное понимание сильного и слабого слога. Ср.: «По количественной характеристике различают слоги **с и л ь н ы е**, или “тяжелые” (рифма состоит из долгого гласного или краткого гласного + согласный), и **с л а б ы е**, или “легкие” (рифма состоит из краткого гласного)» [ЛЭС, с. 470].

В близком значении иногда используются термины «долгий слог» и «краткий слог»: «Для некоторых языков, например для древнегреческого и латыни, для арабского, существенно различение долгих и кратких слогов. **Д о л г и е** слоги содержат либо долгий гласный, либо краткий гласный перед группой из двух и более согласных; **к р а т к и е** слоги содержат краткий гласный не перед группой согласных» [Маслов, 1987, с. 69].

У разных типов слогов можно выделить модели, которые различаются количеством неслоговых звуков и порядком их расположения по отношению к слоговому звуку. Так, в современном русском языке примерно 20 исключительно разнообразных слоговых моделей. (При описании моделей слогов будем использовать символы: С — слоговой звук и Н — неслоговой звук.) Открыто-неприкрытые слоги в русском языке представлены одним звуком — слоговым. Следовательно, все они представляют одну слоговую модель — С (например: *а, и, у, о-чертить, по-о-бещать, ради-о*).

Открыто-прикрытые слоги представлены такими моделями: НС (*да, но, мо-ло-ко*), ННС (*два, сто, жду*), НННС (*мзда, и-скра, се-стра*).

Закрыто-неприкрытые слоги относятся к следующим моделям: СН (*ад, ум, он*), СНН (*акт, иск, ость*), СННН (*остр, Омск, Орск*), СНННН (*Эрнст* — личное имя).

Закрыто-прикрытые слоги образуются по таким моделям: НСН (*дым, кот, наш*), НСНН (*гость, мост, шифр*), ННСН (*брат, стол, трон*), НСННН (*перст, пёстр, Курск*), ННСНН (*дрозд, спорт, треск, хвост, Днепр*), НННСН (*вдруг, вздох, страх, строй*), НСНННН (*чувств, злодейств*), ННСННН (*Днестр, се-квестр*), НННСНН (*страсть, изве-стность*), ННСНННН (*свойств, средств*), НННСНННН (*ус-тройств*).

§ 55. Типология слогов существенно отличается в разных языках. В частности, эти различия проявляются в отношении протяженности, фонетической сложности слогов, т. е. возможного количества звуков, составляющих один слог. Например, в китайском языке в состав слога может входить не более четырех звуков, в то время как в русском языке встречаются слоги, в которых содержится в два раза больше звуков (*свойств, средств, у-стройств*). Разумеется, в определенном стиле произношения подобные речевые отрезки могут произноситься в два слога: слогиобразующую функцию в них, помимо гласного [о], может выполнять конечный согласный [в].

В русском языке различаются все основные типы слогов, т. е. слоги открытые и закрытые, прикрытые и неприкрытые. В общеславянском языке (славянском праязыке) на определенном этапе его развития, а также в древнерусском языке (до падения слабых редуцированных гласных) были возможны только открытые слоги — действовал так называемый закон открытого слога. Отсутствуют закрытые слоги и в некоторых современных языках, например в языках коренного населения Полинезии. Только открытыми могут быть конечные слоги в испанском языке, точнее, в его исконной лексике. В арабском языке возможны открытые, закрытые и прикрытые слоги (т. е. слоги вида «согласный + гласный» и «согласный + гласный + согласный»), но невозможны неприкрытые слоги.

Набор возможных моделей слогов в некоторых языках ограничен (по сравнению с современным русским языком). Так, в японском языке прикрытый слог начинается единичным

согласным, т. е. отсутствуют слоги, начинающиеся сочетанием разных согласных [см.: Маслов, 1987, с. 68]. То же самое характерно для исконной лексики финно-угорских и тюркских языков.

В ряде языков возможны различные ограничения в употреблении конечных согласных в закрытом слоге. Например, в дагестанском языке в конце закрытого слога может употребляться только сочетание сонорного согласного с последующим шумным; в немецком языке в конце слога невозможны звонкие шумные согласные; в шведском языке за кратким гласным следует долгий согласный, а за долгим гласным — краткий согласный [см.: ЛЭС, с. 470].

§ 56. Особенно сложным в теории слога представляется вопрос о выделении слогов в потоке речи, об определении границ слога (или слогораздела). Во многих языках, в том числе и в современном русском языке, деление речевого потока на слоги вызывает большие трудности. Это связано «с отсутствием единого понимания сущности слога... а также с отсутствием четких критериев, на основании которых можно говорить о месте межслоговой границы» [РЯЭ-К, с. 512].

В русском языке границы между слогами (слогораздел) принято определять с учетом так называемого закона восходящей звучности, суть которого состоит в том, что в любом неначальном слоге слова звучность обязательно возрастает от начала слога к его вершине — гласному. Звучность звуков речи можно различать с разной степенью точности. В зависимости от этого устанавливается разное количество степеней звучности звуков (некоторые ученые различают до десяти степеней звучности) [см.: Зиндер, с. 253; Матусевич, 1976, с. 168; РЯЭ-К, с. 512].

По мнению Р. И. Аванесова, для установления слогораздела достаточно деления звуков по степени звучности на три большие группы: гласные (самые звучные); сонорные согласные, включая звук [j] (менее звучные); шумные согласные (наименее звучные). В соответствии с таким делением звуков при сочетании шумного или двух шумных согласных с последующим сонорным внутри слова слогораздел проходит после гласного (*па-трон, по-дъём, се-стра*), при сочетании сонорного с шумным или двумя шумными — после сонорного перед шумным (*ам-бар, вой-на, напёр-сток*), при сочетании разных шумных согласных — перед начальным шум-

ным после гласного (*со-пка, ни-тка*) и т. д. [см.: Аванесов, 1956, с. 42].

Экспериментальным путем установлено, что при сочетании сонорного согласного с последующим шумным слогораздел может проходить между сонорным и предшествующим гласным: *мо-ржи, го-ржусь* (и даже *ба-нда*), *бо-мба* (хотя чаще: *мор-жи, гор-жусь, бан-да, бом-ба*) [см.: Панов, 1967, с. 175]. Более того, некоторые лингвисты утверждают, что в русском языке слогораздел всегда проходит после гласного [см.: ЛЭС, с. 470]. Говорят также, что на слогораздел в русском языке оказывают влияние и такие факторы, как словесное ударение, морфемные границы в слове [см.: РЯЭ-К, с. 513].

Гораздо проще решаются вопросы определения слогораздела в таких языках, в которых отсутствуют закрытые слоги или границы слогов совпадают с границами морфем.

Ударение

§ 57. Выделение в речевом потоке определенных его частей теми или иными фонетическими средствами принято называть ударением (или акцентом).

Ср.: ударение (в международной терминологии — акцент) — это «выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств» [ЛЭС, с. 530];

это «выделение звука, слога или слова путем усиления мускульного напряжения и напора воздушной струи или изменения высоты тона (голосового тона)» [Кодухов, 1978, с. 121];

это «звуковое выделение, подчеркивание с помощью тех или иных звуковых средств определенных отрезков, обычно слогов в составе слова или же слов в составе словосочетания и предложения» [Маслов, 1975, с. 86].

Раздел языкознания, изучающий ударение (его типы, функции и т. п.), называется акцентологией (от лат. *accētus* — ‘ударение, усиление’ и греч. *logos* — ‘понятие, мысль’).

В зависимости от того, в составе какой языковой единицы выделяется та или иная ее часть, обычно различают ударение словесное и фразовое (или синтаксическое, синтагмати-

ческое)¹. Иногда по этому признаку наряду со словесным и фразовым ударением выделяется также слоговое ударение.

В современном языкознании термин «ударение» часто используется и в другом, более узком значении — для обозначения одного из трех видов ударения — словесного ударения.

Ср.: ударение — это «выделение теми или иными фонетическими средствами... одного из слогов в составе слова или целого словосочетания» [СЛТ-А, с. 482];

это «фонетическое выделение одного из слогов» в составе слова [РГ, т. 1, с. 90];

это «выделение одного слога в слове, служащее для фонетического объединения этого слова и называемое словесным ударением» [РЯЭ-Ф, с. 357].

Слоговым ударением (или слоговым акцентом) называется выделение звука в составе слога [см.: Головин, 1983, с. 44; Матусевич, 1959, с. 94; Щерба, 1974, с. 159]. При этом в качестве ударного обычно выделяется гласный звук. При отсутствии гласного в составе слога в качестве ударного выделяется наиболее звучный согласный (сонорный), являющийся слогообразующим, как, например, в чешском слове *vlk* ('волк').

Слоговое ударение может падать на разные звуки данного слога, в частности на разные элементы одного и того же дифтонга. Ср.: лит. *kàina* ('цена') и *snãigė* ('снежинка'), *sáule* ('солнце') и *saũsas* ('сухой'), *kálnas* ('гора') и *kaĩtas* ('виноватый').

В разных языках ударный звук при слоговом ударении выделяется разными фонетическими средствами: большей силой (или интенсивностью) произнесения, длительностью (или продолжительностью) звучания, изменением высоты тона звука, т. е. интонационно. При этом возможно несколько видов интонации [см. § 64 и след.]. Для обозначения слогового ударения на письме используются специальные знаки, которые различаются в зависимости от характера интонации.

Словесным ударением принято называть выделение слога в фонетическом (акцентном) слове. При наличии в составе фо-

¹ Некоторые лингвисты фразовым ударением и синтагматическим ударением называют разные типы ударения [см.: ЛЭС, с. 530]. Иногда фразовое (или синтагматическое) ударение рассматривается как разновидность синтаксического ударения [см.: Маслов, 1975, с. 87].

нетического слова клитики (проклитики или энклитики) ударение обычно сохраняется на одном из слогов знаменательного слова, хотя нередко оно переходит на клитику. Ср.: рус. *за́ город, из́ лесу, по́д ноги, не́ с кем, как бы то ни́ было*; польск. *dó mnie* ('ко мне'), *nie chcę* ('не хочу'). Словесное ударение осуществляется с помощью тех же фонетических средств, которые используются при слоговом ударении.

Фразовым ударением обычно называют выделение слова (или словосочетания) в составе фразы, высказывания. Ударяемое слово может занимать во фразе разное место. В русском языке, например, оно всегда располагается в конце фразы. Выделяется такое слово усилением словесного ударения, а также интонационно — повышением/понижением тона звука, на который падает словесное ударение. Следовательно, фразовое ударение — это более сильное словесное ударение синтагмы, иначе — наиболее интенсивное ударение в высказывании [см.: Матусевич, 1959; с. 97; Головин, 1983, с. 46].

Не следует фразовое ударение смешивать с ударением логическим. В работах некоторых лингвистов термин «фразовое ударение» иногда используется для обозначения логического ударения [см.: Валгина и др., с. 73; Гвоздев, 1973, с. 7] и, наоборот, термином «логическое ударение» обозначается то, что принято называть фразовым (или синтагматическим) ударением [см.: Аванесов, 1956, с. 62; Матусевич, 1976, с. 222].

Под логическим ударением следует понимать выделение в составе высказывания его части (слова, словосочетания), наиболее важной для говорящего в смысловом отношении. Например, в высказывании *Завтра мы едем на экскурсию* может быть выделено любое знаменательное слово, значение которого говорящий хочет подчеркнуть. По определению О. С. Ахмановой, логическое ударение — это «произвольное выделение одного из элементов высказывания в целях увеличения его семантического веса» [СЛТ-А, с. 222]. По словам М. И. Матусевич, «при помощи логического ударения обычно выделяется в предложении то или иное слово, важное с логической, смысловой стороны, на котором должно концентрироваться все внимание» [Матусевич, 1959, с. 99—100]. Поэтому логическое ударение иногда называется смысловым ударением [см.: Чикобава, с. 161; Кодухов, 1987, с. 123].

В речи логическое ударение выражается с помощью тех же языковых средств, что и фразовое ударение. Иногда с этой целью используется инверсия, т. е. нарушение обычного расположения слов в высказывании. Например, во фразе *Морозная крыла хутор ночь* (Ш.) постановкой слова *морозная* в начале высказывания особо подчеркивается значение этого прилагательного. В письменной речи в подобных целях иногда применяются некоторые графические средства, такие, как знак словесного ударения, использование особого шрифта (курсив, разрядка и др.).

§ 58. Объектом изучения в фонетике является прежде всего словесное ударение. (В последующем изложении термин «ударение» будет употребляться в основном для обозначения словесного ударения.)

Словесное ударение используется в большинстве языков мира; оно отсутствует в калмыцком, эвенкийском, чукотском, эскимосском, нивхском (язык коренного населения острова Сахалин и низовьев реки Амур) и некоторых других языках. В разных языках используются разные типы словесного ударения.

§ 59. В зависимости от того, какими фонетическими средствами словесное ударение осуществляется, различается ударение силовое, количественное и музыкальное.

Силовым ударением [или выдыхательным, экспираторным (от лат. *expirāre* — ‘выдыхать’), динамическим (ср. греч. *dynamikos* — ‘относящийся к силе, сильный’)] является такое словесное ударение, при котором ударный слог (его слогаобразующий звук) отличается от других слогов данного слова интенсивностью произношения, достигаемой увеличением мускульного напряжения речевых органов и усилением выдыхаемой воздушной струи. Силовое ударение характерно для таких языков, как чешский, французский, португальский, голландский (нидерландский), эвенкийский и др.

Количественное ударение [или долготное, квантитативное (от лат. *quantitās* — ‘количество’)] характеризуется большей длительностью звучания ударного слога по сравнению с другими слогами данного слова. В чистом виде количественное ударение наблюдается крайне редко, например в современном индонезийском и яванском языках. Некоторые линг-

висты к чисто количественному относят ударение современного новогреческого языка. Есть мнение, что количественное ударение в чистом виде не встречается [см.: ЛЭС, с. 530].

Музыкальное ударение (или тоновое, тоническое, мелодическое) характеризуется тем, что ударный слог отличается от безударных слогов высотой тона слогаобразующего звука. Музыкальное ударение свойственно таким языкам, как китайский, корейский, японский, нанайский, удэгейский и др. В разных языках оно различается в зависимости от характера (вида) интонации [см. § 64].

Словесное ударение в чистом виде используется довольно редко. В большинстве языков оно носит смешанный характер, т. е. сочетает в себе признаки (фонетические средства) разных типов ударения.

В русском языке, например, ударный слог выделяется одновременно и длительностью, и интенсивностью слогаобразующего звука, причем в большей степени длительностью. Такое смешанное ударение можно назвать количественно-силовым (или количественно-экспираторным).

В шведском и норвежском языках ударение преимущественно музыкальное; в то же время оно сопровождается заметным увеличением интенсивности ударного слога и потому это музыкально-силовое ударение.

В литовском языке в ударном слоге заметно выражены признаки музыкального (прежде всего), силового и количественного ударения: в литовском ударении «различаются динамический и музыкальный элементы... Кроме того, слогаобразующий звук ударяемого слога в одинаковых фонетических условиях всегда является более долгим, чем неударяемые звуки того же слова» [Языки, с. 506]. Ударение подобного типа может быть названо музыкально-количественно-силовым. Нечто подобное наблюдается и в других языках, в частности в немецком, где ударение по преимуществу силовое и в то же время ударные слоги заметно отличаются от безударных высотой тона, а также длительностью звучания.

§ 60. Во многих языках ударный слог способен занимать любое место в слове, т. е. ударение может падать на любой слог: первый, второй, третий, последний, предпоследний и т. д.

Есть и такие языки, в которых ударный слог во всех словах, имеющих ударение, занимает всегда одно и то же место, т. е. ударение падает либо на первый слог, либо на последний, либо на предпоследний и т. д. Соответственно различается ударение свободное и связанное.

Свободное ударение (или разноместное, нефиксированное) не закреплено за определенным местом в слове по отношению к его началу или концу. Такое ударение, которое в разных словах данного языка падает на разные по счету слоги — первый, второй, третий и т. д., характерно для русского, белорусского, украинского, болгарского, литовского, английского, немецкого, датского, норвежского, шведского, итальянского, испанского и многих других языков.

Связанное ударение (или одноместное, несвободное, постоянное, устойчивое, фиксированное) во всех словах данного языка падает на один и тот же по счету слог — первый, последний, предпоследний и т. д. Ударение этого типа используется в таких языках, как чешский, словацкий, латышский, эстонский, финский, венгерский (ударение всегда на первом слоге), французский, армянский, турецкий, большинство тюркских (ударение на последнем слоге), польский (ударение на предпоследнем слоге), македонский (ударение на третьем от конца слоге).

Возможно также полусвязанное ударение (или ограниченное), занимающее промежуточное положение между свободным и связанным: оно не закреплено за определенным слогом (в отличие от связанного ударения) и в то же время не может падать на любой слог слова (в противовес ударению свободному). Такое ударение, имеющее «определенную зону локализации» [ЛЭС, с. 531], характерно, например, для латинского языка, в котором оно падает либо на предпоследний слог (в тех случаях, когда слоговой гласный является долгим), либо на третий слог от конца (в остальных случаях). Ср.: лат. *vidēre* [v'ide:re] ('видеть'), но *video* [v'ideo] ('вижу'). Аналогичное явление отмечено в древнегреческом и классическом арабском языках.

Ограниченность ударения способна проявляться и в других отношениях. Так, скажем, в русском языке в сложных словах (включая сложносокращенные) ударение может падать на начальный или конечный компонент сложения. Обычно оно падает на конечный компонент сложного слова:

льноволокно́, хлебозабо́д, железнодоро́жник, госуниверси-
те́т, горисполко́м, стенгазе́та, плодоовощехрани́лище, бе-
ло-ро́зовый, малознако́мый, вышеука́занный, тибетско-
санскритско-руско-англи́йский (словарь) и др. Исключе-
ния крайне редки и касаются, например, некоторых числи-
тельных: *се́мьдесят, во́семьдесят* (ср.: *пятьдеся́т, шесть-
деся́т*), *двэ́сти, трѝста, четы́реста* (при формах косвен-
ных падежей: *двухсо́т, трѝмста́м, четы́рмяста́ми*),
пяти́десяти, шести́десяти, семи́десяти, восьми́десяти
(при исходных формах: *пятьдеся́т, шестьдеся́т* и т. п.).
В таких языках, как, например, немецкий или литовский,
ударение падает преимущественно на начальный компонент
сложного слова.

§ 61. При изменении грамматической формы слова ударение может перемещаться с одного слога на другой (ср.: *двэ́сти — двухсо́т, пяти́десяти — пятьдеся́т*) или же сохраняться на том же слоге (ср. *мо́ре — мо́рем*). В зависимости от этого различается ударение подвижное и неподвижное.

Подвижное ударение (или перемещающееся) при изменении грамматической формы слова изменяет свое место в слове, передвигается с одного слога на другой. Такое ударение распространено во многих языках, характеризующихся свободным ударением: в русском, немецком, литовском и др. Ср.: *рука́ — ру́ку, голова́ — го́лову — голо́в, го́род — городá,* *весёлый — вёсел — веселе́, де́сять — десяти́, отда́ть — о́тдал — о́тдалá.* Подобное явление иногда называют чередованием ударения [см.: Широков, 1985, с. 213; Шайкевич, с. 83].

Связанное ударение также может быть подвижным. Оно перемещается с одного слога на другой в тех случаях, когда при образовании грамматической формы меняется слоговой состав слова, количество слогов в нем. Например, в польском языке, имеющем постоянное ударение на предпоследнем слоге, это ударение переходит на другой слог в случае присоединения суффикса либо окончания или же отпадения данных морфем. Ср.: *ulíca* ('улица') — *úlic* ('улиц'), *nowy* ('новый') — *nowégo* ('нового'), *czytám* ('я читаю') — *czytálem* ('я читал').

Неподвижное ударение (или постоянное) имеет постоянное место в слове, во всей его грамматической парадигме, т. е. сохраняется на одном и том же слоге во всех граммати-

ческих формах. Такое ударение имеют многие русские слова: *знать* (*зна́ю, зна́ешь, зна́ют, зна́ли, зна́ли бы, знай, зна́йте, зна́ющий, зна́вший, зна́я*); *свет* (*све́та, све́ту, све́том*), *со́кол* (*со́кола, со́колу, со́колы*), *ра́ма, ни́ва, ни́во, го́рох, о́город, до́рога, ко́рова, во́рона, со́рока* и др. Оно характерно для большинства имен собственных: *Ива́н* (*Ива́на, Ива́ну, Ива́ном, Ива́ны, Ива́нами*), *Москв́а* (*Москв́ы, Москв́ой, в Москв́е*), *Во́лга* (*Во́лги, Во́лгу, Во́лгой*) и т. д., но: *Пе́тр* — *Петра́*, *Пермь* — *Перми́*, *Днепр* — *Днепра́* и т. п. Неподвижное ударение имеют все русские прилагательные в полной (местоименной) форме в положительной степени: *кра́сный* (*кра́сного, кра́сному* и т. д.), *во́лчий* (*во́лчьего, во́лчьему* и т. д.), *ка́менный* (*ка́менного, ка́менно-му* и т. д.) и др.

§ 62. В языках, имеющих словесное ударение, в каждом знаменательном слове обычно выделяется один ударный слог, т. е. имеется одно ударение. В некоторых языках (русском, немецком, английском, эстонском и др.) многосложные слова могут иметь два и более ударения, из которых одно является основным (или главным), другие — дополнительными (или второстепенными, добавочными, побочными).

Основное ударение является более сильным, оно обязательно для каждого знаменательного слова и выполняет главные функции словесного ударения.

Дополнительное ударение является более слабым, по сравнению с основным, и в ряде случаев не является обязательным, т. е. может присутствовать/отсутствовать в одном и том же слове. Оно в известной мере способствует расчленению многосложного слова с целью облегчить его произнесение как единого фонетического целого. Дополнительное ударение иногда называют полуударением [см.: Панов, 1967, с. 182].

В разных языках дополнительное ударение может занимать в слове разное место по отношению к основному ударению. Так, в эстонском языке, где основное ударение всегда падает на первый слог, дополнительное ударение бывает на третьем слоге. В немецком языке в сложных и приставочных образованиях основное ударение обычно падает на приставку или на корневую морфему первого компонента сложения, а дополнительное — на один из последующих слогов: *únveràntwortlich* ('безответственный'), *úberglùcklich* ('чрез-

мерно счастливый'), *Féderhålder* ('ручка для пера'), *Éisenbahn* ('железная дорога'), *Úntergrúndbahn* ('подземная дорога, метрополитен'). В русском языке, наоборот, дополнительное ударение предшествует основному: *а́нтимилита́ризм*, *о́бер-офице́р*, *самолётовождéние*, *тра́кторостроéние*, *элеќтроснабжéние*, *квадрáтно-гнездóвой*, *мédико-санитáрный*, *наро́дно-освободíteльный*, *прóтивоэпидемíческий*.

§ 63. В каждом языке словесное ударение выполняет определенные функции. Прежде всего ударение «фонетически организует слово в единый звуковой комплекс. Одновременно ударение способствует отграничению одного слова от другого в речевом потоке, т. е. помогает членению этого потока на слова... В языках, где ударение подвижно, оно участвует в выражении и различении лексических и грамматических значений» [Головин, 1983, с. 46]. В этом определении четко выделены три основные функции ударения, которые разные лингвисты называют по-разному:

1) словоформирующая, или объединяющая, вершинообразующая, словоопознавательная, конститутивная (ср. лат. *cōstitūtivus* — 'устроенный, определенный, утвердившийся'), кульминативная (ср. лат. *culmen* — 'вершина, верхняя точка');

2) словоразграничивающая, или разграничительная, делимитативная (ср. лат. *līmes* — 'межа, рубеж'), или функция «пограничного сигнала»;

3) различительная (словоразличительная), или дистинктивная, сигнификативная (от лат. *signum* — 'знак').

Словоформирующая функция словесного ударения состоит в том, что оно организует слово в единый звуковой комплекс. Ударный слог является центром, вершиной фонетического слова, он объединяет в одном фонетическом слове все остальные, безударные слоги (включая клитики).

Ударение не только обеспечивает цельность слова, оно в то же время служит показателем отдельности данного слова. По количеству ударений (ударных слогов) в высказывании определяется количество фонетических слов в нем. Так, если в высказывании *Над реко́й тумáн, за реко́й грани́ца* имеется четыре основных словесных ударения, значит, в нем четыре фонетических слова.

Это важнейшая функция словесного ударения; она свойственна ударению всех типов и видов, осуществляется во

всех языках, имеющих словесное ударение, и в отношении каждого ударного слова.

Словоразграничивающая функция ударения проявляется в том, что ударение «способствует отграничению одного слова от другого в речевом потоке, т. е. помогает членению этого потока на слова» [Там же, с. 46]. Ударный слог определяет место или близость границы слова. Данная функция свойственна только связанному, постоянному ударению. Так, в чешском, латышском и других языках, имеющих постоянное ударение на первом слоге, граница слова всегда проходит перед ударным слогом. Во французском, армянском и других языках, в которых ударение всегда падает на последний слог, граница слова находится после ударного слога. В польском языке с постоянным ударением на предпоследнем слоге граница слова, как правило, располагается после ударного слога через один безударный. Исключения составляют односложные слова, употребляющиеся без слоговых проклитик, а также двусложные и многосложные слова при наличии энклитик, которые в польском языке на место ударения в слове не влияют. Ср.: *Po wsi niosła się pieśń* [po fš'i | n'ósła š'eⁿ | p'éš'n'] (букв. 'по деревне разносилась песня').

Суть различительной функции ударения заключается в том, что ударение может служить средством разграничения лексических и грамматических значений, иначе говоря, средством различения слов и их грамматических форм. В ряде случаев оно дифференцирует разные значения многозначного слова, его лексико-семантические варианты. Различительную функцию способно выполнять только разноместное ударение.

Иногда говорят о двух самостоятельных функциях: словоразличительной (или словоопознавательной) и о форморазличительной (или формоопознавательной).

Словоразличительная функция ударения связана с различением отдельных слов. Ср., например: рус. *за́мок* — *замо́к*, *каза́чки* — *казачку́*, *по́дать* — *пода́ть*, *то́лки* — *толку́*, *па́рить* — *пари́ть*, *пла́чу* — *плачу́*, *консерва́торский* — *консервато́рский*; лит. *draũgė* ('подруга') — *draugė* ('толпа, стая'), *svėrė* ('вешал, взвешивал') — *svėrė* ('сурепица').

Основное словесное ударение может служить средством различения сложных слов и производящих, мотивирующих сочетаний однокоренных слов. Ср.: *вечнозелёный* — *вечно зелёный*, *малознакомый* — *мало знакомый*, *вышеуказанный* — *выше указанный*. Ср. также некоторые числительные: *В Якутии — до пятидесяти градусов мороза; В Нижегородской области — до пяти — десяти градусов мороза.*

Разноместное ударение способно различать не только разные слова, но и разные значения многозначного слова. Ср.: *го́лову* (о части организма) — *голови́* (о руководителе, начальнике), *подви́жный* ('легкий в движениях') — *подвижнóй* ('способный передвигаться, передвигающийся'). В связи с этим некоторые лингвисты говорят о смыслоразличительной (или семантической) функции ударения [см.: Широков, 1985, с. 85]¹.

Форморазличительная функция ударения связана с различием грамматических форм слова; ср.: *насы́пать* — *насыпа́ть*, *отрѐзать* — *отрезáть*, *передвигáть* — *передви́гать*, *но́сите* — *носи́те*, *хва́лите* — *хвали́те*, *де́ржитесь* — *держи́тесь*, *призна́юсь* — *признаю́сь*.

В письменной речи при употреблении слов/словоформ, выпадающих по звуковому составу, ударение в различительной функции иногда отмечается с помощью обычного знака словесного ударения: *С первых нача́л нача́л он [полковник] ему [Чичикову] жаловаться на необразованность окружающих помещиков, на великие труды, которые ему предстоят (Г.); Потом острый клинышек месяца прорѐзался в дымящейся высоте (Леон.).*

Интонация

§ 64. Значительную роль в распознавании языковых единиц разных уровней наряду с ударением играет интонация. Под интонацией (от лат. *intonatio* — 'громкое произнесение') традиционно понимается изменение, движение, чередование (повышение и понижение) тона голоса при произнесении той или иной единицы языка.

¹ Данные термины иногда употребляются в более широком значении — для обозначения различительной функции ударения в целом [см.: Будагов, 1965, с. 188].

Ср.: интонацией называется «повышение и понижение тона голоса при речевой деятельности» [Аванесов, 1956, с. 62];

«понижение и повышение тона» [Панов, 1979, с. 83];

«чередование тонов с непрерывными переходами между ними» [Степанов, с. 97].

Интонация в таком ее понимании часто называется мелодикой речи (от греч. *melōs* — ‘песнь’).

Многие языковеды в понятие интонации, наряду с изменением высоты тона голоса, т. е. собственно мелодикой, включают и такие явления, как изменение интенсивности (силы) звучания, относительной длительности произнесения, темпа речи (убыстрение или замедление), тембра голоса, паузы, разных типов ударения или некоторых из названных явлений [см.: Бондарко Л., с. 162; Зиндер, с. 273; Маслов, 1987, с. 79; СЛТ-А, с. 180 и др.]. При этом важнейшим из перечисленных компонентов интонации считается мелодика, т. е. изменение высоты тона голоса. Иначе говоря, под интонацией понимается совокупность различных звуковых явлений, способствующих различению тех или иных языковых единиц.

Ср.: «В языкознании под интонацией чаще всего понимают изменение высоты голоса (мелодика), силы звука (ритмика), относительной длительности (или “количества”) отдельных звуков (просодия) и, наконец, тембра голоса той или иной речевой единицы, начиная от предложения и кончая слогом или отдельным звуком» [Щерба, 1974, с. 158];

«все суперсегментные свойства речи, а именно: 1) мелодика, т. е. движение тона во фразе; 2) различные типы ударения; 3) пауза, т. е. перерывы различной длительности в звучании; 4) тот или иной тембр голоса, играющий очень важную роль, особенно в эмоциональной окраске речи, — называют обычно интонацией» [Матусевич, 1976, с. 241];

интонация — это «единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения» [ЛЭС, с. 197].

Так как интонация свойственна языковым единицам разных уровней — звуку, слогу, слову, фразе (предложению, высказыванию); соответственно различается интонация звука (или звуковая), интонация слога (или слоговая), инто-

нация слова (или словесная), интонация фразы (или фразовая). В современном языкознании чаще всего обращается внимание на звуковую и фразовую интонацию.

§ 65. Кратчайшей единицей языка/речи, способной иметь интонацию, является звук. Звуковой интонацией называется изменение высоты тона в пределах определенного звука, от начала до конца его артикуляции. Интонация ярко выражена в языках, имеющих тоническое, музыкальное ударение, таких, как сербскохорватский, литовский, латышский, китайский, вьетнамский и др. На письме она может быть обозначена с помощью разных надстрочных знаков, одновременно указывающих место словесного ударения.

Звуковая интонация возможна у гласных и сонорных согласных, выполняющих слогообразующую функцию. Полифтонги тоже могут различаться интонацией (повышение/понижение тона приходится на разные звуковые элементы полифтонга). Ср. лит.: *bė̃gis* ('бег') — *gė̃da* ('стыд'), *kõ̃šė* ('каша') — *kõ̃ja* ('нога'), *rũ̃kas* ('туман') — *rũ̃mas* ('дворец'), *aũ̃strė* ('устрица') — *aũ̃ksas* ('золото'), *baĩ̃nas* ('седло') — *ká̃lnas* ('гора').

В зависимости от характера изменения высоты тона голоса, направления этого движения различается несколько типов звуковой интонации. Наиболее часто используется интонация восходящая и нисходящая (оба типа характерны для сербскохорватского, литовского и некоторых других языков). Восходящая интонация (или повышающаяся, аку́товая) характеризуется повышением тона в пределах данной звуковой единицы: например, лит. *bė̃gis*, *kõ̃šė*, *rũ̃kas*, *aũ̃strė*, *baĩ̃nas*.

Нисходящая интонация заключается в понижении тона в рамках данной звуковой единицы: например, лит. *gė̃da*, *kõ̃ja*, *rũ̃mas*, *aũ̃ksas*, *ká̃lnas*.

В некоторых языках различается также интонация восходяще-нисходящая и нисходяще-восходящая. Восходяще-нисходящей интонацией называется повышение тона в пределах звуковой единицы с некоторым его понижением в конце, нисходяще-восходящей — понижение тона с последующим его повышением.

Возможны и иные типы звуковой интонации. Так, в латышском языке наряду с нисходящей интонацией использу-

ется интонация длительная и прерывистая. Иногда говорят о ровной (или нейтральной) интонации, для которой характерно сохранение высоты тона на одном уровне при произнесении звуковой единицы от начала и до конца.

Звуковая интонация в языках, имеющих музыкальное ударение, выполняет определенные функции, в частности словоразличительную и форморазличительную. Например, в литовском языке звуковой интонации свойственна преимущественно словоразличительная функция. С ее помощью различаются слова, совпадающие по звуковому составу и имеющие словесное ударение на одном и том же слог; ср.: *apklótas* ('покрытый') — *apklōtas* ('одеяло'), *sūris* ('сыр') — *sū̃ris* ('соленость'), *kietis* ('чернобыльник') — *kiētis* ('твердость'), *áukštas* ('высокий') — *aũkštas* ('чердак; этаж'), *ántis* ('утка') — *añtis* ('пазуха'), *káltas* ('долото') — *kaĩtas* ('виноват'), *kártis* ('жердь') — *kaĩtis* ('грива'), *mérkti* ('жмурить') — *mėĩkti* ('мочить, замачивать'), *ginti* ('защищать') — *giĩti* ('гнать').

Иногда звуковая интонация может служить единственным средством различения грамматических форм одного и того же слова (при совпадении звукового состава и места словесного ударения). Так, в литовском языке в парадигме грамматических форм количественного числительного *du* ('два'), *dvi* ('две') формы дательного и творительного падежей различаются только звуковой интонацией: в форме дательного падежа дифтонг [ie] в составе окончания произносится с нисходящей интонацией (*dviem*), в форме творительного падежа — с восходящей (*dviẽm*). В лингвистической литературе отмечаются случаи использования интонации в качестве единственного средства различения падежных форм существительного в сербском языке, различения форм числа существительного в восточноафриканском языке шиллук [см.: Шайкевич, с. 84; Широков, 1985, с. 215].

§ 66. Изменение высоты тона в пределах синтаксической единицы — фразы (предложения, высказывания) называется фразовой интонацией. Она осуществляется («развертывается») на том слове во фразе, на которое приходится фразовое или логическое ударение. На письме фразовая интонация может обозначаться с помощью знаков препинания (точки,

запятой, точки с запятой, двоеточия, многоточия, вопросительного и восклицательного знаков, скобок). Однако в большинстве случаев фразовая интонация на письме никак не обозначается.

В зависимости от направления движения высоты тона различается (по крайней мере, в русском языке) два основных типа фразовой интонации — интонация восходящая и нисходящая. Восходящая интонация (или повышающаяся) характеризуется тем, что на ударном слоге выделяемого во фразе слова тон резко повышается, а после ударного слога заметно понижается (поэтому такая интонация иногда называется восходяще-нисходящей). Восходящая интонация наблюдается перед относительно краткой паузой, например, в той или иной неконечной части сложного предложения или отдельного вопросительного предложения, не содержащего вопросительного слова: *Я не понимаю, почему бы нам не прогуляться; Ты пойдёшь сегодня на работу?*

Нисходящая интонация отличается тем, что на ударном слоге выделяемого слова тон заметно снижается. Такая интонация имеет место перед относительно долгой паузой, например, в конце простого повествовательного предложения, в конечной части любого сложного предложения, в отдельном вопросительном предложении при наличии в нем вопросительного слова: *Я знаю, что ты пойдёшь сегодня на работу. А когда придёшь?*

Фразовая интонация выполняет в языке различные функции. В качестве важнейших можно назвать такие:

1) оформление высказывания как единого синтаксического целого; оформление высказывания в единое целое означает также членение речи на высказывания. Ср.: «*Всякое высказывание от паузы до паузы, независимо от его протяженности, должно быть оформлено фонетически как некое целое; такое оформление называется интонацией высказывания или предложения*» [Зиндер, с. 267];

2) различение типов предложений по разным признакам, например, по составу (различаются предложения простые и сложные, а среди сложных — сложносочиненные и сложноподчиненные), по цели высказывания (различаются предложения повествовательные, вопросительные, побудительные) и др. Соответственно различается интонация простого предложения, интонация сложного (сложносочиненного и слож-

ноподчиненного) предложения, интонация повествовательного предложения (или интонация повествования, повествовательная), интонация вопросительного предложения (или интонация вопроса, вопросительная), интонация побудительного предложения (или интонация побуждения, побудительная);

3) выделение частей предложения по их значимости, смысловой важности, т. е. деление предложения (высказывания) на тему и рему [см. § 238], обособление слов, выделение вводных слов и предложений, обращения;

4) выражение различных эмоций: радости, восторга, удивления, неудовольствия и др., т. е. отношения говорящего к сообщаемому факту. Соответственно можно говорить об интонации радости, восторга, удивления и т. д. Подобного рода интонаций очень много. Так как некоторые из них носят переходный характер, то строго разграничить их не представляется возможным.

Первые три из охарактеризованных функций фразовой интонации можно назвать грамматическими (точнее, синтаксическими) функциями. Четвертую функцию принято называть эмоциональной [или эмфатической (от греч. *emphasis* — ‘выразительность’)].

Изменение звуков в потоке речи

§ 67. Артикуляция звуков речи во многом зависит от фонетических условий их употребления, от их положения в слове. Один и тот же звук в разных фонетических условиях нередко приобретает разные артикуляционные (соответственно и акустические) признаки. Иначе говоря, в потоке речи происходят различные изменения звуков. Данное явление называют модификацией звуков (от лат. *modificatio* — ‘установление меры’) в потоке речи или их взаимодействием в речевом потоке [см.: Матусевич, 1976, с. 178; Будагов, 1965, с. 180]. Поскольку изменение звуков в речи так или иначе связано с их положением, или позицией, в слове, такие изменения можно назвать позиционными (в широком смысле этого термина).

Принято различать два основных типа позиционных изменений звуков в речевом потоке — собственно позиционные (или просто позиционные, т. е. позиционные в узком смысле) и комбинаторные.

§ 68. Изменения звуков в потоке речи, которые зависят от положения (места) звука по отношению к ударному слогу и началу/концу слова, называются собственно позиционными. К ним относятся такие широко распространенные в разных языках явления, как редукция (от лат. *reductio* — ‘отодвигание назад; возвращение’) безударных гласных и оглушение конечных звонких согласных. Причиной подобных звуковых изменений является ослабление напряженности органов речи, главным образом голосовых связок.

Редукция безударных гласных заключается в изменении их артикуляционных и акустических свойств, которое связано с ослаблением напряженности речевых органов и сокращением длительности артикуляции. При этом в одних случаях уменьшается (или сокращается) только длительность звука и его сила, интенсивность, т. е. происходит количественная редукция гласного. В других случаях сокращение длительности звука, ослабление его интенсивности сопровождается изменением характера артикуляции, т. е. происходит качественная редукция гласного. В русском языке возможна и количественная, и качественная редукция безударных гласных. Количественной редукции подвергаются все гласные звуки, которые в безударных слогах произносятся короче, чем в ударных. Качественной редукции подвергаются только гласные нижнего и среднего подъема: например, [а], [о], [э] в начальных слогах слов/словоформ *старíк*, *старичóк* (ср. *ста́рый*); *пята́к*, *пяточóк* (ср.: *пять*, *пяты́й*); *вода́*, *водяно́й* (ср. *во́дный*); *весёлы́й*, *веселéй* (ср. *вёсел*) и др. Во французском, польском, литовском и некоторых других языках развита количественная редукция гласных, в то время как качественная их редукция практически отсутствует.

Как количественная, так и качественная редукция безударных гласных может проявляться в разной степени. На слух лучше воспринимаются различия в качественной редукции гласных. В русском языке, например, заметно различаются две степени качественной редукции гласных: слабая, проявляющаяся в первом предударном слоге (как в начальных слогах слов типа *старíк*, *пята́к*, *вода́*, *весёлы́й*), и сильная, наблюдаемая в других безударных слогах (как в начальных слогах словоформ *старичóк*, *пяточóк*, *водяно́й*, *веселéй*, в конечных слогах словоформ *го́род*, *мо́лод*, *вёсел*,

вы́дал, при́нял). В других языках зависимость степени редукации безударного гласного от места ударения в слове может быть иной. Так, в английском языке в наибольшей степени редуцируются гласные первого предударного и первого заударного слогов, а гласные остальных безударных слогов редуцируются в меньшей степени.

Степень качественной редукации безударных гласных может зависеть не только от места словесного ударения, но и от других фонетических условий, в частности от места гласного по отношению к началу/концу слова. Так, в русском языке безударные гласные неверхнего подъема в абсолютном начале фонетического слова редуцируются в меньшей степени, чем внутри слова, т. е. произносятся так же, как в первом предударном слоге, независимо от того, на какой из последующих слогов падает ударение. Ср.: *Арзамáс* [ʌrzʌmʌs] и *Балахна́* [bʌlʌxna], *огоро́д* [ʌgʌrot] и *в огоро́де* [vʌgʌrodʲ], *осмотрéть* [ʌsmʌtrʲetʲ] и *посмотрéть* [pʌsmʌtrʲetʲ]. В абсолютном конце слова подобные безударные гласные допускают двойную степень редукации: они могут произноситься и как гласные первого предударного слога, и как гласные остальных безударных слогов (кроме начального). Ср.: *о́зеро* — [ozʲeʲrʌ] и [ozʲeʲrʲ], *по́ле* — [polʲʌ] и [polʲʲ], *сего́дня* — [sʲeʲvodʲnʲʌ] и [sʲeʲvodʲnʲʲ].

Оглушение конечных звонких согласных — это переход звонких согласных в парные глухие в абсолютном конце слова. Артикуляционно данное звуковое изменение объясняется тем, что напряженные голосовые связки возвращаются в состояние покоя до конца произнесения звука. Оно рассматривается иногда как редукация конечных согласных звуков, как следствие редукации согласных.

Процесс оглушения звонких согласных на конце слова распространен во многих языках, в том числе и в современном русском языке. Ср., например: *нога́* [nʌga] и *ног* [nok], *молодб́й* [mʌlʌdoj] и *молод* [molʲt], *привезу́* [prʲivʲeʲzu] и *привёз* [prʲivʲos]. Обычно оглушению подвергаются шумные звонкие согласные, парные по звонкости-глухости. Однако в некоторых фонетических условиях, а именно в положении после глухого согласного, на конце слова могут оглушаться и сонорные согласные, как, например, в словах *вепрь*, *воплъ*, *песнь* [см. § 47].

Кроме собственно позиционных изменений звуков (редукции безударных гласных и оглушения конечных звонких согласных), в некоторых языках наблюдаются также другие звуковые изменения. Так, в немецком языке гласный в начале слова или в начале корня произносится с гортанным оттенком; его артикуляция предваряется гортанным взрывом (или сильным приступом), который образуется в результате задержки начала колебаний голосовых связок. В английском языке произношение начального согласного [p], [t] или [k] сопровождается придыханием, которое возникает в результате трения выдыхаемого воздуха о голосовые связки.

§ 69. Изменения звуков в потоке речи, которые происходят под воздействием артикуляции соседних или близких звуков, называются комбинаторными. К основным комбинаторным изменениям звуков относят ассимиляцию (от лат. *assimilatio* — ‘уподобление, сходство’), диссимиляцию (от лат. *dissimilatio* — ‘расхождение’) и аккомодацию (от лат. *accomodatio* — ‘приспособление’). Некоторые лингвисты ограничиваются рассмотрением лишь ассимиляции и диссимиляции [см.: Матусевич, 1959, с. 105; Будагов, 1965, с. 181].

Ассимиляция звуков определяется как «артикуляционное и акустическое сближение (уподобление) звуков» [Будагов, 1965, с. 181];

как «уподобление одного звука другому в речевом потоке, приобретение фонетического сходства» [Головин, 1983, с. 48];

как «уподобление звуков друг другу в пределах одного слова или словосочетания» [РЯЭ-К, с. 40].

При этом нередко подчеркивается, что уподобления «возникают между звуками того же ряда (у гласных с гласными, у согласных с согласными)» [Реформатский, 1967, с. 200]. Ассимиляция звуков широко распространена во многих языках, в том числе и в русском. Ассимиляции подвергаются преимущественно согласные звуки и относительно редко гласные.

Чаще всего в речевом потоке уподобляются звуки смежные, т. е. расположенные в непосредственном соседстве друг с другом. Такое явление называется контактной (или смежной) ассимиляцией. Типичные случаи: 1) оглушение звонкого согласного перед глухим: *рабкор*, *рабфак* (ср. *работа*), *псковский* (ср. *в Пскове*), *вологодский* (ср. *Вологда*),

подписать (ср. *подбежать*); 2) озвончение глухого согласного перед звонким: *Госбанк* (ср. *Госплан*), *пастьба* (ср. *пастух*), *отбить* (ср. *отпилить*); 3) смягчение твердого согласного перед мягким: *лесник* (ср. *лес*), *летний* (ср. *лето*), *отнять* (ср. *откопать*); 4) отверждение мягкого согласного перед твердым: *детство* (ср. *дети*), *степной* (ср. *степь*), *сибирский* (ср. *Сибирь*). Наблюдаются также случаи ассимиляции согласных по месту образования: *сшить* (ср. *ссыпать*), *изжарить* (ср. *иззябнуть*).

Значительно реже наблюдаются случаи уподобления звуков, разделенных другими звуками/звукосочетаниями. Такая ассимиляция называется дистантной [или несмежной, дистактной (от лат. *distantia* — ‘расстояние, промежуток’)]. В русском языке дистантная ассимиляция встречается в разговорной, просторечной или диалектной речи: *левольвер* (вместо *револьвер*), *булгалтер* (вместо *бухгалтер*), *хулюган* (вместо *хулиган*). В устной речи вместо *сошлись* можно услышать *шошлись* или встретить написание *пулумная* (вместо *поломная*).

Если ассимиляции подвергается звук, предшествующий тому звуку, артикуляционное воздействие которого он испытывает, такая ассимиляция называется регрессивной. Если же артикуляция предшествующего звука оказывает влияние на качество последующего звука, ассимиляция такого рода называется прогрессивной. В русском языке случаи прогрессивной ассимиляции крайне редки и обнаруживаются исключительно в диалектной речи. Ср. диалектное произношение имени *Ванька* [van'k'^], где твердый [k] смягчается под воздействием артикуляции предшествующего мягкого [n']. В специальной литературе отмечается редкий в нашем языке случай «факультативной прогрессивной ассимиляции», т. е. возможное, но необязательное отверждение [с] в постфиксе *-ся/-сь* под воздействием артикуляции предшествующего твердого согласного в таких формах, как *пытался*, *нёсся*, *разросся* и др. [см.: Панов, 1967, с. 321].

В некоторых языках прогрессивная ассимиляция согласных носит закономерный характер. Так, в польском языке звонкие согласные [ʒ], возникший на месте [r] (обозначается буквенным сочетанием *rz*), и [v] (обозначается буквой *w*) в положении после глухого согласного всегда оглушаются: *krzesło* [kšesłɔ] (‘стул’), *przyjaciel* [pšyjač'el'] (‘приятель’).

друг'), *chrzan* [xšan] ('хрен'), *trzy* [tšы] ('три'), *kwiat* [kf'at] ('цветок'), *twardy* [tfardy] ('твердый'), *czwarty* [čfarty] ('четвертый'), *swój* [sfuj] ('свой'). Ср. слова с соответствующими звуками после звонкого согласного: *brzeg* [bžek] ('берег'), *grzyb* [gžыр] ('гриб'), *dwa* [dva] ('два'), *gwiazda* [gv'azda] ('звезда'). В английском языке глухой согласный [s] озвончается после звонкого [l] в форме множественного числа существительных: *balls* [bo:lz] ('мячи').

В большинстве приведенных выше примеров отражена неполная ассимиляция (или частичная), при которой ассимилирующиеся звуки уподобляются другим звукам частично, теряя лишь часть отличительных признаков. При полной ассимиляции звук утрачивает все признаки, отличающие его от артикуляционно воздействующего на него звука, т. е. разные звуки полностью уподобляются друг другу, становясь совершенно одинаковыми. Это имеет место, например, на стыке морфем производных слов: *детдом* (ср. *детсад*), *отдать* (ср. *отнять*), *рассердиться* (ср. *развеселиться*); ср. также в диалектной речи: *омман* ('обман'), *обинно* ('обидно'), *досанно* ('досадно').

Диссимиляция определяется как изменение звуков речи под воздействием артикуляции соседних или близких звуков в сторону их расхождения, расподобления в результате утраты одним из них общих признаков и приобретения новых отличительных признаков [см.: Будагов, 1965, с. 184; Головин, 1983, с. 49; РЯЭ-Ф, с. 122]. При этом имеется в виду взаимодействие звуков одной и той же категории — гласного с гласным, согласного с согласным. В русском языке диссимиляция весьма ограничена в литературной лексике, но широко распространена в просторечной и диалектной речи, наблюдается в некоторых устарелых словах.

Подобно ассимиляции, диссимиляция бывает контактной и дистантной. Контактная диссимиляция (взаимодействуют звуки, находящиеся в непосредственном соседстве друг с другом) отражена, например, в просторечных словах *бомба* ('бомба'), *консомолец* ('комсомолец'), *транвай* ('трамвай'), *сотельный* ('сотенный'), в диалектных словах *мошельник* ('мошенник'), *хто* ('кто'), в устарелых и областных словах *анбар* ('амбар'), *песельник* ('песенник'), *песельный* ('песенный'). В русском литературном языке контактная диссими-

ляция проявляется в наличии звукосочетания [чн] в словах *конечно* [кʌп'е̞шн̞ь], *скудный* [sku̞šn̞yj] и др.

Дистантная диссимилиация (взаимодействуют звуки, разделенные другими звуками) обнаруживается, например, в просторечных словах *колидор* ('коридор'), *лыцарь* ('рыцарь'), *лесора* ('рессора'), *секлетарь* ('секретарь'), *флигерь* ('флигель'), в устарелых и просторечных словах *пролубь* ('прорубь'), *пролубной* ('прорубной'), в устарелых и областных словах *ярманка* ('ярмарка'), *ярманочный* ('ярмарочный'). Дистантная диссимилиация гласных звуков распространена в русской и белорусской диалектной речи, в говорах с так называемым диссимилиативным аканьем и диссимилиативным яканьем, где она носит регулярный характер [см.: Аванесов, 1956, с. 67, 80]. В процессе исторического развития русского языка в результате дистантной диссимилиации оформились такие слова, как *верблюд* (из *вельблюд*), *перепел* (из *пелепел*), *февраль* (из *феврарь*) и др.

Так же как и ассимиляция, диссимилиация может быть прогрессивной и регрессивной. В русском языке явно преобладает диссимилиация регрессивная (она отражена во всех приведенных выше примерах контактной диссимилиации). Дистантная диссимилиация в одних случаях является регрессивной (*колидор*, *лесора*, *лыцарь*, *секлетарь*), в других — прогрессивной (*пролубь*, *ярманка*, *флигерь*). Регрессивная диссимилиация происходит также в диалектной речи при аканье и яканье.

Возможно в одном слове при сочетании определенных звуков совмещение ассимиляции и диссимилиации. Так, в словах *лёгкий* [l'ox'k'ij] и *мягкий* [m'ax'k'ij] происходит одновременно и ассимиляция согласного по глухости и мягкости, и диссимилиация по способу образования [см.: Матусевич, 1976, с. 214; ЛЭС, с. 137].

Комбинаторное изменение звуков, при котором гласные изменяются под воздействием артикуляции согласных, а согласные — под воздействием артикуляции гласных, называется аккомодацией [см.: Реформатский, 1967, с. 198; Степанов, с. 104; Головин, 1983, с. 48; Кодухов, 1987, с. 125; Маслов, 1987, с. 41]. При этом изменение звуков происходит в сторону сближения их артикуляции (как и при ассимиляции).

Явление аккомодации широко распространено в разных языках. Например, в русском языке гласные среднего и заднего ряда в положении после мягкого согласного приобретают в начале артикуляции дополнительный призвук наподобие гласного [i]: *мята* [m^ʲiatʲ] (ср. *мата* — род. п. от *мат*), *ряд* [r^ʲiat] (ср. *рад*), *сяду* [s^ʲiadu] (ср. *саду*) и др. В положении перед мягким согласным эти же гласные приобретают подобный призвук в конце артикуляции: *дать* [daⁱtʲ] (ср. *дам*, *данный*), *мать* [maⁱtʲ] (ср. *мат*), *спать* [spaⁱtʲ] (ср. *спал*). В положении перед носовым согласным гласный приобретает в конце артикуляции носовой призвук: *дам* [daⁿm] (ср. *дал*), *там* [taⁿm] (ср. *так*), *тон* [toⁿ] (ср. *ток*). Перед губным гласным согласный в конце артикуляции приобретает лабиальный оттенок в виде краткого [u] или [o]: *дом* [d^oom] (ср. *дам*), *сом* [s^oom] (ср. *сам*), *том* [t^oom] (ср. *там*), *тук* [t^ouk] (ср. *так*), *сук* [s^ouk] (ср. *сак*), *струна* [s^ot^or^ouna] (ср. *страна*) и т. д.

Аккомодация может быть прогрессивной (например, в случае употребления гласного после мягкого согласного) и регрессивной (в случае употребления гласного перед мягким или носовым согласным либо согласного перед губным гласным). Возможны случаи совмещения прогрессивной и регрессивной аккомодации, например при употреблении гласного непереднего ряда в положении между мягкими согласными: *мять* [m^ʲiatʲ], *пять* [p^ʲiatʲ] и т. п.

Все основные виды комбинаторных изменений звуков — ассимиляция, диссимиляция и аккомодация — отличаются друг от друга по разным признакам. Если ассимиляция и диссимиляция различаются по характеру изменения артикуляционно взаимодействующих звуков (уподобление — расподобление), то аккомодация противопоставляется ассимиляции и диссимиляции по характеру (разряду, категории) взаимодействующих звуков (гласные — согласные). Тем не менее в лингвистической литературе аккомодация обычно рассматривается в одном ряду с ассимиляцией и диссимиляцией. На основании анализа явления аккомодации ее следовало бы расценивать как особый вид комбинаторных изменений звуков, отличный от ассимиляции и диссимиляции, вместе взятых. Учитывая, что при аккомодации, как и при ассимиляции, происходит сближение артикуляции смежных звуков (а не расхождение, как при диссимиляции),

аккомодацию можно рассматривать как особую разновидность ассимиляции.

Кроме ассимиляции, диссимиляции и аккомодации, к комбинаторным изменениям звуков относятся еще и такие явления, как перестановка звуков (или метатéза), утрата отдельных звуков или звукосочетаний, выкидка звуков (или диерéза), появление дополнительных звуков в слове (или эпентéза).

Метатеза (от греч. *metathesis* — ‘перестановка’) — это вид комбинаторных изменений звуков, при котором меняется порядок следования звуков в пределах слова, т. е. отдельные звуки в слове меняются местами. Метатеза распространена во многих языках. В русском языке она свойственна главным образом разговорной речи, просторечию и диалектам: *раболатория* (вместо *лаборатория*), *ралёк* (вместо *ларёк*), *сингал* (вместо *сигнал*). В диалектных словарях и картотеках областных словарей зарегистрированы слова: *берёжная*, *суберёжная* (вместо *жерёбая*), *ведьмедь* (‘медведь’), *залавина* (‘завалина’), *капость* (‘пакость’), *карахтер* (‘характер’), *крилос* (‘клирос’), *копул* (‘купол’), *молозистый* (‘мозолистый’), *рнавится* (‘нравится’), *харпеть* (‘храпеть’), *церепт* (‘рецепт’) и др. В русском литературном языке метатеза происходит в некоторых случаях заимствования слов из других языков, в процессе усвоения иноязычных слов: *душлаг* (употребляется наряду с *душлаг*; ср. нем. *Durchschlag*), *мрамор* (лат. *marmor*; ср. также лит. *marmuras*), *таpelка* (нем. *Teller*; ср. также польск. *talerz*, бел. *талерка*), *футляр* (нем. *Futtermal*).

В некоторых языках перестановка звуков в отдельных звукосочетаниях носит регулярный характер. Так, в литовском литературном языке она регулярно происходит в сочетаниях согласных [sk], [zg], [šk], [žg], употребляющихся в конце глагольных основ, когда они оказываются в положении перед другими согласными. Ср., например: *drèskia* (‘царапает’), *drèskè* (‘царапал’) и *drèksti* (‘царапать’); *mezga* (‘вяжет’), *mezgè* (‘вязал’) и *megsti* (‘вязать’); *reiškia* (‘значит’), *reiškè* (‘значил’) и *reikšti* (‘значить’); ср. также существительное *reikšmė* (‘значение’), образованное от однокоренного глагола с помощью суффикса *-m-*.

Чаще всего происходит перестановка согласных звуков, и крайне редки случаи перестановки гласных (отмечен всего

лишь один случай: *копул* вместо *купол*). Иногда меняются местами гласные и согласные (*друшлаг*, *мармор*, *харпеть*).

Метатеза может быть контактной (иначе — метатеза по смежности) и дистантной (или дистактной, иначе — метатеза на расстоянии). В русском языке преобладает дистантная метатеза: *ведьмедь*, *залавина*, *карахтер*, *крилос*, *леригия*, *раболатория* и др. Значительно реже встречаются случаи контактной метатезы: *друшлаг*, *мармор*, *сингал*, *рнавиться*, *харпеть*¹.

Диереза (от греч. *diaresis* — ‘разрыв, разделение’) представляет собой исчезновение звука/звукосочетания в слове. Исчезновение звуков возможно как в абсолютном начале или абсолютном конце слова, так и внутри слова. В связи с этим выделяются определенные разновидности диерезы.

Чаще всего наблюдается отпадение отдельных звуков (или сочетаний звуков) в абсолютном конце слова, что связано с ослаблением напряженности органов речи. Такое явление называется апоко́пой (греч. *apokorē* — ‘усечение’). В конце слова особенно часто утрачиваются безударные гласные звуки.

В русском языке утрата конечных безударных гласных возможна, например, в инфинитиве глагола: *брать* (из *брати*), *дать* (из *дати*), разг. *весть*, разг. *нести*, разг. *плесть* (ср.: норм. *вести*, *нести*, *плести*); в форме творительного падежа единственного числа существительных I склонения, прилагательных и других слов адъективного склонения в женском роде: *водой*, *белой*, *десятой*, *моёй*, *спящей* (ср.: *водою*, *белою*, *десятою*, *моею*, *спящею*); в формах существительных, употребляемых при обращении: *пап*, *мам*, *тетя*, *Ваня*, *Петя* (ср.: *папа*, *мама*, *тетя*, *Ваня*, *Петя*); в некоторых словах служебных частей речи: *б*, *ль*, *ж*, *чтоб*.

Аналогичные сокращенные формы широко употребляются и в других языках: лит. разг. *nešt* (‘нести’), *vežt* (‘везти’), *prašyt* (‘просить’) (ср.: норм. *nešti*, *vežti*, *prašyti*); *neštis* (‘нести́сь’), *prašytis* (‘проси́ться’) при личных формах *nešasi* (‘несет́ся’), *prašosi* (‘проси́тся’); разг. и поэт. *rankoj* (‘в руке’), *galvoj* (‘в голове’), *lankoj* (‘на лугу’) (ср.: норм. *rankoje*, *galvoje*, *lankoje*).

¹ Метатеза иногда рассматривается как особая разновидность диссимиляции или как явление, тесно примыкающее к диссимиляции [см.: Будагов, 1965, с. 185], происходящее на диссимилятивной основе [см.: ЛЭС, с. 137].

Особую разновидность апокопы представляет собой э́лизия (от лат. *ēlīsiō* — ‘выталкивание’), т. е. исчезновение в слове конечного гласного перед начальным гласным следующего слова: франц. *l'amitie* (ср. *la amitie*), исп. *nuestr'amo* (ср. *nuestra amo*).

Возможно также выпадение в слове начального гласного после конечного гласного предшествующего слова: англ. *I'm* из *I am* (букв. ‘я есть’). Такое явление называется аферэзисом.

В разных языках наблюдаются случаи выпадения отдельных звуков/звукосочетаний внутри слова: *сонце* (вместо *солнце*), *празник* (вместо *праздник*), *празный* (вместо *праздный*), *счастливый* (вместо *счастливы́й*), *чесный* (вместо *честный*), *поезка* (вместо *поездка*), *повеска* (вместо *повестка*), *невеска* (вместо *невестка*), *жавронок* (вместо *жаворонок*), *Иваныч* (вместо *Иванович*), *Павлыч* (вместо *Павлович*), *Иванна* (вместо *Ивановна*). Такая разновидность диерезы называется синкóпой (греч. *sinkopē* — ‘сокращение’). В северновеликорусских говорах имеет место устранение согласного [j] между гласными (с последующей ассимиляцией и стяжением гласных): *быват* (вместо *бывает*), *знат* (вместо *знает*), *читат* (вместо *читает*).

К диерезе нередко относят и такое языковое явление, как гаплогло́гия (от греч. *haploos* — ‘простой’ и *logos* — ‘слово, понятие’). Под гаплоглогией обычно понимается выпадение одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых или близких по звучанию слогов на стыке основ в сложных словах, точнее, совмещение конечной и начальной частей основ в составе сложного слова [см.: Будагов, 1965, с. 185; Реформатский, 1967, с. 206; Глинских, Петрова, с. 113; ОПМТ, с. 40]. Это нашло отражение в таких словах, как *знаменосец* (из *знаменоносец*), *минералогия* (из *минералология*), *табакур* (из *табакокур*), *трагикомедия* (из *трагикокмедия*), *лермонтовед* (из *лермонтововед*; ср. *пушкиновед*) и др.

Эпентéзой (от греч. *epenthesis* — ‘вставка’) называется появление в слове звука, отсутствовавшего в его первоначальной форме. Звук, возникающий в результате эпентезы, называется эпентетическим. Иногда термин «эпентеза» употребляется в более узком значении — для обозначения появления звука внутри слова [см.: Глинских, Петрова, с. 113].

В русском языке эпентеза чаще всего проявляется в том, что между двумя гласными звуками (при так называемом зия́нии) возникают согласные [j] (й) и [v] (в), что особенно распространенно

но в просторечии и детской речи: *миллиён* (вместо *миллион*), *скорпиён* (вместо *скорпион*), *шпиён* (вместо *шпион*), *олимпиада* (вместо *олимпиада*), *фиалка* (вместо *фиалка*), *какаво* (вместо *какао*), *радиво* (вместо *радио*), *Левонтий* (вместо *Леонтий*), *Родивон* (вместо *Родион*). В литературном языке подобное явление может происходить при освоении слов, заимствованных из других языков: *ария* (из итал. *aria*), *оргия* (из греч. *orgia*), *Индия* (из *India*), *Италия* (из *Italia*), *Персия* (из *Persia*).

Некоторые согласные иногда появляются между другими согласными; ср., например, просторечные и диалектные слова *ндрав* (вместо *драв*), *ндравиться* (вместо *дравиться*), *страм* (вместо *срам*), литературные слова *встреча*, *встретить* (ср. *Сретение* — церковный праздник).

Согласные могут возникать также в положении между согласным и гласным: например, в слове *земля* (ср.: болг. *земя*, чешск. *zeme*, польск. *ziemia*, лит. *žemė*, латыш. *zeme*). В отдельных случаях гласные возникают между разными согласными: например, гласный [e] в слове *ветер* (из *ветр*).

Добавочный звук часто появляется в абсолютном начале слова. Данная разновидность эпентезы называется протёзой (греч. *prothesis* — ‘присоединение’), а звук, появляющийся в данном положении, — протетическим.

В русском языке перед начальным гласным могут появляться согласные [v] (*в*) и [j] (*й*): *восемь* (из *осьмь*; ср.: болг. *осъм*, лат. *octo*, нем. *acht*), *вотчина* (из *отчина*; ср.: *отчизна*, *отец*), разг. *востро*, *вострушка* (ср. *острый*); *яблоко*, *яблоня* (ср.: болг. *абълка*, лат. *abella*), *ягнёнок* (ср. *агнец*). В литовском языке согласный [j] регулярно употребляется в начале слова перед дифтонгом [ie]: *ieva* [j^hieva] (‘черемуха’), *iešmas* [j^hiešmas] (‘вертел’), *ieškoti* [j^hieškot^hi] (‘искать’). Этот [j] сохраняется и внутри слова после приставок на гласный: *suiėškoti* [su^hj^hieškot^hi] (‘разыскать, найти’), *raieška* [raj^hieška] (‘розыск’).

Перед начальным согласным звуком может возникать добавочный гласный. В некоторых русских говорах перед сочетанием согласных, начинающимся плавным сонорным [l] (*л*) или [r] (*р*), часто появляются гласные [a] (*а*) и [i] (*и*): *альняной* (вместо *льняной*), *аржаной* (вместо *ржаной*), *илгать* (вместо *лгать*), *ирвать* (вместо *рвать*). В тюркских языках в начале слова перед некоторыми сочетаниями согласных возникает гласный [ы]: *ыстакан* (‘стакан’) [см.: Реформатский, 1967, с. 207].

В некоторых языках добавочный звук может появляться в абсолютном конце слова. В греческом языке, например, в конце слова после гласного может возникать согласный [n] (*n*). Такая разновидность эпентезы называется эпитезой (греч. *epithesis*) [см.: СЛТ-М, с. 346; СЛТ-А, с. 527].

К комбинаторным изменениям звуков иногда относят и такое явление, как замещение звуков [или субституцию (лат. *substitutio* — ‘замена, подстановка’)]. Замещением называется замена в слове одного звука другим, наиболее близким по артикуляции. Ср. в русском языке народные имена *Микола* (из *Никола*), *Микита* (из *Никита*), *Устим* (из *Устин*), *Руфима* (из *Руфина*) и др. Утверждается, что замещение наблюдается во всех языках при усвоении иноязычных слов, содержащих звуки, несвойственные заимствующему языку [см.: Чикобава, с. 167]. Ср., например: рус. *Фёдор*, лит. *Teodoras* (из греч. *Theodor*); рус. *кафедра*, лит. *katedra* (из греч. *kathedra*); рус. диал. *потрапуть* (ср.: рус. литер. *потрафить*, польск. *potrafić*, нем. *treffen*).

Чередование звуков

§ 70. Звуки речи, входящие в состав более сложных единиц языка (морфем, слов и т. д.), при образовании разных грамматических форм или других однокоренных слов могут видоизменяться, заменяться один другим. Ср., например, корневые гласные в словах: *старый* [starʲɨj] — *старик* [stʲarʲik] — *старина* [stʲarʲina], *новый* [novʲɨj] — *новеть* [nʲovʲetʲ] — *новизна* [nʲovʲizna], *белый* [bʲelʲɨj] — *белить* [bʲelʲitʲ] — *беловатый* [bʲɨlʲvatʲɨj]; конечные согласные корня в словах: *друг* [druk] — *друга* [drugʲ] — *о друге* [ʌdrugʲ] — *дружок* [družok] — *друзья* [druzʲja], *нога* [nʲga] — *ноге* [nʲgʲe] — *ножка* [noškʲ] — *ноженька* [nožʲnʲkʲ]; конечные согласные суффикса в существительных: *колхозник* [kʲɔlʲxozʲnʲik] — *колхозница* [kʲɔlʲxozʲnʲicʲ], *школьник* [škʲolʲnʲik] — *школьница* [škʲolʲnʲicʲ]¹; согласные в составе префикса глаголов: *открыть* [ʌtkrytʲ] — *отбить* [ʌdbʲitʲ] и др. Такое явление называется чередованием звуков [или альтернатией (от лат. *alternatio* — ‘чередование’)]. Чередова-

¹ Многие лингвисты *-ник* и *-ниц-* в подобных случаях рассматривают как разные суффиксальные морфемы.

ние обычно определяется как взаимозамена звуков в рамках определенной морфемы.

Ср.: чередование звуков — это «взаимозамена звуков в пределах одной и той же морфемы в разных словах или словоформах» [РЯЭ-К, с. 625];

это «взаимозамена звуков в пределах морфемы в разных случаях ее употребления (в составе разных слов или словоформ)» [РЯЭ-Ф, с. 391];

это «замена одних звуков другими в одной и той же части слова», происходящая «при образовании и изменении слов» [Рус. яз., 1986, с. 156];

это «взаимные замены фонем (или вариантов фонем) в составе экспонентов морфем, включая и замены фонем нулем (отсутствием) звука» [Маслов, 1987, с. 58];

это «замещение одной фонемы другими в одной морфеме, не нарушающее единства морфемы» [Гвоздев, 1973, с. 52];

это «соответствия фонем в одной и той же морфеме, встречающейся в разных формах слова или в разных словах одного корня, или разных видах одного и того же суффикса, префикса, окончания» [Матусевич, 1959, с. 109].

При таком понимании чередования звуков/фонем иногда делается существенное, на наш взгляд, уточнение: чередующиеся звуки должны занимать одно и то же место в составе морфемы. Эта мысль подчеркивается и в некоторых дефинициях рассматриваемого понятия: чередование звуков определяется как «смена звуков, занимающих одно и то же место в разных случаях ее употребления» [СЛТ-РТ, с. 483] или как «факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления» [СЛТ-А, с. 513].

Некоторые лингвисты признают чередованием лишь такие взаимозамены звуков в пределах морфемы, которые носят регулярный характер. Ср., например: «Под звуковыми чередованиями мы понимаем такую смену звукового состава морфемы, которая имеет регулярный характер и связана с чередованием определенных морфологических позиций» [Винокур, с. 428]. Думается, что такое утверждение не соответствует действительности. Вряд ли можно признать регулярными взаимозамены согласных в словоформах *друг — друзья, стерегу — стеречь*, замены нулем звука согласного [а] в словоформе *зайца* (ср. *заяц*), гласного [и] в словоформе *одного* (ср. *один*) и др. Тем не менее

подобные явления следует признать именно чередованием звуков. Очевидно, правильное говорить о разных степенях регулярности чередования звуков [см.: ЛЭС, с. 580].

Определяя чередование звуков как их взаимозамену в пределах определенной морфемы, вряд ли можно согласиться с утверждением, что при чередовании одни звуки заменяются другими в разных случаях употребления морфемы, т. е. в составе **р а з н ы х** слов/словоформ. Дело в том, что звук/фонема может заменяться один другим не только в разных словах или грамматических формах одного и того же слова, но и в пределах одной и той же словоформы, например, в корневых морфемах глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ыва-/-ива-*: *обусловливать* — *обуславливать*, *сосредоточивать* — *сосредотачивать*, в случаях типа *петербургский* — *петербуржский*, *таганрогский* — *таганрожский*, *седоволосый* — *седовласый*, *отомстить* — *отмстить* и др. По другим характерным признакам это явление представляет собой не что иное, как чередование звуков/фонем, и вряд ли его можно квалифицировать иначе.

Для обозначения рассматриваемого здесь явления наряду с термином «чередование» употребляется термин «альтернация». Данный термин удобен тем, что он допускает образование производных терминологических наименований, таких, как «альтернант», «альтернационный ряд (звуков, фонем)». Альтернантами называются звуковые единицы («звуковые величины»), участвующие в чередовании, т. е. звуки (фонемы, иногда сочетания фонем), заменяющие друг друга при чередовании. Они образуют альтернационные ряды.

Под альтернационным рядом понимается совокупность альтернантов, участвующих в процессе чередования, т. е. сменяющих друг друга в составе определенной морфемы, например, согласные [г] — [г'] — [к] — [ж] — [ш] в корне слов/словоформ *ног-а*, *ног-и*, *ног*, *нож-ной*, *нож-ка* или согласные [м] — [м'] — [мл'] в корне слов *корм* — *корм-ить* — *кормл-ю*.

§ 71. Взаимозамена звуков в одних случаях связана с определенными фонетическими условиями (ср. чередование корневых гласных в словах *старый* — *старик* — *старина*, чередование согласных корня в словоформах *друг* — *друга* — *о друге*, согласных в префиксе глаголов *открыть* — *от-*

бить), в других же случаях — никак не связана с фонетическими условиями их употребления в современном языке (ср. чередования согласных в словах *друг — дружок, нога — ножка, школьник — школьница* и др.). На этом основании чередования звуков делят на два типа — чередования фонетические (или фонетически обусловленные) и нефонетические (или фонетически необусловленные). Фонетические чередования звуков иногда называются позиционными, аллофонными, живыми. Нефонетические чередования звуков чаще всего называют историческими, реже — традиционными, непозиционными, фонемными, морфологическими, грамматическими, мертвыми и т. д.

Фонетические чередования звуков обусловлены фонетически, зависят от фонетического положения (позиции) звука в слове (отсюда название «позиционные чередования»). При этом чередуются звуки, относящиеся к одной и той же фонеме, т. е. разные фоны (или аллофоны, аллофонемы) данной фонемы (отсюда название «аллофонемные чередования»). Иначе говоря, при фонетическом чередовании звуков «альтернантами являются звуки, взаимно исключаящие друг друга в различных фонетических позициях, т. е. принадлежащие одной фонеме» [ЛЭС, с. 580]. По другому определению, фонетическими называются чередования, при которых «изменение звучания обусловлено позицией и чередуются варианты или вариации одной и той же фонемы, без изменения состава фонем в морфемах» [Реформатский, 1967, с. 276].

В зависимости от типа позиционных изменений фонем в речевом потоке (изменения собственно позиционные или комбинаторные) [см. § 67—69] различаются собственно позиционные и комбинаторные чередования звуков. Фонетические чередования звуков «зависят от того или иного соседства согласных (комбинаторные чередования) или же от позиции в слове (позиционные чередования)» [Матусевич, 1976, с. 186].

Фонетические чередования широко представлены в современном русском языке, где гласные обычно чередуются с гласными, согласные с согласными [см. § 68—70].

Очевидно, можно говорить о фонетическом чередовании звуков (гласных и согласных) с отсутствием звука, или нулем звука. В частности, заслуживает внимания чередование согласных с нулем звука в русском языке. Речь идет о вып-

дении согласных звуков при стечении согласных в составе слова, например при произнесении слов *бездна, чувство, завистливый, счастливый, поздно* [см.: Матусевич, 1976, с. 216]. Подобное чередование распространяется также на гласные звуки [см. § 69].

Отличительной особенностью фонетического чередования звуков является то, что оно, как правило, не отражается на письме. Исключения, по крайней мере в русском языке, относительно редки: *избить — испачкать, разрезать — распилить, сватать — свадьба*.

Нефонетическими называются такие чередования звуков, которые в современном языке фонетически не обусловлены, не зависят от фонетических условий употребления, от фонетической позиции (отсюда их название «непозиционные чередования»). При нефонетических чередованиях в пределах морфемы взаимозаменяются не отдельные варианты (фоны, аллофоны) той или иной фонемы (как при фонетических чередованиях), а разные фонемы или сочетания фонем (отсюда их название «фонемные чередования»). Нефонетическими считаются чередования, при которых «изменение звучания не зависит от позиций, а чередуются разные фонемы, благодаря чему морфемы получают разный фонемный состав в своих различных вариантах» [Реформатский, 1967, с. 277].

При нефонетических чередованиях взаимозамене могут подвергаться самые разнообразные фонетические (точнее — фонемные) единицы («величины»):

1) гласный и гласный: рус. *глухой — глoхнуть, сухой — сохнуть — засыхать, застелить — застилать, закончить — заканчивать, рассмотреть — рассматривать*; нем. *sprechen* [špʁexen] ('говорить') — *spricht* [špr'ixt] ('говорит') — *sprach* [šprax] ('говорил') — *gesprochen* [gešproχen] ('сказанный'), *Sohn* [zo:n] ('сын') — *Söhne* [z'o:ne] ('сыновья'); лит. *grąžinti* [gra:ž'int'i] ('вернуть') — *grįžti* [gr'i:št'i] ('вернуться');

2) гласный и согласный: рус. *бить — бью* [b'ju], *пить — пью* [p'ju];

3) гласный и сочетание гласного с последующим согласным: рус. *петь — пою* [pʌju], *крыть — крою* [kroju], *принять — принимать, начать — начинать, прижать — прижимать*;

4) гласный и отсутствие гласного, или нуль звука (так называемое ложное чередование): рус. *сон* — *сна*, *день* — *дня*, *надорвать* — *надрезать*, *отодвинуть* — *оттолкнуть*, *кружок* — *кружка*, *ловец* — *ловца*, *лисий* — *лисья* [l'is'jǝ];

5) согласный и согласный: рус. *друг* — *друзья* — *дружба*, *рука* — *ручка*, *сухой* — *сушить*, *медведь* — *медвежий*, *вести* — *веду*, *плести* — *плету*, *светить* — *свеча* — *освещать*, *корень* — *корешок*, *напильник* — *напильничек*; лит. *vesti* [vest'i] ('вести') — *vedu* [v'edu] ('веду'), *antis* [ant'is] ('утка') — *ančiukas* [anč'ukas] ('утенок'), *gaidys* [gaid'i:s] ('петух') — *gaidžiai* [gaidž'ai] ('петухи'); нем. *verlieren* [ferl'i:ren] ('терять') — *Verlust* [ferl'ust] ('потеря'); франц. *dire* [d'i:r] ('говорить') — *disons* [d'izoⁿ] ('говорим');

6) согласный и сочетание двух согласных: рус. *ловить* — *ловлю*, *купить* — *куплю*, *графить* — *графлю*, *доска* — *дощечка*, *треск* — *трещать*.

Все это чередования качественные, при которых чередующиеся звуки различаются качественно — по признакам места, способа образования и др.

В языках, в которых фонологически различаются краткие и долгие звуки (т. е. краткие и долгие звуки одного и того же качества выступают как разные фонемы), они тоже могут чередоваться друг с другом. Ср.: лат. *sedeo* [sedeo] ('сажу') — *sēdes* [se:des] ('сидишь'), *video* [v'ideo] ('вижу') — *vidēre* [v'ide:re] ('видеть'); лит. *būti* [bu:t'i] ('быть') — *buvo* [buvo] ('был'), *siūti* [s'u:t'i] ('шить') — *siuvo* [s'uvo] ('шил'), *lyti* [l'i:t'i] ('лить') — *lijo* [l'ijo] ('лил'). Такие чередования звуков/фонем, различающихся только по долготе-краткости, называются количественными (или квантитативными).

Могут чередоваться друг с другом и дифтонги: нем. *Braut* [braut] ('невеста') — *Bräute* [brōite] ('невесты'), *Maus* [maus] ('мышь') — *Mäuschen* [mōisxen] ('мышка'); лит. *dievas* [d'ievas] ('бог') — *deivė* [d'eiv'e] ('богиня'), *sniegas* [s'n'iegas] ('снег') — *snaigė* [snaig'e] ('снежинка'), *laižyti* [laiž'i:t'i] ('лизать') — *liežuvis* [l'iežuv'is] ('язык').

Дифтонги могут чередоваться также с монофтонгическими гласными и другими фонетическими единицами: англ. *told* [tould] ('сказал') — *tell* [tel] ('сказать'); лит. *braidyti* [braid'i:t'i] ('бродить') — *bristi* [br'ist'i] ('брести'), *meilė* [m'eil'e] ('любовь') — *mylėti* [m'i:l'et'i] ('любить'), *rauti* [raut'i] ('вырывать') — *rovė* [rov'e] ('вырывал').

В отличие от фонетических чередований звуков нефонетические чередования обычно отражаются на письме.

Нефонетические чередования звуков в прошлом были в основном фонетически обусловленными (отсюда их название «исторические чередования»). Впоследствии в связи с прекращением действия соответствующих фонетических законов они утратили фонетическую обусловленность и в современных языках сохраняются по традиции (отсюда их название «традиционные чередования»). Например, в древнерусском языке заднеязычные согласные [g] (г), [k] (к) и [x] (х) могли употребляться только перед гласным переднего ряда; в положении перед гласным переднего ряда они регулярно изменялись в соответствующие шипящие [ǰ] (ж), [č] (ч), [š] (ш). Так возникли чередования, сохранившиеся по традиции в русских словах и словоформах *дорогой* — *дорожить*, *пеку* — *печёшь* и др. Чередование гласных [o] (о) и [e] (э) с нулем звука связано с изменением бывших редуцированных гласных [ъ] и [ь] в зависимости от их фонетической позиции: в сильной позиции они регулярно изменялись в соответствующие гласные полного образования, а в слабой — утрачивались. Отсюда в современном русском языке чередования: *сон* (из *сънъ*, где корневой редуцированный гласный был в сильной позиции) — *сна* (из *съна*, где этот гласный был в слабой позиции), *день* (из *дънь*) — *дня* (из *днья*). Аналогичным образом возникло чередование [i] (и) с нулем звука на месте соответствующего напряженного редуцированного гласного, употреблявшегося в положении перед согласным [j] (ср.: *лисий* — *лисья*).

В нефонетических чередованиях, происходящих в современных языках, прослеживаются известные закономерности, которые, однако, проявляются весьма непоследовательно. Так, в современном русском языке широко распространено чередование гласных [e] (э) и [o] (о) после мягких согласных. Употребление того или другого гласного, как правило, зависит от места словесного ударения и твердости-мягкости последующего согласного: под ударением перед твердым согласным обычно употребляется гласный [o], в остальных случаях — [e]. Ср., например: *сёла*, *посёлок*, но *селó* (отсутствует ударение), *сельский* (следует мягкий согласный); *лёд*, *гололёд*, *подлёдный*, но: *гололедица* (следует

мягкий согласный), *ледóвый* (отсутствует ударение), *ледяной* (отсутствует ударение и следует мягкий согласный).

Непоследовательность рассматриваемой закономерности состоит прежде всего в том, что данное чередование не распространяется на гласные, возникшие из звука [ě] (ǣ) (ср.: *лес, хлеб, телега* и др.), за редкими исключениями (*гнёзда* из *гнѣзда*, *сёдла* из *сѣдла*); оно не отмечается в словах иноязычного происхождения (ср.: *антенна, газета, прогресс* и др.) и в некоторых других случаях. Подобное чередование возможно и при отсутствии указанных выше фонетических условий, например в положении перед мягким согласным (ср.: *березник, березняк* и *на берёзе*).

В некоторых славянских языках при определенных фонетических условиях наблюдается чередование гласных [e] (э) и [a] (а): болг. *хляб* ('хлеб') — *хлеба* (род. п.); польск. *las* [l'as] ('лес'), *lasu* [l'asu] (род. п.) — *w liesie* [w l'eš'e] (предл. п.), *siano* [š'ano] ('сено'), *siana* [š'ana] (род. п.) — *na sienie* [na š'en'e] (предл. п.). В болгарском языке чередование этих гласных обусловлено характером слога (в открытом слоге обычно употребляется звук [e], в закрытом — [a]), в польском — твердостью-мягкостью последующего согласного (перед твердым согласным употребляется [a], перед мягким — [e]). Подобное чередование характерно лишь для гласных, восходящих к древнему [ě] (ǣ). В польском языке отмечается чередование носовых гласных: [oⁿ] (ą) и [eⁿ] (ę). Как правило, [oⁿ] употребляется в закрытых слогах, а [eⁿ] — в открытых: *dąb* [doⁿp] ('дуб') — *dęby* [deⁿby] ('дубы'), *ręka* [reⁿka] ('рука') — *rąk* [roⁿk] ('рук'). Но бывает и наоборот: *pięć* [p'eⁿč'] ('пять') — *piątek* [p'oⁿtek] ('пятница') и др.

§ 72. Нефонетические чередования звуков, в большинстве случаев связанные с выражением различных грамматических (морфологических) значений, обычно называют грамматическими (или морфологическими). Грамматическое чередование (или морфологическое) можно определить как нефонетическое чередование звуков/фонем, «служащее для выражения различного рода грамматических значений» [СЛТ-А, с. 518]¹.

¹ В этом значении нередко используется термин «внутренняя флексия» [см.: Будагов, 1965, с. 242; Реформатский, 1967, с. 280; СЛТ-А, с. 493].

Данные термины иногда используются в более широком значении: как грамматическое (морфологическое) чередование рассматривается использование звуковых различий фонематических разновидностей морфем (т. е. алломорфов) для различения слов и грамматических форм [см.: Шайкевич, с. 82]. Ср., например, чередования фонем в словах: рус. *друг* — *дружить* — *дружба* — *дружок*, *князь* — *княгиня* — *княжить*, *дик* — *дичь*, *сух* — *сушь*; англ. *advise* ('совет') — *advise* ('советовать').

Грамматические чередования звуков обычно используются в качестве средства выражения грамматических значений, дополняющего морфемные грамматические средства (префиксы, суффиксы, флексии и др.). В то же время в некоторых языках довольно часто такие грамматические чередования служат единственным средством различения грамматических значений. Ср., например: рус. *подбегать* — *подбежать*, *убегать* — *убежать*, *разбегаться* — *разбежаться*, *смокать* — *смолчать*, *умолкать* — *умолчать*, *посылать* — *послать*, *собирать* — *собрать*; нем. *wachsen* ('мыть, стирать') — *wuschen* ('мыли, стирали'), *Bruder* ('брат') — *Brüder* ('братья'), *Vogel* ('птица') — *Vögel* ('птицы'); англ. *goose* ('гусь') — *geese* ('гуси'), *foot* ('нога') — *feet* ('ноги'); лит. *braidau* ('брожу') — *braidžiau* ('бродил'), *statau* ('ставлю, строю') — *stačiau* ('ставил, строил'), *jūs* ('вы') — *jūs* ('вас').

Некоторые лингвисты данные виды чередований разграничивают терминологически:

грамматическим называют такое чередование, которое «самостоятельно выражает грамматическое значение»,

морфологическим же — такое, которое «не является само по себе выразителем грамматического значения (грамматическим способом), а лишь сопровождает образование тех или иных грамматических форм» [см.: Реформатский, 1967, с. 280, 277].

Итак, среди грамматических (морфологических) чередований различаются чередования звуков/фонем как единственное средство выражения грамматических значений и как средство вспомогательное, дополняющее другие, морфемные грамматические средства.

МОРФЕМИКА

Понятие морфемики

§ 73. Описание морфемики целесообразно начинать с объяснения данного понятия и обозначающего его термина. «Морфемика» (подобно некоторым другим терминам с аналогичной семантикой) — термин неоднозначный. Он называет известный уровень языковой системы, определенную подсистему языка и раздел языкознания, в котором изучается данная подсистема. По определению В. В. Лопатина, морфемика — это «морфемный строй языка, совокупность вычленяемых в словах морфем и их типы; раздел языкознания, изучающий типы и структуру морфем, их отношения друг к другу и к слову в целом» [ЛЭС, с. 313]. Примерно так же определяется морфемика и другими лингвистами, например: «Морфемика — это совокупность и система морфем языка, а также наука о морфемах» [Моисеев, 1987, с. 36]. В русском языкознании данный термин используется преимущественно во втором значении — для именования раздела языкознания. Для обозначения совокупности морфем как объекта этого раздела языкознания чаще всего употребляются составные терминологические наименования: «морфемный состав языка», «морфемный строй языка», «морфемный уровень языка», «морфемный ярус», «морфемный механизм», «морфематическая система языка» [см.: Немченко, 1994, с. 5; ОПМТ, с. 92, 96].

С целью терминологического разграничения разных понятий, обозначаемых полисемичным термином «морфемика», в учебной литературе для обозначения морфемики как учения о морфемах иногда предлагается использовать термин «морфемология», образованный по аналогии с традиционно употребляемыми терминами «фонология», «морфология», «лексикология» и др. [см.: Моисеев, 1987, с. 36]. В данном значении этот термин иногда употребляется и в научной литературе.

Наряду с термином «морфемика» в том или ином его значении в отечественном языкознании часто используется термин «морфология», например, в таких словосочетаниях: «морфология слова» (в значении ‘морфемный состав слова’ или ‘морфемная структура слова’), «морфология основы слова» (в аналогичном значении) и др. Особенно широко используется прилагательное «морфологический» в значении ‘морфемный’

(например, «морфологический состав слова», «морфологическая структура слова», «морфологический разбор слов», «морфологический анализ» и др.). Такое смешение терминов крайне нежелательно, оно приводит к путанице в объяснении обозначаемых ими языковых явлений.

Морфемика как раздел языкознания имеет свой объект изучения и свои задачи. Объектом изучения в этом разделе считается морфемика в первом значении данного термина. По мнению некоторых лингвистов, основным объектом исследования в морфемике являются «морфемы, их формальные видоизменения — морфы и их линейные сочетания (слово в целом как последовательность морфем; во флективных языках — основа, словоформа)» [ЛЭС, с. 313]. При этом иногда подчеркивается, что центральным объектом изучения морфемики становится «не столько морфема, сколько морфологическая [имеется в виду морфемная. — В.Н.] структура слова» [Кубрякова, 1974, с. 21]. Кроме собственно морфем и других значимых частей слова (сочетаний морфем, основ) и существующих взаимоотношений между ними, в морфемике изучаются выделяющиеся в составе слова всевозможные асемантические (лишенные значения) его части, такие, как соединительные звуки и звукосочетания и др. Иногда к морфемам относят некоторые нелинейные (несегментные) явления, выражающие определенные грамматические значения: чередования фонем, словесное ударение, интонацию и др.

При таком понимании объекта морфемики как раздела языкознания основными ее задачами можно считать следующие:

1) определение понятия морфемы как основной единицы морфемики с учетом конкретных признаков, отличающих ее от других единиц языка;

2) изучение морфем языка/языков с точки зрения формального (звукового) строения, роли и места в слове, выражаемых значений и выполняемых функций; их классификацию по разным признакам;

3) изучение смежных с морфемой языковых явлений, так или иначе напоминающих морфемы; определение их морфемного статуса, т. е. отношения к морфемам;

4) определение понятия основы слова; классификацию основ по разным признакам;

5) разработку принципов морфемного анализа слова, вычленение морфем в составе полиморфемных слов.

Морфемы подразделяются на словообразовательные и грамматические, так как могут использоваться в словообразовании (для образования производных слов) и в формообразовании (для образования грамматических форм слов). На этом основании можно говорить о морфемике словообразовательной и морфемике грамматической (морфологической). В отечественном языкознании вопросы словообразовательной морфемике подробно рассматриваются в работах по словообразованию, хотя имеется и ряд исследований, посвященных проблемам словообразовательной морфемике [см.: Лопатин, 1977]. Вопросы грамматической морфемике обычно рассматриваются в трудах по морфологии, в частности в учебной литературе по курсу современного русского языка.

Единицы морфемике, в том числе и морфемы, как и единицы других языковых уровней, могут рассматриваться (и рассматриваются) с синхронической и диахронической точек зрения, в связи с чем различается морфемике синхроническая (синхронная) и диахроническая. В соответствии с принятым нами пониманием языковой синхронии синхроническая морфемике (или описательная) может быть определена как состояние морфемного уровня языка на определенном этапе его развития, в тот или иной промежуток времени, исключаящее качественное изменение морфем и других единиц данного языкового уровня. Под синхронической морфемикой как разделом языкознания понимается, соответственно, учение о морфемных единицах языка и взаимоотношениях между ними по состоянию на определенном этапе развития языка.

Диахроническая морфемике (или историческая) может быть определена как развитие морфемного уровня языка, смена одного его состояния другим в результате качественного изменения морфемных единиц и связей, взаимоотношений между ними в ходе исторического развития языка. В языкознании диахроническая морфемике — это учение о морфемных единицах и взаимоотношениях между ними с учетом их изменения в процессе языкового развития.

§ 74. По объекту и задачам изучения морфемика тесно связана с морфологией и словообразованием. Эта связь проявляется главным образом в том, что во многих языках, в том числе и в русском, морфемы служат основным средством образования производных слов и грамматических форм слов.

Морфемика нередко рассматривается как составная часть грамматического (морфологического) строя языка и, соответственно, как часть учения о грамматическом строе языка.

По мнению В. В. Лопатина, морфемика «может рассматриваться как часть грамматики, охватывающая те аспекты разделов “Морфологии” и “Словообразования”, которые связаны с грамматическими морфемами и выражаемыми с их помощью грамматическими и словообразовательными значениями», поскольку «грамматические морфемы (аффиксы) являются объектом грамматики» [ЛЭС, с. 313], а словообразовательные средства языка — «это главным образом средства морфемные, а стало быть, сам механизм словообразования, наряду с механизмом собственно морфологическим (словоизменительным), является частью того раздела грамматики, который можно назвать м о р ф е м и к о й, учением о морфемах» [Лопатин, 1974, с. 48].

Ср. также: морфемика — это «область морфологии, связанная с изучением структуры и вычленимости морфем, их вариантностью и распределением» [Кубрякова, 1974, с. 214];

это «раздел морфологии, занимающийся описанием морфологических моделей языка и закономерностей их расположения в более протяженных последовательностях» [СЛТ-А, с. 242].

Некоторые лингвисты относят морфемику к области словообразования, а учение о ней включают в раздел языкознания, называемый словообразованием (или дериватологией). Связь морфемики со словообразованием определяют, например, так: «Словообразование в качестве особого раздела науки о языке изучает родственные связи и структурные типы слов, их морфемику и строение, а также их деривацию (т. е. словопроизводство). Поэтому конкретным предметом словообразования являются лексические единицы с точки

зрения их морфемного состава, структуры и способов деривации» [Шанский, Тихонов, с. 5]¹.

Морфемика тесно связана с лексикой. Эта связь состоит прежде всего в том, что многие морфемы (точнее — все словообразовательные аффиксы) используются для образования лексических единиц — слов (лексем), т. е. служат средством пополнения словарного состава языка.

Немало словообразовательных аффиксов, а также некоторых грамматических морфем возникает из соотносительных словарных единиц, прежде всего слов служебных частей речи (предлогов, частиц), сохраняя их значения. Ср., например: рус. *за рекой* и *заречье*, *на столе* и *настольный*, *не друг (ты мне)* и *недруг*; нем. *aber* ('а, но, же, однако') и *Aberwelt* ('вымышленный мир, мир вымыслов'), *nicht* ('не, нет') и *Nichterfüllung* ('невыполнение'); лит. *prie* ('при, возле') и *priedanga* ('прикрытие, покров').

В ряде случаев тождественные по происхождению и схожие по значению единицы в одних языках используются как служебные морфемы, т. е. единицы морфемики, а в других выступают в качестве отдельных слов, т. е. единиц лексики. Например, возникший из падежной формы указательного местоимения элемент *-ся/-сь* в русском языке или *-si/-s* в литовском рассматривается как глагольный аффикс (постфикс), а соответствующий ему элемент *się* в польском языке или *sich* в немецком — как местоименное слово, а *si* и *se* в чешском языке — как нечто промежуточное между морфемой и словом (в грамматиках чешского языка они именуются возвратными компонентами).

Связь морфемики как раздела языкознания с лексикологией проявляется в том, что морфемы изучаются не сами по себе, а как составные части слов/словоформ. «Морфемика

¹ В учебной литературе по курсу «Введение в языкознание» вопросы морфемики обычно рассматриваются в разделах, посвященных описанию грамматики, а точнее — морфологии. Крайне редко такие вопросы объясняются в особом разделе учебного пособия, например под заголовком «Материальная структура слова». В разделе грамматики (морфологии) морфемные средства языка рассматриваются также в ряде учебников и учебных пособий по курсу «Современный русский язык». Данный факт также свидетельствует о том, что большинство лингвистов рассматривают морфемнику как составную часть грамматики (морфологии) или словообразования (дериватологии).

рассматривает слова [выделено нами. — В. Н.] как единства, состоящие из морфем», на основании чего данный раздел языкознания определяется как «наука о внутренней морфемной структуре слова, о структурных типах слов» [Герд, с. 7].

Существуют внешние, носящие формальный характер связи между морфемикой и фонетикой (фонологией). Они касаются лишь материальной стороны единиц фонетики и морфемики, поскольку фонетические единицы не выражают языковых значений. Например, в ряде языков многие морфемы выражены одним звуком (гласным или согласным), т. е. формально совпадают с отдельной фонемой. Это относится, в частности, к русским флексийным морфемам, среди которых имеются окончания, соотносящиеся с любой гласной фонемой: *гор-а, гор-ы, гор-е, гор-у; ух-о, уш-и*. Морфемы, представленные одной фонемой, имеются также среди суффиксов и префиксов: *брос-а-ть, бел-е-ть, син-е-ть, гор-н-ый, жар-к-ий, уста-л-ый, закры-т-ый; а-моральный, о-писать, у-говорить, в-нести, с-тащить*. В некоторых языках одной фонемой представлены инфиксы, т. е. морфемы, располагающиеся внутри корня [см. § 93].

Многие морфемы формально совпадают с такими фонетическими единицами, как слоги; это, например, префиксы *на-, не-, по-, пре-, при-, про-, у-*, суффиксы *-ва-, -ну-, -ти*, постфиксы *-то-, -ся* и др. В некоторых языках такое совпадение носит регулярный характер, свойственно всем или большинству морфем, ввиду чего соответствующие языковые единицы получили особое терминологическое наименование. Так, в языках изолирующе-силлабического типа морфема «обычно совпадает со слогом, чем и обусловлено использование, например в китаистике, термина “морфемосиллабема” (или “силлабоморфема”), означающего минимальную фономорфологическую единицу» [ЛЭС, с. 312].

Понятие морфемы

Определение понятия морфемы

§ 75. Основной, важнейшей единицей морфемики как уровня языка и главным объектом изучения в морфемике как разделе языкознания является морфема. Подобно многим единицам языка, морфема имеет материальную оболочку,

или план выражения, т. е. выражается звуком/фонемой либо определенным сочетанием звуков. В отличие от фонемы, морфема является двусторонней, з н а к о в о й (или значимой) единицей языка: звуковая оболочка каждой морфемы соотнесена с определенным з н а ч е н и е м. Способность выражать значение — это один из важнейших признаков морфемы, отличающий ее от фонемы и других фонетических единиц языка.

От более сложных языковых единиц (слов, словосочетаний и др.) морфема отличается тем, что она является кратчайшей, минимальной (в определенном смысле слова) среди всех других значимых единиц языка, т. е. не может быть разделена на более мелкие значимые части. Таким образом, морфема характеризуется тремя существенными признаками, отличающими ее от всех других языковых единиц:

- 1) наличием материальной оболочки, плана выражения (или экспонента, означающего);
- 2) наличием определенного значения, плана содержания (или означаемого);
- 3) неспособностью делиться на более мелкие значимые части.

В отечественном языкознании морфема часто характеризуется как минимальная (элементарная, наименьшая, мельчайшая, кратчайшая, предельная, неделимая) часть слова [см. работы Н. М. Шанского, Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой, Б. Н. Головина, М. А. Шелякина, Г. П. Цыганенко и др.]. В данном, предельно лаконичном определении морфемы отражены все ее существенные признаки: наличие материальной оболочки (выражено словосочетанием «часть слова»), соотнесенность с определенным языковым значением (выражена прилагательным «значимая») и неспособность делиться на более мелкие значимые части (выражена словами «минимальная», «элементарная», «наименьшая», «мельчайшая», «кратчайшая», «предельная», «неделимая»). В данном определении можно отметить лишь одну неточность: не совсем удачно сформулировано родовое понятие — «часть слова». Дело в том, что в ряде языков многие морфемы по своей материальной оболочке соотносятся не с определенными частями отдельных слов, а с целыми словами (например: *a, u, no; za, iz, no, перед; бы, ведь; ах, ой; кино, шоссе, кенгуру*). Некоторые лингвисты вместо словосочетания «часть слова»

для обозначения родового понятия используют выражение «звуковое единство» с пояснением «т. е. звук или сочетание звуков», что представляется более удачным [см.: Винокур, с. 419].

Встречаются довольно пространные определения морфемы, в которых в качестве родового понятия указывается языковой знак, или знаковая (значимая, двусторонняя) единица языка, и подробно объясняются (точнее — обозначаются) разные признаки определяемого понятия.

Ср.: морфема — это «элементарный языковой знак, минимальная значащая, точнее — двусторонняя единица языка, т. е. такая единица, в которой (1) за определенным экспонентом (материальным показателем) закреплено определенное содержание (значение, структурная функция) и которая (2) неделима на более простые единицы, обладающие тем же свойством» [Маслов, 1972, с. 195];

это «минимальная знаковая единица, обладающая значением определенного типа (лексическим, грамматическим, словообразовательным) и способная варьировать как в плане выражения, так и в плане содержания» [Манучарян, с. 130];

это «простейшая значимая единица языка, характеризующаяся в разных случаях употребления известной общностью как со стороны значения, так и со стороны звукового выражения» [Гвоздев, 1960, с. 28].

Подобные определения морфемы [см. работы В. И. Кодухова, Г. А. Пастушенкова, З. А. Потихи и др.] явно перегружены излишними повторениями. Если морфема определяется как языковой знак, или знаковая (значимая) единица языка, то нет необходимости указывать, например, что она «обладает значением» или что в ней «за определенным экспонентом (материальным показателем) закреплено определенное содержание» и т. д.

Можно предложить такое определение рассматриваемого понятия (в меру лаконичное и исчерпывающее): морфема — это единица языка, представляющая собой звуковое единство (звук или сочетание разных звуков), выражающее определенное значение и неспособное делиться на более мелкие значимые части. Здесь достаточно четко обозначены все основные признаки морфемы, что особенно важно при определении морфемного статуса конкретных единиц языка в

тех случаях, когда требуется разграничить собственно морфемы и морфемоподобные явления, не являющиеся морфемами.

Определение морфемы на основе отличительных признаков можно считать общепринятым в отечественном языкознании, хотя некоторые лингвисты при определении данного понятия, кроме этих основных признаков, учитывают и другие особенности морфемы.

Так, по определению Е. А. Земской, морфемой является «значимая часть слова, необходимая и достаточная [выделено нами. — В. Н.] для выражения данного значения», поэтому «части слова, не служащие для выражения значения, морфемами не являются» [Земская, 1973, с. 3, 19]. Предлагаемое уточнение понятия морфемы позволяет разграничить собственно морфемы (в данном толковании) и так называемые интерфейсы как особые незначащие части слов (например, *-ск-* и *-ин-* в составе прилагательных типа *кубинский*, *балахнинский*), которые многие лингвисты объединяют в рамках одной морфемы [см. § 81].

Некоторые ученые обязательным для морфемы признаком считают ее регулярность, т. е. признают морфемами лишь такие значимые минимальные единицы языка, которые встречаются, как минимум, в составе двух слов данного языка. Это отражается и в предлагаемых ими определениях.

Ср.: морфема — это «наименьшая (предельная, неделимая далее без потери данного качества) и регулярно воспроизводимая [выделено нами. — В. Н.] согласно моделям данного языка единица системы выражения, непосредственно соотносимая с соответствующим ей элементом системы содержания (семемой)» [СЛТ-А, с. 240—241];

это «структурно значимая часть слова, семантически далее неделимая, функционирующая в определенной морфематической модели и выделяемая в морфологическом ряду дах [выделено нами. — В. Н.]» [Шелякин, с. 5].

Термин «морфема» иногда употребляется в более узком значении. Некоторые зарубежные лингвисты данным термином называют лишь служебные морфемы, т. е. все морфемы, кроме корневых. Для обозначения корневых морфем они используют термины «лексема», «семантема» и др. Для обозначения любой морфемы, включая и корневую, вводится термин «монэма» (он иногда используется и в русском языкознании).

Морф как разновидность морфемы

§ 76. В речи морфема, подобно фонеме, может видоизменяться. Поскольку морфема является единицей значимой, она варьируется в речи не только в формальном, но и в семантическом отношении, т. е. в смысле как плана выражения, так и плана содержания. Для обозначения разных видоизменений морфемы используется термин «морф(а)» (греч. *morphē* — ‘форма’).

Иногда в данном значении употребляются и другие термины: «алломорф(а)», «алломорфема», «вариант морфемы» [ср. аналогичные наименования возможных видоизменений фонемы: «фон(а)», «аллофон», «аллофонема», «вариант фонемы»], однако последние обычно используются в более узком значении — для обозначения определенных типов (видов) морфов.

Ср.: морф — это «минимальная значимая единица текста, текстовый представитель морфемы» [ЛЭС, с. 311];

это «есть “экземпляр” морфемы в тексте» [Маслов, 1975а, с. 47];

это «одна из разновидностей морфемы» [Совр. рус. яз., 1978, с. 10].

При определении морфа как речевой разновидности морфемы лингвисты обычно имеют в виду внешние (формальные), звуковые видоизменения морфемы, т. е. морфы формальные.

Ср.: морф — это «одна из фонемных разновидностей (видоизменений) морфемы... выступающая в разных словах и словоформах» [РЯЭ-Ф, с. 145];

это «минимальная значимая часть слова в одной из его форм» [Головин, 1983, с. 91];

это «конкретный фонетический вариант морфемы» [Кодухов, 1979, с. 236].

Как видно из этих определений, разные морфы одной и той же морфемы характеризуются формальной (фонематической) близостью, т. е. частично совпадают по фонемному составу. Различия между ними проявляются:

1) в наличии отдельных несовпадающих фонем (или редко — сочетаний фонем) в разных морфах;

2) в отсутствии определенных отрезков в начале или конце одного из морфов;

З) в отсутствии какой-либо фонемы внутри одного из морфов [см.: Лопатин, 1977, с. 263; Грамматика, 1970, с. 33; РГ, т. 1, с. 125].

Фонематические различия между формальными морфами одной и той же морфемы в русском языке можно проиллюстрировать такими отрезками производных слов или грамматических форм слов: *друг-/друзж-/друз'* (ср.: *другу, дружба, друзья*), *окн-/окон-* (ср.: *окно, подоконник*), *от-/ото-* (ср.: *отрезать, оторвать*), *-ик/-ич-* (ср.: *старик, старичок*), *-ск-/еск-/анск-/енск-/инск-/овск-/к-* (ср.: *братский, дружеский, африканский, пензенский, читинский, орловский, череповецкий*), *-ой/-ою* (ср.: *горой, горюю*), *-ся/-сь* (ср.: *оделся, оделась*).

Формальное варьирование морфем широко распространено в языках. Например, в литовском языке разными морфами представлены корневые морфемы *ant'-/anč'-* (ср.: *antis* — 'утка', *ančiukas* — 'утенок'), *gard-/gardž'-* (ср.: *gardus* — 'вкусный', *gardžiausias* — 'вкуснейший'), *ap-/api-* (ср.: *aprašyti* — 'описать', *apiberti* — 'обсыпать'), *at-/ati-* (ср.: *atnešti* — 'принести', *atiduoti* — 'отдать'), а также постфикс *-s/-si* (ср.: *prašytis* — 'проситься', *prašosi* — 'просится', *prašėsi* — 'просился').

В специальной литературе высказывается мнение о целесообразности объединения в одну морфему тождественных по значению морфов, лишенных формальной близости, если различия между ними носят регулярный характер и определяются позицией (положением) в слове/словоформе: например, *-к-* и *-ч-* (ср.: *жаркий* и *жарче*), *-к-* и *-оч-* (ср.: *сварка* и *сварочный*), *-ова-* и *-уж-* (ср.: *браковать* и *бракую*) [см.: Лопатин, 1977, с. 264]. Подобные морфы напоминают супплетивные образования в морфологии, отношения между которыми в современном языкознании не получили однозначной оценки [см. § 195].

§ 77. Формальные морфы могут классифицироваться по разным признакам. Чаще всего они подразделяются на алломорфы и варианты морфем. Алломорфами называются такие морфы, формальное различие между которыми определяется качеством соседних морфов, т. е. морфы, фонемный состав которых зависит от фонемного состава соседних (предыдущих/последующих) морфов. Поэтому они строго закреплены за определенными словами/словоформами, не могут

взаимозаменяться в одной и той же позиции, в соседстве с одними и теми же морфемами. К алломорфам относятся, например, в русском языке суффиксальные морфемы существительных *-еств-* и *-ств-* (*-еств-* регулярно употребляется после морфем, оканчивающихся на шипящие, а *-ств-* — после любого другого морфа; ср.: *княжество, студенчество, человечество*, но: *братство, крестьянство, учительство*), в туркменском языке — морфемы суффикса множественного числа *-лар* и *-лер* (*-лар* употребляется после слога с гласным непереднего ряда, а *-лер* — после слога с гласным переднего ряда), в литовском языке — префиксальные морфемы *ari-* и *ar-* (*ari-* регулярно употребляется перед корневыми морфемами, начинающимися согласным *p, b* или *f*, а *ar-* используется перед любым другим корнем), морфемы *ati-* и *at-* (*ati-* используется перед корнями, начинающимися согласным *t* или *d*, а *at-* — во всех остальных случаях).

Вариантами морфем считаются такие морфемы, формальные различия между которыми не зависят от качества соседних морфем. Поэтому варианты морфем способны заменять друг друга в одной и той же позиции, в окружении одних и тех же морфем. В качестве примера можно привести разные морфемы окончания творительного падежа единственного числа *-ой* и *-ою* (ср.: *горой* и *горою, молодой* и *молодою, такой* и *такою*).

Термины «алломорф» и «вариант морфемы» в современном языкознании часто употребляются в более широком значении — для обозначения любого морфа [см.: Шанский, 1968, с. 124; Зенков, с. 57; Земская, 1964, с. 60; Потиха, с. 66 и др.]. Алломорф иногда определяется как вариант морфа [см.: Головин, 1983, с. 91].

Распространенное «одностороннее» понимание морфа (как формальной, фонематической разновидности морфемы) представляется недостаточным. Морфы следовало бы различать и по формальным, и по семантическим признакам, т. е. рассматривать не только формальные, но и семантические морфемы многозначных морфем.

Это значит, что морфемами должны быть признаны корни всех многозначных слов при каждом из их лексических значений, а также все многозначные служебные морфемы в каждом из словообразовательных или грамматических значений [см.: Немченко, 1997, с. 170].

Морфема и смежные явления

§ 78. Определение морфемы как кратчайшей знаковой (или значимой) единицы языка можно считать общепринятым. Тем не менее при выяснении морфемного статуса ряда языковых явлений (их отношения к морфемам) возникают серьезные трудности. В качестве морфем нередко рассматриваются языковые средства, у которых отсутствует тот или иной существенный признак, характеризующий морфему в общепринятом ее понимании, или же наличие такого признака оказывается спорным.

Обязательным для всякой морфемы признаком является наличие у нее экспонента, т. е. материальной оболочки в виде звука/фонемы или сочетания звуков. В то же время морфемами нередко признаются различные языковые средства выражения грамматических или лексических (словообразовательных) значений, не имеющие экспонента, т. е. не представленные отдельными звуками или цепочками звуков. К ним относятся такие явления, как чередование фонем, словесное ударение, тон (или интонация), редупликация (т. е. удвоение слов или основ слов), порядок слов в предложении, согласование, управление. В лингвистической литературе такие средства называются нелинейными (или надлинейными) морфемами, несегментными (или надсегментными, сверхсегментными, суперсегментными, супрасегментными) морфемами, надсловными (или сверхсловными) морфемами. Отличительная особенность подобных языковых средств состоит в том, что они не могут существовать сами по себе, отдельно от соответствующих линейных, сегментных единиц [см. § 189].

§ 79. В современном языкознании широко распространена точка зрения, согласно которой наряду с сегментными (т. е. выраженными звуками или сочетаниями звуков) и сверхсегментными морфемами существуют еще и так называемые нулевые (или отрицательные) морфемы, т. е. морфемы, не имеющие материального, звукового выражения.

Как известно, в практике школьного преподавания русского языка традиционно рассматриваются нулевые окончания. Подобные «морфемы» обнаруживаются в формах именительного падежа единственного числа существительных мужского рода II склонения (*дом, стол*), в формах родитель-

ного падежа множественного числа существительных мужского рода II склонения (*гор, рук, партизан*), в кратких формах единственного числа мужского рода прилагательных (*весел, красив, молод*), в глагольных формах единственного числа мужского рода прошедшего времени и сослагательного наклонения (*писал, сидел, просил; знал бы, хотел бы*), в формах 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (*дай, знай, оставь*) и др.

Наличие нулевых окончаний в подобных формах обосновывается тем, что в других формах данных слов или же в аналогичных формах других слов имеются материально выраженные окончания и что все формы (с материальными окончаниями и без них) выражают одни и те же грамматические значения. Например, у существительного *дом* нулевое окончание выделяется на том основании, что материальное окончание имеется в формах косвенных падежей этого существительного (*дом-а, дом-у, дом-ом*) и в формах того же падежа существительных среднего рода (*сел-о, сел-а, сел-ом*), а также существительных женского рода I склонения (*рук-а, рук-и, рук-ой*), которые выражают то же значение, что и формы без материального окончания, — именительного падежа единственного числа. Иногда говорят о наличии нулевых окончаний у существительных иноязычного происхождения и некоторых сложносокращенных слов, которые традиционно рассматриваются как несклоняемые (типа *бра, кенгуру, радио, ИМЛИ, ООН*). Такие существительные квалифицируются как слова особого, нулевого склонения, имеющие нулевое окончание во всех падежах [см.: Грамматика, 1970, с. 377].

В русском языкознании наряду с нулевыми окончаниями часто выделяются нулевые суффиксы, причем как грамматические, так и словообразовательные. В качестве примера грамматического нулевого суффикса обычно указывается суффикс прошедшего времени и сослагательного наклонения, выделяемый в формах единственного числа мужского рода глаголов с основой на согласный, в которых материально выраженный суффикс *-л* был утрачен в результате упрощения групп согласных после падения слабых редуцированных гласных (ср.: *пёк — пекла, нёс бы — несла бы; писал, читал бы*). Нулевые словообразовательные суффиксы обнаруживаются в составе многих производных существ-

вительных, а также некоторых прилагательных и порядковых числительных: *высь* (ср.: *высота*, *ширина*), *выборы* (ср. *голосование*), *кума* (ср. *свекровь*), *отчий* (ср.: *отцов*, *отцовский*, *братский*), *золотой* (ср. *серебряный*), *пятый*, *сотый* (ср. *тысячный*).

Наряду с нулевыми окончаниями и суффиксами иногда выделяют также нулевые префиксы. Обычно они обнаруживаются у слов, образуемых путем отделения от производящих слов начальной части (префикса или префиксоподобного сегмента). Например, слово *рассадный* [о способе выращивания овощей] образовано от ранее существовавшего прилагательного *безрассадный*; слово *опасная (бритва)* — от *безопасная*; окказиональные слова *годить* — от *погодить*, *лепый* — от *нелепый*, *уклюжий* — от *неуклюжий* и т. п. [см.: Улуханов, с. 73].

Некоторые лингвисты усматривают нулевые морфемы (суффиксы и префиксы) в составе каждого слова, у которого отсутствует соответствующий материально выраженный аффикс, независимо от значения данного слова, его семантических отношений с другими однокоренными словами. Сторонники такого понимания нулевой морфемы приписывают нулевые суффиксы и префиксы всем корневым словам русского языка: *адрес*, *аист*, *алмаз*, *амбар*, *аптека*, *баня*, *берёза*, *алый*, *белый*, *беречь* и т. д. [см.: СМРЯ, с. 419, 579]. Такое понимание нулевой морфемы не получило широкого признания.

Ср.: «Вызывает возражения встречающееся иногда употребление термина “нулевая приставка” в значении ‘отсутствие приставки’ (типа “приставочные глаголы *прибежать*, *убежать* и глагол с нулевой приставкой *бежать*”). Термин “нулевой” обозначает не всякое отсутствие той или иной единицы, а з н а ч и м о е о т с у т с т в и е, т. е. отсутствие, которое является средством выражения определенного значения» [Земская, 1973, с. 40];

нулевой аффикс «выделяется лишь там, где в параллельных формах той же парадигмы или других ее формах наблюдается материально выраженная флексия» [ЛЭС, с. 60].

Термины «нулевая морфема», «нулевой аффикс», «нулевой суффикс» и т. п. стали настолько популярными, что аналогичные терминологические наименования иногда упот-

ребляются и по отношению к корневой морфеме [см.: Широков, 1985, с. 216], и даже по отношению к соединительному гласному [см.: Лопатин, 1977, с. 56; Торопцев, с. 19; Грамматика, 1970, с. 173, 228]. Некоторые лингвисты «видят» нулевой корень в слове *вынуть*, которое делят на префикс *вы-* и суффиксы *-ну-* и *-ть*. Правильнее было бы морфему *-ну-* рассматривать как корневую, которая возникла из *-ня-* (ср.: *принять, отнять, занять* и т. п.) под влиянием глаголов на *-нуть* (ср.: *двинуть, прыгнуть* и т. п.).

В лингвистических работах встречаются противоречивые мнения о нулевых морфемах. Многие языковеды безоговорочно признают их полноценными морфемами, рассматривая наравне с морфемами материальными. При этом некоторые ученые считают морфемами только нулевые окончания или окончания и грамматические суффиксы, которые возникли на месте материально выраженных морфем, утраченных в результате закономерных фонетических изменений [см.: Шанский, 1968, с. 132].

В то же время некоторые лингвисты воспринимают нулевые морфемы как нечто условное, удобное для описания языковой системы (структуры). Например, по мнению Е. С. Кубряковой, нулевые морфемы (аффиксы) «представляют собой удобную условность структурного описания языков, известную уже древнеиндийским грамматистам; целесообразность введения этого понятия объясняется стремлением к однотипному представлению форм одной парадигмы» [ЛЭС, с. 60].

Высказывается также мнение, согласно которому существование нулевых морфем категорически отвергается: «Морфема — двусторонняя единица. Для нее обязательны как сторона содержания (значение), так и сторона выражения (звучание). У нулевой морфемы нет своего особого звукового выражения, значит, нет и самой морфемы» [Пастушенков, 1977, с. 23]. Такая оценка рассматриваемого явления представляется вполне обоснованной. Можно добавить, что нет достаточных оснований считать подобное явление выражающим какое-либо языковое значение. Согласно широко распространенному мнению, словообразовательные значения производных слов, содержащих так называемые нулевые морфемы, выражаются с помощью окончаний (системы

флексий), а грамматические значения соответствующих словоформ — с помощью их основ [см.: Немченко, 1979, с. 36].

Отрицание морфемного статуса нулевых морфем отражается также в определениях данного явления, в которых отмечается либо отсутствие у нулевой морфемы экспонента знака (материального выражения), либо несуществование самой морфемы в целом.

Ср.: «под нулевой морфемой понимается такая материально не выраженная значимая часть слова, которая выделяется в нем по сопоставлению с коррелятивными формами, имеющими материально выраженные морфемы того же рода» [Шанский, 1968, с. 128];

нулевая морфема (окончание, суффикс) — это «материально не выраженная морфема, выделяемая только при сопоставлении ее с другими формами того же слова» [Потиха, с. 21];

«словообразовательные аффиксы (подобно флексиям) могут быть не выражены никаким звуком или комплексом звуков. Такие аффиксы называют нулевыми» [Земская, 1973, с. 37];

нулевая морфема (отрицательная) — это «отсутствие грамматического (словоизменительного) аффикса, которое приобретает определенную семиологическую грамматическую значимость вследствие особого свойства данной парадигмы» [СЛТ-А, с. 241];

нулевой аффикс — это «отсутствие аффикса в одной форме парадигмы, противопоставляемое положительным (или выраженным) аффиксам в других формах той же парадигмы» [Там же, с. 61];

нулевой аффикс — это «отсутствие аффикса в одной форме парадигмы при наличии аффиксов в других формах той же парадигмы» [Реформатский, 1967, с. 269].

Все сказанное о так называемых нулевых морфемах приводит к мысли о нецелесообразности использования понятий «нулевая морфема», «нулевой аффикс», «нулевой суффикс» и др. и соответствующих терминов. Для обозначения подобных явлений лучше использовать такие выражения, как «отсутствие морфемы (аффикса, суффикса и т. п.)», «нуль морфемы», «морфемный нуль».

§ 80. В качестве морфем довольно часто рассматриваются различные части слов (отдельные звуки или сочетания зву-

ков), лишённые значения (грамматического или словообразовательного), хотя и выполняющие определенные функции (соединительные, стилистические). Типичным примером подобных единиц служат соединительные гласные (шире — соединительные элементы), употребляющиеся в составе сложных слов, где выполняют функцию объединения разных слов в одной лексической единице. В русском языке это прежде всего звуки [о] и [э] (е), возникшие из так называемых тематических гласных: *самовар*, *хлебозавод*, *полеводство*, *водогазлечебница*, *плодоовощехранилище*. Аналогичную функцию могут выполнять также другие гласные или сочетания гласных с согласными, возникшие на месте падежных или личных окончаний: *сорокалетний*, *пятиэтажный*, *двуглавый*, *двучлен*, *немогузнайка*, *сорвиголова*, *двухлетний*, *трёхметровый*, *сейчас*, *сегодня*, *сиюминутный*.

Ср.: нем. *Arbeitsplan* ('рабочий план'; от *Arbeit* — 'работа' и *Plan* — 'план'), *Geburstag* ('день рождения'; от *geboren* — 'родиться' и *Tag* — 'день'), *Freiheitskampf* ('борьба за освобождение'; от *Freiheit* — 'свобода' и *Kampf* — 'борьба'), *Menschenliebe* ('любовь к людям'; от *Mensch* — 'человек' и *Liebe* — 'любовь'), *Kindergarten* ('детский сад'; от *Kind* — 'ребенок' и *Garten* — 'сад'); лит. *darbotvarkė* ('распорядок дня'; от *darbas* — 'работа' и *tvarka* — 'порядок'), *ginklanyšys* ('оруженосец'; от *ginklas* — 'оружие' и *nešti* — 'нести'), *trikampis* ('треугольник'; от *trys* — 'три' и *kampas* — 'угол').

Некоторые ученые рассматривают подобные элементы как значимые части слова, утверждая, что они «предстают перед нами как морфемы, значения которых являются чисто словообразовательными и сводятся к выражению простой идеи соединения» [Шанский, 1958, с. 31]. Морфемами (или аффиксами) такие элементы называют многие лингвисты [см.: Лопатин, 1977, с. 53; Глинских, Петрова, с. 189; РГ, т. 1, с. 130]. Косвенным подтверждением морфемного статуса соединительных элементов сложных слов служит использование для их обозначения составных терминов с опорным компонентом «морфема» («морф») или «аффикс», например: «соединительная морфема» («соединительный морф»), «связочная морфема» («связочный морф»), «морфема связи», «межосновная морфема», «синтаксическая морфема», «структурная морфема», «асемантическая морфема», «пустая морфе-

ма», «соединительный аффикс», «формально-структурный аффикс».

Языковые факты позволяют утверждать, что рассматриваемые части сложных слов не выражают словообразовательных значений в общепринятом их понимании [см. § 169]. Это со всей очевидностью подтверждается тем, что однородные по своей структуре сложные слова с соединительными элементами и без них не различаются по своим словообразовательным значениям, выражают аналогичные значения. Ср. значения таких слов, как *металлорежущий*, *свеклосеющий*, *серосодержащий*, *Петроград*, *Волгоград*, и таких, как *азотфиксирующий*, *мелсодержащий*, *Ленинград*, *Калининград*. Ср. также литовские слова: *trikampis* ('треугольник') и *keturkampis* ('четырёхугольник'; от *keturi* — 'четыре' и *kampas* — 'угол'), *ginklanešys* ('оруженосец') и *knygnešys* ('книгоноша'; от *knyga* — 'книга' и *nešti* — 'нести'). Отсюда следует неопровержимый вывод о том, что соединительные элементы, выполняющие в составе сложных слов чисто объединяющую функцию, являются асемантическими частями этих слов и не должны рассматриваться как морфемы.

Для обозначения рассматриваемых частей слов наряду с термином «соединительный элемент» может использоваться термин «соединительный гласный», когда данный элемент представлен одним гласным звуком (как, например, во многих сложных словах в русском и литовском языках) или термин «соединительный согласный», если этот элемент представлен одним согласным звуком (например, согласным *s* во многих сложных словах в немецком языке).

§ 81. По выполняемой функции соединительные элементы сложных слов во многом напоминают те части производных слов/словоформ, которые находятся между корнем и аффиксом (префиксом или суффиксом) и служат средством их соединения. Эти части слов нередко называют интерфиксами (от лат. *inter* — 'между' и *fixus* — 'прикрепленный'). Интерфиксы определяют как «части слова, не имеющие самостоятельного значения и выступающие как строевые средства языка, функция которых состоит в соединении морфем в слове» [Земская, 1964, с. 42; см. также: Кубрякова, 1974, с. 106; Пастушенков, 1974, с. 63; Зверев, с. 76].

В русском языке интерфикс особенно часто употребляется между корнем слова и суффиксом: *беженец, бегодня, лампочка, страдалец, знаток, жатва, кофейник, сельчак; сестринский, кубинский, орловский, ленточный, шоссейный, завтрашний; самоварничать, фамильярничать; дважды, трижды, четырежды*. Аналогичную функцию могут выполнять конечные звуки некоторых префиксальных морфем. Ср. префиксы в русских словах *от-о-рвать* и *от-резать*, в литовских словах *at-i-duoti* ('отдать') и *at-nešti* ('принести'), *ap-i-berti* ('обсыпать') и *ap-rašti* ('описать'). Соединительный элемент, представленный согласным звуком, встречается в русских словах с иноязычным по происхождению префиксом *дез-/де-*, например: *дез-активировать, дез-информировать, дез-ориентировать; дез-газировать, дез-квалифицировать, дез-маскировать*. Очевидно, подобные звуки тоже можно квалифицировать как интерфиксы.

В лингвистической литературе интерфиксальные элементы обычно рассматриваются как части аффиксальных морфем, включаются в состав соответствующих суффиксов или префиксов [см.: Лопатин, 1977, с. 45; Михайлов, с. 86], хотя иногда они квалифицируются как самостоятельные единицы (наподобие соединительных элементов сложных слов), как «особые строевые части слова» [Земская, 1964, с. 41]. По мнению некоторых языковедов, рассматриваемые части слов выражают определенные языковые значения и являются самостоятельными морфемами [см.: Дементьев, с. 116; Моисеев, 1987, с. 45]. Иногда для их обозначения используются такие составные термины, как «соединительная морфема», «связочная морфема», «синтаксическая морфема», «пустая морфема».

Для признания рассматриваемых частей слов морфемами нет достаточных оснований. Отсутствие у них каких-либо языковых значений подтверждается тем, что слова, как содержащие подобные элементы, так и не имеющие их, могут выражать аналогичные значения. Ср., например: *кубинский, орловский, пензенский и московский, петербургский, тульский*. Более того, возможны варианты формы слов — с интерфиксами и без них, т. е. образования,

тождественные по своим лексическим значениям: *ваточный* и *ватный*¹.

§ 82. Спорным является вопрос о значимости некоторых частей слов, находящихся в конце основы, и, следовательно, об их морфемном статусе. В современной русистике, например, по-разному определяется морфемный статус конечных гласных глагольных основ, или глагольных тематических гласных, которые нередко называются тематическими морфемами, тематическими суффиксами, основообразующими (основообразовательными) суффиксами и т. д.; ср.: *писать*, *прощать*, *сидеть*, *синеть*, *хвалить*, *белишь*, *утюжить*. Одни лингвисты подобные гласные в составе любого глагола рассматривают как суффиксальные морфемы, другие полностью отрицают их принадлежность к морфемам, третьи считают их морфемами лишь в тех случаях, когда их употреблению связано с выражением грамматических или лексических значений (*прощать*, *синеть*, *белишь*, *утюжить*), и не признают морфемами во всех остальных случаях (*писать*, *сидеть*, *хвалить*) [см.: Немченко, 1994, с. 117].

Морфемой принято называть конечную часть основы существительного, которая формально выделяется путем сравнения этого существительного с тождественными по лексическому значению однокоренными образованиями, более простыми в фонетическом отношении, т. е. по фонемному составу. Речь идет об отдельных звуках (или звукосочетаниях), созвучных с суффиксальными морфемами, такими, как, например, *-к* (ср.: *дочка* и *дочь*, *ёлка* и *ель*, *иголка* и *игла*, *печка* и *печь*, *рубашка* и *рубаха*, *жилетка* и *жилет*, *табуретка* и *табурет*), *-ик* (ср.: *ножик* и *нож*), *-иц* (ср.: *лисица* и *лиса*), *-ет* (ср.: *мотоциклет* и *мотоцикл*). В то же время подобные части слова нередко рассматриваются как асемантические, называются десемантизированными аффиксами, десемантизированными суффиксами. Иногда их называют также стилистическими морфемами (аффиксами,

¹ Ввиду того, что интерфиксы выполняют функции, схожие с функциями соединительных элементов сложных слов, термин «интерфикс» иногда используется для обозначения этих элементов [см.: Шанский, 1968, с. 117; Лопатин, 1977, с. 53—54; Глинских, Петрова, с. 189] или для обозначения тех и других, вместе взятых [см.: Земская, 1973, с. 113; Рус. язык, 1968, с. 40; Степанов, с. 113].

суффиксами), поскольку слова, содержащие такие элементы, обычно характеризуются стилистической сниженностью, носят обиходно-разговорный характер.

Ср.: «Есть такие слова, в производном характере основы которых в современном языке сомневаться не приходится, но... мотивированности в названии все же нет. Так, например, слово *ножик* определенно имеет основу производную, разлагающуюся на морфологические части, так как рядом с этим словом существует слово *нож* и часть слова *нож-* в слове *ножик* и в слове *нож* значит одно и то же. Но вместе с тем слово *ножик* является таким же абсолютно условным обозначением режущего инструмента, как и слово *нож*. Соотношение, существующее между словами *листик* и *лист* и т. п., в данном случае отсутствует, но основа слова *ножик* все же остается производной» [Шанский, 1968, с. 50].

Иногда без достаточных оснований к морфемам относят конечные части основ существительных и прилагательных, которые выделяются только потому, что утрачиваются в составе производных слов, мотивированных данными существительными и прилагательными. Это такие части основ, как, например, *-к-* (ср.: *утка* и *утёнок*, *утиный*), *-ец* (ср.: *палец* и *беспалый*, *пятипалый*), *-иц-* (ср.: *улица* и *улочка*, *переулок*), *-ок-* (ср.: *широкий* и *ширина*, *обширный*) и др. [см.: Немченко, 1994, с. 116].

§ 83. При определении морфемного статуса некоторых языковых единиц не учитывается такой признак морфемы, как неделимость ее на более мелкие части. В частности, это проявляется в том, что отдельными морфемами иногда признаются сочетания двух морфем разных видов (префикса и суффикса или префикса и постфикса): например, в русском языке это *под-* и *-ник* в существительных типа *подоконник*, *подлокотник*, *подстаканник* или *раз-/рас-* и *-ся* в глаголах типа *разбежаться*, *расшуметься*, в немецком языке это *ge-* и *-t* или *ge-* и *-en* в формах страдательного причастия типа *gelobt* ('хваленый'; от *loben* — 'хвалить'), *gehotmen* ('взятый'; от *nehmen* — 'брать').

Некоторые лингвисты рассматривают подобные сочетания морфем как единые словообразовательные или грамматические (морфологические) средства, которые в лингвистической литературе называются по-разному: конфиксами

(от лат. *con-* — ‘с, вместе’ и *fixus* — ‘прикрепленный’), циркумфиксами (от лат. *circum* — ‘вокруг’ и *fixus* — ‘твердый, нерушимый, крепкий’), а также бификсами (ср. лат. *bi* — ‘дву-, двух-’), биморфемами, дистантными биморфемами, прерывистыми морфемами, прерывистыми (прерванными) аффиксами, двааффиксными морфемами, морфемами с дистантно расположенными частями.

В современной литературе по морфемике и словообразованию конфикс определяется как «морфема, выполняющая те же функции, что и суффикс и префикс, т. е. служащая материалом единичного акта морфологического словопроизводства» [Марков, с. 60];

как аффикс, «состоящий из двух частей, находящихся перед корнем и после него, и несущий единое нерасчлененное значение» [РЯЭ-Ф, с. 26];

как «прерывистый, но единый словообразовательный аффикс, состоящий из двух компонентов, первый из которых внешне похож на префикс, а второй — на суффикс» [Цыганенко, с. 41].

Более убедительным представляется признание рассматриваемых соединений аффиксов сочетаниями двух самостоятельных морфем с разными значениями. Е. А. Земская считает, что «выделение конфиксов как особых морфем в русском языке нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка» [Земская, 1973, с. 31]. В подтверждение этой мысли она приводит веские аргументы, в частности, обращает внимание на то, что «постфиксальные и префиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами, т. е. *под-*, входящий в конфикс *под...-ник* (например, *подоконник*, *подстаканник*), тождественно по значению приставке *под-* (ср. *под-пол*); *-ник*, входящий в тот же конфикс, тождествен по значению суффиксу *-ник* (ср. слова с предметным значением типа *ворот-ник*, *творож-ник*)» [Там же]. Вероятно, то же самое можно сказать и о соответствующих сочетаниях грамматических морфем, например аффиксов в составе немецких причастий.

Некоторые ученые морфемами называют основы слова, которые, помимо корня, могут содержать разное количество аффиксов [см.: Винокур, с. 399; Левковская, 1954, с. 32; Янко-Триницкая, 1971, с. 36; Кодухов, 1979, с. 237 и др.]. Очевидно, комментиро-

вать подобное «расширенное» понимание морфемы было бы излишним.

§ 84. Между морфемой и словом нет достаточно четких границ, отсутствуют строгие критерии разграничения данных языковых единиц. В русском и ряде других языков служебные морфемы наиболее тесно связаны со словами служебных частей речи. Многие слова, прежде всего предлоги, могут превращаться в аффиксальные морфемы, сохраняя при этом формальное и семантическое сходство с ними. В ряде случаев условность границ между словами и морфемами подтверждается наличием таких понятий (и терминов), как «морфема-частица», под которой понимается «частица, выполняющая функцию служебной морфемы, например, частица *бы* в формах сослагательного наклонения» [Виноградов, 1947, с. 602], «морфема-слово», или «свободная морфема», которая иногда определяется как «морфема, функционирующая в качестве целого слова» [Маслов, 1975, с. 164], «относительно связанные морфемы», или «полуаффиксы», т. е. аффиксальные морфемы, которые, в отличие от собственно аффиксов, «имеют параллельно им употребляющиеся самостоятельные слова с теми же значениями; ср. рус. *до* в *добежать до школы*, *из* в *извлечь из земли* и т. д.» [ЛЭС, с. 60].

В языках, в которых имеются послелого (служебные слова, располагающиеся после знаменательного слова, зависимого члена словосочетания), они выполняют грамматические функции, схожие с функциями грамматических служебных морфем [см.: Общ. языкознание, 1972, с. 220]. То же самое можно сказать об артикле, который иногда определяется как «грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или аффикса» [ЛЭС, с. 45]. Принадлежность артикля (как и слов других служебных частей речи) к словам или морфемам нередко определяется его позицией по отношению к знаменательному слову [см. § 188]. На практике «препозитивные артикли и предлоги обычно относят к служебным словам, а постпозитивные артикли и послелого — к аффиксам» [Общ. языкознание, 1972, с. 220].

Классификация морфем

Корневые и служебные морфемы

§ 85. Морфемы как двусторонние знаковые единицы языка различаются между собой по ряду внешних (формальных) и семантических признаков, на основании которых осуществляется их классификация. В общепринятых классификациях чаще всего учитываются такие дифференциальные (различительные) признаки морфем:

- 1) роль в слове, которая определяется прежде всего характером выражаемого значения;
- 2) место в слове по отношению к другим морфемам;
- 3) выполняемая функция, или назначение.

§ 86. В зависимости от роли в слове, от характера выражаемого значения все морфемы того или иного языка подразделяются на морфемы корневые и служебные. Корневая морфема, в отличие от служебной (аффиксальной), считается основной частью слова [см.: Будагов, 1965, с. 227; Головин, 1983, с. 91; Маслов, 1987, с. 134]. Такое положение корневой морфемы в слове определяется конкретными признаками:

1) корневая морфема является «носителем основного лексического значения слова», морфемой, «закрывающей в себе основной элемент лексического значения слова», в то время как служебные морфемы выражают дополнительные лексические (или словообразовательные) и грамматические значения [см.: Степанова, 1953, с. 16; Янко-Триницкая, 1968, с. 534; РГ, т. 1, с. 124];

2) корневая морфема — обязательная составная часть слова/словоформы [см.: Ковалик, с. 41]¹; служебные же морфемы являются факультативными элементами слова/словоформы, например, во многих грамматически неизменяемых словах они отсутствуют (*ателье, кино, кенгуру, вчера, вопреки, кроме, увы* и др.);

3) корневые морфемы могут употребляться в сочетании со служебными морфемами и без них [см.: Земская, 1973, с. 23]; служебные морфемы употребляются в речи только в сочета-

¹ Утверждение, что в русском слове *вынуть* или нет корня, или он является нулевым, не соответствует действительности [см. § 79].

нии с корнями, они «никогда не употребляются самостоятельно» [Милославский, 1980, с. 240].

В подавляющем большинстве случаев по названным дифференциальным признакам можно безошибочно отличить корневую морфему от служебной. Однако встречаются и такие морфемы, для определения вида которых (т. е. причисления к корням или аффиксам) данных признаков явно недостаточно. В частности, морфемы *еже-*, *-лог*, *-тека*, употребляющиеся в словах типа *ежегодный*, *терминолог*, *дискотека*, в лингвистической литературе рассматриваются то как корни, то как аффиксы. С целью более строгого разграничения корневых и служебных морфем можно предложить такой критерий: корневыми считать морфемы, способные употребляться в данном языке вне сочетания с другими корнями, а морфемы, не употребляющиеся в отрыве от корней, рассматривать как служебные. Это позволило бы устранить существующие разногласия в определении морфемного статуса тех или иных значимых частей слова.

На основании рассмотренных выше признаков корневая морфема может быть определена как центральная морфема слова, обязательная для каждой лексической единицы, способная употребляться вне сочетания с другими корнями и служебными морфемами и выражающая основное лексическое значение слова. Служебная морфема — это морфема дополнительная, причем факультативная (необязательная в составе слова), неспособная употребляться вне сочетания с корнем, которая уточняет значение корня, т. е. выражает различные грамматические или дополнительные лексические (словообразовательные) значения слова.

§ 87. В известном смысле корневые морфемы являются свободными (могут употребляться вне сочетания с другими корнями и служебными морфемами), а служебные морфемы — связанными (употребляются только в сочетании с корнем). В то же время среди корневых морфем возможны корни связанные, а среди служебных — морфемы свободные, или относительно связанные. В этом проявляется некоторое сходство между корневыми и служебными морфемами.

Свободными служебными морфемами (или относительно связанными) называются аффиксы, формально и семантически

соотносящиеся с самостоятельными корневыми словами, т. е. употребляющиеся параллельно с ними в тех же значениях. Например, это глагольный префикс *до-* (ср.: *добежать*, *донести*, *доиграться*) и предлог *до* (ср.: *добежать до дома*) [см. § 84].

Связанными корнями принято называть такие корневые морфемы, которые в современном языке употребляются только в сочетании со словообразовательными аффиксами (префиксами, суффиксами). Например, в русском языке связанными являются корни таких слов, как: *агитатор*, *агитация*, *агитировать*; *рецензент*, *рецензия*, *рецензировать*; *робкий*, *робость*, *робеть*; *надеть*, *одеть*, *раздеть*; *звергнуть*, *свергнуть*, *отвергнуть*, *опровергнуть*, *ниспровергнуть*. Связанные корни имеются и в других языках, например в германских: англ. *ardent* ('пылкий'), *jealous* ('ревнивый'), *raucous* ('хриплый'); нем. *fertig* ('готовый') и др. [см.: Кубрякова, 1974, с. 124].

Корни, которые могут употребляться без словообразовательных аффиксов, называются свободными [см.: Немченко, 1994, с. 69].

§ 88. Многие лингвисты выделяют морфемы, занимающие промежуточное положение между корневыми и служебными морфемами. Их называют аффиксоидами (от *аффикс* и греч. *eidos* — вид), или полуаффиксами. Это такие морфемы, которые совмещают отдельные признаки корневых и служебных морфем. Аффиксоид (или полуаффикс) — это «компонент сложного или сложносокращенного слова... повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу — суффиксу (для последних компонентов сложных) или префиксу (для первых компонентов)» [РЯЭ-К, с. 43].

Аффиксоид может занимать в слове место перед корнем или после него. Аффиксоиды, располагающиеся после корня, называются суффиксоидами (или полусуффиксами). Это конечные компоненты таких слов, как: рус. *пароход*, *теплоход*, *электроход*, *вездеход*, *тихоход*; *паровоз*, *тепловоз*, *электровоз*; *оленовод*, *птицевод*, *пчеловод*; *пулемёт*, *миномёт*, *гранатомёт*; *трудоспособный*,

боееспособный; нем. *Arbeitsman* ('рабочий'; ср.: *Arbeit* — 'работа' и *Mann* — 'мужчина, человек'), *Kaufmann* ('купец, торговец'; ср.: *kaufen* — 'покупать'), *Seemann* ('моряк'; ср.: *See* — 'море'); *Arbeitslos* ('безработный'; ср.: *Arbeit* — 'работа' и *los* — 'свободный'), *hoffnungslos* ('безнадежный'; ср.: *Hoffnung* — 'надежда'); англ. *clocksmith* ('часовщик'; ср.: *clock* — 'часы' и *smith* — 'мастер по металлу'), *goldsmith* ('ювелир'; ср.: *gold* — 'золото'), *blacksmith* ('кузнец'; ср.: *black* — 'черный').

Находящиеся перед корнем аффиксоиды называются префиксоидами (или полупрефиксами). Это начальные компоненты некоторых сложных слов, например: рус. *полведа*, *полгода*, *полчаса*; *полумесяц*, *полушубок*, *полуголодный*, *полуживой*, *полусидеть*, *полупотухнуть*; *самозащита*, *самолечение*, *самообслуживание*; нем. *Hochachtung* ('глубокое уважение'; ср.: *hoch* — 'высокий, знатный' и *Achtung* 'внимание, уважение'), *hochfein* ('очень изысканный; высокого качества'; ср.: *fein* — 'нежный, чуткий').

Аффиксоидами обычно называются морфемы, соотносящиеся с корнями знаменательных слов. В то же время в качестве аффиксоидов иногда рассматриваются морфемы, которые соотносятся со служебными словами, в частности с предлогами (или предлогами-наречиями), например: рус. *добежать*, *извлечь*; нем. *aufstehen* ('вставать, подниматься'), *mitgehen* ('идти вместе, сопровождать'), *nachlaufen* ('бежать вслед, гнаться') и др. [см.: Степанова, 1953, с. 79; ЛЭС, с. 60].

Сходство аффиксоидов с корневыми морфемами проявляется в следующем:

1) как и прочие корни, аффиксоиды могут употребляться вне сочетания с другими корневыми морфемами или в отрыве от них;

2) их значения в основном соотносительны с лексическими значениями корневых морфем или основ [см.: Шанский, 1968, с. 93];

3) при них часто сохраняется соединительный элемент, что характерно для производных слов, образованных путем соединения разных основ или корней; ср.: рус. *паровоз*, *теплоход*, *пулемёт*; нем. *Arbeitsmann*, *arbeitslos*, *hoffnungslos*.

Сходство аффиксоидов с аффиксами обнаруживается в том, что их значения ввиду регулярности употребления приобретают обобщенный характер. В ряде случаев аффиксоиды и аффиксы употребляются параллельно, в сочетании с одними и теми же корнями; ср., например: рус. *славяновед* и *славист*, *рыболов* и *рыбак*, *садовод* и *садовник*, *Волгоград* и *Волжск*, *полумрак* и *сумрак*; нем. *Arbeitsmann* и *Arbeiter*. Показательно и то, что значения слов, которые в том или ином языке обычно выражаются с помощью аффиксоидов, в других языках могут быть выражены с помощью обычных аффиксальных морфем; ср.: нем. *Seemann* и рус. *моряк*, нем. *Kaufmann* и рус. *торговец*, нем. *arbeitslos* и рус. *безработный*, англ. *clocksmith* и рус. *часовщик*.

Классификация служебных морфем

§ 89. Служебные морфемы наиболее четко и последовательно различаются по месту, занимаемому по отношению к корню и другим морфемам. В зависимости от того, какое место служебные морфемы занимают в слове по отношению к корню, их можно разделить на три группы:

- 1) предкорневые морфемы (или префиксы — в широком смысле);
- 2) послекорневые (посткорневые) морфемы (или постфиксы — в широком смысле);
- 3) внутрикорневые морфемы (или инфиксы — в широком смысле).

В свою очередь, в каждой из названных групп служебные морфемы различаются в зависимости от места в слове по отношению к другим служебным морфемам; по этому признаку они подразделяются на определенные виды.

Служебные морфемы представлены в языках по-разному. Так, в русском и многих других индоевропейских языках широко используются предкорневые и послекорневые морфемы, но отсутствуют морфемы внутрикорневые. При этом в большинстве индоевропейских языков преобладают послекорневые морфемы.

Есть языки, в которых господствуют предкорневые морфемы (например, в суахили, распространенном в странах Восточной и Центральной Африки). Более того, в некоторых языках (например, в тайском) используются исключительно предкорневые морфемы.

Многие языки обходятся только послекорневыми морфемами: к ним относятся, например, языки алтайские, уральские, тюркские, монгольские, угро-финские, тунгусо-маньчжурские, эскимосский, японский, хинди.

Есть и такие языки, в которых представлены и предкорневые, и послекорневые, и внутрикорневые морфемы. Среди них такие языки, как латинский, литовский, английский, арабский, древнееврейский и др.

§ 90. Предкорневые морфемы [или пре́фиксы (от лат. *praeſixus* — ‘прикрепленный спереди’)] — это служебные морфемы, располагающиеся в слове перед корнем (т. е. слева от корня).

Для обозначения предкорневых морфем часто используется также термин «приставка», который менее удачен (в меньшей степени мотивирован) или «явно неудачен, так как “приставлять” можно и спереди и сзади» [Реформатский, 1967, с. 263]. Иначе говоря, данный термин в равной мере может быть использован также для обозначения послекорневых морфем (как и поступают, например, тюркологи).

Термин «предкорневая морфема» (как и термин «префикс» в широком смысле) используется для обозначения любой служебной морфемы, расположенной слева от корня. В то же время положение предкорневой морфемы в слове, ее место по отношению к другим морфемам, может варьироваться в зависимости от количества таких морфем в составе слова. Если в слове имеется один префикс, он располагается в абсолютном начале слова непосредственно перед корнем: *на-писать, про-читать, не-большой, раз-весёлый, со-автор, при-город, поза-вчера*. При наличии в слове двух префиксов один из них находится в абсолютном начале слова перед следующим префиксом, а другой — после предшествующего префикса непосредственно перед корнем: *на-при-нимать, по-на-строить, под-на-жать, по-за-растить, не-у-знаваемый, не-про-ходимый*. В тех случаях, когда в слове имеется большее количество префиксальных морфем, отдельные префиксы оказываются между другими префиксами: *по-при-на-ехать, по-при-о-деть, по-при-у-тихнуть*.

В языках, в которых используются преимущественно или только предкорневые служебные морфемы, возможны случаи сочетания большого количества префиксов в одном слове. Так, в языке суахили в глагольной словоформе *watasi-rokija* ('если они не придут') насчитывается пять служебных морфем, предшествующих корню *ja:*: морфема *wa* — означает 3-е лицо множественного числа, *ta* — будущее время, *si* — отрицание, *ro* — условность и *ki* является словообразовательным глагольным префиксом [см.: Реформатский, 1967, с. 264; Широков, 1985, с. 203].

В сложных словах предкорневые морфемы могут оказаться между разными корнями: *водо-о-чиститель*, *воздухо-на-греватель*, *электро-с-варщик*, *самолёто-вы-лет*, *свекло-у-борка*, *птице-от-кормочный*, *ското-про-гонный*, *пуле-не-про-биваемый*.

Среди предкорневых морфем встречаются аффиксы, которые при сочетании с другими аффиксальными морфемами регулярно употребляются либо перед другим аффиксом, либо после него. Например, в русском языке префикс *не-* обычно находится в абсолютном начале слова перед другим префиксом: *не-без-надёжный*, *не-за-конченный*, *не-на-сыт-ный*, *не-при-миримый*, *не-про-ходимый*, *не-со-из-меримый*, *не-у-язвимый*, *не-в-мешательство*, *не-воз-гораемость*, *не-в-далеке* и т. п. Исключения крайне редки: *за-не-мочь*, *за-не-здоровиться*, *раз-не-мочься*, *под-не-вольный*, *пре-не-приятный*, *раз-не-счастный* и др. В то же время в литовском языке аналогичная отрицательная морфема *ne-* всегда предшествует другому префиксу (при наличии его в слове). Такие префиксальные морфемы предлагается называть **предпрефиксальными**. В литовском языке глагольный аффикс (постфикс) возвратности *-si/-s* при наличии в составе глагола какой-либо префиксальной морфемы всегда занимает позицию после данного префикса. Ср.: *prašyti-s* ('проситься'), *pa-si-prašyti* ('попроситься'), *at-si-prašyti* ('попросить прощения, извиниться'), *at-si-nešti* ('принести с собой'), *ap-si-vesti* ('жениться'). Для обозначения подобных морфем предлагается использовать термин «постпрефикс» [см.: Общ. языкознание, 1972, с. 227].

§ 91. Служебные морфемы, расположенные в слове после корня (т. е. справа от корня), называются **послекорневыми**

морфемами [или постфиксами (от лат. *post* — ‘после’ и *fīxus* — ‘прикрепленный после’)]. В зависимости от места в слове, занимаемого послекорневыми морфемами по отношению к другим морфемам, среди них различаются суффиксы, постфиксы (в узком смысле) и окончания, или флексии.

Суффиксом (от лат. *suffixus* — ‘прикрепленный’) обычно называется послекорневая морфема, располагающаяся в абсолютном конце слова/словоформы или перед окончанием¹. Если в слове имеется два и более суффикса, один из них находится между корнем и следующим за ним суффиксом, другой — после предшествующего суффикса перед окончанием или в абсолютном конце слова, остальные — между двумя суффиксами (аналогично тому, как в подобных случаях располагаются префиксы): *велосипед-ист-ка*, *свар-оч-ный*, *учи-тель-ств-ова-ть*.

При наличии в слове двух и более суффиксов они располагаются в определенной последовательности, что так или иначе связано с выполняемой суффиксом функцией, выражаемым им значением. В русском языке, например, вначале употребляются словообразовательные суффиксы, за ними следуют грамматические: *бел-и-ть*, *посин-е-л*, *по-красн-е-вш-ий*, *силь-н-ее*, *силь-н-ейш-ий*. В некоторых тюркских языках (в казахском, киргизском, татарском и др.) в составе именных грамматических форм суффиксы располагаются в такой последовательности: непосредственно после корня употребляется суффикс со значением числа, после него следует суффикс со значением принадлежности (или притяжательности), затем — суффикс со значением падежа. Например, в киргизской словоформе *аталарымызда* (‘у наших отцов’) после корня *ата-* (‘отец’) следует суффикс *-лар-* (значение множественности), за ним — суффикс *-ымыз-* (обозначает притяжательность) и, наконец, *-да* (обозначает местный падеж).

В составе сложного слова суффиксы, как и предкорневые морфемы (префиксы в широком смысле), могут находиться

¹ Некоторые лингвисты суффиксами называют только такие послекорневые морфемы, которые используются для образования производных слов, выражают словообразовательные значения, т. е. словообразовательные послекорневые морфемы [см.: Реформатский, 1967, с. 264]. Данный термин нередко употребляется и в других значениях [см.: ОПМТ, с. 171].

между разными корневыми морфемами. Ср.: рус. *квaд-рат-н-о-гнездовой*, *комсомоль-ск-о-молодёжный*, *народ-н-о-демократический*; нем. *Arbeit-er-frau* ('жена рабочего'; от *Arbeiter* — 'рабочий' и *Frau* — 'жена'), *Erhol-ung-s-heim* ('дом отдыха'; от *Erholung* — 'отдых' и *Heim* — 'дом, жилище'), *Fisch-er-garn* ('невод'; от *Fischer* — 'рыбак' и *Garn* — 'сеть').

Постфиксом (в узком смысле) называется послекорневая морфема, находящаяся в слове после окончания или грамматического суффикса, например: рус. *какой-то*, *какая-либо*, *какие-нибудь*, *одевать-ся*, *одевала-сь*; лит. *maišyti-s* ('мешаться'), *prašyti-s* ('проситься'), *maišo-si* ('мешается'), *prašė-si* ('просился'); нем. *Kind-er-chen* ('детки'; от *Kinder* — 'дети'); в скандинавских языках при образовании форм возвратного залога после глагольной флексии прибавляется постфикс *-st*.

В отдельных случаях постфикс оказывается непосредственно после корня (или после так называемой нулевой грамматической морфемы): *отнёс-ся* (ср.: *отнес-ти-сь*, *отнес-л-а-сь*, *отнёс-ш-ий-ся*), *чей-то* (ср.: *чj-а-то*, *чj-у-то*, *чj-их-то*).

Постфикс как особый вид послекорневой морфемы выделен относительно недавно. В русском языкознании долгое время эта морфема рассматривалась (а некоторыми лингвистами и сейчас рассматривается) как суффикс. Многие языковеды по традиции называют постфиксы частицами, что менее удобно, поскольку термин «частица» используется также для обозначения слов одной из служебных частей речи.

Окончание [или флэксия (от лат. *flexio* — 'сгибание')] — это послекорневая служебная морфема, которая обычно располагается в абсолютном конце слова/словоформы. При наличии в слове постфикса окончание располагается перед ним. В составе некоторых сложных слов окончание может находиться внутри слова между разными основами: *изб-а-читальня* (ср.: *изб-ы-читальни*, *в изб-е-читальне*), *Галкин-а-Федорук* (ср.: *Галкин-у-Федорук*, *Галкин-ой-Федорук*), *тр-и-ста* (ср.: *тр-ёх-сот*, *тр-ём-стам*). В некоторых языках (например, в арабском) окончание может быть и в начале слова.

Специфической особенностью окончания (флексии), отличающей его от всех других служебных морфем, является комплексность. Окончания «присоединяются к основам как отдельные члены цельного комплекса, так что если дана восполняющая [т. е. служебная. — В.Н.] морфема *a*, то тем самым даны также восполняющие морфемы *b*, *c*, *d* и т. д. Между тем аффиксы присоединяются к основам каждый сам по себе». Они называются, соответственно, комплексными морфемами, в отличие от прочих служебных морфем, которые могут быть названы одиночными [Винокур, с. 399]. По другому определению, флексия — «это постфикс [в широком смысле. — В.Н.], меняющий свой вид вместе с изменением грамматической формы слова: *нов-ый*, *нов-ая*, *нов-ое*, *нов-ые*; *пиш-у*, *пиш-ешь*, *пиш-ет*, *пиш-ем*, *пиш-ете*, *пиш-ут*» [Головин, 1983, с. 93].

Говоря об окончании, находящемся внутри сложного слова, необходимо заметить, что в лингвистической литературе окончанием иногда называют отдельную часть слова, восходящую к флексийным морфемам, но утратившую комплексный характер. Некоторые ученые считают окончанием часть сложного слова, располагающуюся между двумя основами: например, в словах *дв-ух-местный*, *тр-ёх-метровый*, *пят-и-летний*, *ум-а-лишённый*, *немог-у-знайка*, *за-благ-о-рассудится* [см.: Потиха, с. 43]. Подобные звуки (звуко-сочетания), восходящие к падежным или личным окончаниям, не только утратили комплексный характер (ср.: *дв-ух-местный*, *дв-ух-местного*, *дв-ух-местному*, *дв-ух-местная*, *дв-ух-местные*), но и перестали выражать прежние грамматические значения. На этом основании они обычно рассматриваются как соединительные элементы сложных слов.

Противопоставление окончаний (как комплексных морфем) всем другим служебным морфемам (как морфемам одиночным) часто выражается терминологически: для обозначения служебных морфем, кроме окончаний, многие лингвисты используют термин «аффикс». Аффиксом называют «все морфологические части слова (кроме корня и флексии), реализующие семантику корня и принимающие участие в образовании слов и грамматических категорий». Иначе говоря, все служебные морфемы подразделяются на аффиксы и окончания [Будагов, 1965, с. 228;

см. также: Винокур, с. 399; Степанова, 1953, с. 17; Левковская, 1962, с. 82].

Как и многие другие лингвистические термины, термин «аффикс» неоднозначен. Он часто используется для именованя всех служебных морфем, включая и окончание.

Ср.: «В пределах структурно составных слов [т. е. слов, включающих не менее двух морфем. — *В. Н.*] в русском языке наблюдаются прежде всего два основных вида морфем: 1) корневые морфемы и 2) морфемы служебные, или аффиксы» [Шанский, 1968, с. 87];

«сегментные морфемы — части слов (части простых, синтетических словоформ) — разделяются на два больших класса: 1) корни и 2) некорни, или аффиксы» [Маслов, 1987, с. 133].

Так же используют термин «аффикс» и многие другие лингвисты [см.: Реформатский, 1967, с. 263; Янко-Триницкая, 1968, с. 534; Потиха, с. 31; Головин, 1983, с. 92; РГ, т. 1, с. 125; ЛЭС, с. 59; РЯЭ-К, с. 42].

Целесообразнее употреблять термин «аффикс» в первом из рассмотренных значений; во втором значении желательнее использовать термин «служебная морфема».

Неоднозначно используется в лингвистической литературе и термин «флексия». Чаще всего он употребляется как синоним слова «окончание».

Ср.: «Словоизменятельные постфиксальные морфемы называют флексиями... или окончаниями» [Земская, 1973, с. 30];

«морфемы... образующие формы слов, называются обыкновенно окончаниями (или флексиями), если эти морфемы выражают синтаксические отношения, например: *светл-ый, светл-ая, светл-ое, светл-ого, светл-ой* и т. д.» [Грамматика, 1953, с. 17]¹.

Термином «флексия» нередко обозначают все послекорневые служебные морфемы, выражающие грамматические значения, т. е. не только собственно окончания, но и грамматические суффиксы и постфиксы (в узком смысле). Ср.: «Суффиксы и флексии различаются по типу грамматического значения. Суффиксы — это постфиксы с деривационным [т. е. словообразовательным. — *В. Н.*] значением, а флексии — постфиксы с реляционным [т. е. собственно грамматическим. — *В. Н.*] значением»

¹ Примерно то же говорится о флексии и в других работах [см.: Степанова, 1953, с. 17; Левковская, 1962, с. 82; Головин, 1983, с. 93; Кодухов, 1987, с. 213; Грамматика, 1970, с. 32; РГ, т. 1, с. 125; СЛТ-А, с. 493].

[Реформатский, 1967, с. 264; см. также: Янко-Триницкая, 1971, с. 303; Милославский, 1980, с. 239; ЛЭС, с. 551].

Иногда термин «флексия» употребляется также в отвлеченном значении, для обозначения процесса словоизменения, как синоним термина «словоизменение» [см.: ЛЭС, с. 552; СЛТ-А, с. 493].

Что касается термина «окончание», то он используется в основном однозначно, хотя иногда (крайне редко) им обозначается любая послекорневая служебная морфема, находящаяся в конце слова: окончание в общепринятом значении, суффикс или постфикс [см.: Виноградов, 1947, с. 607; Винокур, с. 410].

Ввиду многозначности термина «флексия» для обозначения морфем рассматриваемого вида удобнее использовать термин «окончание».

§ 92. В некоторых языках одна и та же служебная морфема может занимать разное положение по отношению к корню. Так, в английском языке морфема *out* может выступать то в роли префикса (*outcome* — ‘исход’), то в роли постфикса (*comeout*). В литовском языке постфикс возвратности *-si/-s* при наличии в глагольной словоформе префикса регулярно занимает позицию между данным префиксом и корнем, т. е. выступает в качестве префиксальной морфемы. Такие морфемы, т. е. аффиксы, способные занимать в слове разное положение относительно корня, можно назвать подвижными и (или разноместными), префиксально-постфиксальными (или перемещаемыми). В научной литературе для обозначения подобных морфем иногда используются термины «постпрефикс» и «амбификс» [см.: Общ. языкознание, 1972, с. 227; ЛЭС, с. 59].

Среди подвижных служебных морфем (префиксов) есть и такие, которые, перемещаясь в постпозицию по отношению к корню, обособляются от основы, могут даже отделяться от нее другими словами. Такие морфемы иногда называют отделяемыми. Они широко употребляются, например, в немецком языке. Ср.: *ablegen* (‘снимать одежду’) — *Bitte legen Sie ab!* (‘Раздевайтесь, пожалуйста’); *anfangen* (‘начинать, приниматься за что-либо’) — *Was fange ich an?* (‘Что я должен делать’); *aufstehen* (‘вставать, подниматься’) — *Stehen Sie auf!* (‘Встаньте’); *aussehen* (‘выглядеть, иметь вид’) — *Er sieht gesund aus* (‘У него здоровый вид’). Нечто

похожее имеет место в скандинавских языках, где «постпозитивный артикль... связан, включен в форму слова [т. е. выступает как послекорневая служебная морфема. — В.Н.], а препозитивный — свободен, типа швед. *et hus* — ‘дом’, но *huset* и т. п.» [ЛЭС, с. 60].

Очевидно, отделяемыми могут быть не только подвижные, но и неподвижные аффиксы. В русском языке есть основания относить к такого рода аффиксам префиксы *ни-*, *не-*, *кое-*, входящие в состав отрицательных и неопределенных местоимений; ср.: *никто* — *ни от кого*, *ни к кому*, *ни с кем*; *ничто* — *не к чему*; *кое-что* — *кое за чем*. Существует и другая точка зрения на подобные языковые единицы, согласно которой предложно-падежные конструкции, соотносительные с исходными формами данных местоимений, рассматриваются как сочетания трех разных слов — отрицательной частицы, предлога и вопросительно-относительного местоимения.

Нередко морфемами называют сочетания двух аффиксов, расположенных по обе стороны корня (их обозначают как конфиксы, циркумфиксы, бификсы и др.). Для признания таких морфемных комплексов единичными морфемами нет достаточных оснований [см. § 83].

§ 93. Помимо предкорневых и послекорневых служебных морфем, т. е. префиксов и постфиксов в широком смысле, в ряде языков употребляются внутрикорневые морфемы [или разрывающие аффиксы, или йнфиксы в широком смысле (от лат. *in* — ‘в’ и лат. *fixus* — ‘вставленный’)]. Это служебные морфемы, которые располагаются в середине корня, разделяя его на части [см.: Будагов, 1965, с. 227; Реформатский, 1967, с. 267; Головин, 1983, с. 92; ЛЭС, с. 59; РЯЭ-К, с. 43]. Среди них различаются аффиксы непрерывные (или инфиксы в узком смысле) и прерывистые (или трансфиксы) [см.: Общ. языковедение, 1972, с. 224].

Чаще всего употребляются непрерывные внутрикорневые морфемы (или инфиксы в узком смысле). Это внутрикорневые аффиксы, состоящие из отдельных звуков (звукосочетаний), которые разделяют корень на две части и используются для образования производных слов или грамматических форм слов. Ср.: лат. *vi-n-c-o* (‘побеждаю’) — *vic-i* (‘победил’); *fi-n-d-o* (‘колю’) — *fid-i* (‘колол’); *la-m-b-an-o* (‘беру’) —

e-lab-on ('взял'); *ru-m-p-o* ('ломаю') — *rup-i* ('сломал'); лит. *ju-n-t-a* ('чувствует') — *jut-o* ('чувствовал'); *kri-n-t-a* или *kre-n-ta* ('падает') — *krit-o* ('падал'); *sni-n-g-a* ('снежит') — *snig-o* ('снежило'); *stri-n-g-a* ('застревает') — *srtig-o* ('застревал'); *klu-m-p-a* ('спотыкается') — *klup-o* ('спотыкался'); англ. *sta-n-d* ('стоять') — *stood* ('стоял'); тагальск. (один из языков индонезийской семьи) *s-um-ulat* ('писать'), *s-in-ulat* ('был написан') — *sulat* ('письмо').

В лингвистической литературе иногда высказывается мнение о наличии инфиксов и в русском языке. К ним относят, в частности, корневые гласные (например, [и] или [о] в некоторых глаголах и отглагольных существительных), чередующиеся с нулем звука и выражающие определенные значения: «Логически допустимо, например, считать гласные *и* и *о* в русск. *набирать*, *набор* и т. п. инфиксами, вставляющимися внутрь корня, а не интегральной его частью, чередующейся с “нулевым гласным”» [Общ. языкознание, 1972, с. 229]. Некоторые лингвисты считают наличие таких внутрикорневых морфем в славянских языках более вероятным, чем в других индоевропейских языках; например, в русском «есть разное чередование гласных: [э] — [’а]: *лечь* — *лягу*, *сесть* — *сяду*, что указывает исторически на соотношение с *-e*, *-en* (*leg-ti* — *le-n-g-ō*; *sed-ti* — *se-n-dō*), где обе формы “основные”, хотя значение “инфикса” *-n-* тоже неопределимо» [Реформатский, 1967, с. 268].

В. В. Виноградов своеобразным инфиксом называет морфему *-на-*, выделяющуюся в составе числительных от *одинадцати* до *девятнадцати* [см.: Виноградов, 1947, с. 306].

Есть языки (например, семитские), в которых корни состоят из одних согласных звуков. Например, в арабском, аккадском (ассиро-вавилонском), мальтийском, финикийском и древнееврейском языках в качестве внутрикорневых морфем могут выступать аффиксы, представляющие собой разные гласные звуки, окружающие отдельные согласные корни и в то же время отделяемые корневыми согласными друг от друга. Подобные морфемы называются прерывистыми аффиксами [или трансфиксами (от лат. *transfixus* — ‘пробитый, пронзенный’)]. Трансфиксы — это «аффиксы, которые, разрывая корень, состоящий из одних согласных, сами разрываются и служат “прослойкой” гласных среди согласных, определяя словоформу и оформляя ее грамматически» [Реформатский,

1967, с. 268]. Или: трансфиксы — это «прерванные аффиксы, проходящие сквозь прерванную основу» [Широков, 1985, с. 204]. При объяснении этот тип служебных морфем обычно иллюстрируется формами слов арабского языка, где, например, корень *ktb*, выражающий общую идею письма, может иметь такое грамматическое оформление: *k-a-t-a-b-a* ('писал'), *k-u-t-i-b-a* ('был написан'), *k-a-t-i-b-u* ('пишущий, писец'), *k-i-t-a-b-u* ('писание, написание, письмо, книга'), *u-kt-u-b* ('пиши'), *a-kt-a-b-a* ('заставил написать'), *ma-kt-a-b* ('место, время письма, школа') [см.: Реформатский, 1967, с. 269; Широков, 1985, с. 204; ЛЭС, с. 443].

§ 94. Все служебные морфемы (предкорневые, послекорневые и внутрикорневые), сочетаясь с корневыми морфемами, могут выполнять разные функции. В зависимости от выполняемой функции служебные морфемы делятся на два класса — морфемы словообразовательные [или деривационные, дериваторы (от лат. *dērivātio* — 'отведение')] и грамматические [или реляционные, релятивы (от лат. *rēlatīvus* — 'относительный')]; последние называются также формативами, формообразовательными, формообразующими или словоизменительными морфемами (в широком смысле).

Словообразовательные морфемы (деривационные) используются для образования производных слов [см. § 168 и др.]. Грамматические морфемы (реляционные) служат для образования грамматических форм слов [см. § 187]. В ряде случаев одна и та же морфема выполняет одновременно и словообразовательную, и грамматическую функции (например, флексия в словах *супруга*, *золотой*, *прохожий*).

Весьма неоднородные словообразовательные морфемы классифицируются по разным признакам, в частности, в зависимости от характера выражаемого значения, от степени участия в формировании лексических значений образуемых с их помощью производных слов. По этому признаку они делятся на мутационные (от лат. *mutātio* — 'изменение') и модификационные (от лат. *modificātio* — 'установление меры').

Мутационными морфемами считаются аффиксы, изменяющие значение производящего слова: например, суффикс со значением действующего лица *-ист* в словах типа *машинист*, *тракторист*, *велосипедист*. Модификационными морфемами называются аффиксы, которые лишь уточняют лексическое значение

производящего слова в каком-либо отношении: например, суффиксы существительных, обозначающие принадлежность лица к женскому полу, уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных или прилагательных, выделяющиеся в словах типа *актриса, студентка, вахтёрша, столик, молоденький*.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е аффиксы различаются (и иногда классифицируются) в зависимости от отношения к определенной части речи, а именно от того, слова какой части речи с их помощью образуются, в состав слов каких частей речи они входят (на основании этого признака различаются, например, аффиксы субстантивные, адъективные и глагольные); со словами (основами) каких частей речи сочетаются (по этому признаку выделяются морфемы присубстантивные, приадъективные, приглагольные и др.); кроме того, они различаются по способности/неспособности переводить слова из одной части речи в другую (по данному признаку различаются, соответственно, аффиксы межкатегориальные, или транспозиционные, и внутрикатегориальные, или нетранспозиционные, а также межкатегориально-внутрикатегориальные).

Г р а м м а т и ч е с к и е морфемы различаются между собой по характеру образуемых грамматических форм. По этому признаку они делятся на собственно словоизменятельные и собственно формообразовательные (или словоизменятельные и формообразовательные в узком смысле). Иначе говоря, среди грамматических морфем различаются «флективные (служащие словоизменению, образованию форм одного склонения или спряжения) и собственно формообразующие (формообразовательные), часто занимающие позицию между корнем и флексией» [ЛЭС, с. 60]. К собственно словоизменятельным морфемам (словоизменятельным в узком смысле) обычно относят окончания, что, в частности, выражается термином «флексионная (флективная) морфема»; к собственно формообразовательным морфемам (формообразовательным в узком смысле) — префиксы, суффиксы, постфиксы и инфиксы.

§ 95. Большинство словообразовательных морфем встречается в составе разных (двух и более) производных слов; они называются регулярными морфемами.

Среди регулярных словообразовательных морфем традиционно различаются морфемы продуктивные и непродуктивные. Продуктивные морфемы способны образовывать новые

слова в современном языке: например, суффикс прилагательных *-ск-* (ср.: *магнитогорский, светлогорский, чкаловский* и т. п.). Непродуктивными называются морфемы, которые в современном языке новых слов не образуют: например, суффикс отвлеченных существительных *-изн-* (встречается только в «старых» словах *белизна, желтизна, крутизна* и т. п.).

Но есть и такие словообразовательные морфемы, которые обнаруживаются в одном-единственном слове: например, словообразовательные аффиксы в словах *радуга* (ср. *дуга*), *стеклярус* (ср. *стекло*), *белёсый* (ср. *белый*); они называются нерегулярными морфемами (или уникальными).

§ 96. Служебные морфемы могут классифицироваться и по другим, менее важным признакам.

При функциональной характеристике служебных морфем (при их классификации по признаку выполняемой функции) нередко обращается внимание на стилистические различия между ними. Среди словообразовательных морфем наряду со стилистически нейтральными аффиксами выделяются аффиксы экспрессивные (или эмоционально окрашенные). К ним относятся, например, уменьшительно-ласкательные аффиксы, уничижительные суффиксы, или суффиксы с пейоративной оценкой (т. е. с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской).

Иногда в особую категорию выделяются морфемы (аффиксы, суффиксы), «функция которых заключается в выражении не нового лексического значения, а всего лишь новой стилистической окраски» [Шанский, 1968, с. 154; см. также: Земская, 1973, с. 125; Совр. рус. яз., 1981, с. 178].

В лингвистической литературе иногда говорится о служебных морфемах, выполняющих *формальные функции*, «чисто вспомогательные». Речь идет о соединительных элементах, объединяющих разные слова или основы в одну лексическую единицу, о глагольных тематических гласных, не выражающих языкового значения, и т. п. Содержательная сторона этих элементов «сводится к их соединительной функции, к указанию на принадлежность слова к тому или иному формообразовательному разряду и т. д.». Тем не менее они считаются морфемами, хотя и «формально-структурными (соединительными) и формально-классифицирующими» [Маслов, 1987, с. 135]. Их на-

зывают также асемантическими, пустыми, связочными морфемами, структурными аффиксами, основообразующими суффиксами и т. д. [см. § 80—82].

Известный интерес (например, с точки зрения возможностей сочетания морфем в слове) представляют фонетические особенности морфем, которые также могут быть положены в основу классификации. Все морфемы возможно классифицировать по таким фонетическим признакам, как, например:

1) количество образующих их звуков/фонем; по этому признаку все морфемы можно разделить на однофонемные, двухфонемные и многофонемные;

2) характер входящих в них звуков/фонем, принадлежность к гласным или согласным; различаются, соответственно, вокалические, консонантные и консонантно-вокалические морфемы;

3) характер начального и конечного звуков у двухфонемных и многофонемных морфем; различаются морфемы закрытые и открытые, прикрытые и неприкрытые¹;

4) количество слогов в составе морфемы; могут быть морфемы односложные, двусложные и многосложные.

Морфемы также различаются в зависимости от их происхождения. По этому признаку они делятся на исконные и заимствованные, которые во многих языках составляют значительную часть морфемного состава. Заимствованные морфемы можно классифицировать в зависимости от того, из каких языков они заимствованы. В русском языке, например, употребляется большое количество морфем, заимствованных из латинского, греческого, французского и немецкого языков. В английском языке широко используются морфемы, заимствованные из латинского и французского языков.

Основа слова

§ 97. Из школьного курса русского языка известно, что основа слова — это слово без окончания. Такое определение основы встречается и в вузовских учебниках, и в научной литературе, и в терминологических словарях [см.: Земская, 1973, с. 6; Совр. рус. яз., 1981, с. 133; Будагов, 1965, с. 228; Степанов, с. 113; ЛЭС, с. 353]. Если показатель неопределенной формы глагола

¹ Ср. аналогичную классификацию слогов [см. § 54].

(рус. *-ти/-ть*, бел. *-ць*, польск. *-с'*, лит. *-ti/-t*, нем. *-en* и т. д.) считать суффиксом (а не окончанием, как предлагается в школьных учебниках русского языка), основа может быть определена как часть слова без окончания и суффикса инфинитива [см.: Шанский, 1953, с. 17; Пастушенков, 1968, с. 33]. При таком понимании основы она выражает лексическое значение данного слова и, кроме того, может указывать некоторые его грамматические признаки: например, степень сравнения прилагательного или наречия, принадлежность глагольной формы к причастиям или деепричастиям (при наличии в составе основы соответствующего грамматического суффикса).

Если учесть, что слово как лексическая единица языка (лексема) — это не одна (основная, начальная) его форма, а совокупность всех грамматических форм данного слова [см. § 107], то основу необходимо определить как часть слова, которая остается после отделения от слова/словоформы всех грамматических морфем: не только окончания и суффикса инфинитива, но и иных грамматических морфем — суффиксов, префиксов и др.

Иначе говоря, основа — это «часть изменяемого слова, которая остается после отсечения словоизменятельных аффиксов (флексий и словоизменятельных суффиксов)» [Лопатин, 1977, с. 83; см. также: Арутюнова, с. 80; Грамматика, 1953, с. 18; Общ. языкознание, 1972, с. 364]. При таком толковании основы слова обращается внимание на то, что основа является общей для всех форм данного слова, это «часть слова, обязательно содержащая корень (или корни) и повторяющаяся без изменения своего морфемного состава во всех грамматических формах этого слова» [Маслов, 1987, с. 146]. Основа при таком ее понимании является носителем лексического значения/значений слова, но не выражает никаких грамматических значений [см.: Лопатин, 1977, с. 84].

В соответствии с приведенными толкованиями понятия основы различаются собственно основа слова (или лексическая основа) и словоизменятельная основа.

Собственно основой, т. е. основой слова как лексической единицы языка в целом (лексемы), следует считать часть слова, остающуюся после отделения от словоформы всех грамматических морфем — окончаний и аффиксов. Такая основа является единственной во всей парадигме (т. е. совокупности) грамматических форм слова, объединяет все его

формы в одной лексической единице как в формальном отношении (повторяется во всех без исключения грамматических формах данного слова), так и в семантическом (выражает лексическое значение/значения, сохраняющееся в любой из этих форм). Основы данного типа иногда называются основами формообразования [см.: Совр. рус. яз., 1978, с. 34; Цыганенко, с. 49], формообразовательными, формообразующими [см.: Маслов, 1987, с. 146] или лексическими [см.: Степанова, 1953, с. 18].

Основа как часть слова без окончания (или без окончания и суффикса инфинитива), которая может включать те или иные грамматические аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы и инфиксы), не может быть признана собственно основой слова потому, что она не является единственной в парадигме форм данной лексемы. Так, в парадигме форм глагола *бросить* в результате отделения от разных его форм окончаний и суффикса инфинитива получаются основы: *броси-* (в инфинитиве совершенного вида), *броса-* (в инфинитиве несовершенного вида), *бросил-* (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения совершенного вида), *бросал-* (в аналогичных формах несовершенного вида), *бросивш-*, *бросавш-*, *бросающ-* (в формах причастий), *бросив*, *бросая* (в формах деепричастий). Все эти и подобные им основы различаются также в семантическом отношении: при одинаковом лексическом значении они выражают разные грамматические значения. В лингвистической литературе основы данного типа нередко называются словоизменительными основами [см.: Совр. рус. яз., 1978, с. 102], основами словоизменения [см.: Совр. рус. яз., 1978, с. 25; Цыганенко, с. 49], основами словоформ [Лопатин, 1977, с. 107; Грамматика, 1970, с. 31; РГ, т. 1, с. 124].

Основы обоих рассмотренных типов, которые используются в грамматике (точнее — в морфологии) для образования различных грамматических форм слов, часто называются грамматическими (или морфологическими), а также словоизменительными (словоизменения) или формообразовательными (формообразования) в широком смысле [см.: ОПМТ, с. 125].

Некоторые лингвисты склонны рассматривать в качестве основы ту часть слова/словоформы, которая остается после отделения от него не только грамматических, но и словообразова-

тельных морфем. Точнее, под основой они понимают часть слова, повторяющуюся во всех его грамматических формах, а также в более простых однокоренных словах, от которых непосредственно образованы соответствующие слова, которыми они непосредственно мотивируются. С этой точки зрения в русском языке, например, «термины *заземление* (рад.) и *приземление* (ав.) содержат одну и ту же основу (основу слова *земля*)» [Левковская, 1962, с. 74; см. также: Шелякин, с. 13; Кубрякова, 1974, с. 289; Лопатин, 1977, с. 108].

При сочетании со словообразовательным аффиксом/аффиксами такая основа отличается от основы соответствующего производного слова и по своему лексическому значению/значениям; она выражает лишь основной компонент лексического значения основы производного от него слова, является его семантическим ядром. Для обозначения понимаемой таким образом основы используются термины с уточняющим определением: «производящая основа», «образующая основа», «деривационная основа», «первичная основа», «мотивирующая основа», «базовая основа», «словообразовательная (словообразующая) основа», «основа словообразования», «основа словопроизводства» [см.: ОПМТ, с. 123 и др.].

§ 98. По морфемному составу основы делятся на членимые и нечленимые. Членимая основа слова имеет в своем составе не менее двух морфем. При этом основы формообразовательные (в узком смысле, или лексические) признаются членимыми, если они содержат не менее двух корней или хотя бы один словообразовательный аффикс. Это основы таких слов, как, например: *лёт-чик*, *пере-лёт*, *бел-изн-а*, *по-бел-е-ть*, *чёрн-о-бел-ый*, *сам-о-вар*, *овощ-е-хра-ни-лищ-е*, *желез-н-о-дорож-н-ый*. Словоизменительную основу можно считать членимой, если в ее составе имеется не менее двух корней или хотя бы одна аффиксальная морфема — словообразовательная либо грамматическая. Членимыми считаются словоизменительные основы таких словоформ, как, например: *сам-о-вар*, *желез-н-о-дорож-н-ый*, *быстр-ее*, *по-молож-е*, *нов-ейш-ий*, *нес-ущ-ий*, *чита-вш-ий*, *сид-я*, *сказа-в*.

Членимые основы могут быть производными и непроизводными. Производной является членимая основа, в составе которой имеются словообразовательные аффиксы или же не

менее двух простых (нечленимых, корневых) основ. Иначе говоря, это все членимые формообразовательные (лексические) и словоизменительные основы (например, основы слов *лёт-чик, пере-лёт, сам-о-лёт, вечно-зелён-ый, рас-писа-ть-ся*). Все остальные основы, т. е. нечленимые основы, а также членимые словоизменительные основы, не содержащие словообразовательных аффиксов, считаются производными. Это основы слов/словоформ типа *рек-а, быстр-ый, нес-ти, молож-е, нов-ейш-ий, нес-ущ-ий, сид-я*.

Среди членимых основ можно выделить прерывистые основы (или разорванные, некомпактные) [см.: ОПМТ, с. 126]. Это такие основы, внутри которых располагаются словоизменительные морфемы, окончания, т. е. основы, разделенные словоизменительными морфемами на две части [см.: Лопатин, 1977, с. 84; РГ, т. 1, с. 124]. Прерывистыми являются, например, словоизменительные основы слов/словоформ, содержащие постфиксы: *кт-о-то, как-ой-нибудь, одевал-а-сь, собирал-и-сь, бра-тал-и-сь* и др. [см.: Немченко, 1997а, с. 8].

Нечленимая основа слова состоит из одной (корневой) морфемы, например: *дом, рек-а, сел-о, бел-ый, нес-ти*.

Принципы морфемного анализа

§ 99. Одной из основных задач морфемики как раздела языкознания (морфемологии) является разработка принципов морфемного анализа слова, т. е. вычленения морфем в составе полиморфемного слова. Иначе говоря, в задачи морфемики входит морфемный анализ слова, определение его морфемного состава и морфемной структуры. Под морфемным составом понимается совокупность морфем, составляющих данное слово. Ср.: «...морфемный состав слова представляет собой совокупность выделяемых в слове значимых частей» [Шанский, 1968, с. 7].

Морфемная структура слова может быть определена как взаимосвязь между морфемами, входящими в состав определенного слова/словоформы, известная последовательность расположения морфем в данном слове/словоформе, или морфемы данного слова в их взаимосвязях и взаимоотношениях [см.: Немченко, 1994, с. 151]. По мнению В. В. Лопатина, «морфемный анализ слов (иногда называется также морфо-

логическим) представляет собой один из возможных способов анализа структуры слова наряду с анализом словообразовательным... Морфемный анализ предполагает вычленение в слове (словоформе) всех составляющих его морфем и установление их значений» [ЛЭС, с. 313].

Деление слова на морфемы, т. е. морфемный анализ слова/словоформы, осуществляется в соответствии с определенными принципами. В русском языкознании для этого традиционно используется принцип двойного соотнесения анализируемого слова, т. е. сопоставления его с другими словами, имеющими один и тот же корень, и с разнокоренными словами, в которых повторяется одна и та же служебная морфема. Например, в слове *трактористы* окончание *-ы* выделяется на том основании, что наряду с данной грамматической формой имеются формы *тракторист*, *тракториста*, *трактористу*, *трактористов*, *трактористам* и др., в которых соответствующая фонема отсутствует, и, с другой стороны, она повторяется в аналогичных формах других слов: *столы*, *солдаты*, *бухгалтеры* и др.; суффикс *-ист* выделяется потому, что его нет в однокоренных словах *трактор*, *тракторный*, *тракторостроение* и т. п., и в то же время он повторяется в однотипных образованиях от других основ: *машинист*, *велосипедист* и т. д.

Необходимо заметить, что в соответствии с данным принципом могут быть обнаружены лишь регулярные служебные морфемы, повторяющиеся в разных словах, но не обнаруживаются морфемы нерегулярные, входящие в состав одного-единственного слова, такие, например, как суффиксы *-их* в слове *жених*, *-ев-* в слове *королева*, *-овь* в слове *любовь*, *-сн-* в слове *песня*, *-арус* в слове *стеклярус*. Для выделения в составе слова любой служебной морфемы достаточно сравнения анализируемой словоформы с другими формами данного слова (для выделения грамматических морфем) или с однокоренными словами (для выделения словообразовательных морфем).

Морфемный анализ слова/словоформы, определение его морфемной структуры начинают с выделения грамматических морфем, причем сначала устанавливают морфемы словоизменительные, затем формообразовательные. После отделения всех грамматических морфем от оставшейся части анализируемой словоформы, т. е. от лексической основы,

отъединяют словообразовательные морфемы путем последовательного сопоставления соответствующего слова с однокоренным словом, наиболее близким к нему по морфемному составу и по лексическому значению/значениям. Например, при определении морфемной структуры слова *запланированный* входящие в его состав морфемы выделяются в такой последовательности: окончание *-ый* (ср.: *запланированная, запланированную* и др.), суффикс *-nn-* (ср.: *запланировать, планировали* и т. д.), префикс *за-* (ср.: *планировать, планировали*), суффикс *-рова-* (ср. *план*).

Рассматриваемый принцип может быть использован при морфемном анализе слов многих языков, по крайней мере индоевропейских. Так, в немецком слове *Aufsuchungen* ('поиски, розыски') аналогичным образом выделяются окончание *-en* (ср.: *Aufsuchung* — 'поиск, розыск'), словообразовательный суффикс *-ung-* (ср.: *aufsuchen* — 'отыскивать, разыскивать'), префикс *auf-* (ср.: *suchen* — 'искать'). В составе латинского слова *vincō* — 'побеждаю' инфикс *-n-* выделяется путем соотнесения данной словоформы с формой прошедшего времени *vici*, в которой этот инфикс отсутствует. В литовском слове *sninga* — 'снежит' инфикс *-n-* обнаруживается при сопоставлении этой формы глагола с формой прошедшего времени *snigo* — 'снежило'.

Морфонология

§ 100. С морфемикой теснейшим образом связан раздел языкознания, который называется морфонологией [или фономорфологией (от греч. *morphē* — 'форма', *phōnē* — 'звук' и *logos* — 'наука, учение'), морфонемикой, морфофонемикой]. В нем морфемы изучаются с точки зрения звукового/фонемного состава. Морфонология (из морфофонология) обычно определяется как «раздел языкознания, изучающий фонологическую структуру морфем разного типа и использование фонологических различий в морфологических целях» [РЯЭ-К, с. 246]. Иначе говоря, это раздел языкознания, «изучающий связи фонологии и морфологии [точнее, морфемики. — В. Н.], исследующий особенности использования фонологических противопоставлений для выражения морфологических различий» [СЛТ-А, с. 499].

Как видно из определений, морфонология признается самостоятельным разделом языкознания. В то же время некоторые лингвисты рассматривают ее как часть морфемики [см.: Моисеев, 1987, с. 51]. Морфонология непосредственно связана со словообразованием, в связи с чем в ряде работ говорится о словообразовательной морфонологии [см.: Лопатин, 1977, с. 88]. По мнению Е. С. Кубряковой, морфонология «рассматривается либо как связующее звено между фонологией и морфологией и как самостоятельный, но не базисный уровень системы языка, либо как часть грамматики — “предморфология”, либо как область морфологии» [ЛЭС, с. 315].

Иногда (хотя и крайне редко) термин «морфонология» употребляется для обозначения определенного уровня языка, совокупности языковых явлений, изучаемых в рассматриваемом разделе языкознания [см.: РГ, т. 1, с. 8]. В этом значении употребляется также термин «морфонологическая система» [см.: СЛТ-А, с. 244; ЛЭС, с. 315; РЯЭ-К, с. 247]. Представляется целесообразным разграничить употребление рассматриваемых терминов: термины «морфонология» и «фономорфология» сохранить в качестве названий разделов языкознания, а для обозначения соответствующего уровня языковой системы, изучаемого в данном разделе языкознания, использовать термин «морфонемика» (морфофонемика).

§ 101. Морфонология как раздел языкознания (морфемики) имеет свой объект исследования и свои задачи. Ее объектом является, прежде всего, морфонема (морфофонема), которая считается «элементарной единицей морфонологии, предельным элементом означающего морфемы» [ЛЭС, с. 315]. В современном отечественном языкознании под морфонемой понимается ряд чередующихся фонем (или сочетаний фонем), употребляющихся в разных морфах одной и той же морфемы, или «всякий ряд взаимозаменяющихся в пределах морфемы фонем и их сочетаний, независимо от его происхождения, синхронной обусловленности, регулярности» [Лопатин, 1977, с. 291; см. также: Земская, 1973, с. 99; Цыганенко, с. 22; Шайкевич, с. 82; СЛТ-А, с. 244; ЛЭС, с. 315].

В качестве объекта морфонологии иногда рассматриваются также «фонологическая (звуковая и слоговая) структура морфем», «фонологическое варьирование морфем» [Моисеев,

1987, с. 51], «звуковой (фонологический) состав морфем разных типов и способы их противопоставления и различия... варьирование фонем в составе морфов одной морфемы, т. е. их альтернации (чередования)» [ЛЭС, с. 315] и некоторые другие явления.

Основной задачей морфонологии является изучение морфем с точки зрения их звукового/фонемного состава, определение их фонетической (фонологической) структуры. Кроме того, в задачи морфемики как раздела языкознания входит изучение различных «преобразований морфем при их объединении в морфемные последовательности в процессах формо- и словообразования... разных явлений на стыке морфем» [Там же].

§ 102. Особое внимание в морфонологии уделяется рассмотрению всевозможных фонетических изменений, происходящих на стыке морфем. Их принято называть **м о р ф о н о л о г и ч е с к и м и я в л е н и я м и** (или морфонологическими изменениями, морфонологическими преобразованиями). В русском языке, например, различаются такие типы (виды) морфонологических явлений: чередование звуков/фонем, усечение основ, наложение морфем и интерфиксация. Иногда к ним относят изменение места ударения.

Чередование звуков/фонем представляет собой взаимозамену звуков в составе определенной морфемы в разных случаях ее употребления, т. е. в разных словах/словоформах. В русском языке чаще всего чередуются конечные согласные основы в случае присоединения к ним служебных морфем: *друг — друж-ок — друз-ья, рук-а — руч-ной — прируч-ить, прос-ить — прош-ение, корм-ить — кормл-ение, тороп-ить — торопл-ивый*. Нередко наблюдается также чередование гласных в составе корневых или аффиксальных морфем, в том числе их замена нулем звука: *говорить — разговоривать, разбирать — разборка, сухой — сохнуть — засыхать; рожь — ржаной, соловей — соловьиный, лисий — лисья; взорвать — взломать, отодвинуть — оттолкнуть, гудок — гудка*.

Усечением основ называется сокращение основы, отделение ее конечной части при образовании нового слова или грамматической формы, т. е. использование в составе производного слова/словоформы неполной основы: *Камчатка — кам-*

чатский, Новосибирск — *новосибирец, можжевельник* — *можжевельовый, пальто* — *пальтишко, кенгуру* — *кенгуровый, широкий* — *ширина* — *шире*. Усечение основ возможно также при словосложении (основосложении), при образовании сложносокращенных слов разных типов: *авиационная бомба* — *авиабомба, электрическая лампа* — *электролампа, телевизионная передача* — *телепередача, городской комитет* — *горком, Московский государственный университет* — *МГУ*.

Наложением морфем [или аппликацией (от лат. *applicatio* — ‘прикладывание’), интерференцией (от лат. *inter* — ‘между’ и *ferens* — ‘несущий’)] принято называть совмещение на морфемном шве одинаковых звуков (или звукосочетаний), относящихся к разным морфемам данного слова. Различается наложение морфем полное и частичное.

П о л н о е наложение морфем представляет собой совпадение всего аффикса с определенной частью основы: *Брянск* — *брянский, Омск* — *омский, Малахов* (фамилия) — *Малахов курган, швартов* — *швартовый*.

Ч а с т и ч н о е наложение морфем проявляется в том, что с концом или началом основы совпадает не весь аффикс, а лишь часть его: *лиловый* — *лиловатый, коричневый* — *коричневатый, сопрано* — *сопрановый, такси* — *таксист; статья* — *встатья, иерей* — *архиерей*.

В составе сложных слов иногда наблюдается частичное наложение основ, называемое гаплоглией: *табакур* (ср.: *табак* и *курить*), *муравьед* (ср.: *муравей* и *едят*), *морфонология* (ср.: *морф* и *фонология*).

Под интерфиксацией понимается использование интерфиксов при сочетании слова со служебной морфемой либо (при более широком понимании интерфикса) основы со служебной морфемой или же с другой основой в составе сложного слова. Например: *ленточный, трижды, хлебозавод*.

Иногда к морфонологическим явлениям относится изменение места словесного ударения при образовании производных слов или грамматических форм слов¹.

¹ Подробнее о морфонологических явлениях в русском словообразовании и формообразовании см.: Земская, 1973, с. 77; Лопатин, 1977, с. 106; Немченко, 1994, с. 175; ОПМТ, с. 21, 40, 45, 48, 109, 192, 204.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Понятие лексики и лексикологии

§ 103. Обычно лексика (от греч. *lexis* — ‘слово, выражение’) определяется как совокупность слов языка, или словарный состав языка [см.: Головин, 1983, с. 53; РЯЭ-К, с. 207]. При этом иногда делаются существенные уточнения. Ср., например:

«лексика состоит из слов и устойчивых словосочетаний, функционирующих в речи наподобие слов» [Маслов, 1987, с. 85];

«в разряд лексических единиц включаются не только отдельные слова (цельноформленные единицы), но и устойчивые словосочетания (аналитические, составные единицы), однако основной лексической единицей является слово» [ЛЭС, с. 259].

Термином «лексика» обозначается не только словарный состав языка в целом, т. е. совокупность всех лексических единиц данного языка, но и отдельные части (или пласты) словарного состава [ср. значение этого термина в таких выражениях, как: «лексика бытовая», «лексика книжная», «лексика разговорная (поэтическая, деловая)»], совокупность слов, используемых каким-либо писателем (ср., например: «лексика Пушкина», «лексика Тургенева»), в каком-либо отдельном произведении (например: «лексика романа Л. Леонова “Русский лес”»).

Раздел языкознания, в котором изучается словарный состав языка, его лексика, называется лексикологией.

§ 104. Лексикология, как и другие разделы языкознания, имеет свой объект изучения и свои задачи. Объектом лексикологии являются слова, а также устойчивые словосочетания, фразеологизмы, т. е. лексические единицы языка в широком понимании этого термина.

Словарный состав языка изучается в лексикологии с разных сторон, в разных аспектах; этим определяются задачи данного раздела языкознания. Важнейшими из них являются:

1) определение понятия слова как основной единицы языка;

2) выяснение взаимоотношений между лексическими единицами и единицами других уровней языка;

3) определение границ слова, установление критериев его отдельности и тождества, разработка проблемы вариантности слова;

4) установление системных связей между лексическими единицами языка, парадигматических отношений между ними, классификация лексических единиц по разным признакам;

5) семантическая характеристика слова, определение таких понятий, как «лексическое значение слова», «семантическая структура слова», «структура лексического значения слова»;

6) классификация лексических значений слов по разным признакам;

7) изучение вопросов пополнения и развития словарного состава языка.

В зависимости от объекта исследования (лексика одного языка или нескольких языков) и от характера решаемых задач различается лексикология общая и частная. Общая лексикология изучает словарный состав языка как общечеловеческого явления, т. е. рассматривает вопросы словарного состава, его функционирования и развития, касающиеся разных языков, иначе — «устанавливает общие закономерности строения, функционирования и развития лексики». Частная лексикология исследует словарный состав одного языка [см.: Левковская, 1962, с. 21; Фомина, с. 5; ЛЭС, с. 260].

В зависимости от аспекта исследования лексики различается лексикология описательная и историческая. Описательная лексикология (или синхроническая) изучает словарный состав языка с точки зрения его функционирования на том или ином этапе развития данного языка. Историческая лексикология (или диахроническая) занимается изучением словарного состава языка/языков с точки зрения его формирования и развития. Предмет ее исследования «составляют история слов, формирование и развитие лексики, изменения в различных группах слов» [РЯЭ-К, с. 212].

Выделение исторической лексикологии как особого аспекта изучения лексики находит отражение в некоторых определениях лексикологии:

как «науки о словарном составе языка и закономерностях его исторического развития» [Головин, 1983, с. 19];

как «раздела науки о языке, изучающего словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии» [Шанский, 1964, с. 3].

Историческая лексикология занимается также изучением вопросов генетического родства разных языков, общности их происхождения, закономерностей развития словарного состава родственных языков. В рамках исторической лексикологии выделяется, соответственно, сравнительная лексикология (или сравнительно-историческая) [см.: Ахманова, с. 87; Виноградов, 1977, с. 162; Левковская, 1962, с. 23; Цейтлин, с. 47].

Одной из задач исторической лексикологии является объяснение происхождения лексических единиц языка, прежде всего слов. Этим занимается раздел лексикологии, называемый этимологией (от греч. *etymon* — ‘истина’ и *logos* — ‘учение’). В этимологии определяется древнее, первоначальное состояние (строение, форма, значение) исторически производных слов с утраченной мотивированностью путем сравнения с однокоренными словами родственных языков. В результате этимологического анализа установлено, например, что существительное *говядина* ранее мотивировалось словом *говядо* (‘бык’) и содержало корень *говяд-* и суффикс *-ин-*; существительное *кольцо* мотивировалось словом *коло* (‘колесо, круг’) и включало корень *кол-* и уменьшительно-ласкательный суффикс *-ыц* (ср. ф. род. п. *кольца*); существительное *ожерелье* мотивировалось словом *жерело* (‘горло’) и содержало, помимо корня, префикс *о-* и суффикс *-j-*.

Термин «этимология» употребляется и в более широком значении — для обозначения раздела лексикологии (или раздела языкознания), изучающего происхождение и историю отдельных слов и морфем [см.: СЛТ-А, с. 528].

Этим термином обозначается также: происхождение слова; комплекс исследовательских приемов, необходимых для выяснения происхождения слова; результат исследования этих приемов в виде решения или гипотезы о происхождении анализируемого слова [см.: ЛЭС, с. 596; РЯЭ-К, с. 643].

В лексикологии значительное внимание уделяется содержательной стороне языковых единиц, изучению их лексических значений. Причем, по утверждению некоторых лингвистов, проблемы значения лексических единиц являются

для нее наиболее существенными [см.: Маслов, 1975, с. 103]. В связи с этим выделяется особый раздел (подраздел) лексикологии, называемый семасиологией (от греч. *sēmasia* — ‘обозначение’ и *logos* — ‘учение’). Семасиология изучает вопросы, связанные с определением значения слова, вопросы однозначности (моносемии) и многозначности (полисемии), семантической структуры многозначных слов, структуры отдельных лексических значений слов, изменения и развития значений слов, утраты словом лексического значения (десемантизация), перехода слова в чисто грамматическое средство.

Термином «семасиология» обозначается также:

«раздел языкознания, изучающий значение (т. е. внутреннее содержание) различных языковых единиц (лексических, грамматических и др.)» [Калинин, 1978, с. 15];

«наука о значении языковых знаков любого уровня (от морфемы до словосочетания и предложения)» [Маслов, 1975, с. 103].

В рамках семасиологии выделяется ономасиология (от греч. *onomasia* — ‘обозначение’ и *logos* — ‘наука’) — «отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов» (РЯЭ-К, с. 289) или «раздел семасиологии, изучающий принципы и закономерности “обозначения” предметов и выражения понятий лексическими и лексико-фразеологическими средствами языков» [СЛТ-А, с. 288]. В некотором смысле ономасиология противопоставляется семасиологии, так как она основывается «на движении от обозначаемого предмета к средствам его обозначения, шире — от содержания к форме» [РЯЭ-Ф, с. 289].

Существует и более широкое понимание ономасиологии: данным термином называется также учение об обозначении внеязыковых объектов с использованием любых языковых средств (не только лексических), например, словообразовательных, грамматических [см.: РЯЭ-К, с. 289].

Особое место в словарном составе языка занимают имена собственные, или *о́нимы* (от греч. *ονομα* — ‘имя, название’), которые существенно отличаются от всех других слов прежде всего в семантическом отношении. В противоположность именам нарицательным имя собственное представляет собой

индивидуальное наименование определенного предмета или явления, служит «для выделения именуемого им объекта из ряда подобных» [см.: РЯЭ-К, с. 517; ЛЭС, с. 473]. Совокупность собственных имен называется ономастикой (греч. *onomastikē* — ‘искусство давать имена’) или, реже, онимией. Термином «ономастика» обозначается также раздел лексикологии, занимающийся изучением имен собственных.

В зависимости от категории объектов, называемых именами собственными, различаются: топонимика (от греч. *topos* — ‘место’ и *ὄνομα* — ‘имя’) — изучает топонимы, т. е. собственные названия географических объектов; антропонимика (ср. греч. *antṛōpos* — ‘человек’) — изучает антропонимы, т. е. собственные названия людей: фамилии, имена, отчества, псевдонимы, прозвища; зоонимика (ср. греч. *zōon* — ‘животное’) — изучает зоонимы, т. е. собственные имена, клички животных; астронимика (ср. греч. *astēr* — ‘звезда’) — изучает астронимы, т. е. собственные имена небесных тел, и др.

В рамках топонимики, в свою очередь, выделяются (по тому же признаку): ойконимика, которая занимается изучением ойконимов (ср. греч. *oikos* — ‘дом, жилище’), т. е. собственных названий населенных пунктов; гидронимика (ср. греч. *hydōr* — ‘вода’) — изучает гидронимы, т. е. собственные названия водных объектов; оронимика (ср. греч. *oros* — ‘гора’) — изучает оронимы, т. е. собственные названия особенностей рельефа; космонимика (ср. греч. *kosmos* — ‘вселенная’) — изучает космонимы, т. е. собственные названия зон космического пространства, созвездий; микротопонимика (ср. греч. *mikros* — ‘малый’) — изучает микротопонимы, т. е. индивидуализированные названия малых географических объектов: лесов, полей, урочищ и т. п.

Кроме слов, к лексическим единицам языка относятся также устойчивые словосочетания, или фразеологизмы. Их изучением занимается раздел лексикологии, который называется фразеологией (от греч. *phrasis* — ‘выражение’ и *logos* — ‘наука’). Этим термином называется также совокупность фразеологизмов того или иного языка, его фразеологический состав.

Значительную часть словарного состава языка составляет терминологическая лексика, образующая терминологическую систему данного языка, или его терминологию (от лат. *terminus* — ‘пограничный знак’ и греч. *logos* — ‘наука’). Под терминологию

гией обычно понимается совокупность терминов, «обозначающих понятия какой-либо специальной области знаний или деятельности» [РЯЭ-К, с. 558]. Этим термином нередко называют также раздел лексикологии или научную дисциплину, изучающую термины, терминосистемы [см.: Головин, Кобрин, с. 7; Кодухов, 1987, с. 159]. Некоторые лингвисты для обозначения данного раздела лексикологии также используют синонимичный термин «терминоведение» [см.: Головин, Кобрин, с. 6].

Иногда особо выделяется прикладная лексикология, которая охватывает лексикографию, перевод, лингвопедагогику и культуру речи [см.: ЛЭС, с. 260].

Термином лексикография (от греч. *lexikos* — ‘словесный’ и *graphō* — ‘пишу’) обозначаются разные понятия:

1) раздел языкознания (лексикологии), занимающийся разработкой теории составления словарей, вопросов описания лексики в словарях;

2) работа по составлению словарей, включая сбор и систематизацию лексического материала;

3) совокупность словарей какого-либо языка/языков того или иного типа/типов¹.

§ 105. Лексика и, соответственно, лексикология тесно связаны с другими уровнями (подсистемами) языка и разделами языкознания, прежде всего с грамматикой и словообразованием. Все эти разделы языкознания имеют в качестве объекта исследования с л о в о (хотя и изучают его с разных сторон, в разных аспектах), оперируют категориями значения и отношения (хотя в разных подсистемах языка эти категории проявляются по-разному). Ср., например, значения слов лексические [см. § 113], словообразовательные [см. § 169] и грамматические [см. § 179]; значения числа, выражаемые грамматическими формами числа (единственного, множественного, двойственного) и лексическими средствами (словами *много*, *мало*, *несколько* и др.); значения времени, переда-

¹ В лингвистической литературе многие из разделов (подразделов) лексикологии (семасиология, ономасиология, ономастика, этимология, фразеология, терминология, лексикография) нередко рассматриваются как самостоятельные разделы языкознания (наряду с лексикологией и другими разделами) или как отдельные науки о языке.

ваемые временными формами глагола и наречиями времени (*сегодня, вчера, завтра, давно, скоро* и др.) [см.: Будагов, 1965, с. 218].

В историческом плане связь лексики и словообразования заключается прежде всего в том, что образование новых слов является одним из важнейших путей пополнения словарного состава языка. При этом производные слова как основные единицы словообразовательной системы в процессе исторического развития языка часто превращаются в непроизводные (с синхронической точки зрения), т. е. перестают быть объектом изучения в подсистеме «словообразование». Связь лексики с грамматикой в этом плане обнаруживается, в частности, в том, что лексические средства языка — отдельные слова (лексемы) или словоформы (лэкссы) — в процессе языкового развития нередко переходят в средства грамматические. Лишаясь лексических значений, они становятся средством выражения грамматических значений. Так возникли, например, русская глагольная морфема (постфикс) *-ся/-сь* — восходит к возвратному местоимению *сь* («этот») в форме винительного падежа единственного числа, показатель сослагательного наклонения глагола *бы* — восходит к глаголу *быти* в форме одного из прошедших времен.

Лексика тесно связана и с другими языковыми уровнями, например с морфемикой [см. § 74].

Понятие слова

§ 106. Слово как основная единица лексики (лексического уровня языка) считается важнейшей, центральной единицей языковой системы. Слово — кратчайшая единица языка, способная обозначать явления действительности (предметы, признаки, действия, состояния, отношения и т. д.), выражать чувства, эмоции, волеизъявления человека. Именно слова в максимальной степени способствуют выполнению любым языком основной функции — служить средством общения людей, обеспечивать взаимопонимание между ними. Это подтверждается, в частности, тем, что степень владения языком (например, при изучении иностранных языков) определяется прежде всего объемом усвоенной лексики чужого языка.

На это неоднократно обращалось внимание в лингвистической литературе. «Когда говорят о языке, имеют в виду прежде всего слово. Без знания слов, притом большого их количества, нельзя знать язык, пользоваться им. Это особенно ясно видно при изучении иностранных языков. Если вы изучили звуковой состав чужого языка и его грамматику, вы никогда не сможете понимать этот язык, читать и тем более говорить на нем. ...Именно знание большого количества слов и умение ими пользоваться определяет степень владения языком. Вот почему слово является важнейшим элементом языка» [Земская, 1963, с. 5].

Слово есть «единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр, 1933, с. 111].

В каждом языке слов очень много. Если, например, количество звуков/фонем исчисляется в разных языках десятками, количество морфем (не считая корневых, которые часто равны отдельным словам) — сотнями, то количество слов исчисляется десятками и сотнями тысяч. При этом слова в каждом языке весьма неоднородны как по материальной структуре, так и по семантике и выполняемым функциям. «Несмотря на несомненную реальность слова как определенного языкового явления, несмотря на яркие признаки, ему присущие, оно очень трудно поддается определению. Это объясняется многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения» [Шанский, 1959, с. 42]. По утверждению некоторых лингвистов, «вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать» [Петерсон, 1925, с. 23].

Так как определение понятия слова считается исключительно сложной проблемой лексикологии и языкознания в целом, многие лингвисты, отказываясь от определения слова, ограничиваются указанием отдельных его признаков [см.: Валгина и др., 1966; Маслов, 1975; Степанов, 1975]. По словам В. В. Виноградова, «лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова» [Виноградов, 1947, с. 8—9].

Некоторые языковеды вообще не признают слово единицей языка или же считают, что понятие «слово» применимо не ко всем языкам. Существует мнение, что слова как особые языковые единицы отсутствуют в языках аморфных (или бесформенных, т. е. в таких, в которых нет словоизменения), например в китайском [см.: ЛЭС, с. 466].

В современной лингвистике при определении понятия слова обычно обращается внимание на такие его признаки, как наличие плана выражения (звуковой оболочки) и плана содержания (значения), способность выполнять номинативную функцию (т. е. называть определенные предметы и явления действительности), относительная самостоятельность¹. При этом нередко подчеркивается роль слова как важнейшей единицы языка.

Ср. некоторые определения понятия слова, сформулированные с учетом данной его особенности: слово — это «важнейшая “единица” языка, обозначающая явления действительности и психической жизни человека и обычно одинаково понимаемая коллективом людей, исторически между собой связанных и говорящих на одном языке» [Будагов, 1965, с. 12];

это «кратчайшее самостоятельное сложное историческое единство материального (звуки, “формы”) и идеального (значение)» [Там же, с. 151];

это «значимая самостоятельная единица языка, основной функцией которой является номинация (называние)» [Реформатский, 1967, с. 59];

это «звук или комплекс звуков, обладающий значением и употребляющийся в речи как некое самостоятельное целое» [Калинин, 1978, с. 16];

это «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, от-

¹ Самостоятельность слова проявляется не только в способности обозначать определенные предметы и явления действительности (в отличие от морфемы), но и в том, что оно в большинстве случаев может перемещаться в потоке речи, занимать в предложении разное место по отношению к другим словам, отделяться от соседних слов другими лексическими единицами (позиционная самостоятельность), а также выполнять определенные синтаксические функции: выступать в качестве отдельного однословного предложения и в роли того или иного члена предложения (синтаксическая самостоятельность) [см.: Маслов, 1987, с. 87].

ношений действительности, обладающая совокупностью семантических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [ЛЭС, с. 464].

В лексикологии слово выступает «в качестве одной из важнейших и непосредственно воспринимаемых единиц языка. Оно представляет собой единство знака (звуковой или графической оболочки) и значения — грамматического и лексического» [Новиков, 1982, с. 110].

В отечественном языкознании постоянно предпринимаются попытки уточнить понятие слова с учетом всех присущих ему существенных признаков, учесть при его определении «предельный минимум признаков, характерных для слова» [Шанский, 1964, с. 10], т. е. дать такое определение данного понятия, которое позволило бы противопоставить слово всем другим единицам языка. К таким признакам слова относятся:

1) фонетическая оформленность, т. е. выраженность звуком или сочетанием звуков (чем слово отличается от различных языковых моделей);

2) семантическая валентность, т. е. наличие значения (чем слово отличается от звука);

3) недвуударенность, т. е. невозможность иметь более одного основного словесного ударения (чем слово отличается от словосочетания, в том числе и фразеологического);

4) лексико-грамматическая отнесенность, т. е. прикрепленность к определенному лексико-грамматическому разряду, или части речи (чем слово отличается от морфемы);

5) лексическая непроницаемость, т. е. невозможность «вставки» внутрь слова других словесных единиц (чем слово отличается, например, от свободных словосочетаний, предложно-падежных конструкций) [см. там же, с. 21].

Если учесть все перечисленные признаки, то слово может быть определено как «лингвистическая единица [имеется в виду фонетически оформленная единица языка. — В. Н.], имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью» [Там же, с. 31].

При определении понятия слова нередко принимаются во внимание и другие признаки этой единицы языка, такие, как, например, цельнооформленность [в таком случае единицы типа

диван-кровать (ф. род. п. *дивана-кровати*), *пятьдесят* (ф. род. и дат. п. *пятидесяти*), *Соловьёв-Седой* (ф. твор. п. *Соловьёвым-Седым*), *Ростов-на-Дону* (ф. предл. п. *в Ростове-на-Дону*) и др. должны рассматриваться не как сложные слова, а как сочетания разных слов] или воспроизводимость (хотя воспроизводимыми являются и иные единицы языка, например, устойчивые словосочетания, или фразеологизмы).

Сформулированное по отношению к русскому языку, данное определение слова подходит и для многих других языков. Однако его нельзя считать универсальным: есть языки, в которых не все слова характеризуются указанным выше набором признаков. В ряде языков имеются, например, лексически проницаемые слова. Так, в немецком языке в словах с отделяемыми приставками между корнем и приставкой может употребляться местоимение; ср.: *aufstehen* ('встать, вставать') и *stehen Sie auf* ('[вы] встаньте'). В португальском языке служебное местоимение может располагаться между основой глагола и флексией будущего времени; ср.: *vos darei* и *darvosei* ('[я] вам дам') и др. [см.: ЛЭС, с. 465].

§ 107. Говоря о слове как единице лексического уровня языка, следует различать слово как единицу языковой системы и как единицу речи. Все, что было сказано о слове выше, характеризует его как единицу языка. В речи большинство слов используется в одном из формальных или семантических видоизменений. Слово как совокупность разных видоизменений называется лексемой, а конкретное видоизменение слова, конкретный его представитель в речи, — лексом (или лексой). Для обозначения внешних, формальных видоизменений слова можно предложить составной термин «формальный лекс» («формальная лекса»), для обозначения смысловых, семантических его видоизменений — термин «семантический лекс» («семантическая лекса»).

В качестве формальных видоизменений (или формальных лексов) грамматически изменяемых слов выступают прежде всего различные грамматические формы этих слов. Формальными лексами являются, например, формы разных чисел и падежей существительных, формы рода, числа и падежа прилагательных, а также краткие и полные формы и формы

степеней сравнения качественных прилагательных, формы лица, числа, времени, наклонения, вида и залога глаголов и т. д. В подобных случаях разные видоизменения слова (или лексы) различаются также своими грамматическими значениями. Кроме того, у многих слов (как грамматически изменяемых, так и неизменяемых) возможны формально выраженные видоизменения, не связанные с их грамматической семантикой, например: *калоша — галоша, ноль — нуль, обусловливать — обуславливать, твёрог — творог, п[о]эт — п[а]эт* и т. п. [см. § 108].

Семантическое видоизменение слов проявляется в том, что большинство слов в языках употребляется в разных значениях, т. е. слова представляют разные семантические лексы. Семантическими лексами являются многозначные слова в каждом отдельно взятом значении или оттенке значения.

Разные слова, независимо от количества возможных видоизменений (или лексов), в каждом конкретном случае используются в речи только в одном из возможных формальных видоизменений. Одно и то же слово не может быть употреблено в речи одновременно в разных грамматических формах. Как правило, не совмещаются в речи и семантические видоизменения слов: каждое многозначное слово в определенном контексте обычно используется только в одном значении.

Исключение составляют случаи каламбурного употребления слов, при котором одновременно обнаруживаются разные лексические значения. Такое явление называется дилогией (от греч. *di* — ‘дважды’ и *logos* — ‘слово, понятие’).

Например, в контексте *Меня высватать хотели. Не сумели убедить. Неохота из артели даже замуж **выходить*** (Тв.) глагол *выходить* обнаруживает два значения: 1) ‘покидать что-нибудь, какое-либо место, пределы чего-либо’ (выводится из сочетания данного слова с предложно-падежной конструкцией *из артели*); 2) ‘становиться чьей-либо женой’ (обнаруживается при сочетании с наречием *замуж*). Примеры из языка СМИ: *И Родина сужается до **родинки**; ...Вместо того чтобы **бить** стёкла и баклуши.*

§ 108. Для обозначения разных речевых видоизменений слов (как формальных, так и семантических) наряду с термином «лекс(а)» в современном языкознании употребляется также термин «вариант слова».

Вариантность слова обычно определяется с учетом общего понимания вариантности и вариантности языковых единиц в частности. «Под вариантами [в языке] понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой» [ЛЭС, с. 80]. Точнее, варианты слова — это такие видоизменения языковых единиц, которые «в части своих признаков сходны или идентичны, а в части признаков — различаются» [Омельянович, с. 32].

При таком понимании вариантности языковых единиц к вариантам слова обычно относят все лексы одной лексемы (как формальные, так и семантические), кроме грамматических форм слов. Как видно из примеров формальных видоизменений слов (*рельс — рельса, обусловливать — обуславливать, творог — творог* и др.), формальные лексы одной и той же лексемы в определенной части своей материальной оболочки схожи, в остальной части различаются между собой. Семантические лексы определенной лексемы частично совпадают, а частично — различаются по лексической семантике. Так, разные значения (семемы) существительного *доска* ('плоский срез дерева, получаемый путем продольной распилки бревна', 'большая пластина, на которой пишут мелом', 'щит для объявлений' и др.) имеет общий компонент (общую сему) — 'предмет с плоской поверхностью или плоскими поверхностями, обычно имеющий форму четырехугольника'. В то же время эти значения различаются такими компонентами (семами), которые характеризуют соответствующие предметы с точки зрения их назначения (предназначен или для изготовления чего-либо, или для писания мелом, или для вывешивания объявлений и т. д.).

В качестве вариантов слова рассматриваются иногда и его грамматические формы. Ср.: «В таком языке, как русский, и в очень многих других весьма важным видом языкового варьирования слова является его грамматическое варьирование, т. е. образование его грамматических форм, или с л о в о ф о р м (*пишу, пишешь, писать* и т. д.), в том числе и аналитических (*буду писать, писал бы*)» [Маслов, 1987, с. 90].

Грамматические формы слов не следует считать вариантами данных слов на том основании, что они различаются не только в формальном отношении, но и по своим грамматическим значениям.

Многие языковеды придерживаются более узкого понимания вариантности, считая вариантами слова лишь внешние его видоизменения, т. е. формальные лексы (семантические лексы вариантами слова не признаются). Ср.: «...сущность варьирования заключается в видоизменении внешней стороны слова — фонетической или грамматической, — не затрагивающем внутренней стороны слова — его лексического значения» [Рогожникова, с. 9]. Исчерпывающее определение варианта слова содержится в работах К. С. Горбачевича: «Варианты слова — это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)» [Горбачевич, 1978, с. 17].

Наиболее приемлемым представляется признание вариантами слова как формальных, так и семантических его видоизменений (или лексов). В таком случае варианты слов того или иного языка можно разделить на два основных типа — на варианты формальные и семантические (или лексико-семантические).

Формальными вариантами слова называются такие его видоизменения, которые различаются формальными, материально выраженными признаками. Обычно они подразделяются на варианты фонетические и грамматические (морфологические).

Фонетические варианты слова различаются определенными фонетическими признаками: фонемным составом, особенностями произношения отдельных фонем, местом словесного ударения или возможными комбинациями названных признаков. На этом основании среди фонетических вариантов слова можно выделить несколько разновидностей:

1) **фонемные** (фонематические) варианты, различающиеся фонемным составом: *ноль* — *нуль*, *калоша* — *гало-*

ша, тождество — тожество, седовласый — седоволосый, обусловливать — обуславливать;

2) а к ц е н т н ы е (акцентологические) варианты, различающиеся местом ударения: *твóрог — творóг, обеспéчение — обеспечéние, индустрéя — индúстрия, фено́мен — феноме́н, подро́стковый — подро́сткóвый, ина́че — и́наче;*

3) о р ф о э п и ч е с к и е (произносительные) варианты (иногда они называются фонетическими в узком смысле), различающиеся произношением отдельных фонем при совпадении фонемного состава: *п[ʌ]эт — п[о]эт, прог[r'е]сс — прог[рэ]сс, було[чн]ая — було[шн]ая;*

4) с м е ш а н н ы е варианты, различающиеся одновременно разными фонетическими признаками, например, фонемным составом и местом ударения (фонемно-акцентные, или акцентно-фонемные, варианты): *запасно́й — запáсный, исчерка́ть — исчёркать* и т. п.

В письменной форме речи различаются варианты слов графические и орфографические, которые в известном смысле примыкают к фонетическим вариантам. Специфика таких вариантов заключается в том, что возможные видоизменения в написании слов никак не отражаются на их звучании, произношении [см.: Немченко, 1990, с. 136].

Грамматические (морфологические) варианты слова различаются теми или иными грамматическими особенностями, которые в большинстве языков обычно выражаются с помощью морфем — окончаний, суффиксов и др.: *горн — горнó* (диал.), *рельс — рельса; зал — зала — зало; чай, ф. род. п. чая — чаю; тяжёлый, ф. сравн. ст. тяжелее — тяжельше* (устар.); *сломить, дееприч. сломив — сломя* [см.: Немченко, 1998].

В ряде случаев слова или отдельные словоформы различаются одновременно и грамматическими (морфологическими), и фонетическими признаками. Ср. варианты падежных форм: ф. предл. п. ед. ч. *в лóге — в логú*; ф. им. п. мн. ч. *редáкторы — редакторá, тра́кторы — тракторá.*

Это позволяет говорить о существовании вариантов слов промежуточного, смешанного типа, т. е. о вариантах ф о н е т и к о - г р а м м а т и ч е с к и х (фонетико-морфологических), в данном случае — о вариантах а к ц е н т н о - г р а м м а т и ч е с к и х (акцентно-морфологических).

Семантическими вариантами слова (или лексико-семантическими) называются такие его видоизменения, которые отличаются друг от друга в семантическом отношении, т. е. лексической семантикой. Иначе говоря, семантические варианты — это смысловые видоизменения многозначных слов: *рука* — ‘одна из верхних конечностей человека’, ‘почерк’, ‘сторона, направление’ и др.; *молодой* — ‘не достигший зрелого возраста’, ‘недавно начавший расти, существовать’, ‘недавно приготовленный (о продуктах, напитках)’ и др.; *идти* — ‘двигаться, переступая ногами’, ‘быть в действии, действовать (о механизме)’, ‘падать (об осадках)’ и т. д.

Обычно семантические варианты слова определяются как «различные значения многозначного слова» [Шанский, 1964, с. 61];

как разные «устойчивые значения» слова [Маслов, 1987, с. 102];

как «разные значения слова, реализующиеся в данных контекстах употребления» [СЛТ-А, с. 71] и т. п.

При таком понимании название «семантический вариант слова» используется как абсолютный синоним по отношению к термину «лексическое значение слова» и оказывается избыточным. Именно по этой причине многие лингвисты утверждают, что никакой семантической вариантности слова не существует [см.: Горбачевич, 1978, с. 4].

В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что семантический (лексико-семантический) вариант слова — это не отдельное лексическое значение многозначного слова, а само многозначное слово в одном из его значений. Данная мысль четко сформулирована Л. А. Новиковым: «...лексико-семантический вариант — минимальная речевая единица коммуникации (единство языкового значения и внешнего знака)»; «подобно слову, лексико-семантический вариант является двусторонней единицей: это единство материального знака (т. е. звуковой, графической оболочки), представленного рядом грамматических форм, и элементарного значения» [Новиков, 1982, с. 49, 113]. Именно такое понимание семантического варианта слова сближает данное понятие с понятием формального варианта слова — фонетического и грамматического.

Имеются основания для того, чтобы наряду с формальными и семантическими вариантами слова выделить промежу-

точный тип — формально-семантические варианты. Это такие видоизменения слова, которые различаются между собой и в формальном, и в семантическом отношении. Ср.: *хлеб*, ф. мн. ч. *хлебы* — в значении ‘изделие из муки определенной формы’; *хлеб*, ф. мн. ч. *хлеба* — в значении ‘зерновые культуры на корню’; *хлеб*, только ф. ед. ч. — в значении ‘зерно, перемалываемое в муку’;

зуб, ф. мн. ч. *зубы*, *зубов*, *зубам...* — в значении ‘костный орган во рту’; *зуб*, ф. мн. ч. *зубья*, *зубьев*, *зубьям...* — в значении ‘острый выступ на чем-либо, зубец’;

музыкальный, кр. ф. *музыкален* — в значении ‘способный к музыке, тонко понимающий ее’; *музыкальный*, только к в полной форме — в значении ‘относящийся к музыке’.

Можно классифицировать варианты слов и по другим признакам, например, в зависимости от того, отражается варьирование слова во всех его грамматических формах или только в некоторой части форм. По этому признаку среди формальных вариантов слов различаются варианты полные (или абсолютные) и неполные (или частичные) [см.: Немченко, 1990, с. 152].

Варианты многих слов, относящиеся к разным типам, различаются в стилистическом отношении, что позволяет говорить о стилистических вариантах слова — разговорных, просторечных, поэтических и др. [см. там же, с. 41].

О границах слова

§ 109. По ряду признаков слово (лексема) сближается с другими единицами языка, прежде всего с морфемой и словосочетанием (шире — с сочетанием слов). Не всегда достаточно отчетливо представляются различия между лексемой и ее лексемами — словоформами, вариантами слова. Для более полного представления о слове как основной единице языка очень важно решить вопрос о границах слова, об отграничении слова от других единиц языка¹.

Решая этот вопрос, обычно выделяют две сложные проблемы: 1) отдельности слова, т. е. отграничения слова от

¹ Рассмотрению этого вопроса посвящен ряд специальных исследований: Жирмунский, 1961; Смирницкий, 1952, 1954; Панов, 1956; Пешковский, 1975. См. также: Виноградов, 1947, с. 31; Шанский, 1959, с. 42; Левковская, 1962, с. 35, 269; Маслов, 1987, с. 86.

смежных по сложности единиц — морфемы и словосочетания, и 2) тождества слова, т. е. разграничения слова и возможных его видоизменений, лексемы и ее лексов — словоформ, вариантов слова.

§ 110. Проблема отдельности слова заключается в определении границ между словом и морфемой, с одной стороны, и между словом и сочетанием слов — с другой.

Ср.: «Проблема отдельности слова расчленяется на два отдельных вопроса: а) вопрос выделимости слова, представляющий собой вместе с тем и вопрос о различии между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.), и б) вопрос о различии между словом и словосочетанием» [Смирницкий, 1952, с. 187].

В определении границ между словом и морфемой (частью слова) спорным является вопрос о морфемном или лексемном статусе так называемых вспомогательных слов в составе аналитических (сложных, составных) грамматических форм [например, нем. *werde*, рус. *буду* в аналитических формах будущего времени глагола (*буду читать*), *бы* в формах сослагательного наклонения (*почитал бы*), *более* в форме сравнительной степени прилагательного или наречия (*более красивый/красиво*) и т. п.]. Такие единицы формально напоминают лексемы (слова), а по выполняемой функции представляют собой отдельные части слов, точнее, определенных грамматических форм слов, т. е. обнаруживают сходство с морфемами. В языках, в которых имеются артикли и послелоги, эти элементы занимают аналогичное положение [см. § 84, 188].

Неоднозначно оцениваются в этом плане так называемые отделяемые (отделимые) глагольные префиксы типа нем. *auf-*, которые в одних случаях употребляются в препозиции по отношению к основе глагола, т. е. как обычные префиксы (ср.: инф. *aufstehen* — ‘встать, вставать’, ф. наст. вр. *aufstehe* — ‘встаю’), в других — употребляются в постпозиции и могут быть отделены от основы различными словами, т. е. уподобляются лексемам (ср.: *Ich stehe auf* — ‘я встаю’, *Stehen Sie auf* — ‘вы вставайте’; *Ich stehe früh auf* — ‘я встаю рано’). В языкознании подобные элементы обычно квалифицируются как префиксальные морфемы. Иногда

они рассматриваются как префиксоиды, или полупрефиксы [см.: Степанова, 1953, с. 315]. Некоторые лингвисты считают их самостоятельными словами — наречиями, а содержащие их глагольные образования — фразеологическими словосочетаниями [см.: Левковская, 1956, с. 216].

В русском языке аналогичное явление представляют элементы *ни-*, *не-*, *кое-* в составе отрицательных и неопределенных местоимений типа *никто*, *ничто*, *кое-какой*, потому что в формах косвенных падежей они могут быть отделены от производящих относительных местоимений предлогами: *ни к кому*, *не о чем*, *кое с каким*. В этом случае такие начальные элементы рассматриваются либо как префиксы, либо как частицы, т. е. служебные слова [см. § 92].

Для разграничения слов и служебных морфем в рассматриваемых и других подобных случаях рекомендуется использовать разные критерии. А. И. Смирницкий, например, обращает внимание на смысловые различия между словом и частью слова: «Очевидно, что целое слово отличается от части слова определенной смысловой значимостью, которую часть слова не обладает: последняя потому и выступает как только часть слова, что ей недостает этой значимости, являющейся как бы предварительным условием грамматического соединения данной единицы с другими аналогичными единицами в связную речь, в предложении. Такими единицами являются именно слова (кроме того, так называемые фразеологические единицы как составные эквиваленты слов)» [Смирницкий, 1952, с. 188].

Н. М. Шанский особо подчеркивает различия между словом и отдельной его частью (морфемой) в формальном, грамматическом отношении: «От морфем слова отличаются своей структурно-грамматической оформленностью, тем, что это структурные единицы, имеющие определенные грамматические свойства. Последнее совершенно не характерно для морфем, являющихся мельчайшими значимыми единицами языка, строительным материалом для этого структурно-грамматического оформления слова». И далее: «Слово выступает всегда как лексико-грамматическое единство. Что касается морфемы, то она или является лишь указанием на определенное лексическое значение, или же несет определенные грамматические функции» [Шанский, 1959, с. 44—45]. Ср. также: «...в отличие от морфемы, слово выступает как элемент предложения (морфема существует лишь в слове)» [Там же, с. 42—43].

Не менее сложным представляется и вопрос о словарном (или лексемном) статусе конструкций типа рус. *более красивый, буду читать, писал бы, ни к кому*, нем. *stehe auf*, т. е. вопрос о разграничении слов и сочетаний слов.

Известные трудности возникают при разграничении слов и таких составных конструкций, как, например:

1) раздельнооформленные составные (сложносоставные) существительные типа *вагон-ресторан, диван-кровать, изба-читальня, платье-костюм, Москва-река, Соловьёв-Седой*, т. е. слова, оба компонента которых грамматически изменяются (ср.: *вагона-ресторана, дивана-кровати, избы-читальни, платья-костюма, Москвы-реки, Соловьёва-Седого*);

2) составные числительные типа *двадцать пять, сто тридцать девять, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой*;

3) предложно-падежные конструкции с наречной семантикой типа *в виду, в упор, на днях, на ходу, на слух*;

4) составные вводные слова (или модальные словосочетания) типа *так сказать, иначе говоря, к сожалению, к общему восхищению, по всей вероятности, по крайней мере, в конце концов*;

5) составные предлоги типа *в дали от, в отличие от, впрямь до, по отношению к, согласно с*;

6) составные союзы типа *так как, так что, только что, потому что, несмотря на то что, прежде чем, вместо того чтобы*.

Подобные конструкции одними лингвистами рассматриваются как лексические единицы, составные слова, другими — как сочетания отдельных слов.

Ср.: «Устойчивое словосочетание [выделено нами. — В. Н.] *ни о ком* является формой слова [выделено нами. — В. Н.] *никто*, так же как аналитические формы типа *буду писать...* являются формами глагола *писать*» [Жирмунский, 1961, с. 6] — здесь одни и те же конструкции называются одновременно и словосочетаниями, и формами слова, т. е. лексами определенной лексемы;

«отсутствие четких критериев разграничения сложного слова и словосочетания... привело исследователей немецких сложных слов к выдвиганию понятия раздельнооформленных сложных слов (точнее — “сложных слов с дистантным расположением компонентов”...), понятия, которое стойко продолжает держаться в немецкой лингвистике... главным образом в приме-

нении к глагольным образованиям типа *aufstehen — stand auf — aufgestanden* (вставать)» [Левковская, 1962, с. 268];

«продуктивным способом с л о в о о б р а з о в а н и я [выделено нами. — В. Н.] в сфере числительных является лишь способ с о п о л о ж е н и я, при котором новое числительное образуется путем объединения в целостную единицу двух или более отдельных слов (*сто сорок два, тысяча двести тридцать семь, двадцать девять тысячных* и т. д.)» [Совр. рус. яз., 1964, с. 98];

«существует вполне обоснованный подход к предложно-падежным формам как к единым языковым образованиям, в которых грамматическое значение выражено комплексом двух явлений: предлогом и падежным окончанием» [Супрун, с. 98].

Предлоги *потому что, благодаря тому что, в соответствии с, при помощи, с помощью* и т. п. некоторые лингвисты называют «неполнозначными фразеологическими единицами (фразеологическими единицами служебного характера)»; в то же время «в самых различных языках подобного рода образования, поскольку они представляют собой эквиваленты слов, часто (стихийно) рассматриваются как слова» [Левковская, 1962, с. 36].

Лinguисты предлагают разные критерии разграничения слов и сочетаний слов: «...в каждом конкретном языке складываются определенные конститутивные признаки и у сложного слова и у синтаксического целого. Иногда это специфические схемы ударения (с разным размещением главных и второстепенных ударений), иногда особые написания (слитные для сложений и раздельные для словосочетаний), чаще же всего — различное оформление компонентов сложного слова по сравнению с составными частями синтаксических единиц» [Кубрякова, 1965, с. 27]. Для разграничения рассматриваемых единиц современного русского и ряда других языков используются такие критерии, как, например, фонетический, акцентный (акцентно-фонетический), структурный, морфологический, семантический и др.

Практически слово и словосочетание нередко разграничиваются по «пробелам» в речевом потоке, т. е. на основании фонетического критерия. Суть данного критерия заключается в том, что слово в потоке речи выделяется паузами, а потому словом считается отрезок речи, произносимый с паузами до и после него. Это значит, что словосочетания делят-

ся (точнее, допускают деление) паузами на определенные части, т. е. слова́, в то время как внутри слова паузы отсутствуют. Данный критерий разграничения слов и словосочетаний носит весьма условный характер и не может считаться надежным. В потоке речи паузы между словами обнаруживаются далеко не всегда. При быстром темпе речи они, как правило, отсутствуют. Служебные слова, особенно те из них, которые представлены согласными звуками (например, предлоги *в, к, с*), всегда произносятся слитно со знаменательным словом, к которому они относятся.

В фонетическом аспекте многие слова отличаются от сочетаний слов тем, что могут иметь только одно основное словесное ударение, т. е. характеризуются одноу́даренностью (или недвуу́даренностью). Этот акцентный (акцентологический, фонетико-акцентологический) критерий тоже не является универсальным. При определении понятия слова по указанному признаку слова́ отличаются от словосочетаний (фразеологизмов и свободных сочетаний слов), включающих не менее двух знаменательных слов. В то же время по этому признаку слова́ не отличаются от предложно-падежных и иных конструкций, содержащих только одно знаменательное слово, имеющее словесное ударение. В таких конструкциях служебные слова в потоке речи сливаются со словами знаменательными, образуя вместе с ними так называемые фонетические (или акцентные) слова.

На письме слова отличаются от словосочетаний тем, что они отделяются друг от друга пробелами, или интервалами. Согласно этому так называемому графическому критерию, словом признается «последовательность знаков [точнее, звуков. — В. Н.], ограниченная пробелом» [ЛЭС, с. 465]. Данный критерий, так же как и рассмотренные выше, не отражает действительного соотношения слова и сочетания слов, что объясняется условностью орфографии. Условный характер носит, например, слитное/раздельное написание форм типа *налицо* и *на глазок*, *навытяжку* и *на побегушках* [см.: Маслов, 1975, с. 108].

Можно привести случаи, когда в разных языках тождественные по значению единицы неодинаково оформляются на письме. Так, в русском языке глагольная морфема *-ся/-сь*, восходящая к форме винительного падежа единственного числа возвратного местоимения, пишется слитно с глаголом

(и в соответствии с этим рассматривается как часть слова — морфема), а в польском языке аналогичная единица *się* пишется с глаголом раздельно (и соответственно квалифицируется как самостоятельное слово — возвратное местоимение). В русском языке частица *не* с глаголом пишется раздельно, а в литовском соотносительная с ней языковая единица *ne* — слитно. В русском языке принято полуслитное (через дефис) написание для сложных (составных, сложно-составных) слов типа *диван-кровать*, *плащ-палатка*, *чёрно-серый* и для сочетаний существительных с приложениями типа *мать-старуха*, *студент-отличник*, *художник-самоучка*. Отмечается, что «слитность или раздельность подчас различна лишь в написании» и зависит от переменчивости орфографии, не всегда разумной. «Канцелярский произвол решает, быть ли населенному пункту *Новой Каховкой*, *Ново-Каховкой* или *Новокаховкой*» [Никонов, с. 90].

Одним из существенных отличительных признаков слова [см. § 106] является лексическая непроницаемость, т. е. невозможность включения внутрь слова других лексических единиц (структурный критерий разграничения слова и словосочетания, или критерий структурной цельности слова). На основании структурного критерия словами (не сочетаниями слов!) считаются составные наречия, модальные слова, предлоги, союзы, которые по другим критериям относятся к сочетаниям слов.

Сложные (составные, сложносоставные) слова, в отличие от сочетаний слов, по мнению некоторых ученых, характеризуются морфологической цельюоформленностью, т. е. морфологически изменяется только один из компонентов сложения (морфологический критерий). Ср.: «В отличие от словосочетания слово может быть характеризовано как обладающее цельюоформленностью. ...В отличие от слов как цельюоформленных образований словосочетания могут быть определены как образования раздельнооформленные» [Смирницкий, 1952, с. 197]. Данный критерий не распространяется на морфологически неизменяемые слова, в частности на служебные слова, которые «вообще не обладают морфологической оформленностью, характерной для большинства знаменательных слов» [Жирмунский, 1961, с. 4]. К тому же в некоторых языках, например во французском, отдельные морфологические оформления могут получить разные части

сложного слова [см.: ЛЭС, с. 465]. Ср. также русские образования типа *диван-кровать* (ф. род. п. *дивана-кровати*), которые по целому ряду признаков относятся к словам (не к сочетаниям слов).

Некоторые лингвисты (А. А. Реформатский, В. М. Жирмунский, Л. Ельмслев и др.), говоря о соотношении слова и сочетания слов, о различии между ними, особо подчеркивают роль семантического фактора, считая словом все, что выражает одно определенное значение (семантический критерий, или критерий семантического единства), признавая, таким образом, что «критерий семантического единства является основным и обязательным признаком каждого слова, в том числе сложного» [Жирмунский, 1961, с. 21].

При таком подходе к разграничению слов и сочетаний слов следовало бы признать словами многочисленные раздельно-оформленные единицы языка, традиционно рассматриваемые как словосочетания. Прежде всего это были бы фразеологизмы и составные термины, имеющие однокоренные параллели в данном языке или в других языках: *белый гриб* (ср. *боровик*), *стенная газета* (ср. *стенгазета*), *высшее учебное заведение* (ср. *вуз*), *распределение пара* (ср. *парораспределение*), *порядок слов* (ср. *словопорядок*), *шоссейная дорога* (ср. *шоссе*), *железная дорога* (ср.: нем. *Eisenbahn*, от *Eisen* — ‘железо’ и *Bahn* — ‘путь, дорога’; лит. *geležinkelis*, от *geležinis* — ‘железный’ и *kėlias* — ‘дорога’).

§ 111. Проблема тождества слова предполагает решение вопросов, связанных с разграничением слова (лексема) и всевозможных его видоизменений (лексов). К данной проблеме относятся вопросы разграничения слов и их грамматических форм, с одной стороны, и слов и их семантических (лексико-семантических) вариантов — с другой.

По определению В. Г. Гака, «проблема тождества слова включает два аспекта: а) вопрос о принадлежности разных грамматических форм одному слову... и, в связи с этим, определение критериев отграничения словоизменения от словообразования...; б) вопрос о принадлежности разных употреблений одного звукового комплекса одному слову и, в связи с этим, определение критериев отграничения полисемии и омонимии» [ЛЭС, с. 465].

Много дискуссионного в разграничении слов и грамматических (морфологических) форм слов. Это относится, например, к причастию (форма глагола, или отглагольное прилагательное, или слово особой части речи?), деепричастию (форма глагола или наречие?), видовым, залоговым формам (формы глагола или самостоятельные слова?), порядковым словам типа *второй, пятый, сороковой, трёхтысячный* (имя числительное или отчислительное прилагательное?), формам сравнительной степени прилагательных (адъективная грамматическая форма или слово особой части речи, называемой иногда компаративом?), формам числа существительных и др.

Некоторые лингвисты склонны рассматривать в качестве отдельного слова любую форму грамматически изменяемого слова. Ф. Ф. Фортунатов, например, считал отдельными словами разные падежные формы существительных: *дело, дела, делу; место, места, месту*, а также формы числа существительных: *волк, волки; зверь, звери* [см.: Фортунатов, с. 141, 156]. По утверждению А. А. Потебни, «*верста* в одном из... значений есть иное слово, чем *версты, версте* и т. д.» [Потебня, 1958, с. 15]. А. М. Пешковский разными словами считал, например, словоформы *иду, идёшь, идёт* или *стол, стола, столу*.

Другие ученые, наоборот, формами слов признают аффиксальные образования, которые обычно рассматриваются как самостоятельные производные слова. В. В. Виноградов формами слов называет, например, субстантивные образования с суффиксами субъективной оценки: *водица, водичка* и т. п. [см.: Виноградов, 1947, с. 36]. Л. В. Щерба грамматическими формами считал прилагательные с приставкой *пре-* типа *предобрый*. А. Е. Супрун высказывает сомнение по поводу словесного (лексемного) статуса некоторых наречных образований: «...подчас трудно сказать, имеем ли мы дело с новыми словами или же с новыми формами “старых” слов (например, при образовании наречий на *-о* от прилагательных или при образовании наречий из форм косвенных падежей существительных)» [Супрун, с. 98].

До настоящего времени спорным остается вопрос о статусе так называемых супплетивных образований (или супплетивов) типа *человек — люди, хороший — лучше, я — меня, говорить — сказать*, которые принято считать разными грамматическими формами слов, хотя некоторыми лингвистами

тами они рассматриваются как самостоятельные слова [см. § 195].

В лингвистической литературе предлагаются разные критерии разграничения слов и грамматических форм слов. Среди них рассматриваются, в частности, критерии предметной (референтной) соотнесенности слова. Суть этого критерия состоит в следующем: «Если различные формы слова могут указать на тот же объект (референт), то они образуют одно слово. ...Если же референтная отнесенность изменяется, данные формы принадлежат к разным словам» [ЛЭС, с. 465].

Не менее сложным представляется вопрос о разграничении слов и их семантических (лексико-семантических) вариантов.

Нередко разные реалии (предметы, явления) в одних толковых словарях описываются в одной словарной статье, под одним заголовком, который представлен как одно многозначное слово, а в других словарях — в разных статьях, под разными заголовками, которые воспринимаются как слова-омонимы. Так, в наиболее известных толковых словарях современного русского языка существительные *кулак*, *побег* рассматриваются и как отдельные многозначные слова [см.: ТСРЯ-У] и как пары омонимичных слов [см.: СРЯ-Е, ССРЛЯ, СРЯ-О, ТСРЯ-ОШ]; существительное *язык* — как одно слово [см.: СРЯ-Е, ССРЛЯ, ТСРЯ-У], три слова [см.: ТСРЯ-ОШ] и даже четыре слова [см.: СРЯ-О]; глагол *болеть* — как одно слово [см.: ССРЛЯ] и как два слова [см.: СРЯ-Е, СРЯ-О, ТСРЯ-У, ТСРЯ-ОШ]; прилагательное *ударный* — как одно слово [см.: ТСРЯ-У, ТСРЯ-ОШ], два слова [см.: СРЯ-Е, СРЯ-О] и три слова [см.: ССРЛЯ] и т. д.

Некоторые лингвисты считают разными словами все возможные семантические видоизменения любого слова, все его лексико-семантические варианты.

По утверждению А. А. Потемни, «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [Потемня, 1958, с. 15].

Л. В. Щерба считал отдельными словами разные смысловые видоизменения лексических единиц языка, сопровождающиеся какими бы то ни было акустическими различиями, включая различия в интонации. Например, *завтра!* и *завтра?* являются разными словами, как *карта* и *карты*, *так* и *так ли?*: «...решительно все равно, как и где достигается акустическая диффе-

ренциация; но раз она налицо и ассоциирована со смысловой, то перед нами два слова» [Щерба, 1958, с. 127].

Такой подход к определению границ слова представляется неприемлемым. При подобном понимании слова утрачиваются системные связи между лексическими единицами языка. Как отмечал П. С. Кузнецов, «ускользает от нас всякая связь между различными значениями одного слова, теряется всякая связь между прямым и переносным значением данного слова, если мы вслед за Потембней каждое новое значение будем рассматривать как новое слово» [Совр. рус. яз., 1952, с. 30—31]. При этом становится практически невозможно описать словарный состав языка, на что, в частности, обращает внимание Д. Н. Шмелев: «Мысль А. А. Потембни о том, что “малейшее изменение в значении слова делает его другим словом”, противоречит как “языковому чутью” носителей языка, так и лексикографической практике» [ЛЭС, с. 382].

Для разграничения слов и их семантических вариантов (т. е. омонимии и полисемии) могут быть использованы разные критерии. Отдельными словами (омонимами) признаются совпадающие по звучанию лексические единицы:

1) у которых отсутствуют общие части (или компоненты) лексических значений, например: *ласка* — производное существительное от глагола *ласкать* и *ласка* — ‘хищное животное’ (критерий семантический, критерий наличия/отсутствия смысловой связи между разными единицами);

2) которые совпадают во всех грамматических формах, например: *ключ*₁ — ‘орудие для запираания и отпираания замка’ и *ключ*₂ — ‘источник, родник’ (критерий грамматический, морфологический, критерий сопоставления словоформ);

3) характеризуются разными словообразовательными возможностями, т. е. допускают образование производных слов разной словообразовательной структуры, например: *коса*₁ — ‘заплетенные волосы’, *косица*, *косичка* и *коса*₂ — ‘сельскохозяйственное орудие’, *косить*, *косарь*, *косец*, *косилка*, *сенокосилка* (критерий словообразовательный, критерий подбора родственных слов);

4) могут заменяться разными синонимами, например: *ключ*₁ — *родник*, *источник*, *ручеек* и *ключ*₂ — *отмычка*; *худой*₁ — *тощий* и *худой*₂ — *плохой* (критерий подстановки синонимов);

5) соотносятся с разными по звучанию словами других языков, например: рус. *коса* ('заплетенные волосы') — нем. *Flechte*, лит. *kasa* и рус. *коса* ('сельскохозяйственное орудие') — нем. *Sense*, лит. *dalgis*; нем. *Fest* — рус. *праздник* и нем. *fest* — рус. *крепкий*; англ. *bail* — рус. *ведро* и англ. *bail* — рус. *поручительство* (критерий перевода на другие языки)¹. По мнению некоторых лингвистов, важнейшим из названных критериев является семантический [см.: Маслов, 1987, с. 110].

В языкознании нет единства мнений по вопросу о разграничении слов и некоторых видов формальных вариантов слов. В частности, расходятся взгляды ученых на словесный статус парных образований с полногласными и неполногласными сочетаниями звуков типа *берег* — *брег*, *золото* — *злато*, *седовласый* — *седоволосый*. Одни лингвисты считают их вариантами определенных слов (О. С. Ахманова, К. А. Левковская, В. В. Лопатин, В. В. Иванов и др.), другие — самостоятельными словами, синонимами или дублетами (В. В. Виноградов, И. С. Ильинская, И. С. Улуханов, Е. П. Ходакова и др.). Последняя точка зрения иногда объясняется тем, что рассматриваемые образования различаются по происхождению: формы с полногласными сочетаниями звуков являются исконно русскими, формы с неполногласными сочетаниями представляют собой заимствования из старославянского языка [см.: Немченко, 1992, с. 15].

Аналогичным образом в лингвистической литературе характеризуются параллельные однокоренные образования с синонимичными аффиксами типа *варка* — *варенье*, *волчиха* — *волчица*, *взгорок* — *пригорок*, *апельсинный* — *апельсиновый*, *идиоматичный* — *идиоматический*, *невинный* — *безвинный*, *напроказить* — *напроказничать*, *прямоком* — *напрямик*, которые рассматриваются то как однокоренные синонимы (или дублеты), то как разные варианты соответствующих слов, называемые словообразовательными вариантами [см.: Немченко, 1990, с. 90].

То же самое можно сказать о сложных словах, допускающих разный порядок расположения компонентов: *блюдолиз* — *лизоблюд*, *любомудр* — *мудролюб*, *префиксально-суффиксальный* — *суффиксально-префиксальный*, *слож-*

¹ Подробнее об этом см.: Ахманова, 1957, с. 111; Будагов, 1965, с. 46; Галкина-Федорук, с. 16; Маслов, 1987, с. 110; Мельчук, 1968, с. 431; Новиков, 1960; Фомина, с. 62; Шумилов, с. 32.

но-суффиксальный — суффиксально-сложный, префиксально-сложно-суффиксальный — сложно-префиксально-суффиксальный — сложно-суффиксально-префиксальный и т. п. Одни лингвисты квалифицируют такие образования как самостоятельные слова [см.: Горбачевич, 1975, с. 60], другие склонны рассматривать их как варианты слов [см.: Немченко, 1990, с. 127].

Говоря о границах слова, об отдельности и тождестве слова, лингвисты обращают внимание на возможность переходных случаев, на наличие в языке таких лексических единиц, которые могут рассматриваться одновременно и как слова, и как определенные видоизменения слов или как единицы других языковых уровней (морфемы, словосочетания). «Конечно, есть переходные случаи между словом и морфемой, с одной стороны, и между словом и словосочетанием, с другой стороны», — писал Л. В. Щерба, признавая это совершенно естественным явлением, так как «в природе нет нигде абсолютных границ» [Щерба, 1915, с. 75].

Аналогичные мысли высказывают и другие ученые. По мнению Н. М. Шанского, при определении понятия слова «нельзя забывать и наличия в языке в каждый момент его развития переходных и смежных явлений». Он обращает внимание также на то, что «в языке существуют и переходные явления между словом и предложно-падежной формой, где семантическая слитность сосуществует с известной проницаемостью (ср.: *на беду — на мою беду, на ходу — на полном ходу, до свидания — до скорого свидания, на днях — на этих днях* и т. п.)» [Шанский, 1959, с. 43, 48].

Те лингвисты, которые единицами переходного характера, полупрефиксами считают так называемые отделяемые (или отделимые) приставки, в качестве такого рода единиц, т. е. отделимых морфем, иногда рассматривают вспомогательные слова, например частицу *бы* в составе формы сослагательного наклонения *пришёл бы* [см.: ЛЭС, с. 466].

Семантическая характеристика слова

Понятие лексического значения слова

§ 112. Изучением вопросов семантики слова занимается особый раздел языкознания (лексикологии), называемый семасиологией (от греч. *sēmasia* — ‘обозначение’ и *logos* — ‘наука’). Объ-

ектом семасиологии, таким образом, является лексическая семантика, или слово с точки зрения его значения/значений. Иначе говоря, объект семасиологии — это прежде всего семема и ее составляющие, т. е. сѐмы (греч. *sēma* — ‘знак’).

В лексикологии семемой называется отдельное лексическое значение слова, или «элементарное значение слова (лексико-семантический вариант слова)» [ЛЭС, с. 437]. Под семой понимается «минимальная предельная составная часть (компонент) элементарного значения» [Новиков, 1982, с. 116], т. е. отдельный компонент лексического значения слова¹. Важнейшими задачами семасиологии являются: определение понятия лексического значения слова (или семемы), классификация лексических значений слов, объяснение семантической структуры слова, структуры лексического значения слова и др.

§ 113. Слово как единица языка представляет собой единство звучания и значения, иначе — единство плана выражения и плана содержания. Эти две стороны слова связаны между собой определенными отношениями, которые устанавливаются человеческим сознанием. Отношения между звуковой оболочкой слова и выражаемым ею содержанием и являются лексическим значением слова. Итак, лексическое значение слова — это отношения, соотношенность между звуковым комплексом (звуковой оболочкой слова) и предметом, явлением действительности, устанавливаемые нашим сознанием, мышлением.

Ср.: «Под лексическим значением следует понимать соотношение и связь звукового комплекса и обозначаемого им предмета, явления, процесса, качества и т. д. ...Соотношение, устанавливаемое людьми между звуковыми комплексами и понятиями о предметах, вещах, процессах и пр., и есть лексическое значение слова, или, как некоторые его называют, смысл слова, содержание слова» [Галкина-Федорук и др., 1957, с. 16].

Иначе говоря, лексическим значением слова называется «взаимосвязь, устанавливаемая нашим мышлением между

¹ Ср. понятия фонемы и фона, морфемы и морфа, лексемы и лекса, различаемые в плане выражения соответствующих языковых единиц.

комплексом звуков и явлением действительности, которое обозначено этим звуковым комплексом, при едином общенародном понимании этой связи» [Галкина-Федорук и др., 1962, с. 23].

Схожие определения понятия лексического значения слова предлагают и другие лингвисты [см.: Смирницкий, 1955, с. 89; Шмелев, с. 78; Головин, 1983, с. 54; ЛЭС, с. 261; СЛТ-РТ, с. 148].

Соотнесенность звуковой оболочки слова с предметами и явлениями действительности по-разному проявляется, например, у имен собственных и нарицательных, особенно у слов местоименных. В лингвистике различаются два основных вида предметной отнесенности слова:

1) частная предметная отнесенность, т. е. связь звуковой оболочки слова с единичным предметом, с определенным проявлением того или иного признака, свойства предмета, действия, состояния и т. д. Она характерна, прежде всего, для имен собственных, которые всегда соотносятся с конкретными предметами;

2) общая предметная отнесенность, т. е. связь материальной оболочки слова с целым классом однородных предметов и явлений. Она характерна, например, для местоимений, местоименных наречий и других указательных или заместительных слов (так, местоимение *я* относится к любому говорящему, местоименное наречие *здесь* указывает на любое место вблизи говорящего, наречие *теперь* — на любое время, совпадающее с моментом речи говорящего, и т. д.).

Остальным нарицательным знаменательным словам свойственна и частная, и общая предметная отнесенность; они (их звуковые оболочки) обнаруживают связь как с отдельно взятыми предметами, явлениями (например, существительное *собака* в предложении *Рыжая собака породы колли долго бродила по улицам*), так и с целым классом предметов или явлений (например, существительное *собака* в контексте *Собака относится к классу млекопитающих*) [см.: Маслов, 1987, с. 92].

Некоторые категории слов, например, служебные слова (предлоги, союзы, частицы), междометия, модальные (вводные) слова, лишены предметной отнесенности, на основании чего в языковедении оспаривается наличие у них лексических значений.

Ср.: «Что касается служебных слов, то вопрос о их лексическом значении не имеет однозначного решения в науке. Ясно только, что они функционируют в предложении как выразители тех или иных грамматических значений отдельных слов и тех или иных смысловых и формальных связей между словами и что, таким образом, грамматическое значение является в их содержании ведущим, если вообще не единственным» [Маслов, 1987, с. 91].

Высказываются и более категоричные суждения по этому вопросу: «Лексическим значением обладают... не все слова. Междометия, служебные и модальные слова, не связанные непосредственно с явлениями объективной действительности и лишённые предметной отнесенности, его не имеют. Их значения носят совершенно иной характер» [Шанский, 1964, с. 32].

Более убедительной представляется точка зрения, согласно которой лексические значения свойственны всем словам языка, хотя проявляются они по-разному.

Ср.: «В формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы» [Виноградов, 1947, с. 15];

«у служебных слов лексическое значение реализуется при соединении с самостоятельными словами... у междометий лексическое значение характеризуется нерасчленённостью выражаемого значения» [ЛЭС, с. 262].

Многие слова наряду с лексическим значением выражают также грамматические значения, а производные слова — ещё и словообразовательные значения. В отличие от грамматических и словообразовательных значений, которые носят обобщённый характер, присущи отдельным классам слов/словоформ, лексические значения слов носят индивидуальный характер, свойственны отдельным словам. Исключения составляют лишь абсолютные синонимы, т. е. слова, полностью совпадающие по значению и употреблению [см. § 127].

Ср.: «Слово включает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подво-

дится наравне с содержанием многих других» [Потебня, 1958, с. 35].

Названная особенность лексического значения слова подчеркивается и другими лингвистами [см.: Головин, 1983, с. 58; Маслов, 1987, с. 90].

Классификация лексических значений слов

§ 114. Лексические значения, так же как и выражающие эти значения слова, отличаются друг от друга по разным признакам, что позволяет осуществлять их классификацию. Предлагаемые многочисленные классификации лексических значений слов опираются на различные по своему характеру дифференциальные признаки.

В отечественной и зарубежной лингвистике весьма популярна классификация лексических значений слов по способу выражения и специфике проявления этих значений, предложенная В. В. Виноградовым. По этому признаку различаются три типа лексических значений слов:

1) свободные (или прямые, номинативные) значения;

2) фразеологически связанные (или фразеологически обусловленные) значения;

3) синтаксически обусловленные (или синтаксически ограниченные, функционально обусловленные, функционально-синтаксически ограниченные, функционально-синтаксически закрепленные) значения [см.: Виноградов, 1977, с. 135].

Свободные лексические значения слов выражаются отдельными словами (звуковой оболочкой отдельных слов); они не зависят от семантики других слов в высказывании, т. е. реализуются вне контекста: слова с такими значениями свободно сочетаются с различными словами. Ср., например: *мальчик* ('ребенок или подросток мужского пола') — *здоровый, полный, худой, тощий, высокий, длинноногий, краснощёкий, черноволосый, умный, способный, весёлый, грустный* и т. д.; *синий* (название цвета) — *костюм, карандаш, дым, цветок, небосклон, конверт, джемпер, автомобиль, глаз* и т. д.; *идёт* (о человеке или животном) — *Иван, Петров, кот, бык, верблюд, быстро, торопливым шагом, медленно, умеренной походкой, по улице, вдоль реки, поперёк дороги, на работу, в университет, домой* и т. д. Свободные значения многозначных слов обычно первыми приходят в голову при изолированном упоминании таких слов.

Фразеологически связанные значения слов, в отличие от свободных значений, выражаются не отдельными словами, а сочетаниями разных слов, т. е. проявляются лишь в сочетании слова с другими словами, чаще всего в составе фразеологических сочетаний. Слова с такими значениями сочетаются с ограниченным кругом слов, иногда с одним-единственным словом. Ср., например, значения существительных в словосочетании *из мухи делать слона* ('сильно преувеличивать что-либо'), где слово *муха* обозначает нечто незначительное, несущественное, а слово *слон* — значительное, существенное; или значения прилагательных при сочетании с некоторыми существительными: *закадычный* — *друг*; *круглый* — *год*; *окладистая* — *борода*; *безысходная* — *тоска*, *скорбь*, *печаль*, *грусть*; *скоропостижная* — *смерть*, *кончина*; или значения глаголов при сочетании с отдельными существительными: *отвратить* — *беду*, *несчастье*, *опасность*; *пробудить* — *интерес*, *желание*, *страсть* и др.

Синтаксически обусловленные значения слов реализуются лишь при использовании данных слов в определенной синтаксической функции, в роли того или иного члена предложения. Например, синтаксически обусловленными являются значения некоторых существительных, употребляющихся в функции сказуемого в русском языке. Ср. выделенные существительные в предложениях: *Хлеб — всему голова* ('самое важное, самое главное'); *Ну и шляпа же ты!* (о вялом, безынициативном человеке); *Бревно ты такое* (о тупом, неотесанном человеке); *Денёк сегодня — чудо!* ('нечто поразительное, удивительное'); *Его объяснение — сплошной бред* ('нечто неясное, бессмысленное, вздорное').

Подобные значения довольно часто присущи названиям различных животных, употребляемым при характеристике человека, обычно отрицательной, а также при обращении: *боров* ('толстый, неповоротливый человек'), *ворона* ('ротозей, зевака'), *змея* ('злой и язвительный человек'), *индюк* ('человек, имеющий гордый и глупый вид'), *лиса* ('хитрый и лживый человек'), *медведь* ('неуклюжий, неповоротливый человек'), *свинья* ('подлый человек; неряха'). В современном языке некоторые слова используются только в синтаксически обусловленном лексическом значении, например: *загляденье*, *увалень*, *капут*.

§ 115. Широко известно деление лексических значений слов на прямые и переносные. Здесь уместно вспомнить определение лексического значения слова как связи между звуковой оболочкой слова (экспонентом словесного знака) и предметом или явлением действительности, именуемым соответствующим словом. При обозначении словом разных предметов и явлений, т. е. при наличии разных лексических значений, отношения между словом и называемыми им предметами и явлениями проявляются по-разному. В зависимости от характера связи, отношения между словом и обозначаемым им предметом различаются лексические значения прямые и переносные.

Прямое значение слова характеризуется тем, что выражаемая им связь между звуковой оболочкой слова и обозначаемым им предметом (в широком смысле) является непосредственной, т. е. «прямые значения позволяют отражать предмет прямо, минуя посредство других значений того же слова» [Головин, 1983, с. 58—59]. Прямые значения многозначных слов, как правило, чаще других используются в речи (например, *голова, рука, рукав, бумага, большой, железный, золотой, идти, писать*), наименее обусловлены контекстом, легче всего выделяются среди других значений многозначного слова. Как исходные, первичные по происхождению эти значения обычно описываются в толковых словарях на первом месте.

Переносное значение слова отличается от прямого значения тем, что выражаемая им связь между звуковой оболочкой слова и обозначаемым им предметом действительности является опосредованной, обнаруживается благодаря наличию у данного слова других значений, опирается на эти значения, «через переносное значение всегда “просвечивает” прямое» [Там же, с. 59]. В толковых словарях переносные значения (например, слов *голова, железный, идти* и т. п.) обычно указываются после прямого значения.

В исключительно редких случаях в толковом словаре на первом месте может указываться одно из исторически производных, переносных значений слова и только после него приводится первоначальное, прямое значение. Так, в ССРЛЯ прямое значение существительного *основа* (‘продольные нити, идущие параллельно вдоль ткани’) стоит в словарной статье на четвертом месте, существительного

элита ('лучшие, отборные растения или животные, предназначенные для дальнейшего размножения') — на втором, прилагательного *красный* ('красивый') — на третьем, прилагательного *коренастый* ('имеющий большие, крепкие корни' — о деревьях) — на втором.

§ 116. Переносные значения слов различаются в зависимости от типа переноса значения. Принято разграничивать два основных типа переноса лексических значений слов — метафору и метонимию. В качестве разновидности метонимии выделяется синекдоха, которая иногда рассматривается как особый тип переноса лексического значения (наряду с метафорой и метонимией).

Наиболее распространенным типом переноса лексических значений слов является метафора (от греч. *metaphora* — 'перенос'). Под метафорой понимается использование названия какого-либо предмета или явления для обозначения другого предмета или явления, аналогичного данному в каком-либо отношении, т. е. перенос определенного названия с одного предмета на другой на основе сходства между ними по тем либо иным признакам или по выполняемой функции. Ср. некоторые из переносных значений распространенных многозначных слов: *стол* — 'гора; возвышенность, имеющая плоскую вершину и крутые склоны', *крюк* — 'лишнее расстояние в пути', *рукав* — 'ответвление от главного русла реки', *звезда* — 'лицо, прославившееся в чем-либо, знаменитость', *петля* — 'отверстие в одежде для застегивания или застежка для пуговицы, крючка', *крепкий* — 'сильный, значительный по степени проявления (о сне, морозе, здоровье)', *тёплый* — 'ласковый, приветливый (о словах, чувствах и т. п.)', *идти* — о поезде, дожде, времени, *спать* — о состоянии вялости, бездеятельности.

Во многих языках на основе сходства признаков или функций переносные значения часто возникают у названий различных животных: *баран* — 'стенбитное орудие, таран', *бык* — 'опора моста или какого-либо гидротехнического сооружения', *кит* — 'лицо, имеющее исключительно важное значение в каком-либо деле', *конь* — 'гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных прыжков', *козёл* — 'гимнастический снаряд на четырех высоких ножках для перепрыгивания', *кошка* — 'прикрепляемое к обуви

металлическое приспособление с зазубренной внутренней стороной для подъема на деревянные столбы, мачты и т. п.', *журавль* — 'приспособление для подъема воды из колодца в виде длинного шеста, служащего рычагом'. Ср.: нем. *Pferd* — 'конь, лошадь' и 'гимнастический снаряд для спортивных упражнений', *Hahn* — 'петух' и 'курок'; польск. *koziol* — 'козел' и 'укрепленный на стойках круглый стальной брус, турник', *żuraw* — 'журавль' и 'подъемный кран; рычаг'; лит. *ožys* — 'козел' и 'подставка в виде бруса на ножках, козлы', *gervė* — 'журавль' и 'длинный шест, приспособленный для подъема воды из колодца; грузоподъемный кран, лебедка', *žiogas* — 'кузнечик' и 'козлы для пиления дров'.

В результате метафорического переноса возникли также синтаксически обусловленные значения многочисленных существительных, обозначающих названия животных.

Широко распространен метафорический перенос значений слов, являющихся названиями частей живого организма. Ср.: рус. *зуб* — 'острый выступ на чем-либо', *кулак* — 'толкающее звено в некоторых механизмах', *нос* — 'передняя часть некоторых транспортных и боевых средств', *палец* — 'деталь в виде круглого стержня в машинах, механизмах', *хвост* — 'задняя часть летательного аппарата', *хребет* — 'горная цепь', *голова* — 'передняя часть, начало чего-либо', *подошва* — 'нижняя часть, основание чего-либо', *горло* — 'верхняя суженная часть сосуда', *колени* — 'изгиб чего-либо', *крыло* — 'несущая плоскость летательного или иного движущегося аппарата', *перо* — 'металлическое орудие для письма чернилами', *ребро* — 'узкий край или сторона какого-либо предмета', *усы* — 'нитевидные образования на листьях или стебле растения';

нем. *Bart* — 'борода, усы' и 'бородка (ключи)', *Kopf* — 'голова' и 'верхняя расширенная часть чего-либо, шляпка', *Hals* — 'шея, горло' и 'узкая часть чего-либо, шейка, горловина', *Rücken* — 'спина' и 'спинка у мебели', *Zunge* — 'язык' и 'язычок (ботинка и др.)';

польск. *kolano* — 'колени' и 'изгиб, поворот (реки)', *łapa* — 'лапа' и 'изогнутый и расплюснутый конец инструментов, приспособлений', *szyja* — 'шея' и 'узкая часть чего-либо, горловина';

лит. *kaklas* — ‘шея’ и ‘верхняя суженная часть сосуда’, *koja* — ‘нога’ и ‘опора, стойка, ножка стола’.

Особенно часто встречается метафорический перенос лексических значений уменьшительно-ласкательных существительных (или деминутивов). Ср.: рус. *волосок* — ‘тонкая пружина, нить, проволока в каком-либо приборе’, *крючок* — ‘приспособление для рыбной ловли, приспособление для вязания, металлическая зацепка для застегивания одежды’, *носок* — ‘короткий чулок; передний конец обуви или чулка’, *язычок* — ‘подвижная пластинка в различных устройствах, укрепленная одним концом’, *хвостик* — ‘кончик, выступающая часть чего-либо’, *головка* — ‘утолщенная или выступающая вперед оконечность чего-либо’, *ножка* — ‘опора, стойка у предмета мебели, утвари, какого-либо прибора или устройства’, *спинка* — ‘верхняя опорная часть у предмета мебели’, *шейка* — ‘узкая часть чего-либо’, *шляпка* — ‘верхняя расширенная и обычно плоская часть чего-либо’, *ушко* — ‘отверстие в иголке для продевания нитки’;

нем. *Schiffchen* (уменьш.-ласк. от *Schiff* — ‘судно, корабль’) — ‘деталь в ткацком станке, в швейной машинке, челнок’, *Köpfchen* (от *Kopf* — ‘голова’) — ‘головка булавки’, *Zünglein* (от *Zunge* — ‘язык’) — ‘стрелка на весах’;

польск. *języ-czek* (от *język* — ‘язык’) — ‘клапан, стрелка весов’, *szyjka* (от *szyja* — ‘шея’) — ‘горлышко (бутылки)’, *lazienka* (от *łaźnia* — ‘баня’) — ‘ванная комната’;

лит. *gaidukas* (от *gaidys* — ‘петух’) — ‘курок’, *kabliukas* (от *kablys* — ‘крюк’) — ‘предмет в форме крючка, закорючка, рыболовный крючок’, *kaklelis* (от *kaklas* — ‘шея’) — ‘горлышко у бутылки и других сосудов’, *langelis* (от *langas* — ‘окно’) — ‘форточка’, *liežuvėlis* (от *liežuvis* — ‘язык’) — ‘подвижная пластинка, язычок’, *auselė* (от *ausis* — ‘ухо’) — ‘ушко у иголки’, *barzdelė* (от *barzda* — ‘борода’) — ‘бородка у ключа’, *stotelė* (от *stotis* — ‘станция’) — ‘место остановки городского транспорта на улице’, *galvutė* (от *galva* — ‘голова’) — ‘утолщенная оконечность чего-либо’.

Переносные значения слов, возникшие в результате метафоры, метафорического переноса, называются метафорическими значениями [см.: Шмелев, с. 119; Реформатский, 1967, с. 112; Новиков, 1982, с. 167; Фомина, с. 43; РЯЭ-Ф, с. 140].

Метонимией (от греч. *meta* — ‘изменение’ и *онума* — ‘имя’) называется перенос значения слова на основании ассоциации по непосредственной близости предметов или явлений в пространстве, во времени, по их логической смежности, причинно-следственной связи [см.: Маслов, 1987, с. 104]. «В основе метонимии может лежать:

1) связь между формой (вместилищем) и содержанием (вмещаемым): *завод* — ‘строение и оборудование’ и *завод* — ‘рабочий коллектив’ (*на митинг собрался весь завод*), *чашка* — ‘вид посуды’ и *чашка* — ‘налитая в нее жидкость’ (*выпил три чашки*);

2) связь между действием и его результатом: *покупка, варенье, отчёт, учение*;

3) связь между материалом и изделием из него: *золото, мрамор, холст (художник выставил два холста; кушанья подавали на золоте и в хрустале)*;

4) связь между автором и его произведением: *любоваться Айвазовским, читать Шолохова, слушать Шостаковича*;

5) связь между целым предметом и его частью: *союз серпа и молота, шапка Мономаха, стадо в 200 голов, леса теряют лист* (за словами *серп, молот, шапка, лист, голова* видно то целое, которому эти предметы принадлежат как его части...)» [Головин, 1983, с. 63].

Как и метафора, метонимия широко распространена во многих языках. При этом в разных языках в результате метонимии названия одних и тех же предметов и явлений нередко приобретают аналогичные или тождественные переносные значения. Например, рус. *голова*, польск. *głowa*, лит. *galva*, нем. *Kopf*, кроме прямого значения ‘передняя часть тела человека или животного’, выражают также переносное значение ‘ум, разум, сознание’; рус. *рука*, лит. *ranka*, нем. *Hand*, кроме значения ‘одна из двух верхних конечностей человека’, имеют значение ‘почерк’.

Идентичные переносные значения приобретают некоторые интернациональные слова. Например, рус. *аудитория*, польск. *auditorium*, лит. *auditorija*, нем. *Auditorium*, кроме прямого значения ‘помещение для чтения лекций’, имеют переносное значение ‘слушатели лекции, выступления’; рус. *фотография*, польск. *fotografia*, лит. *fotografija* (‘получение изображения какого-либо предмета с помощью оптического аппарата’) переносно употребляются для обозначения полу-

ченного фотоспособом снимка и учреждения для съемки и изготовления снимков; рус. *тенор*, польск. *tenor*, лит. *tenoras*, нем. *Tenor* ('высокий мужской голос') обозначают также певца с таким голосом; лингвистические термины рус. *грамматика*, *фонетика*, польск. *gramatyka*, *fonetyka*, лит. *gramatika*, *fonetika*, нем. *Grammatik*, *Phonetik* обозначают не только уровни языка, но и разделы языкознания.

Синекдоха (греч. *synekdochē*) определяется как перенос наименования, основанный на связи между общим и частным, целым предметом и его частью. Синекдоха — это разновидность метонимии, представляющая собой «перенос названия с части на целое... либо с целого класса предметов или явлений на один из подклассов (так называемое “сужение значения”）」 [Маслов, 1987, с. 105] или это «такой перенос значения, когда, называя часть, имеют в виду целое или, называя целое, имеют в виду часть целого» [Реформатский, 1967, с. 83].

В русском языке чаще всего осуществляется перенос названия части предмета на соответствующий предмет в целом, например названия части человеческого организма на всего человека. Ср.: *голова* (*светлая голова*, *горячая голова*, *отчаянная голова*), *лицо* (*действующее лицо*, *доверенное лицо*, *отдельные лица*), *рука* (*сильная рука*, *своя рука в министерстве*), *нога* (*унести ноги*, *ноги моей здесь больше не будет*), *рот* [*лишний рот в семье* (о едоке-иждивенце)], *борода* [*Куда лезешь, борода?* (Г.)]. В качестве названия человека иногда используется обозначение носимой им одежды или какого-либо другого предмета: *юбка* [о женщине; например: *Пристало ли мужчине волочиться за юбками?* (Фед.)], *зипун*, *шуба* (о человеке в зипуне, шубе), *гармонь* [о гармонисте, например: *...Только слышно, на улице где-то одинокая бродит гармонь* (Ис.)].

Значительно реже встречаются случаи переноса названия целого предмета на его часть или названия класса предметов на отдельный подкласс. Ср., например: *заяц*, *лиса* (о мехе этих животных), *машина* (об автомобиле, о поезде железной дороги), *машинка* (о пишущей или швейной машинке, о машинке для стрижки волос). Для обозначения отдельных лиц нередко используются существительные с собирательным значением — названия совокупностей определенных лиц, занимающих соответствующее положение, возглавляемых

этими лицами учреждения, организациях и т. п.: *полиция, начальство, командование* и др. Ср., например: *Но дело было темно, земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук земской полиции был хуже тряпки, а уж физиономии и распознать нельзя было* (Г.); *Он [Петя Гудкин] теперь начальство — прорабом назначен* (Аж.); *«Ну а как насчёт Мануйлихи, господин начальство?» — деликатно напомнил я* (Купр.).

В качестве собственных имен (прозвищ) отдельных лиц иногда используются названия городов, других населенных пунктов, жителями или уроженцами которых являются данные лица: *На высоких басах начинает Кронштадт, и Малахов курган отвечает Кронштадту* (Ал.); *Ответь, Александровск, и, Харьков, ответь: давно ль по-испански вы начали петь?* (Св.)

Переносные значения слов, которые возникли вследствие метонимии, метонимического переноса, называются метонимическими значениями [см.: Реформатский, 1967, с. 114; Фомина, с. 45].

§ 117. Среди переносных значений слов особо выделяются значения окказиональные (иначе — речевые, текстовые, контекстные, контекстуальные, ситуативные, эпизодические, временные, сигматические значения, традиционно называемые употреблением), которые противопоставляются узуальным (собственно языковым) значениям [см.: Шмелев, с. 18; Новиков, 1982, с. 164; Фомина, с. 48].

Узуальными (от лат. *usus* — ‘обычай, употребление’) называются устоявшиеся, закрепившиеся в языке лексические значения слов, описываемые в толковых словарях.

Окказиональными (от лат. *occasionalis* — ‘случайный’) называются переносные значения, приобретаемые словом лишь в определенной контекстной ситуации. Слова в таких значениях не используются в общенародном языке, не отражаются в толковых словарях литературного языка.

Слова с окказиональными значениями употребляются преимущественно в разговорной речи, в художественных текстах. Например: *Нельзя было понять из формуляра, сколько пробежал этот железный воин по пути к победе: паспорт танка в его холщовом мешке был одновременно с командиром пробит осколком* (Леон.); *Сдавало танковое сердце, расшатанное приключениями жаркой бранной*

жизни (Леон.); *Здесь он* [противник] *решил огрызнуться, на рублике неглубокой речки, внучки старого Днепра* (Леон.); *Пришлось замотать руку тряпкой... это также заняло щепотку времени* (Леон.); *...Было томительно наблюдать из дрожащего от нетерпения танка, как пешком тащится время* (Леон.); *Когда ходики доплелись до пяти часов, Нина разбудила Варю* (Пауст.); *Широкое брюхо воды* [о море] *лежало перед нами* (Аж.); *Легче отсидеть* [в тюрьме] *червонец, чем видеть, как ты топчешь землю!*.. (Лип.); *О красном вечере задумалась дорога, кусты рябин туманной глубины. Изба-старуха челюстью порога жуёт пахучий мякиш тишины* (Ес.).

Известны и другие классификации лексических значений слов. Различаются, например, значения общие и частные, номинативные и прономинативные (местоименные, сигнальные), конкретные и абстрактные (отвлеченные), нарицательные и собственные, производные (мотивированные) и непроизводные (немотивированные), общеупотребительные и терминологические, диалектные (областные, местные) и жаргонные.

Среди лексических значений слов иногда рассматриваются значения стилистические (или экспрессивно-стилистические), разговорные, эмотивные (или эмоциональные, эмоционально-оценочные, прагматические), образные (или фигуральные), пейоративные, антонимические (антонимичные), структурные и др. [см.: ОПЛТ, с. 47].

§ 118. В лексикографической практике (т. е. при составлении толковых словарей) принято различать собственно лексические значения слов (или значения основные, главные) и оттенки этих значений (или созначения), которые иногда называются также вторичными, побочными, сопутствующими значениями [см.: СЛТ-А, с. 161, 304]. Собственно лексическое значение слова — это связь между звуковой оболочкой слова и обозначаемым данным словом предметом или явлением действительности. В толковых словарях лексические значения многозначного слова обозначаются арабскими цифрами, например:

ПОКЛОННИК, -а, м. 1. *Устар.* Тот, кто поклоняется какому-либо божеству (божествам).

2. Тот, кто восторженно почитает кого-, что-либо; почитатель.

3. Тот, кто ухаживает за кем-либо, проявляет по отношению к кому-либо внешне свою любовь, симпатию и т. п. [см.: ССРЯ-Е, т. 3, с. 246].

Отенок лексического значения слова — это дополнительное значение, накладывающееся на основное значение, уточняющее его. В толковых словарях определение оттенков значения обычно отделяется при помощи тех или иных условных знаков, например, ромба (◆), двух параллельных вертикальных черточек (||) и др.

Необходимо отметить, что строгие границы между основными лексическими значениями слов и оттенками значений не определены, в лингвистике отсутствуют общепринятые критерии их разграничения.

Семантическая структура слова

§ 119. В любом языке каждое слово выражает определенное лексическое значение или совокупность нескольких значений. Во многих языках большинство слов имеет не менее двух значений. Например, по данным ССРЛЯ, в современном русском языке существительные *гора*, *река*, *аудитория* имеют по два лексических значения, *вода*, *море* — по три, *дом* — четыре, *голова* — пять, *рука* — восемь; прилагательные *зелёный* — пять, *новый* — девять, *старый* — десять; глагол *носить* — девять, *нести* — двенадцать, *ходить* — четырнадцать, *падать* — шестнадцать, *стоять* — семнадцать, *идти* — двадцать шесть и т. д., не считая всевозможных оттенков разных значений. Для сравнения можно привести аналогичные данные из словаря литовского языка: существительное *auditorija* ('аудитория') имеет два значения, *kalnas* ('гора') — три, *namas* ('дом') — шесть, *ranka* ('рука') — десять; прилагательное *naujas* ('новый') — восемь; глаголы *kristi* ('падать') — двадцать два, *nešti* ('нести') — двадцать шесть, *eiti* ('идти') — тридцать пять и т. д. Слова, выражающие два и более лексических значения, называются многозначными [или полисемичными, полисемантическими (от греч. *poly* — 'много' и *sēma* — 'знак')]. Наличие у слова не менее двух значений называется, соответственно, многозначностью (или полисемией).

Количество слов, выражающих только одно лексическое значение (иногда с разными семантическими оттенками), во многих языках крайне ограничено. В русском языке к ним относятся преимущественно слова иноязычного происхождения, термины разных отраслей знаний, многие производные слова, в частности существительные с абстрактным значением. Одно значение имеют, например, существительные *велосипед*, *велосипедист*, *велосипедистка*; *трамвай*, *трамвайщик* (разг.); *трактор*, *тракторист*, *трактористка*; *самолёт*, *самолётостроение*; *лётчик*, *лётчица*; *колхоз*, *колхозник*, *колхозница*; *совхоз*; *крестьянин*, *крестьянка*; *студент*, *студентка*; *выразительность*, *грамотность*, *стойкость*, *храбрость*, *мужественность*; прилагательные *алый*, *голубой*, *вороний*, *коричневый*, *фиолетовый*, *велосипедный*, *тракторный*, *трамвайный*, *крестьянский*, *студенческий* и др. Слова, выражающие не более одного лексического значения, называются однозначными [или моносемичными, моносемантическими (от греч. *monos* — ‘один, единственный’ и *sema* — ‘знак’)]. Наличие у слова только одного значения называется, соответственно, однозначностью (или моносемией).

Лексическая семантика одного и того же многозначного слова обычно включает значения разных типов. Например, у существительного *голова* есть прямое значение (‘часть организма человека или животного’) и ряд переносных значений (все остальные). Среди переносных различаются значения метафорические (например, *голова* — ‘шаровидное или продолговатое соцветие некоторых растений’, ‘шарообразный плод некоторых растений, например мака’) и метонимические (например, *голова* — ‘ум, разум, сознание’, ‘руководящее ядро, руководители какой-либо организации, учреждения’ и т. п.).

Наряду со свободными значениями у слова *голова* есть значения фразеологически связанные (например, в выражениях *бежать сломя голову*, *бросаться очертя голову*, *сложить голову*) и синтаксически обусловленные (например, *Парень — голова* — об умном, толковом человеке). Ряд значений включает особые семантические оттенки. Наряду с объясняемыми в толковых словарях узуальными, т. е. собственно языковыми, значениями в речи это слово, как и многие другие, может приобретать окказиональные значения.

§ 120. Подобно тому как многие слова состоят из материально выраженных частей, морфем, отдельно взятое лексическое значение слова может состоять из разных элементов, сегментов. Элементарная, мельчайшая, предельная, т. е. неделимая далее, составная часть лексического значения слова называется *сёмой* (от греч. *sēma* — ‘знак’)¹. При этом каждое значение имеет несколько семантических признаков (сем) [см.: Кодухов, 1987, с. 168]. Совокупность сем того или иного лексического значения называется *семёмой*².

Семный состав лексического значения слова (или семемы) можно объяснить на примере основных, номинативных значений терминов родства (т. е. слов, обозначающих родственные отношения: *отец, мать, сын, брат, сестра, дядя, тётя, племянник, племянница, шурин* и др.). У номинативных значений каждого из таких слов в качестве отдельного компонента выделяется одна общая для всех сема, или *архисема* — родовое, объединяющее значение ‘родственник’. Кроме того, у каждого из них выделяется ряд дифференциальных сем, которые являются видовыми уточнениями данного родового понятия. Так, для основного значения слова *отец* в качестве дифференциальных сем выступают следующие семы:

1) ‘мужской пол’ (в отличие от семы ‘женский пол’, как в значениях слов *мать, дочь, племянница* и др.);

2) ‘родитель’ (в отличие от семы ‘рожденный’, как в значениях слов *сын, дочь*);

3) ‘прямое родство’ (в отличие от семы ‘непрямое родство’, как в значениях слов *племянник, племянница*);

4) ‘кровное родство’ (в отличие от семы ‘некровное родство’, как в значениях слов *отчим, мачеха*);

5) ‘первое поколение’ (в отличие от сем ‘второе поколение’, ‘третье поколение’ и т. д., как в значениях слов *дед, прадед*) [см.: Новиков, 1982, с. 116; Маслов, 1987, с. 97; ЛЭС, с. 437].

¹ Для обозначения минимальной части лексического значения слова наряду с термином «сема» используются и другие термины: «семантический компонент», «дифференциальный семантический элемент (признак)», «семантический множитель», «семантический маркер», «ноэма» и др. [см.: ЛЭС, с. 438].

² Соотношение семемы и семы аналогично соотношению формально выраженных единиц: фонемы и фона (фоны), морфемы и морфа (морфы), лексемы и лекса (лексы).

Аналогичный состав сем характерен также для номинативных значений (семем) других терминов родства; эти значения отличаются друг от друга лишь отдельными дифференциальными семами. Например, номинативное значение слова *мать* отличается от соответствующего значения слова *отец* лишь дифференциальной семой ‘женский пол’, значение слова *сын* — дифференциальной семой ‘рожденный’.

У значений производных, семантически мотивированных слов отдельные семы выражаются с помощью словообразовательных морфем, аффиксов. Так, в значении существительных, обозначающих названия лиц мужского пола по виду деятельности, роду занятий, сема ‘деятельность, занятие’ может быть выражена суффиксами *-тель*, *-ист* и др. (ср. значения слов: *учитель*, *писатель*, *руководитель*; *машинист*, *танкист*, *тракторист* и др.); сема ‘женский пол’ в значении существительных, являющихся названиями лиц женского пола по профессии, занятию, — суффиксами *-к-*, *-ниц-* и др. (ср. значения слов: *студентка*, *артистка*, *трактористка*; *преподавательница*, *телятница*, *писательница* и др.); сема ‘неполнота (признака)’ в значении некоторых качественных прилагательных — суффиксом *-оват-* (ср. значения слов: *беловатый*, *желтоватый*, *толстоватый*, *узковатый* и др.); сема ‘начало (действия)’ в значении многих глаголов — префиксом *за-* (ср. значения слов: *заговорить*, *запеть*, *засветиться*, *засмеяться* и др.) и т. п. В лексических значениях подобных слов выделяется как минимум две части: мотивирующая, выражаемая производящим, мотивирующим словом, и формантная, выражаемая словообразовательным средством, или формантом [см.: Улуханов, с. 83].

Лексические значения многих производных слов, помимо обязательных семантических компонентов, выражаемых их производящими и словообразовательными средствами, содержат еще дополнительные семантические компоненты, непосредственно не выражаемые названными элементами соответствующих производных. Такие семантические компоненты (или семы) называются идиоматическими (или фразеологическими). Идиоматичность как особый семантический компонент обнаруживается, например, в составе номинативных значений существительных *учитель*, *писатель*, *тракторист* и т. п. Подобные существительные обозначают

не всякое лицо, выполняющее соответствующую работу, а только такое, для которого выполнение данной работы является профессией, т. е. основным видом трудовой деятельности.

Некоторые лингвисты в качестве одного из компонентов лексического значения семантически мотивированного слова рассматривают его *мотивированность* (или мотивировку), под которой понимается «заключенное в слове и осознаваемое говорящими “обоснование” звукового облика этого слова, т. е. его экспонента, — указание на мотив, обусловивший выражение данного значения именно данным сочетанием звуков, как бы ответ на вопрос “Почему это так названо?”» [Маслов, 1987, с. 111].

Для обозначения рассматриваемого понятия широко используется также составной термин «внутренняя форма слова» [см.: ОПЛТ, с. 228].

В качестве примеров слов, содержащих мотивировку, или обладающих внутренней формой, можно привести названия дней недели. Ср.: рус. *вторник* (день назван так потому, что он является вторым в неделе), *среда* (день, находящийся в середине недели), *четверг* (четвертый день недели), *пятница* (пятый день недели); нем. *Mittwoch* (‘среда’, ср. *Mitte* — ‘середина’, *Woche* — ‘неделя’); польск. *wtorek* (‘вторник’, ср. *wtóry* — ‘второй’), *środa* (‘среда’, ср. *śród* — ‘среди’, *środek* — ‘середина’) и т. д.; чешск. *středa* (‘среда’, ср. *střední* — ‘средний’), *čtvrtek* (‘четверг’, ср. *čtvrtý* — ‘четвертый’) и т. д.; лит. *pirmadienis* (‘понедельник’, ср. *pirmas* — ‘первый’ и *diena* — ‘день’), *antradienis* (‘вторник’, ср. *antras* — ‘второй’ и *diena* — ‘день’) и т. д.

§ 121. Совокупность сем (архисем и дифференциальных сем) того или иного лексического значения слова (той или иной семемы) образует *ядро* данного значения, которое называется также денотативным (от лат. *dēnotātum* — ‘названное, обозначенное’) или концептуальным значением (от лат. *conceptio* — ‘система, совокупность’), а также концептуальным ядром, или денотативной, концептуальной, понятийной семой. Ядро лексического значения слова (его денотативная сема) «составляет у большинства знаменательных слов мыслительное отображение того или иного явления действительности, предмета

(или класса предметов) в широком смысле (включая действия, свойства, отношения и т. д.)» [Маслов, 1987, с. 91].

Кроме концептуального ядра, в наборе лексических значений многих слов выделяются различные дополнительные, периферийные значения (или созначения), называемые коннотативными значениями [или коннотациями (от лат. *con* — ‘вместе’ и *notatio* — ‘обозначение’)]. В лингвистической литературе коннотативные значения объясняются весьма неоднозначно. Чаще всего под коннотативным значением понимается «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [СЛТ-А, с. 203—204] или «эмоциональные, экспрессивные, стилистические добавки к основному значению, придающие слову особую окраску» [Маслов, 1987, с. 91].

Словарное описание лексических значений слов, содержащих коннотативные семы, сопровождается соответствующими оценочными пометами, например: *батя* (прост. и обл.), *башка* (прост.), *брюхо* (прост.), *дева* (устар., употребляется в поэтической и стилизованной речи), *ланиты* (устар., поэт.), *око* (устар. и нар.-поэт.), *чело* (устар. и поэт.), *обжора* (разг.), *швец* (устар. и прост.), *глазастый* (прост.), *шкодливый* (прост.), *шкодить* (прост.), *школьничать* (разг.), *клянчить* (прост.), *дрыхнуть* (прост. с оттенком презр.), *жрать* (грубо-прост.). Данные семы чаще всего обнаруживаются в значениях слов, содержащих суффиксы эмоциональной оценки: *мальчишка*, *мальчуган*, *мамаша*, *мамашенька*, *мамочка*, *мамуля*, *папаша*, *папочка*, *сыннок*, *сынчек*, *сыннишка*, *человечище* (разг.); *маменька*, *папенька* (устар., разг.); *человечина* (разг., обычно шутл. — в значении ‘человек’); *батьюшка*, *браток*, *братушка*, *девонька*, *девчонка*, *девчурка*, *мальчонка*, *папаня*, *папаша*, *папонька* (прост.); *дружок*, *дружочек* (ласк.); *братик*, *братишка* (уменьш. и ласк.); *матушка* (устар. и нар.-поэт.).

В лексических значениях некоторых слов коннотативные компоненты значения (коннотативные семы) выступают на первый план. В них концептуальное ядро не выражает сущности значения. Например, в значении слова *дылда* «главным является не то, что это человек, а то, что это “высокий,

нескладный человек”» [Журавлев, с. 3]. Подобной семантикой характеризуются некоторые междометия. В каждом языке есть и такие знаменательные слова, для которых «не дополнительным, а основным значением является выражение тех или иных эмоций (например, междометия *ого! тьфу!* или *брр!*) или же передача команд — побуждений к определенным действиям (*стоп! прочь! брысь! на!* в смысле ‘возьми’ и т. п.)» [Маслов, 1987, с. 91].

Очевидно, что во многих языках, в том числе и в русском, преобладают слова со значениями, у которых коннотативные семы (в данном выше понимании) отсутствуют и большинство слов выражает лишь концептуальные значения. Коннотативные семы отсутствуют, в частности, у номинативных значений таких слов, как: *человек, друг, отец, мать, сын, рука, нога, голова, дом, лес, вода, гора, река, озеро, белый, синий, большой, малый, быстрый, молодой, старый, три, десять, пятнадцать, давно, рано, сегодня, идти, сидеть, писать, читать, говорить.*

§ 122. Разные семантические элементы слова, или лексемы (как отдельные лексические значения многозначного слова, или семемы, так и компоненты отдельно взятого значения, или семы), связаны друг с другом определенными отношениями. Это позволяет говорить о семантической (или смысловой) структуре слова. Семантическая структура слова (как многозначного, так и однозначного) — это взаимоотношения между разными семантическими элементами (семемами и семами) данного слова как сложного целого.

Говоря о семантической структуре слова, лингвисты имеют в виду прежде всего разные значения многозначных слов, связи и отношения между ними. Признается, что семантическая структура слова «образуется семантическими компонентами (значениями, лексико-семантическими вариантами) разных видов» [Кодухов, 1987, с. 168].

Все значения многозначного слова отражают схожие в каком-то отношении предметы и явления действительности и имеют общий семантический компонент. Д. Н. Шмелев так объясняет эту связь: «Образуя определенное семантическое единство, значения многозначного слова связаны на основании сходства реалий (по форме, внешнему виду, цвету, ценности, положению, также общности функции) или смежност-

ти... Между значениями многозначного слова существует семантическая связь, выражающаяся также в наличии у них общих элементов смысла — сем» [ЛЭС, с. 382]. Например, у существительного *доска* различаются такие значения: ‘плоский срез дерева, получаемый путем продольной распилки бревна’, ‘большая пластина, на которой пишут мелом’, ‘щит для объявлений или каких-либо показателей’. Связь между данными значениями обнаруживается в том, что разные предметы, называемые словом *доска*, имеют некоторое внешнее сходство, которое отражено в определениях значений: все они обозначают конкретный предмет, имеющий плоскую форму (‘плоский срез дерева’, ‘большая пластина’, ‘щит’).

Различия между отдельными значениями многозначного слова заключаются, прежде всего, в наличии у каждого из них тех или иных дифференциальных сем, отражающих специфические особенности обозначаемых предметов, такие, как назначение соответствующего предмета (например, ‘доска для изготовления мебели’, ‘доска для писания мелом’, ‘доска для вывешивания объявлений’ и др.), материал, из которого изготовлен обозначаемый предмет, особенности внешней формы предмета, его размер, цвет и т. д.

При определении семантической структуры слова принимается во внимание также наличие у лексического значения (семемы) составляющих его частей (сем), которые связаны друг с другом определенными отношениями. Разные семы одной семемы объединяет уже то, что все они связаны с обозначением одного и того же предмета или явления и, таким образом, представляют собой своеобразное структурное целое. В то же время они различаются между собой по разным признакам, на основании чего осуществляется их классификация (ср. архисемы и дифференциальные семы той или иной семемы, семы денотативные и коннотативные и т. д.).

На этом основании можно говорить о структуре лексического значения слова, которая «складывается из семантических компонентов каждого значения» [см.: Кодухов, 1987, с. 170]. Любой лексико-семантический вариант является «иерархически организованной совокупностью сем — структурой, в которой выделяются интегрирующее родовое значение (архисема), дифференцирующее видовое (дифференциальная сема), а также потенциальные семы, от-

ражающие побочные свойства предмета, реально существующие или приписываемые ему коллективом» [ЛЭС, с. 262].

Системность словарного состава языка

Лексика как система

§ 123. Слова, образующие лексический (лексемный) уровень языка, представляют собой очень сложную систему. Единицы лексического уровня языка взаимосвязаны различными системными отношениями, они объединяются и дифференцируются как по формальным признакам (с точки зрения плана выражения), так и по семантическим признакам (с точки зрения плана содержания).

Ср.: «Вся лексика образует систему в силу того, что каждое слово и соответственно каждое понятие занимают в этой системе определенное место, очерченное отношениями к другим словам и понятиям» [Степанов, с. 52].

В грамматических описаниях все слова делятся на самостоятельные (или знаменательные, полнозначные, полные, вещественные, лексические) и служебные (иначе — формальные, грамматические, частичные). В грамматическом отношении знаменательные (самостоятельные) слова отличаются от служебных тем, что они способны выступать в роли членов предложения. Во многих языках большинство знаменательных слов используется в разных грамматических формах, т. е. склоняется, спрягается, изменяется по родам, числам, степеням сравнения и т. д. На этом основании все слова делятся на грамматически изменяемые и неизменяемые. В семантическом отношении знаменательные слова отличаются от служебных тем, что они выражают вещественные значения, обозначают различные предметы и явления действительности. Это слова, «обладающие самостоятельной номинативной функцией, обозначающие действительность самостоятельно, непосредственно, обособленно» [ЛЭС, с. 466].

Как знаменательные, так и служебные слова классифицируются по частям речи, которые различаются по семантико-грамматическим признакам. Знаменательные слова разных частей речи, образующие определенные лексико-грам-

матические классы, делятся на подклассы, именуемые лексико-грамматическими разрядами.

Среди знаменательных слов в семантическом отношении особо выделяются местоименные слова (или слова-заместители), которые иногда рассматриваются в одном ряду со словами знаменательными и служебными. Это такие слова, которые указывают на лицо, предмет, признак и т. д., но не называют их. К словам такого рода относятся собственно местоимения (*я, ты, тот, этот, такой* и др.), местоименные наречия (*здесь, там, когда, тогда, сегодня, так, потом* и др.), некоторые глаголы (*делать* в сочетании с местоимением *это* и др.).

Особый класс слов (наряду со знаменательными и служебными) представляют междометия, которые выделяются в отдельную часть речи. Это такие слова, которые выражают чувства, эмоции людей, экспрессивные оценки и т. д., не называя их (*ах, ох, эх, ой, увы, цыц, браво* и т. п.).

В словообразовании (или дериватологии) все слова делятся на производные и непроизводные. Производные слова, в свою очередь, классифицируются по способам словообразования, по словообразовательным моделям, типам и т. д.

Слова могут классифицироваться по некоторым фонетическим признакам. Например, они различаются по количеству фонем (можно говорить о словах однофонемных, или монофонемных, и полифонемных — двух- и многофонемных), по количеству слогов (различаются слова односложные, или моносиллабические, и полисиллабические — дву- и многосложные), по наличию/отсутствию словесного ударения (слова ударные и безударные). Среди ударных слов различаются слова одноударные и многоударные, т. е. имеющие наряду с основным словесным ударением еще и ударение дополнительное, побочное (например, *пéдинститúт, вóдонепроница́емый*).

При классификации слов иногда принимаются во внимание и такие формальные их признаки, как структурная цельность. С точки зрения структурной цельности различаются слова/словоформы «цельные и членимые (аналитические). Последние состоят из знаменательной части и элементов, несущих словообразовательную или грамматическую функцию» (имеются в виду конструкции *быть врачом, он будет читать* и т. п.) [ЛЭС, с. 466].

Своего рода аналитическими словами можно считать, очевидно, так называемые составные числительные: др.-рус. *три*

десяте ('тридцать'), *четыре на десять* ('четырнадцать'); рус. *двадцать три, триста сорок пять*; нем. *zwei und zwanzig* ('двадцать два', букв. 'два и двадцать'); лит. *penki šimtai* ('пятьсот') и др.

В лексикологии (точнее, в семасиологии как разделе лексикологии) слова могут классифицироваться по количеству выражаемых лексических значений. По этому признаку различаются слова однозначные (или моносемичные) и многозначные (или полисемичные).

По характеру выражаемых лексических значений все слова делятся на конкретные, т. е. слова с вещественным значением, и абстрактные, т. е. слова с обобщенным значением.

Среди конкретных слов выделяются имена собственные, которые служат индивидуальными названиями отдельных предметов, выделяя эти предметы из круга однородных предметов. По этому признаку они противопоставляются всем другим словам языка, которые называются апеллятивными словами [или апеллятивами (от лат. *appellativus* — 'нарицательный')].

Имена собственные подразделяются на топонимы, антропонимы, зоонимы, астронимы и др. Среди топонимов различаются ойконимы, гидронимы, орбонимы, космонимы, микротопонимы и т. д. [см. § 104].

Знаменательные слова (однозначные и многозначные, конкретные и абстрактные) или лексико-семантические варианты многозначных слов по семантическим признакам (по сходству лексических значений) распределяются (классифицируются) по семантическим полям. Существуют разные подходы к определению данного понятия [см.: Степанов, с. 47]. В отечественном языкознании под семантическим полем обычно понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС, с. 380] или «множество лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [РЯЭ-К, с. 458]¹.

¹ Для обозначения семантического поля нередко используются и другие термины: «лексическое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа».

Как видно из определений, в семантические поля объединяются слова, имеющие общий (интегральный) семантический признак, общее (инвариантное) значение, точнее — общий компонент значения, который может быть выражен словом или словосочетанием. В качестве примеров семантических полей можно привести названия людей по родственным отношениям (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, племянник* и др. — общий семантический признак ‘отношения родства’), названия лиц по профессии (*инженер, строитель, юрист, экономист, бухгалтер* и др. — ‘профессия’), названия животных (*слон, волк, лиса, лошадь, собака* и др. — ‘животное’) и частей живого организма (*рука, палец, голова, борода, сердце* и др. — ‘часть организма’), названия деревьев (*дуб, клён, берёза, ель, сосна* и др. — ‘дерево’), слова, обозначающие время (*год, месяц, день, сутки, час* и др. — ‘отрезок времени’), слова, обозначающие цвет (*белый, синий, фиолетовый, оранжевый, вишнёвый* и др. — ‘цвет’), слова со значением движения (*идти, бежать, ползти, плестись, ехать, лететь, плыть* и др. — ‘перемещение в пространстве’) и т. д.

Семантические поля могут объединяться в более крупные группы слов, отображающие ту или иную сферу внеязыковой действительности (например, «транспорт», «животноводство», «искусство»). Для обозначения подобных совокупностей слов или их лексико-семантических вариантов некоторые лингвисты используют составной термин «тематическое поле» [см.: ЛЭС, с. 260].

В разных языках соотносительные по содержанию семантические поля различаются по объёму (по количеству слов или их лексико-семантических вариантов). Это объясняется, в частности, тем, что многие семантически соотносительные слова не совпадают по объёму обозначаемых ими понятий. Например, в семантическом поле названий родственных отношений в соответствии с рус. *дядя* (‘брат отца или матери; муж тетки’), одинаковыми или близкими по значению чешск. *strýc*, лит. *dėdė* и другими словами в некоторых индоевропейских языках употребляются существительные с более узкими значениями: польск. *struj* (‘брат отца’) и *wuj* (‘брат матери’); укр. *дядько* (‘брат отца’) и *вуй, вуйко* (‘брат матери’). В немецком языке наряду с обозначениями *Bruder* (‘брат’) и *Schwester* (‘сестра’) употребляется еще слово *Geschwister*, обозначающее брата и

сестру или братьев и сестер, вместе взятых [см.: Маслов, 1987, с. 100].

В немецком языке в семантическом поле «животные» для обозначения лошади наряду с родовым наименованием данного животного *Pferd* ('конь, лошадь'), названиями его женской особи *Stute* ('кобыла, кобылица') и их детеныша *Fohlen* ('жеребенок') употребляются также слова, дифференцирующие обозначаемое животное по масти, породе и другим признакам: *Schimmel* ('белая, сивая лошадь'), *Rappen* ('черная лошадь'), *Mähre* ('плохая, обычно старая лошадь, кляча') и др. В арабском языке для обозначения верблюда используется ряд слов, конкретизирующих разновидности этого животного [см.: Маслов, 1975, с. 121].

Другой пример: в семантическом поле «части живого организма» в соответствии с русским словом *рука* ('одна из двух верхних конечностей человека') в немецком языке употребляются слова *Arm* ('часть руки от кисти до плеча') и *Hand* ('кисть руки'), а общее название всей конечности отсутствует. В соответствии с русским словом *палец* ('подвижная конечность кисти или стопы') в немецком языке употребляются слова *Finger* ('палец руки') и *Zeh* или *Zehe* ('палец ноги'). Для обозначения бороды и усов в немецком языке употребляется одно слово *Bart*. В польском языке словом *broda* обозначаются и борода, и подбородок.

У народов Азии и Африки существуют, например, десятки слов (до 60 названий) для обозначения разных видов пальмы.

В русском и многих других индоевропейских языках используются разные слова для обозначения синего и голубого цветов, входящие в состав семантического поля «цвет». В некоторых языках им соответствует одно, родственное по происхождению слово: нем. *blau*, англ. *blue*, франц. *bleu*.

Если в русском языке глаголом *ехать* обозначается передвижение с помощью разных транспортных средств, в том числе и езда верхом на лошади, то в немецком языке для обозначения езды верхом на лошади используется глагол *reiten*, в литовском — глагол *joti* и т. д.

Существуют и более мелкие группировки лексем и семантических лексов, включающие не менее двух лексических единиц, которые связаны различными семантически-

ми (или формально-семантическими) отношениями. Среди них наиболее известны синонимы, объединяющиеся в синонимические ряды, антонимы, образующие антонимические пары (те и другие выделяются в рамках семантических полей), омонимы, паронимы, гипонимы и др. Подобные объединения лексических единиц представляют собой своеобразные микросистемы, являющиеся важнейшими элементами общей лексической системы языка.

Синонимы

§ 124. Разные по звучанию слова одной и той же части речи, тождественные или близкие (полностью либо частично совпадающие) по лексическим значениям, т. е. тождественные по концептуальным значениям, называются синонимами (от греч. *synōnymos* — ‘одноименный’). Это слова, обозначающие одно и то же понятие, одно и то же явление действительности (один и тот же предмет, признак, действие и т. д.)¹: *лошадь — конь; луна — месяц; воин — боец — вояка; договор — соглашение — контракт; восторг — восхищение — упоение — экстаз; инструкция — руководство — наставление — устав; государство — страна — земля — держава — царство; длинный — долгий; мокрый — влажный — сырой; зелёный — травяной — изумрудный — малахитовый; красивый — прекрасный — распрекрасный — хороший — пригожий; избавить — освободить; забросить — засыпать — закидать; медлить — мешкать — тянуть — канителить — мямлить; здесь — тут; мельком — бегло — вскользь — мимоходом — мимоходом.*

Совокупность синонимов того или иного языка, той или иной части речи или какого-либо разряда слов называется синонимикой.

¹ См.: Виноградов, 1977, с. 91; Шанский, 1964, с. 51; Реформатский, 1967, с. 91; Степанов, с. 30; Новиков, 1982, с. 32; Постникова, с. 30; Гречко, 1987, с. 35; Шайкевич, с. 141; ЛЭС, с. 477; РЯЭ-К, с. 469; ОПЛТ, с. 155. Некоторые лингвисты (Р. А. Будагов, Л. А. Булаховский и др.) признают синонимами только такие слова, различающиеся по звучанию, которые обозначают одно и то же понятие, одно и то же явление действительности, но не совпадают по значению [Головин, 1983, с. 73], различаются оттенками значений [Шмелев, с. 141], имеют разные оттенки значений [Галкина-Федорук и др., 1962, с. 36] и т. д.

Семантические отношения между словами, полностью или частично совпадающими по лексическим значениям, т. е. синонимами, называются синонимическими отношениями или синонимией (от греч. *synōnymia* — ‘одноименность’).

Совокупность слов, связанных между собой синонимическими отношениями, т. е. являющихся синонимами по отношению друг к другу, называется синонимическим рядом (реже — синонимической группой, синонимической серией, синонимическим гнездом). Для обозначения кратчайшего синонимического ряда, состоящего из двух слов, связанных синонимическими отношениями, используется термин синонимическая пара.

В каждом синонимическом ряде, в том числе и в синонимической паре, выделяется главное слово, называемое доминантой (от лат. *domināns* — ‘господствующий’). Обычно в качестве доминанты выступает стилистически нейтральное слово, простое в семантическом отношении, не содержащее каких-либо оценочных элементов, наиболее употребительное в речи (в приведенных выше примерах синонимических рядов доминанта указана на первом месте).

Синонимический ряд может включать до 10 и более лексических единиц (слов или устойчивых словосочетаний). См. в ССРЯ-Е синонимические ряды с такими доминантами, как, например: *выговор, жёлтый, бояться, брести, воровать, никогда, будто бы* (по 10 лексических единиц); *надоедливый, намереваться, мгновенно* (по 11 единиц); *мальчик, неосуществимый, бухнуться, затихать* (по 12); *высокомерие, красный, важничать, немедленно, действительно* (по 13); *множество, выгнать* (по 14); *выпить* (15); *дурак, жарить* (по 16); *испытать, конечно* (по 17); *есть, напиться* (по 18); *наверное* (19). В немецком языке к числу многословных синонимических рядов относятся группы слов с доминантами: *adrett* (‘ловкий, проворный’ — свыше 10 единиц), *gehen* (‘идти, ходить’ — несколько десятков единиц) и др.

§ 125. Синонимическими отношениями могут быть связаны как однозначные, так и многозначные слова. Многозначное слово способно находиться в синонимических отношениях с другими словами во всех своих лексических значениях (лексико-семантических вариантах) или в определенной их час-

ти. На этом основании различаются синонимы полные и частичные. Полными синонимами (иногда их называют абсолютными) считаются слова, различающиеся по звучанию, но одинаковые или близкие во всех своих лексических значениях. В качестве примеров полных синонимов можно привести такие пары многозначных (или многозначных и однозначных) слов, как *дорога* и *путь*, *грустный* и *печальный*, *спешить* и *торопиться*. Естественно, полными являются все синонимы, представленные однозначными словами.

Частичными синонимами (или относительными) называются многозначные слова, полностью либо частично совпадающие с другими словами того же синонимического ряда лишь в той или иной части лексических значений. Такие слова входят в состав разных синонимических рядов. Например, существительное *буря* включается в два синонимических ряда (*буря* — *ураган*; *буря* — *гроза*), прилагательное *глухой* — в три ряда (*глухой* — *тугоухий* — *тугой на ухо*; *глухой* — *приглушённый* — *тупой*; *глухой* — *захолустный*), глагол *бить* — в четыре ряда (*бить* — *колотить* — *молотить* — *гвоздить* — *лупить*; *бить* — *колотить* — *колошматить* — *лупить* — *лупцевать* — *тузить* — *дубасить* и др.; *бить* — *разбивать* — *колотить* — *раскалывать* — *кокать*; *бить* — *ударять* — *шибать*) и т. д. В разные синонимические ряды входят также слова: *договор*, *бледный*, *дорогой* (каждое входит в два ряда); *бедный*, *богатый*, *глубокий*, *низкий*, *брат* (в три ряда); *близкий*, *быстрый* (в четыре ряда); *бросать* (в пять рядов) и др. При этом часто одно и то же слово в одном синонимическом ряду является доминантой (например, *бездна* — *пропасть* — *пучина*), а в других выступает как зависимый член ряда (например, *множество* — *масса* — *уйма* — *бездна* — *пропасть* — *тьма*).

§ 126. Как полные, так и частичные синонимы различаются по некоторым формальным признакам, по внешней структуре, в частности по морфемному составу. По этому признаку синонимы обычно делятся на однокоренные (однокорневые), и разнокоренные (разнокорневые).

Однокоренные синонимы (или словообразовательные) имеют общую (одну и ту же) корневую морфему, но различаются словообразовательными аффиксами. Ср.: *высота* — *возвышенность* — *возвышение*; *волчица* — *волчиха*; *карто-*

фель — *картошка*; *монахиня* — *монашка* — *монашенка*; *отчизна* — *отечество*; *апельсинный* — *апельсиновый*; *впалый* — *опалый*; *врождённый* — *прирождённый*; *мелодичный* — *мелодический*; *трусливый* — *трусоватый*; *грозить* — *грозиться* — *угрожать*; *закрывать* — *накрывать* — *покрывать* — *прикрывать* — *укрывать*; *вечером* — *вечерком* — *вечеру*.

Разнокоренные синонимы отличаются друг от друга корневыми морфемами. Ср.: *буря* — *ураган*, *глухой* — *захолустный*, *бить* — *колотить* и т. п. К разнокоренным синонимам следует отнести также синонимичные сложные слова, имеющие общие и разные корни: *местонахождение* — *местопребывание* — *месторасположение*; *языкознание* — *языковедение*; *дальновидный* — *дальнозоркий*; *двусторонний* — *обоесторонний*; *доброжелательный* — *благожелательный*; *общенародный* — *всенародный* и т. п.

Своеобразные однокоренные синонимы представляют собой синонимические пары, состоящие из отдельных слов (или лексико-семантических вариантов) и тождественных по концептуальному значению словосочетаний, содержащих однокоренные слова: *бежать* (например, из плена) — *совершить побег*; *выстрелить* — *произвести выстрел*; *договориться* — *заключить договор*; *подытожить* — *подвести итог*; *помочь* — *оказать помощь*; *согласиться* — *дать согласие*; *ударить* — *нанести удар*; *участвовать* — *принимать участие*; *экзаменовывать* — *принимать экзамен* и др.

Отдельные слова могут находиться в синонимических отношениях со словосочетаниями, в которых однокоренные с данными словами образования отсутствуют, например: *боровик* — *белый гриб*; *помеха* — *камень преткновения*; *бездельничать* — *бить баклуши* — *ходить руки в брюки*; *преувеличивать* — *делать из мухи слона*; *наверняка* — *как пить дать*; *небрежно* — *спустя рукава*; *неожиданно* — *как снег на голову*. Ср. образные выражения, синонимичные отдельным словам: *Перед тем как арестованных посадили в амбар, Кирилл велел задать им вопрос: откуда они идут и далеко ли держат путь* (Фед.); *Ипат разрядил в него [одного из задержанных] ружьё, ранил в руку выше кисти* (Фед.); *Он [Пастухов] повернулся к товарищу прокурора, который, не изменяя позы, а только подержав беззвучный рот секунду открытым, привёл наконец в действие свои голосовые связки* (Фед.).

§ 127. В зависимости от характера взаимоотношений между синонимичными словами (однокоренными и разнокоренными синонимами), от наличия/отсутствия семантических, стилистических и иных различий между ними все синонимы того или иного языка можно разделить на абсолютные и относительные.

К абсолютным синонимам (иначе — полным, точным, адекватным, или дублетам) относятся разные по звучанию слова, тождественные (т. е. полностью совпадающие) по лексическим значениям, стилистической окраске, сочетаемости с другими словами и по иным признакам. Ср.: «Слова, которые совершенно ничем — ни значением, ни стилем, ни сочетаемостью с другими словами и т. д. — не различаются, мы назвали бы абсолютными синонимами (в этом случае все остальные разновидности считались бы относительными синонимами» [Калинин, 1978, с. 53]¹. Абсолютные синонимы в данном их понимании встречаются относительно редко, например: *битва* — *сражение*, *забастовка* — *стачка*, *апельсинный* — *апельсиновый*, *высокомерный* — *надменный*, *заранее* — *заблаговременно*.

Значительное место среди дублетов занимают синонимы, представляющие собой равнозначные слова русского языка и их иноязычные эквиваленты (включая производные от основ иноязычного происхождения), обозначающие одни и те же реалии. Ср., например: *гостиница* — *отель*, *граница* — *рубеж*, *набросок* — *эскиз*, *печать* — *пресса*, *подлинник* — *оригинал*, *местный* — *локальный*, *уничтожить* — *ликвидировать*.

Абсолютные синонимы довольно часто используются в терминологии. Ср. лингвистические термины: *языкознание* — *языковедение* — *лингвистика* — *глоттология*; *словообразование* ('раздел языкознания') — *дериватология*; *словообразование* ('процесс образования производных слов') — *деривация*; *производное (слово)* — *дериват*; *существительное* — *субстантив*, *вид (глагола)* — *аспект*; *правописание* — *орфография*; *чередование (звуков речи)* — *альтернация*; *(звук) губной* — *лабиальный*; *(звук) губно-*

¹ Иногда при определении абсолютных синонимов учитывается только первый из названных признаков — полное совпадение слов в семантическом отношении, отсутствие различий в лексической семантике [см.: Маслов, 1987, с. 99].

зубной — *лабио-дентальный*; (*звук*) *щелевой* — *фрикативный* и др.

Относительные синонимы (иначе — собственно синонимы, неточные, неадекватные, квазисинонимы, синонимобиды) различаются по тем или иным признакам: лексическими значениями, точнее — семантическими оттенками лексических значений, стилистической окраской, сочетаемостью с другими словами. В зависимости от характера различий между ними относительные синонимы делятся на семантические, стилистические и семантико-стилистические. Некоторые лингвисты выделяют среди них синонимы дистрибутивные.

Семантическими синонимами [иначе — понятийными, идеографическими (от греч. *idea* — ‘понятие’ и *graphō* — ‘пишу’)] являются синонимичные слова, различающиеся по своим лексическим значениям или «оттеняющие разные стороны обозначаемого объекта» [ЛЭС, с. 447]. На основании семантических характеристик синонимичных слов, содержащихся в словарях синонимов и в толковых словарях современного русского языка, к семантическим синонимам можно отнести, например, такие слова (в целом или в отдельных лексико-семантических вариантах), как: *больница* — *госпиталь* — *лазарет*; *дыра* — *отверстие* — *скважина*; *источник* — *ключ* — *родник*; *кровать* — *койка*; *лопата* — *заступ*; *облако* — *туча*; *шапка* — *фуражка*; *боевой* — *военный* — *воинский*; *болезненный* — *хилый* — *слабый*; *большой* — *великий* — *огромный* — *громадный*; *низкий* — *низменный*; *болеть* — *недомогать*; *есть* — *закусывать*; *копать* — *рыть*; *потерять* — *утратить*.

Поясним семантические взаимоотношения между ними на примере отдельных синонимических рядов. Различия между синонимами *источник* — *ключ* — *родник* состоят в следующем: *источник* — ‘общее название для естественно выходящих на поверхность земли подземных вод’, *ключ* — ‘источник, в котором вода выходит с напором, с силой’, *родник* — ‘название преимущественно такого источника, в котором вода просачивается на поверхность земли’ [см.: ССРЯ-Е, т. 1, с. 448].

Различия между словами *облако* и *туча* (в их номинативных значениях) таковы: *облако* — ‘светло-серые клубы, волнистые слои в небе, скопление сгустившихся в атмосфере водяных капель и ледяных кристаллов’, *туча* — ‘большое,

обычно темное густое облако, несущее дождь, снег или град' [см.: ТСРЯ-ОШ]. В подтверждение наличия семантических различий между данными синонимичными словами можно привести примеры их использования в художественных текстах: *Облако обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо* (П.); *Облака, ещё днём бродившие по небу, к ночи, наконец, собрались в дождевую тучу* (Перв.); *Облако давно превратилось в тучу, закрывшую добрую половину неба* (Проск.).

Стилистическими называются синонимы, которые отличаются один от другого в стилистическом отношении. Это синонимичные слова, «имеющие различную стилистическую окраску», «дающие различную оценочную характеристику обозначаемого объекта» [Калинин, 1978, с. 50; ЛЭС, с. 447]. К стилистическим синонимам принято относить ряды (группы) синонимичных слов, в которых наряду со стилистически нейтральными имеются слова высокого стиля, книжные, поэтические, народнопоэтические, разговорные, просторечные, грубо-просторечные и т. п. (в словарях сопровождаются пометами: «высок.», «книжн.», «поэтич.», «народно-поэтич.», «разг.», «прост.» или «простореч.», «грубо-прост.» или «груб.-прост.»). Ср.:

гардероб — гардеробная — раздевальня — раздевалка (прост.) — *вешалка* (разг.);

глаза — очи — буркалы (разг.) — *гляделки* (прост.) — *мигалки* (прост.) — *бельма* (грубо-прост.) — *зенки* (грубо-прост.);

живот — брюхо (прост.) — *пузо* (прост.) — *утроба* — *чрево*;

красавица — красотка (разг.) — *кряля* (прост.);

ложь — неправда — обман — лганье — враньё (разг.) — *враки* (прост.) — *брехня* (прост.);

вежливый — учтивый — корректный — уважительный (разг.);

грязный — нечистый — чумазый (разг.) — *черномазый* (разг.) — *чёрный* (разг.);

извилистый — петлистый — змеистый — изгибистый (разг.) — *излучистый*;

болеть ('быть нездоровым') — *хворать* (разг.) — *прихварывать* (разг.);

есть — *кушать* — *жрать* (прост.) — *лопать* (грубо-прост.) — *трескать* (грубо-прост.) — *уписывать* (разг.) — *уплетать* (разг.) — *уминать* (прост.) — *убирать* (прост.) — *наворачивать* (прост.);

испугаться — *напугаться* — *перепугаться* — *устрашиться* — *струсить* (разг.) — *перетрусить* (разг.) — *струхнуть* (прост.) — *перетрухнуть* (прост.) — *сдрейфить* (прост.);

конечно — *разумеется* — *безусловно* — *бесспорно* — *несомненно* — *естественно* — *натурально* (прост.) — *понятно* (разг.) — *известно* (разг.).

Возможен и такой синонимический ряд, все члены которого (включая доминанту) являются стилистически отмеченными, характеризуются той или иной стилистической окраской. Подобные слова тоже следует рассматривать как стилистические синонимы. Ср. синонимические ряды:

задира (разг.) — *забияка* (разг.) — *петух* (разг.);

канитель (разг.) — *волынка* (прост.) — *морочка* (прост.);

конец (разг.) — *крышка* (прост.) — *каюк* (прост.) — *капут* (прост.) — *шабаш* — (прост.) — *труба* (прост.) — *гроб* (прост.) — *точка* (прост.);

бухнуть (разг.) — *грохнуть* (разг.) — *брякнуть* (разг.);

*бухнуть*ся/*бухнуть* (разг.) — *брякнуть*ся (разг.) — *грохнуть*ся/*грохнуть* (разг.) — *грянуть*ся (разг.) — *хлопнуть*ся (разг.) — *бахнуть*ся/*бахнуть* (разг.) — *трахнуть*ся (разг.);

чебурахнуться (прост.) — *загреметь* (прост.);

метить (разг.) — *норовить* (разг.) — *целить*/*целиться* (прост.) [см. ССРЯ-Е].

Многие синонимические ряды состоят исключительно из стилистически нейтральных слов: *век* — *столетие*; *драма* — *трагедия*; *луна* — *месяц*; *гасить* — *тушить*; *гладить* — *утюжить*; *езде* — *всюду* — *повсюду* — *повсеместно*. Такие синонимы называются нейтральными (или стилистически нейтральными).

Семантико-стилистические синонимы отличаются друг от друга одновременно и в семантическом, и в стилистическом отношении [см.: Новиков, 1982, с. 229; ЛЭС, с. 447]. Ср., например, стилистическую и семантическую характеристику следующих синонимичных слов:

богач — ‘человек, обладающий большим богатством, независимо от того, в чем оно заключается (денежный капитал, предприятия, банки и т. п.)’ и *толстосум* — ‘богач; тот, кто владеет большим капиталом, преимущественно денежным’ (прост.);

вежливый — ‘соблюдающий правила приличия, проявляющий учтивость’ и *уважительный* — ‘проявляющий уважение к окружающим, считающийся с ними’ (разг.);

идти — ‘передвигаться, делая шаги’, *переть(ся)* — ‘идти куда-либо далеко, на большое расстояние’ (прост.) и *топать* — ‘близко по значению к *идти*, но имеет грубовато-фамильярный характер’ (прост.) [см. ССРЯ-Е].

Дистрибутивные синонимы (от лат. *distribūtus* — ‘расчлененный, логически упорядоченный’) различаются по характеру связей с другими словами. Это синонимы, совпадающие по значениям, но различающиеся лексической или грамматической сочетаемостью [см.: Лексич. синонимия, с. 24]. Дистрибутивная синонимия определяется, соответственно, как «отношения, основанные на различиях в сочетаемости слов при условии понятийного тождества или близости слов» [Иванникова, с. 143]. Ср.:

синонимы, различающиеся лексической сочетаемостью: *чёрный* — *вороной* (только с существительными *конь, лошадь*); *тёмно-коричневый* — *карий* (только с существительными *глаза, очи*); *внезапный* — *неожиданный* — *скоропостижный* (только со словами *смерть, кончина*);

синонимы, различающиеся грамматической сочетаемостью:

возражать (с ф. род. п.: *возражать против кого-чего либо*) — *противоречить* (с ф. дат. п.: *противоречить кому-чему-либо*);

лишиться (с ф. род. п.: *лишиться кого-чего-либо*) — *потерять, утратить* (с ф. вин. п.: *потерять, утратить кого-что-либо*);

ввиду (с ф. род. п.: *ввиду опасности — благодаря* (с ф. дат. п.: *благодаря родителям*);

согласно (с ф. дат. п.: *согласно плану*) — *в соответствии с/со* (с ф. твор. п.: *в соответствии со сметой*).

§ 128. Обычно синонимы разных типов «существуют в лексико-семантической системе языка относительно независимо»

[Фомина, с. 120], сохраняют свои структурные, семантические, стилистические и иные отношения независимо от контекста. Это синонимы языковые (иначе — собственно языковые, общезязыковые), или узуальные (от лат. *usus* — ‘обычай, употребление’).

Возможны также синонимы окказиональные (от лат. *occasionalis* — ‘случайный’). Окказиональными или речевыми [иначе — текстовыми, контекстными (контекстуальными), контекстно-речевыми, контекстно-обусловленными, ситуативными, авторскими, индивидуальными] синонимами считаются слова, которые в языковой (лексической) системе синонимами не являются, а вступают в синонимические отношения только в контексте, т. е. в определенной речевой ситуации. Это слова, использование которых в качестве синонимов «не закреплено общенародным употреблением» [см.: Шанский, 1964, с. 68; Кодухов, 1987, с. 180; Фомина, с. 86; Лексич. синонимия, с. 26]. Например: *играть* и *стучать* — об игре в домино; *грязный* и *использованный* — о посуде и т. п.; *веселый* и *добродушный* — о смехе; *пустынный* и *неприветливый* — о доме; *хриплый* и *придушенный* — о голосе.

В каждом языке есть свои особенности, касающиеся синонимических рядов: их состава, объема и др. Для сравнения можно привести примеры использования синонимов в русском и литовском языках. Так, в соответствии с существительным *медведь*, единственным стилистически нейтральным словом в многочисленном синонимическом ряду, в литовском языке употребляются два стилистически нейтральных слова — *lokys* и *meška*; существительному *голубь*, вообще не имеющему синонимов, в литовском языке соответствуют тождественные в семантическом и стилистическом отношении слова *balandis* и *karvelis*; не образующему синонимического ряда названию гриба *лисичка* в литовском языке соответствуют несколько слов: *voveruška* (по происхождению уменьш.-ласк. к *voverė* — ‘белка’), *gaidelis* (уменьш.-ласк. к *gaidys* — ‘петух’) и *rudukė* (от *rudas* — ‘темно-желтый’); глаголу *лететь* в литовском языке соответствуют равноценные в семантическом и стилистическом отношении слова *lėkti* и *skristi* и т. д. В соответствии с русскими названиями дней недели *суббота* и *воскресенье* в литовском языке наряду с нормативными словами *šeštadienis* и *sekmadienis* употребляются славянские по происхождению названия *subata* и *nedėlia*, давно вышедшие из общего употребления, но часто

встречающиеся в народнопоэтической речи, в текстах старинных народных песен.

Во многих случаях, наоборот, несколькими словам, образующим в русском языке синонимический ряд, в литовском литературном языке соответствует одно слово. Например, в соответствии с русскими существительными *собака* и *пёс* в литовском языке используется слово *šuo*; в соответствии с несколькими русскими прилагательными, образующими синонимический ряд *красный* — *алый* — *пунцовый* — *червонный* и др., в словарях литовского языка приводится слово *raudonas* (в некоторых случаях оно сочетается с уточняющим наречием, указывающим на оттенок данного цвета).

Антонимы

§ 129. Обычно антонимы (от греч. *anti* — ‘против’ и *онума* — ‘имя’) определяются как «слова, противоположные по значению» [ЛЭС, с. 258], или как «слова с противоположными по отношению друг к другу значениями» [Будагов, 1965, с. 66], или как «слова, диаметрально противоположные по концептуальному значению» [Маслов, 1987, с. 98]. При этом нередко подчеркивается, что антонимы являются «словами разного значения, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [Шанский, 1964, с. 63]. При определении понятия «антонимы» иногда обращается внимание на принадлежность их к одной и той же части речи [см.: РЯЭ-Ф, с. 21; ЛЭС, с. 36].

Семантическая связь между словами, выражающими противоположные значения, т. е. являющимися антонимами, называется антонимическими отношениями или антонимией (иначе — антонимическим противопоставлением) [см.: ЛЭС, с. 35]. Слова, связанные антонимическими отношениями, образуют антонимическую пару или антонимический ряд (иначе — антонимическую оппозицию) [см.: Фомина, с. 117].

Антонимические отношения между словами возможны при условии, если эти слова выражают **к а ч е с т в е н н ы й** **п р и з н а к**. Антонимами могут быть слова, «имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противопоставленные по значению» [СЛТ-А, с. 50]. Качественный признак обычно выражается словами, которые «обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное и пространст-

венное значения» [Шанский, 1964, с. 64]. Чаще всего он выражается именами прилагательными, поэтому среди них антонимия наиболее распространена: *белый — чёрный, близкий — далёкий, большой — маленький, высокий — низкий, длинный — короткий, дорогой — дешёвый, нежный — грубый, ранний — поздний, сильный — слабый, старый — молодой*.

Среди других частей речи — имен существительных (*день — ночь, зима — лето, добро — зло, начало — конец, юг — север*), глаголов (*ложиться — вставать, падать — подниматься, соблюдать — нарушать*), наречий (*вперед — сзади, быстро — медленно, рано — поздно*), предлогов (*в — из, под — над*) антонимы встречаются реже.

Не образуют антонимических пар слова (или лексико-семантические варианты) с конкретными значениями, у которых отсутствует оценочная семантика: таковы, например, существительные *луг, лес, поле, озеро, дорога, дом, стол* (по крайней мере, в номинативных значениях), прилагательные *синий, фиолетовый, деревянный*, глаголы *чертить, экзаменовать* и др.

§ 130. Многозначные слова вступают в антонимические отношения в отдельных своих значениях (лексико-семантических вариантах), поэтому могут образовывать антонимические пары с разными словами. Ср., например, антонимы: *старый* ('достигший старости') — *молодой* ('не достигший зрелого возраста, еще не старый') и *старый* ('долго бывший в употреблении') — *новый* ('впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно'). При этом разные многозначные слова могут находиться в антонимических отношениях лишь в одном или нескольких из своих значений. Например, существительное *день* образует антонимическую пару со словом *ночь* только в номинативном значении: *день* ('часть суток от восхода до захода солнца, между утром и вечером') — *ночь* ('часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром'). Очевидно, в подобных случаях можно говорить о частичных антонимах (или о частичной антонимии).

Иногда антонимическую пару образуют и такие многозначные слова, которые противопоставлены друг другу во всех своих лексических значениях. Например, существи-

тельные *север* ('одна их четырех стран света и направление, противоположное югу'; 'местность, лежащая в этом направлении'); 'местность с холодным, суровым климатом, холодные края') и *юг* ('одна их четырех стран света и направление, противоположное северу'; 'местность, лежащая в этом направлении'; 'местность с теплым, жарким климатом, теплые края') противопоставлены друг другу во всех лексических значениях. Такие слова можно назвать полными антонимами, а отношения между ними — полной антонимией. Полными антонимами являются, естественно, все однозначные слова, образующие антонимичные пары.

§ 131. Подобно синонимам, антонимы различаются по структуре, т. е. делятся на разнокоренные и однокоренные (или грамматические, лексико-грамматические) [см.: Фомина, с. 115]. В разнокоренных антонимах противоположность значений выражается корневыми морфемами, что особенно ярко проявляется у непроизводных антонимичных слов: *день* — *ночь*, *север* — *юг* и т. п.

В однокоренных антонимах данную функцию выполняют различные словообразовательные средства. В русском языке это преимущественно префиксы: *друг* — *недруг*, *революция* — *контрреволюция*, *дорогой* — *недорогой*, *красивый* — *некрасивый*, *сильный* — *бессильный*, *конечный* — *бесконечный*, *надземный* — *подземный*, *внести* — *вынести*, *закрыть* — *открыть*, *собрать* — *разобрать*.

Иногда (крайне редко) в качестве таких средств используются словообразовательные суффиксы (ср.: *домик* — *домище*, *рука* — *ручища*) или флексии (ср.: *супруг* — *супруга*).

§ 132. Многозначные антонимичные слова обычно противопоставляются друг другу в отдельных лексических значениях (или лексико-семантических вариантах). По определению Л. А. Новикова, «в качестве элементарной единицы антонимического противопоставления выступает лексико-семантический вариант слова» [ЛЭС, с. 36].

Среди лексико-семантических вариантов многозначного слова могут быть варианты с противоположной семантикой, т. е. находящиеся в антонимических отношениях друг с другом, например: *бесценный* — 'очень ценный, выше всякой цены' и 'неценный, малоценный' (устар.); *определённый* —

‘твердо установленный’ и ‘некоторый, тот или иной’; *задуть* — ‘дунув, погасить (например, свечу)’ и ‘разжечь, привести в действие (о доменной печи)’; *прослушать* — ‘воспринять слухом, выслушать’ и ‘не воспринять слухом, не услышать, пропустить’ (разг.); *наверно/наверное* и *очевидно* — ‘верно, точно, несомненно’ и ‘по-видимому, вероятно, по всей вероятности’. Такое явление называется внутрисловной антонимией. Внутрисловная антонимия [или энантиосемия (от греч. *en* — ‘в, при’, *antios* — ‘противоположный’ и *sema* — ‘знак’)] может быть определена как смысловая противопоставленность лексико-семантических вариантов многозначного слова. Это «противоположность значений внутри одного и того же слова... находящая внешнее выражение в контексте, в характере синтаксических и лексических связей слова (в его разных, противоположных значениях) с другими словами» [Новиков, 1982, с. 251].

Находящиеся в антонимических отношениях лексико-семантические варианты многозначного слова называются энантиосемами (иначе — антонимами-энантиосемами, внутрисловными антонимами) [см.: Фомина, с. 116].

§ 133. Антонимичные слова, противоположность значений которых закреплена в словарном составе языка, называются зуальными антонимами (иначе — языковыми, общезыковыми). К ним относятся все слова с противоположными значениями, которые фиксируются в нормативных словарях.

Зуальным антонимам противопоставляются окказиональные антонимы (иначе — речевые, контекстуальные, контекстно-речевые, ситуативные, авторские, индивидуальные, индивидуально-стилистические)¹. Это слова, которые сами по себе антонимами не являются, но в речи, в определенном контексте приобретают противоположные значения [см.: Шанский, 1964, с. 67; Головин, 1983, с. 74; Новиков, 1982, с. 255]. Например: *Оклад у секретаря секретарский, а одежда заграничная; В углу стол для чистых подносов и рядом стол для использованных подносов* (Из бытовой речи). Особенно часто речевые антонимы используются в художествен-

¹ «Окказиональными антонимами» иногда называют антонимичные слова, лишь одно из которых является окказиональным, например: *содружество — совражество, вещный — безвещный, втиснуться — вытиснуться* [см.: Фомина, с. 121].

ных текстах: *Жёлтая сальная свеча одинаково чадила и во дворце петербургского вельможи, и в избе деревенского дьячка* (Леон.); *Сиявшая от счастья младшая из сестёр, Тоня, со своими длинными ногами ещё не девушка и уже не девочка... выбежала из домика навстречу им* (Ф.); *Он яростно хотел существовать, а мы хотели жить и будем жить* (Сурк.).

В художественной речи в качестве речевых антонимов нередко используют слова, являющиеся узуальными синонимами, что помогает создать художественный эффект. Ср., например: «...Можно и зарабатывать... **рыбной лодкой**». — «Тогда вы будете **рыбаком**, а не **рыболовом**» (Фед.); *А у Ули глаза были большие, тёмно-карие, — не **глаза**, а **очи**, с длинными ресницами, чёрными таинственными зрачками* (Ф.); *...Деды без дохтуров жили, сами раны заживляли. А у меня какие **раны**? Так, **ранения!**..* (Горб.); *Обломов... **слышал** и не **слыхал**, как раздался сухой кашель старухи... **видел** и не **видал**, как хозяйка и Акулина пошли на рынок* (Гонч.).

Антонимические отношения между словами примерно одинаково представлены в разных языках. «Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из универсалий языковых: она свойственна всем языкам, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов» [ЛЭС, с. 35].

В разных языках в качестве антонимов обычно употребляются слова, обозначающие одни и те же понятия, явления. Ср.: рус. *лето* и *зима*, укр. *літо* и *зима*, польск. *lato* и *zima*, чешск. *léto* и *zima*, лит. *vasara* и *žiema*, нем. *Sommer* и *Winter* и т. д.

§ 134. С антонимией тесно связаны такие языковые явления, как антитеза и оксюморон (или оксímорон).

Антитеза (от греч. *antithesis* — ‘противопоставление’) определяется как оборот речи (или выражение, стилистическая фигура), построенный на резком противопоставлении антонимичных слов. Иногда для обозначения данного явления используется также термин «контраст» [см.: СЛТ-А, с. 207]. Антитеза используется «для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов»

[СЛТ-РТ, с. 23]. Например: *Ученье — свет, неученье — тьма* (Посл.); «*Дни и ночи*» (Сим.); «*Живые и мёртвые*» (Сим.).

Оксюморон (от греч. *оxυτορο̅ν* — ‘остроумно-глупое’) называется сочетание слов с антонимичными значениями, которые выражают «логически несовместимые понятия, резко противоречащие по смыслу и взаимно исключающие друг друга» [Фомина, с. 123]. Например: *звонкая тишина, красноречивое молчание, пессимистический оптимизм, диахроническая синхрония; «Живой труп»* (Л. Т.); «*Оптимистическая трагедия*» (Вишн.).

ОМОНИМЫ

§ 135. Чаще всего ОМОНИМЫ (от греч. *homos* — ‘одинаковый’ и *ὄνομα* — ‘имя’) определяются как тождественные по звучанию слова с разными лексическими значениями.

Ср.: омонимы — это «слова, одинаковые по звучанию, но разные по своему значению» [Будагов, 1965, с. 46];

это «разные слова, имеющие одинаковое звучание» [Головин, 1983, с. 75];

это «разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав» [Реформатский, 1967, с. 84];

это «разные, но одинаково звучащие слова» [Маслов, 1987, с. 107].

Существует и иное, более узкое понимание омонимов. Некоторые лингвисты определяют омонимы как «слова, одинаковые по произношению, но не связанные по значению» [ЛЭС, с. 258];

как «слова, одинаково звучащие, но никак не связанные между собой по смыслу» [Калинин, 1966, с. 41];

как «одинаково звучащие слова, у которых нет общих семантических признаков, дающих возможность считать соответствующие значения значениями одного слова» [РЯЭ-Ф, с. 178].

Мысль об отсутствии семантической связи между омонимичными словами образно выразил Р. А. Будагов: «Когда отпирают *ключом* дверь, то не думают при этом о *ключе* — ‘роднике’; когда же в жаркий летний день во время прогулки пьют *ключевую* воду, то *ключ* — ‘родник’ исключает из сознания говорящего представление о *ключе*, при помощи которого запирают дверь комнаты, уходя на прогулку» [Будагов, 1965, с. 54].

Следует обратить внимание на то, что сторонники такого понимания омонимов не всегда достаточно последовательны в объ-

яснении понятия омонимии. Некоторые из них среди омонимов рассматривают и такие слова, которые теснейшим образом связаны друг с другом по своим лексическим значениям, например: *рабочий* (прил.) и *рабочий* (сущ.), *прошлое* (прил.) и *прошлое* (сущ.), *будущее* (прил. и прич.) и *будущее* (сущ.) или *задуть* ('начать дуть') и *задуть* ('погасить'), *отработать* ('кончить работать') и *отработать* ('возместить трудом') и т. п. [см.: Калинин, 1966, с. 42, 45].

Взаимоотношения между словами-омонимами называются омонимией (греч. *homōnymia* — 'одноименность').

Ср. некоторые из определений данного понятия:

«омонимия — внешнее совпадение по звуковой оболочке двух и более различных слов» [Ахманова, с. 104];

«омонимия вообще определяется как совпадение по звучанию двух или более слов, имеющих разные значения» [Степанов, с. 18];

«омонимия как лексическая категория — это семантическое отношение внутренне не связанных (немотивированных) значений, выражаемых формально сходными знаками (лексемами) и различающихся в тексте благодаря разным контекстуальным окружениям» [Новиков, 1982, с. 209].

Слова, связанные отношениями омонимии, образуют омонимические ряды. В русском языке омонимический ряд в подавляющем большинстве случаев состоит из двух слов-омонимов, т. е. представляет собой омонимическую пару: *балка*₁ — 'опорный брус' и *балка*₂ — 'овраг'; *брак*₁ — 'супружество' и *брак*₂ — 'изъян'; *бунт*₁ — 'мятеж, восстание' и *бунт*₂ — 'связка, кипа'; *ласка*₁ — 'животное' и *ласка*₂ — 'проявление нежности'; *лечь*₁ — 'рыба' и *лечь*₂ — 'трос'; *рак*₁ — 'животное' и *рак*₂ — 'болезнь'; *простой*₁ — 'несложный' и *простой*₂ — 'вынужденное бездействие'; *халатный*₁ — 'относящийся к халату' и *халатный*₂ — 'небрежный'; *заставить*₁ — 'принудить' и *заставить*₂ — 'загородить'; *косить*₁ — 'срезать косой' и *косить*₂ — 'придавать чему-либо косое положение'; *до*₁ — 'нота' и *до*₂ — 'предлог'; *на*₁ — 'предлог' и *на*₂ — 'частица'.

Значительно реже ряд объединяет три и более омонимических слова: *гриф*₁ — 'хищная птица', *гриф*₂ — 'часть струнного музыкального инструмента' и *гриф*₃ — 'штемпель с изо-

бражением подписи; надпись на документе или издании'; *дробь*₁ — 'свинцовые шарики для стрельбы', *дробь*₂ — 'число, часть единицы' и *дробь*₃ — 'частые прерывистые звуки'; *паровой*₁ — 'относящийся к *пару* — газообразному веществу', *паровой*₂ — 'относящийся к *пару* — незасеянному полю' и *паровой*₃ — 'приготовленный на пару (о еде)'; *часовой*₁ — 'стоящий на посту военнослужащий', *часовой*₂ — 'относящийся к *часу*, продолжающийся в течение часа' и *часовой*₃ — 'относящийся к *часам*'; *топить*₁ — 'поддерживать огонь в очаге', *топить*₂ — 'расплавлять' и *топить*₃ — 'заставлять тонуть'; *бар*₁ — 'небольшой ресторан', *бар*₂ — 'песчаная водная отмель', *бар*₃ — 'рабочая часть врубной машины' и *бар*₄ — 'единица атмосферного давления'; *бокс*₁ — 'вид спорта', *бокс*₂ — 'коробка для телефонного кабеля', *бокс*₃ — 'кожевенный материал для изготовления обуви' и *бокс*₄ — 'застекленная часть палаты в больнице'.

Распространены омонимы и в других языках:

нем. *Bank*₁ — 'банк' и *Bank*₂ — 'скамейка'; *Fest*₁ — 'праздник' и *fest*₂ — 'крепкий'; *Schauer*₁ — 'зритель' и *Schauer*₂ — 'дрожь, озноб, трепет';

англ. *bail*₁ — 'ведро' и *bail*₂ — 'поручительство'; *ear*₁ — 'ухо' и *ear*₂ — 'колос'; *flaw*₁ — 'порыв ветра' и *flaw*₂ — 'трещина';

франц. *louer*₁ — 'хвалить' и *louer*₂ — 'нанимать'; *pêche*₁ — 'персик' и *pêche*₂ — 'рыболовство, улов'; *point*₁ — 'точка' и *point*₂ — 'несколько'.

§ 136. Возникновение омонимов связано главным образом с такими явлениями, как заимствование слов из других языков и образование новых слов за счет собственных средств данного языка¹.

Образование омонимов в связи с заимствованием слов из других языков проявляется прежде всего в том, что многие иноязычные слова совпадают по звучанию с исконными словами заимствующего языка. В русском языке так образовались, например, омонимы: *брак*₁ ('супружество') — исконно русское слово (от глагола *брать*) и *брак*₂ ('изъян') — заимствовано из немецкого языка (от глагола

¹ О причинах возникновения омонимов см.: Шанский, 1964, с. 43; Будагов, 1965, с. 46; Калинин, 1966, с. 44; Фомина, с. 57.

brechen — ‘ломать, разбивать’); *клуб*₁ (‘шарообразная дымчатая масса’) — русское слово и *клуб*₂ (‘общественная организация’) — из английского языка; *лейка*₁ (‘сосуд для поливки’) — русское слово и *лейка*₂ (‘вид фотоаппарата’) — из немецкого языка; *лук*₁ (‘орудие стрельбы’) — русское слово и *лук*₂ (‘растение’) — слово германского происхождения; *норка*₁ (уменьш. к *нора*) — русское слово и *норка*₂ (‘животное’) — из финского языка; *скат*₁ (‘наклонная поверхность чего-либо’) — русское слово и *скат*₂ (‘морская рыба’) — из норвежского языка; *тур*₁ (‘дикий бык’) — русское слово и *тур*₂ (‘отдельная часть какого-либо состязания’) — из французского языка.

Многие омонимичные слова представляют собой заимствования из разных языков, например: *балка*₁ (‘брус’) — заимствование из немецкого языка, а *балка*₂ (‘овраг’) — слово тюркского происхождения; *бар*₁ (‘небольшой ресторан’) — из английского языка, *бар*₂ (‘мель у морского берега’) — из французского, а *бар*₃ (‘единица атмосферного давления’) — из греческого; *блок*₁ (‘приспособление для подъема тяжестей’) — из английского языка, а *блок*₂ (‘союз, объединение’) — из французского; *лава*₁ (‘расплавленная минеральная масса’) — из итальянского языка, а *лава*₂ (‘подземная горная выработка’) — из польского; *рейд*₁ (‘место стоянки кораблей’) — из нидерландского языка, а *рейд*₂ (‘военный набег в тыл противника’) — из английского; *фокус*₁ (‘точка пересечения лучей’) — из латинского языка, а *фокус*₂ (‘трюк’) — из немецкого.

В некоторых случаях омонимичные слова являются заимствованиями из одного и того же языка, например: *мина*₁ (‘взрывной снаряд’) и *мина*₂ (‘выражение лица’), а также *мотив*₁ (‘побудительная причина, повод’) и *мотив*₂ (‘мелодия, напев’) заимствованы из французского языка; *нота*₁ (‘музыкальный знак’) и *нота*₂ (‘дипломатическое обращение’) — из латинского.

Омонимы часто возникают при аффиксальном образовании одноклассных (аналогичных по словообразовательной структуре) производных слов от омонимичных производящих слов или их основ. Вследствие этого в русском языке образовались, например, такие омонимичные слова, как: *блочный*₁ (от *блок*₁ — ‘приспособление для подъема тяжестей’) и *блочный*₂ (от *блок*₂ — ‘деталь как готовая часть сооружения,

механизма'); *клеточный*₁ (от *клетка*₁ — 'помещение для зверей и птиц') и *клеточный*₂ (от *клетка*₂ — 'простейшая единица строения организма'); *паровой*₁ (от *пар*₁ — 'вещество в газообразном состоянии') и *паровой*₂ (от *пар*₂ — 'незасеянное поле'); *забродить*₁ (от *бродить*₁ — 'блуждать') и *забродить*₂ (от *бродить*₂ — 'находиться в брожении'); *затопить*₁ (от *топить*₁ — 'поддерживать огонь в очаге') и *затопить*₂ (от *топить*₂ — 'заставлять тонуть') и др.

Нередко возникновение омонимов связано с использованием омонимичных словообразовательных аффиксов (префиксов или суффиксов) в производных образованиях от одного и того же слова. Например: *городище*₁ ('большой город') и *городище*₂ ('место древнего поселения'); *топорище*₁ ('большой топор') и *топорище*₂ ('рукоятка топора'); *задуть*₁ ('начать дуть') и *задуть*₂ ('погасить'); *отработать*₁ ('кончить работу') и *отработать*₂ ('возместить трудом'); *перекрасить*₁ ('покрасить заново') и *перекрасить*₂ ('покрасить многое').

Особенно многочисленны и разнообразны омонимы, появляющиеся в результате образования сложносокращенных слов. Ср., например: *АИР* (*Арабская Исламская Республика*) и *АИР* (*артиллерийская инструментальная разведка*); *ГАУ* (*Главное артиллерийское управление*) и *ГАУ* (*Главное архитектурное управление*); *КТЗ* (*Калужский турбинный завод*) и *КТЗ* (*Кишинёвский тракторный завод*), *НТО* (*научно-технический отдел*) и *НТО* (*Научно-техническое общество*); *СМУ* (*строительно-монтажное управление*) и *СМУ* (*сложные метеорологические условия*); *СНО* (*Студенческое научное общество*) и *СНО* (*средства навигационного оборудования*). Омнимические ряды инициальных сложносокращенных слов могут включать до десяти и более слов-омонимов, например: *АПН*, *МИД*, *НКБ*, *НРБ*, *НП* и др. — по 3 омонимичных слова; *БИП*, *ГД*, *ГИК*, *МГУ*, *НТИ*, *СНП* и др. — по 4 слова; *АС*, *СО* — по 5 слов; *ГАП*, *МГК* — по 6 слов; *РН* — 7 слов; *ГК* — 8 слов; *НК* — 9 слов; *ОП* — 10 слов; *МП*, *ПК* — по 11 слов; *МК* — 13 слов; *КП* — 16 слов и т. д.

В ряде случаев омонимический ряд образуют сложносокращенное наименование и созвучное с ним простое, непрямое слово: *бинт* и *БИНТ* (*Бюро иностранной науки и техники*); *бор* и *БОР* (*безоткатное орудие*); *бук* и *БУК* (*бое-*

вой устав конницы); *Марс* (планета) и *МАРС* (машина автоматического регистрирования и сигнализации); *мот* и *МОТ* (Международная организация труда); *ром* и *РОМ* (районный отдел милиции); *Тит* (личное имя) и *ТИТ* (телевизионная испытательная таблица); *ус* и *УС* (узел связи) и др.

В славянских, германских, балтийских и некоторых других языках большое количество омонимов возникает в результате перехода слов из одной части речи в другую (конверсия). Ср.:

рус. *больной* (прил.) и *больной* (сущ.); *дежурный* (прил.) и *дежурный* (сущ.), *заведующий* (прич.) и *заведующий* (сущ.);

англ. *jump* (глагол. — ‘прыгать’) и *jump* (сущ. — ‘прыжок’); *love* (глагол. — ‘любить’) и *love* (сущ. — ‘любовь’); *salt* (сущ. — ‘соль’) и *salt* (глагол. — ‘солить’);

нем. *blau* (прил. — ‘синий, голубой’) и *Blau* (сущ. — ‘си́нева, лазурь’); *gut* (прил. — ‘хороший’) и *Gut* (сущ. — ‘бла́го’, ‘имение’); *leben* (глагол. — ‘жить’) и *Leben* (сущ. — ‘жизнь’);

лит. *kairys* (прил. — ‘левый’) и *kairys* (сущ. — ‘левша’).

Значительную роль в образовании омонимов играет семантическое (лексико-семантическое) словообразование, в частности, распад полисемии, превращение отдельных лексико-семантических вариантов многозначных слов в самостоятельные лексические единицы. Подобным путем возникли, например, омонимы:

рус. *долг*₁ (‘обязанность’) и *долг*₂ (‘взятое займы’); *лавка*₁ (‘скамья’) и *лавка*₂ (‘магазин’); *свет*₁ (‘лучистая энергия’) и *свет*₂ (‘вселенная’); *слог*₁ (‘часть слова’) и *слог*₂ (‘стиль писателя’); *лихой*₁ (‘плохой, причиняющий горе’) и *лихой*₂ (‘смелый’); *худой*₁ (‘тощий’) и *худой*₂ (‘плохой’); *топить*₁ (‘заставлять тонуть’) и *топить*₂ (‘отапливать’); *тушить*₁ (‘гасить’) и *тушить*₂ (‘варить в закрытой посуде’); *благодаря*₁ (дееприч.) и *благодаря*₂ (предлог); *хотя*₁ (дееприч.) и *хотя*₂ (союз);

нем. *Zug*₁ (‘течение, тяга’) и *Zug*₂ (‘поезд’);

франц. *train*₁ (‘ход’) и *train*₂ (‘поезд’) [см.: Будагов, 1965, с. 49; Калинин, 1966, с. 45; Маслов, 1987, с. 110; Фомина, с. 57].

Широко известен способ образования омонимов в результате перехода нарицательных имен в имена собственные. В частности, в России немало населенных пунктов с назва-

ниями: *Бор, Бугры, Горки, Грибки, Озеро, Слобода, Снегири*; есть реки *Белая, Ворона, Бабёнка, Гряда, Осётр, Таз*; озера *Долгое, Глубокое*; полуострова *Бирючий, Рыбачий*; острова *Комсомолец, Котельный, Беличий*; горы *Народная, Широкая* и мыс *Озёрный* и т. д.;

В русском языке часто встречаются фамилии, являющиеся омонимами по отношению к созвучным нарицательным именам: *Вихрь, Волк, Грач, Гриб, Дрозд, Дуб, Жук, Заяц, Кулик, Лебедь, Мучник, Пекарь, Рысь, Соболь, Соловей, Ткач, Чижик, Гора, Музыка, Скирда, Сито, Шило* и др. Ср. аналогичные омонимические образования в других языках:

нем. *Bergmann* ('горнорабочий, горец') и *Bergmann* (фамилия), *Nachtigall* ('соловей') и *Nachtigall* (фамилия);

лит. *baravykas* ('боровик') и *Baravykas* (фамилия), *gaidys* ('петух') и *Gaidys* (фамилия), *strazdas* ('дрозд') и *Strazdas* (фамилия), *uosis* ('яшень') и *Uosis* (фамилия) и др.

Нередко в качестве омонимов используются одинаковые по звучанию фамилии и личные имена, например: *Павел, Павлик, Марина, Любочка, Нарва, Полтава, Рейн, Люксембург, Франкфурт, Берлин, Жозеф, Жак, Эмиль, Натан, Кармен, Рубен* [см.: Калакуцкая, с. 119].

Весьма многочисленны также омонимы, представляющие собой фамилию и образованное от нее созвучное географическое наименование, например населенного пункта. Ср.: *Пушкин* (фамилия) и *Пушкин* (город в Ленинградской области), *Чехов* (фамилия) и *Чехов* (города в Московской и Сахалинской областях), *Жуковский* (фамилия) и *Жуковский* (город в Московской области), *Вашингтон* (фамилия) и *Вашингтон* (город в США).

Иногда омонимы возникают в результате закономерных звуковых изменений, происходящих в ходе исторического развития языка. Ср., например: *есть* (форма настоящего времени глагола-связки), где корневой гласный является исконным, и *есть* ('принимать пищу'), где корневой гласный по происхождению представляет собой звук [ě] (~~ѣ~~); *лук* ('растение'), где корневой гласный исконный, и *лук* ('ручное оружие'), где этот гласный восходит к носовому [oⁿ] (ср.: ст.-слав. *лжкѣ* — 'лук', польск. *łęk* — 'изгиб').

Омонимы могут появляться также в результате случайных звуковых совпадений. Предполагается, что подобным путем образовались такие омонимические пары, как *град*₁

(‘город’) и *град*₂ (‘атмосферные осадки’); *ключ*₁ (‘приспособление для отпираания и запираания замка’) и *ключ*₂ (‘родник’); *коса*₁ (‘земледельческое орудие’) и *коса*₂ (‘вид прически’) и др. Объясняется это тем, что «в любом языке количество звуков сравнительно ограничено, тогда как слов бесконечно много. К тому же количество слов в языке постоянно увеличивается» [Будагов, 1965, с. 46].

§ 137. В зависимости от грамматических (морфологических) и смысловых (семантических) отношений между омонимичными словами различаются два основных типа омонимов: омонимы лексические и грамматические, которые иногда называются омоформами. Некоторые лингвисты выделяют еще промежуточный тип — лексико-грамматические омонимы [см.: Будагов, 1965, с. 47; Маслов, 1987, с. 107].

Лексическими омонимами (иначе — собственно лексическими, чисто лексическими) считаются слова, совпадающие по звучанию, относящиеся к одной и той же части речи и не связанные друг с другом семантически: рус. *бор*₁ (‘сосновый лес’), *бор*₂ (‘стальное сверло’) и *бор*₃ (‘химический элемент’); *лук*₁ (‘растение’) и *лук*₂ (‘орудие стрельбы’); *пост*₁ (‘воздержание от скоромной пищи’) и *пост*₂ (‘о караульной службе’); англ. *bail*₁ (‘ведро’) и *bail*₂ (‘поручительство’); франц. *rêche*₁ (‘персик’) и *rêche*₂ (‘рыболовство, улов’). Это такие одинаково звучащие слова, которые «признаны омонимами ввиду отсутствия какой бы то ни было связи между их лексическими значениями» [Маслов, 1987, с. 108].

Грамматическими омонимами (или морфологическими) называются грамматические формы разных слов (словоформы), совпадающие по звучанию: *дуло* (сущ.) и *дуло* (глагол. в ф. средн. р. прош. вр.); *лай* (сущ.) и *лай* (глагол. в ф. повел. накл.); *пила* (сущ.) и *пила* (глагол. в ф. прош. вр.); *стих* (сущ.) и *стих* (глагол. в ф. прош. вр.); *спор* (сущ.) и *спор* (прил. в кр. ф.); *семью* (сущ. в ф. вин. п. ед. ч.) и *семью* (числ. в ф. твор. п.); *мой* (местоим.) и *мой* (глагол. в ф. повел. накл.); *три* (числ.) и *три* (глагол. в ф. повел. накл.); *лечу* (ф. наст. вр. глагола *лечить*) и *лечу* (ф. наст. вр. глагола *лететь*) [см.: Шанский, 1964, с. 42; Калинин, 1966, с. 42; Кодухов, 1987, с. 173].

Иногда грамматическими называют омонимы, возникшие в результате перехода слов из одной части речи в дру-

гую: рус. *течь* (глагол.) и *течь* (сущ.), *зло* (сущ.) и *зло* (нареч.); англ. *love* (глагол. — ‘любить’) и *love* (сущ. — ‘любовь’) и т. п. [см.: Маслов, 1987, с. 108]. Некоторые лингвисты рассматривают подобные слова как особую разновидность грамматических омонимов (омоформ) [см.: Калинин, 1966, с. 42].

К грамматическим (морфологическим) омонимам (или омоформам) нередко относят совпадающие по звучанию грамматические формы одного и того же слова: *кость* (ф. им. п. ед. ч.) и *кость* (ф. вин. п. ед. ч.); *кости* (ф. род. п. ед. ч.), *кости* (ф. дат. п. ед. ч.), *кости* (ф. предл. п. ед. ч.) и *кости* (ф. им. и вин. п. мн. ч.); *молодой* (ф. им. и вин. п. ед. ч. муж. р.) и *молодой* (ф. род., дат., твор. и предл. п. ед. ч. жен. р.) и т. д. [см.: Кокухов, 1987, с. 173; ЛЭС, с. 345].

На самом деле в подобных случаях омонимичными являются не слова как лексические единицы языка, а грамматические морфемы, с помощью которых образованы данные грамматические формы, и, соответственно, эти словоформы. Такие словоформы не являются омонимами в общепринятом понимании омонимов как р а з н ы х слов, имеющих одинаковое звучание. Во всяком случае, это совершенно иной тип омонимических отношений.

Лексико-грамматическими одни лингвисты называют омонимы, возникшие в результате конверсии, т. е. перехода слов из одной части речи в другую [см.: Будагов, 1965, с. 47]. Другие языковеды под лексико-грамматическими омонимами понимают одинаково звучащие слова разных частей речи, не связанные по лексическим значениям: рус. *простой* (сущ. — от глаг. *простоять*) и *простой* (прил.), *пасть* (сущ.) и *пасть* (глагол.); нем. *Fest* (‘праздник’) и *fest* (‘крепкий’), *weiß* (‘белый’) и *weiß* (‘знаю, знает’); англ. *light* (‘свет’) и *light* (‘легкий’); франц. *point* (‘точка’) и *point* (‘несколько’) и др. [см.: Маслов, 1987, с. 108].

§ 138. Омонимичные слова и словоформы в ряде случаев различаются по написанию (при совпадении их звучания). Такие омонимы называются омофо́нами (от греч. *homos* — ‘одинаковый’ и *phōnē* — ‘звук’)¹.

¹ Реже они называются фонетическими омонимами [см.: Галкина-Федорук и др., 1962, с. 35; Калинин, 1966, с. 42; Фомина, с. 61].

Ср.: рус. *бачок* и *бочок*, *кампания* и *компания*, *старожил* и *сторожил*, *палить* и *полить*, *поласкать* и *полоскать*, *умалять* и *умолять*, *посветить* и *посвятить*, *разредить* и *разрядить*; *изморось* и *изморозь*, *кот* и *код*, *лук* и *луг*, *пас* и *паз*, *плот* и *плод*, *рок* и *рог*, *туш* и *тушь*, *вести* и *везти*, *вперемешку* и *вперемежку*; *орёл* и *Орёл* (город), *роман* и *Роман* (личное имя), *вера* и *Вера* (личное имя), *чёрный* и *Чёрный* (фамилия);

нем. *fest* ('крепкий') и *Fest* ('праздник'), *Lid* ('веко') и *Lied* ('песня'), *Leib* ('тело, туловище') и *Laib* ('каравай');

франц. *mer* ('море'), *mère* ('мать') и *maire* ('мэр, городской голова'); *ver* ('червь'), *vert* ('зеленый') и *vair* ('беличий мех').

При рассмотрении омонимов обращается внимание на такие пары слов/словоформ, члены которых совпадают по написанию, но различаются по звучанию, как, например, англ. *lead* [led] ('свинец') и *lead* [li:d] ('вести', 'руководство, инициатива'). В русском языке различие в звучании словоформ определяется местом словесного ударения; ср.: *за́мок* — *замо́к*, *му́ка* — *мука́*, *до́рога* — *дорога́*, *кру́жка* — *кружка́*, *дома́* — *до́ма*, *па́ром* — *па́ром*, *по́лки* — *полки́*, *стре́лки* — *стрелки́*, *вы́купать* — *выкупáть*, *мо́ю* — *мою́*, *пла́чу* — *плачу́* и т. д.

В языках с тоническим (музыкальным) ударением одинаково пишущиеся слова могут различаться типом ударения, характером интонации ударного звука. Ср., например, в литовском языке *áukštas* ('высокий') с нисходящей интонацией ударного дифтонга и *aũkštas* ('чердак, этаж') с восходящей интонацией того же дифтонга; *káltas* ('долото') с нисходящей интонацией дифтонгического сочетания и *kaĩtas* ('виноват') с восходящей интонацией того же смешанного дифтонга; *màno* ('мой, моя') с ровной (нейтральной) интонацией корневого гласного и *māno* ('думает, думают') с восходящей интонацией того же гласного. Подобные пары слов/словоформ называются омо́графами (от греч. *homos* — 'одинаковый' и *graphō* — 'пишу'). Для их обозначения можно было бы использовать также составной термин «графические омонимы» (по аналогии с термином «фонетические омонимы»).

Следует заметить, что при строгом понимании омонимов как слов, совпадающих по звучанию, рассматриваемые лексические единицы не должны относиться к омонимам, так как они различаются по произношению [см.: Калинин, 1966, с. 44; Фомина, с. 61].

§ 139. Если омонимичные слова совпадают по звучанию во всех грамматических формах, они называются полными омонимами (или абсолютными). В русском языке это такие слова, как *ключ*₁ ('приспособление для отпираания и запираания замка') и *ключ*₂ ('родник'), *коса*₁ ('земледельческое орудие') и *коса*₂ ('вид прически'), *кормовой*₁ ('относящийся к *корму*') и *кормовой*₂ ('относящийся к *корме*'), *заставить*₁ ('принудить') и *заставить*₂ ('загородить, ставя что-либо') и т. п.

Омонимичные слова, которые совпадают лишь в части грамматических форм или в одной-единственной форме, называются неполными омонимами (или частичными). Это, например, такие пары слов, как *лук*₁ ('орудие стрельбы') и *лук*₂ ('растение') — второе слово употребляется только в форме единственного числа; *жать*₁ ('сжимать') и *жать*₂ ('срезать серпом') — глаголы различаются в формах, образуемых от основы настоящего времени (*жму* и *жну*, *жмёшь* и *жнёшь*, *жми* и *жни*, *жмущий* и *жнущий* и др.); *засыпать*₁ (от *спать*) и *засыпать*₂ (от *сыпать*) — глаголы различаются в формах совершенного вида (*заснул* и *засыпал*, *засну* и *засыплю*, *заснувший* и *засыпавший* и т. д.).

К частичным относятся все грамматические и лексико-грамматические омонимы, а также часть фонетических омонимов (омофонов). Например, слова *лук* и *луг*, *плот* и *плод*, *порок* и *порог* совпадают в звучании только в формах именительного и винительного падежей единственного числа; *вести* и *везти* — только в форме инфинитива.

Омонимы могут классифицироваться и по другим признакам, например в зависимости от происхождения. По этому признаку в особый тип чаще всего выделяются омонимы, возникшие в результате различных словообразовательных процессов. Такие омонимы называют словообразовательными [см.: Новиков, 1982, с. 210; Кузнецова, с. 56] или производными [см.: Галкина-Федорук и др., 1962, с. 34; Шанский, 1964, с. 44].

Паронимы

§ 140. Под паронимами (от греч. *para* — 'возле, мимо' и *опута* — 'имя') обычно понимаются слова, близкие по звучанию, относящиеся к одной и той же части речи, но различающиеся по лексическим значениям: *здравница* — *здравица*, *плата* —

оплата — выплата, гневный — гневливый, туристский — туристический, цветной — цветовой, шумный — шумливый — шумовой, эффектный — эффективный, представить — предоставить, представиться — престо-ваться и т. п.

Совокупности подобных слов образуют паронимические ряды (чаще пары). Отношения между такими словами называют паронимией.

Ср.: паронимы — это «однокоренные слова, которые принадлежат одной части речи, имеют сходство в звучании (в связи с общим корнем или основой), но различаются своими значениями (*костный — костлявый, гадливость — гадость, выплатить — заплатить — оплатить*)» [РЯЭ-К, с. 326];

паронимия — это «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [ЛЭС, с. 368].

Некоторые лингвисты к паронимам относят не только однокоренные образования, но и близкие по звучанию разнокоренные слова.

Ср.: «От омофонов следует отграничивать паронимы — слова с разным написанием, имеющие очень близкое, но все же не тождественное произношение (*серы — сэры, раут — раунд, парят — парад, банка — банька, рассвет — расцвет, гама — гамма, весело — весила, отчёт — отсчёт, шута — шутя, месяца — месится, будет — будит, власти — влазьте и т. п.*)» [Шанский, 1964, с. 42—43];

«паронимами называются разные по значению слова, сходные по произношению, лексико-грамматической принадлежности [т. е. по части речи. — В. Н.] и, к а к п р а в и л о [выделено нами. — В. Н.], родству корней» [Фомина, с. 103].

В лингвистической литературе отношения между подобными словами часто рассматриваются как особое явление, называемое пароно́мазией (от греч. *para* — ‘возле, мимо’ и *ономазō* — ‘называю’).

Ср.: «От паронимии следует отличать явление парономазии, которое проявляется в максимальном, но случайном с семантической точки зрения сходстве фонетических оболочек слова, например: *пытать* и *питать, родник* и *рудник, звание* и *знание* и под.» [Кузнецова, с. 65];

парономазия — это «стилистический прием, предполагающий нарочитое сближение слов, в чем-либо сходных в своем звуковом составе (*Из года в год негодная погода*, Мартынов). Сопоставляются любые слова — родственные, звуковое сходство которых обусловлено их словообразовательными связями (*Из дверей сарая... вышла сгорбленная, согнутая **прожитым** и **пережитым** старуха*, Шолохов), и неродственные, звуковое подобие которых случайно (*Ах, **тошнит** от тебя, **тишина!***, Вознесенский)» [РЯЭ-К, с. 327].

Паронимы могут классифицироваться по разным признакам — формальным и семантическим. Наиболее четко они разграничиваются по словообразовательной структуре, например по словообразовательным средствам. По этому признаку различаются паронимы, противопоставленные друг другу по словообразовательным префиксам или префиксальным морфам (ср.: *плата — оплата — **выплата**, одеть — надеть, поменять — **обменять**, представить — **предоставить**, **представиться** — **преставиться***), по словообразовательным суффиксам или суффиксальным морфам (ср.: *гадость — **гадливость**, здравница — **здравница**, гневный — **гневливый**, двойной — **двойственный**, травяной — **травянистый**, цветной — **цветовой**, шумный — **шумливый** — **шумовой**) и т. д. [см.: РЯЭ-К, с. 327].*

Гипонимы

§ 141. В семантическом отношении (или с точки зрения плана содержания) в словарном составе языка особо выделяются такие «объединения» слов, как гипонимы (от греч. *huro* — ‘внизу, снизу, под’ и *опута* — ‘имя’). Это слова, «организованные по принципу подчинения значений, например *берёза — дерево — растение*» [ЛЭС, с. 258]. Иначе говоря, гипонимы — это слова, обозначающие предметы и явления действительности, находящиеся в родо-видовых отношениях друг с другом. Так, слово *берёза* обозначает видовое понятие по отношению к слову *дерево*; в свою очередь, *дерево* обозначает видовое понятие по отношению к *растению*. И наоборот, слово *растение* обозначает родовое понятие по отношению к слову *дерево*, название которого является родовым обозначением по отношению к названию *берёза*. Ср. также семантические взаимоотношения между словами *колли* — *овчарка* —

собака — животное; холм — гора — возвышенность; озеро — водоём и т. д.

Взаимоотношения между гипонимами (в данном их понимании) называют гипонимией.

Ср.: гипонимия — это «родо-видовые отношения между лексическими единицами языка» [Новиков, 1982, с. 241];

это «одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле — иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях» [ЛЭС, с. 104].

Существует и иное понимание гипонима. Этим термином иногда обозначается совокупность (множество) слов как элементов определенного класса, объединенных словом, являющимся названием данного класса [см.: Маслов, 1987, с. 97; РЯЭ-К, с. 81]. В качестве примера гипонимов (в данном их понимании) можно привести ряд слов: *берёза — дуб — ель — клён — ольха — осина — сосна* и т. п., которые объединяются родовым обозначением *дерево*. Слово, являющееся названием соответствующего класса наименований (видовых обозначений), т. е. выражающее общее, родовое понятие (в данном случае — *дерево*), называется гиперонимом [см.: Новиков, 1982, с. 138; Маслов, 1987, с. 96; ЛЭС, с. 104] или суперординатой [см.: РЯЭ-К, с. 81].

Наряду с системной классификацией слов, осуществляемой по определенным формальным и семантическим признакам лексических единиц, возможна также их стратификационная классификация. Иными словами, возможна дифференциация словарного состава языка «с точки зрения тех или иных социолингвистических характеристик» [Кузнецова, с. 135], при которой различаются слои лексики, не связанные непосредственно с теми или иными формальными либо семантическими особенностями слов. В этом смысле лексические единицы могут классифицироваться по таким признакам, как сфера употребления, эмоциональная окраска, происхождение и др.

В учебной литературе словарный состав русского языка в этом плане обычно дифференцируется по следующим признакам:

1) по происхождению — различается прежде всего лексика исконная и заимствованная;

2) по сфере употребления (или по социально-диалектному составу) — различается лексика общенародная и социально или

территориально ограниченная — диалектизмы, профессионализмы, арготизмы;

3) по экспрессивно-стилистической характеристике — различается лексика межстилевая, книжная, разговорно-бытовая и эмоционально-экспрессивная;

4) по отношению к активному/пассивному использованию различается активный словарный запас и пассивный словарный запас; особо выделяется устаревшая лексика и неологизмы.

Фразеология

Понятия фразеологии и фразеологизма

§ 142. Термин фразеология (от греч. *phrasis* — ‘выражение’ и *logos* — ‘слово, учение’) обычно используется для обозначения совокупности фразеологических словосочетаний того или иного языка (или фразеологизмов).

Иногда этот термин употребляется в более узком значении: им называется «совокупность характерных способов выражения, присущих определенной социальной группе, отдельному автору или литературно-публицистическому направлению (например, фразеология романтизма, фразеология М. Е. Салтыкова-Щедрина)» [РЯЭ-Ф, с. 383].

Фразеологизмами (иначе — фразеологическими единицами, фразеологическими словосочетаниями и т. п.) называются «устойчивые обороты речи, не переводимые дословно на другой язык» [ССРЛЯ, т. 16, с. 1542].

Ср.: фразеологизм (фразеологическая единица) — это «общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры — словосочетания и предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [РЯЭ-К, с. 605];

это «устойчивые сочетания слов, характеризующиеся слитностью, нечленимостью значения, непринудительностью связей между словами и цельностью воспроизведения в речи» [Головин, 1983, с. 80];

это «лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в речи в виде готовой речевой единицы» [СЛТ-РТ, с. 468];

это «воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Шанский, 1964, с. 167—168];

это «существующая в языке на данном этапе его исторического развития постоянная комбинация словесных знаков: предельная и целостная; воспроизводимая в речи его носителей; основанная на внутренней зависимости членов; состоящая минимум из двух строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в известной последовательности; грамматически организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний или предложений; обладающая единым значением, в разной степени комбинаторным в отношении к значениям сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» [Архангельский, с. 91].

В языковой системе фразеологизм занимает промежуточное положение между словом как основной единицей лексики и свободным сочетанием слов как одной из важнейших единиц синтаксиса. От слова фразеологизм отличается тем, что он включает не менее двух знаменательных слов как грамматически оформленных лексических единиц. От свободного сочетания слов фразеологизм отличается:

1) смысловой целостностью, или семантической спаянностью отдельных лексических элементов (все словосочетание выражает одно общее значение, одну идею); это лексикализованное словосочетание, выражающее единое понятие;

2) лексической непроницаемостью, т. е. невозможностью вставки между лексическими компонентами фразеологизма каких бы то ни было лексических единиц;

3) воспроизводимостью в речи (в процессе общения фразеологизмы не создаются говорящими из разных слов, а используются как готовые элементы языковой системы).

Многие фразеологизмы характеризуются еще и такими признаками, как наличие переносного значения и экспрессивно-эмоциональной окраски.

На основании существенных отличительных признаков фразеологизма (т. е. таких, по которым фразеологизмы по-

следовательно отличаются от других языковых единиц) фразеологизм может быть определен как регулярно воспроизводимое в речи сочетание двух и более знаменательных слов, характеризующееся смысловой целостностью и лексической непроницаемостью [см. § 143].

В учении о фразеологизмах имеются некоторые дискуссионные вопросы. В частности, одни лингвисты рассматривают пословицы, поговорки, крылатые слова и речевые штампы как фразеологизмы, другие — не относят такие языковые единицы к фразеологии.

Термином фразеология обозначается также раздел языкознания (лексикологии), который изучает фразеологизмы. В этом разделе исследуются природа устойчивых словосочетаний отдельного языка или разных языков, их формальные и семантические признаки, синтаксические функции, экспрессивная окраска, стилистическая характеристика, системные отношения между фразеологизмами, возможность классификации фразеологизмов по разным признакам, их связи с другими языковыми единицами (прежде всего со словами), специфика их лексических компонентов, их звуковой состав и грамматические особенности и т. д. [см.: РЯЭ-К, с. 608].

Устойчивые словосочетания могут исследоваться как с точки зрения их функционирования в тот или иной период существования языка, так и с точки зрения их изменения в процессе языкового развития. В связи с этим различаются два аспекта фразеологии как раздела языкознания: фразеология синхроническая (или описательная) и фразеология диахроническая (или историческая).

Классификация фразеологизмов

§ 143. Фразеология (фразеологический состав) любого языка представляет собой своеобразную систему или подсистему.

Подробное объяснение системы фразеологии предлагает В. Н. Телия: «Понятие системности фразеологического состава отражает наличие упорядоченных связей и отношений между фразеологизмами и взаимосвязанности единиц фразеологического состава с общезыковой системой значимых единиц. Разработка проблем системности фразеологического состава связана с описанием фразеологизмов как структурно-семантических единиц языка, с изучением типов их значения, полисемии, омоимии, вариантности, с выявлением грамматических классов

фразеологизмов и с раскрытием их синтаксических функций. В задачи системного изучения фразеологического состава входит описание межфразеологической и лексико-фразеологической синонимии, антонимии, тематических группировок, функционально-стилистической дифференциации фразеологизмов, а также выявление закономерностей фразеологического образования (образования фразеологизмов) и фразеологической деривации — образования новых значений фразеологизмов» [РЯЭ-К, с. 608].

Фразеологические единицы различаются и могут классифицироваться по разным признакам: семантическим (или структурно-семантическим — прежде всего по степени смысловой спаянности компонентов), грамматическим (морфологическим и синтаксическим), стилистическим и др.

Ср.: «Фразеологический состав языка классифицируется по разным основаниям: структурно-семантическим, грамматическим, функционально-стилистическим. При этом ведущим в фразеологии является структурно-семантический принцип классификации, восходящий к классификации В. В. Виноградова и основанный на критериях семантической спаянности или аналитичности значения фразеологизмов» [РЯЭ-К, с. 608—609].

§ 144. В зависимости от степени семантической спаянности компонентов принято различать следующие типы фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические сочетания и фразеологические единства. Н. М. Шанский дополнил данную классификацию еще одним типом фразеологизмов, которые назвал фразеологическими выражениями.

Фразеологическими сращениями называется «тип фразеологических единиц, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» [Виноградов, 1977, с. 121]. Иначе говоря, это «такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов» [Шанский, 1964, с. 195]. Например: *бить баклуши, втирать очки, губа не дура, казанская сирота, как пить дать, куда ни шло, неровён час, очертя голову, почём зря, себе на уме, спустя рукава,*

съесть собаку, точить лясы, у чёрта на куличках, чем свет.

Фразеологизмы данного типа иногда называют идиомами. Термин «идиома» неудобен тем, что он неоднозначен: некоторые лингвисты используют его для обозначения всех семантически неделимых фразеологических единиц, т. е. фразеологических сращений и фразеологических единств; используют его также в качестве абсолютного синонима по отношению к термину «фразеологизм», т. е. для обозначения фразеологических единиц любого типа.

Фразеологические сочетания¹ отличаются от фразеологических сращений тем, что каждый их лексический компонент (каждое знаменательное слово) выражает отдельное значение и общее значение фразеологизма частично мотивируется семантикой отдельных компонентов. «Для фразеологического сочетания характерно, что его лексические компоненты... ощущаются как отдельные, имеющие свое особое значение слова. Правда, одно из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, употреблено в несвободном, связанном значении и, следовательно, не вполне самостоятельно» [Виноградов, 1977, с. 137—138]. Например: *белые стихи, закадычный друг, заклятый враг, крошечный ад, плакучая ива, скоропостижная смерть, трескучий мороз, чёрный хлеб, щекотливый вопрос, насупить брови, расквасить нос, скалить зубы, тарасить глаза.*

Фразеологические единства² представляют собой фразеологизмы, формально соотносящиеся со свободными сочетаниями слов и семантически мотивированные ими. Это «тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые [подобно фразеологическим сращениям] тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов» [Там же, с. 131]. Например: *зелёная улица* (образное обозначение свободного пути),

¹ Термин «фразеологическое сочетание» не следует смешивать с названием родового понятия «фразеологическое словосочетание».

² Не следует смешивать термины «фразеологическое единство» и «фразеологическая единица».

капля в море ('ничтожная доля чего-либо'), *первый блин комом* ('о неудачном начале какого-либо дела'), *первая ласточка* ('о первых признаках проявления чего-либо'), *семь пятниц на неделе* ('о том, кто часто меняет свои решения, настроения'), *делать из мухи слона* ('преувеличивать'), *держат камень за пазухой* ('таить злобу против кого-либо'), *закинуть удочку* ('осторожными разговорами разузнать, выяснить что-либо'), *зарыть талант в землю* ('погубить свои способности'), *заткнуть за пояс* ('превзойти кого-либо в чем-либо'), *класть зубы на полку* ('голодать, испытывать нужду'), *мутить воду* ('умышленно запутывать какое-либо дело, обстоятельство'), *плясать под чужую дудку* ('беспрекословно исполнять чью-либо волю'), *прокатить на воронных* ('забаллотировать кандидата'), *сматывать удочки* ('уходить откуда-либо, поспешно оставлять какое-либо место'), *согнуть в бараний рог* ('сделать покорным'), *тянуть ляжку* ('заниматься тяжелым, однообразным, неприятным делом'), *чесать язык* ('пустословить, судачить'). Подобные словосочетания существуют «и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных, значениях)» [Шанский, 1964, с. 198].

К фразеологическим выражениям относятся семантически членимые устойчивые словосочетания, состоящие из слов со свободными значениями и употребляющиеся в прямом значении. «Фразеологическими выражениями следует называть такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Там же, с. 201]. Например: *высшее учебное заведение, партийный билет, социалистическое соревнование, трудовые успехи, на данном этапе; Любви все возрасты покорны; Человек — это звучит гордо; Волков бояться — в лес не ходить; Не всё то золото, что блестит.*

По некоторым признакам фразеологические выражения напоминают фразеологические единства, с одной стороны, и свободные сочетания слов — с другой. От свободных сочетаний слов они отличаются смысловой целостностью, лексической непроницаемостью и воспроизводимостью в речи, что характерно для всех фразеологизмов. «Основная специфиче-

ская черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящими, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [Там же]. От фразеологических единств они отличаются тем, что употребляются в прямом значении.

Степень семантической спаянности лексических компонентов фразеологических единиц разных типов во многом определяется соотношением слов со свободным и фразеологически связанным значениями. У фразеологических сращений разные лексические компоненты (знаменательные слова) имеют фразеологически связанные значения, чем обеспечивается максимальная семантическая спаянность компонентов фразеологизма, абсолютная неделимость его значения.

У фразеологических сочетаний имеются слова как со свободным, так и со «связанным» употреблением, и это означает, что степень спаянности компонентов у таких фразеологизмов ниже, чем у фразеологических сращений. Фразеологические единства и фразеологические выражения состоят из слов со свободными значениями, при этом фразеологические единства в целом употребляются переносно, их «неразложимое значение... возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого», в то время как фразеологические выражения употребляются в прямом значении, по общему значению они «ничем не отличаются от свободных словосочетаний» [Шанский, 1964, с. 201, 198—199].

§ 145. По грамматическим признакам фразеологические единицы делятся на фразеологизмы, эквивалентные слову, и фразеологизмы, эквивалентные предложению.

Среди фразеологических единиц, соотносящихся со словом, различаются фразеологизмы, эквивалентные словам разных частей речи:

1) имени существительному (или субстантивны): *белый гриб, железная дорога, закадычный друг* и т. п.;

2) глаголу (или глагольные): *бить баклуши, тянуть лямку, делать из мухи слона* и т. п.;

3) наречию (или наречные): *сломя голову, спустя рукава, как пить дать* и т. п.

Термины «субстантивный фразеологизм», «глагольный фразеологизм», «наречный фразеологизм» используются также для разграничения фразеологических единиц по части речи главного (опорного) слова: субстантивным называется фразеологизм, у которого главным словом является существительное, глагольным — фразеологизм с главным словом, являющимся формой глагола, и т. д.

Фразеологизмы, эквивалентные предложению (используемые в качестве целых предложений), представлены в русском языке такими единицами, как, например: *дело табак; семь пятниц на неделе; чёрта с два; Карты на стол; Чёрт возьми!* К ним можно отнести также пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения (если рассматривать их как фразеологизмы): *в тихом омуте черти водятся; первый блин комом; аппетит приходит во время еды* и др.

§ 146. Фразеологические единицы дифференцируются в стилистическом отношении. Наряду со стилистически нейтральными фразеологизмами (типа *белый гриб, чёрный ящик, часть речи, творительный падеж, сослагательное наклонение*) возможны фразеологизмы разговорные (типа *закадычный друг, лезть на рожон, попасть впросак, тарачить глаза*), просторечные (типа *болтать языком, валять дурака, заткнуть за пояс, точить балясы, чесать языком, дело табак, чёрта с два*) и т. д.

§ 147. Некоторые лингвисты обращают внимание на возможность классификации фразеологических единиц в зависимости от происхождения. Они предлагают делить их по этому признаку на исконные и заимствованные, включая кальки и полукальки, т. е. производные выражения, построенные (полностью или частично) из элементов данного языка по образцу соответствующих выражений другого языка.

К собственно заимствованиям относятся такие фразеологизмы, иногда употребляющиеся в русском языке, как: *alma mater* (лат., букв. ‘мать-кормилица’ — ‘о высшем учебном заведении, где учился говорящий’), *homo sapiens* (лат., букв. ‘мыслящий человек’ — ‘о человеке, в отличие от обезьяны или другого животного’), *terra incognita* (лат.,

букв. ‘неизвестная, неизведанная земля’ — ‘о чем-либо неизвестном, неисследованном’), *volens nolens* (лат., букв. ‘волей-неволей’ — ‘хочешь не хочешь’), *bonne mine au mauvais jeu* (франц., букв. ‘веселое лицо при скверной игре’ — ‘о старании скрыть досаду, разочарование при неудаче’; ср.: *делать хорошее выражение при плохой игре*) и др. В процессе усвоения заимствующим языком подобных фразеологических единиц они могут превращаться («сливаться») в сложные слова: *перпетуум-мобиле* (ср. лат. *perpetuum mobile* — ‘вечный двигатель’), *тет-а-тет* (ср. франц. *tête à tête* — букв. ‘голова с головой’) и т. п.

В качестве примеров к а л е к можно привести некоторые фразеологизмы, являющиеся научными (лингвистически) терминами: *части речи* (букв. перевод лат. *partes orationis* и греч. *tà mērē tū lōgu*), *имя существительное* [букв. перевод лат. *nomen substantivum* (от *nomen* — ‘имя’ и *substo* — ‘существую, имеюсь в наличии’)], *имя прилагательное* [букв. перевод лат. *nomen adjectivum* (от *adjitio* — ‘прибавляю, присоединяю, прилагаю’)].

§ 148. Рассмотренные выше типы фразеологических единиц могут быть выделены во многих языках, по крайней мере индоевропейских. В то же время в разных языках наблюдаются заметные различия между равнозначными фразеологизмами, относящимися к одному и тому же типу. Они касаются, в частности, лексической семантики отдельных компонентов фразеологизмов, тождественных по общему значению. По этому признаку можно выделить три основных типа взаимоотношений между равнозначными фразеологизмами:

1) в разных языках соотносительные по общему значению фразеологизмы состоят из компонентов, идентичных по лексическим значениям; ср.: рус. *каменный уголь* — укр. *кам'яне вугілля* — польск. *węgel kamienny* — чешск. *katenné uhli*; рус. *белый уголь* (‘энергия воды’) — нем. *weiße Kohle*; рус. *закинуть удочку* — нем. *die Angel auswerfen nach*; рус. *Волка ноги кормят* — лит. *Vilką kojoms peni*; рус. *Где тонко, там и рвется* — лит. *Kur trumpa, ten trūksta*; лат. *Veni, vidi, vici* — рус. *Пришёл, увидел, победил* (изречение Юлия Цезаря, дословно переводимое на разные языки);

2) фразеологизмы частично совпадают по семантике лексических компонентов; ср.: рус. *вылитый отец* — франц. *c'est son père tout craché* (букв. 'это его отец, совершенно выплюнутый'); рус. *с глазу на глаз* — нем. *unter vier Augen* (букв. 'между четырех глаз'); рус. *Лес рубят — щепки летят* — лит. *Be skiedros medžio nenukirsi* (букв. 'без щепки дерева не срубишь'); рус. *пар костей не ломит* — лит. *šiluma kaulų nelaužo* (букв. 'тепло костей не ломит'); рус. *не боги горшки обжигают* — лит. *ne šventieji puodus lipdo* (букв. 'не святые горшки лепят');

3) фразеологизмы не имеют лексических компонентов, идентичных по своим значениям; ср.: рус. *спустя рукава* — франц. *tant bien que mal* (букв. 'столь же хорошо, сколь плохо'); рус. *с глазу на глаз* — англ. *face to face* (букв. 'лицо к лицу') — франц. *tête à tête* (букв. 'голова с головой'); рус. *одет с иголки* — франц. *être tiré à quatre épingles* (букв. 'быть натянутым на четыре булавки') — рум. *ca scos din cutie* (букв. 'как вытасченный из ящика') и т. д.

Многим фразеологическим единицам, употребляющимся в том или ином языке, в других языках соответствуют по значению отдельные слова, обычно производные, преимущественно сложные. Например: рус. *железная дорога* — чешск. *železn'ce* (ср. *železný* — 'железный') — нем. *Eisenbahn* (от *Eisen* — 'железо' и *Bahn* — 'дорога, путь') — лит. *geležinkelis* (от *geležinis* — 'железный' и *kėlias* — 'дорога, путь'); рус. *каменный уголь* — нем. *Steinkohl* (от *Stein* — 'камень' и *Kohle* — 'уголь'); рус. *часть речи* — нем. *Redeteil* (от *Rede* — 'речь' и *Teil* — 'часть'); рус. *именительный падеж* — польск. *mianownik* (ср. *mianować* — 'называть, именовать') — лит. *vardininkas* (ср. *vardas* — 'имя, название, наименование') — нем. *Nominativ* — франц. *nominatif* — исп. *nominativo*; рус. *сослагательное наклонение* — нем. *Subjunktiv, Konjunktiv* — франц. *subjonctif* — исп. *subjuntivo*.

Терминология

Понятие терминологии

§ 149. Слово «терминология» (от лат. *terminus* — 'предел, граница' и греч. *logos* — 'слово, учение') в современном языкознании используется в разных значениях. В соответствии со структу-

рой этого термина им обозначается учение о терминах, раздел языкознания (лексикологии), занимающийся изучением терминов, или соответствующая научная (научно-прикладная) дисциплина. Однако в данном значении названный термин употребляется крайне редко.

Ср.: «Терминология — раздел языкознания, изучающий совокупность терминов, их грамматическую организацию и законы функционирования» [Головин, Кобрин, с. 7];

«в зависимости от своеобразия лексем и составных наименований выделяются такие лексикологические дисциплины, как фразеология, терминология, ономастика» [Кодухов, 1987, с. 159].

Для обозначения данного понятия некоторые лингвисты используют близкий по строению термин «терминоведение»: «В русле теоретического и прикладного языкознания складывается новая научная дисциплина — терминоведение, объектом которой становится термин, его семантическая и грамматическая организация, роль в коммуникативных процессах» [Головин, Кобрин, с. 6; см. также: РЯЭ-К, с. 557, 559].

В лингвистике терминологией чаще всего называют совокупность терминов, употребляемых в том или ином языке или в определенной сфере деятельности людей.

Ср.: терминология — это «совокупность терминов... обозначающих понятия какой-либо специальной области знаний или деятельности (например, терминология лингвистическая...), а также совокупность терминов какого-либо естественного языка (например, русская терминология)» [РЯЭ-К, с. 558];

это «совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению» [Реформатский, 1967, с. 110—111];

это «соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (областью знания, техники, управления, культуры) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» [Головин, Кобрин, с. 5].

Нередко для обозначения понятий определенной области знания или какой-либо сферы деятельности используется составной термин «терминологическая система» или созданное на его базе сложное образование «терминосистема».

Ср.: «Что такое в принципе любая терминологическая система, или, короче, терминосистема? Это соотнесенная с определенной областью знания, проблемой, темой, научной школой и т. д. совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном (дериватологическом) и грамматическом “уровнях”» [Березин, Головин, с. 270].

Термины «терминология» и «терминосистема» используются в разных значениях. Например, предлагается такое объяснение рассматриваемых явлений: собственно терминология — это «стихийно сложившаяся совокупность терминов, отражающая исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной области», а терминосистема «появляется тогда, когда какая-либо область знания или деятельности сложилась в достаточной степени, имеет свою теорию, выявила и осознала все свои основные понятия и связи между ними. В отличие от терминологии, терминосистема конструируется специалистами данной области из сознательно отбираемых, а в ряде случаев и специально создаваемых слов и словосочетаний-терминов, а также терминов, заимствуемых из другого языка, для изложения теории, описывающей данную область» [РЯЭ-К, с. 558, 559].

Понятие термина

§ 150. В понимании термина как единицы терминологии (или элемента терминосистемы) мнения лингвистов существенно различаются, что находит отражение в определениях данного понятия. Совершенно очевидно, что термин, равно как и любая другая знаковая единица языка, имеет экспонент (или означающее) и содержание (или означаемое), однако представление об экспоненте и содержании терминологического знака у языковедов разное.

Экспонентом термина традиционно считается слово, хотя большинство современных лингвистов в качестве экспонента терминологической единицы рассматривают не только слово, но и словосочетание. При определении понятия «термин» в качестве ближайшего родового понятия одни ученые (Р. А. Будагов, А. А. Реформатский, М. И. Фомина, Н. М. Шанский) называют, соответственно, слово, другие (О. С. Ахманова, Б. Н. Головин, А. В. Калинин, В. И. Кодухов, Р. Ю. Кобрин и др.) — слово или словосочетание, выра-

жение, составное наименование и т. п. В настоящее время, кажется, никто не сомневается в том, что термином может быть не только отдельное слово, но и словосочетание, хотя в вопросе о том, какие именно словосочетания могут быть терминами, полной ясности нет.

Нет единства мнений и по вопросу о морфологических свойствах термина, о его частеречной принадлежности. Одни лингвисты признают терминами только имена существительные и субстантивные словосочетания, т. е. словосочетания с главным словом — существительным. Другие ученые, не считая этот признак обязательным, признают терминами знаменательные слова разных частей речи и построенные на их основе словосочетания (такие словосочетания называют составными терминами). В современном языкознании преобладает первая точка зрения, которая представляется более убедительной.

Например, по утверждению А. И. Моисеева, «языковой формой выражения терминов являются имена существительные и словосочетания на их базе», термины — это «слова и словосочетания строго номинативной функции, а именно: определенный тип имен существительных и словосочетаний на их основе», «это строго номинативная часть специальной и общей лексики и фразеологии в форме имен существительных и словосочетаний на их базе». Правомерность такого взгляда на термин подтверждается, в частности, тем, что «номинативной функцией в строгом смысле обладают лишь определенные разряды имен существительных и устойчивые сочетания на их базе». Что касается слов других частей речи, то они имеют косвенное отношение к терминологии [Моисеев, 1970, с. 135, 138, 338, 137].

По мнению Б. Н. Головина, термины ограничиваются «свойствами частей речи: имя прилагательное, глагол, наречие включаются в терминологические связи не самостоятельно, а через посредство имени существительного» [Головин, 1973, с. 12].

К составным терминам (двусловным и многословным) обычно относят только словосочетания с подчинительной связью компонентов [см.: Березин, Головин, с. 264]. В то же время некоторые языковеды среди составных терминов рассматривают не только подчинительные, но и сочинительные словосочетания (например, *пространство и время, язык и созна-*

ние, слово и понятие). Для признания подобных слово-сочетаний терминами нет достаточных оснований.

Ср.: «Сочетание слов на основе сочинительной связи равнозначно именуется одновременно два понятия и предмета, что противоречит логике и законам процесса терминования. С помощью такого терминологического сочетания мы скорее имеем обозначение проблемы, сформулированной двумя самостоятельными терминами как взаимоотношение двух научных феноменов» [Лемов, с. 38].

Отличительной особенностью содержания термина является то, что он имеет профессиональное значение, обозначает определенное научное, производственное, техническое и т. п. понятие. Это признают все языковеды, хотя связь термина с понятием трактуется лингвистами по-разному. В соответствии с этим в понимании (и определении) термина различается несколько концепций:

1) термином является слово/словосочетание, которое называет понятие, т. е. выполняет номинативную функцию (Г. О. Винокур, Е. М. Галкина-Федорук и др.);

2) термином считается слово, которое выражает понятие, т. е. выполняет выразительную, экспрессивную функцию (А. А. Реформатский, С. М. Бурдин и др.);

3) термин — это слово, обозначающее понятие, т. е. выполняющее сигнификативную функцию (Е. И. Амосенкова, Р. Н. Инфантьева, Н. Н. Левинский и др.);

4) термин — это слово, определяющее понятие, т. е. выполняющее дефинитивную функцию (В. В. Виноградов, С. А. Аскольдов и др.) [см.: Кузькин, с. 136].

Терминам нередко приписываются и другие признаки. Это, например: однозначность, т. е. наличие не более одного значения в пределах данной терминологической системы; точность, строгость выражения значения; семантическая мотивированность; системность, т. е. взаимосвязь с другими терминами определенной термосистемы; отсутствие синонимии; отсутствие омонимии; отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски и т. д.

Подобные признаки проявляются у терминов крайне последовательно: одни из них свойственны далеко не всем терминам, другие же распространяются не только на термины, но и на общеупотребительные слова и словосочетания. Ср.: «Все прочие

признаки, обычно приписываемые терминам и терминологии в целом: точность значения, однозначность, системность, отсутствие синонимии и т. п. — не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к “хорошей”, рационально построенной терминологии. Примеры недостаточной системности, нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии и синонимии хорошо известны» [Моисеев, 1970, с. 138].

Определяя понятие термина, чаще всего ограничиваются указанием на ближайшее родовое понятие (т. е. слово или словосочетание) и один из существенных отличительных признаков — наличие профессионального значения. Терминами (лат. *terminus* — ‘пограничный знак’) обычно называются слова (или слова и словосочетания), имеющие специальное значение, т. е. обозначающие профессиональные понятия.

Ср.: термин — это «слово, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники» [СРЯ-О, с. 735];

это «слово или словосочетание, являющееся названием научного, технического, сельскохозяйственного и т. п. понятия» [Калинин, 1966, с. 137];

это «слово или составное наименование, созданное для обозначения понятия науки и техники, разных областей знания» [Кодухов, 1987, с. 179].

При этом нередко обращается внимание на точность, строгость значения термина, а иногда — и на его однозначность. Ср.: термин — это «такое слово, которому соответствует одно какое-либо точно определенное понятие из области науки, техники, искусства» [Галкина-Федорук и др., 1957, с. 66];

это «слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п.» [СРЯ-Е, т. 4, с. 489];

это «слово (или сочетание слов), обозначающее строго определенное философское, научное, техническое и т. п. понятие» [ССРЛЯ, т. 15, с. 331];

это «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимство-

ванное и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [СЛТ-А, с. 474];

к терминологической лексике «относятся слова, точно обозначающие определенные понятия какой-нибудь области науки, техники, производства, сельского хозяйства, экономической и общественной жизни, литературы и искусства» [Валгина и др., с. 32].

Принимая во внимание грамматические признаки — субстантивность слова/словосочетания и наличие подчинительной связи компонентов словосочетания, — термин можно определить как слово, являющееся существительным, или как подчинительное словосочетание с главным словом — существительным, обозначающее профессиональное понятие. Это определение может быть сформулировано в более лаконичной форме: термин — это название профессионального понятия, выраженное существительным или субстантивным словосочетанием с подчинительной связью компонентов.

Некоторые лингвисты предлагают более полные определения понятия «термин», стремясь учесть все его признаки, которые им представляются существенными.

Ср.: термин — это «слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии» [Головин, 1972, с. 51];

это «языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации» [Лемов, с. 77].

В объяснении понятия «термин» наиболее сложным является определение границ термина. В рамках этой проблемы до сих пор не решенными остаются вопросы, связанные с разграничением термина и общеупотребительного слова или словосочетания, разграничением собственно терминов и номенклатурных наименований (номенклатурных знаков, или номенов), под которыми понимаются «названия типичных

объектов данной области знания» [СЛТ-М, с. 309] или «названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначение отвлеченных понятий и категорий» [СЛТ-А, с. 270].

К числу самых сложных в терминоведении относится вопрос о границах составного термина. Здесь высказываются крайне противоположные мнения [см.: Овчаренко, 1969, с. 91; Головин, 1973, с. 60; Немченко, 1985, с. 17 и др.].

О системности терминов

§ 151. Для обозначения совокупности терминов наряду с термином «терминология» употребляются также составной термин «терминологическая система» и производное от него сложное образование «терминосистема» [см. § 149]. Системность терминов проявляется в том, что все термины определенного языка, и тем более отдельной области знания, так или иначе связаны между собой, взаимодействуют друг с другом. По определению Б. Н. Головина, термины как элементы терминологической системы связаны друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях.

Когда говорят о системности терминов, имеют в виду прежде всего понятийные (или смысловые, семантические) отношения между ними. Терминосистемами называют не только совокупности всех терминов отдельного языка, но и совокупности терминов разных отраслей знаний, разных сфер деятельности людей. Различаются, например, терминосистемы лингвистики, литературоведения, биологии, медицины, физики, химии, математики, философии, юриспруденции, а также терминосистемы авиационная, автомобильная, политическая, экономическая, сельскохозяйственная, спортивная, административная и т. д.

В рамках каждой терминосистемы существуют многочисленные подсистемы. Так, в пределах лингвистической терминологии различаются терминология фонетическая, лексическая, морфемная, словообразовательная, грамматическая, стилистическая и др. Каждая из них, в свою очередь, подразделяется на так называемые микросистемы в зависимости от научной проблемы, темы исследования и т. д. Например, в рамках морфологической терминологии выделя-

ются микросистемы терминов частей речи, глагола, вида, залога и др.

Не менее отчетливо различаются и классифицируются элементы разных терминосистем и подсистем по формальным признакам. Прежде всего различаются термины простые и составные. Простые термины (однословные) подразделяются на непроизводные и производные. Производные термины различаются по таким признакам, как способ словообразования, конкретное словообразовательное средство и т. д. Составные термины (двусловные и многословные) принято классифицировать по так называемым грамматическим моделям, при выделении которых обычно учитываются количество образующих термин знаменательных слов, принадлежность слов к определенной части речи, грамматическая форма слова, принимаются во внимание типы синтаксических связей между ними, наличие/отсутствие служебных слов и некоторые другие признаки.

Многие термины образуют определенные объединения по формально-семантическим признакам — составляют с ними и м и ч е с к и е р я д ы, например: *языкознание — языковедение — лингвистика — глоттология; имя существительное — субстантив; именительный падеж — номинатив; вид (глагола) — аспект; повелительное наклонение — императив; неопределённая форма — инфинитив; сравнительная степень (прилагательного) — компаратив* или *антонимические пары: одушевлённое существительное — неодушевлённое существительное; мужской род — женский род; единственное число — множественное число* и т. д.

Термины различаются и могут классифицироваться также по другим признакам. Например, в зависимости от происхождения различаются термины исконные и заимствованные, кальки и полукальки. Заимствованные термины различаются в зависимости от языка-источника (в русском языкознании используются, например, многие термины греческого и латинского происхождения, а также кальки, созданные по образцу терминов этих языков). Среди заимствованных терминов особо выделяются термины международные: *история, медицина, конституция, революция, космос, бизнес* и др.

Лексикография

Понятие лексикографии и словаря

§ 152. Традиционно лексикография (от греч. *lexikos* — ‘словесный’ и *graphō* — ‘пишу’) определяется как работа по составлению словарей.

Ср.: лексикография — это «теория и практика составления словарей» [Кодухов, 1987, с. 196];

это «наука о словарях и практике их составления» [Головин, 1983, с. 89];

это «наука о теории и практике составления словарей» [Галкина-Федорук и др., 1962, с. 108];

это «раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» [ЛЭС, с. 258].

Иначе говоря, лексикографией называется, во-первых, «наука о составлении словарей» и, во-вторых, «составление словарей как описание лексики данного языка». Кроме того, этим термином обозначается «совокупность словарей, относящихся к данному языку или области знания» [СЛТ-А, с. 215].

§ 153. Под словарем понимается, прежде всего, книга, в которой содержится систематическое описание слов, словарного состава языка (или языков), его лексики [см.: Калинин, 1966, с. 201; СЛТ-А, с. 421; СЛТ-РТ, с. 361; ССРЛЯ, т. 13, с. 1225].

В современном языкознании термин «словарь» (как название книги) используется в более широком значении: им обозначается «справочная книга, которая содержит слова (или морфемы, словосочетания, идиомы и т. п.), расположенные в определенном порядке» [ЛЭС, с. 462].

Кроме того, словарем называется «лексика, словарный состав языка, диалекта, какой-либо социальной группы, отдельного писателя и т. п.» [ЛЭС, с. 462].

Совокупность всех слов, описываемых в словаре, называется слóвником данного словаря. Описанию слова (группы слов) в словаре посвящается определенный отрезок текста, который называется словарной статьей. Каждая словарная статья начинается заголовочным словом, которое служит ее названием.

Как правило, заголовочное слово выделяется особым способом (чаще всего печатается жирным шрифтом, прописными буквами).

§ 154. В соответствии с определением понятия лексикографии как науки о составлении словарей различается лексикография практическая и теоретическая.

Практическая лексикография (или лексикографическая практика) — это практическая работа по составлению словарей разных типов, включая сбор и систематизацию лексического материала. Она является ведущей отраслью прикладного языкознания и выполняет исключительно важные общественные функции. Словари разных типов необходимы для обучения языку, как родному, так и неродному, для описания и нормирования родного языка, для обеспечения межъязыкового общения, для научного изучения лексики языка.

Лексикографическая практика возникла в глубокой древности, на ранних этапах развития письменности у многих народов. Появление словарей было связано с необходимостью объяснить говорящим значения непонятных слов, прежде всего слов иноязычного происхождения, диалектных, устарелых. Первыми словарными работами можно считать так называемые глоссарии, т. е. сборники глосс (они появляются в I тысячелетии до н. э.).

Глоссами (греч. *glōssa* — ‘язык, речь’) называются переводы или толкования непонятных слов и выражений в тексте или же на полях древних рукописей, рукописных книг. Наиболее ранние из сохранившихся глосс относятся к середине III тысячелетия до н. э.

Самый старый из сохранившихся русских глоссариев — это небольшой словарь, приложенный к «Кормчей книге» (1282), в котором содержится 174 слова.

В XIII—XVI вв. создаются главным образом словари, объясняющие значения непонятных слов. В 1596 г. в Вильне (совр. Вильнюс) вышел первый славяно-русский печатный словарь «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из славенского языка на просты русский диялект истолкованы» Лаврентия Зизания.

Теоретическая лексикография (или лексикографическая теория) — это теоретические основы, научные положения, на которые опираются лексикографы в практической работе по составлению словарей. Она разрабатывает проблемы общей теории словарей, их типологии, общей структуры (или макроструктуры: вопросы отбора лексического и иллюстративного материала, порядка расположения описываемых слов и др.), структуры отдельной словарной статьи (или микроструктуры: вопросы выделения лексических значений слов, разграничения полисемии и омонимии, типы словарных определений, грамматический и фонетический комментарий к описываемым словарным единицам, система стилистических и иных помет и др.) [см.: ЛЭС, с. 259].

Центральное место в лексикографической теории занимает учение о типах словарей, составе словника, построении словарной статьи.

Принято считать, что теоретическая лексикография сформировалась в середине XX в., хотя теоретические работы в этой области появились значительно раньше. В России, например, первые специальные исследования по теории лексикографии были опубликованы в XIX в. (статьи А. Х. Востокова, Я. К. Грота, И. И. Давыдова, И. И. Срезневского).

В XX в. эта работа заметно активизировалась. Первую научную типологию словарей создал русский ученый Л. В. Щерба в конце 30-х годов прошлого века (см. его статью «Опыт общей теории лексикографии»). Разработанная им типология словарей получила дальнейшее развитие в работах многих отечественных и зарубежных ученых.

Основные типы словарей

Лингвистические словари

§ 155. Существующие словари весьма неоднородны. Они различаются по объему, объекту описания, содержанию, назначению, способам лексикографического описания материала и по многим другим признакам, на основании которых осуществляется их классификация, т. е. выделяются разные их типы, подтипы, виды и т. д. В зависимости от содержания различаются прежде всего словари лингвистические (язы-

ковые, филологические, или лексиконы, словари слов) и нелингвистические (неязыковые, или словари понятий).

§ 156. Нас интересуют прежде всего лингвистические словари, т. е. словари, в которых описываются языковые единицы — слова, словосочетания, фразеологизмы, словоформы, морфемы и др., причем описание осуществляется под тем или иным лингвистическим углом зрения. В таких словарях содержится лексикологическая, семантическая, грамматическая, акцентная, орфоэпическая, орфографическая, стилистическая и иная характеристика описываемых единиц языка.

В зависимости от объема (охвата) описываемого языкового материала лингвистические словари делятся на общие и частные. Вначале рассмотрим такие словари, в которых описываются собственно слова языка (а не их части или сочетания разных слов), т. е. словари в узком их понимании.

§ 157. Лингвистические словари, в которых описываются все слова языка или основная их часть, являются общими (или тезаурусами). Это словари толковые, переводные, исторические, диалектные (полные), обратные и т. п.

Основной задачей толковых словарей является объяснение (толкование) лексических значений слов того или иного языка средствами того же языка. Кроме того, в толковых словарях содержится самая разнообразная информация об описываемых словах:

1) грамматическая характеристика слов — указывается принадлежность слова к определенной части речи, отмечается грамматический род существительных, особенности образования некоторых падежных форм, форм множественного числа, особенности образования кратких форм и форм степеней сравнения некоторых прилагательных, видовых форм глагола и др.;

2) фонетическая характеристика слов — указываются место словесного ударения, особенности произношения и написания некоторых слов;

3) с помощью специальных помет дается стилистическая, эмоционально-экспрессивная характеристика слов;

4) иногда включаются этимологические, исторические и иные справки.

Наиболее известные толковые словари современного русского литературного языка: 4-томный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940)¹, большой академический 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» (1948—1965), малый академический 4-томный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (1957—1961), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992).

В толковом словаре обычно описывается лексика современного литературного языка, хотя во многие словари включаются слова просторечные, устарелые, областные. Известны и такие толковые словари, составители которых стремятся охватить всю общеупотребительную и диалектную лексику языка. Такими словарями являются, например, 4-томный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866), 8-томный «Словарь польского языка» под редакцией Я. Карловича, А. Крыньского и В. Неджведского (1900—1935), 20-томный академический «Словарь литовского языка» (1941—2002).

Толковые словари заметно различаются по порядку расположения описываемых языковых единиц. Чаще всего слова располагаются в них в строго алфавитном порядке, хотя нередко допускаются отклонения от такого порядка (например, в одной словарной статье наряду с заголовочным словом-существительным помещаются его уменьшительно-ласкательные формы или иные оценочные образования, некоторые прилагательные; в статье с заголовочным словом-прилагательным указывается производное от него наречие и т. д.).

В некоторых словарях используется гнездовой способ расположения слов, при котором все однокоренные слова (т. е. так называемые гнезда слов) описываются в одной словарной статье. Иначе говоря, слова в таких словарях располагаются по алфавиту корней. Так устроены, например, арабские словари. В русской лексикографической практике иногда используется полугнездовой способ расположения слов: по алфавиту корней располагаются все слова,

¹ Указаны даты первого издания.

кроме приставочных глаголов, которые описываются на своем алфавитном месте (см., например, Словарь В. И. Даля).

К толковым словарям можно отнести (в качестве особой их разновидности) так называемые идеографические словари (от греч. *idea* — ‘понятие’ и *graphō* — ‘пишу’). Иногда их называют идеологическими или тематическими. В основе описания лексики в таких словарях находятся не лексические единицы, а обозначаемые ими понятия (идеи). От обычных толковых эти словари отличаются прежде всего порядком следования описываемых слов, которые располагаются не в алфавитном порядке, а по принципу общности значений, т. е. группируются по определенным понятийным, тематическим сферам. Иначе говоря, описание слов в подобных словарях осуществляется по особому принципу — «не от слов к значению, а от значений, от идей — к словам» [Щерба, 1974, с. 307].

Первым идеографическим словарем современного типа был «Тезаурус английских слов и выражений» П. М. Роже (1852). Слова в нем делятся на четыре класса, которые распадаются на виды и группы (всего 1000 групп). Позже по этому образцу создавались идеографические словари для других языков: французского (Т. Робертсона, 1859), немецкого (Д. Зандерса, 1877 и А. Шлессинга, 1881), испанского, шведского, венгерского и др. Идеографические словари могут быть одноязычными и разноязычными (двухязычными и многоязычными).

Особую разновидность идеографических словарей представляют словари картинные. В них разные участки действительности изображаются в виде рисунков с цифровым обозначением каждого и последующим обозначением изображаемых предметов словами отдельного языка или разных языков. Примером такого словаря может служить «Картинный словарь русского языка» Ю. В. Ванникова и А. Н. Щукина (2-е изд., 1969).

Своеобразным идеографическим словарем является «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1998 — издание продолжается). Выделяемые в данном словаре группировки лексических единиц (лексико-семантические классы, множества и подмножества) изображаются с помощью специальных схем с последую-

щей семантической характеристикой всех слов, относящихся к каждой из обозначенных в схеме группировок.

Толковыми считаются также словари исторические, диалектные, словари новых слов (неологизмов) или многие из них, однако они не относятся к общим словарям в принятом здесь понимании данного термина.

Переводные словари (или разноязычные) принципиально отличаются от толковых словарей способом объяснения значений описываемых слов (или иных лексических единиц). В них значения слов одного языка объясняются средствами другого языка (других языков), т. е. путем перевода слов данного языка на другой язык (другие языки). В переводных словарях обычно содержатся грамматическая, фонетическая (преимущественно акцентная), иногда — стилистическая и иные характеристики объясняемых слов.

По количеству используемых языков переводные словари делятся на двуязычные и многоязычные. Наиболее распространены двуязычные переводные словари (например: русско-украинский, англо-русский, русско-немецкий). Менее известны многоязычные переводные словари (например: русско-кабардинско-балкарский, тибетско-санскритско-русско-английский).

В зависимости от места слов родного языка в словарной статье переводные словари можно делить на активные, в которых слова родного языка располагаются в начале словарной статьи, т. е. в левой ее части, и пассивные, в которых слова родного языка помещаются после иноязычных слов, в правой части словарной статьи. Так, если для русских читателей активным является, например, русско-украинский словарь, то для украинцев — украинско-русский.

Обратный словарь (иначе — инверсионный) представляет собой список слов того или иного языка, расположенных в алфавитном порядке конечных букв. На первом месте помещаются слова, оканчивающиеся первой буквой алфавита, за ними — слова, оканчивающиеся второй буквой алфавита, и т. д., завершают список слова, оканчивающиеся последней буквой алфавита. Словари русского языка, например, начинаются со слов на *-а*, *-ба* и т. д. и завершаются

словами, оканчивающимися на *-яя*. Такие словари полезны при изучении суффиксального и постфиксального словообразования, морфологических особенностей слов разных частей речи, некоторых фонетических явлений конца слова и др.

Первые обратные словари появились в конце XIX — начале XX в. Это были словари латинского, древнегреческого, санскритского, тохарского, древнеперсидского и старославянского языков. Обратные словари русского языка впервые были изданы в Германии: «Обратный словарь современного русского языка» под редакцией Х. Х. Бильфельдта (1958) и созданный под руководством М. Фасмера «Русский обратный словарь» Р. Граве и Б. Крёше (1958—1959). В нашей стране первый «Обратный словарь русского языка» (1974) был создан на базе четырех толковых словарей современного русского языка (словарей С. И. Ожегова, под редакцией Д. Н. Ушакова, большого и малого академических словарей) и включил все слова, описываемые в названных словарях.

§ 158. Такой лингвистический словарь, в котором описывается не вся лексика того или иного языка/языков, а лишь определенная часть слов, отобранных по тем или иным признакам, называется частным. К частным словарям относятся, например, словари иностранных слов (в них описываются только слова, заимствованные из других языков), словари синонимов, омонимов, антонимов, паронимов (описываются лишь слова, образующие синонимические, омонимические, антонимические или паронимические ряды), словари новых слов (включаются только слова, появившиеся недавно и отсутствующие в общих нормативных словарях), словари архаизмов (описываются слова, вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами), словари просторечных слов, арготизмов, редких слов, сокращений и др.

Среди частных лингвистических словарей особо выделяются частотные словари (или статистические). В частотном словаре рассматриваются слова, наиболее часто употребляющиеся в речи. Описываемые в нем слова характеризуются с

точки зрения частоты употребления в тексте определенного объема. Для каждого слова указывается его частотность в специально отобранных текстах. Слова располагаются в порядке убывающей частоты употребления. В некоторых словарях они распределяются по частям речи. Иногда указывается частотность отдельных грамматических форм описываемых слов. Обычно прилагается алфавитный список включенных в словарь слов.

Первым частотным словарем был «Частотный словарь немецкого языка» Ф. Кединга (1898), изданный в Германии. В Праге был издан первый частотный словарь русского языка (на основе текстов русских газет и журналов 1948 г.), подготовленный под руководством Ф. Малиржа (1951). Он содержит 1475 заголовочных слов и 1633 производных от них. В 1953 г. в США вышел частотный «Словарь русского языка» Г. Йоссельсона (объем словника — 1700 единиц). Для его создания автор обследовал тексты объемом в 1 млн словоупотреблений. В нашей стране наиболее известны «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (1963), содержащий 2500 наиболее употребительных слов, и «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной (1977), содержащий 9044 единицы (включены все слова с частотой 10 и выше).

Частотные словари имеют важное значение для решения ряда теоретических и практических задач. Они могут быть использованы при изучении языка и стиля писателя или отдельных его произведений, при решении некоторых проблем языковой нормы, при изучении языка как иностранного.

Общие и частные словари не всегда легко разграничить. Словари одного и того же типа в одном отношении могут быть общими, а в другом — частными. Это касается, например, полных диалектных словарей (диалектологических, или областных), в которых описывается вся лексика, употребляющаяся в диалектной речи, включая и общенародные слова (в отличие от дифференциальных словарей, включающих только специфическую диалектную лексику), а также исторических словарей, описывающих лексику языка, функционирующую на протяжении определенного периода его исторического развития, слова-

рей языка писателя или отдельного художественного произведения, включающих слова, использованные только данным писателем или лишь в конкретном его произведении¹.

Такие словари стремятся охватить всю совокупность лексических единиц, используемых на определенной территории, в определенный период, в творчестве того или иного писателя или в тексте отдельного художественного произведения. В этом смысле они являются общими. В то же время по отношению к лексике языка в целом подобные словари являются частными, поскольку они не отражают (и не могут отразить) всей лексики данного языка.

Частные словари иногда называют специальными [см.: Маслов, 1987, с. 123; РЯЭ-К, с. 152], однако в современном языкознании эти термины используются и в другом значении. Специальными (или аспектными) называются лингвистические словари (общие и частные), рассматривающие лексику под каким-либо специфическим углом зрения, «раскрывающие отдельные аспекты слов и отношений между ними» [ЛЭС, с. 462]. К ним относятся:

1) словари этимологические (от греч. *etymon* — ‘истина, основное значение слова’ и *logos* — ‘понятие, учение’), в которых объясняется происхождение слов, прежде всего производных и заимствованных из других языков [например: «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (1910—1914), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (пер. с нем., 1964—1973), многотомный «Этимологический словарь русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (1963—1982, вып. 1—9)];

2) словари словообразовательные (или деривационные), определяющие словообразовательную структуру производных слов [например: «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (1985), «Краткий словообра-

¹ Современные словари языка писателя обычно являются частотными. Классическим примером такого словаря может служить «Словарь языка Пушкина» под редакцией В. В. Виноградова (1956—1961). В него включены все слова, использованные в основном тексте Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (1937—1949), а также все встречающиеся в данном тексте формы грамматически изменяемых слов: всего 21 191 слово в 544 777 словоупотреблениях. Приводятся полные сведения о частотности каждого слова.

зовательный словарь русского языка» В. Т. Шклярова и Х. Кюнберга (1973)];

3) словари грамматические, содержащие грамматическую характеристику слов [например: «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (1977), толково-грамматический словарь «Русский глагол и его причастные формы» И. К. Сазоновой (1989)];

4) частотные словари, характеризующие слова с точки зрения частоты употребления слов в речи;

5) словари орфографические, орфоэпические, акцентные, словари синонимов (синонимические), омонимов (омонимические), антонимов (антонимические), паронимов (паронимические) и др.

§ 159. В лингвистических словарях содержатся всевозможные описания не только слов, но и единиц других уровней языка — морфем разных видов и сочетаний разных слов [см. § 156]. Соответственно существуют особые типы лингвистических словарей — словари морфем (или морфемные словари) и словари словосочетаний.

Словарь морфем содержит систематическое описание морфем определенных видов — корневых и служебных (прежде всего префиксов и суффиксов), употребляющихся в конкретном языке. Морфемы в подобном словаре представлены в словах, в составе которых они выделяются. Поэтому морфемные словари иногда называют словарями морфемной членимости слов.

Морфемные словари различаются в зависимости от объекта описания, т. е. вида описываемых морфем. Так, в «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (1986) описываются корневые, префиксальные и суффиксальные морфемы. Есть словари, описывающие только служебные морфемы [например: «Словарь служебных морфем русского языка» Г. П. Цыганенко (1982)]. Есть и такие словари, которые содержат исключительно корневые морфемы: это корневые словари морфем, словари корней, или корнесловы [например: «Словарь корней русского языка» К. Волконской и М. Полторацкой (1961)].

Среди словарей морфем особо выделяются толковые словари. Оригинальный «Морфемно-орфографический словарь» составлен А. Н. Тихоновым (2002). В зависимости от

порядка расположения описываемых единиц различаются морфемные словари алфавитные и гнездовые и т. д.

Морфемными, по существу, являются некоторые словари, которые их составители называют словообразовательными [например: «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (1964), «Словообразовательный словарь русского языка» Д. Уорта, А. Козака и Д. Джонсона (1970)].

Словарями словосочетаний являются, прежде всего, фразеологические словари, т. е. словари, описывающие фразеологические единицы, целостные фразеологические обороты (или фразеологизмы) того или иного языка или разных языков [например: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1967), «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова (1980), «Крылатые слова» С. В. Максимова (1890), «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной (1955), «Русская мысль и речь. Свое и чужое» М. И. Михельсона (1901—1902), «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1984), «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (1966)].

Создано немало разноязычных фразеологических словарей (переводных): англо-русский, немецко-русский, итальянско-русский, испанско-русский, французско-русский, русско-немецкий (краткий), русско-литовский (школьный) [например: частотные словари фразеологических единиц Е. Хауха (1931), Г. Итона (1934)]. Так, словарь Г. Итона является многоязычным: в нем описывается фразеология английского, немецкого, французского и испанского языков.

Существуют также словари свободных сочетаний слов, или словари сочетаемости слов. Например, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (1978) включает около 2500 словарных статей, основным содержанием которых являются ряды словосочетаний с разными знаменательными словами (существительными, прилагательными, глаголами), указанными в заголовках словарных статей. Такой словарь предназначен для изучающих русский язык как иностранный.

Нелингвистические словари

§ 160. К нелингвистическим относятся словари энциклопедические (в широком смысле), географические, биографические, терминологические (частично), словари личных имен. Нелингвистическим называется словарь, в котором описываются те или иные предметы, понятия, явления, события, обозначаемые словами или словосочетаниями.

Энциклопедический словарь представляет собой научное или научно-популярное справочное пособие, содержащее систематизированный свод знаний в какой-либо области. В таком словаре описываются не слова, а обозначаемые ими явления, главным образом научные (реже — обиходные) понятия, исторические события, характеризуются различные географические объекты, содержатся основные сведения об известных политических деятелях, ученых, писателях, композиторах и др. Важной отличительной особенностью энциклопедического словаря является то, что он, как правило, содержит разнообразный иллюстративный материал: карты, схемы, формулы и т. п. По содержанию, отбору описываемого материала (отчасти и по объему) энциклопедические словари делятся на общие, специальные и региональные.

Общ и й (или универсальный) энциклопедический словарь — это большое по объему (обычно многотомное) справочное издание, в котором объясняются понятия и термины различных наук и областей знаний, даются сведения о важнейших исторических событиях, географических реалиях и др. (например: «Большая советская энциклопедия», «Российский энциклопедический словарь», «Детская энциклопедия»).

В с п е ц и а л ь н о м (или отраслевом) энциклопедическом словаре дается объяснение понятий, явлений и т. д., связанных с одной наукой или темой (например: «Большая медицинская энциклопедия», «Философский энциклопедический словарь», «Биологический энциклопедический словарь», «Лингвистический энциклопедический словарь»).

В р е г и о н а л ь н о м энциклопедическом словаре объясняются предметы, понятия, явления, связанные с той или иной территорией либо отдельным регионом (например: энциклопедия «Африка», энциклопедия «Москва»).

Термины «энциклопедия» и «энциклопедический словарь» часто употребляются как абсолютные синонимы, хотя иногда дифференцируются по значению: название «энциклопедия» чаще используется для обозначения многотомного универсального энциклопедического издания, а «энциклопедический словарь» — для обозначения специального, отраслевого справочника.

Данные термины иногда употребляются в более широком значении: ими обозначают не только собственно энциклопедические издания, но и географические, биографические и т. п. словари.

В географическом словаре (или топонимическом, иначе — словаре географических названий) содержатся краткие справки о различных географических объектах, странах, государствах, морях, озерах, реках, островах, горных массивах, городах и др. [например: «Словарь географических названий» М. С. Боднарского (1954), «Словарь казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева (1963), «Названия рек Полтавщины» О. С. Стрижака (на укр. яз., 1963), «Имена городов: вчера и сегодня (1917—1992)» Е. М. Поспелова (1993)].

Биографический словарь содержит жизнеописания исторических личностей: государственных и политических деятелей, представителей науки, культуры и т. д. [например: «Русский биографический словарь» (1896—1918), «Русские писатели» под редакцией П. А. Николаева (1990), «Русские писатели. 1800—1917» (1992—1999)].

Особый вид биографических словарей представляют собой так называемые персоналии — биографические справочники, в которых представлена жизнь и деятельность какого-либо одного выдающегося человека [например: «Лермонтовская энциклопедия» (1981)]¹.

К нелингвистическим обычно относят и терминологические словари, в которых описываются термины той или иной отрасли знаний. Иногда они рассматриваются среди лингвистических словарей или же выделяются в особый тип слова-

¹ Географические и биографические словари могут рассматриваться как разновидности специальных (отраслевых) энциклопедических словарей.

рей, так как считаются переходными от лингвистических к нелингвистическим словарям [см.: Маслов, 1987, с. 124].

Терминологические словари можно разделить на словари собственно терминологические, которые по своему содержанию и построению напоминают лингвистические словари [например: «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (1966)], и словари энциклопедического типа, представляющие собой своего рода отраслевые энциклопедии [например: «Русский язык: Энциклопедия» под редакцией Ф. П. Филина (1979; 2-е изд. — под ред. Ю. Н. Караулова, 1997)].

К терминологическим словарям энциклопедического типа можно отнести и словари-справочники [например: «Справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (1972)].

Кроме одноязычных терминологических словарей, которые обычно являются толковыми, существуют и разноязычные (переводные) терминологические словари [например: «Русско-чешский словарь лингвистической терминологии» (1960), «Словарь французской и польской грамматической терминологии» (1959), «Словарь фонетико-метрической терминологии (латинский, древнегреческий, русский, английский, немецкий, французский)» А. В. Иванова (2005)].

Особое место в типологии нелингвистических словарей занимают словари личных имен. В них обычно указывается происхождение описываемых имен, источники заимствования иноязычных имен, их значения в языке-источнике и т. п. [например: «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (1903), «Словарь русских личных имен» А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой и А. Г. Рыжовой (1995)].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Понятие словообразования

§ 161. С лексическим уровнем языка тесно соприкасается ярус языковой системы, который обычно называют термином словообразование. Этим термином обозначается несколько смежных, но совершенно разных лингвистических явлений, а именно:

1) процесс создания (образования) производных слов (обозначается также терминами: «словопроизводство», «словопорождение», «словотворчество», «деривация»);

2) строение, структура производных слов [используются также термины: «словообразовательная структура слова», «словообразовательная форма слова», «структурная форма слова», «типовая структурная форма слова», «словообразовательная конструкция слова», «архитектоника слова (основы слова)» и др.];

3) область языковой системы, система производных слов и других словообразовательных единиц (используются также составные термины: «словообразовательный уровень языка», «словообразовательный ярус языка», «словообразовательная система языка»);

4) раздел языкознания, в котором изучаются вопросы образования производных слов, их строения (или словообразовательной структуры) и всей системы производных в целом, т. е. словообразовательной системы языка (нередко используется термин «дериватология»).

Иногда значение термина «словообразование» определяется: как механизм словообразования, механизм системы словообразования, порождающий механизм словообразования, или словообразовательный механизм [см.: Немченко, 1994, с. 6; ОПСТ, с. 49, 128];

как «весьма разветвленный и сложный механизм, порождающий слова» [Головин, 1967, с. 38].

При описании системы языка интерес представляют прежде всего два последних понятия, обозначаемые термином «словообразование», — словообразование как область языковой системы и как раздел языкознания. Практически удобнее терминологически разграничить рассматриваемые понятия: для обозначения области языковой системы использовать составные термины «словообразовательная система языка» или (с некоторыми оговорками) «словообразовательный уровень (ярус) языка», а для обозначения соответствующего раздела языкознания использовать нередко употребляющийся в лингвистической литературе термин «дериватология» (от лат. *dērivātio* — ‘отведение; словопроизводство’ и греч. *logos* — ‘слово, понятие, учение’). В буквальном смысле

дериватология — это учение о дериватах, т. е. производных словах.

§ 162. При определении понятия словообразования исключительно важное значение имеет вопрос о соотношении синхронического и диахронического аспектов разных словообразовательных явлений — словообразовательной производности слова, словообразовательной структуры производного слова, способов словообразования и др.

Под синхронией в словообразовании (иначе — синхроническим словообразованием) понимается состояние словообразовательной системы языка и образующих ее элементов, конкретных языковых (словообразовательных) единиц на определенном (в частности, на современном) этапе развития данного языка.

Диахрония в словообразовании (иначе — диахроническое словообразование) может быть определена как изменение, развитие словообразовательной системы, словообразовательного строя языка, разных словообразовательных единиц, как смена одного их состояния другим в результате появления новых производных слов и иных единиц данной языковой системы, изменения связей между ними.

В соответствии с этим различается два подраздела словообразования как раздела языкознания (или дериватологии): словообразование синхроническое (или описательное, функциональное) и словообразование диахроническое (или историческое) [см.: Немченко, 1985а, с. 49; 1994, с. 19].

В современном языкознании существует мнение о невозможности синхронного подхода к изучению тех или иных словообразовательных явлений и словообразования вообще. Так, по утверждению польских исследователей Р. Гжегорчиковой и Я. Пузыниной, в словообразовании нельзя выделить языковые элементы, которые могли бы образовать современную систему и функционировать независимо от их истории. Очевидно, подобные суждения можно объяснить тем, что термин «словообразование» обычно употребляется для обозначения исторических процессов создания производных слов. Однако термины «синхроническое словообразование», «словообразовательная синхрония» и т. п. часто используются для обозначения словообразовательного яруса и учения о нем, которые тоже обозначаются термином «словообразование».

Словообразование как процесс создания производных слов действительно представляет собой явление сугубо диахронического плана. Что же касается словообразования как системы производных слов и других словообразовательных единиц, а также учения о них, то, по мнению большинства лингвистов (по крайней мере отечественных), они могут быть представлены и изучаться в языкознании как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте.

§ 163. Объектом словообразования как раздела языкознания (или дериватологии) является прежде всего **п р о и з в о д н о е с л о в о**. Производные слова наряду с непроизводными словами изучаются и в других разделах языкознания, в основном в лексикологии. Но в разделе словообразования слово исследуется со стороны его словообразовательной структуры — способа словообразования, модели построения, словообразовательного значения и т. д. [см.: Шанский, 1968, с. 5]. Объектом изучения в разделе словообразования являются и другие словообразовательные единицы языка — сегментные и комплексные.

§ 164. Основная задача дериватологии (как раздела языкознания) — изучение разных единиц словообразовательной системы языка, прежде всего производных слов, взаимоотношений между ними. При этом производные слова исследуются как в плане выражения, т. е. с точки зрения внешней, формальной структуры (способа словообразования, модели построения и т. д.), так и в плане содержания, т. е. с точки зрения их значения (словообразовательной семантики). Словообразование «должно выявить формальное и содержательное, иначе — структурное (по составу слов) и семантическое соотношение производных слов и их производящих, и на этой основе определить средства и способы образования производных слов, словообразовательные типы производных слов, словообразовательные значения и другие словообразовательные характеристики слов» [Моисеев, 1987, с. 5].

Описательное словообразование (описательная дериватология) занимается изучением словообразовательных явлений по их состоянию в тот или иной период развития языка, преимущественно по состоянию в современном языке. Особое

внимание уделяется вопросам системности изучаемых явлений.

Историческое словообразование (историческая дериватология) рассматривает те же или аналогичные явления с учетом их возникновения и изменения в процессе исторического развития языка.

Итак, «синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц, диахроническое — процессы превращения одних единиц в другие» [Земская, 1973, с. 6].

§ 165. До настоящего времени дискуссионным остается вопрос об отношении словообразования к другим языковым уровням и, соответственно, о месте дериватологии среди других разделов языкознания. В отечественном языкознании (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, Ф. Ф. Фортунатов, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, П. С. Кузнецов и др.) словообразование чаще всего относится к грамматике, обычно к морфологии. Реже оно рассматривается как особый раздел грамматики, выделяемый наряду с морфологией и синтаксисом (см. работы А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, А. А. Реформатского, Г. О. Винокура, Н. Д. Арутюновой, В. В. Лопатина и др.). Некоторые ученые (А. И. Смирницкий, К. А. Левковская, В. М. Марков и др.) склонны относить учение о словообразовании к лексикологии.

Большинство отечественных лингвистов (Б. Н. Головин, Е. А. Земская, Н. А. Янко-Триницкая, Е. С. Кубрякова, К. А. Тимофеев, А. Д. Зверев и др.) рассматривают словообразование как самостоятельный раздел науки о языке, наряду с такими разделами, как фонетика, лексикология, грамматика. Для этого имеются веские основания, хотя нельзя отрицать теснейшую связь словообразования с грамматикой (прежде всего с морфологией) и особенно с лексикологией [подробнее см.: Немченко, 1971, с. 35; 1994, с. 29].

Единицы словообразования

Производное слово

§ 166. Словообразование как определенный ярус языковой системы (или словообразовательная система языка) пред-

ставляет собой совокупность разных по своей форме и содержанию языковых единиц. Основной единицей словообразовательной системы является производное слово. К словообразовательным единицам относятся также и другие единицы языка, которые можно разделить на сегментные и комплексные.

§ 167. В словообразовании производными словами называются такие лексические единицы языка, которые были образованы в прошлом (здесь речь идет о диахронической производности слов) или представляются (кажутся) говорящим образованными от других однокоренных (производящих) слов данного языка с помощью тех или иных словообразовательных средств (речь идет о производности синхронической).

Производными с диахронической (исторической) точки зрения (или диахронически производными) являются все слова, которые в тот или иной период развития данного языка в действительности были образованы тем или иным способом от других, ранее существовавших слов (при условии, что факт их образования от других слов подтверждается данными истории языка).

Производными с синхронической (описательной) точки зрения (или синхронически производными) считаются такие слова, которые в данный момент развития языка воспринимаются говорящими как образованные от других однокоренных слов, независимо от того, были ли они в действительности образованы от иных слов или нет (если они сохраняют известные формальные и семантические признаки производности по отношению к их производящим).

Например, существительное *ложка* является производным только с диахронической точки зрения; по происхождению оно связано со словом *лѣжа*, которое в современном русском языке не сохранилось. Существительное *фляжка*, наоборот, является производным только с синхронической точки зрения; по своему звуковому составу и значению оно связано с однокоренным словом *фляга*, хотя в момент появления в русском языке (заимствовано из польского языка) воспринималось как корневое, производное. Существительное *книжка* в современном русском языке является производным как с диахронической, так и с синхронической

точки зрения; в действительности оно было образовано от однокоренного слова *книга* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* (первоначально *-ьк-*) и сохраняет формальные и семантические признаки производности до настоящего времени. (В данном разделе речь пойдет только о словах, производных с синхронической точки зрения.)

Синхронически производные слова характеризуются рядом признаков, по которым они противопоставляются непроизводным словам. В лингвистической литературе обращается внимание на следующие отличительные признаки синхронически производных слов:

1) наличие в языке наряду с данным словом однокоренного производящего слова/слов или производящей основы/основ;

2) наличие у слова какого-либо словообразовательного средства/средств;

3) семантическая мотивированность слова однокоренным (производящим) словом/словами, возможность объяснить его значение путем ссылки на другое/другие однокоренное слово [см.: Винокур, с. 419; Левковская, 1962, с. 257; Земская, 1966, с. 4; Шанский, 1968, с. 51]. В случае отсутствия у слова хотя бы одного из названных признаков оно считается синхронически непроизводным.

В то же время для признания слова синхронически производным достаточно обнаружить у него хотя бы один из перечисленных признаков: наличие любого из них предполагает наличие и остальных двух. Если, скажем, слово является семантически мотивированным, если его значение может быть объяснено путем ссылки на однокоренное слово, у него непременно обнаруживается соотносительное производящее слово (т. е. слово, ссылкой на которое объясняется значение анализируемого слова) и определенное словообразовательное средство (т. е. словообразовательный элемент, которым предполагаемое производное слово отличается от его производящего). Например, для существительного *учитель*, которое семантически мотивируется глаголом *учить* (*учитель* — ‘тот, кто учит’), данный глагол является его производящим, а суффикс *-тель*, которым слово *учитель*

отличается от производящего глагола *учить*, — словообразовательным средством.

В ряде случаев однокоренные слова находятся в отношениях взаимной семантической мотивированности, т. е. значение каждого из них может быть объяснено путем ссылки на однокоренное слово. Ср., например: *атака* ('действие по значению глагола *атаковать*') и *атаковать* ('осуществлять атаку'); *зрелый* ('испытывавший действие, состояние, выраженное глаголом *зреть*') и *зреть* ('становиться зрелым'); *весело* ('определенное состояние, характеризующееся признаком, выраженным прилагательным *весёлый*') и *весёлый* ('такой, которому весело'). В подобных случаях синхронически производным принято считать то из однокоренных слов, которое является более сложным в формальном отношении, т. е. содержит большее количество морфем в составе лексической основы (в данном случае — *атаковать*, *зрелый*, *весело*).

При одинаковой формальной сложности однокоренных слов, находящихся в отношениях взаимной семантической мотивированности, синхронически производным можно считать каждое такое слово. Ср., например: *яблоня* ('дерево, на котором растут яблоки') — *яблоко* ('плод, который растет на яблоне'); *робкий* ('тот, кто робеет') — *робеть* ('быть, становиться робким'); *рецензировать* ('готовить рецензию, выступать в качестве рецензента') — *рецензент* ('человек, который рецензирует что-либо, готовит рецензию') — *рецензия* ('действие по значению глагола *рецензировать*; отзыв рецензента о каком-либо сочинении, фильме, спектакле') и др. [см.: Немченко, 1994, с. 200].

На основании предлагаемого толкования производного слова с синхронической точки зрения можно определить понятие синхронической словообразовательной производности. При этом могут быть учтены все три основных отличительных признака производного слова или какой-либо один из них (например, наличие словообразовательного средства). В последнем случае синхроническая словообразовательная производность слова может быть определена как свойство слова обнаруживать то или иное словообразовательное средство (или сочетание разных средств), выделяющееся с точки зрения формально-семантических отношений данного слова с предполагаемым производя-

щим/производящими словом на том или ином этапе развития языка, например в современном языке.

Сегментные единицы

§ 168. К сегментным словообразовательным единицам относятся, прежде всего, производящие основы и словообразовательные (словообразующие) морфемы. Сегментными единицами (или линейными) являются определенные части (сегменты) производных слов, которые можно представить себе в виде рядов, линий.

Производящей основой (иначе — словообразовательной, словообразующей, деривационной, мотивирующей, базовой) считается основная часть производного слова, общая с лексической основой исходного, производящего слова, которая является формальным (материальным) и семантическим центром производного слова, семантически мотивирует его [см.: ОПМТ, с. 133; ОПСТ, с. 100].

Словообразовательная морфема (иначе — деривационная) может быть определена как служебная морфема, употребляющаяся в составе производного слова в качестве словообразовательного средства и изменяющая либо уточняющая значение производящей основы или производящего слова. Под словообразовательным средством при этом понимается внешний, формальный показатель производного слова, отличающий данное производное слово от производящего слова или словосочетания [см.: ОПМТ, с. 74, 86; ОПСТ, с. 153].

Во многих языках (в том числе и в русском) словообразовательные морфемы являются важнейшим словообразовательным средством. Наряду со словообразовательными морфемами нередко используются и асемантические (т. е. не выражающие значения) части (сегменты) слов, такие, как соединительные гласные (шире — соединительные элементы), интерфиксы. Сегментным словообразовательным средствам противопоставляются используемые в некоторых языках несегментные (или нелинейные: надсегментные, сверхсегментные, суперсегментные, супрасегментные) словообразовательные средства: например, словесное ударение, чередование фонем и др.

Среди словообразовательных средств различаются основные и дополнительные (второстепенные), сопутствующие основным средствам. Основное словообразовательное

средство является обязательным для каждого производного слова определенной словообразовательной структуры, того или иного способа словообразования. Основные словообразовательные средства могут выступать в производном слове в качестве единственных, они непосредственно участвуют в выражении его значения. В русском языке к ним относятся словообразовательные аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы), флексия (точнее — система окончаний производного слова при отсутствии в слове словообразовательного суффикса или постфикса), единое главное словесное ударение (проще — ударение, характер ударения, как, например, в словах *вечнозелёный*, *малознакомый*, *вуз*, *горисполком*, *медсестра*) [см. § 171].

Д о п о л н и т е л ь н ы м и словообразовательными средствами считаются такие формальные приметы производного слова, которые не могут выступать в нем в качестве единственных, всегда сопутствуют основным средствам, носят факультативный характер (в одних производных словах используются, а в других отсутствуют) и не участвуют в выражении значения производного слова. К ним относятся, например, флексия производного слова (при наличии в нем словообразовательного суффикса или постфикса), соединительные элементы, чередования фонем, усечение основ, инфиксация и др.

В составе производного слова может употребляться как одна производящая основа, так и две и более основы. В связи с этим наряду с термином «производящая основа» используется термин «производящая база», которым обозначается одна производящая основа производного слова или сочетание нескольких производящих основ/слов, входящих в состав производного слова (например: основа глагола *учить* в составе существительного *учитель*, основа прилагательного *синий* в составе глагола *синеть*, сочетание разных основ в составе сложных слов типа *железобетон*, *льноволокно*, *белоснежный*, *железнодорожный*, *двадцатипятилетний*).

Также в составе многих производных слов употребляются не одна, а две и более словообразовательные морфемы или два и более неморфемных словообразовательных средства: например, сочетание словообразовательного префикса и суффикса в составе производных слов *подоконник*, *довоенный*, префикса и постфикса в словах *прилуниться*, *расщед-*

риться. В связи с этим используется термин «словообразовательный формант» (или «словообразовательный форматив»), которым обозначается отдельное словообразовательное средство или совокупность словообразовательных средств, употребляющихся в производном слове.

Комплексные единицы

§ 169. В лингвистике всевозможные объединения (комплексы) родственных слов, так или иначе связанных отношениями словообразовательной производности, или же схемы построения производных слов, характеризующиеся общностью формальных и семантических признаков, называются комплексными единицами. Различаются:

1) комплексные единицы, представляющие собой объединения однокоренных слов разной словообразовательной структуры, связанных общностью корневых морфем или производящих основ, словообразовательных баз; к ним относятся словообразовательные гнезда, словообразовательные парадигмы, словообразовательные цепочки, словообразовательные пары;

2) комплексные единицы, которые представляют собой схемы построения разнокоренных слов, связанных общностью словообразовательных средств, формантов (формативов); к ним относятся словообразовательные модели и словообразовательные типы.

Самой крупной комплексной единицей первой группы является словообразовательное гнездо, которое может быть определено как «совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями словообразовательной производности» [РЯЭ-К, с. 503; см. также: Тихонов, 2002, с. 114]. В него входят все производные слова данного языка, имеющие один и тот же корень, а также первичное, непродуцированное слово, которое называется вершиной словообразовательного гнезда (или центром словообразования). Так, например, в словообразовательном гнезде *учить* — *выучить* — *заучить* — *изучить* — *научить* — *отучить* — *переучить* — *проучить* — *разучить* — *обучать* — *поучать* — *учиться* — *научиться* — *отучиться* — *переучиться* — *проучиться* — *разучиться* — *учение* — *изучение* — *разучивание* — *учёба* — *учитель* — *учительница* — *учительство* — *учительский* — *учительствовать* — *ученик* — *ученический* — *учени-*

чество — *учёный* — *учённость* и т. д. вершиной является глагол *учить* — единственное непроизводное слово. Сложные слова, содержащие две и более корневые морфемы, относятся к разным словообразовательным гнездам. Так, существительное *железнодорожник* входит в состав двух словообразовательных гнезд — с вершинами *железо* и *дорога*, слово *плодоовощехранилище* относится к трем гнездам — с вершинами *плод*, *овощи* и *хранить*.

Словообразовательной парадигмой называется совокупность производных слов, непосредственно мотивированных одним и тем же однокоренным словом (непроизводным или производным), отличающихся от мотивирующего слова одним словообразовательным формантом. Например, в словообразовательном гнезде с вершиной *учить* могут быть выделены словообразовательные парадигмы: *выучить* — *заучить* — *изучить* — *научить* — *отучить* — *переучить* — *проучить* — *разучить* — *учиться* — *учение* — *учёба* — *учитель* — *ученик* и др. (все они непосредственно мотивируются глаголом *учить*, который в состав парадигмы не входит) и *учительница*, *учительство*, *учительский* (непосредственно мотивируются существительным *учитель*).

Ряд однокоренных слов, последовательно отличающихся друг от друга одним словообразовательным формантом, образует словообразовательную цепочку. В нее входят одно корневое, непроизводное слово и два или более производных (например: *учить* — *изучить* — *изучение*; *учить* — *учитель* — *учительство* — *учительствовать*).

Два однокоренных слова, различающихся одним словообразовательным формантом, т. е. связанных друг с другом отношениями непосредственной мотивированности, образуют словообразовательную пару (например: *учить* — *научить*, *научить* — *научиться*, *учить* — *учитель*, *учитель* — *учительство*, *учительство* — *учительствовать*).

Словообразовательная модель может быть определена как формальная схема построения производных слов, характеризующихся общностью части речи производящих слов и тождеством словообразовательного форманта. Например, слова *набрать*, *набросить*, *накопить*, *накрыть*, *написать*, *напугать*, *нарисовать* и др. имеют в качестве производящего слова глагол, а в качестве словообразовательного средства (форманта) — префикс *на-*; прилагательные *авторский*,

братский, директорский, московский, пушкинский, университетский, январский и др. имеют в качестве производящего слова существительное, а в качестве словообразовательного средства — суффикс *-ск-*; существительные *подзатыльник, подколенник, подлокотник, пододеяльник, подоконник, подсвечник, подснежник, подстаканник, подфарник* и др. являются отсубстантивными производными со словообразовательным формантом, представляющим сочетание префикса *под-* и суффикса *-ник*. Существуют и другие толкования понятия словообразовательной модели [см.: Немченко, 1994, с. 218].

Словообразовательным типом называется формально-семантическая схема построения производных слов, характеризующихся общностью части речи производящих слов, словообразовательного форманта и словообразовательного значения [см.: Грамматика, 1970, с. 39; РГ, т. 1, с. 135]. Исходя из определения понятия словообразовательной модели словообразовательный тип можно определить как формально-семантическую схему производных слов, построенных по определенной модели и имеющих одинаковое словообразовательное значение [см.: Немченко, 1994, с. 221].

Термин «словообразовательный тип» многие лингвисты (Б. Н. Головин, А. И. Моисеев, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, В. И. Максимов и др.) используют также для обозначения совокупности производных слов, характеризующихся названными выше признаками словообразовательного типа в первом, основном значении данного термина [см.: ОПСТ, с. 133].

Некоторые ученые считают словообразовательный тип основной словообразовательной единицей языка, или «основной единицей классификации словообразовательной системы» [РГ, т. 1, с. 135].

Под словообразовательным значением понимается обобщенное, категориальное значение производных слов определенной формальной (словообразовательной) структуры, устанавливаемое на основании семантического соотношения производных слов данной структуры с соответствующими производящими. Так, в русском языке все существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса *-тель* (*вредитель, житель, издатель, испытатель, мечтатель, писатель, преподаватель, учитель, хранитель, чита-*

тель; глушитель, нагреватель, проигрыватель и др.), различающиеся по своим лексическим значениям, по мнению некоторых ученых, выражают одно словообразовательное значение — ‘лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом’ [см.: РГ, т. 1, с. 142].

Многие прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса *-н-* (*железный, медный, чугуновый, картофельный, клубничный, земляничный, мучной, мясной, сахарный* и др.), наряду с другими словообразовательными значениями имеют и такие: ‘состоящий, изготовленный, приготовленный из того, что обозначено производящим словом’ (ср.: *железный замок, медный самовар, мясная котлета, картофельное пюре, клубничное варенье*); ‘изготовленный, приготовленный с добавлением того, содержащий то, что обозначено производящим словом’ (ср.: *мясной борщ, земляничное мороженое, железная руда*); ‘похожий на то, напоминающий то, что обозначено производящим словом’ (ср.: *железный характер, сахарные зубы*).

Из сказанного следует, что слова одной и той же словообразовательной модели могут представлять отдельный словообразовательный тип (как в случае с отглагольными существительными, содержащими суффикс *-тель*) или относиться к разным типам (как в случае с прилагательными с суффиксом *-н-*).

Словообразовательная структура производного слова

Понятие словообразовательной структуры слова

§ 170. В словообразовании (дериватологии) как разделе языкознания производные слова (дериваты) изучаются с точки зрения их словообразовательной (деривационной) структуры. В синхронном (описательном) словообразовании словообразовательная структура слова изучается с синхронической точки зрения. В самом общем виде синхронная словообразовательная структура слова может быть определена как взаимоотношение основных элементов (т. е. непосредственно составляющих) производного слова: производящей (словообразовательной) базы и словообразовательного (словообразующего) форманта.

При более глубоком синхронном словообразовательном анализе производной лексики учитываются также некоторые особенности непосредственно составляющих производного слова, его производящей базы и форманта, а именно: состав производящей базы (наличие одного или более производящего слова или основы), часть речи производящих слов, входящих в состав производящей базы, состав словообразовательного форманта (количество составляющих его основных словообразовательных средств и их вид — префикс, суффикс, флексия и др.), материальное воплощение форманта (например, субстантивные суффиксы *-ист*, *-ник*, *-тель* и т. п.). Кроме того, принимается во внимание словообразовательная семантика анализируемых производных слов, т. е. их словообразовательные значения. Таким образом определяются способы синхронного словообразования производных слов, их словообразовательные модели и типы.

Говоря о синхронной словообразовательной структуре производного слова, необходимо обратить внимание на то, что далеко не всегда представляется возможным однозначно определить его словообразовательную структуру. Среди синхронически производных слов есть и такие, которые характеризуются множественностью словообразовательной структуры (или неединственностью словообразовательной мотивации), т. е. являются разноструктурными (или полиструктурными).

К разноструктурным относятся такие синхронически производные слова, которые непосредственно мотивируются разными производящими словами, отличаются от каждого из них одним словообразовательным формантом. Например, существительное *неравенство* непосредственно мотивируется более простым в формальном отношении существительным *равенство* (*неравенство* — ‘отсутствие равенства’) и прилагательным *неравный* (*неравенство* — ‘наличие признака, обозначаемого прилагательным *неравный*’). В первом случае существительное *неравенство* рассматривается в современной лингвистике как отсубстантивное префиксальное производное, во втором — как отадъективное суффиксальное образование. Это существительное относится, соответственно, к разным словообразовательным моделям и типам [см.: Немченко, 1994, с. 229].

Центральным моментом синхронного анализа словообразовательной структуры производных слов является вопрос о способе их образования. Нередко синхронный словообразовательный анализ ограничивается определением способа словообразования анализируемых слов. Реже при таком анализе обращается внимание на другие признаки производных слов, определяются их словообразовательные модели, словообразовательные типы.

Способы словообразования

§ 171. В отечественном языкознании способы словообразования с синхронической точки зрения принято различать в зависимости от основных словообразовательных средств (или формантов), точнее — от их вида. На основании этого признака понятие способа синхронного словообразования можно определить как свойство производного слова обнаруживать словообразовательное средство или возможное сочетание словообразовательных средств (формантов) того или иного вида. Иначе говоря, каждый способ синхронного словообразования представляет собой особый вид (тип) отличия производных слов от производящих, которое выражается словообразовательным средством (формантом) [см.: Немченко, 1994, с. 236].

В современном русском языке насчитывается 14 видов словообразовательных формантов: словообразовательные аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы); возможные комбинации разных аффиксов (префиксов и суффиксов; префиксов и постфиксов; префиксов, суффиксов и постфиксов); флексии (системы окончаний производных слов); сочетания префиксов и флексий; единое главное словесное ударение; сочетание главного ударения с разными морфемными средствами (с префиксами, с суффиксами, с префиксами и суффиксами одновременно, с флексией). На этом основании четко различаются 14 способов синхронного словообразования. Для обозначения многих из них используются термины, образованные от названий словообразовательных средств: «префиксальный способ» (или «префиксация»), «суффиксальный способ» (или «суффиксация»), «префиксально-суффиксальный (суффиксально-префиксальный) способ» и т. п.

По характеру (составу) производящей базы в синхронном словообразовании различаются способы образования

простых производных слов (иначе — простые способы словообразования), когда производящая база представлена одним словом либо одной основой, и способы образования сложных слов (иначе — сложные способы словообразования), когда производящая база включает не менее двух слов либо основ. Этим определяется также характер (состав) словообразовательного форманта: при сложных способах словообразования у производных слов обязательно присутствует такое словообразовательное средство, как единое главное словесное ударение (в чистом виде или в сочетании с морфемными словообразовательными средствами), которое отсутствует у простых производных слов.

В зависимости от состава словообразовательного форманта способы словообразования подразделяются на чистые (в качестве словообразовательного форманта выступает одно основное словообразовательное средство) и смешанные (формант включает два и более основных словообразовательных средства).

Чистыми способами словообразования простых производных слов в современном русском языке являются:

1) префиксальный (иначе — приставочный) способ (или префиксация) — основным словообразовательным средством является префикс: *правнук, недруг, беспорядок, небольшой, безграмотный, развесёлый, выписать, приготовить, унести, навсегда, недаром*;

2) суффиксальный способ (или суффиксация) — в качестве основного словообразовательного средства выступает суффикс: *домик, танкист, читатель, железный, сильный, терпеливый, бороновать, синеть, весной, трижды*;

3) постфиксальный способ (или постфиксация) — основным словообразовательным средством является постфикс: *стучаться, торопиться, кто-то, чей-либо, сколько-нибудь*;

4) флексийный (флективный) способ (или нулевая суффиксация) — основным словообразовательным средством является флексия, система окончаний производного слова: *физик* ('ученый'), ф. род. п. *физика*, ф. дат. п. *физику*, ф. мн. ч. *физики* и т. д. (ср. *физика* — 'наука'), *математик* (ср. *математика*), *электротехник* (ср. *электротехника*), *супруга* (ср. *супруг*), *синьора* (ср. *синьор*).

Особую разновидность флексийного способа словообразования представляет собой конвэрсия (от лат. *conversio* — 'перевод,

превращение') или транспозиция (от лат. *trānsponere* — 'носить, перемещать'), называемая также морфолого-синтаксическим способом словообразования. Словообразование по конверсии связано с изменением частеречной принадлежности производящего слова, его переходом из одной части речи в другую без участия словообразовательных аффиксов. Слова могут переходить из одной части речи в другую без каких бы то ни было фонетических изменений (конверсия в узком смысле); ср.: *синь* — *синий*, *треть* — *третий*. В русском языке этот переход чаще всего сопровождается некоторыми фонетическими изменениями производящего слова — чередованием фонем, смягчением конечного согласного основы, усечением основы, изменением места ударения (конверсия в широком смысле); ср.: *новь* — *новый*, *высь* — *высокий*, *ширь* — *широкий*, *отчий* — *отец*, *прихожий* — *приходить*, *рассказ* — *рассказать*, *золотой* — *золото*.

К смешанным способам образования простых производных слов относятся:

1) префиксально-суффиксальный (суффиксально-префиксальный) способ — словообразовательный формант представлен сочетанием префикса и суффикса: *пасынок*, *перелесок*, *собеседник*, *довоенный*, *пришкольный*, *сверхплановый*, *обновить*, *упорядочить*, *во-первых*, *начисто*, *смолоду*;

2) префиксально-постфиксальный способ — словообразовательный формант состоит из префикса и постфикса: *вдуматься*, *выспаться*, *дождаться*, *прислушаться*, *разъехаться*;

3) суффиксально-постфиксальный способ — словообразовательный формант включает суффикс и постфикс: *брататься*, *гордиться*, *колоситься*;

4) префиксально-суффиксально-постфиксальный способ — словообразовательный формант — сочетание префикса, суффикса и постфикса: *облокотиться*, *подбочениться*, *прилуниться*, *осмелиться*, *расщедриться*;

5) префиксально-флексийный (префиксально-флексивный) способ — формант — сочетание префикса и флексии: *бездна* (ср. *дно*), *подруга* (ср. *друг*), *недотрога* (ср. *дотронуться*, *дотрагиваться*), *озноб* (ср. *знобить*), *проседь* (ср. *седой*), *удой* (ср. *доить*).

Для сложных слов чистые способы словообразования в современном русском языке представлены одним способом, который называется чистым сложением (или чистым словосложением), когда основное словообразовательное средство — единое главное словесное ударение: *льноволокно́, хлебоза-вóд, юго-за́пад, бело-ро́зовый, морозостóйкий, правдопо-дóбный, взаимодей́ствовать, злоупотре́блять, само-устра́ниться, полу́серьёз.*

К данному способу словообразования относится также образование сложносокращенных слов всех типов, или аббревиация (от лат. *abbreviatio* — ‘сокращение’): *вуз, РФ, горono, сель-по, совхоз, горсовет, пединститут* и др. Традиционно аббревиация выделяется в самостоятельный способ словообразования. Подобно всем другим словам, относящимся к чистому сложению, аббревиатура последовательно отличается от производящего, мотивирующего словосочетания характером словесного ударения (имеет только одно основное ударение, в то время как мотивирующее словосочетание имеет не менее двух ударений).

Все остальные способы образования сложных слов являются смешанными. К ним относятся:

1) сложно-суффиксальный (суффиксально-сложный) способ, когда в состав словообразовательного форманта входят единое главное словесное ударение и суффикс: *пятиле́тка, мясору́бка, овощехрани́лище, черномо́рец, белосне́жный, двухэ́тажный, новогóдний, правобе́режный, металлоре́жущий, мимохо́дом, мимоэ́дом;*

2) префиксально-сложный (сложно-префиксальный) способ, когда словообразовательным формантом является сочетание ударения и префикса: *оплодо́творить, умиро́творить;*

3) префиксально-сложно-суффиксальный (суффиксально-сложно-префиксальный) способ, когда словообразовательный формант — сочетание ударения, префикса и суффикса: *предновогóдний, повседне́вный, потусторо́нный, втридо́рога; Ростóв-на-Дону́, Комсомо́льск-на-Аму́ре;*

4) сложно-флексионный (сложно-флективный) способ, когда формант — сочетание ударения и флексии: *гореме́йка* (ср. *горе* и *мыкать*), *книгонóша, самова́р, длиннору́кий, круглolíцый, синегла́зый, широкопо́лый* [см.: Немченко, 1994, с. 233].

§ 172. При использовании многих из рассмотренных способов синхронного словообразования в разных языках обнаруживаются некоторые общие закономерности. Так, в ряде индоевропейских языков (русском, украинском, польском, чешском, литовском, немецком и др.) словосложение и суффиксация используются преимущественно при образовании слов именных частей речи, префиксация — глагола. Более того, некоторые общие тенденции наблюдаются в использовании одного и того же способа словообразования. Например, во многих языках слова, образованные суффиксальным способом, широко распространены среди существительных, обозначающих названия лиц женского пола, лиц по профессии, роду занятий, виду деятельности, а также среди существительных и прилагательных с оценочным значением (уменьшительно-ласкательных, увеличительных и т. д.).

Есть языки, использующие и такие способы словообразования, которые не типичны для русского языка или отсутствуют в нем. Например, инфиксация (или инфиксальный способ словообразования), при которой основным словообразовательным средством является инфикс, вставляемый внутрь корня/основы производящего слова (в отличие от префиксации, суффиксации или постфиксации, при которых словообразовательный аффикс присоединяется к основе слова в начальной либо конечной ее части). Так, в тагальском языке глагол *sumulat* ('писать') содержит словообразовательный инфикс *-um-* (ср. *sulat* — 'письмо').

В некоторых языках внутрь основы слова может вставляться целое слово, т. е. производное (сложное) слово способно образоваться «путем свертывания двух или нескольких членов предложения в одно слово», точнее, путем вставки внутрь глагола-сказуемого других членов предложения, чаще всего дополнения [ЛЭС, с. 586, 193, 511]. Такой способ создания сложных образований называется инкорпорацией [от лат. *incorporatio* — 'включение (в состав чего-либо)']. В чукотском языке, например, возможны образования типа *tivalantoa'k* ('я вытащил нож'), где *ti-* является префиксом формы 1-го лица единственного числа глагола, *vala-* — основой существительного со значением 'нож', *nto-* — основой глагола 'вынимать', *-a'k* — суффиксом, выражающим значение прошедшего времени и 1-го лица единственного числа. Подобные сложные образования характеризуются лексико-семантической рас-

члененностью и напоминают в некотором смысле синтаксические конструкции.

Возможно образование слов путем фонетических изменений в составе корневых морфем. Такие случаи, отмеченные в разных языках, характеризуются как фонетический способ словообразования. К данному способу словообразования, очевидно, можно отнести удвоение согласных корня (геминацию), широко распространенное в семитских языках. Ср. в арабском языке: *darraba* ('он ударил с большой силой'; ср. *daraba* — 'он ударил'), *kassara* ('он разбил вдребезги'; ср. *kasara* — 'он сломал'), *tabbax* ('повар'; ср. *tabaxa* — 'он варил') [см.: Шайкевич, с. 84].

М. Д. Степанова считает фонетически образованными слова современного немецкого языка с чередованием гласных в корне. По ее мнению, «словообразование путем изменения корня как самостоятельный способ (не сопутствующий другому способу) непродуктивно в современном [немецком] языке, хотя слова, образованные таким способом, весьма многочисленны» [Степанова, 1953, с. 61]. В качестве примеров приводятся слова *Band* ('связь; узы, оковы'; ср. *binden* — 'вязать, связывать'), *Zug* ('движение, шествие, переход'; ср. *ziehen* — 'тянуть, тащить'), *Trieb* ('склонность, стремление, побуждение'; ср. *treiben* — 'гнать, толкать'); *legen* ('класть, положить'; ср. *liegen* — 'лежать'), *setzen* ('сажать, усаживать'; ср. *sitzen* — 'сидеть'); *dünn* ['тонкий, худой; редкий, жидкий' (предположительно от *dehnen* — 'растягивать, расширять, удлинять')] и др.

Л. В. Щерба к фонетическому словообразованию относит случаи образования производных слов, сопровождающиеся так называемыми морфологическими чередованиями. Имеются в виду «чередования твердости последнего согласного основы с мягкостью при образовании отвлеченных существительных от прилагательных *зелёный* (*зелень*), *чёрный* (*чернь*), чередование места ударения в английском при образовании глаголов от прилагательных» [Щерба, 1958, с. 17].

Надо заметить, что в рассматриваемых примерах фонетические изменения далеко не всегда являются единственным и главным словообразовательным средством; в большинстве случаев они сопровождают различия в системе флексий, что и служит основным словообразовательным средством производства слов. Согласно принятой нами концепции, к произ-

водным словам, образованным фонетическим способом, могут быть отнесены только такие слова, для которых названные выше фонетические особенности являются единственным, а следовательно, основным словообразовательным средством; в остальных случаях следует говорить о флексийном способе словообразования.

Среди языков мира есть такие, в которых нет аффиксальных морфем — или префиксов, или суффиксов, или тех и других. В языках, в которых отсутствуют префиксы (например, в алтайских, уральских, тюркских, монгольских, угро-финских, японском и др.), отсутствует и такой способ словообразования, как префиксация. Равным образом в языках, в которых нет суффиксальных морфем (например, в тайском), нет суффиксального способа словообразования. В языках, в которых отсутствуют все виды аффиксальных морфем (например, во многих китайско-тибетских), вообще не может быть речи об аффиксальных способах словообразования.

§ 173. Языки, в которых используются одни и те же способы словообразования, заметно различаются интенсивностью применения этих способов, прежде всего способов образования слов простых (одноосновных) и сложных (полиосновных). Так, в современном русском и других славянских языках преобладают простые производные слова, прежде всего префиксальные и суффиксальные образования. В современном русском языке простые (одноосновные) слова составляют более половины словарного состава, точнее — около 60 тысяч лексем [см.: Моисеев, 1987, с. 121]. Простые производные слова заметно преобладают и в современных романских языках, в частности во французском, где словосложение/основосложение весьма ограничено, по крайней мере, оно менее развито, чем, например, в русском или немецком языке [см.: Цыбова, с. 96].

Наряду с аффиксацией в индоевропейских языках широко используется флексийное словообразование, т. е. производство слов, отличающихся от производящих системой окончаний. Например, весьма продуктивно флексийное словообразование в современном литовском языке (среди производных существительных флексийные образования занимают второе место после суффиксальных). В частности, так об-

разовано абсолютное большинство названий лиц женского пола, мотивированных названиями лиц мужского пола: *artistė* ('артистка'; ср. *artistas* — 'артист'), *draugė* ('подруга'; ср. *draugas* — 'друг, товарищ'), *studentė* ('студентка'; ср. *studentas* — 'студент'), *dėstytoja* ('преподавательница'; ср. *dėstytojas* — 'преподаватель'), *mokytoja* ('учительница'; ср. *mokytojas* — 'учитель'), *rašytoja* ('писательница'; ср. *rašytojas* — 'писатель'), *tarnautoja* ('служащая'; ср. *tarnautojas* — 'служащий'). Широко используются в литовском языке также префиксально-флексийный и сложноп-флексийный способы словообразования.

В некоторых индоевропейских языках (славянских, балтийских, романских и др.) особой продуктивностью отличается такая разновидность флексийного способа словообразования, как конверсия [см. § 171]. Особенно широко распространена конверсия в германских языках, прежде всего в английском.

Ср.: англ. *attack* ('нападать'; ср. *attack* — 'нападение'), *hand* ('передать'; ср. *hand* — 'рука'), *even* ('выравнивать'; ср. *even* — 'ровный'), *jump* ('прыжок'; ср. *jump* — 'прыгать'), *look* ('взгляд'; ср. *look* — 'смотреть'), *love* ('любовь'; ср. *love* — 'любить'), *salt* ('солить'; ср. *salt* — 'соль'), *stone* ('побить камнями'; ср. *stone* — 'камень');

нем. *Alte* ('старик'; ср. *alt* — 'старый'), *Frühe* ('рань'; ср. *früh* — 'ранний'), *Gut* ('добро, имение; благо'; ср. *gut* — 'хороший, добрый'), *Junge* ('мальчик'; ср. *jung* — 'молодой, юный'), *Leben* ('жизнь'; ср. *leben* — 'жить'), *Lesen* ('чтение'; ср. *lesen* — 'читать'), *Schöne* ('красавица'; ср. *schön* — 'красивый, прекрасный'), *Stille* ('тишина, покой; молчание, безмолвие'; ср. *still* — 'тихий, спокойный, молчаливый').

В тех языках, где отсутствуют аффиксальные морфемы, исключительную роль играют разные способы образования сложных слов. Это относится, в частности, к китайско-тибетским языкам [см.: Шайкевич, с. 87]. Из индоевропейских языков обилием сложных слов отличаются германские языки, в которых особенно широко используются сложные существительные, реже — слова других частей речи. Среди них немало слов, образованных с помощью так называемых полуаффиксов (или аффиксоидов — префиксоидов и суффиксоидов) [см.: Степанова, 1953, с. 152, 232, 316, 340]. Так, в немецком языке сложные слова (включая аффиксоидные

образования) очень часто употребляются для называния предметов и явлений, которые в других языках обозначаются простыми словами или же сочетаниями разных слов.

Образование сложносокращенных слов (или аббревиация) широко используется в современных германских (немецком, английском и др.) и славянских (русском и др.) языках. В английском языке в качестве особой разновидности аббревиации распространена телескопия (или вставочное словообразование), т. е. образование сложносокращенных слов путем сложения начала первого слова и конца второго. Например: *motel* ('мотель'; ср. *motorist* и *hotel*), *positron* ('позитрон'; ср. *positive* и *electron*), *smog* ('туман с дымом'; ср. *smoke* и *fog*), *to galumph* ('радостно прыгать'; ср. *to gallop* и *to triumph*) [см.: Шанский, 1968, с. 277]. Ср. аналогичные образования в русском языке: *бионика* (ср. *биология* и *электроника*), *мопед* (ср. *мотоцикл* и *велосипед*), *рация* (ср. *радио* и *станция*) [см.: Земская, 1973, с. 273].

Во многих языках существует такая разновидность сложения (чистого сложения), как удвоение слов/основ, или редупликация (от лат. *reduplicatio* — 'удвоение'), т. е. повторение (полное или частичное) производящих слов/основ. Редупликаты чаще всего используются для выражения усиления/ослабления признака предмета, интенсивности действия, обозначенного производящим словом, и т. п. Например: рус. *далеко-далеко*, *еле-еле*, *чуть-чуть*, *давным-давно*; индонез. *api-api* ('спички'; ср. *api* — 'огонь'); тагальск. *lalaki* ('мужчина'; ср. *laki* — 'муж'), *dagat-dagatan* ('пруд'; ср. *dagat* — 'море'); самоанск. *solo-solo* ('носовой платок'; ср. *solo* — 'полотенце'); узб. *чай-чай* ('угощение'; ср. *чай* — 'чай'); маорийск. *wera-wera* ('теплый'; ср. *wera* — 'жаркий') [см.: Шайкевич, с. 82].

Производные слова и их эквиваленты в разных языках

§ 174. В родственных языках для обозначения многих предметов и явлений действительности используются слова одинаковой словообразовательной структуры, одного и того же способа словообразования. Например, в качестве названий лиц по профессии, роду занятий, занимаемой должности

и т. п. часто используются слова, образованные суффиксальным способом:

‘учитель’ — рус. *учитель*, укр. *учитель*, чешск. *učitel* (ср. *učiti* — ‘учить’), лит. *mokytojas* (ср. *mokyti* — ‘учить’), нем. *Lehrer* (ср. *lehren* — ‘учить’);

‘писатель’ — рус. *писатель*, укр. *письменник*, польск. *pisarz* (ср. *писаć* — ‘писать’), лит. *rašytojas* (ср. *rašyti* — ‘писать’);

‘водитель’ — рус. *водитель*, укр. *водій*, чешск. *řidič* (ср. *řiditi* — ‘водить’), лит. *vairuotojas* (ср. *vairuoti* — ‘управлять’), нем. *Fahrer* (ср. *fahren* — ‘ехать, ездить’);

‘проводник’ — рус. *проводник*, укр. *провідник*, чешск. *průvodči* (ср. *prováděti* — ‘проводить’), лит. *palydovas* (ср. *palydėti* — ‘проводить’), нем. *Schaffner* (ср. *schaffen* — ‘делать, создавать, творить; доставлять’);

‘пахарь’ — рус. *пахарь*, укр. *пługатор*, чешск. *orač* (ср. *orati* — ‘пахать’), нем. *Pflüger* (ср. *pflügen* — ‘пахать’).

Для выражения аналогичных значений нередко используется флексийный способ образования производных слов, например:

‘ботаник’ — рус. *ботаник* (ср. *ботаника*), укр. *ботанік* (ср. *ботаніка*), польск. *botanik* (ср. *botanika*), чешск. *botanik* (ср. *botanika*), лит. *botanikas* (ср. *botanika*);

‘механик’ — рус. *механик* (ср. *механика*), укр. *механік* (ср. *механіка*), польск. *mechanik* (ср. *mechanika*), чешск. *mechanik* (ср. *mechanika*), лит. *mechanikas* (ср. *mechanika*);

‘физик’ — рус. *физик* (ср. *физика*), укр. *фізик* (ср. *фізика*), польск. *fizyk* (ср. *fizyka*), чешск. *fyzik* (ср. *fyzika*), лит. *fizikas* (ср. *fizika*).

Суффиксальные существительные в ряде языков обозначают лиц женского пола, например:

‘кондуктор’ — рус. *кондукторша* (разг.), укр. *кондукторка*, польск. *konduktorka*, нем. *Schaffnerin* (ср. *Schaffner* — ‘кондуктор’);

‘писательница’ — рус. *писательница*, чешск. *spisovatelka* (ср. *spisovatel* — ‘писатель’), нем. *Schriftstellerin* (ср. *Schriftsteller* — ‘писатель’);

‘студентка’ — рус. *студентка*, укр. *студентка*, польск. *studentka*, нем. *Studentin*;

‘ткачиха’ — рус. *ткачиха*, польск. *tkaczka* (ср. *tkacz* — ‘ткач’), нем. *Weberin* (ср. *Weber* — ‘ткач’);

‘учительница’ — рус. *учительница*, укр. *учителька*, чешск. *učitelka*, нем. *Lererin* (ср. *Lerer* — ‘учитель’).

В некоторых языках данное значение может выражаться словами флексийного способа словообразования (примеры см. выше).

Особенно широко суффиксальные производные слова используются для выражения оценочных значений, прежде всего уменьшительно-ласкательного значения:

‘домик’ — рус. *домик*, укр. *домик*, польск. *domek*, *domczek*, чешск. *domek*, *doměček*, лит. *namelis* (ср. *namas* — ‘дом’), нем. *Hauschen* (ср. *Haus* — ‘дом’);

‘конек’ — рус. *конёк*, *лошадка*, укр. *коник*, *конячка*, польск. *konik*, чешск. *konik*, *koniček*, лит. *arklelis*, *arkliukas* (ср. *arklys* — ‘лошадь’), нем. *Pferdchen* (ср. *Pferd* — ‘лошадь’);

‘головка’ — рус. *головка*, укр. *голівка*, польск. *głowka* (ср. *głowa* — ‘голова’), чешск. *hlavička* (ср. *hlava* — ‘голова’), лит. *galvutė* (ср. *galva* — ‘голова’), нем. *Köpfen* (ср. *Kopf* — ‘голова’).

Нередко для обозначения одних и тех же действий в разных языках используются отглагольные префиксальные образования. Например, для обозначения повторного процесса письма (‘переписать’) в ряде индоевропейских языков употребляются префиксальные глаголы: рус. *переписать*, укр. *переписати*, польск. *przepisać*, чешск. *přepsati*, лит. *perašyti* (ср. *rašyti* — ‘писать’), нем. *umschreiben* (ср. *schreiben* — ‘писать’).

В то же время очень часто для обозначения одних и тех же реалий (предметов, понятий, явлений) в разных языках, в том числе и близкородственных, используются слова неодинаковой словообразовательной структуры. Например, в соответствии с русскими суффиксальными производными словами в других индоевропейских языках могут употребляться как аффиксальные (суффиксальные, префиксально-суффиксальные) образования, так и сложные слова (чистые сложения, сложно-суффиксальные или сложно-флексийные образования). Ср. существительные — названия лиц по профессии, роду занятий и т. п.:

‘моряк’ — рус. *моряк*, укр. *моряк*, чешск. *námořník* (ср. *moře* — ‘море’), лит. *jūreivis*, *jūrininkas* (ср. *jūra* —

‘море’), нем. *Seemann* (ср. *See* — ‘море’ и *Mann* — ‘человек, мужчина’);

‘сапожник’ — рус. *сапожник*, укр. *чоботар* (ср. *чобит* — ‘сапог’), чешск. *obuvník* (ср. *obuv* — ‘обувь’), лит. *batsiuvy* (ср. *batas* — ‘сапог’ и *siuva* — ‘шьет’), нем. *Schuhmacher* (ср. *Schuh* — ‘башмак, туфля, обувь’ и *machen* — ‘делать, производить’);

‘тракторист’ — рус. *тракторист*, укр. *тракторист*, польск. *traktorzysta*, чешск. *traktorista*, лит. *traktorininkas*, нем. *Traktorenführer* (ср. *Traktor* — ‘трактор’ и *führen* — ‘вести, водить, руководить’);

‘часовщик’ — рус. *часовщик*, укр. *годинникар* (ср. *годинник* — ‘часы’), польск. *zegarmistrz* (ср. *zegar* — ‘часы’ и *mistrz* — ‘мастер’), чешск. *hodinar* (ср. *hodiny* — ‘часы’), лит. *laikrodininkas* (ср. *laikrodis* — ‘часы’), нем. *Uhrmacher* (ср. *Uhr* — ‘часы’ и *Macher* — ‘изготовитель’), англ. *clock-smith* (ср. *clock* — ‘часы’ и *smith* — ‘кузнец’).

В соответствии со сложными словами русского языка (и некоторых других индоевропейских языков) в иных родственных языках употребляются простые, одноосновные производные слова разных способов образования. Ср., например:

‘животновод’ — рус. *животновод*, нем. *Viehzüchter* (от *Vieh* — ‘скот’ и *züchten* — ‘разводить, выращивать’) и укр. *тваринник* (от *тварин* — ‘животное’), лит. *gyvulininkas* (от *gyvulus* — ‘животное’);

‘землемер’ — рус. *землемер*, укр. *землемір*, чешск. *zeměměřič* (от *země* — ‘земля’ и *měřiti* — ‘мерить’), нем. *Feldmesser* (от *Feld* — ‘поле, пашня’ и *messen* — ‘мерить, измерять, межевать’) и лит. *matininkas* (от *matuoti* — ‘мерить, измерять’);

‘полнолуние’ — рус. ‘*полнолуни́я*’, нем. *Vollmond* (от *voll* — ‘полный’ и *Mond* — ‘луна’) и чешск. *úplněk* (от *úplný* — ‘полный’), лит. *pilnatis* (от *pilnas* — ‘полный’);

‘самолет’ — рус. *самолёт*, нем. *Flugzeug* (от *fliegen* — ‘летать’ и *Zeug* — ‘вещь, инструмент’) и укр. *літак* (от *літати* — ‘летать’), чешск. *letadlo* (от *létati* — ‘летать’), лит. *lėktuvas* (от *lėkti* — ‘лететь’);

‘электростанция’ — рус. *электростанция*, укр. *електростанція*, нем. *Elektrizitätswerk* (от *Elektrizität* — ‘электричество’ и *Werk* — ‘завод’) и чешск. *elektrarna*

(от *elektrīna* — ‘электричество’), лит. *elektrinė* (от *elektra* — ‘электричество’).

§ 175. Существенные различия между словообразовательными системами разных языков проявляются и в том, что производным словам в одних языках нередко соответствуют синхронически непродуцируемые слова в других языках. Ср. существительные русского языка и некоторых других индоевропейских языков:

рус. *дед* и лит. *senelis, seniolis* (от *senas* — ‘старый’; ср. *senis* — ‘старик’), нем. *Großvater* (от *groß* — ‘большой, великий’ и *Vater* — ‘отец’);

рус. *зять* и нем. *Schwestermann* (от *Schwester* — ‘сестра’ и *Mann* — ‘человек, мужчина’), *Schwiegersohn* (от *Schwieger* — ‘тесть, свекор’ и *Sohn* — ‘сын’);

рус. *врач* и укр. *лікар* (от *лікувати* — ‘лечить’), польск. *lekarz* (от *leczyć* — ‘лечить’), чешск. *lékař* (от *lěčiti* — ‘лечить’);

рус. *плотник* и укр. *тесляр* (от *тесати* — ‘тесать’), польск. *ćesła* (от *ciosać* — ‘тесать’), чешск. *tesař* (от *tesati* — ‘тесать’), лит. *statytojas* (от *statyti* — ‘ставить, строить’);

рус. *портной* и чешск. *krejčí* (от *krájeti* — ‘кроить’), лит. *siuvėjas* (от *siuva* — ‘шьет’), нем. *Schneider* (от *schneiden* — ‘резать, стричь’; ср. *zuschneiden* — ‘кроить’);

рус. *верблюд* и лит. *kupranugaris* (от *kupra* — ‘горб’ и *nugara* — ‘спина’);

рус. *путь* и лит. *gyvsidabris* (от *gyvas* — ‘живой’ и *sidabras* — ‘серебро’), нем. *Quecksilber* (от *queck* — ‘живой’ и *Silber* — ‘серебро’).

В русском языке в значительной мере это относится к словам иноязычного происхождения. Ср.:

рус. *велосипед* (франц. *velocipede*; от лат. *velox* — ‘быстрый’ и *pes* — ‘нога’) и нем. *Fahrrad* наряду с *Rad* (от *fahren* — ‘ехать’ и *Rad* — ‘колесо’), лит. *dviratis* (от *du* — ‘два’ и *ratas* — ‘колесо’);

рус. *чабан* (перс. *šubān, čūrān*) и нем. *Schafhirt* наряду с *Hirt* (от *Schaf* — ‘овца’ и *Hirt* — ‘пастух’), лит. *aviganis* (от *avis* — ‘овца’ и *ganyti* — ‘пасти’);

рус. *шофёр* (франц. *chauffeur*) и нем. *Kraftwagenführer* наряду с *Chauffeur* (от *Kraftwagen* — ‘автомобиль, грузовик’

и *führen* — ‘вести, водить; руководить’, *Führer* — ‘вождь, руководитель; водитель, машинист, шофер’).

§ 176. В языке обычно присутствует большое количество производных слов той или иной словообразовательной структуры, которые не имеют лексических эквивалентов в других языках и переводятся на них сочетаниями двух или более слов. Ср., например: лит. *bulviena* — рус. *поле после уборки картофеля* (ср. *bulvė* — ‘картофель’); лит. *grikainė* — рус. *гречневая каша* (ср. *grikis, grikas* — ‘гречиха’); лит. *žemuogienė* — рус. *земляничное варенье* (ср. *žemuoģė* — ‘земляника’); рус. *осетрина*, укр. *осетрина*, нем. *Störfleisch* (ср. *Stör* — ‘осетр’ и *Fleisch* — ‘мясо’), чешск. *maso z jesetera*, лит. *eršketo mėsa* (букв. ‘мясо осетра’); рус. *севрюжина*, укр. *севрюжина*, лит. *sevriugos mėsa* (букв. ‘мясо севрюги’).

Так, в литовском языке существует оригинальная словообразовательная модель отсубстантивных глаголов с суффиксом *-au-*, обозначающих процесс сбора, добычи того, что обозначается производящим словом. Она представлена несколькими десятками глагольных образований, которые не имеют лексических эквивалентов во многих языках и обычно переводятся на них глагольными словосочетаниями. Ср.: лит. *grybauti* — рус. *собирать грибы* (ср. *grybas* — ‘гриб’); лит. *žuvauti* — рус. *ловить рыбу* (ср. *žuvis* — ‘рыба’); лит. *voveriauti* — рус. *охотиться на белок* (ср. *voverė, vovevis* — ‘белка’).

Аналогичные (одномодельные) глаголы образуются от многих существительных, обозначающих конкретные предметы, которые могут служить объектом добычи с той или иной целью: *vyšnia* (‘вишня’), *slyva* (‘слива’), *obuolis* (‘яблоко’), *žirnis* (‘горох’), *bulvė* (‘картофель’), *kiaušinis* (‘яйцо’ — о птичьих яйцах), *vėžys* (‘рак’), *gėlės* (‘цветы’), *šienas* (‘сено’) и др.

Сказанное в значительной мере относится к сложным словам, включая сложносокращенные образования. В русском языке такими словами являются, например, существительные: *вуз* (ср.: чешск. *visoká škola*, лит. *aukštoji mokykla* — букв. ‘высшая школа’), *леспромхоз* (ср.: лит. *miško pramonės ūkis* — букв. ‘лесное промышленное хозяйство’), *медпункт* (ср.: чешск. *zdravotnické středisko* — букв. ‘центр

здоровья', лит. *gydyto punktas* — букв. 'лечебный пункт', нем. *kleines Ambulatorium* — букв. 'маленькая амбулатория'), *местожительство* (ср.: укр. *місце проживання* — букв. 'место проживания', лит. *gyvenamoji vieta* — букв. 'место проживания'), *хлебопечение* (ср.: чешск. *pečení chleba* — букв. 'печенье хлеба', лит. *duonos kepimas* — букв. 'печенье хлеба').

В немецком языке к таким словам относятся: *Birkenreis* ('ветвь березы'; от *Birke* — 'береза' и *Reis* — 'росток, отросток, побег'), *Damenschuh* ('дамская туфля'; от *Dame* — 'дама' и *Schuh* — 'обувь, туфля'), *Eisenbahn* ('железная дорога'; от *Eisen* — 'железо' и *Bahn* — 'путь, дорога'), *Geburstag* ('день рождения'; от *geboren sein* — 'родиться'), *Geburt* — 'рождение' и *Tag* — 'день'), *Klassenleiter* ('классный руководитель'; от *Klasse* — 'класс' и *leiten* — 'вести, руководить'), *Lesesaal* ('читальный зал'; от *lesen* — 'читать' и *Saal* — 'зал'), *Reisbrei* ('рисовая каша'; от *Reis* — 'рис' и *Brei* — 'каша'), *silberhaltig* ('содержащий серебро'; от *Silber* — 'серебро' и *halten* — 'держат'), *radfahren* ('ехать на велосипеде'; от *Rad* — 'велосипед' и *faren* — 'ехать') и др.

В литовском языке это такие слова, как, например: *didmiestis* ('большой город'; от *didis*, *didelis* — 'большой' и *miestas* — 'город'), *geležinkelis* ('железная дорога'; от *geležinis* — 'железный' и *kelias* — 'дорога'), *pusbrolis* ('двоюродный брат'; от *pusė* — 'половина' и *brolis* — 'брат'), *senbernis* ('старый холостяк'; от *senas* — 'старый' и *bernas* — 'парень'), *vienaskaita* ('единственное число'; от *vienas* — 'один' и *skaičius* — 'число, количество') и др.

ГРАММАТИКА

Понятие грамматики

§ 177. Термин «грамматика», как и многие другие лингвистические термины, — греческого происхождения (от *gramma* — 'письменный знак, черта'). Первоначально он использовался в значении 'искусство писать и читать'. В современной лингвистике термином «грамматика» обычно обозначается определенный участок языковой системы, часто называемый

грамматическим строем языка, и раздел языкознания, в котором изучается данный участок системы языка.

Ср.: «Термин грамматика... употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения “строй языка”» [Виноградов, 1947, с. 4];

«грамматикой называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а также самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку» [Грамматика, 1953, с. 8];

«следует иметь в виду, что слово “грамматика” употребляется как в смысле учения о грамматике, так и в смысле грамматического строя языка, т. е. грамматического строя слова, словосочетания и предложения» [Будагов, 1965, с. 215; см. также: Степанов, с. 111; Головин, 1983, с. 19; Маслов, 1987, с. 125; РГ, т. 1, с. 8].

При этом грамматический строй понимается «либо в широком смысле — как совокупность законов функционирования единиц языка на всех уровнях его структуры... либо (чаще) в более узком смысле — как совокупность правил построения: 1) лексических единиц, прежде всего слов (и их форм) из морфем, и 2) связных высказываний и их частей — из лексических единиц, отбираемых в процессе речи каждый раз соответственно выражаемой мысли» [Маслов, 1987, с. 125].

Иногда особо выделяется значение термина «грамматика», связанное с его употреблением по отношению к отдельным элементам грамматической системы: например, в словосочетаниях «грамматика имени», «грамматика глагола», «грамматика инфинитива» [см.: ЛЭС, с. 113; РЯЭ-К, с. 92].

Термином «грамматика» нередко называется также книга, содержащая описание грамматического строя того или иного языка или же излагающая основы какого-либо языка в целом [см.: Щерба, 1958, с. 13; Кодухов, 1987, с. 205; СРЯ-О, с. 121].

В некоторых толковых словарях данное значение слова «грамматика» рассматривается как особый оттенок одного из двух его основных значений.

В современном отечественном языкознании грамматика как особый участок системы языка чаще всего определяется как совокупность (либо система) правил, приемов, способов,

средств или норм образования грамматических единиц — грамматических форм в широком смысле.

Под *г р а м м а т и к о й* понимается:

«совокупность правил изменения и сочетания слов, сформулированных для данного языка» [СЛТ-А, с. 113];

«совокупность правил изменения слов, их соединения в словосочетания и предложения» [СЛТ-РТ, с. 74];

«система языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений» [Виноградов, 1947, с. 4];

«объективно существующая в языке система способов и средств построения и изменения слов и построения предложений» [Головин, 1983, с. 19];

«совокупность норм изменения слов и сочетаний их в предложении, присущее какому-либо языку» [СРЯ-Е, т. 1, с. 459].

Правомернее было бы определить грамматику в этом смысле как совокупность (систему) грамматических единиц (подобно тому, как определяются другие языковые подсистемы: фонетика, морфемика, лексика, словообразование). Единицами грамматики (грамматического строя) являются прежде всего грамматические формы (в широком смысле), грамматические категории и граммемы [см. § 179]. Таким образом, грамматику следовало бы определить как совокупность (систему) грамматических форм, или грамматических категорий, или грамме, или и тех, и других, и третьих, вместе взятых.

Ср.: грамматика (грамматический строй языка) — это «формальный строй языка, т. е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций» [РЯЭ-К, с. 92];

это «совокупность и система присущих языку грамматических категорий» [Головин, 1983, с. 108];

это «совокупность грамматических категорий» [см.: Степанов, с. 111].

Итак, грамматика как определенная языковая система (подсистема), как объект грамматического учения — это система грамматических единиц: грамматических форм (в широком смысле), грамматических категорий и грамме.

Термином «грамматика» обозначается не только грамматический строй языка, но и учение о нем, т. е. раздел языкознания, занимающийся изучением грамматического строя языка.

Ср.: грамматика — это «наука о строе слова и строе предложения» [Грамматика, 1953, с. 8];

это «наука о языковых формах, о формах слов (морфология) и формах словосочетаний (синтаксис)» [Широков, 1985, с. 190];

это «раздел языкознания, изучающий строй слова и предложения в языке» [СРЯ-Е, т. 1, с. 459];

это «раздел языкознания, изучающий формы словоизменения, формулы словосочетания и типы предложений» [СЛТ-А, с. 112].

Ср. также: «Грамматическая наука изучает грамматические категории, которые всегда представляют собой единство формы и значения» [РГ, т. 1, с. 9];

«грамматика как лингвистическая наука изучает форму и содержание, строение и функционирование грамматических единиц и категорий» [Кодухов, 1987, с. 205];

«...в грамматике изучается: 1) структура слова, 2) структура словосочетания, 3) структура предложения» [Будагов, 1965, с. 226—227].

С целью терминологической дифференциации разных понятий для обозначения грамматики как области языковой системы некоторые языковеды предлагают использовать составной термин «грамматика языка».

Ср.: «Для того чтобы избежать двоякого понимания терминов “фонетика” и “грамматика” и им подобных, можно было бы говорить “фонетика” и “фонетика языка”, “грамматика” и “грамматика языка”» [Головин, 1983, с. 19].

В этом значении термин «грамматика языка» употребляется также другими учеными [см.: Будагов, 1965, с. 266; Степанов, с. 111; РГ, т. 1, с. 8].

При использовании термина «грамматика» в значении ‘учение о грамматическом строе’ нередко добавляются сравнительные обороты: «как наука», «как лингвистическая наука», «как раздел языкознания», «как учение о строе языка».

Ср.: в тех случаях, когда термины «грамматика», «словообразование», «морфология» и т. п. «употребляются для обозначения науки, вводятся формулировки: “грамматика как наука”, “морфология как наука” и т. д.» [РГ, т. 1, с. 8; см. также: Виноградов, 1947, с. 4; Голанов, с. 3; Кодухов, 1987, с. 205].

Аналогичные сравнительные обороты используются и для обозначения соответствующей языковой системы (подсистемы): «грамматика как строй языка» [РЯЭ-К, с. 94], «грамматика как система» и др.

§ 178. Грамматика (грамматический строй языка), как и другие подсистемы языка и языковая система в целом, может изучаться с разных сторон. В соответствии с этим различаются разные типы (или виды) грамматической науки: грамматика общая и частная, описательная и историческая, сопоставительная и сравнительно-историческая, научная и школьная, формальная и функциональная и др.

Подобно тому как языкознание делится на общее и частное, выделяются грамматики общая и частная. Эти грамматики различаются в зависимости от объекта изучения (количества изучаемых языков) и характера изучаемых явлений. Общая грамматика изучает грамматические явления (единицы грамматического строя, их функционирование, изменение, взаимоотношения между ними и т. д.), характерные для разных языков, преимущественно языковые универсалии.

Частная грамматика изучает соответствующие явления, относящиеся к отдельному языку или определенной группе языков.

В зависимости от способа изучения одних и тех же грамматических явлений различается грамматика описательная и историческая. В описательной грамматике (или дескриптивной) изучаются грамматические явления отдельного языка или группы языков по их состоянию в определенный промежуток времени, например, в современном их состоянии, т. е. в синхроническом плане.

В исторической грамматике те же явления рассматриваются с точки зрения их изменения в процессе исторического развития языка путем сравнения их состояния в разные промежутки времени, т. е. в диахроническом плане.

В рамках описательной грамматики выделяется грамматика сопоставительная, в рамках исторической грамма-

тики — сравнительно-историческая¹. Сопоставительная грамматика (или контрастивная) занимается сравнением (сопоставлением) грамматического строя разных (обычно двух) языков (как родственных, так и неродственных) с целью облегчить усвоение грамматического строя неродного языка.

Сравнительно-историческая грамматика сравнивает грамматические явления родственных языков, отраженных в письменных памятниках или зафиксированных в живом употреблении, с целью воссоздания более раннего их состояния, не засвидетельствованного в памятниках письменности.

В зависимости от задач, которые ставит перед собой грамматическая наука, различается грамматика научная и школьная.

Школьной (учебной, практической) называется грамматика, преподаваемая в школе, «излагающая в освещенном традицией духе элементарные грамматические сведения вместе с орфографическими и пунктуационными правилами» [РЯЭ-Ф, с. 60]. Если научная грамматика «изучает все стороны и категории грамматического строя языка», то школьная «изучает базовые (основные, типические) свойства грамматического строя конкретного языка» [Кодухов, 1987, с. 208]².

Целью научной грамматики (иначе — теоретической, или общей) является углубленное изучение и описание грамматического строя отдельного языка (или разных языков) на основе современной лингвистической теории, новейших достижений языкознания. Научная грамматика обычно является н о р м а т и в н о й: в ней устанавливаются литературные нормы употребления грамматических форм слов, построения синтаксических конструкций. Нормативная научная грамматика, получившая одобрение основной научной организации страны (например, Российской академии наук), называется а к а д е м и ч е с к о й. Академическая научная грамматика представлена, например, в «Грамматике русского языка» (1953—1954), «Грамматике современного русско-

¹ Наряду с терминами «сопоставительная грамматика» и «сравнительно-историческая грамматика» в тех же значениях иногда употребляется термин «сравнительная грамматика».

² Вопрос о соотношении научной и школьной грамматики учеными решается по-разному [ср.: Пешковский, 1922; Будагов, 1953, с. 130; 1965, с. 215; РЯЭ-Ф, с. 60].

го литературного языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1970), «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1980).

Научная грамматика может быть формальной и функциональной. Содержание формальной грамматики (иначе — пассивной, или грамматики слушающего) — описание грамматического строя языка на основе грамматических форм (причем описание осуществляется в направлении от формы к значению) и классификация этих форм по разным признакам. Формальная грамматика ориентирована на слушающего, который чувственно воспринимает форму, материально выраженную грамматическую единицу, и через нее узнает соответствующее грамматическое значение.

В функциональной грамматике (иначе — активной, или грамматике говорящего) в основе описания грамматического строя языка лежат сгруппированные определенным образом грамматические значения, функции разных грамматических единиц. При этом описание ведется от значения, функции — к форме, к конкретной единице, выражающей определенное значение, выполняющей ту или иную функцию. Функциональная грамматика ориентирована на говорящего, который выбирает из имеющегося у него арсенала необходимое грамматическое значение и сообщает его слушающему с помощью соответствующего формального средства [подробнее см.: Щерба, 1974, с. 48; Бондарко А., 1984, с. 6; ЛЭС, с. 114, 565].

Единицы грамматики

§ 179. При объяснении понятия грамматики речь идет главным образом о таких единицах грамматического строя языка, как грамматическая форма (в широком смысле), грамматическая категория и граммема. Некоторые лингвисты грамматической единицей считают морфему (морф), которая иногда рассматривается как «предельная грамматическая форма» [Степанов, с. 111]. К основным единицам грамматики нередко относят слово: оно «является единицей как лексического, так и грамматического уровней языка и обнаруживает признаки, свойственные единицам обоих уровней» [ЛЭС, с. 113]. Это обосновывается тем, что слова вы-

ражают не только лексические, но и грамматические значения, например значение той или иной части речи.

По определению В. В. Лопатина, к грамматическим единицам относятся «слово, словоформа, синтаксическая конструкция (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) как носители обобщенных грамматических свойств, а также средства выражения грамматических значений: служебные морфемы (аффиксы) и их совокупности, служебные слова (предлоги, союзы, частицы) и др.» [ЛЭС, с. 116].

Чаще всего в качестве единиц грамматики рассматриваются грамматические формы и грамматические категории. Есть достаточные основания для того, чтобы основной единицей грамматики считать грамматическую форму¹.

Грамматическая форма (в широком смысле) может быть определена как единица языка (точнее, как языковой знак), выражающая определенное грамматическое значение. Иными словами, грамматическая форма — это «языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение» [ЛЭС, с. 116] или «материальный вид существования грамматического значения» [РЯЭ-К, с. 97].

Термин «грамматическая форма» часто используется для обозначения грамматической формы слова (формы рода, числа, падежа существительного, прилагательного, числительного, местоимения, формы вида, залога, наклонения, времени, числа, лица глагола и т. д.). Это м о р ф о л о г и ч е с к и е грамматические формы [см. § 181], которые противопоставляются с и н т а к с и ч е с к и м грамматическим формам [см. § 228].

Под грамматическим значением понимается обобщенное языковое значение, характерное для целого ряда однородных в грамматическом отношении форм. Грамматическое значение — это «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее свое регулярное (стандартное) выражение в грамматических формах» [РЯЭ-К, с. 100].

¹ Подобно тому как в фонетике основной единицей считается звук речи (фонема), в морфемике — морфема (морф), в лексике — слово (лексема), в словообразовании — производное слово (дериват).

Совокупность грамматических форм, выражающих одно и то же грамматическое значение, традиционно называется грамматической категорией. Нередко она рассматривается в качестве основной единицы грамматики (грамматического строя языка). По утверждению некоторых лингвистов, грамматические категории являются «важнейшим понятием грамматики» — наряду с морфемой [Будагов, 1965, с. 245], «центральной категорией грамматики» — наряду с грамматическими формами и грамматическими значениями [РЯЭ-Ф, с. 59], занимают «первостепенное место в морфологии» [Гвоздев, 1973, с. 112].

В современном языкознании грамматическая категория обычно определяется как единство грамматического значения и выражающих его грамматических форм (или грамматических средств).

Грамматические категории представляют:

«единства грамматических значений и грамматических средств выражения этих значений» [Гвоздев, 1973, с. 113];

«реальное языковое единство грамматического значения и средств его материального выражения» [Головин, 1983, с. 105];

«грамматическое значение обобщенного характера, присущее словам или сочетаниям слов в предложении и вместе с тем отвлеченное от конкретных значений самих этих слов» [Будагов, 1965, с. 245].

Аналогичные определения данного понятия предлагают и другие лингвисты [см.: Пешковский, 1956, с. 27; Щерба, 1974, с. 30; Реформатский, 1967, с. 255; Степанов, с. 111; Кодухов, 1987, с. 230; РГ, т. 1, с. 455 и др.].

При таком понимании этой единицы грамматики в качестве грамматических категорий рассматриваются: отдельные части речи (т. е. выделяются грамматические категории имени существительного, имени прилагательного, глагола, наречия и др.); лексико-грамматические разряды слов разных частей речи (т. е. различаются грамматические категории абстрактности, вещественности, одушевленности-неодушевленности существительных; качественности, относительности прилагательных; способа действия глагола и др.); говорится о грамматических категориях мужского, женского и среднего рода, единственного и множественного числа,

именительного и родительного падежей существительного, совершенного/несовершенного вида, возвратно-среднего залога, изъявительного наклонения, настоящего времени глагола, называются грамматические категории разных типов словосочетаний и предложений, разных членов предложений и т. д.

В последнее время широкое распространение получило более узкое понимание грамматической категории. В соответствии с общеупотребительным значением слова «категория» грамматической категорией называют общее, родовое понятие, объединяющее ряд (два или более) однородных видовых, более частных явлений, противопоставленных друг другу по определенным признакам.

Грамматическая категория определяется:

как «ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, систематически выражаемых теми или иными формальными показателями» [Маслов, 1987, с. 127];

как «класс грамматических значений, объединяющих в себе разные формальные единицы, находящиеся в отношениях единства самого общего абстрактного значения и противопоставленности тоже абстрактных, но более частных значений» [РЯЭ-Ф, с. 59];

как «система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [ЛЭС, с. 115; см. также: Бондарко А., 1976, с. 10; Ярцева, с. 149; Тихонов, 2002, с. 201; Грамматика, 1970, с. 317; РГ, т. 1, с. 455 и др.].

Согласно данному определению, к грамматическим категориям современного русского языка относятся, например, категории рода (ср. мужской, женский и средний род), числа (ср. единственное и множественное число), падежа (ср. именительный, родительный и другие падежи), степени сравнения (ср. сравнительную и превосходную степени), вида (ср. совершенный и несовершенный вид), времени (ср. настоящее, прошедшее и будущее время), типа предложения (ср. предложения повествовательные, вопросительные и побудительные, простые и сложные и т. д.) и др.

При таком, уточненном понимании грамматической категории традиционно определяемая грамматическая категория рассматривается как граммэма. По определению

А. В. Бондарко, граммемой является «компонент грамматической категории, представляющий собой по своему значению видовое понятие по отношению к значению грамматической категории как понятию родовому. ...В структуре грамматической категории граммема представляет собой один из противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, конструирующих грамматическую категорию как систему» [ЛЭС, с. 117; см. также: Бондарко А., 1971, с. 32; Степанов, с. 147; Маслов, 1987, с. 127; Шайкевич, с. 93].

В соответствии с предлагаемым определением в качестве граммем современного русского языка рассматриваются, например, каждый из противопоставленных родов, чисел, падежей существительных, прилагательных, местоимений, каждая степень сравнения прилагательных, наречий, каждое наклонение, время, лицо, число глагола. Можно говорить о граммемах мужского, женского и среднего рода, единственного и множественного числа, именительного, родительного и дательного падежей, сравнительной и превосходной степеней, совершенного и несовершенного вида, изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений, настоящего, прошедшего и будущего времени, 1-го, 2-го и 3-го лица и т. д.

Как грамматика делится на морфологию и синтаксис, так и грамматические единицы (грамматические формы, грамматические категории, граммемы) подразделяются на морфологические и синтаксические. Необходимо заметить, что проблема грамматических категорий, и тем более граммем, успешно решается в морфологии и пока недостаточно — в синтаксисе.

Многие лингвисты наряду с морфологическими и синтаксическими единицами к грамматике относят также единицы словообразовательные, на основании чего в рамках грамматики выделяют словообразование как подсистему языка и подраздел (раздел) языкознания.

Ср.: «Грамматический строй (грамматика) языка представляет собой единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и отвлеченных значений, по функциям в языке, а также по характеру отношений как друг к

другу, так и к единицам других подсистем грамматики. Такими частными системами грамматики являются словообразование, морфология и синтаксис» [РГ, т. 1, с. 8];

«грамматика как строй языка представляет собой “систему систем”, объединяющую словообразование... морфологию... и синтаксис...” [РЯЭ-Ф, с. 58];

«грамматический строй языка изучает грамматика — наука об образовании слов, их изменении, классах, сочетаниях и употреблении в предложении и контексте» [Кодухов, 1987, с. 205].

МОРФОЛОГИЯ

Понятие морфологии

§ 180. Термин «морфология» (от греч. *morphē* — ‘форма’ и *logos* — ‘слово, учение, понятие’) был заимствован лингвистами в XIX в. из биологии, где использовался для обозначения раздела биологической науки, изучающего виды (или «формы») животных. Как и многие другие, этот термин неоднозначен. Им обозначается и определенный участок языковой системы (т. е. известная часть грамматики языка, его грамматического строя), и раздел языкознания, в котором изучается данная часть грамматического строя языка.

Морфология языка (или морфологический строй языка) нередко определяется как система морфологических грамматических единиц, к числу которых относятся грамматические формы слов, грамматические категории, граммемы, слова как выразители морфологических значений и др.

Ср.: «Морфология объединяет в себе принадлежащие языку системы форм слов (парадигмы), а также грамматические (морфологические) категории и лексико-грамматические разряды слов, т. е. такие лексические разряды, которые имеют общие и достаточно стабильные грамматические характеристики» [РЯЭ-Ф, с. 58];

«морфология языка — это совокупность и система присущих языку грамматических категорий слов и словесных форм», т. е. морфологических категорий [Головин, 1983, с. 108].

Как раздел языкознания (грамматики) морфология изучает морфологические грамматические единицы.

Ср.: морфология — это «раздел грамматики, изучающий слова со стороны их внутренней структуры (морфемного состава), прежде всего в плане образования форм слов и их системы, и те грамматические категории, которые в этих формах выявляются» [РЯЭ-Ф, с. 148].

В соответствии с распространенным толкованием грамматики как совокупности (системы) правил образования (построения) грамматических единиц языка морфология (морфологический строй языка) иногда определяется как совокупность (система) способов и средств образования морфологических грамматических единиц.

Ср.: морфология — это «не только наука, но и совокупность объективно существующих в языке способов и средств построения и изменения слов» [Головин, 1966, с. 24].

Аналогичным образом объясняется и морфология как раздел языкознания (грамматики): это «учение о способах и средствах построения и изменения слов» [Головин, 1983, с. 19].

При определении морфологии как учения о морфологических единицах языка в качестве объекта данного раздела грамматики чаще всего называется слово в разных морфологических аспектах.

В этом плане морфология обычно определяется:

как «грамматическое учение о слове» [Тихонов, 2002, с. 193; Шанский, Тихонов, 1987, с. 78];

как «учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов» [Виноградов, 1947, с. 4];

как раздел грамматики, изучающий «структуру слова, правила и законы изменения слов» [Будагов, 1965, с. 241].

Некоторые лингвисты особое место в морфологии как разделе языкознания отводят изучению частей речи «с принадлежащими им грамматическими категориями», лексико-грамматических разрядов слов разных частей речи [см.: РЯЭ-К, с. 244]. Они считают предметом морфологии «грамматические классы и разряды слов — принадлежащие им грамматические категории и те системы форм (парадигмы), в которых эти категории существуют и выявляются» [Грамматика, 1970, с. 302]. Утверждается, что «основное содержание морфологии составляет изучение частей речи, их образова-

ния, типов, изменения» [Голанов, с. 13], что морфология языка — это прежде всего «совокупность и система частей речи» [Головин, 1983, с. 134].

Многие ученые в раздел морфологии включают также учение о словообразовании [см.: Виноградов, 1947, с. 4; Милославский, 1981, с. 5; Широков, 1985, с. 192; Кодухов, 1987, с. 210].

Иногда морфология определяется как «раздел грамматики, изучающий морфемный состав языка, типы морфем, характер их взаимодействия и функционирования в составе единиц более высоких уровней» [Глинских, Петрова, с. 187].

Термин «морфология» (подобно термину «грамматика») иногда употребляется по отношению к отдельным элементам грамматической (морфологической) системы языка (ср., например, такие выражения, как «морфология существительного», «морфология спряжения») [см.: Виноградов, 1947, с. 440; Милославский, 1981, с. 22].

Возможны разные аспекты изучения морфологической системы языка. Соответственно различается морфология общая (теоретическая) и частная, описательная и историческая, формальная и функциональная.

Основные единицы морфологии

§ 181. Если основной единицей грамматики считать грамматическую форму (в широком смысле этого термина), то основной единицей морфологии следует признать морфологическую грамматическую форму (проще — морфологическую форму), т. е. грамматическую форму слова. Морфологическими грамматическими формами (иначе — грамматическими формами слов) называются регулярные видоизменения слов той или иной части речи, выражающие определенное грамматическое (морфологическое) значение или известный комплекс таких значений. Это, например, форма родительного падежа множественного числа существительного (*домов, окон, друзей*), форма сравнительной степени прилагательного (*выше, глубже, быстрее, более высокий, менее глубокий*), форма 3-го лица множественного числа настоящего времени глагола (*несут, глядят*) и т. д. [см.: Виноградов, 1947, с. 34; Головин, 1983, с. 108; ЛЭС, с. 116]. Под грамматическим значением при этом понимается обобщенное значение, присущее определенным классам слов или отдельных морфоло-

гических форм, отвлеченное от лексических значений соответствующих слов, например: значение предмета в грамматическом смысле (или предметности) у существительного, значение признака предмета у прилагательного, значение процесса у глагола, значение единственного/множественного числа, а также падежа у существительного, значение сравнительной или превосходной степени у прилагательного либо наречия, значение лица, числа, времени, наклонения, вида, залога у глагола и т. д.

Иногда в морфологии различаются общие и частные грамматические (морфологические) значения. Общим грамматическим значением (или категориальным) называется значение слова как единицы определенной части речи, так называемое частеречное значение слова: например, значение имени существительного, имени прилагательного, глагола.

Под частным значением понимается грамматическое значение определенной морфологической формы слова той или иной части речи: например, значение множественного числа существительного, 1-го лица глагола и т. д.

Грамматическая (морфологическая) форма слова как единица морфологической системы языка выступает в речи в виде отдельных словоформ. Если грамматическая форма представляет собой определенный класс слов или их морфологических видоизменений, то словоформа — это отдельно взятое слово, употребленное в той или иной грамматической форме, например: существительное *дом* в форме родительного падежа единственного числа, прилагательное *светлый* в полной местоименной форме именительного падежа единственного числа мужского рода положительной степени сравнения, глагол *нести* в форме инфинитива и т. д.

Ср.: «Слово существует в языке как система форм. Ф о р м а с л о в а — это принадлежащее языковой системе то или иное его грамматическое видоизменение, несущее, наряду с общим категориальным значением, комплекс частных грамматических значений или одно такое значение. Отдельно взятая форма конкретного слова является его с л о в о ф о р м о й» [Грамматика, 1970, с. 802].

В зависимости от способа образования (или лексического состава) различают грамматические формы слова простые и

сложные [см. § 186]. Простыми (или синтетическими) называются грамматические формы слов, представленные одной словоформой. В русском языке это, например, падежные и числовые формы существительного, формы рода, числа, падежа прилагательного, все формы настоящего и прошедшего времени глагола и др.

Сложными (или описательными, аналитическими) называются формы слов, представленные сочетанием форм знаменательного и служебного слов. В русском языке это, например, формы будущего времени глагола несовершенного вида, все формы сослагательного наклонения [см.: РГ, т. 1, с. 454].

§ 182. Совокупность словоформ определенного слова (одной и той же лексемы) называется парадигмой данного слова (от греч. *paradeigma* — ‘пример, образец’), а точнее — грамматической (или морфологической, словоизменительной) парадигмой.

Различаются общие грамматические парадигмы слов и частные. Общая парадигма слова (иначе — полная, большая) представляет собой совокупность всех его грамматических форм. Например, в современном русском языке общие парадигмы большинства существительных насчитывают по 12 словоформ, общие парадигмы качественных прилагательных — до 29 словоформ, относительных и притяжательных прилагательных (не имеющих кратких форм и форм степеней сравнения) — по 24 словоформы. Наиболее сложные парадигмы у глаголов, образующих формы лица, числа, времени, наклонения, вида, залога, причастий, деепричастий, а также родовые формы (в прошедшем времени, в сослагательном наклонении и у причастий), падежные формы (у причастий).

Частная парадигма слова (или малая) представляет собой некоторую часть общей парадигмы слова, «определенным образом организованную группу форм» данного слова [РГ, т. 1, с. 455]. Например, общая парадигма существительного включает две частные парадигмы — единственного и множественного числа; общая парадигма качественного прилагательного распадается на частные падежные парадигмы мужского, женского и среднего рода и множественного числа, родо-числовую парадигму кратких форм и парадигмы форм степеней сравнения.

Грамматическая парадигма слова может быть как полной, так и неполной. Полная парадигма слова содержит все возможные в данном языке словоформы: таковы, например, парадигмы существительного *дом*, прилагательного *весёлый*, местоимения *мой*.

Неполной (или дефектной) считается общая парадигма слова, в которой отсутствуют отдельные частные парадигмы, или же парадигма (общая и частная), в которой отсутствуют одна или больше словоформ, имеющих в аналогичной полной парадигме. В русском языке неполными являются, например, парадигмы существительных с вещественным значением (типа *белила*, *дрожжи*, *консервы*, *сливки*, *чернила* — отсутствуют формы единственного числа), собирательных существительных (типа *зверьё*, *ребятня*, *студенчество* — отсутствуют формы множественного числа), некоторых существительных с оценочным значением (типа *глазёнки*, *глазёночки*, *глазыньки* — отсутствуют формы единственного числа; *письмецо* — отсутствуют формы множественного числа; *башка*, *мгла*, *мечта*, *мзда*, *мольба* и др. — отсутствует форма родительного падежа множественного числа; *зло* — отсутствуют все формы множественного числа, кроме формы родительного падежа; *дровец*, *щец* — единственно возможной является форма родительного падежа множественного числа), некоторых местоимений (*себя* — нет формы именительного падежа, *некто* — нет форм косвенных падежей), ряда глаголов (*гнест* — нет форм прошедшего времени, *дерзить* — нет формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, *победить* — нет формы 1-го лица единственного числа будущего времени) и т. д.

В каждой грамматической парадигме слова выделяется одна словоформа в качестве исходной, т. е. основной. Все остальные формы, относящиеся к данной парадигме, рассматриваются как производные по отношению к исходной. В современной русистике исходной формой склоняемых слов считается форма именительного падежа. Для существительных — это форма именительного падежа единственного числа (при отсутствии у существительного формы единственного числа — форма именительного падежа множественного числа), для прилагательных и слов других частей речи, склоняемых по типу прилагательных, —

форма именительного падежа единственного числа мужского рода (для местоимения *себя* — форма родительного падежа). Для глагола в современных индоевропейских языках, в том числе и в русском, исходной формой считается инфинитив. В семитологии исходной формой глагола считается форма 3-го лица мужского рода перфекта (одного из прошедших времен). Для санскрита — это форма 3-го лица единственного числа настоящего времени, для латинского и греческого языков — форма 1-го лица единственного числа настоящего времени.

Исходная форма представляет слово (лексему) в словарях — указывается в заголовке словарной статьи (поэтому называется еще словарной формой). Также она представляет слово в лингвистических описаниях и во всех случаях, когда необходимо назвать слово без указания его грамматической формы.

§ 183. В качестве грамматических единиц наряду с грамматическими формами часто рассматриваются грамматические категории. Можно утверждать, что одной из важнейших морфологических единиц является морфологическая грамматическая категория (иначе — морфологическая категория). Морфологическими являются такие грамматические категории, которые «закреплены за словами независимо от их положения в высказывании» [Головин, 1983, с. 111]. В современном языкознании морфологическая категория рассматривается как «одна из основных обобщенных характеристик данного разряда слов, имеющая морфологическое выражение» [СЛТ-А, с. 191];

как «система форм слова, обладающих общим грамматическим элементом значения» [Милославский, 1981, с. 24];

как «система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями» [РГ, т. 1, с. 445].

Морфологические грамматические категории различаются по разным признакам. Чаще всего они классифицируются в зависимости от возможности/невозможности быть выраженными формами одного и того же слова (т. е. в рамках парадигмы данного слова). По этому признаку они делятся на две группы:

1) грамматические категории слов; они называются еще лексико-грамматическими категориями, классифицирую-

щими (классификационными) категориями, категориями классифицирующего типа или несловоизменительными морфологическими категориями;

2) грамматические категории словесных форм; их называют также собственно грамматическими категориями, формообразовательными категориями или словоизменительными морфологическими категориями.

Грамматическими категориями слов являются такие морфологические категории, члены (компоненты) которых представлены разными словами (лексемами) и не могут быть представлены формами одного и того же слова; это, например, категория частей речи, категория рода имени существительного.

К грамматическим категориям словесных форм относятся морфологические категории, члены которых могут быть представлены формами одного и того же слова; это, например, категории числа и падежа имени существительного, рода, числа, падежа и степени сравнения имени прилагательного, лица, числа, времени, наклонения глагола и др.

По количеству членов морфологические категории подразделяются на двучленные, или бинарные (в современном русском языке это, например, категории числа, вида), трехчленные (например, категории рода, лица, времени) и многочленные (например, категория падежа)¹.

Естественно, к числу важнейших морфологических единиц относятся морфологические граммы как члены соответствующих морфологических грамматических категорий.

§ 184. Многие лингвисты склонны рассматривать в качестве важнейшей морфологической единицы слово (лексему): слово «стоит в центре морфологии» [РГ, т. 1, с. 9], является «основной элементарной единицей морфологии» [РЯЭ-Ф, с. 148], считается «основным объектом морфологии» [Шанский, Тихонов, с. 78]. Очевидно, признание слова основной единицей морфологии носит условный характер.

Слово можно считать основной единицей (или одной из основных единиц) морфологической системы постольку, по-

¹ Возможны и иные классификации морфологических грамматических категорий [см.: Маслов, 1987, с. 128; Немченко, 1994а, с. 9; РГ, т. 1, с. 457; ЛЭС, с. 115].

скольку оно является выразителем морфологического значения (выражает общее, частеречное значение) и представляет собой систему словоформ, выражающих частные морфологические значения. Таким образом, основной единицей морфологии является слово «как та единица языка, в которой слиты воедино звуковой материал, лексическое значение и формальные грамматические характеристики; эти последние стоят в центре внимания морфологии» [РЯЭ-К, с. 244]. В целом же слово является основной единицей лексики и объектом лексикологии.

Ср.: «Слово представляет собой одновременно единицу и лексики и грамматики. Слово как грамматическая единица — это система всех его форм с их грамматическими значениями; слово как лексическая единица, или единица словаря, — это формально выраженная система всех его лексических значений» [РГ, т. 1, с. 453].

Что касается морфем, то их следует рассматривать не как единицы морфологии, а как одно из важнейших средств образования морфологических единиц (или морфологических средств). Они представляют собой основной объект морфемики как особого раздела языкознания.

Морфологические способы и средства

§ 185. Грамматические (морфологические) формы слов как важнейшие единицы морфологического строя языка образуются и морфологические значения выражаются разными способами. Иначе говоря, в морфологии языка используются разные способы и средства, которые обычно называются грамматическими способами и средствами. При этом термины «способы образования грамматических форм» (или «грамматические способы») и «средства образования грамматических форм» (или «грамматические средства») часто употребляются как абсолютные синонимы [см.: Будагов, 1965, с. 242; Реформатский, 1967, с. 248; Маслов, 1987, с. 126].

Можно попытаться разграничить рассматриваемые термины и обозначаемые ими понятия. По нашему мнению, объяснение способа образования морфологических грамматических форм слов (или морфологического способа) предполагает ответ на вопрос: «Как (каким способом)

образуются грамматические формы слов?», а объяснение средств образования форм слов (или морфологического средства) предполагает ответ на вопрос: «С помощью чего (какого средства) образуются грамматические формы слов, выражаются их грамматические значения?» Однако не всегда представляется возможным строго разграничить морфологические способы и морфологические средства (в частности, это относится к таким явлениям, как редупликация и супплетивизм) [см. § 194, 195].

§ 186. Среди способов образования морфологических грамматических форм (или морфологических способов) различаются способы синтетический (или простой) и аналитический (или описательный). Синтетическим (от греч. *synthesis* — ‘соединение, составление’) называется морфологический способ, при котором формы слов образуются в пределах одной лексической единицы, без использования вспомогательных слов: например, только с помощью грамматических служебных морфем разных видов, чередования фонем, словесного ударения.

Аналитическим (от греч. *analysis* — ‘разложение, расчленение’) считается такой морфологический способ, при котором формы слов образуются с помощью тех или иных вспомогательных слов. При этом грамматическое значение словоформы обычно передается вспомогательным словом, а основное слово выражает лишь лексическое значение (ср., например: *более красивый, самый красивый, буду писать*).

В некоторых случаях грамматическое значение аналитической словоформы выражается не только вспомогательным, но и основным словом (ср., например: *я пишу, на столе*). Образование таких грамматических форм иногда выделяют в особый способ, называемый **гибридным** (или смешанным)¹.

§ 187. Во многих языках важнейшим морфологическим средством являются служебные морфемы, прежде всего флексии (окончания). В русском языке флексии ис-

¹ Некоторые лингвисты к аналитическому способу образования грамматических форм относят и такие явления, как порядок слов в предложении, интонация [см.: Глинских, Петрова, с. 207].

пользуются, например, при образовании большинства грамматических форм склоняемых и спрягаемых слов (ср.: *домик* — *домика*, *белый* — *белого*, *сделал* — *сделала*). Суффиксы используются преимущественно для образования форм степеней сравнения прилагательных и наречий, глагольных форм вида (ср.: *прыгать* — *прыгнуть*, *рассказать* — *рассказывать*), прошедшего времени, причастий, деепричастий (*гулял*, *читающий*, *сидя* и т. д.). С помощью постфиксов образуются формы страдательного залога (типа *веселиться*, *одеваюсь*), некоторые формы повелительного наклонения глагола (*скажи-ка*, *споём-те* и др.).

Кроме славянских языков, использование служебных морфем является доминирующим морфологическим средством в таких языках, как литовский, латышский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, эстонский, финский, турецкий, узбекский, алтайские и др. В разных языках для образования аналогичных форм (одинаковых по грамматическим значениям) могут использоваться морфемы разных видов. Так, в русском и близкородственных языках основным средством образования причастий являются суффиксы, в немецком и некоторых других индоевропейских языках широко используются префиксы (ср.: нем. *lesen* — ‘читать’ и *gelesen* — ‘читанный’; *schreiben* — ‘писать’ и *geschrieben* — ‘написанный’).

Одна и та же служебная морфема может служить показателем разных грамматических форм слова. Например, в словоформах *степью*, *тенью* окончание *-ю* является показателем единственного числа и творительного падежа, а также указывает на принадлежность слова к женскому роду; у прилагательных типа *красная*, *воробьиная* окончание *-ая* служит показателем положительной степени, женского рода, единственного числа, именительного падежа, а также указывает на то, что соответствующие формы являются полными, местоименными; в глагольных формах типа *иду*, *пойму* окончание *-у* — показатель изъявительного наклонения, настоящего (или будущего — у глаголов совершенного вида) времени, единственного числа, 1-го лица.

И наоборот, в образовании одной и той же грамматической формы слова могут участвовать две и более морфемы. Так, в русском языке при образовании форм множественного числа некоторых существительных (например, *братья*,

сыновья), кроме обязательных для таких форм окончаний, используется еще и суффиксальная морфема; в немецком языке при образовании некоторых форм причастий используются одновременно префикс и суффикс (ср.: *tachen* — ‘делать’ и *gemacht* — ‘сделанный’).

§ 188. Вторым по важности, по роли в формообразовании и по распространенности в большинстве языков морфологическим средством является использование **вспомогательных слов**. При образовании описательных грамматических форм в качестве вспомогательных слов могут использоваться вспомогательные глаголы, некоторые местоимения, наречия и служебные слова — предлоги, послелого, частицы, артикли.

Вспомогательные глаголы нередко участвуют в образовании описательных глагольных форм. В русском и других славянских языках, например, с их помощью образуются личные формы будущего времени от глаголов несовершенного вида: *буду писать, будешь читать* и т. п. В немецком и других германских языках, кроме форм будущего времени, с помощью вспомогательных глаголов образуются формы прошедших времен — имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. В образовании многих глагольных форм участвуют личные местоимения: *я читаю, ты читал, он читал бы*. Определительное местоимение *самый* используется для образования аналитической формы превосходной степени прилагательного: *самый молодой, самая хорошая*. Аналитическая форма сравнительной степени прилагательного может образовываться с помощью наречия: *более высокий, менее известный*. В некоторых языках австралийских племен форма множественного числа существительного образуется с помощью знаменательного слова со значением ‘много’ [см.: Будагов, 1965, с. 258].

Служебные слова чаще всего участвуют в именном формообразовании. Предлоги часто используются при образовании падежных форм существительных и других склоняемых слов, для выражения или уточнения их грамматических значений (ср.: *в кино* и *из кино, к горе* и *на горе, до ночи* и *к ночи, о ночи*).

В некоторых языках (например, в английском, французском) падежные флексии почти отсутствуют и предлоги слу-

жат основным средством выражения падежных значений [см.: Там же, с. 270; Головин, 1983, с. 102]. В языках, в которых имеются послелогои, они выполняют аналогичную роль. Так, в башкирском языке послелогои *карши*, *курэ*, *хэтле* служат показателем дательного падежа, послелогои *кечек*, *менэн*, *осон*, *тиклем*, *шикелле* — неопределенного падежа. Схожую функцию послелогои выполняют в финском, таджикском, узбекском и других языках.

А р т и к л и могут обозначать грамматический род существительного (например, в немецком языке), определенность-неопределенность имени.

В русском и некоторых других языках частицы используются для образования форм сослагательного наклонения глагола.

§ 189. Во многих языках существует такое морфологическое средство, как грамматическое (морфологическое) чередование фонем (данное явление называется еще внутренней флексией). Заметную роль в формообразовании, в выражении грамматических значений оно играет в английском, арабском и древнееврейском языках, в языках народов Африки, индейцев Северной Америки и др. [см.: Головин, 1983, с. 104]. Ср.: нем. *Bruder* ('брат') — *Brüder* ('братья'), *Garten* ('сад') — *Gärten* ('сады'), *waschen* ('мыть, стирать') — *wuschen* ('мыли, стирали'); лит. *prašau* ('прошу') — *prašiau* ('просил'), *statau* ('ставлю, строю') — *stačiau* ('ставил, строил').

В русском языке чередование фонем обычно дополняет другие морфологические средства, прежде всего морфемные; ср.: *друг* — *друзья*, *короткий* — *короче*, *пеку* — *печёшь*, *видел* — *вижу*, *рассмотреть* — *рассматривать*, *спросить* — *спрашивать*. В качестве самостоятельного, единственного морфологического средства оно используется крайне редко; ср.: *перебегать* — *перебежать*, *умолкать* — *умолчать*, *посылать* — *послать*, *собирать* — *собрать*, *ляг* — *ляг* и др. [см. § 72].

§ 190. Важным средством дифференциации грамматических форм слов и выражаемых ими грамматических значений является словесное ударение, которое во многих языках выполняет форморазличительную (или формоопознавательную) функцию. Естественно, такую функцию ударение

может выполнять только в тех языках, в которых оно является свободным (т. е. не закреплено за определенным местом в слове по отношению к его началу или концу) и подвижным (т. е. может передвигаться при образовании разных грамматических форм слова) [см. § 63].

В русском языке данное, акцентное морфологическое средство чаще всего используется при словоизменении существительных; ср.: *до́ма* и *домá*, *окна́* и *о́кна*, *руки́* и *ру́ки* (различается грамматическое число и падеж). Ударение позволяет различать формы глагола: *отрѐзать* — *отрѐзать*, *рассы́пать* — *рассыпа́ть* (различается вид); *узнаю́* — *узнаю́*, *призна́ются* — *признаю́тся* (различаются вид и время); *носите́* — *носите́*, *хва́лите* — *хва́лите* (различается наклонение).

Следует обратить внимание на то, что омонимичные грамматические формы слов, различающиеся местом словесного ударения, фактически образованы с помощью разных морфем. В глаголах типа *отрѐзать* — *отрѐзать*, *рассы́пать* — *рассыпа́ть* ударный гласный в формах несовершенного вида представляет собой грамматический суффикс, который является показателем данной видовой формы, в то время как соответствующий ему безударный гласный в формах совершенного вида является формальным показателем морфологического класса глагола [см.: Милославский, 1981, с. 169].

Аналогичным образом различаются глагольные формы типа *узнаю́* — *узнаю́*, с той лишь разницей, что в форме несовершенного вида утрачен суффикс *-а-* (отражено так называемое усечение основы). Наличием/отсутствием суффикса несовершенного вида *-а-* различаются также видовые глагольные формы с чередующимися фонемами в основе: *перебега́ть* — *перебежа́ть*, *умолка́ть* — *умолча́ть*, *посыла́ть* — *посла́ть*, *собира́ть* — *собра́ть* и др.

Ударные и безударные окончания существительных в формах типа *до́ма* — *домá*, *руки́* — *ру́ки* представляют собой разные морфемы, находящиеся в омонимических отношениях друг с другом.

§ 191. В языках с тоническим, музыкальным ударением (т. е. характеризующихся наличием звуковой интонации) одним из морфологических средств может быть звук о-

в а я и н т о н а ц и я. В литовском языке, например, эта интонация служит единственным средством различения падежных форм числительного *du* ('два'): в форме дательного падежа *dviem* дифтонг произносится с нисходящей интонацией, в омонимичной форме творительного падежа *dviem* — с восходящей интонацией. В сербском языке с помощью интонации разграничиваются падежные формы существительных. Форморазличительную функцию звуковая интонация выполняет и в других языках с тоническим ударением [см. § 65].

§ 192. Иногда единственным средством различения грамматических форм и выражаемых ими грамматических значений является п о р я д о к с л о в в предложении (или слово-порядок). Такое морфологическое средство играет важную роль прежде всего в языках с твердым порядком слов в предложении, особенно в тех языках, «в которых нет форм словоизменения (или их мало) и слово в прямом и косвенных падежах обычно сохраняет одну и ту же форму» [Будагов, 1965, с. 243]. Это относится, например, к китайскому языку с грамматически значимым порядком слов, к английскому, в котором члены предложения располагаются в определенном порядке (подлежащее — сказуемое — дополнение — обстоятельство). Так, в английском предложении *The man killed a tiger* ('человек убил тигра') существительное *man* является подлежащим, поскольку стоит на первом месте, следовательно, оно употреблено в значении именительного падежа, а существительное *tiger* — дополнением, поскольку стоит на третьем месте, следовательно, выражает значение винительного падежа; в предложении *The tiger killed the man* ('тигр убил человека'), наоборот, в значении именительного падежа употреблено слово *tiger*, а в значении винительного падежа — слово *man*.

В языках со свободным порядком слов, какими являются русский, литовский, латинский и многие другие языки, последовательность расположения слов в высказывании не играет большой роли в разграничении грамматических форм слов и их значений, хотя в случае совпадения разных словоформ в формальном отношении (например: *Бытие определяет сознание; Дочь встретила мать; День сменяет ночь; «Динамо» победило «Торпедо»*) имеет определенное значе-

ние. Обычно существительные, занимающие в подобных высказываниях первое место, представляют форму именительного падежа, существительные, располагающиеся после сказуемого, — форму винительного падежа. Однако подобная последовательность расположения подлежащего и дополнения в языках со свободным словопорядком не является достаточно строгой.

§ 193. Грамматическая форма несклоняемых существительных, а также склоняемых существительных, имеющих омонимичные словоформы, может определяться по синтаксическим связям, по сочетаемости существительных с другими словами в высказывании — существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глаголами.

Легко определяется, например, падеж и число зависимого (определяющего) существительного в таких подчинительных словосочетаниях, как *стакан какао, чашка кофе, два пальто, три купе* (ф. род. п. ед. ч.); *стадо кенгуру, стая какаду, пять колибри, десять кило* (ф. род. п. мн. ч.); *пить кофе, смотреть кино, слушать радио* (ф. вин. п. ед. ч.); *заинтересоваться интервью* (ф. твор. п.). Грамматическая форма главного (определяемого) слова легко распознается по окончаниям формы зависимого слова: *горячий кофе* (ф. им. п. ед. ч.), *сладкого какао* (ф. род. п. ед. ч.), *новых пальто* (ф. род. п. мн. ч.), *моими колье* (ф. твор. п. мн. ч.). Число несклоняемого существительного определяется и по форме глагола-сказуемого, если глагол употреблен в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения; ср.: *пальто промокло* (ф. ед. ч.), *эму [страусы] убежали бы* (ф. мн. ч.).

Ср.: «В том случае, если признак принадлежит предмету или лицу, названному существительным, относящимся к нулевому склонению [т. е. существительным несклоняемым. — В.Н.], формы множественного числа прилагательного указывают на грамматическое значение числа этих существительных; например: *розовый фламинго — розовые фламинго; трудное па — трудные па*» [Грамматика, 1970, с. 335].

Грамматическая форма глагола-сказуемого может служить также средством разграничения падежной формы существительного, употребленного в роли подлежащего (именительный падеж), и существительного в роли дополнения

(винительный падеж). Например, в предложении *Цель оправдывает средства* глагол-сказуемое согласуется в числе с существительным *цель*, которое и является подлежащим, т. е. имеет форму именительного падежа, а существительное *средства* является дополнением, т. е. имеет форму винительного падежа. Ср. также: *Крики будто хотели заглушить хлопанье ладош, топот подавлял стуки ружейных прикладов об пол* (Фед.); *Ветер доносит с Балтийского моря разбушевавшихся волн голоса* (Сурк.).

В тех случаях, когда подлежащее и дополнение выражены формой одного и того же числа, синтаксическая функция разных существительных (и следовательно, их принадлежность к именительному или винительному падежу) определяется по смыслу высказывания. Например, в предложениях *Вот до чего довели родные парьмские края беспорядочные массовые перемещения воздуха* (Лип.); *Наше искусство губит реализм* (М. Г.); *Моет Невский проспект тёплый дождь* дополнение предшествует подлежащему (вопреки обычному для русского языка расположению членов предложения). Следовательно, форму именительного падежа представляют словоформы *перемещения*, *реализм* и *дождь*, а форму винительного падежа — словоформы *края*, *искусство* и *проспект*.

§ 194. Во многих языках для выражения некоторых грамматических значений используется р е д у п л и к а ц и я, которая часто называется также повтором, удвоением (корня) [см. § 173].

Под редупликацией в грамматике (морфологии) понимается полное или частичное повторение корня [см.: Шайкевич, с. 81], повторение слога или корня, используемое в разных языках для выражения грамматических значений [см.: Глинских, Петрова, с. 207].

Иногда данное явление понимается несколько шире: «Повторы, или редупликации, состоят в полном или частичном повторении корня, основы или целого слова без изменения звукового состава или с частичным изменением его» [Реформатский, 1967, с. 287].

Повторение целого корня (т. е. полное его повторение) называется полной редупликацией. Повторение отдельного

(начального) слога (т. е. частичное повторение корня) называется частичной редупликацией. Повторение целых слов квалифицируется некоторыми лингвистами как предельный случай редупликации, граничащий с образованием сложных слов [см.: ЛЭС, с. 408]. Редупликация в морфологии может рассматриваться и как морфологическое средство, и как морфологический способ.

Как морфологическое средство (морфологический способ) редупликация используется во многих языках: армянском, бушменском, казахском, киргизском, китайском, корейском, малайском, самоанском, шумерском (мертвый), яванском, японском и др. В морфологии она чаще всего используется для выражения формы числа существительного: индонез. *orang-orang* ('люди'; ср. *orang* — 'человек'), бушм. *ka-ka* ('руки'; ср. *ka* — 'рука'), кит. *sin-sin* ('звезды'; ср. *sin* — 'звезда'), арм. *gund-gund* ('полки'; ср. *gund* — 'полк'), яванск. *ratu-ratu* ('правители'; ср. *ratu* — 'правитель'), шум. *kip-kip* ('страны'; ср. *kip* — 'страна'), кирг. *уймек-уймек* ('стога'; ср. *уймек* — 'стог'). С помощью редупликации может передаваться также значение множественного числа других частей речи: самоанск. *ai-ai* ('едят'; ср. *ai* — 'ест'), *tetele* ('большие'; ср. *tele* — 'большой' — здесь частичная редупликация).

С помощью редупликации может выражаться также значение степеней сравнения прилагательного, например: каз. *жаксы-жаксы* ('самый хороший'; ср. *жаксы* — 'хороший'), *кызыл-кызыл* ('самый красивый'; ср. *кызыл* — 'красивый'). В качестве примеров форм превосходной степени прилагательных, образованных редупликацией, часто приводятся образования типа рус. *большой-большой* ('очень большой'), *маленький-маленький* ('очень маленький'), *добрый-добрый*, *добрый-предобрый* ('очень добрый'); гав. *lii-lii* ('очень маленький'; ср. *lii* — 'маленький') [см.: Будагов, 1965, с. 296; Реформатский, 1967, с. 288; Кодухов, 1987, с. 218]. Подобные образования выражают особое значение усилительности, которое является, скорее, лексическим, словообразовательным значением, чем грамматическим, морфологическим [см. § 173].

§ 195. Среди морфологических средств (способов) особое место занимает супплетивизм (от лат. *suppletus* — 'дополняющий, замещающий'), который принципиально отличается от всех мор-

фологических средств. Супплетивизмом называется использование разных корней или основ для выражения грамматических (морфологических) значений слов.

Явление супплетивизма распространено во многих индоевропейских языках. В русском языке оно обнаруживается, например, при обозначении грамматического числа у существительных (*человек — люди, ребёнок — дети*), образовании формы сравнительной степени прилагательных и наречий (*малый — меньше, плохой — хуже, хорошо — лучше*), при разграничении полных и кратких форм прилагательных (*большой — велик*), видов глагола (*брать — взять, говорить — сказать, класть — положить, ловить — поймать*), временных форм глагола (*есть — был, иду — шёл*), форм падежа личных местоимений (*я — меня, он — его, мы — нас, они — их*).

Аналогичные образования (супплетивы) известны и другим индоевропейским языкам, например:

лат. *bonus — melior — optimus* ('хороший — лучше — наилучший'), *fero — tuli — latum* ('несу — я нес — чтобы нести'), *ego — mei* ('я — меня');

франц. *bon — meilleur* ('хороший — лучше'), *mauvais — pire* ('плохой — хуже'), *aller — vais — irai* ('идти — иду — пойду'), *est — sont — fut* ('есть — они есть — был'), *je — me* ('я — меня');

нем. *Mensch — Leute* ('человек — люди'), *gut — besser* ('хороший — лучше'), *sprechen — sagen* ('говорить — сказать'), *sein — bin — sind — war* ('быть' — ф. 1-го л. ед. ч. наст. вр. — ф. 1-го л. мн. ч. наст. вр. — ф. ед. ч. прош. вр.), *ich — meiner* ('я — меня');

англ. *good — better* ('хороший — лучше'), *i — me* ('я — меня — мне');

лит. *būti — esu — yra — buvo* ('быть' — ф. 1-го л. ед. ч. наст. вр. — ф. 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. — ф. 3-го л. ед. и мн. ч. прош. вр.), *aš — man* ('я — мне');

греч. *agathós — ameinōn — áristos* ('хороший — лучше — самый хороший').

В современном языкознании спорным остается вопрос о принадлежности супплетивных образований к единицам морфологии или лексики. Чаще всего супплетивизм определяется как одно из средств (способов) образования грамматических форм одного и того же слова.

Ср.: супплетивизм — это «образование форм одного и того же слова от разных корней или основ, различия которых выходят за пределы чередований» [СЛТ-А, с. 463];

это «образование форм одного и того же слова от разных корней», которые «лишены формальной (фонематической) близости и потому не могут объединяться в одну морфему» [РЯЭ-Ф, с. 340; см. также: Маслов, 1987, с. 147; Шайкевич, с. 85; Глинских, Петрова, с. 206].

Существует и другое мнение по этому вопросу: коррелятивные (соотносительные по лексическим значениям) супплетивные единицы представляют собой **р а з н ы е с л о в а**.

Ср.: *человек* и *люди* — это «два разных слова, поскольку их фонематический состав и происхождение совершенно различны» [Филин, 1963, с. 132].

По утверждению Р. А. Будагова, при супплетивном образовании степеней сравнения «прилагательное “заменяется” совсем другим словом» [Будагов, 1965, с. 297].

Против того, чтобы считать коррелятивные супплетивные единицы разными формами одного и того же слова, категорически высказывается И. А. Мельчук, который называет такую трактовку супплетивизма недоразумением [см.: Мельчук, 1972, с. 428].

Признание супплетивных образований разными словами представляется достаточно убедительным. Трактовка таких единиц как разных форм одного слова противоречит общепринятой характеристике слова, которое является «единством лексического значения и средств его материального выражения» [Головин, 1983, с. 105]. Если разными словами (словами-омонимами) считаются такие единицы, которые совпадают по звучанию, но различаются лексическими значениями, то с неменьшим основанием самостоятельными словами должны признаваться единицы, имеющие совершенно разные звуковые оболочки, хотя и совпадающие по лексическим значениям (как это имеет место при лексической синонимии).

Определение супплетивных образований как форм одного слова не согласуется и с пониманием грамматической формы слова как морфологической разновидности, «регулярного видоизменения слова» [РГ, т. 1, с. 454], одного из морфологиче-

ских вариантов слова. Такая точка зрения на супплетивы не согласуется с лексикографической практикой: в словарях многие супплетивы квалифицируются как разные слова, а потому описываются в разных словарных статьях [см.: Немченко, 2000, с. 163].

Части речи

Общая характеристика частей речи

§ 196. Понятие «части речи» является одним из основных в морфологии. Ч а с т ь р е ч и — важнейшая морфологическая грамматическая категория, точнее — грамматическая категория слов. Эта грамматическая категория присуща всем языкам мира, т. е. представляет собой одну из языковых универсалий.

Русский термин «часть речи» является буквальным переводом лат. *partes oratiōnis* и греч. *tà mērē tū lōgu*. Идентичные термины используются и в грамматиках некоторых других языков: нем. *Redeteile*, англ. *parts of speech*, франц. *parties du discours*.

По оценке некоторых лингвистов, данный термин «нельзя признать удачным, так как он резко противоречит и бытовому, и терминологическому значению слова “речь”, им обозначаются «классы языковых единиц, а вовсе не единиц р е ч и» [Маслов, 1987, с. 155]. Заметим, что аналогичный термин используется и в грамматиках тех языков, в которых понятия «язык» и «речь» терминологически не дифференцируются, обозначаются одним и тем же словом (ср.: укр. *частини мови*, польск. *części mowy*, лит. *kalbos dalys*).

Более удачным для обозначения рассматриваемого понятия считается термин «классы слов». Его эквиваленты в данном значении используются в грамматиках ряда языков (например, термин *ordklasser* в грамматиках датского и шведского языков).

В лингвистике части речи определяются по разным признакам [см.: Немченко, 1975, с. 5]. В современном русском языкознании части речи принято различать по трем признакам:

1) по семантическому, т. е. по общему грамматическому (морфологическому) значению, обобщенному категориаль-

ному значению, отвлеченному от конкретных лексических значений слов, по так называемому частеречному значению;

2) по синтаксическому, т. е. по синтаксическим функциям слов, в зависимости от того, в роли какого члена (каких членов) предложения слово выступает;

3) по морфологическому, т. е. по набору грамматических (морфологических) форм слов, образующих грамматическую парадигму.

Ср.: части речи — это «наиболее общие лексико-грамматические разряды слов, выделяющиеся по трем главным признакам: 1) по грамматическому значению, 2) по изменению и 3) по синтаксическому употреблению» [Голанов, с. 13—14];

это «классы слов, характеризующиеся: 1) единством обобщенного значения (например, предметности у существительного, процесса у глагола), отвлеченного от лексических значений всех слов данного класса; 2) общностью грамматических категорий и словоизменения; 3) тождественностью синтаксических функций» [РЯЭ-Ф, с. 389].

Некоторые лингвисты наряду с перечисленными признаками частей речи принимают во внимание еще и словообразовательный признак, под которым понимается «набор... словообразовательных моделей и инвентарь словообразовательных средств для пополнения лексики данной части речи» [Кодохов, 1987, с. 233].

В других языках для разграничения частей речи могут быть использованы иные признаки. Так, в языках со слабо развитой морфологической системой (например, в английском) определять части речи приходится «на основании двух признаков: семантического (категориального значения) и синтаксического (сочетаемости и функции в предложении)» [ЛЭС, с. 579].

§ 197. В грамматиках языков мира выделяется разное количество частей речи. В традиционной русской грамматике (в школьных и некоторых вузовских учебниках, в академических грамматиках и отдельных трудах по морфологии) различается десять частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица и междометие. А. А. Шахматов считал особыми частями речи связку и пре-

фикс. Л. В. Щерба предложил выделить в особую часть речи под названием «категория состояния» слова, употребляющиеся в безличных предложениях в функции сказуемого (типа *можно, нельзя, надо, жаль, пора, время, весело, грустно*)¹. В. В. Виноградов выделил такую часть речи, как модальные слова².

Иногда в качестве особых частей речи выделяются причастие и деепричастие, которые традиционно рассматриваются как особые формы глагола. Так как они совмещают признаки разных частей речи (причастие — признаки глагола и прилагательного, деепричастие — признаки глагола и наречия), то называются гибридными (иначе — синкретическими, смешанными, переходными) частями речи. Некоторые лингвисты в качестве особых частей речи (гибридных) наряду с причастием и деепричастием выделяют порядковые слова (порядковые числительные) [см.: Киров, 1999, с. 44]. Иногда среди частей речи называются звукоподражательные слова, которые обычно рассматриваются в рамках междометий [см.: Тихонов, 2002, с. 449].

Состав частей речи в большинстве языков заметно отличается от их состава в русском языке. Так, в соответствии с такими знаменательными частями речи русского языка, как имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие и др., во многих языках выделяется меньше частей речи. Например, в ряде языков народов Африки и Северной Америки не различаются прилагательное и наречие: слова, соответствующие в русском языке этим частям речи, в данных языках объединяются в одну часть речи. Формально не различаются прилагательное и наречие в тюркских, некоторых индоевропейских языках (например, в английском), где прилагательное, как и наречие, не имеет грамматических флексий. Следовательно, правомерно ставить вопрос об объединении их в одну часть речи. В китайском языке при отсутствии

¹ В современном языкознании слова этой части речи называются также безличными прилагательными, предикативными наречиями, предикативными словами, безлично-предикативными словами, предикативами, присвязками, присвязочными безличными сказуемыми.

² Категория состояния и модальные слова в качестве частей речи часто рассматриваются в вузовской учебной литературе [см.: Галкина-Федорук и др., 1967, с. 379; Валгина и др., с. 267; Гвоздев, 1973, с. 405].

четких различий между словами, соответствующими прилагательному и глаголу, эти слова объединяются в одну часть речи, называемую предикативом. В тюркских, некоторых индоевропейских (например, в английском), афразиатских (например, в языке хауса) и других языках не различаются прилагательное и существительное.

В некоторых языках, например в индейском языке йума, есть только две знаменательные части речи — имя и глагол.

Во многих языках выделяются такие части речи, как, например, послелог, артикль.

§ 198. Части речи всегда представляют собой определенную с и с т е м у и могут классифицироваться по разным признакам. В современной русистике части речи чаще всего делятся на:

1) самостоятельные; они называются еще знаменательными, полнозначными, главными, основными, лексическими, вещественными, грамматическими, ядерными;

2) служебные, т. е. несамостоятельные; они называются еще незнаменательными, вспомогательными, подчиненными, формальными, вторичными.

Особо выделяются в системе частей речи модальные слова и междометия, которые обычно рассматриваются в одном ряду с самостоятельными и служебными частями речи. Некоторые лингвисты признают только знаменательные части речи: грамматические классы служебных слов они выделяют в особую категорию частиц речи и рассматривают наравне с собственно частями речи, модальными словами и междометиями [см.: Виноградов, 1947, с. 41, 663].

§ 199. Части речи, объединяющие слова, которые обозначают предметы и явления действительности или указывают на них, называются самостоятельными. По определению В. В. Виноградова, круг самостоятельных частей речи «ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий» [Виноградов, 1947, с. 41]. В русском языке к таким частям речи относятся имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния, а также выделяемые некоторыми лингвистами гибридные части речи.

По особенностям семантики и некоторым другим признакам среди самостоятельных частей речи различаются части речи, объединяющие назывные слова, и части речи, объединяющие заместительные слова. Назывные слова (или слова-названия) выражают так называемое вещественное значение, обозначают предметы и явления действительности: это существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия, категория состояния, а также слова гибридных частей речи.

Заместительные слова (или слова-заместители) не обозначают явлений действительности, а лишь указывают на них, замещают их в речи или тексте: это прежде всего местоимения, а также местоименные по происхождению наречия типа *здесь, там, сюда, туда, куда, откуда, где, когда, как, так, нигде, никогда, никуда, где-то, когда-либо, как-нибудь*, неопределенные числительные типа *сколько, нисколько, столько* и др. [см.: Маслов, 1987, с. 157].

В зависимости от некоторых морфологических признаков самостоятельные части речи делятся на грамматически (морфологически) изменяемые и неизменяемые. Среди и з м е н я е м ы х частей речи различаются склоняемые и спрягаемые. В ряде языков, в том числе в русском, к с к л о н я е м ы м частям речи относятся существительные, прилагательные, числительные и местоимения, хотя среди них есть и неизменяемые слова (например, не склоняются многие существительные иноязычного происхождения на гласную, многие имена собственные, сложносокращенные слова, прилагательные типа *беж, бордо, хаки*; не склоняются прилагательные в краткой форме и в синтетической форме сравнительной степени).

Слова склоняемых частей речи объединяются общим названием «имена». В некоторых языках склоняются не все именные части речи.

С п р я г а е м о й частью речи в русском языке является глагол, хотя среди глагольных форм есть и склоняемые (причастие), и неизменяемые (деепричастие).

Н е и з м е н я е м ы е части речи представлены наречием и категорией состояния, хотя качественные наречия и некоторые слова категории состояния могут изменяться по степеням сравнения.

§ 200. Части речи служебные представлены словами лексически несамостоятельными, которые, не обозначая предметов и явлений действительности, выражают лишь отношения между знаменательными словами (и тем самым между явлениями действительности), уточняют грамматические и лексические значения знаменательных слов. Наиболее употребительны слова таких служебных частей речи, как предлоги (выражают различные отношения между самостоятельными словами, между главным и зависимыми членами подчинительного словосочетания), союзы (служат средством синтаксической связи самостоятельных слов в словосочетании, предложениях и частей предложения) и частицы (служат для выражения различных смысловых оттенков самостоятельного слова или целого предложения).

Кроме названных служебных частей речи, во многих языках (тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских, монгольских, некоторых индоевропейских) в качестве служебной части речи употребляются послелого. По выполняемой функции послелог соответствует предлогу, но в отличие от него находится в предложении после самостоятельного слова, к которому относится (постпозиция). Слова этой части речи «в основном выражают пространственные и временные отношения, а также значения цели, причины, следствия, образа действия, сравнения, совместности, орудия действия и т. д., реже используются для передачи более обобщенных грамматических значений» [ЛЭС, с. 389]. Например: нем. *zwei Jahre lang* ('в течение двух лет'), *mir gegenüber* ('по отношению ко мне; напротив меня'); лит. *Jo dėlėi ir mes atėjome* ('ради него и мы пришли'); лат. *timoris causa* ('вследствие страха'). Нечто подобное встречается и в русском языке, например: бога *ради* (наряду с *ради бога*), Христа *ради*.

Во многих языках (в английском, немецком, французском, итальянском, португальском, греческом, венгерском и др.) в качестве особой части речи употребляются артикли (от лат. *articulus*). Артиклями называются служебные слова, которые обычно используются для выражения определенности-неопределенности самостоятельных слов именных частей речи. Под определенностью при этом понимается указание на известный, конкретный, единственный предмет, выделенный из класса подобных ему предметов, под

неопределенностью — указание на соответствующий предмет как представитель данного класса, один из подобных ему предметов.

Указание на определенность-неопределенность имени — основное (или одно из основных) назначение слов этой части речи. Так, в немецком языке для обозначения определенности имени используются артикли *der, die, das*, для обозначения неопределенности — артикли *ein, eine* (ср.: *Auf dem Tisch liegt ein Buch* — ‘на столе лежит книга’ и *Das Buch liegt auf dem Tisch* — ‘эта книга лежит на столе’), в английском — соответственно артикли *the* и *a/an*, во французском — *le, la* и *un, une*.

Кроме определенности-неопределенности, артикли могут обозначать и другие признаки самостоятельных слов, например, род, число и падеж существительного, как в немецком языке: *der Bruder* (‘брат’, муж. р.), *die Schwester* (‘сестра’, жен. р.), *das Buch* (‘книга’, ср. р.); *der Arbeiter* (‘рабочий’, ф. ед. ч.) — *die Arbeiter* (‘рабочие’, ф. мн. ч.); *der Tisch* (‘стол’, ф. им. п. ед. ч.) — *den Tisch* (ф. вин. п. ед. ч.).

Они могут служить средством разграничения частей речи, указывать на принадлежность слова к классу существительных (в случае омонимии слов разных частей речи); ср.: нем. *lesen* (‘читать’) — *das Lesen* (‘чтение’), *schreiben* (‘писать’) — *das Schreiben* (‘письмо’) [подробнее см.: Реформатский, 1967, с. 297; ЛЭС, с. 46].

К артиклям нередко относятся не только служебные слова, но и некоторые грамматические (морфологические) элементы, входящие в состав знаменательных слов, т. е. представляющие собой отдельные части слов. Ср., например, следующее определение: артикль — это «грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или а ф ф и к с а [выделено нами. — В. Н.] и служащий для выражения определенности-неопределенности» [ЛЭС, с. 45].

Постпозитивными артиклями называются грамматические элементы слова, которые «неотделимы от существительного» [см.: Общ. языкознание, 1972, с. 220]. Они употребляются в норвежском, шведском, датском, албанском, румынском, болгарском языках, в некоторых диалектах русского языка. Например, в болгарском языке такими элементами являются *-ът, -та, -то* со значением определенности: *домът* (‘дом’), *кравата* (‘корова’), *селото* (‘село’).

§ 201. Выделенные В. В. Виноградовым в особую часть речи модальные слова занимают промежуточное положение между самостоятельными и служебными частями речи: «Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи [т. е. служебными частями речи. — В. Н.], так и с различными категориями частей речи [т. е. самостоятельных частей речи. — В. Н.]» [Виноградов, 1947, с. 44]. Это такие слова, которые формально соотносятся с отдельными формами самостоятельных слов и выражают модальность, под которой понимается как отношение говорящего к содержанию высказывания, так и отношение содержания высказывания к действительности.

Иначе говоря, модальные слова выражают оценку высказывания говорящим, степень достоверности его содержания, реальность, возможность, вероятность сообщаемого и т. д. (в синтаксисе они определяются как вводные слова). Подобные слова (*бесспорно, действительно, конечно, несомненно, разумеется, правда, возможно, очевидно, кажется, думается, говорят, якобы, по-видимому, пожалуй* и др.) не являются членами предложения. Они относятся ко всему предложению в целом или к отдельному его компоненту и выражают модальность высказывания в целом. В потоке речи они выделяются интонационно, а на письме — выделяются запятыми.

К модальным словам как части речи принято относить не только собственно слова как отдельные лексические единицы, но и аналогичные по значению выражения, представляющие собой различные сочетания слов, включая целые предложения (например: *вряд ли, к сожалению, по всей вероятности, правду сказать, может быть, вполне возможно, скорее всего, надо полагать, нечего сказать*). Для их обозначения иногда используются термины: «модальное выражение», «модальное словосочетание» [см.: Там же, с. 737; Голанов, с. 248; Будагов, 1965, с. 325; РЯЭ-Ф, с. 145], «модальное предложение» [см.: РЯЭ-К, с. 240].

§ 202. При выделении частей речи междометия традиционно не относят ни к самостоятельным, ни к служебным словам [см.: Виноградов, 1947, с. 30; Милославский, 1981, с. 42; Тихонов, 2002, с. 208; Грамматика, 1970, с. 304; РГ, т. 1, с. 457], хотя некоторые лингвисты рассматривают их среди знаменательных частей

речи [см.: Маслов, 1987, с. 157]. Междометия — это такие грамматически неизменяемые слова, которые выражают чувства, переживания, волеизъявления, волевые побуждения и т. п., не называя их (например: *ай, эй, ой, ах, эх, ох, ух, эге, угу, увы, гоп, браво, бис, ура, батюшки, матушки, дудки, ужас, цыц, брысь, стоп, тпру*).

Междометия — это особый «пласт субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений аффектов, волевых изъявлений» [Виноградов, 1947, с. 745]. От слов других частей речи их отличают «интонационные, мелодические своеобразия их форм, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом» [Там же, с. 30—31].

Наряду со словами/словоформами в качестве междометий могут выступать словосочетания и предложения (например: *вот ещё, вот тебе на, боже мой, чёрт возьми, чёрт поberi*). Сочетания слов, употребляемые в функции междометия, иногда называют междометными выражениями.

§ 203. Спорным является вопрос о «частеречном статусе» звукоподражательных слов (или звукоподражаний), об их месте в системе частей речи. Звукоподражательными словами (звукоподражаниями) называются такие «неизменяемые слова, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками» [РЯЭ-К, с. 137]. Это, например: *ха-ха-ха, хи-хи-хи, брр, хм, фи, тьфу, гав-гав, мяу, ку-ку, кукареку, кря-кря, ква-ква, бац, бум, дзинь-дзинь, тик-так, кап-кап, ттрах-тах-тах*. Чаще всего звукоподражания рассматриваются в составе междометий¹.

¹ В трудах ряда известных ученых (например, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, А. А. Потебни, В. В. Виноградова) для обозначения звукоподражательных слов в случае их включения в разряд междометий нередко использовались термины «звукоподражательное междометие», «воспроизводящее междометие» [см.: Виноградов, 1947, с. 750, 758, 556].

Некоторые лингвисты характеризуют звукоподражания как слова, которые по ряду признаков примыкают к междометиям [см.: Грамматика, 1970, с. 314; РГ, т. 1, с. 732]. При этом иногда подчеркивается, что они не входят в разряд междометий [см.: Совр. русск. яз., 1957, с. 389]. Л. В. Щерба считал, что «так называемые звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям» [Щерба, 1957, с. 67]. Некоторые современные лингвисты (например, А. Н. Тихонов) выделяют звукоподражательные слова в особую часть речи¹.

§ 204. После рассмотрения некоторых общих вопросов, связанных с понятием «части речи», перейдем к более подробной характеристике частей речи и их грамматических категорий. Ограничимся рассмотрением трех самостоятельных частей речи — имени существительного, имени прилагательного и глагола, с учетом некоторых их особенностей в разных языках.

Использованные названия разных частей речи неоднозначны: ими обозначаются не только лексико-грамматические разряды (классы) слов как определенные грамлеммы, но и конкретные слова, относящиеся к данным разрядам (классам), т. е. представляющие соответствующие грамлеммы.

Так, термином «имя существительное» обозначается и одна из самостоятельных частей речи как грамлемма, и любое слово этой части речи. Подобное значение данный термин приобретает, например, в таких контекстах: «существительное *стол* относится к мужскому роду», «одушевленные существительные русского языка», «существительные иноязычного происхождения», «существительные I склонения», «несклоняемые существительные».

Имя существительное

§ 205. В отечественном языкознании имя существительное обычно определяется как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле), или предметность (субстанционность), и выражающая это значение в грамматических формах

¹ Существуют и иные классификации частей речи, основанные на других различительных признаках [см.: Немченко, 1975, с. 9].

(категориях) рода, числа и падежа [см.: Виноградов, 1947, с. 48; Грамматика, 1970, с. 305; РГ, т. 1, с. 460]. В качестве отличительного синтаксического признака существительного указывается преимущественное использование слов этой части речи в ролях подлежащего и дополнения. Обращается внимание и на такую особенность существительного, как «способность иметь при себе определяющее прилагательное», что рассматривается как «одно из основных синтаксических свойств существительного» [Виноградов, 1947, с. 50, 51].

Как видно из определения, основными грамматическими категориями имени существительного являются категории рода, числа и падежа. В ряде языков существительному свойственны грамматические категории одушевленности-неодушевленности, определенности-неопределенности. В некоторых языках, например в венгерском, имени существительному свойственно наличие категории степеней сравнения. Иногда среди грамматических категорий существительного называются и такие, как конкретность, отвлеченность, вещественность, собирательность и др. [см.: Гвоздев, 1973, с. 146].

§ 206. Грамматическая категория рода имени существительного — это категория с л о в, т. е. категория классификационная (классифицирующая), или лексико-грамматическая. Это значит, что существительные не изменяются по родам, не образуют родовых форм (в отличие, например, от прилагательных в русском языке), а классифицируются по родам на основании тех или иных различительных признаков.

Специфика грамматической категории рода имени существительного (по сравнению с другими категориями данной части речи) заключается в том, что принадлежность слова к тому или иному роду в большинстве случаев никак не связана с выражаемым им значением, носит условный характер, определяется по сложившейся традиции. Это подтверждается, в частности, тем, что в разных языках названия одного и того же предмета или явления относятся к разным родам. Ср.:

рус. *берёза* (жен. р.), нем. *die Birke* (жен. р.), лит. *beržas* (муж. р.);

рус. *подсолнечник* (муж. р.), нем. *die Sonnenblume* (жен. р.), лит. *saulėgrąža* (жен. р.);

рус. *кровь* (жен. р.), нем. *das Blut* (ср. р.), лит. *kraujas* (муж. р.).

В одном и том же языке слова с одними и теми же или близкими значениями могут относиться к разным родам. Ср.: рус. *месяц* (муж. р.), *луна* (жен. р.), *солнце* (ср. р.). Более того, к разным родам могут относиться варианты формы одного и того же слова. Ср.: *рельс* — *рельса* (прост.); *зал* — *зала* (устар.) — *зало* (устар.); *кофе* — *горячий* и *горячее* (разг.); *виски* — *крепкое* и *крепкий*.

Связь грамматического рода существительного с его лексическим значением обнаруживается лишь у названий живых существ: лица и животные мужского пола обычно обозначаются существительными мужского рода (*мужчина*, *петух*), существа женского пола — словами женского рода (*женщина*, *курица*). Однако эта связь проявляется весьма непоследовательно. Для обозначения лиц мужского пола иногда используются существительные женского рода (франц. *la sentinelle* — ‘часовой’), лица женского пола могут обозначаться существительными среднего рода (нем. *das Weib* — ‘женщина’, *das Mädchen* — ‘девушка’) [см.: Будагов, 1965, с. 248].

Многие названия живых существ не дифференцируются по грамматическому роду, обозначая людей или животных разных полов: ср., например, существительные *дитя*, *профессор*, *неряха*, *чудовище* (о человеке), *лошадь*, *собака*, *белка*, *кенгуру*, *колибри*, *соловей*, *ласточка*, *лягушка*, *муха*. При этом в разных языках для обозначения одного и того же живого существа могут использоваться существительные разных родов. Ср.:

рус. *собака* (жен. р.), нем. *der Hund* (жен. р.), лит. *šuo* (муж. р.);

рус. *дитя*, нем. *das Kind* (ср. р.), лит. *vaikas, kūdikis* (муж. р.);

рус. *белка*, лит. *voverė, voveris* (жен. р.), нем. *das Eichhorn* (ср. р.);

рус. *соловей* (муж. р.), нем. *die Nachtigal* (жен. р.), лит. *lakštingala, lakštutė* (жен. р.).

Возможно также использование в одном языке для обозначения одного и того же живого существа синонимических существительных разных родов, например: рус. *конь* и *ло-*

шадь, собака и *пёс*; нем. ‘лошадь’ — *das Pferd, das Roß* (ср. р.) и *der Gaul* (муж. р., разг.).

По словам некоторых лингвистов, если у неодушевленных существительных грамматическая категория рода «является чисто формальной, отнесенность их к тому или иному грамматическому роду семантически не мотивирована», то у одушевленных существительных «она является не только формальной, но и знаменательной, так как с родовыми значениями связано выражение определенной семантики — различения в большинстве случаев названий лиц и животных мужского и женского пола» [СЛТ-РТ, с. 335; см. также: Головин, 1983, с. 117; Милославский, 1981, с. 44; Шайкевич, с. 102].

Категория рода свойственна многим индоевропейским языкам, она рассматривается как характерная черта их грамматического строя. Обычно различается два или три грамматических рода. Двухродовая (двухчленная) система рода характерна для языков балтийских (литовский, латышский), скандинавских (датский, шведский), иранских, ряда романских (французский, испанский), большинства афроазиатских (афразийских), хеттского и др. При этом, например, в балтийских и романских языках различаются мужской и женский род, в датском и шведском — общий и средний род (бывшие мужской и женский совпали в общем роде), в хеттском — общий (одушевленный) и средний род.

Трехродовая (трехчленная) система рода, характерная для большинства древних индоевропейских языков (греческого, латинского, авестийского, санскрита), сохранилась в современных славянских языках (в русском, болгарском, польском и др.), в исландском, румынском и других языках. В них обычно различаются мужской, женский и средний род.

Особо выделяется общий род (мужско-женский) существительных. Например, в русском языке существительными общего рода считаются слова (обычно разговорные или просторечные), которые обозначают лиц по характерному действию или свойству. Формально они относятся к женскому роду (имеют в исходной форме окончание *-а*), но допускают двоякое согласование в зависимости от пола обозначаемого лица: *несносный плакса* и *несносная плакса*, *ужасный задира* и *ужасная задира*, *горький пьяница* и *горькая пьяни-*

ца [см.: Грамматика, 1970, с. 318; РГ, т. 1, с. 466]. Иногда к общему роду относят также существительные формально мужского рода типа *врач* (ср.: *врач пришёл* и *врач пришла*), *доктор*, *директор*, *секретарь*, *профессор* [см.: Милославский, 1981, с. 51].

В русском и некоторых других языках есть существительные, которые не относятся ни к одному из различаемых в данном языке грамматических родов, «не имеют рода» [см.: Гвоздев, 1973, с. 150]. Это, в частности, слова, употребляющиеся только в формах множественного числа (например: *ворота*, *сани*, *сутки*).

Такие существительные иногда выделяются в особый грамматический род, который называется *парным*, поскольку «им характеризуются в основном существительные, состоящие из двух частей (*брюки*, *ворота*, *сани*, *ножницы* и т. д.)» [Милославский, 1981, с. 47; см. также: РЯЭ-К, с. 425].

Есть много языков, в которых категория рода имени существительного отсутствует. К таким языкам относятся ряд индоевропейских (например, английский, армянский, бенгальский, персидский, таджикский), тюркские, финно-угорские, монгольские и др. В стадии разрушения находится данная грамматическая категория в иранских языках (в некоторых из них она уже утрачена).

Для обозначения грамматического рода существительных могут использоваться разные языковые средства. В языках с развитой системой склонения, в частности в русском, основным средством выражения грамматического рода существительных является флексия (система окончаний). Например: мужской род — *дом* (ф. род. п. *дома*, дат. п. *дому* и т. д.), женский род — *стена*, средний род — *окно*; ср. также: *кум* и *кума*, *раб* и *раба*, *супруг* и *супруга* и т. д. В качестве дополнительного средства выражения рода в таких языках могут служить словообразовательные суффиксы; ср.: *чудак* и *чудачка*, *колдун* и *колдунья*, *мастер* и *мастерица* [см.: Виноградов, 1947, с. 61].

В некоторых языках (например, в годоберинском языке, относящемся к группе кавказских) родовые различия существительных выражаются с помощью специальных префиксов [см.: Шайкевич, с. 101]. В болгарском языке основным средством различения рода существительных служит постпозитивная частица: *-џт* (реже *-а* — используется в формах

мужского рода, *-та* — в формах женского рода и *-то* — в формах среднего рода) [см.: Головин, 1983, с. 126]. В немецком и французском языках основным средством разграничения грамматического рода существительных являются артикли.

Грамматический род несклоняемых существительных в русском и некоторых других языках может определяться по лексико-семантическим признакам этих существительных, по родовой форме сочетающихся с ними слов [см.: СЛТ-РТ, с. 335].

§ 207. Грамматическая категория числа имени существительного, в отличие от категории рода, — это категория *с л о в о ф о р м*, т. е. категория собственно грамматическая (словоизменятельная, формообразовательная). Ср.: *дом, стена, окно* (ф. ед. ч.) и *дома, стены, окна* (ф. мн. ч.). Однако есть существительные, которые не изменяются по числам, — так называемые *singularia tantum* (от лат. *singulāris* — ‘единственный’ и *tantum* — ‘только’), т. е. слова, употребляющиеся только в форме единственного числа (например: *Москва, Волга, солнце, новизна, терпение*), и *pluralia tantum* (от лат. *plurālis* — ‘множественный’), т. е. употребляющиеся только в форме множественного числа (например: рус. *ворота, сани, ножницы, щипцы, брюки, часы, сливки, дрожжи, сумки, каникулы*; лит. *vartai* — ‘ворота’, *rogės* — ‘сани’, *žirklės* — ‘ножницы’, *kelnės* — ‘брюки’, *mařskiniai* — ‘рубашка’, *mielės* — ‘дрожжи’, *atostogos* — ‘отпуск, каникулы’). У таких существительных «категория числа не проявляется», они характеризуются как «слова с невыраженным противопоставлением по числу» [Головин, 1983, с. 117; Грамматика, 1970, с. 323].

Необходимо заметить, что в разных языках названия одних и тех же предметов могут по-своему относиться к категории грамматического числа. Например, в соответствии с русскими существительными, изменяющимися по числам, в литовском языке часто употребляются слова с невыраженным противопоставлением по числу, в частности имеющие только форму множественного числа; ср.: рус. *станок* — лит. *staklės*, рус. *телега* — лит. *ratai*, рус. *борона* — лит. *akėčios*, рус. *пол* — лит. *grindys*, рус. *потолок* — лит. *lubos*, рус. *шуба* — лит. *kailiniai*,

рус. *гребень* — лит. *šukos*, рус. *краска* — лит. *dažai*, рус. *свадьба* — лит. *vestuvės*.

Категория числа существительного указывает на количество предметов, выражает «количественные характеристики предметов мысли» [ЛЭС, с. 583].

Ср.: «Содержание категории числа составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка» [Маслов, 1987, с. 159];

«категория числа — это словоизменяемая грамматическая категория, указывающая на количество называемых существительным одушевленных или неодушевленных предметов» [Грамматика, 1970, с. 322].

Для выражения значения грамматического числа существительного могут использоваться разные средства: морфемы (окончания и формообразующие суффиксы), вспомогательные слова, внутренняя флексия (чередование фонем), словесное ударение, числовые формы других слов, сочетающихся с существительным, редупликация (полное или частичное повторение, удвоение слов или основ), супплетивизм [см. § 195].

В большинстве языков, в том числе и в современном русском языке, различаются два грамматических числа существительных (или две числовые грамемы) — единственное и множественное. Такая (бинárная) структура категории числа является наиболее простой. Она существует в большинстве индоевропейских языков: славянских, балтийских, германских, романских и др. В некоторых языках, например в китайском, форма множественного числа присуща только существительным, обозначающим лиц, и личным местоимениям.

При бинарной структуре категории числа форма числа существительного «указывает на то, об одном или более чем об одном предмете идет речь» [Милославский, 1981, с. 29]. Форма единственного числа обозначает «единственность как противоположность множественности», она показывает, что названный существительным «предмет или лицо представлен в количестве, равном одному» [Грамматика, 1970, с. 325]. Кроме того, она может обозначать также «понятие предмета вообще... *Человек* — это не только данный человек, Иван или Петр, но и человек вообще» [Будагов, 1965, с. 264].

Форма множественного числа обычно выражает «грамматическое значение, показывающее, что названный предмет или лицо представлен в количестве большем, чем один». Кроме того, формы множественного числа «выступают в обобщенно-собирательном значении, указывающем на нерасчлененное множество, совокупность предметов или лиц» (например: *англичане, немцы, русские; журналисты, писатели, спортсмены; офицеры, солдаты; абрикосы, грибы, ягоды; ботинки, чулки* и др.) [Грамматика, 1970, с. 326].

В ряде языков существует форма двойственного числа существительного. Двойственное число было распространено в древних индоевропейских языках — санскрите, древнегреческом, старославянском, древнерусском. Оно сохранилось в арабском и словенском языках, в некоторых диалектах украинского и литовского языков¹.

Двойственное число употребляется при обозначении двух предметов, в частности при сочетании существительного с числительным *два*. Ср., например: ст.-слав. *дѣва брата, дѣвѣ сестрѣ*; лит. *du draugu* ('два друга'; ср.: *draugas* — 'друг' и *draugai* — 'друзья'). Кроме того, формы двойственного числа регулярно используются при обозначении существительными парных предметов: ст.-слав. *очи, оуши, нозѣ* и др.

В других современных языках употреблявшиеся в прошлом формы двойственного числа вытеснены формами множественного числа, хотя у отдельных существительных сохраняются прежние формы двойственного числа (падежные окончания), совпадающие по значению с формами множественного числа. Например, в современном русском языке такие грамматические формы остались у некоторых существительных, обозначающих парные предметы: *уши, колени, (два) рукава*.

Кроме форм единственного, множественного и двойственного числа, в некоторых языках встречаются и иные граммемы категории числа существительного: тройственное число, множественное небольшого количества (или ограниченное множественное), неопределенное множественное, собира-

¹ В первой половине XX в. формы двойственного числа употреблялись и в литовском литературном языке.

тельное множественное и др. Есть и такие языки, в которых грамматическая категория числа отсутствует.

§ 208. Одной из центральных грамматических категорий имени существительного является категория падежа. Падеж определяется как «грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом» [ЛЭС, с. 355] или как «ряд форм существительного, объединенных системой флексий и общей системой морфологических значений» [РЯЭ-К, с. 313].

Термином «падеж» обозначается также отдельная форма существительного (или слова другой именной части речи), входящая в данный ряд грамматических форм, т. е. отдельная граммема рассматриваемой грамматической категории (например: родительный падеж, или граммема родительного падежа, творительный падеж, или граммема творительного падежа, и т. д.). В этом смысле падеж может быть определен как «форма имени, выражающая отношение данного имени к другим словам в словосочетании или предложении» [Будагов, 1965, с. 267].

Падеж как грамматическая форма существительного понимается по-разному. Традиционно падежом (падежной формой) считается грамматическая (морфологическая) форма слова, образуемая с помощью сегментных морфем (или флексий в широком смысле, т. е. суффиксов и окончаний); это так называемый синтетический (или флективный) падеж. Некоторые лингвисты падежами (падежными формами) называют также «сочетания существительных с предлогами, послелогоми или даже существительные в определенной синтаксической позиции (в языках с твердым порядком слов)»; это так называемые аналитические падежи [ЛЭС, с. 355].

Для существительного принято различать прямой и косвенные падежи. В качестве прямого падежа (иначе — исходного, основного, общего, назывного) обычно рассматривается именительный падеж (иногда прямым считают и винительный падеж). Все остальные падежи называются косвенными. Прямой падеж «мыслится как главный... выполняющий функцию называния предмета вне контекста... выступает как показатель синтаксической независимости слова в

составе заглавий, вывесок и т. п.» [Там же, с. 356]. Прямой падеж «более независим, он ближе к “чистому названию”, его номинативная функция воспринимается отчетливее, чем соответствующие функции косвенных падежей <...> Напротив того, остальные (косвенные) падежи выступают как более зависимые, менее самостоятельные образования. Форма родительного падежа существительного *стола* предполагает отношение к другим словам в словосочетании или предложении. Это форма несамостоятельного положения имени: можно сказать “ножка *стола*” или “в этой комнате нет *стола*”, но нельзя сказать только *стола* (что *стола*?)» [Будагов, 1965, с. 239, 267].

В разных языках насчитывается разное количество падежных форм существительных. Чаще всего парадигма склонения существительных включает шесть падежей (например, в русском, литовском, латинском, цыганском, башкирском, татарском языках) или семь падежей (например, в украинском, польском, армянском, грузинском языках). В падежных системах таких языков есть много общего, в то же время многие падежи существенно различаются как по названиям, так и по выражаемым грамматическим значениям. Скажем, в татарском языке есть шесть падежей: основной (в русском — именительный), притяжательный (родительный), направительный, винительный, исходный и местно-временной. В литовском языке предложному падежу, формы которого в русском языке всегда включают предлог, соответствует местный падеж, форма которого не имеет предлога и выражает иные значения.

Парадигма склонения существительных может иметь и меньшее количество падежей. Двухпадежная парадигма склонения существительных известна, например, в английском, румынском, в некоторых индийских и иранских языках. В современном английском языке используются общий падеж (форма без падежного окончания, или с нулевым окончанием) и притяжательный падеж (с окончанием *-s*). Общий падеж (соответствует русскому именительному) представляет собой исходную форму, в которой существительные приводятся в словарях в качестве заголовков словарных статей. Притяжательный падеж (соответствует русскому родительному) обозначает принадлежность, на-

пример: *brother's room* ('комната брата'), *my friend's book* ('книга моего друга').

Три падежа используются в таких языках, как арабский (именительный, родительный и винительный падежи), некоторые иранские (например, в белуджском языке существуют основной, притяжательный и объектный падежи). Четырехпадежная парадигма склонения существительных (именительный, родительный, дательный и винительный падежи) свойственна современному немецкому языку. Пятипадежная система склонения была характерна для древнегреческого и древнеперсидского языков, используется в современном латышском языке.

Есть языки, в которых парадигмы склонения существительных насчитывают и больше падежей: в чувашском и древнеиндийском языках — 8 падежей, в осетинском — 9, в якутском языке — 12, в эстонском и финском — по 14, в венгерском — 20 или 22, в табасаранском — 46 падежей.

В то же время во многих языках грамматическая категория падежа существительного отсутствует: в некоторых славянских языках (например, в болгарском), в большинстве романских языков (например, в испанском и французском), в австронезийских языках (например, в тагальском), в абхазском, таджикском, персидском и других языках¹.

Одной из причин несовпадения количества падежей существительного в разных языках является то, что «многие падежи отличаются многозначностью, которая в одних языках выражается посредством одного падежа, а в других — посредством двух или нескольких падежей» [Будагов, 1953, с. 174]. Например, в русском и ряде других языков обращение представляет собой одно из значений (функций) именительного падежа; в польском, украинском и некоторых других языках для выражения этого значения используется особый падеж — звательный. Если пространственные отношения во многих языках обозначаются одним падежом — местным, пространственным, то в осетинском языке для этого исполь-

¹ Более подробно о падежах существительных в языках мира см.: Будагов, 1965, с. 270, 279; Головин, 1983, с. 106, 128, 131; Маслов, 1987, с. 159; Мустейкис, с. 46; Петерсон, 1955, с. 36; Реформатский, 1967, с. 305; Широков, 1985, с. 202; Шайкевич, с. 98; Языки, 1966; ЛЭС — статья «Падеж», а также статьи, посвященные описанию отдельных языков мира.

зуются четыре падежа, а в табасаранском языке — свыше двадцати падежей [см.: Шайкевич, с. 100].

Неодинаковое количество падежей существительного в разных языках или полное отсутствие грамматической категории падежа в ряде языков объясняется также тем, что многие падежные значения часто выражаются не падежными формами, а иными средствами. Это может быть, например, чередование фонем (так называемая внутренняя флексия), изменение интонации (или мена тонов), артикли и иные служебные слова, порядок расположения слов в предложении [см. § 188].

В ряде случаев для одного и того же языка указывается неодинаковое количество падежей, что отчасти объясняется отсутствием общепринятого понимания падежной формы. Так, в современном литовском языке принято различать 6 падежей существительного. В то же время некоторые лингвисты говорят о 7 падежах, добавляя звательный падеж, который обычно не считается падежной формой [см.: ЛЭС, с. 271]. В эстонском языке выделяют и 14 падежей, и 15 падежей [см.: Будагов, 1965, с. 226; Реформатский, 1967, с. 319], в венгерском — и 20 падежей, и 22 падежа [см.: Головин, 1983, с. 131; Будагов, 1965, с. 226] и т. д.

Обычно в английском языке выделяется два падежа, однако некоторые лингвисты отрицают наличие в этом языке парадигмы склонения существительного. Конечный согласный соответствующей словоформы рассматривается ими не как падежное окончание, а как служебная частица [см.: Широков, 1985, с. 202; Шайкевич, с. 99].

§ 209. Во многих языках, в том числе и в русском, имени существительному свойственна грамматическая категория одушевленности-неодушевленности. Это — «понятийная категория, отражающая разделение человеком окружающего мира на живое и неживое» и, соответственно, названий предметов окружающего мира на названия живых существ (людей и животных) и названия предметов, мыслимых как неживые (их свойств, действий и т. п.) [см.: ЛЭС, с. 342]. Данное явление рассматривается как определенная грамматическая категория при условии, если слова разных классов, выделяемые по этому признаку, различаются также теми или

иными формально выраженными языковыми средствами. В языках грамматическая категория одушевленности-неодушевленности проявляется по-разному.

В русском языке одушевленность-неодушевленность существительного формально выражается некоторыми особенностями склонения: у одушевленных существительных формы винительного падежа множественного числа (а у существительных мужского рода II склонения — и единственного числа) совпадают с формами родительного падежа (*встречал брата/братьев, провожал сестру/сестёр, покупал коней, доил коров*), а у неодушевленных существительных — с формами именительного падежа (*встречал пароход/пароходы, видел самолёт/самолёты, красил дом/дома, покупал карандаши, читал книги*).

По этому признаку к одушевленным существительным относятся в основном названия людей и животных; названия всех остальных предметов (в широком смысле, включая отвлеченные понятия, свойства, действия и т. п.) относятся к классу неодушевленных. «В основе разделения существительных на одушевленные и неодушевленные лежит бытовое представление о живом и неживом, не совпадающее, однако, с биологическим представлением. Так, существительные, обозначающие растения, считаются неодушевленными, обозначающие животных и человека — одушевленными» [Милославский, 1981, с. 53—54]. По словам В. В. Виноградова, «различение органической, живой, и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клён, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка “предметами неодушевленными”» [Виноградов, 1947, с. 89].

К одушевленным существительным могут относиться также некоторые названия неживых предметов, если они «в своих лексических значениях совмещают понятия о живом и неживом», например: названия мифических или фантастических существ (*дракон, дьявол, привидение*), названия шахматных и карточных фигур (*конь, король, туз, дама*), слова *мертвец, покойник, кукла, марионетка* и др. [см.: РГ, т. 1, с. 463].

В начале XX в. одушевленными считались некоторые отглагольные существительные с суффиксом *-тель* (*делитель, множитель, числитель, знаменатель, показатель*).

Ср.: «Прежде даже от тех терминов на *-тель*, которые не обозначают лиц, иногда в значении винительного падежа употреблялась форма родительного, например в математических выражениях: *умножить числителя; найти общего знаменателя; разделить на множителя; умножить показателя подкоренно го выражения* и т. п.» [Виноградов, 1947, с. 91];

«показательно, что... до 20-х годов XX в., когда состав слов на *-тель*, не обозначающих лица (или живые существа вообще), ограничивался лишь названием арифметических знаков и величин: *множитель, делитель, числитель*, у соответствующих слов форма винительного падежа совпадала с формой родительного» [Виноградов, 1968, с. 84].

В современном русском языке некоторые существительные могут употребляться и как одушевленные, и как неодушевленные. Это относится, например, к названиям микроорганизмов (*бактерия, микроб, вирус*), автомобильных марок («*москвич*», «*запорожец*») и др. Ср.: *Выждав, когда врач неотложной помощи вышел к машине, Аникина шагнула на встречу и что-то шепнула, отчего тот отпрянул в сторону и, замотав отрицательно головой, тут же сел в «москвич»* (Из газеты); *Гражданин Савоськин купил всего-навсего один лотерейный билет и выиграл «москвича»* (Алекс.). Формальные признаки неодушевленности могут приобретать личные существительные при метафорическом употреблении: *Всей деревней выбирали берёзки для кладбища в Третьов-парке и выбрали, по общему согласию, две такие красавицы, какие встречаются только на русской земле* (Буб.).

Формальные признаки грамматической категории одушевленности-неодушевленности существительного, которые существуют в русском языке, обнаруживаются и в некоторых родственных языках, например в польском. Правда, в польском языке данная категория (в приведенном выше понимании) распространяется только на существительные мужского рода и проявляется лишь в единственном числе. Ср.: польск. *brat* ('брат') — ф. род. и вин. п. *brata*; *chłopiec* ('мальчик') — ф. род. и вин. п. *chłopca*; *lekarz* ('врач') — ф. род. и вин. п. *lekarza*; *kon'* ('конь, лошадь') — ф. род. и вин. п. *konia*; *gołąb* ('голубь') — ф. род. и вин. п. *gołębia*.

Во множественном числе в соответствии с делением существительных на одушевленные и неодушевленные различаются существительные лично-мужские и нелично-мужские, или женско-вещные. Ср.: польск. *bratia* ('братья') — ф. род. и вин. п. *brati*; *chłopcy* ('мальчики') — ф. род. и вин. п. *chłopców*; но: *siostry* ('сестры') — ф. род. п. *sióstr*, ф. вин. п. *siostry*; *konie* ('кони, лошади') — ф. род. п. *koni*, ф. вин. п. *konie*; *krowy* ('коровы') — ф. род. п. *krów*, ф. вин. п. *krowy*.

Возможны и иные классификации существительных по признаку одушевленности-неодушевленности. Например, в абхазском языке все существительные делятся на личные (одушевленные) и неличные (все остальные — неодушевленные), в аварском языке — на названия мужчин, названия женщин и названия всего остального.

С целью разграничения одушевленных и неодушевленных существительных могут использоваться разные средства, например, грамматические формы согласуемого с существительным слова другой части речи (прилагательного, числительного). В русском и некоторых других языках это средство обычно выступает как дополнительное (синтаксическое). При этом для существительных мужского рода I склонения в единственном числе и для несклоняемых существительных в обоих числах синтаксическое средство выражения одушевленности является единственным: *встретил знакомого судью; видел взрослого шимпанзе и двух пёстрых какаду*. Во многих языках с этой целью используются лишь лексические средства: например, местоимение *кто* употребляется по отношению к одушевленному существительному, а местоимение *что* — по отношению к неодушевленному существительному. В немецком языке таким средством являются разные формы числительного со значением 'оба': *beide* употребляется при одушевленных существительных, а *beides* — при неодушевленных. В некоторых языках подобную функцию выполняют предлоги. Например, в испанском языке имеет значение наличие/отсутствие при существительном предлога *a*; ср.: *la marde a la hija* ('мать любит дочь') и *la marde ama el libro* ('мать любит книгу').

Некоторые лингвисты признают наличие грамматической категории одушевленности-неодушевленности существительного только в тех языках, в которых различие между одушевлен-

ными и неодушевленными существительными выражено грамматическими (морфологическими) средствами, и отрицают наличие данной категории в языках, где соответствующие различия выражаются иными средствами [см.: Шайкевич, с. 101; Глинских, Петрова, с. 184].

§ 210. Существует немало языков, в которых для имени существительного характерна грамматическая категория определенности-неопределенности. Грамматическая определенность существительного проявляется в том, что оно обозначает «известный предмет (именно этот, уже знакомый или точно определенный обстоятельствами)», а неопределенность — в том, что оно указывает на «предмет вообще (все равно какой или неопределенно какой)» [Головин, 1983, с. 126]. Иначе говоря, грамматическая определенность существительного выражает его единственность в описываемой ситуации, а неопределенность — его отношение к классу подобных ему феноменов [см.: ЛЭС, с. 349].

Типичным средством выражения определенности-неопределенности существительного в ряде индоевропейских языков является артикль: в английском языке это артикли *the* и *a/an*, в немецком — *der* и *ein*, во французском — *le, la* и *un, une*. В некоторых других языках (например, в болгарском, румынском, албанском) для обозначения определенности существительного используются специальные аффиксы.

В современном русском и в ряде других славянских языков рассматриваемая грамматическая категория как таковая отсутствует, хотя значение определенности-неопределенности существительного может передаваться с помощью тех или иных языковых средств, например, указательных местоимений *тот, этот* или *какой-то, некий* и др. (ср.: *Я купил эту книгу в киоске* и *На столе лежала какая-то книга*). Данное значение может выражаться также с помощью падежных форм (ср.: *Вчера я купил килограмм сахара* — ф. род. п.; *Я редко употребляю сахар* — ф. вин. п.).

Имя прилагательное

§ 211. В самом общем виде имя прилагательное (калька лат. *nomēn adjectīvum* — ‘прилагательное’) можно определить как часть речи,

которая обозначает «признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем» [ЛЭС, с. 398].

В русском и многих других языках прилагательное характеризуется тем, что имеет словоизменительные категории рода, числа и падежа, в предложении обычно выступает в роли согласованного определения или именной части составного сказуемого. Многие прилагательные имеют степени сравнения, в некоторых языках употребляются в полной и краткой формах. В большинстве языков прилагательные отличаются от слов других частей речи особым набором словообразовательных средств, прежде всего суффиксов.

Имя прилагательное тесно связано с другими частями речи, прежде всего с именем существительным. В общеиндоевропейском языке существительные и прилагательные не дифференцировались как части речи. То, что они представляли собой одну часть речи, находит известное отражение и в современных индоевропейских языках.

Во многих индоевропейских языках прилагательное немислимо без существительного. Употребленное вне сочетания с существительным, оно приобретает некоторые признаки существительного. Например, прилагательное *прошное*, «перейдя» в существительное, перестает изменяться в роде и числе, в предложении выступает в роли подлежащего (например: *Прошное невозвратимо*), дополнения и других членов предложения (вместо того чтобы быть согласованным определением или именной частью составного сказуемого), приобретает способность определяться другими прилагательными (например: *далёкое прошное*) и т. д.

Прилагательные и существительные имеют общие грамматические категории рода, числа и падежа, хотя проявляются эти категории у них неодинаково. В некоторых индоевропейских языках сохраняется значительное сходство в склонении прилагательных и существительных. В ряде языков (китайском, корейском, вьетнамском, кхмерском и др.) прилагательные сливаются с глаголами. Они могут иметь особые формы спряжения. В китайском, корейском, индонезийских языках прилагательные вместе с глаголами образуют общий лексико-грамматический класс слов, особую часть речи, именуемую предикативом, в которой объединяются слова, выполняющие в предложении функцию сказуемого [см.: Шайкевич, с. 110; ЛЭС, с. 398].

§ 212. По характеру выражаемого значения (значение признака, свойства предмета) среди прилагательных различаются слова, обозначающие качественный признак предмета вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, и слова, которые указывают на относительный признак, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету [см.: ЛЭС, с. 379]. Иначе говоря, различаются прилагательные, обозначающие признак непосредственно и опосредованно. На этом основании во многих языках, в том числе и в русском, прилагательные делятся на два лексико-грамматических разряда — на прилагательные качественные и относительные.

Качественные прилагательные обозначают признак, свойство предмета вне его отношения к другим предметам (*белый, лёгкий, молодой* и т. п.). Качественные прилагательные отличаются от относительных рядом формальных признаков. Во многих языках они употребляются в полной и краткой формах, имеют степени сравнения, допускают образование уменьшительно-ласкательных форм, могут сочетаться с наречиями степени (*очень, весьма* и др.) и т. д.

Относительные прилагательные обозначают признак, свойство предметов через их отношение к другим предметам (*городской, железный, научный, измерительный, спасательный* и т. п.).

Среди относительных прилагательных выделяются притяжательные прилагательные, обозначающие принадлежность предмета, признака и т. д. тому или иному лицу либо животному (*отцов, бабушкин, заячий* и т. п.). Формально притяжательные прилагательные отличаются от остальных прилагательных некоторыми особенностями склонения.

Значения относительных прилагательных (включая притяжательные) могут выражаться определенными формами существительных, нередко с предлогами. Ср.: англ. *a bus stop* ('автобусная остановка'); исп. *la casa de madera* ('деревянный дом'); франц. *flacon verre* ('стеклянная банка'); лит. *aukso žiedas* ('золотое кольцо'; *aukso* — ф. род. п. сущ. *auksas* — 'золото'), *tėvo ūkis* ('отцовское хозяйство'; *tėvo* — ф. род. п. сущ. *tėvas* — 'отец'); рус. *стихотворение Пушкина* (ср. *пушкинское стихотворение*), *котлета из свинины* (ср. *свиная котлета*), *пирожок с мясом* (ср. *мясной пирожок*).

§ 213. В некоторых индоевропейских языках (славянских, балтийских) качественные прилагательные могут употребляться в краткой форме (иначе — именной, нечленной). Ср.: рус. *добр* и *добрый*, *молод* и *молодой*, *синь* и *синий*; лит. *geras* и *gerasis* ('добр, добрый'), *jaunas* и *jaunasis* ('молод, молодой'). Если в русском языке основной считается полная форма (иначе — местоименная, членная), то в литовском — краткая, а в польском языке краткая и полная формы прилагательных в парадигме склонения чередуются (в именительном и винительном падежах употребляется краткая форма, в остальных — полная).

Краткие и полные формы прилагательных различаются по некоторым грамматическим (морфологическим и синтаксическим) и семантическим признакам. В русском языке, например, прилагательное в полной форме изменяется по родам, числам и падежам, а в краткой — только по родам и числам. В литовском языке прилагательные склоняются как в полной, так и в краткой форме. В русском языке краткие формы прилагательных обычно употребляются только в роли сказуемого (точнее — именной части составного сказуемого), а полные могут употребляться и в роли сказуемого, и в роли согласованного определения. При этом в роли сказуемого полное прилагательное обозначает постоянный признак (*Он больной*), а краткое — временный (*Он болен*). В литовском языке краткие прилагательные употребляются в роли как определения, так и сказуемого, а полные — только в роли определения.

Что касается семантики, то в балтийских языках (литовском и латышском) полные формы прилагательных употребляются при необходимости выделить какой-либо предмет среди других ему подобных, отметить постоянный признак предмета, обозначаемого определенным существительным, а также при указании сорта, вида соответствующих предметов и явлений. Ср.: лит. *baltasis kiškis* ('белый заяц'), *aukštoji mokykla* ('высшая школа'), *būtasis laikas* ('прошедшее время'), *tariamoji nuosaka* ('сослагательное наклонение'). На этом основании можно говорить о существовании грамматической категории определенности-неопределенности в балтийских языках.

§ 214. Во многих языках имени прилагательному свойственны грамматические категории рода, числа, падежа, степеней сравнения. Но эти категории могут проявляться по-разному. Категории рода, числа и падежа прилагательного, в отличие от соответствующих категорий существительного, являются несамостоятельными: прилагательное зависит от существительного, с которым оно согласовано. Иначе говоря, у прилагательных эти категории являются собственно грамматическими (или словоизменительными).

Категория рода имени прилагательного во многих индоевропейских языках (например, в русском, польском, немецком, латинском) трехчленна, представлена граммемами мужского, женского и среднего (нейтрального) рода. В некоторых языках (например, в балтийских) она представлена двумя граммемами — мужского и женского рода. В литовском языке наряду с мужским и женским родом прилагательных существует также средний род, к которому относятся словоформы, адекватные русским словам категории состояния, т. е. обозначающие состояние природы, человека и др. и выступающие в роли сказуемого безличного предложения. Ср.: лит. *Šiandien labai šilta* ('сегодня очень тепло'), *Kaip man linksma* ('как мне весело'), *šalta* ('холодное'), *gražu* ('красиво, прекрасно'), *sunku* ('тяжело, трудно').

В большинстве языков категория числа имени прилагательного, так же как и существительного, включает две или три грамлемы. Наиболее распространена (характерна, например, для многих славянских, балтийских и германских языков) двухчленная категория числа, представленная единственными и множественными числами. Кроме того, иногда употребляются особые формы двойственного числа; они были известны, например, древнерусскому языку. В некоторых языках (например, в татарском) прилагательные по числам не изменяются.

Теперь о категории падежа. В ряде языков, в которых прилагательные в морфологическом отношении схожи с существительными и склоняются (например, в немецком и венгерском), они во многом или полностью совпадают с существительными и по падежным формам. В старославянском и древнерусском языках, где прилагательные употреблялись в краткой и полной формах, краткие формы по

падежным окончаниям полностью совпадали с существительными. В современном русском языке краткие формы прилагательных утратили способность склоняться, а склонение полных форм заметно отличается от склонения существительных. В литовском языке склоняются как полные, так и краткие формы прилагательных, при этом склонение кратких прилагательных почти полностью совпадает со склонением существительных определенных типов.

В ряде языков (например, в английском, испанском, тюркских) категория падежа у прилагательных отсутствует. В русском языке к несклоняемым прилагательным принято относить небольшую группу слов типа *беж, бордо, сомб, хаки* и др., которые по своим грамматическим признакам близки к существительным, выступающим в предложении в роли приложения как разновидности несогласованного определения. Эти слова не изменяются также по родам и числам.

§ 215. Специфической особенностью имени прилагательного является наличие грамматической категории степеней сравнения (в ряде языков она свойственна и наречиям, а в некоторых — даже существительному и глаголу). Данная грамматическая категория известна индоевропейским, некоторым уральским языкам. Формы степеней сравнения образуются от **к а ч е с т в е н н ы х** прилагательных и обозначают степень проявления признака того или иного предмета.

Итак, степени сравнения прилагательных выражают:

«степень качества, характеризующего данный предмет» [ЛЭС, с. 492];

«объективное сравнение степени какого-нибудь качества в однородном кругу предметов» [Виноградов, 1947, с. 236];

«различия в степени проявления качества» [РЯЭ-Ф, с. 333];

«степени интенсивности» обозначаемого признака [Маслов, 1987, с. 160] или

указывают на то, «в какой степени представлено свойство или качество» [Милославский, 1981, с. 107].

В большинстве индоевропейских языков (например, в русском, польском, немецком, английском и латинском) различаются три степени сравнения прилагательных — по-

ложительная, сравнительная и превосходная. Положительная степень прилагательного выражается исходной формой соответствующего прилагательного и обозначает признак, качество предмета безотносительно к степени его проявления, т. е. «безотносительно к тому же качеству в других предметах» [Голанов, с. 98]. На этом основании некоторые лингвисты не признают положительной степени как таковой, считают, что исходная форма прилагательного не относится к степеням сравнения [см.: Гвоздев, 1973, с. 234; РЯЭ-К, с. 377].

Сравнительная степень прилагательного указывает на наличие у предмета того или иного признака, качества в большей мере (степени), чем у другого предмета.

Превосходная степень прилагательного указывает на наличие у предмета признака в большей мере, чем у всех остальных.

Форма превосходной степени прилагательного (например, в словосочетаниях *добрейший человек, мельчайшие подробности, широчайшие возможности*) может обозначать также «безотносительно высокую степень качества» [СЛТ-РТ, с. 488] или «исключительно большую меру качества предмета без сравнения с другими предметами» [Гвоздев, 1973, с. 237]. Для обозначения подобных форм используются термины «элатив (элятив)» (от лат. *elatus* — ‘поднятый, вверх’) и «относительная превосходная степень».

Формально значение сравнительной и превосходной степеней прилагательных выражается с помощью специальных аффиксов, вспомогательных слов, способом редупликации (удвоение, повторение слов или основ), супплетивным способом.

В некоторых языках существуют четыре степени сравнения прилагательных. Например, в литовском языке наряду с положительной, сравнительной и превосходной степенями выделяется степень сравнения, обозначающая признак, проявляющийся в большей мере, чем в положительной степени, но в меньшей, чем в сравнительной. Ср.: лит. *gerėlesnis* при *geras* (‘хороший’) и *geresnis* (‘лучше’); *gražėlesnis* при *gražus* (‘красивый’) и *gražesnis* (‘красивее, более красивый’).

Есть языки, в которых имеется только две степени сравнения прилагательных — или положительная и сравнительная, или положительная и элатив (т. е. совмещающая значе-

ния сравнительной и превосходной степеней) [см.: Шайкевич, с. 104; ЛЭС, с. 492].

Глагол

§ 216. Чаще всего глагол (ср. лат. *verbum* — ‘слово, речь’) как часть речи определяется на основании его грамматического значения и важнейших морфологических признаков (или категорий) — лица, числа, времени, наклонения, вида, залога.

Ср.: глагол — это «категория, обозначающая действие и выражающая его в формах лица, наклонения, времени, вида и залога» [Виноградов, 1947, с. 433];

это «часть речи, обозначающая процессуальный признак — действие (*писать, ходить, дать*) или состояние (*спать, ждать*) — и выражающая это значение в грамматических категориях вида, залога, времени, числа, лица, наклонения и рода» [РЯЭ-К, с. 82].

При определении понятия глагола нередко учитывается основная синтаксическая функция слов данной части речи — преимушественное употребление в предложении в роли сказуемого [см.: Голянов, с. 137; Реформатский, 1967, с. 322; Маслов, 1987, с. 104; Широков, 1985, с. 219; СЛТ-А, с. 101]. Обращается также внимание на то, что в форме причастия глаголы изменяются еще и по падежам, т. е. им присуща категория падежа.

§ 217. Глаголы весьма неоднородны по выполняемым функциям, лексической семантике и другим признакам, на основании которых осуществляется их классификация.

В зависимости от выполняемой функции различаются глаголы знаменательные, служебные и вспомогательные. В русистике служебными называются глаголы, выступающие в предложении в роли связки, под которой понимается «компонент составного сказуемого, выражающий его грамматические значения (время, лицо, модальность и др.) и обычно представленный глаголом *быть* или его лексикализованными эквивалентами — полусвязочными глаголами» [ЛЭС, с. 435]. В русском языке в качестве полусвязочных (или полужнаменательных) могут выступать такие глаголы, как *стать, становиться, делаться, являться, представляться*, а в ряде других языков — возможные эквиваленты подобных слов.

К вспомогательным относятся глаголы, которые используются при образовании аналитических (сложных) глагольных форм: например, форм будущего времени (рус. *буду брать*, нем. *werde nehmen*, англ. *will take*, франц. *vais prendre*), форм некоторых прошедших времен в разных языках и др.

Служебные и вспомогательные глаголы не всегда различаются; иногда они объединяются в одну группу, называемую служебными (или вспомогательными) словами.

Все остальные глаголы считаются знаменательными. По определению Ю. С. Маслова, «знаменательные глаголы противостоят служебным (так называемым связкам) и вспомогательным глаголам, используемым в составе аналитических глагольных форм» [Там же, с. 104]. Один и тот же глагол может выполнять разные функции, т. е. выступать и как знаменательный, и как служебный, и как вспомогательный. Поэтому «надо различать полноценный глагол, например *быть* (*я буду завтра в банке*), вспомогательный глагол (*я буду завтра платить*), когда он входит в сложную форму глагола, и связку (*завтра я буду опять весёлый*)» [Щерба, 1958, с. 20].

В зависимости от лексической семантики и некоторых грамматических особенностей глаголы, подобно существительным и прилагательным, делятся на лексико-грамматические (семантико-грамматические) разряды. В качестве основных лексико-грамматических разрядов глаголов русского языка указываются, например, глаголы личные и безличные, переходные и непереходные, одно-, двух- и трехвалентные и др.

По отношению выражаемого значения к субъекту действия различаются глаголы личные — обозначают действие, совершаемое определенным деятелем (лицом, предметом), и безличные — выражают то или иное состояние природы или живого существа, без участия какого-либо деятеля. Формально они различаются тем, что личные глаголы употребляются (или могут употребляться) с подлежащим: *пашет* (*крестьянин пашет*), *читает* (*студент читает*), *танцует* (*артист танцует*), а безличные глаголы не могут употребляться с подлежащим: *морозит*, *светает*, *смеркается*, *знобит*, *тошнит* и т. п. Все безличные глаголы являются глаголами несовершенного вида; как правило, у них отсутст-

вуют соотносительные формы совершенного вида. Они не имеют форм 1—2-го лица, т. е. употребляются только в форме 3-го лица.

По отношению действия к его объекту различаются глаголы переходные (или активные, объективные) — обозначают действие, совершаемое над каким-либо объектом, направленное на тот или иной объект, и непереходные (или пассивные, субъективные) — называют действие, не предполагающее какого-либо объекта. Формально они различаются тем, что переходные глаголы «получают (или могут получать) прямое дополнение» (ср.: *шью пальто, решаю вопрос, вижу лес*), в то время как непереходные «не сочетаются с прямым дополнением (*брат спит*), но могут иметь другие типы дополнений (*радуюсь весне, люблюсь закатом, отступаю от правил*), называемых косвенными» [ЛЭС, с. 104—105]. В некоторых языках (например, в венгерском) переходные глаголы имеют особые формы спряжения.

Валентные («сочетаемость») классы глаголов различаются в зависимости от количества падежных форм, с которыми глаголы могут сочетаться. Одновалентными называются глаголы, сочетающиеся только с одной падежной формой: *Я сплю* (только с формой именительного падежа); *Мне не спится* (с ф. дат. п.); *Меня знобит* (с ф. вин. п.). Двухвалентными считаются глаголы, допускающие сочетание с двумя падежными формами: *Я читаю книгу* (с ф. им. и вин. п.); *Я люблюсь картиной* (с ф. им. и твор. п.); *Мне хочется мороженого* (с ф. дат. и род. п.). Трехвалентными являются глаголы, которые могут сочетаться с тремя падежными формами: *Я принёс книгу брату* (с ф. им., вин. и дат. п.) [см.: Милославский, 1981, с. 87].

Глаголы могут классифицироваться по чисто формальным признакам, не связанным с их семантикой. В зависимости от системы флексий в личных формах глаголов различаются типы спряжения, количество которых в разных языках не совпадает. Например, в русском языке два основных типа спряжения, в литовском — три.

В рамках отдельных типов спряжения глаголы могут классифицироваться в зависимости от соотношения основ инфинитива и основ настоящего времени. По этому признаку глаголы делятся на морфологические классы (или словоизменительные, словообразовательные, тематические классы).

В русском языке выделяют до десяти и более морфологических классов глаголов. Среди них различаются классы основные, продуктивные (4—5 классов) и непродуктивные (все остальные).

В классификации В. В. Виноградова, например, к I продуктивному классу относятся глаголы с основами инфинитива на *-a* и основами настоящего времени на *-aj* (*баюкать, обедать, козырять*), ко II классу — глаголы с основами инфинитива на *-e* и основами настоящего времени на *-ej* (*владеть, зреть, синеть*), к III классу — с основами на *-ова* и на *-уј* (*бедствовать, горевать, торговать*) и т. д. [см.: Виноградов, 1947, с. 443; Грамматика, 1953, с. 533; РГ, т. 1, с. 647].

§ 218. Во многих языках, в том числе и в русском, глагол представляет собой очень сложную и разветвленную систему грамматических форм и категорий. В этом отношении он противопоставлен именным и другим частям речи, характеризуется как «самая сложная и самая емкая грамматическая категория» в системе частей речи [Виноградов, 1947, с. 422]. Среди глагольных форм различаются прежде всего формы спрягаемые [иначе — собственно глаголы, личные глаголы, финитные глаголы (лат. *verba finita*)] и неспрягаемые [иначе — неличные формы, отглагольные слова, нефинитные формы (лат. *verba infinita*)]¹.

Спрягаемыми являются глагольные формы, «представляющие изменение глагола по лицам, временам, наклонениям, числам и (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) родам» [РГ, т. 1, с. 582]. В предложении такие глаголы употребляются в роли сказуемого, поэтому для их обозначения иногда используются термины «глагол-сказуемое», «предикат» (от лат. *praedicatum* — букв. ‘говоримое’). Спрягаемые глагольные формы во многих языках характеризуются наличием таких грамматических категорий, как вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род (частично) и др.

Все остальные формы, традиционно рассматриваемые в рамках глагола, являются неспрягаемыми. К ним относятся

¹ Для обозначения неспрягаемых форм глагола нередко используется термин «вербиды» (от лат. *verba* — ‘глагол’ + суффикс *-oid*, обозначающий подобие).

такие глагольные образования, как причастие, деепричастие, полупричастие, инфинитив, супин, герундий и др.

§ 219. Грамматическая (морфологическая) категория, которая выражает характер протекания обозначаемого глаголом действия во времени или «способ проявления действия во времени» [Голанов, с. 148], называется категорией вида [или аспекта (от лат. *aspectus* — ‘взгляд, вид’)] глагола. Это «грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, как протекает или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие» [РЯЭ-К, с. 65].

Существуют и иные определения понятия глагольного вида: вид глагола выражает «отношение действия к его пределу, завершенности» [Гвоздев, 1973, с. 306], обозначает наличие/отсутствие «признака ограниченности действия пределом, признака целостности действия» [РГ, т. 1, с. 583] и т. п.

Категория вида (по крайней мере, в славянских языках) охватывает все глаголы данного языка. При этом видовые значения выражаются всеми грамматическими формами глагола — как спрягаемыми, так и неспрягаемыми (чем рассматриваемая категория отличается от грамматических категорий наклонения, времени, лица, числа, рода, падежа). По словам Ю. С. Маслова, «противопоставление совершенного и несовершенного вида проходит в славянских языках через всю систему глагола» [ЛЭС, с. 83].

В отечественном языкознании спорным остается вопрос о том, к какому типу грамматических категорий относится категория вида глагола. Одни лингвисты считают данную категорию классифицирующей, т. е. рассматривают парные видовые образования как разные слова [см.: Гвоздев, 1973, с. 324; Грамматика, 1970, с. 339], другие — словоизменительной, рассматривая разные видовые образования как грамматические формы одного и того же слова, выражающие одно и то же лексическое значение [см.: РЯЭ-К, с. 65].

Подобно другим грамматическим категориям глагола, категория вида в языках представлена по-разному. Она различается и по количеству граммем, и по выражаемым ими грамматическим значениям, и по формальным средствам выражения этих значений.

В славянских языках обычно различается два вида глагола: совершенный и несовершенный. Совершенный вид (или определенный, перфектив) обозначает ограниченное временным пределом целостное действие, «действие как целостный акт» [см.: РГ, т. 1, с. 583]. Иными словами, «глаголы совершенного вида выражают действие как некое целостное событие, указывая при этом на какую-то его специфическую границу» [Милославский, 1981, с. 162]. Они могут обозначать момент наступления действия (*заговорить, пойти*), момент завершения действия (*отцвести, сказать*), мгновенное действие (*вздохнуть, мигнуть*), достижение результата действия (*написать, сделать*) и т. д.

Несовершенный вид (или неопределенный, протяженный, имперфектив) обозначает действие, не ограниченное во времени, не ограниченное каким-либо пределом, без каких-либо признаков целостности, т. е. «действие как процесс в его длительности и повторяемости» [РГ, т. 1, с. 583]. По определению В. В. Виноградова, основным, общим значением несовершенного вида является «обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом» [Виноградов, 1947, с. 498]. Глаголы несовершенного вида определяются, соответственно, как «глаголы, не содержащие указания на достижение предела действия» [Грамматика, 1970, с. 337]. Они могут обозначать длительное действие (течение действия) без указания на его целостность или ограниченность (*писать, ехать, смеяться*), действие многократное (*подёргивать, постукивать, размахивать*), прерывистое (*поглаживать, покашливать, похаживать*), сопроводительное (*подпевать, приплясывать, прислушиваться*) и т. д.

В некоторых языках виды глагола по своим грамматическим значениям заметно отличаются от глагольных видов славянских языков. Например, в английском, испанском, таджикском и некоторых других языках в соответствии с русскими видовыми формами различаются общий (или неопределенный, непрогрессивный) вид и прогрессивный вид [или прогрессив, континуатив (от лат. *continuum* — ‘непрерывный’)], представленный аналитическими формами и обозначающий действие в процессе его осуществления в конкретный момент времени. Например: англ. *I am writing* или исп. *Estoy escribiendo* — ‘я пишу (в данный момент)’.

В древнегреческом языке были представлены три глагольных вида: презенто-имперфектный, аористический и перфектный [см.: ЛЭС, с. 83]. Некоторые лингвисты различали в русском языке три или четыре глагольных вида [см.: Виноградов, 1947, с. 478, 481, 490]. В то же время есть языки (немецкий, венгерский, башкирский и др.), не имеющие категорий вида.

Средства выражения видовых значений глагола в языках весьма разнообразны. В русском языке, например, для выражения видовых значений используются такие средства, как префиксация (ср.: *говорить* — *поговорить*, *писать* — *написать*), суффиксация (*заработать* — *зарабатывать*, *решить* — *решать*), супплетивизм (*брать* — *взять*, *говорить* — *сказать*, *класть* — *положить*), чередование фонем (*прибежать* — *прибегать*, *собрать* — *собирать*), словесное ударение (*нарéзать* — *наре́зать*, *рассы́пать* — *рассыпа́ть*). Аффиксальные средства образования видовых форм глагола используются не только в славянских, но и в других языках, например в балтийских. Ср.: лит. *nešti* ('нести') — *atnešti* ('принести'), *rašyti* ('писать') — *parašyti* ('написать'), *perrašyti* ('переписать') — *perrašinėti* ('переписывать'). В английском, испанском и некоторых других языках для выражения видовых значений глагола используются вспомогательные слова.

§ 220. Так же как и некоторые другие категории глагола, грамматическая категория залога в отечественном языкознании не получила общепринятого объяснения. По словам В. В. Виноградова, учение о залогах «содержит очень много неясностей», в это понятие «вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание» [Виноградов, 1947, с. 607].

Обычно залог определяется как грамматическая (или лексико-грамматическая, классификационная) категория глагола, выражающая отношение действия к его производителю (или субъекту) [см.: Грамматика, 1970, с. 351], или как отношение действия к его субъекту и объекту [см.: Гвоздев, 1973, с. 297; РЯЭ-К, с. 134], или как отношение между субъектом действия и его объектом [см.: Грамматика, 1953, с. 412], или как субъектно-объектные отношения [см.: ЛЭС, с. 160], или как от-

ношения между субъектом, действием и объектом [см.: РГ, т. 1, с. 615; РЯЭ-Ф, с. 85].

Категория залога свойственна многим языкам — индоевропейским, алтайским, афроазиатским, банту и др. Во многих языках наиболее четко различаются два залога — действительный и страдательный. Их принято считать центральными формами категории залога. По мнению многих лингвистов, противопоставление действительного и страдательного залогов характерно и для русского глагола [см.: Грамматика, 1970, с. 310, 351; РГ, т. 1, с. 615; РЯЭ-К, с. 134].

Действительный залог (или активный, актив) обозначает действие, направленное на объект, выраженный прямым дополнением. Глаголы действительного залога способны сочетаться с формой винительного падежа без предлога: *Рабочие строят дом; Студенты слушают лекцию.*

Страдательный залог (или пассивный, пассив) обозначает действие, направленное на объект, выраженный подлежащим. Глаголы страдательного залога способны сочетаться с формой творительного падежа в значении действующего лица: *Дом строится рабочими.*

Иногда в системе русского глагола различают три и более залога. Кроме действительного и страдательного залогов, многие лингвисты выделяют такие залогов, как средний [или медиальный (от лат. *mediāna* — ‘средний’)], возвратный, средне-возвратный (или возвратно-средний) и др. К среднему залогу относят глаголы, обозначающие действие, которое не направлено на объект, «исходит из субъекта и замыкается в нем» (типа *сидеть, ехать, пребывать*) [ЛЭС, с. 160]. В отличие от глаголов действительного и страдательного залогов, они не способны присоединять ни формы винительного падежа, ни формы творительного падежа [см.: Виноградов, 1947, с. 623; Гвоздев, 1973, с. 300; Головин, 1983, с. 122].

К возвратному залогу относят возвратные глаголы, обозначающие действие, направленное «на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом этого действия» (типа *одеваться, умываться, обороняться, прятаться*) [ЛЭС, с. 160].

Глаголами средне-возвратного залога считаются такие глагольные образования с постфиксом *-ся*, которые указывают «на обращенность действия к самому носителю его — субъекту... на

сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте» (типа *обрадоваться, остановиться, собираться*) [Грамматика, 1953, с. 415].

Некоторые лингвисты различают большее количество залогов русского глагола — четыре, пять или шесть [см.: Виноградов, 1947, с. 607; ЛЭС, с. 160]. Надо заметить, что залогов русского глагола разграничиваются недостаточно последовательно.

Два залога — действительный и страдательный (активный и пассивный) — принято различать в ряде индоевропейских языков: в балтийских, некоторых германских (в частности, в английском) и др. В литовском языке, например, имеются залогов действительный и страдательный (или невозвратный и возвратный) [см.: Мустейкис, с. 182; Петерсон, 1955, с. 59]. При этом отмечается, что в этом языке по залогу противопоставляются только причастия. Три залога — действительный, страдательный и средний — различались в греческой грамматике [см.: Виноградов, 1947, с. 606]. В якутском языке залоговая система включает пять залогов: основной (актив), страдательный (пассив), возвратный, совместно-взаимный и побудительный [см.: ЛЭС, с. 160].

Многие языки не имеют категории залога. Отсутствует эта грамматическая категория, например, в венгерском языке, во многих кавказских, австралийских, индейских, папуасских, чукотско-камчатских и других языках.

§ 221. Категория наклонения, в отличие от категории залога, определяется в основном однозначно [см.: Будагов, 1965, с. 324; Милославский, 1981, с. 202; Грамматика, 1953, с. 473; Грамматика, 1970, с. 355; РГ, т. 1, с. 618; РЯЭ-К, с. 257]. Наклонением называется словоизменяемая грамматическая (морфологическая) категория глагола, «определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [Виноградов, 1947, с. 581]. Категория наклонения, являясь одной из наиболее типичных глагольных категорий (наряду с категориями залога, времени и лица), свойственна индоевропейским и многим другим языкам мира. В разных языках она представлена неодинаковым количеством граммем.

В русском языке принято различать три наклонения:

1) изъявительное наклонение (или индикатив) — обозначает действие, представленное как реально осуществляемое в настоящем, прошедшем или будущем;

2) повелительное наклонение (или императив) — выражает побуждение к совершению действия, просьбу или приказание говорящего, обращенные к другому лицу;

3) сослагательное наклонение (или конъюнктив) — служит для выражения действия, которое говорящий считает предполагаемым, возможным или желаемым; нередко его называют также условным наклонением, а некоторые лингвисты считают более подходящим термином — «предположительное наклонение» [см.: Грамматика, 1953, с. 503]. Иногда выделяют и другие наклонения, например желательное.

Такое же или большее количество наклонений различается в глагольных системах многих языков. Например, в английском, немецком и французском языках выделяются 3 наклонения; в испанском, эстонском, башкирском, каримском и др. — 4 наклонения; в гагаузском языке, в языках балканской общности, например в болгарском, — 5 наклонений; в литовском языке выделяется от 3 до 5 наклонений; в японском языке — 6, в карачаево-балкарском — 7, в якутском — 10 наклонений. В некоторых языках, например в бенгальском, различается всего лишь два наклонения — изъявительное и повелительное.

§ 222. Обычно время глагола определяется как грамматическая категория, обозначающая отношение действия к моменту речи.

Ср.: время — это «грамматическая категория глагола, соотносящая действие (процесс) с моментом речи» [СЛТ-А, с. 87];

это «глагольная категория, выражающая отношение действия к моменту речи, который принимается за точку отсчета» [СЛТ-РТ, с. 59];

это «словоизменяемая грамматическая категория, обозначающая отношение глагольного действия к одному из трех реальных временных планов — настоящему, прошедшему или будущему» [Грамматика, 1970, с. 356].

В русском языке традиционно различается три времени глагола: настоящее время — обычно (при прямом употребле-

нии временных форм) обозначает, что действие осуществляется в момент речи, прошедшее — указывает на осуществление действия до момента речи и будущее — обозначает действие, которое предполагается осуществить после момента речи.

Возможно также переносное употребление временных форм глагола. Например, формы настоящего времени могут употребляться для обозначения действий, которые были осуществлены в прошлом, до момента речи: *Сижу я вчера в беседке и размышляю* — так называемое настоящее историческое.

В большинстве языков насчитывается несколько глагольных времен. Например, в польском языке, кроме настоящего, прошедшего и будущего, есть еще давнопрошедшее время, которое обозначает действие, осуществленное давно или перед другим прошедшим. В литовском языке — четыре простых времени (настоящее, будущее, прошедшее однократное и прошедшее многократное) и несколько сложных, образуемых сочетанием причастий и личных форм вспомогательного глагола со значением 'быть'. В немецком языке — шесть времен: настоящее, два будущих (будущее первое и будущее второе, т. е. предбудущее или преждебудущее) и три прошедших (имперфект, перфект и плюсквамперфект). В болгарском языке насчитывается 8 времен, в башкирском — 9, в испанском — 14, в английском — 26 времен.

§ 223. Отличительным признаком глагола является изменяемость по лицам. Категория лица считается «наиболее характерной для глаголов» [Щерба, 1957, с. 76]. Лицо глагола может быть определено как грамматическая (морфологическая) категория, которая выражает отношение действия к его производителю, действующему лицу, т. е. указывает на лицо, осуществляющее данное действие.

Ср.: лицо — это «словоизменятельная грамматическая категория, обозначающая отнесенность названного глаголом действия к его производителю» [Грамматика, 1970, с. 362];

это «грамматическая словоизменятельная категория глагола (в некоторых языках также имени в позиции сказуемого), обозначающая отношение субъекта действия... (иногда и объекта) к говорящему лицу» [ЛЭС, с. 271].

Многие языки, в том числе и русский, различают три глагольных лица: формы п е р в о г о лица обозначают, что действие осуществляется самим говорящим, формы в т о р о г о лица указывают на то, что действие производится собеседником, формы т р е т ь е г о лица — что действие совершается лицом/предметом, не участвующим в диалоге. Иными словами, 1-м лицом называются «формы со значением субъекта коммуникации», 2-м лицом — «формы со значением адресата коммуникации», 3-м лицом — «формы со значением объекта коммуникации» [Милославский, 1981, с. 221].

Иногда в качестве особых личных форм глагола рассматриваются формы 1—3-го лица множественного числа, которые во многих языках (в том числе и в русском) отличаются от соответствующих форм единственного числа формальными грамматическими средствами. В таком случае можно говорить о шести личных формах глагола. При наличии в языке особых форм двойственного числа [см. § 224] количество личных форм в таком их понимании увеличивается до девяти.

Может различаться не только грамматическое лицо субъекта (производителя) действия, но и лицо объекта действия. В таком случае парадигма личных форм глагола может увеличиваться до 28 форм (например, в грузинском и чукотском языках), а в языках, в которых различаются формы двойственного числа, — до 42 форм (в корякском языке) и 63 форм (в разных эскимосских языках) [см.: ЛЭС, с. 272].

Известны и такие языки, в которых личные формы глагола вообще не образуются. Лицо как грамматическая категория отсутствует, например, в датском, шведском, лезгинском, монгольском, китайском, вьетнамском, бирманском и некоторых других языках [см.: Маслов, 1987, с. 163].

Личные формы глагола образуются многими способами, для выражения грамматического значения лица используются разные языковые средства. В русском языке, например, личные формы настоящего времени образуются синтетически, с помощью личных окончаний; формы будущего времени — синтетически (будущее простое) и аналитически (будущее сложное); в прошедшем времени и сослагательном наклонении значение лица выражается с помощью личных местоимений. Во многих других языках, в том числе и родственных русскому (например, в польском, литовском), значе-

ние лица в прошедшем времени и в сослагательном наклонении передается с помощью личных окончаний.

§ 224. Грамматическая категория числа у глаголов (аналогичная категории числа у имен — существительных, прилагательных и др.) указывает на количество лиц/предметов, которые осуществляют обозначаемое глаголом действие.

В большинстве языков, как и в современном русском, различается два числа глаголов: единственное число обозначает, что действие осуществляется одним лицом/предметом, а множественное число указывает на то, что действие осуществляется двумя или более лицами.

Наряду с формами единственного и множественного числа глагола в некоторых языках употребляются формы двойственного числа, которые обозначают, что действие осуществляется двумя лицами. В таком случае формы множественного числа указывают на принадлежность действия трем или более лицам. Глагольные формы двойственного числа были известны общеиндоевропейскому, общеславянскому языкам, сохранились в письменных памятниках старославянского и древнерусского языков; ср.: *несевѣ* (1-е л. наст. вр.) — *несета* (2—3-е л.). До недавнего времени подобные формы употреблялись в литовском языке; ср.: *nešėva* (1-е л. наст. вр.) — *nešėta* (2-е л.) — *neša* (3-е л.; эта форма совпадала по флексии с формами ед. и мн. ч.).

§ 225. Некоторые спрягаемые формы глагола могут изменяться по грамматическому роду. Род глагола — это словоизменительная грамматическая категория, которая показывает, что обозначенное глаголом действие относится к лицу/предмету, название которого принадлежит к тому или иному грамматическому роду. Количество глагольных родовых граммем совпадает с количеством родовых граммем существительных, выделяемых в данном языке.

Славянские языки различают глагольные формы трех родов — мужского, женского и среднего. При этом изменяются по родам только те спрягаемые глагольные формы, которые были образованы от древних причастий с суффиксом *-л-*. В русском языке это формы мужского, женского и среднего рода единственного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения: *нёс*, *несла*, *несло*; *нёс*

бы, несла бы, несло бы. В польском языке по родам изменяются также сложные формы давнопрошедшего времени, при этом формы мужского и женского рода различаются не только в единственном, но и во множественном числе.

Во многих языках (например, в литовском, немецком) спрягаемые формы глагола по родам не изменяются.

§ 226. Наряду со спрягаемыми формами глагола (или собственно глаголами) в большинстве языков употребляются также различные неспрягаемые формы (или верббиды). К ним относятся такие глагольные образования, как причастие, деепричастие, инфинитив, супин, герундий и др. Все они отличаются от собственно глагольных форм тем, что совмещают признаки глагола с признаками других частей речи (на этом основании они нередко исключаются из числа глагольных форм).

Причастием (калька лат. *participium*) называется неспрягаемая глагольная форма, которая обозначает «действие как свойство предмета или лица» [Маслов, 1987, с. 164] или «признак имени (лица, предмета), связанный с действием» [ЛЭС, с. 399]. Причастия есть в глагольных системах индоевропейских, тюркских и других языков.

В русском и многих иных языках причастия, в отличие от спрягаемых форм глагола, изменяются по родам, числам и падежам. В предложении они обычно выступают в роли согласованного определения или (в краткой форме) именной части составного сказуемого.

По названным грамматическим признакам причастия сближаются с прилагательными, хотя имеют ряд признаков, свойственных глаголу (сохраняют значение времени, вида, залога, способность управлять именем в форме винительного падежа). Таким образом, причастия занимают промежуточное положение между собственно глаголом и именем прилагательным и рассматриваются некоторыми учеными как «категория гибридных глагольно-прилагательных форм» [Виноградов, 1947, с. 272] или как «форма смешанного глагольно-именного образования» [Голанов, с. 212].

Нередко причастия квалифицируются как отглагольные прилагательные (см., например, труды А. Х. Востокова, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского).

Некоторые лингвисты (например, А. Н. Тихонов) выделяют причастия в самостоятельную часть речи.

Деепричастием называется неизменяемая (неспрягаемая и несклоняемая) форма глагола, которая обозначает «действие как признак, характеризующий другой признак» [РЯЭ-Ф, с. 53], точнее — добавочное, второстепенное действие, сопровождающее основное действие, выраженное в предложении инфинитивом или спрягаемой формой глагола [см.: Гвоздев, 1973, с. 386].

В русском и некоторых других языках деепричастие совмещает признаки глагола и наречия, т. е. представляет собой «гибридную наречно-глагольную категорию» [Виноградов, 1947, с. 384] или «форму смешанного глагольно-наречного образования» [Голанов, с. 212].

С глаголом деепричастие объединяют такие признаки, как общность грамматического значения, наличие видовых и залоговых различий, переходность-непереходность, сохранение глагольного управления (управляет теми же падежами, что и другие формы глагола), способность сочетаться с наречием (сочетается с теми же наречиями, что и другие глагольные формы).

С наречием деепричастие сближается тем, что оно грамматически неизменяемо, в предложении может употребляться в функции обстоятельства (времени, причины, условия, образа действия), способно переходить в наречие (ср.: *Студент читает, лёжа на диване*. — *Студент читает лёжа*). В связи с этим деепричастие, подобно причастию, иногда рассматривается как особая часть речи — наравне с глаголом, наречием и другими частями речи [см.: Тихонов, 2002, с. 393].

В ряде языков, например в литовском, употребляется особая непрягаемая глагольная форма — полупричастие, занимающая промежуточное положение между причастием и деепричастием. Литовское полупричастие образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-dam-*, изменяется по родам и числам. Ср.: лит. *nešdamas* (ф. ед. ч. муж. р. от *nešti* — ‘нести’), *nešdama* (ф. ед. ч. жен. р.), *nešdami* (ф. мн. ч. муж. р.), *nešdamos* (ф. мн. ч. жен. р.). Полупричастия обозначают добавочное действие, осуществляемое одновременно с главным действием, обозначаемым спрягаемой формой глагола или инфинитивом; в предложении они

выступают в роли обстоятельства (на русский язык переводятся деепричастием несовершенного вида). Ср.: лит. *Mokinys stovėdamas skaito* — рус. *Ученик читает стоя*. По значению и синтаксической функции полупричастие схоже с деепричастием, по морфологическим признакам (по изменямости) ближе к причастию¹.

Инфинитив (от лат. *infinitivus modus* — ‘неопределенное наклонение’), или неопределенная форма глагола, — это неспрягаемая глагольная форма, которая в описаниях многих языков рассматривается как исходная грамматическая форма глагола (в словарях используется в качестве названия словарной статьи). В русском и ряде других языков инфинитив выражает лишь лексическое значение глагольной лексемы и указывает на вид, залог, переходность-непереходность представляемого им глагола; никаких других грамматических значений он не выражает. В предложении инфинитив может выполнять синтаксические функции подлежащего (*Курить — вредно*), сказуемого (*Главное — не опоздать*; *Девочка хочет спать*), дополнения (*Прошу вас сидеть тихо*), несогласованного определения (*Мною овладело желание проучить его*), обстоятельства цели (*Я пришёл поговорить с тобой начистоту*).

В некоторых языках инфинитив может выражать значение времени (например, в латинском), лица и числа (например, в португальском), в языке хинди обладает классифицирующей категорией рода и словоизменительными категориями числа и падежа. Ряду языков свойственно склонение инфинитива; например, в финно-угорских языках падежные формы инфинитива по значению близки деепричастию.

По своим грамматическим признакам инфинитив сближается с другими частями речи, прежде всего с именем существительным. Не все лингвисты признают инфинитив глагольной формой, некоторые считают его отглагольным существительным, прилагательным и даже особой частью речи.

Имеются языки (например, семитские, алтайские, некоторые кавказские), в которых инфинитив как особая грам-

¹ Рассматриваемые словоформы иногда характеризуются как действительные причастия настоящего времени [см.: Петерсон, 1955, с. 60]. В некоторых источниках они описываются в разделе «Деепричастие» [см.: Мустейкис, 1972].

матическая форма глагола отсутствует. Так, в арабском, грузинском и некоторых других языках в соответствии с инфинитивом употребляется близкая к нему грамматическая форма *мáсдар*. Это отглагольное имя действия, которое сохраняет отдельные признаки глагола (вид, залог и др.) и называет действие отвлеченно, вне связи с его производителем [см.: Маслов, 1987, с. 163; ЛЭС, с. 120].

Близка к инфинитиву и такая неизменяемая форма глагола, как *суп́ин* (лат. *sup̄inum*). Форма супина образуется от глаголов движения и обозначает цель выражаемого глаголом действия. В предложении выступает в роли обстоятельства цели. Супин существовал в латинском, старославянском и древнерусском языках, до недавнего времени употреблялся в литовском языке, сохранился в нижнелужицком и словенском языках, его следы встречаются в чешском языке. Ср.: ст.-слав. *Идетъ рыбъ ловитъ*; лит. *Jis eina šieno piaučy* ('он идет косить сено'). Супин вытеснен (или вытесняется) инфинитивом. В грамматических описаниях данная глагольная форма иногда определяется как «отглагольное существительное, придающее обороту, в котором оно употреблено, значение цели» [ЛЭС, с. 499] или как «вид отглагольного существительного, выступающего в функции, близкой к инфинитиву со значением цели» [СЛТ-А, с. 463].

К глагольным формам иногда относят *герундий* (лат. *gerundium*). Он употреблялся в латинском языке, сохранился в современных романских и английском языках. Герундий совмещает грамматические признаки глагола и именных частей речи (например: англ. *reading books* — 'чтение книг; читая книги'). В латинском языке он имел глагольное управление и в то же время склонялся в единственном числе. На этом основании герундий иногда рассматривается как отглагольное существительное [см.: ЛЭС, с. 103, 128; СЛТ-А, с. 97].

СИНТАКСИС

Понятие синтаксиса

§ 227. Термин «синтаксис», подобно терминам «грамматика» и «морфология», неоднозначен, хотя в современном языкознании при его объяснении довольно часто указывается

только одно значение — ‘название раздела языкознания’, точнее — ‘название одного из разделов грамматики’.

Ср.: синтаксис — это «раздел грамматики, изучающий словосочетание и предложение» [Попов и др., с. 272];

это «отдел грамматики, изучающий грамматический строй связной речи в отвлечении от конкретного лексического содержания предложений» [Совр. рус. яз., 1957, с. 6];

это раздел грамматики «изучающий способы соединения слов и форм слов (словоформ) в словосочетания и предложения, предложений в сложные предложения, а также и самые словосочетания, предложения — их типы, значения, функции, условия употребления, характер и виды взаимодействия» [РЯЭ-Ф, с. 289].

Некоторые ученые используют термин «синтаксис» в качестве названия определенной области системы языка. При этом данная часть языковой системы определяется по-разному.

Ср.: синтаксис — это «характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц» [ЛЭС, с. 448];

это «существующая в языке система типов соединения слов в предложения и система предложений разных типов» [РЯЭ-К, с. 471];

это «совокупность типов сочетания слов и моделей построения словосочетаний и предложений» [СЛТ-А, с. 409];

это «не только наука, но и совокупность объективно существующих и действующих в языке способов и средств построения предложений» [Головин, 1983, с. 19];

это «вся та область грамматического строя языка, которая охватывает разнообразные конструкции» [РГ, т. 2, с. 5] и т. д.

Данное значение/значения обычно рассматривается на первом месте, реже — на последнем.

Наиболее приемлемым представляется такое объяснение синтаксиса как объекта науки, в котором синтаксис определяется как совокупность, система определенных языковых (синтаксических) единиц, прежде всего словосочетаний и предложений, их типов, моделей построения [так это делается, например, в академической «Русской грамматике» (1980), в энциклопедии «Русский язык» (1997)].

Кроме двух рассмотренных, иногда выделяется еще одно значение термина «синтаксис»: обращается внимание на то, что этим термином могут обозначаться определенные признаки, или свойства, синтаксических единиц, например словосочетаний и предложений. Подобное значение данный термин приобретает в выражениях: «синтаксис словосочетания», «синтаксис предложения», «синтаксис простого предложения» и т. п. По определению Н. Ю. Шведовой, «синтаксисом (чего-либо: словосочетания, предложения) называется вся система грамматических свойств соответствующих единиц» [РГ, т. 2, с. 5].

Основными значениями термина «синтаксис» являются два: «определенный ярус языковой (грамматической) системы» и «изучающий этот ярус раздел языкознания (грамматики)»¹.

В синтаксисе, так же как и в других разделах языкознания, возможны разные аспекты исследования языкового материала. По этому и некоторым другим признакам различается синтаксис описательный и исторический, общий и частный, конструктивный и коммуникативный и др. В зависимости от того, какие синтаксические единицы являются предметом изучения, различается синтаксис словосочетания, синтаксис предложения, синтаксис текста (или актуальный синтаксис) и т. д.

Основные единицы синтаксиса

Синтаксическая форма и категория

§ 228. Для того чтобы получить относительно полное представление о синтаксисе как области языковой системы (или о синтаксисе языка), необходимо разобраться, какие из синтаксических единиц считать главными. В этом вопросе, так же как и в ряде других вопросов синтаксической теории, много неясного и спорного.

¹ Предпринимаются некоторые попытки терминологически дифференцировать рассматриваемые понятия. Для обозначения синтаксиса как определенного яруса языковой системы предлагается использовать составной термин «синтаксис языка», а для обозначения учения о нем — выражение «синтаксис как наука» [см.: Головин, 1983, с. 108, 135; РГ, т. 2, с. 6].

Если основной единицей грамматики считать грамматическую форму, основной единицей морфологии — морфологическую грамматическую форму, то основной единицей синтаксиса следует признать синтаксическую грамматическую форму. Синтаксическая форма — это определенная схема (модель) построения синтаксических конструкций (словосочетаний, предложений), представляемая в отвлечении от их лексического наполнения. Синтаксическую форму можно определить как регулярное видоизменение синтаксической конструкции, выражающее то или иное грамматическое (синтаксическое) значение.

Под синтаксическим значением понимается абстрактное значение, характерное для синтаксических единиц того или иного типа, той или иной модели, определяемое независимо от лексических значений образующих эти единицы слов/словоформ. По определению В. В. Лопатина, грамматическое значение в области синтаксиса — это «значение предикативности (свойственная предложению отнесенность сообщаемого в тот или иной временной и объективно-модальный план), а также разнообразные отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов (в отвлечении от их лексического наполнения)» [РЯЭ-К, с. 100].

Синтаксические грамматические формы и их значения различаются с помощью тех или иных языковых средств. В русском языке, например, такими средствами являются грамматические формы слов, служебные слова, порядок расположения слов/словоформ, интонация.

Некоторые лингвисты основной единицей синтаксиса считают синтаксическую грамматическую категорию и определяют синтаксис языка как совокупность или систему синтаксических грамматических категорий [см.: Головин, 1983, с. 108]¹.

Синтаксическая грамматическая категория может быть определена как «система противопоставленных друг другу рядов синтаксических единиц с грамматическими (синтаксическими) значениями, объединяющимися в единое, общее

¹ В современном языкознании вопрос о синтаксических грамматических категориях разработан крайне недостаточно, т. е. «границы применения понятия грамматической категории к синтаксису остаются неясными» [ЛЭС, с. 116].

значение», или как «единица семантической структуры предложения» [РГ, т. 2, с. 11]. Синтаксическими категориями являются такие, как категория предложения (в рамках данной категории противопоставляются предложения простые и сложные, односоставные и двусоставные, сложносочиненные и сложноподчиненные, союзные и бессоюзные, повествовательные, побудительные и вопросительные и т. д.), категория словосочетания (ср. словосочетания с сочинительной и подчинительной связью, именные, глагольные, наречные и т. д.), категория члена предложения (ср. подлежащее, сказуемое, дополнение и др.), категория активности-пассивности конструкции предложения (ср.: *Профессор читает лекцию. — Лекция читается профессором*), точное или приблизительное указание количества (ср.: *двести человек — человек двести*) и др. [см.: Головин, 1983, с. 107; Кодухов, 1987, с. 237; Маслов, 1987, с. 128; РГ, т. 2, с. 11; ЛЭС, с. 116].

В зависимости от характера представляемых единиц синтаксические грамматические категории иногда подразделяются на два типа:

1) грамматические категории словесных конструкций, которые «объединяют и по какому-либо общему признаку отождествляют различные высказывания»;

2) грамматические категории словесных позиций, которые «объединяют и по какому-либо общему признаку отождествляют различные знаменательные слова, занимающие одну и ту же позицию (место) в высказывании» [Головин, 1983, с. 107—108].

Напомним, что грамматическая категория представляет собой совокупность граммем (две или более), под которыми понимается определенный ряд грамматических форм с однородными значениями. Для определения граммемы как элемента синтаксической грамматической категории (или синтаксической граммемы) некоторые ученые предлагают использовать термин «синтаксе́ма» (ср. термины «фонема», «морфема» и др.).

Синтаксема — это «основная единица синтаксического уровня языка в ее эмическом аспекте [т. е. в обобщенном, абстрактном виде. — В. Н.], инвариант, символизирующий класс ее этических реализаций [т. е. разновидностей, вариантов. — В. Н.], которые взаимосвязаны и противопоставлены друг другу как синтаксы» [Новиков, 2002, с. 44]. Синтаксема и синтакс здесь соотносятся примерно так же, как фонема и фон(а), морфема и морф(а), лексема и лекс(а).

Существует и иное понимание синтаксемы, в частности как словоформы, которая выполняет определенные синтаксические функции и выражает элементарный смысл синтаксической конструкции. Ср.: «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова, с. 4].

Традиционно основными синтаксическими единицами языка считаются словосочетание и предложение [см.: Белошапкова, с. 5; Грамматика, 1953, с. 14; РГ, т. 2, с. 6]. Иногда в одном ряду со словосочетанием и предложением рассматривается такая единица, как текст, на основании чего особо выделяется синтаксис текста. Под текстом (от лат. *textum* — ‘ткань, соединение’) в данном случае понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц [точнее — словесных знаков. — В.Н.], основными свойствами которой являются связность и цельность» [ЛЭС, с. 507], определенный отрезок речи, организованный на основе языковых отношений, содержательно связывающий другие синтаксические единицы в единое целое [см.: РГ, т. 2, с. 83].

В качестве исходных единиц синтаксиса иногда рассматриваются слова и грамматические формы слов (словоформы), которые участвуют в образовании единиц более сложных — словосочетания, предложения, текста, т. е. представляют собой их определенные части [см.: РГ, т. 2, с. 6; РЯЭ-К, с. 471].

Ср.: слово и форма слова «составляют объекты синтаксиса не сами по себе и не во всех своих свойствах, а лишь со стороны их связей с другими формами слов и их функций в составе синтаксических единиц, в которые они входят как их компоненты» [Белошапкова, с. 6].

Словосочетание

Понятие словосочетания

§ 229. Как грамматические (синтаксические) единицы словосочетания в теоретическом плане изучаются и описываются, главным образом, в русском языкознании. При этом в отечественной науке словосочетание не получило однозначного

го толкования. Обычно под словосочетанием понимается сочетание двух или более знаменательных слов, объединенных формально выраженной смысловой, синтаксической связью.

Ср.: «Все признают, что словосочетание состоит не менее чем из двух полнозначных слов, что оно организуется по законам и правилам соединения слов и их форм, присущим данному языку, и что оно выражает единое, хотя и сложное, расчлененное понятие, цельное значение» [Грамматика, 1954, ч. 1, с. 10].

В учебной литературе предлагаются, например, такие определения словосочетания:

это «любое соединение двух или более знаменательных слов, характеризующее наличием между ними формально выраженной смысловой связи» [Маслов, 1987, с. 170];

это «соединение двух и более слов, служащее выражением понятий о явлениях действительности в их связях и отношениях» [Совр. рус. яз., 1957, с. 6];

это «два или несколько знаменательных слов, объединенных одной синтаксической связью: *новый и дорогой, зелёные и розовые, видеть птиц, полёт к Луне, читать и думать, чтение журнала*» [Головин, 1983, с. 138].

Под синтаксической связью слов в словосочетании понимается «всякая формально выраженная смысловая связь между лексическими единицами (словами, устойчивыми словосочетаниями), соединяющимися друг с другом в речи, в акте коммуникации» [Маслов, 1987, с. 170].

§ 230. Различается два главных типа синтаксической связи слов в словосочетании — сочинение и подчинение. Сочинительная связь (иначе — сочинение) характеризуется тем, что сочетающиеся компоненты однородны, совпадают по своим грамматическим формам (например: *пространство и время, молодые и пожилые, читать и писать*). При этом разные компоненты являются равноправными, в связи с чем в пределах словосочетания могут меняться местами без изменения (или без существенного изменения) смысла (ср.: *пространство и время — время и пространство; читать и писать — писать и читать*).

При подчинительной связи (иначе — при подчинении) компоненты словосочетания неравноправны: один из них

является главным (или главенствующим, стержневым, определяемым), а другой/другие — зависимым (или подчиненным, определяющим). Стержневой компонент словосочетания выражает основное значение, зависимый компонент — уточняет, конкретизирует значение стержневого компонента (например: *сестра подруги*, *букет из сирени*). Изменение места расположения компонента либо коренным образом меняет смысл словосочетания (ср.: *сестра подруги* — *подруга сестры*; *букет из сирени* — *сирень из букета*), либо вообще невозможно (*строительство дома*, *ветка сирени* и т. п.).

В рамках подчинительной связи компонентов словосочетания различается три вида синтаксических отношений: согласование, управление и примыкание. При этом иногда обращается внимание на возможность сочетания согласования и управления.

Согласованием называется такая подчинительная связь между компонентами словосочетания, при которой зависимое слово употребляется в той же грамматической форме, что и главное: *красивый букет*, *у старой башни* и т. п.

Управление определяется как «вид подчинительной связи, при которой для выражения определенных смысловых отношений главное слово требует постановки зависимого слова (существительного) в определенном падеже, с предлогом или без предлога» (типа *видеть слона*, *влюбиться в девушку*) [РЯЭ-К, с. 577].

Примыкание — это вид подчинительной связи, при которой отсутствуют специальные формальные (грамматические) средства подчинения одного знаменательного слова другому, «главное слово не вызывает у зависимого определенных грамматических форм, поскольку зависимое слово является неизменяемым» [Там же, с. 380]. Это связь, при которой «зависимость подчиненного слова выражается лексически, порядком слов и интонацией» (типа *сделать быстро*, *любить учиться*) [СЛТ-РТ, с. 307].

Ср.: согласование — это «подчинительная связь, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме главенствующего слова в роде, числе и падеже, либо в числе и падеже, либо только в падеже, и означает отношения собственно определительные: *новый дом*, *кто-то чужой*, *дом-башня*, *ясли-новостройка*» [РГ, т. 2, с. 20];

управление — это «подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения восполняющие или объектные либо контактированные: объектно-восполняющие или объектно-определяющие...: *стать учёным, пребывать в неведении, мастак на выдумки, склонный к размышлениям, два студента, наедине с собой; читать книгу, покупка дома, сердитый на всех; нарваться на грубость; добраться до дома, съехать с горы*» [Там же, с. 21];

примыканием «называется вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения, например: *внимательно выслушать, побежать вприпрыжку, поверить на слово, потребность высказаться, слушать молча*» [Грамматика, 1954, ч. 1, с. 23].

Сочетание согласования и управления характерно для словосочетаний, состоящих из числительного (в качестве главного слова) и существительного (в качестве зависимого слова). Ср., например: *десять рублей*, где числительное управляет существительным в форме родительного падежа множественного числа, и *десятью рублями*, где числительное согласуется с существительным в падеже.

При сочетании с существительным числительных *два* и *полтора*, которые изменяются по родам, числительное управляет существительным, требуя постановки его в форме родительного падежа единственного числа, и в то же время согласуется с ним в падеже и роде. Ср.: *два стола* и *двух столов*, *два кресла* и *двум креслам*, *две парты* и *двумя партами*, *полтора километра* и *полтора километра* — согласование в падеже; *два стола*, *два кресла* и *две парты*, *полтора километра* и *полторы версты* — согласование в роде.

§ 231. Существуют и иные объяснения понятия «словосочетание». В частности, при более узком толковании этого по-

нятия словосочетанием признается только конструкция с подчинительной связью компонентов.

Ср.: словосочетание — это «синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания» [РГ, т. 2, с. 79];

это «синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов (слова и словоформы) на основе подчинительной грамматической связи — согласования, управления или примыкания — и тех отношений, которые порождаются этой связью» [Грамматика, 1970, с. 536].

Некоторые лингвисты, наоборот, расширяют понятие словосочетания. Они относят к словосочетаниям, например, предложно-падежные конструкции, т. е. сочетания отдельных знаменательных слов (существительных, местоимений) с предлогами, аналитические грамматические формы слов, т. е. сочетания отдельных знаменательных слов как основных со словами вспомогательными [см.: Маслов, 1975, с. 236; Мухин, 1975, с. 102].

По-разному понимается словосочетание с точки зрения его отношения к предложению. Обычно словосочетание противопоставляется предложению. Большинство лингвистов в качестве словосочетаний рассматривают лишь такие соединения знаменательных слов, которые не являются предложениями.

По словам В. В. Виноградова, «словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса. Словосочетание, в отличие от предложения, совсем не является цельной единицей языкового общения и сообщения. Для структуры словосочетания не характерны и не типичны те своеобразные так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обуславливают относительную законченность сообщаемой мысли в речи» [Грамматика, 1954, ч. 1, с. 11].

Ср. также: «Словосочетание — это грамматически оформленное единство двух или более самостоятельных слов, не образующих предложения» [Будагов, 1965, с. 332].

В то же время существует и противоположное мнение по этому вопросу: «Словосочетание может совпадать с предложением или быть частью предложения, а предложение... мо-

жет реализоваться в виде снабженного той или иной интонацией словосочетания, ряда связанных между собой словосочетаний или отдельного слова» [Маслов, 1987, с. 170].

Мы будем рассматривать в качестве словосочетаний лишь сочетания двух или более знаменательных слов, характеризующиеся как подчинительной, так и сочинительной связью компонентов при отсутствии предикативности, т. е. не являющиеся предложением.

Классификация словосочетаний

§ 232. Все словосочетания (в широком понимании) в зависимости от типа синтаксической связи между их компонентами делятся на словосочетания сочинительные и подчинительные. Сочинительные словосочетания (или однородные, незамкнутые) представляют собой сочетания знаменательных слов, соединенных на основе сочинительной связи, например: *студенты и школьники; дети да старики; как мужчины, так и женщины; или ты, или я; ни я, ни ты, ни он; синий, зелёный и голубой; не синий, а фиолетовый; читать и писать; ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.*

Сочинительные словосочетания различаются (и классифицируются) по трем признакам:

1) по характеру, или виду, сочинительной связи компонентов. По этому признаку сочинительные словосочетания делятся на *открытые*, которые включают неопределенное количество компонентов (*книги, газеты, журналы; и книги, и газеты, и журналы; ни книги, ни газеты, ни журналы; или книги, или газеты, или журналы*), и *закрытые*, которые содержат только два компонента (*не газеты, а журналы; как газеты, так и журналы*);

2) по средствам связи между компонентами, т. е. по наличию/отсутствию союзов. По этому признаку различаются сочинительные словосочетания *союзные* (с союзной связью) и *бессоюзные* (с бессоюзной связью);

3) по типу связи компонентов, точнее — по семантике используемых средств связи [см.: Белошапкова, с. 74]. По этому признаку среди сочинительных словосочетаний можно выделить словосочетания *соединительные*, т. е. словосочетания с соединительными отношениями (с соединительными союзами *а, да* и др., а также с бессоюзной связью компонентов), *разделительные*, т. е. словосочетания с

разделительными отношениями (с разделительными союзами *или, либо, или...или, либо...либо, то...то, не то...не то* и др.), и п р о т и в и т е л ь н ы е, т. е. словосочетания с противительными отношениями (с противительными союзами *а, но, зато, однако, хотя* и т. д.).

В подчинительных словосочетаниях компоненты соединяются на основе подчинительной связи (один компонент является главным, другой — зависимым), например: *дом отца, двухэтажный особняк, строить общежитие, строительство дороги, усердно трудиться, отдыхать по вечерам, научиться играть*.

Подчинительные словосочетания можно классифицировать:

1) по структуре, или по составу, т. е. по количеству компонентов. По этому признаку подчинительные словосочетания обычно подразделяются на п р о с т ы е, состоящие из двух компонентов — слов или их фразеологических эквивалентов (*здание университета, писать сочинение, трудиться с юных лет* и т. п.), и с л о ж н ы е, которые представляют собой «простое словосочетание, распространенное какими-либо знаменательными словами, относящимися обычно ко всему словосочетанию» (*наш близкий друг, близкий друг Пушкина* и т. п.) [СЛТ-А, с. 368].

Иногда выделяют к о м б и н и р о в а н н ы е словосочетания, в которых зависимое слово «одновременно само является стержневым словом какого-то простого (или сложного) словосочетания: *увлечённо читать интересную книгу, три ледяных глыбы, лечь на диван с книгой отдохнуть часок после работы*» [РГ, т. 2, с. 82];

2) по наличию/отсутствию предлога. По этому признаку различаются словосочетания п р е д л о ж н ы е (*полёт к Луне, сердитый на всех, поверить на слово, отдыхать по вечерам, наедине с собой* и т. п.) и б е с п р е д л о ж н ы е (*новый дом, строительство дороги, два студента, читать книгу, стать учёным* и т. п.);

3) по главному (стержневому) слову, по его принадлежности к определенной части речи. По этому признаку различаются словосочетания с у б с т а н т и в н ы е — главным словом является существительное (*строительство дома, желание победить, интересное сообщение, дом у дороги, прогулка по лесу* и т. п.); а д ъ е к т и в н ы е, в которых

главное слово — прилагательное (*достойный похвалы, готовый к сражению, хорошо известный* и т. п.); к в а н т и т а т и в н ы е, в которых главное слово — числительное (*три танкиста, пятый этаж* и т. п.); м е с т о и м ё н н ы е, в которых главное слово — местоимение (*кто-то из ребят, что-то неожиданное* и т. п.); г л а г о л ь н ы е, в которых главное слово — глагол (*сообщить новость, стоять у ворот, предложить сесть, говорить шёпотом* и т. п.), и н а р е ч н ы е, в которых главное слово — наречие (*чрезвычайно интересно, вдали от родины* и т. п.). Субстантивные, адъективные, квантитативные и местоимённые подчинительные словосочетания иногда объединяют в одну общую группу и м е н н ы х словосочетаний;

4) по виду синтаксической связи компонентов. По этому признаку различаются словосочетания, компоненты которых связаны отношениями согласования, управления или примыкания, а также согласования и управления одновременно¹.

Предложение

Понятие предложения

§ 233. Центральным понятием синтаксиса, его главной единицей многие языковеды считают предложение, которое рассматривается как «основная ячейка, в которой формируется и выражается человеческая мысль и с помощью которой осуществляется речевое общение людей» [Маслов, 1987, с. 168].

Некоторые лингвисты такой единицей считают простое предложение, которое «представляет собой элементарную предназначенную для передачи относительно законченной информации единицу». При этом обращается внимание на то, что «простое предложение является основной единицей, участвующей в формировании сложного предложения, а также любого развернутого текста. Простое предложение... является тем построением, в котором прежде всего находят свое конструктивное применение словосочетание и форма слова» [РГ, т. 2, с. 7].

¹ Подробнее о классификации подчинительных словосочетаний см.: Грамматика, 1954, ч. 1, с. 115; Грамматика, 1970, с. 536; РГ, т. 2, с. 79; СЛТ-РТ, с. 379.

В языкознании нет общепринятого понимания предложения как основной синтаксической единицы языка: по некоторым данным, насчитывается свыше 250 определений данного понятия [см.: СЛТ-РТ, с. 283]. В отечественном языкознании предложение традиционно определяется как синтаксическая единица языка/речи, отрезок речи, звуковая последовательность, выражающая законченную (относительно законченную) мысль.

Ср.: предложение — это «целостное, грамматически оформленное, интонационно законченное выражение мысли, чувства и воли в целях общения с другими людьми» [Совр. рус. яз., 1957, с. 9];

это «минимальная единица человеческой речи, представляющая собой грамматически организованное соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой и интонационной законченностью» [СЛТ-РТ, с. 283];

предложение «выражает отдельную мысль, т. е. такую, которая формально отделена от соседних с ней мыслей и может быть самостоятельно передана за один акт коммуникации» [Головин, 1983, с. 139].

Предлагаются и иные определения понятия предложения. Для Н. Ю. Шведовой предложение — это «одна из основных грамматических категорий синтаксиса, противопоставленная в его системе слову (и словоформе) и словосочетанию по формам, значениям и функциям (назначениям)» [РЯЭ-К, с. 371].

В. В. Виноградов определяет предложение как «грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Грамматика, 1954, ч. 1, с. 65]. Это определение часто используется (с некоторыми уточнениями) в словарях лингвистических терминов и даже в толковых словарях русского языка.

Основными признаками предложения считаются предикативность и интонация, которыми предложения отличаются от всех остальных языковых единиц — слов, словосочетаний и др. Эти признаки характерны для всех без исключения предложений.

Предикативность определяется как «грамматическая (синтаксическая) категория, формирующая основную единицу синтаксиса — предложение, устанавливая соотнесенность

сообщаемого с действительностью» [РЯЭ-К, с. 367]. Носителем предикативности в двусоставном предложении является сказуемое, в односоставном — главный член предложения. Предикативность обычно выражается такими грамматическими средствами, как глагольные формы времени (они указывают на то, в каком временном плане осознается выраженное предложением содержание), формы лица (показывают, к какому из трех лиц относится обозначенное в предложении действие или состояние), формы наклонения глагола (показывают отношение выраженного в предложении процесса к действительности).

Важным средством формирования предложения/высказывания, определения его смысловой характеристики, различения его значений служит интонация. Она выполняет в предложении ряд функций: оформляет предложение как отдельную языковую единицу, различает предложения по цели высказывания — повествовательные, вопросительные и побудительные; выделяет части высказывания, различающиеся по важности, смыслу; выражает те или иные эмоции; выявляет подтекст высказывания и т. д. Интонация может использоваться в качестве единственного средства различения грамматических значений предложения (ср., например, понижение тона при утверждении, повышение — при вопросе).

Понятие предложения соотносится с понятием логического суждения: логическое суждение строится в виде предложения. Однако полного соответствия между предложением и суждением нет: многие предложения (например, вопросительные, побудительные) не выражают логического суждения [см. § 8, 9].

Как и единицы других языковых уровней, предложение может рассматриваться в разных аспектах — как единица языка и как единица речи. Предложением как единицей языка (или собственно предложением) является структурная схема (модель), по которой строятся конкретные высказывания. Структурная схема предложения называется также его грамматической формой, организуется «сочетаниями форм слов в их отношении друг к другу, сочетаниями знаменательных слов со служебными словами» [РЯЭ-Ф, с. 59].

Под предложением как единицей речи понимается конкретное высказывание, которое представляет собой отдельную слово-

форму или совокупность словоформ, оформленную по законам данного языка, в соответствии с определенной структурной схемой (моделью) предложения. Например, в русском языке модель простого нераспространенного предложения, включающего подлежащее, выраженное формой именительного падежа имени, и сказуемое, выраженное личной формой глагола, представлена множеством высказываний; ср.: *Ребёнок отдыхает; Балерина танцует; Народ торжествует; Солнце всходит; Зима приближается* и т. п. [подробнее см.: РГ, т. 2, с. 7, 83, 419; ЛЭС, с. 395; РЯЭ-К, с. 79, 390].

Члены предложения

§ 234. В грамматических описаниях рассматривается в основном структура предложения как единицы языка. Иначе говоря, грамматика как раздел языкознания, а точнее — синтаксис как раздел (подраздел) грамматики, изучает грамматические формы (структурные схемы, или модели) предложения, основными компонентами которого являются члены предложения. Под членами предложения понимаются его компоненты, выраженные полными словами/словоформами или сочетаниями слов/словоформ и выполняющие в предложении определенные грамматические (синтаксические) функции [см.: Будагов, 1965, с. 285; Грамматика, 1954, ч. 1, с. 88; РЯЭ-К, с. 629 и др.]¹.

В зависимости от того, какую функцию выполняют члены предложения, они делятся на главные и второстепенные. Главные члены предложения, к которым относятся подлежащее и сказуемое, являются организующим центром предложения, они «определяют формально-грамматическую организацию предложения», «организуют минимальную основу предложения» [ЛЭС, с. 584; РЯЭ-К, с. 630]. Второстепенные члены предложения — дополнение, определение и обстоятельства (места, времени, образа действия, причины, цели, условия, уступки и др.) — являются распространяющими, служат «для пояснения, уточнения, дополнения значений господствующих слов» [СЛТ-РТ, с. 61].

¹ Некоторые современные лингвисты не считают члены предложения особой грамматической категорией и при объяснении предложения, его структуры обходятся без понятия члена предложения.

По главным членам определяются основные составляющие предложения, так называемые состав подлежащего и состав сказуемого, которые образуют предикативную (грамматическую) основу предложения. Подлежащее является грамматически опорным компонентом состава подлежащего. Сказуемое — это опорный компонент состава сказуемого. В состав сказуемого могут входить дополнение и обстоятельство. Определения могут относиться к любому члену предложения, выраженному существительным.

Кроме традиционно различаемых членов, в составе предложения может выделяться и такой член, который относится ко всему составу предложения, распространяя данное предложение в целом. Такой член предложения называют *детерминирующим* членом предложения или *детерминантом* (от лат. *dētermināre* — ‘ограничивать, определять’). В русском языке в качестве детерминанта используются, например, падежные формы имен, наречия, деепричастия (деепричастие может употребляться в сочетании с относящимися к нему словоформами), сравнительные обороты с союзами *как*, *как будто*, *словно*, *подобно* и др. Например: **Сотнями** олени уходят в тундру; **В деревне** ни единого огонька; **Дома** никаких событий; **Стоя** писать письмо трудно; **Подобно метеориту**, космический корабль может сгореть [см.: РГ, т. 2, с. 149].

Ко всему предложению в целом относятся также некоторые его компоненты, членами предложения не являющиеся, — вводные слова, обращение.

Классификация предложений

§ 235. Предложения очень разнообразны по грамматической (синтаксической) структуре. Так как они могут классифицироваться по многим конкретным признакам, существуют разные их классификации¹.

В зависимости от состава и количества членов предложения в русском языкознании предложения делятся прежде всего на простые и сложные. Простое предложение содержит

¹ Вопросы классификации предложений, их типологии подробно освещаются в курсе современного русского языка и в научной литературе по синтаксису. В курсе «Введение в языкознание» можно ограничиться одной из возможных классификаций, рассмотрев ее в виде общей схемы.

одну предикативную (грамматическую) основу, или одну предикативную единицу, т. е. один или два грамматических состава [см.: Валгина и др., с. 310; РЯЭ-К, с. 266, 390].

Ср.: простое предложение — это «предложение, имеющее в своем составе одну предикативную единицу, т. е. не делимое на части, которые в свою очередь образовали бы предложение» [СЛТ-РТ, с. 315].

Классифицируются простые предложения в зависимости от количества главных членов (по этому признаку различаются предложения односоставные и двусоставные), от наличия/отсутствия второстепенных членов (различаются предложения распространенные и нераспространенные), по цели высказывания (различаются предложения повествовательные, вопросительные и побудительные)¹.

Простые предложения, входящие в состав сложного, могут объединяться в единое целое союзами (сочинительными и подчинительными), союзными (относительными) словами, а также бессоюзной связью.

Сложное предложение содержит две или более предикативные (грамматические) основы, или предикативные единицы, т. е. состоит из двух и более простых предложений.

Ср.: сложное предложение — это «предложение, имеющее в своем составе два или несколько простых предложений, образующих в смысловом и интонационном отношении единое целое» [Совр. рус. яз., 1957, с. 342];

это «предложение, состоящее из двух или нескольких частей, по форме однотипных с простыми предложениями, но образующее единое смысловое, конструктивное и интонационное целое» [СЛТ-РТ, с. 384].

При таком понимании сложного предложения иногда обращается внимание на то, что отдельные его части (или одна из них) по своей формальной структуре могут не соответствовать простому предложению, иметь «такую формальную организацию, которая простому предложению не свойственна» [ЛЭС,

¹ Побудительные предложения не следует смешивать с восклицательными. Восклицательным может быть любое предложение, в котором выражается эмоциональное отношение говорящего к действительности.

с. 395]. Это относится к придаточным частям в составе сложно-подчиненного предложения.

Сложные предложения классифицируются прежде всего в зависимости от характера (типа) связи между составляющими их частями, которая может быть сочинительной или подчинительной. По этому признаку различаются предложения сложносочиненные и сложноподчиненные.

Сложносочиненные предложения (они состоят из формально независимых частей, которые связаны между собой сочинительными союзами) различаются по характеру смысловых отношений между компонентами. Смысловые отношения выражаются союзами разных семантических групп. По этому признаку сложносочиненные предложения делятся на соединительные (т. е. предложения с союзами *и, и...и, ни...ни* и др.), противительные (с союзами *а, но, же, зато, однако* и др.), разделительные (с союзами *или, либо, ли...ли, то...то, то ли...то ли* и др.), пояснительные (с союзами *именно, то есть, как то* и др.) и присоединительные (с союзами *тоже, также, а также, да и* и др.).

Среди сложноподчиненных предложений (они содержат главную и придаточные части, соединенные подчинительными союзами, союзными словами или бессоюзной связью) по смысловым отношениям между частями, по семантике придаточных частей традиционно различаются предложения с придаточными времени, места, образа действия, цели, причины, следствия, определительные, изъяснительные, условные, уступительные и др.

Сложноподчиненные предложения можно классифицировать также в зависимости от средства связи между частями. По этому признаку они делятся на союзные (части объединяются подчинительными союзами или союзными словами) и бессоюзные (части объединяются бессоюзной связью).

В одном сложном предложении могут совмещаться признаки предложений сложносочиненного и сложноподчиненного, т. е. существуют сложные предложения с отношениями сочинения и подчинения.

Рассмотренные принципы классификации предложений используются в грамматических описаниях многих языков, прежде всего индоевропейских.

Порядок слов в предложении

§ 236. Предложения разных типов могут различаться порядком слов, что связано с содержанием и структурой предложения, количеством его членов и способом их выражения. Под порядком слов понимается последовательность расположения в предложении слов/словоформ и выраженных ими членов предложения.

Ср.: порядок слов — это «расположение членов предложения в отношении друг друга» [Грамматика, 1954, ч. 1, с. 660];

это «определенное расположение слов в предложении или синтаксической группе» [ЛЭС, с. 388];

это «линейная последовательность синтаксических компонентов предложения» [РЯЭ-К, с. 354].

Различается несколько структурных типов порядка слов, например:

1) свободный — члены предложения могут занимать разные места по отношению к другим членам;

2) связанный (или фиксированный) — каждый член предложения располагается или предпочтительно употребляется в строго определенном месте по отношению к другим членам.

В сочетаниях определения с определяемым словом различаются:

1) прогрессивный порядок слов (или последовательный) — определяемое слово располагается перед определяющим (например: *масло сливочное, деревья хвойные и лиственные, стихотворение Пушкина*);

2) регрессивный порядок слов — определяемое слово располагается после определяющего (например: *сливочное масло, хвойные и лиственные деревья, гвардии майор*).

В разных языках порядок слов в предложении проявляется по-своему: одним языкам свойствен свободный порядок слов, другим — фиксированный. При этом строгое разграничение языков по данному признаку невозможно, так как высказывается мнение, что «нет ни одного языка, в котором порядок слов был бы абсолютно свободным, но также нет языка, в котором порядок слов был бы совершенно связан»

[Вандриес, с. 137]. Очевидно, в каждом языке имеются определенные закономерности расположения слов в предложении и в то же время допускаются те или иные «вольности» в отношении словопорядка.

Языками со свободным порядком слов считаются русский и многие другие славянские языки, а также литовский, латышский, финский, испанский, латинский, греческий и др. В каждом из этих языков можно обнаружить определенные закономерности расположения слов в предложении. Например, в русском языке в простом нераспространенном двусоставном повествовательном предложении обнаруживается тенденция к постановке подлежащего на первое место, перед сказуемым. В простом распространенном двусоставном предложении дополнение обычно располагается после сказуемого, согласованное определение — перед определяемым словом, несогласованное определение — после определяемого слова, обстоятельства места и времени — перед членом предложения, к которому они относятся, и т. д.

При наличии в предложении однородных членов они иногда располагаются с учетом таких факторов, как последовательность обозначаемых ими процессов или событий, важность предмета, процесса, признака, обозначаемого словами в роли того или иного члена предложения, и др. Ср.: *Я простился и пошёл домой* (ч.); *Для Андрея лейтенант Юргин всегда был командиром и другом, теперь стал другом и командиром* (Буб.); *Туристы посетили ряд городов: Москву, Петербург, Нижний Новгород.*

Некоторые из названных закономерностей характерны для многих языков со свободным порядком слов. Например, постановка дополнения после сказуемого в простом повествовательном предложении наблюдается в ряде славянских языков, в литовском, греческом и других языках. В то же время в некоторых языках, характеризующихся свободным порядком слов, члены предложения располагаются в иной последовательности. Так, в балтийских языках любое определение — не только согласованное, но и несогласованное — употребляется перед определяемым словом (ср.: лит. *pauja knyga* — ‘новая книга’ и *draugo knyga* — ‘книга друга’). В литовском языке, например, несогласованное определение может иногда располагаться и после определяемого слова, но в таких случаях оно выражает другое значе-

ние; ср.: *butelis kefiro* ('бутылка кефира') — *kefiro butelis* ('бутылка из-под кефира'), *maišas cukraus* ('мешок сахара') — *cukraus maišas* ('мешок из-под сахара'). Отличительной особенностью порядка слов в латинском языке является постановка глагола в конце предложения.

К языкам со связанным порядком слов можно отнести такие, как английский, немецкий, болгарский, китайский и др. В английском языке, например, в простом предложении на первом месте употребляется подлежащее, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение, на четвертом — обстоятельство. Тенденция к фиксированному порядку слов характерна для современного французского языка, для новых индоиранских (или арийских) языков и т. д.

Принцип расположения слов в предложении может выполнять разные функции: грамматические, семантические и стилистические. В языках с фиксированным порядком слов он используется, например, для обозначения грамматической формы слова и его синтаксической функции. В ряде случаев подобную функцию он выполняет и в языках со свободным порядком слов (ср.: *Мать встретила дочь.* — *Дочь встретила мать*). При актуальном членении предложения порядок слов служит одним из важнейших средств разграничения темы и ремы [см. § 238]. В сочетании существительного с количественным числительным с помощью порядка слов выражается значение приблизительности (ср.: *На этом можно сэкономить сто рублей.* — *Можно сэкономить рублей сто*).

Порядок слов в предложении может служить средством различения речевых стилей и жанров. Значительной свободой порядка слов характеризуется, например, устная разговорная речь. Нарушение обычного порядка слов (обратный порядок, или инверсия) в художественной литературе, особенно в поэтической речи, может служить одним из художественно-выразительных средств.

Семантика предложения

§ 237. В последние десятилетия в языкознании много внимания уделяется семантической характеристике предложения, объяснению его семантической структуры.

Ср.: «В славянском языкознании... предложение все более активно изучается не только со стороны его формальной устро-

енности, но и со стороны “смысловой формы”, организации информативного содержания <...>. Сознание необходимости анализа информативной стороны предложения составляет характерную черту современной синтаксической науки, противопоставляющую ее науке прошлого» [Белошапкова, с. 117—118].

При изучении предложения «с информативной стороны», т. е. в семантическом аспекте, различаются грамматическое и вещественное значения предложения и, следовательно, структура его грамматического и вещественного значения.

Грамматическим значением предложения (собственно грамматическим) называется абстрактное значение предложения, выраженное разными его компонентами (членами), в отвлечении от лексических значений слов/словоформ, выпадающих в роли членов предложения.

Семантической структурой предложения (точнее — его грамматическим значением) называют «обобщенное типовое информативное содержание, свойственное не одному отдельному предложению как единице речи, а обширному классу однородных предложений» [Белошапкова, с. 118].

Основными, типизированными элементами грамматического значения предложения, т. е. его «типового информативного содержания», считаются: 1) предикативный признак, или предикативность; 2) субъект, производитель действия, т. е. носитель предикативного признака; 3) объект, т. е. предмет, на который направлено действие, производимое субъектом [см.: РГ, т. 2, с. 87, 124].

В качестве примеров грамматических значений предложения можно привести такие: ‘субъект и осуществляемое им действие (в широком смысле)’, или ‘отношение между субъектом и осуществляемым им действием’ (*Иван читает; Сестра пишет; Бабушка вяжет* и т. п.); ‘субъект и осуществляемое им действие, направленное на тот или иной объект’, или ‘воздействие одного предмета на другой’ (*Иван читает книгу; Сестра пишет письмо; Бабушка вяжет шарф* и т. п.).

Структура грамматического значения предложения может быть определена как взаимоотношение между грамматическими значениями отдельных членов предложения,

т. е. как отношения между компонентами грамматического значения предложения, выраженными его членами.

По определению Н. Ю. Шведовой, «семантическая структура предложения [имеется в виду структура грамматического значения предложения. — В. Н.] — это его абстрактное языковое значение, представляющее собою о т н о ш е н и е [выделено нами. — В. Н.] семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения» [РГ, т. 2, с. 87].

Грамматическое значение предложения выводится путем обобщения вещественных значений конкретных высказываний определенного типа. Под вещественным значением предложения/высказывания понимается его информативное содержание, представленное лексическими значениями конкретных слов, составляющих предложение и выполняющих функции разных его членов.

§ 238. В рамках вещественного значения предложения/высказывания обычно выделяется его актуальное содержание (актуальная информация). Иначе говоря, вещественное значение предложения может состоять из двух частей, одна из которых представляет собой исходную информацию, т. е. информацию о том, «что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий» [ЛЭС, с. 23], а другая — новую, актуальную для данного сообщения информацию, т. е. то, что сообщается на основе исходной информации. Например, в предложении *После проливного дождя выглянуло солнце* новая, актуальная информация выражена словами *выглянуло солнце*; остальная часть предложения (*после проливного дождя*) содержит исходную информацию, выражает то, что в данной контекстной ситуации уже известно.

Ср.: «Актуальная информация есть как бы тот угол зрения, под которым подается вещественная информация, то, без чего сама вещественная информация теряет свою целенаправленность». Иначе говоря, «только ради сообщения об этой еще неизвестной стороне факта и реализуется данное высказывание» [Маслов, 1987, с. 183].

В соответствии с тем, что было сказано о вещественном значении предложения, осуществляется смысловое деление предложения на тему и рему, называемое актуальным (или коммуникативным) членением предложения. Актуальное членение предложения определяется как «членение предложения в контексте на исходную часть сообщения — тему (данное) и на то, что утверждается о ней — рему (новое)» [ЛЭС, с. 22].

Основные элементы актуального членения предложения — это «исходная точка (или основа) высказывания, т. е. то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [Матезиус, с. 239].

Под темой (от греч. *thema* — ‘установленное положение’) понимается часть предложения/сообщения, которая выражает исходную информацию, то, что известно по предыдущему тексту или по общей речевой ситуации.

Рёмой (от греч. *rhēma* — ‘событие; речь, сказанное’) называется та часть предложения, в которой содержится новая информация; это информация о том, что сообщается на основе исходной информации, что еще неизвестно читателю/слушателю [см.: РГ, т. 2, с. 191].

В лингвистической литературе термины «тема» и «рема» (как и их синонимы — «основа высказывания» и «ядро высказывания») часто используются для обозначения соответствующих частей вещественного значения предложения [см.: Маслов, 1987, с. 183]. Более правильным, однако, следует признать использование этих терминов в качестве названий частей предложения с соответствующими значениями [см.: РГ, т. 2, с. 191; ЛЭС, с. 23], поскольку речь идет об актуальном членении предложения, а не его значения.

Основным средством разграничения темы и ремы является порядок следования частей предложения/высказывания: тема располагается в начале предложения, рема — в его конце. В сложноподчиненном предложении, например, придаточная часть располагается на первом месте, когда она является темой (**Что без посторонней помощи нам не обойтись, совершенно ясно**), и на последнем — когда явля-

ется ремой (*Совершенно ясно, что без посторонней помощи нам не обойтись*). В простом предложении рема выделяется постановкой того или иного члена предложения на последнем месте (ср.: *Сегодня Наташа пойдёт в театр* — не в кино, на концерт или в гости; *Сегодня в театр пойдёт Наташа* — не Катя, Надя или кто-либо другой; *Наташа пойдёт в театр сегодня* — не завтра, послезавтра и не в какой-либо другой день; *Наташа сегодня в театр пойдёт* — не поедет на трамвае или троллейбусе и т. д.).

Ср.: «Динамическое единство связного текста обеспечивается поступательным движением в нем информации. Предложения... располагают свои компоненты так, чтобы информация развивалась последовательно от данного, известного (с точки зрения говорящего...) к новому, неизвестному» [Золотова и др., с. 378].

Важными средствами распознавания темы и ремы в устной речи являются л о г и ч е с к о е у д а р е н и е, которое падает на рему, и и н т о н а ц и я: на теме голос повышается, а на реме — понижается [см.: Маслов, 1987, с. 183; РЯЭ-К, с. 22, 390].

Нередко в высказывании используются и другие средства различения темы и ремы, в частности лексические. Так, рема может выделяться с помощью усилительных частиц *даже, именно, только*. Ср.: *Неаполь, Сорренто хороши т о л ь к о на короткое время. И и м е н н о там особенно живо вспоминается Россия, и и м е н н о деревня* (Л. Т.). Одна и та же частица может употребляться при любом члене предложения, выделяя его в качестве ремы, например: *Даже я не разговаривал с Иваном на эту тему; Я даже не разговаривал с Иваном на эту тему; Я не разговаривал даже с Иваном на эту тему; Я не разговаривал с Иваном даже на эту тему*.

В некоторых языках тема и рема различаются с помощью артикля: тема характеризуется наличием определенного артикля, рема — неопределенного артикля.

Не всякое предложение поддается актуальному членению. Так, не делятся на тему и рему односоставные предложения и некоторые двусоставные предложения (например, предложения со значением констатации факта типа *Наступила весна; Гром гремит; Пора домой*).

Формы существования и разновидности языка

ЯЗЫК И РЕЧЬ

§ 239. Термин «язык», как и многие другие лингвистические термины, неоднозначен. В терминологических словарях указывается от двух до шести значений данного термина [см.: СЛТ-РТ, с. 493; СЛТ-А, с. 533]. Несколько значений и ряд оттенков значений для слова «язык» как лингвистического термина указывается также в толковых словарях современного русского языка.

При определении языка как системы знаков особого рода термин «язык» используется в одном значении — ‘важнейшее средство общения людей’. Это же значение он выражает и в таких словосочетаниях, как, например, «старославянский язык», «современный русский язык», «английский язык».

Близкое значение он имеет в выражениях типа «естественный язык», «искусственный язык», «международный язык», «язык глухонемых», «язык жестов».

Слово «язык» широко употребляется в составе разных словосочетаний, где оно приобретает совсем другой смысл, например: «литературный язык», «разговорный язык», «официально-деловой язык», «язык художественной литературы», «язык Пушкина», «язык сатиры Салтыкова-Щедрина», «язык рассказов Чехова», «язык романа Л. Н. Толстого “Война и мир”», «язык молодежи». Подобные выражения используются (или могут быть использованы) по отношению к одному и тому же языку, в данном случае к русскому языку. Может сложиться впечатление, что говорящие по-русски пользуются не одним, а разными языками. В действительности же речь идет об известных видоизменениях одного общенародного языка, а точнее — о разновидностях речи, в которой используются разные средства данного языка.

В известной мере это отражается и в лингвистической терминологии, что проявляется в использовании таких состав-

ных терминов, как «литературная речь», «разговорная речь», «художественная речь», «поэтическая речь», «деловая речь», «речь школьников» и др. Многие из этих терминов обозначают разновидности речи, которые обычно называются стилями языка или стилями речи (функциональными либо индивидуальными).

Ср. объяснение одного из значений слова «язык» в терминологическом словаре: «То же, что стиль». Данное объяснение сопровождается следующими иллюстративными примерами: «Язык автора. Язык административный (язык канцелярский). Язык газетный (язык газеты). Язык деловой. Язык книжный. Язык научный. Язык официальный. Язык повседневный. Язык прессы. Язык произведения. Язык профессиональный. Язык разговорный» [СЛТ-А, с. 534].

Речь во всех ее разновидностях рассматривается как одна из форм существования языка. Таким образом, различаются две основные формы существования языка — собственно язык и речь. В обеих формах язык функционирует в разных видоизменениях, которые характеризуются своими специфическими особенностями.

§ 240. Проблема разграничения языка (собственно языка) и речи привлекала внимание лингвистов с начала XIX в. Ею занимались такие известные ученые, как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба и др.

Основное различие между рассматриваемыми явлениями состоит в том, что язык представляет собой «реально существующую знаковую систему, используемую в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве», т. е. своего рода код, а речь — это «воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» [ЛЭС, с. 604, 414].

Термин «речь», как и термин «язык», неоднозначен. Под речью понимается, прежде всего, процесс говорения, или, по определению Н. Д. Арутюновой, «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую... или письменную форму» [Там же, с. 414]. Иными словами, речь — это «деятельность говорящего, применяющего язык для

взаимодействия с другими членами данного языкового коллектива; употребление (использование) разнообразных средств языка для передачи сложного содержания» [СЛТ-А, с. 386].

Речь в данном значении термина называют также речевой деятельностью. Под речевой деятельностью понимается как устная речь, так и письменная. В данное понятие иногда включается и внутренняя речь, т. е. мышление, осуществляемое «про себя». Кроме того, речью называется результат процесса говорения, т. е. «речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом» [ЛЭС, с. 414]. Еще в античности речь называли «потоком... звуков, идущим из души через уста» [Платон, с. 392].

Итак, различаются два основных значения термина «речь»: ‘процесс говорения, речевая деятельность, осуществляемая в устной (звуковой) или письменной форме’ и ‘результат этой деятельности в виде речевых произведений’. В связи с этим некоторые ученые (В. Гумбольдт, Л. В. Щерба и др.) говорят о трех аспектах языка. Щерба, например, различает просто язык (или языковую систему), куда включаются словарь и грамматика языка; речевую деятельность, т. е. процессы говорения и понимания, осуществляемые психофизиологическими механизмами человека, и языковой материал, т. е. речевые произведения (или «языковые величины»), которые «в непосредственном опыте нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания» [Щерба, 1974, с. 24—25].

Собственно языку (языковой системе) обычно противопоставляется речь как речевые произведения, т. е. как результат процесса говорения, речевой деятельности. Иначе говоря, если речь — это языковая система в действии, т. е. система языковых единиц, языковых средств, применяемая говорящими для выражения определенного содержания, то собственно язык — это та же языковая система в отвлечении от конкретного применения.

Эта мысль четко сформулирована в работах Б. Н. Головина: «Введением в науку термина “речь” признается тот очевидный факт, что общее (язык) и частное (речь) едины и вместе с тем различны. Средства общения, взятые в отвлечении от какого бы то ни было конкретного их применения, мы называем языком.

Те же самые средства общения, конкретно примененные, т. е. вступившие в связь с конкретным содержанием (мыслями, чувствами, настроениями человека), мы называем речью. Средства общения в возможности (потенции) — язык. Те же средства в действии (реализации) — речь. Общее (язык) выражается и осуществляется в частном (речь). Отдельное, частное (речь) — это одна из многих конкретных форм общего (языка)» [Головин, 1983, с. 21].

Ср. также: «В языке — “набор” единиц общения и система “правил” их применения; в речи — “выбор” из этого “набора” и реализация “правил”. В речи выбранные единицы общения организуются в последовательность, в цепь по “правилам” языка и в соответствии с требованиями выражаемой информации» [Березин, Головин, с. 21].

Ю. С. Маслов удачно иллюстрирует соотношение языка и речи конкретными фактами из области грамматики и лексики: «Язык и речь нужно различать так же, как мы различаем правило грамматики и примеры на это правило, или слово в словаре и бесчисленные случаи употребления этого слова в разных текстах, с разными оттенками значения» [Маслов, 1975, с. 9].

Понятие речи (как результата речевой деятельности) иногда противопоставляется понятию текста. Под текстом понимается последовательность речевых единиц (высказываний, абзацев, разделов и т. д.), объединенная смысловой связью, или «объединенная смысловой связью последовательность языковых единиц, основными свойствами которой является связность и цельность» [ЛЭС, с. 507].

Однако, как представляется, речи также свойственны «связность и цельность», в ней языковые единицы тоже «объединяются смысловой связью». Таким образом, различия между понятиями речи и текста весьма относительны, практически они отсутствуют. Не случайно по отношению к речи (равно как и к тексту) используются такие выражения, как «речевой материал», «речевое произведение». Термины «речь» и «текст» нередко становятся абсолютными синонимами [см. там же, с. 415], а обозначаемые этими терминами понятия иногда отождествляются.

Ср.: «Речь может рассматриваться в статическом аспекте как текст и в динамическом аспекте как речевая деятельность» [РЯЭ-Ф, с. 410].

Когда утверждается, что «в речевом акте создается текст», имеется в виду «не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (все равно — записанное или только произнесенное) “речевое произведение”, т. е. высказывание или ряд высказываний». И далее: «Соответственно понятию “внутренней речи” можно говорить о “внутреннем тексте”» [Маслов, 1975, с. 7].

Во всяком случае, нет оснований оспаривать утверждение о том, что «текст и речь оказываются терминами и понятиями неразмежеванными» [Березин, Головин, с. 19]. Показательно в этом отношении такое определение термина «текст»: «1. То же, что произведение речи... 2. Произведение речи, зафиксированное на письме» [СЛТ-А, с. 470].

Говоря о соотношении речи и языка как системы языковых единиц, средств общения, необходимо отметить, что многие ученые противопоставляют язык и речь друг другу, рассматривают их как разные явления. Другие ученые, наоборот, говорят о единстве языка и речи, определяя их как разные аспекты одного и того же явления.

Ср.: «В каких бы формах мы ни представляли двойственность объекта лингвистики [язык и речь. — В. Н.], совершенно очевидно, что мы имеем дело с двумя разными явлениями — как бы они ни были связаны и в каких бы отношениях они ни находились» [Звегинцев, 1976, с. 11];

«язык действительно и полностью существует в речи... и реальное звучание речи, ее звуковая материя принадлежит языку, составляет его “природную материю”, без которой он не может быть самим собой, т. е. специфическим общественным явлением — важнейшим средством общения» [Смирницкий, 1954а, с. 29].

Аналогичная мысль четко сформулирована Н. Д. Арутюновой: «Речь и язык (система языка) в совокупности образуют единый феномен языка. Речь есть воплощение, реализация языка (системы языка), который обнаруживает себя только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» [РЯЭ-Ф, с. 255].

По определению Т. П. Ломтева, «язык и речь — не разные явления, а разные стороны одного явления» [Ломтев, 1976, с. 60].

Более убедительным представляется утверждение, что язык и речь представляют собой разные аспекты одного и того же явления.

§ 241. Различия между собственно языком и речью проявляются прежде всего в том, что речь по природе своей материальна, воспринимается чувственно, обычно на слух или зрительно, в то время как язык (языковая система) носит абстрактный характер, «включает в себя абстрактные аналоги единиц речи, образуемые их различительными и общими (интегральными) признаками» [РЯЭ-Ф, с. 255].

Некоторые ученые противопоставляют язык и речь как явления социальное и индивидуальное. Например, Ф. де Соссюр, впервые четко разграничивший рассматриваемые явления, социальным считал лишь язык как систему; в речи же он видел индивидуальное проявление языка как социального явления [см.: Соссюр, 1977, с. 52, 57].

В отечественном языкознании признается социальный характер как собственно языка, так и речи. При этом иногда подчеркивается, что «в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи», что «язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения» [Ломтев, 1976, с. 58].

Есть лингвисты, которые вообще оспаривают факт индивидуальности речи, утверждая, в частности, что «в речи индивида, понятной для адресата, нет и не должно быть ничего существенно индивидуального, что противоречило бы исторически сложившимся закономерностям данного языка. Появление существенно индивидуального в малой степени ведет к затруднению понимания, в большей степени — к полному непониманию» [Миллер, с. 44].

Думается все же, что нет достаточных оснований для полного отрицания индивидуальности речи. Индивидуальный характер речи проявляется, по крайней мере, в том, что она «всегда осуществляется определенным лицом, передающим в ней свои чувства и мысли, для выражения которых он по своему усмотрению выбирает слова и структуры предложения» [РЯЭ-Ф, с. 256]. На том же основании речь может рассматриваться как явление субъективное, в отличие от языка как явления объективного.

Существенные различия между языком как системой единиц общения и речью обнаруживаются в характере используемых в них единиц. Единицами языка считаются такие, которые хранятся в памяти говорящих и в процессе говорения воспроизводятся в готовом виде, а единицами речи — такие, которые в процессе общения создаются говорящими, производятся путем комбинирования готовых языковых единиц, хранящихся в памяти говорящих. На этом основании к единицам языка (собственно языка) обычно относят фонемы, морфемы и слова, а также устойчивые словосочетания, важнейшим признаком которых является «воспроизводимость в готовом виде» [Солнцев, 1971, с. 182].

Некоторые лингвисты к единицам языка относят наряду со словами и устойчивыми словосочетаниями грамматические формы слов (или «формы употребления слов в предложении») [см.: Смирницкий, 1954а, с. 16]. В таком случае к единицам речи относятся свободные сочетания слов и предложения, главная особенность которых состоит в том, что они являются «результатом свободного комбинирования единиц языка» [Солнцев, 1971, с. 145]¹.

Представляемые таким образом различия между единицами языка и единицами речи во многом условны. По всей вероятности, в речевом процессе создаются на базе хранящихся в памяти языковых единиц не только свободные сочетания слов и предложения, но и многие производные слова, прежде всего окказиональные образования, которые особенно часто употребляются в художественной речи. В качестве примера можно привести прилагательные с суффиксом *-ij- (-j-)*, несвойственные современному русскому литературному языку (отсутствуют в нормативных словарях), но довольно часто употребляющиеся в поэтической речи: *аврорий, атаманий, аулий, бонапартий, великаний, девий, зверий, индючий, карличий, ковылий, кочевничий, крабий, ку-*

¹ При разграничении единиц языка и единиц речи обращается внимание на то, что воспроизводиться в готовом виде могут и некоторые единицы речи, определенные речевые произведения, например, стихотворения при декламировании, пьесы в театральных постановках, формулировки математических теорем, физических законов, юридических положений и др., однако, в отличие от собственно речевых единиц, речевые произведения повторяются специально либо в силу стечения обстоятельств [см.: Смирницкий, 1954а, с. 20].

куший, куличий, ласточий, лошадий, любоежий, морковий, нерпий, овражий, океаний, партизаний, пассажирий, пичужий, сороконожий, турий и др. [см.: Стехин, с. 15]. Очевидно, то же самое можно сказать о грамматических формах слов, точнее — о словоформах, многие из которых, по-видимому, не воспроизводятся в готовом виде, а образуются в процессе речи (особенно при недостаточном владении языком). Высказывается, например, предположение, что многие словоформы «хранятся в человеческом мозгу в готовом виде, хотя наряду с этим могут быть и синтезированы» [Головастикова, с. 43].

О том, что грамматические формы слов могут производиться в процессе поэтического творчества, т. е. быть единицами речи (не собственно языка), наглядно свидетельствуют такие строки из стихотворения В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии»:

И ищешь
 мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
 склонений
 и спряжений.

Начнешь это
 слово
 в строчку всовывать,
а оно не лезет —
 нажал и сломал.

Разграничение собственно языковых и речевых единиц в зависимости от их способности/неспособности воспроизводиться в процессе общения кажется недостаточно обоснованным. Если язык и речь представляют собой две стороны одного и того же явления, то одни и те же единицы должны относиться и к языку, и к речи. На это, в частности, обращает внимание Т. П. Ломтев: «Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой — к речи» [Ломтев, 1976, с. 60]. В языковой системе они носят обобщенный, абстрактный характер, в речи же приобретают конкретное материальное (звуковое) выражение. Так, в русском языке гласная фонема, обозначаемая на письме буквой *о*, в речи может выступать в виде разных конкретных звуков, по-разному произноситься

в зависимости от места в слове по отношению к ударному слогу, к началу слова и др. (например, в разных слогах слов *дорогѳй*, *огород* и т. п.). Префиксальная морфема, которую условно можно обозначить звуко сочетанием *воз-*, в сочетании с разными корневыми морфемами различается по звуковому составу (ср.: *вознаградить*, *взорвать*, *возомнить*, *взрыхлить*, *восполнить*, *вскипеть*). Морфологически изменяемые слова (лексемы), представленные в системе языка как совокупности грамматических форм и значений, в разных случаях употребления в речи выступают в виде словоформ с тем или иным значением. Примерно то же самое можно сказать и о более сложных единицах, таких, как словосочетания, предложения. В языке они представлены в виде моделей, которые в речи заполняются конкретными словоформами.

Количество единиц в разных языках (языковых системах) так или иначе ограничено, хотя в процессе развития языка постоянно изменяется: по мере необходимости возникают новые единицы, а некоторые из существующих единиц выходят из употребления. Единицы языка с большей или меньшей полнотой учитываются и описываются в научной и учебной литературе, словарях, справочниках и т. д. Количество соотносительных с ними единиц речи фактически не ограничено, учет и исчерпывающее описание их практически невозможно. Это относится прежде всего к словосочетаниям и предложениям, которые свободно образуются в речи путем комбинирования разных слов.

ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЯЗЫКА, СВЯЗАННЫЕ С ВНУТРЕННИМ ЧЛЕНЕНИЕМ ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА

§ 242. Язык как важнейшее средство человеческого общения носит общенародный характер, является достоянием всех говорящих на данном языке людей. В то же время не все говорящие используют коммуникативную способность языка одинаково. Различия в использовании языковых средств разными людьми (или группами людей), говорящими на том или ином языке, во многом зависят от возрастных, социальных, профессиональных особеннос-

тей говорящих, их культурного и образовательного уровня и т. д.

Таким образом, один и тот же язык может выступать во многих разновидностях. Важнейшими из них, связанными с различиями среди говорящих на данном языке людей (или с внутренним членением языкового коллектива), являются три: литературный язык, просторечие и диалекты.

§ 243. В современном языкознании литературный язык определяется:

как «образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как “правильные” и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию» [СЛТ-А, с. 532];

как «форма общенародного языка, понимаемая говорящими на том или ином языке как образцовая» [РЯЭ-Ф, с. 131];

как «обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закреплёнными нормами» [Будагов, 1965, с. 418];

как «высшая форма национального языка, признак национальной самостоятельности, носитель и посредник культуры и цивилизации» [Скворцов, с. 116] или же, по определению В. В. Виноградова, как «высший нормированный тип общенародного языка».

Приведенные определения дают достаточно полное представление о содержании понятия «литературный язык», в них называются и в какой-то степени объясняются основные признаки литературного языка, по которым он отличается от просторечия, диалектов и других разновидностей общенародного языка.

Предлагаются и другие определения понятия «литературный язык», в которых подробно объясняются те или иные стороны этого понятия. Литературный язык определяют:

как «нормализованный язык, обслуживающий разнообразные культурные потребности народа, язык художественной литературы, публицистических произведений, периодической печати, радио, театра, науки, государственных учреждений, школы и т. д.» [СЛТ-РТ, с. 149];

как «исторически сложившуюся высшую (образцовую, обработанную) форму национального языка, обладающую богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структу-

рой, развитой системой стилей (подъязыков)» [Горбачевич, 1978, с. 36];

как «основную, наддиалектную форму существования языка, характеризующуюся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» [ЛЭС, с. 270].

Важнейшим отличительным признаком литературного языка является нормированность, т. е. соответствие языковых средств и правил их употребления общепринятым языковым нормам. Под языковыми (литературными) нормами понимаются прежде всего орфоэпические, грамматические и иные правила использования в речи языковых средств, принятые в общественно-речевой практике образованных людей [см.: РЯЭ-Ф, с. 163]. Норма — это «общественное установление, регламентирующее использование языковых средств в процессе речевого общения» [Бельчиков, с. 7]. Она предполагает использование в речи единственно возможных языковых единиц или выбор предпочтительных вариантов соответствующих языковых средств: слов, словоформ, синтаксических конструкций и др. Именно норма «является тем объединяющим и цементирующим звеном в сложной структуре литературного языка, которая придает ему характер упорядоченности, избирательности и общеобязательности» [Горбачевич, 1978, с. 36].

Говоря о нормированности как важнейшем признаке литературного языка, некоторые лингвисты обращают внимание на то, что наличие кодифицированных норм не является обязательным признаком литературного языка. Высказывается мнение о том, что становление таких норм относится лишь к поздним периодам истории литературного языка, что нормализационные процессы чаще всего происходят в эпоху формирования национальных языков.

По мнению многих ученых, языковые нормы не являются исключительной принадлежностью литературных языков. Диалекты и просторечие тоже имеют собственные нормы, которые распространяются на языковые средства разных уровней. Однако в отличие от норм литературных языков нормы диалектной речи и просторечия «оформляются» стихийно, естественным путем и не осознаются как обязательные [см.: Горбачевич, 1978, с. 37; Скворцов, с. 116; Томашевский, с. 326].

Спорным является вопрос о том, следует ли считать литературным язык, не имеющий письменности. Многие лингвисты утверждают, что литературный язык возможен только при наличии письменности. Более того, некоторые языковеды (например, Ю. А. Бельчиков) такой признак литературного языка, как возможность использования его в письменном виде, рассматривают в качестве важнейшего [см.: РЯЭ-Ф, с. 131]. Другие ученые допускают возможность существования бесписьменных литературных языков, полагая, что к литературным языкам ранней поры может быть отнесен, например, язык устной поэзии [см.: ЛЭС, с. 270].

Литературный язык, опирающийся на языковые нормы, является средством общения для всего исторически сложившегося коллектива людей, говорящих на данном языке. При этом он обслуживает все стороны жизни людей: их повседневную жизнь и разные сферы деятельности (производство, науку, культуру, литературу, образование, средства массовой информации, управленческую деятельность и др.).

§ 244. В силу исторических условий литературные языки некоторых народов получили распространение на территориях других стран, стали государственными языками проживающего там населения. Например, английский язык используется в качестве государственного языка в США, немецкий — в Австрии и Швейцарии, французский — в Бельгии, испанский — в Аргентине, Мексике, Чили, на Кубе, португальский — в Бразилии. С распространением на территории другого государства язык приобретает специфические особенности в области фонетики, лексики, грамматики и начинает восприниматься как особая разновидность соответствующего национального литературного языка. В современном языкознании такие разновидности литературных языков принято называть *в а р и а н т а м и* языка (или национальными вариантами языка).

Различия между вариантами литературного языка наиболее ярко проявляются в лексике. Варианты литературного языка обычно отличаются друг от друга тем, что в них одно и то же понятие может обозначаться разными словами. Так, в британском и американском вариантах английского языка по-разному называются, например, багаж, метро, железная

дорога. Бельгийский вариант французского языка характеризуется сохранением значительного количества архаизмов (утраченных в собственно французском литературном языке), использованием большого числа диалектизмов, наличием новых лексических единиц, отражающих развитие национальных особенностей народа Бельгии и национальной государственности.

В качестве национальных вариантов литературных языков нередко рассматриваются разновидности отдельных языков, функционирующих на территории одного государства. В частности, это касается речи русских, живущих в Российской Федерации или в республиках бывшего Советского Союза в условиях иноязычного окружения, а также русской речи людей, для которых русский язык не является родным. Однако вопрос этот спорный. Некоторые ученые категорически утверждают, что «нормы правильной речи, распространяемые печатью, радио и другими средствами массовой коммуникации, должны быть едиными для всех, кто пользуется русским языком» [Григорьев, Исаев, с. 15].

§ 245. Как разновидность общенародного языка просторечие находится на периферии литературного языка или же (как считают некоторые ученые) занимает промежуточное положение между литературным языком и диалектами. Иногда оно рассматривается как «одна из форм национального языка» или как один из «стилей литературной речи с присущим ему кругом особых форм, воспринимаемых на фоне других (книжных) стилей» [ЛЭС, с. 402; Сорокин, с. 136]. В отличие от литературного языка (литературной речи) просторечие используется только при неофициальном общении, «составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации — народно-разговорный язык», характеризуется «яркой экспрессивной окраской “сниженности”, грубоватости, фамильярности» [РЯЭ-Ф, с. 412; ЛЭС, с. 402]. В отличие от диалектов оно понятно всем членам данного языкового коллектива, всем носителям национального языка.

В просторечии представлены языковые единицы разных уровней, которые используются в разговорной речи и в художественной литературе «как средство социально-речевой

характеристики персонажей, для “сниженной” в экспрессивном плане характеристики лиц, предметов, событий» [ЛЭС, с. 402].

Особенно широко используются в просторечии специфические единицы лексики. В русском языке к просторечию относятся такие слова и выражения, как: *башка, дохлятина, забулдыга, лоботряс, морда, образина, пузо, рожа, замызганный, муторный, нахрапистый, втемяшиться, выпендриваться, драпать, дрыхнуть, дубасить, жрать, ложить, облапошить, окочуриться, оттяпать, рехнуться, смотаться, смыться, схапать, угробить, шарахнуть; мне без разницы; ему до лампочки* и т. п. Многие просторечные слова представляют собой производные образования, соотносительные с однокоренными общеупотребительными литературными словами: *ихний* (ср. *их*), *каковский* (ср. *какой*), *помереть* (ср. *умереть*), *пройтиться* (ср. *пройтись*), *беспрременно* (ср. *непрременно*), *вовнутрь* (ср. *внутри*), *завсегда* (ср. *всегда*), *напополам* (ср. *пополам*), *отродясь* (ср. *отроду*) и т. п.

Многие просторечные элементы отличаются от литературных эквивалентов фонетическим (фонематическим, акцентным) или грамматическим (морфологическим) оформлением, т. е. представляют собой фонематические или морфологические варианты соответствующих литературных слов/словоформ. Ср.: *тролебус* — *троллейбус*, *здесь* — *здесь*, *опосля* — *после*, *скрость* — *сквозь*, *туды* — *туда*; *доку́мент* — *докуме́нт*, *мага́зин* — *магазин*, *мо́лодежь* — *молодёжь*, *по́ртфель* — *портфе́ль*, *про́цент* — *проце́нт*, *све́кла* — *свёкла*, *средствá* — *сре́дства*, *хозяе́ва* — *хозя́ева*, *ходата́йство* — *ходатайство*, *инжене́ра* — *инжене́ры*, *офице́ра* — *офице́ры*; *делов* — *дел*, *местов* — *мест*, *сапогов* — *сапог*, *брою* — *брею*, *хочут* — *хотят*, *захочем* — *захотим* и т. п.

Нередко в качестве просторечных выступают не слова (лексемы) или словоформы, а лексико-семантические варианты общеупотребительных слов, например: *баба* — в значении ‘женщина’ или ‘замужняя женщина’, *крайний* — в значении ‘последний (в очереди)’, *зашиться* — в значении ‘не успеть что-либо сделать вовремя, к сроку’, *рубать* — в значении ‘есть много, энергично, с аппетитом’, *обратно* — в значении ‘опять’.

В рамках просторечия как особой разновидности общенародного языка иногда различаются литературное просторечие, использующее языковые средства, допускаемые «в художественной литературе и разговорной речи для создания непринужденного (иногда грубоватого) колорита повествования», и внелитературное просторечие, отражающее «те явления, которые не входят в литературный язык, принадлежат ненормированной речи», представляющее собой «язык той части населения, прежде всего городского, которая еще недостаточно овладела литературными языковыми нормами» [Горбачевич, 1971, с. 23; Филин, 1974, с. 115]¹.

§ 246. Литературному языку и просторечию обычно противопоставляются диалекты (от греч. *dialektos* — ‘говор, наречие’). Под диалектом «имеется в виду разновидность языка, являющаяся орудием общения более или менее ограниченного коллектива, представители которого находятся в непосредственном взаимодействии, и потому характеризующаяся относительным единством языковой системы» [Аванесов, 1949, с. 9].

Данное объяснение понятия предполагает наличие в рамках общенародного языка диалектов — территориальных, социальных и профессиональных. В терминологических словарях при определении понятия диалекта подчеркивается, что диалекты служат средством общения людей, связанных тесной территориальной, социальной и/или профессиональной общностью [см.: СЛТ-А, с. 131; ЛЭС, с. 132].

§ 247. Термин «диалект» нередко употребляется в более узком значении — для обозначения диалекта территориального [см.: Рус. диалектология, с. 15; Будагов, 1965, с. 417].

Территориальный диалект может быть определен:

как «диалект, распространенный в определенной местности» [СЛТ-А, с. 131];

точнее — как диалект, который «распространен на сравнительно ограниченной территории и служит на ней для по-

¹ В современном языкознании термином «просторечие» часто обозначаются характерные для данной разновидности речи языковые средства, речевые факты, используемые для сниженной, грубоватой характеристики предмета речи [см.: Горбачевич, 1971, с. 23; СЛТ-А, с. 368; ЛЭС, с. 402].

вседневных бытовых и производственных нужд местного населения, по преимуществу крестьянства» [Аванесов, 1949, с. 10];

как «разновидность языка, которая характеризуется относительным единством системы (фонетической, грамматической, лексической) и используется как средство непосредственного общения в коллективе, находящемся на определенной ограниченной территории» [РЯЭ-Ф, с. 70].

Наряду с термином «диалект» употребляются термины «говор» и «наречие». Говорами называются территориальные разновидности языка, используемые в общении относительно небольших территориально связанных коллективов людей (говор села, деревни, района). Наречие представляет собой крупное объединение разных говоров, характеризующееся наличием общих диалектных особенностей (севернорусское, южнорусское наречия). Таким образом, «диалект» можно рассматривать как понятие родовое по отношению к понятиям «говор» и «наречие».

Характерной особенностью территориальных диалектов является то, что они используются только в устной форме, в речи сельского населения, главным образом представителей старшего поколения. Диалектная речь используется также в произведениях устного народного творчества, тексты которых часто записываются и публикуются. Наиболее распространенные диалектные особенности находят отражение в художественной литературе, где используются для характеристики речи персонажей. Поскольку территориальные диалекты распространены преимущественно в крестьянской среде, их можно рассматривать как явление не только территориальное, но и социальное.

В разных языках территориальные диалекты (наречия) по-разному соотносятся друг с другом и с литературным языком. В русском языке, например, различаются два основных наречия — севернорусское (северновеликорусское) и южнорусское (южновеликорусское), территории бытования которых разделены узкой полосой распространения среднерусских (средневеликорусских) говоров.

На территории бытования польского языка обычно выделяют пять основных диалектных групп: великопольскую, малопольскую, силезскую, мазовецкую и кашубскую. В немецком языке в качестве основных различаются нижненемецкая, средненемецкая и южнонемецкая диалектные груп-

пы, каждая из которых подразделяется на западную и восточную подгруппы. Литовский язык делится на жемайтский и аукштайтский диалекты. Жемайтский диалект распространен на северо-западе, а аукштайтский — на юго-востоке Литвы.

Степень близости территориальных диалектов может быть различной. В ряде славянских языков диалектные различия относительно незначительны и в целом не препятствуют взаимопониманию населения, говорящего на разных диалектах. Почти полностью нивелированы диалектные различия в английском языке. В таких языках, как испанский, итальянский, немецкий, литовский, китайский и хинди, диалектные различия довольно заметны. Общение говорящих на разных диалектах этих языков в разной мере затруднено, а в ряде случаев даже невозможно. В русском языке, несмотря на огромную территорию его распространения, диалектные различия относительно слабы. В польском языке они гораздо заметнее: кашубский диалект по своим языковым особенностям настолько выделяется среди других диалектов и так отличается от литературного языка, что некоторые ученые рассматривают его как самостоятельный язык. Слабо различаются между собой диалекты тюркских языков.

Территориальные диалекты характеризуются специфическими языковыми особенностями, относящимися к разным уровням языка. Так, севернорусский диалект отличается от южнорусского и от литературного языка оканьем (т. е. отчетливым различием безударных гласных [а] и [о]), цоканьем и чоканьем (т. е. смешением [ц] и [ч]), совпадением форм творительного падежа множественного числа существительных и других склоняемых слов с формами дательного падежа (*за грибам, с длинным волосам*), употреблением особых синтаксических конструкций (*Им бумага надо; Никто его тронет*), наличием большого количества специфических, местных слов (*кóчет* — ‘петух’, *вéкша* — ‘белка’, *баскóй* — ‘хороший’, *орáть* — ‘пахать’) и др.

Южнорусский диалект характеризуется такими особенностями, как произношение фрикативного [г], т. е. [γ], употребление форм родительного и винительного падежей личных и возвратного местоимений с окончанием *-е* (*мене, тебе, себе*), форм 3-го лица глаголов с конечным мягким согласным (*видеть, спать, просють*), форм винительного падежа

единственного числа существительных I склонения с ударением на окончании (*водú, горú, ногú*), наличие местных слов (*бирюк* — ‘волк’, *дежа* — ‘квашня’, *скородить* — ‘бороновать’) и т. д. [см.: Аванесов, 1949, с. 202].

В мазовецком и малопольском диалектах польского языка, а также в северных говорах силезского диалекта распространено произношение свистящих согласных вместо твердых шипящих [ż], [ś], [ć], [dź]. Для великопольского и некоторых других польских диалектов характерно озвончение конечных глухих согласных перед словами, начинающимися гласными или согласными [l], [m], [n], [r], [j]. В ряде польских говоров характерные для литературного языка носовые гласные [ɔ] и [ɛ] произносятся как соответствующие чистые (без носового оттенка) или как сочетания данных чистых гласных с последующим носовым согласным [m] или [n] и т. д. [см.: Кондрашов, с. 131].

Каждый территориальный диалект, каждое наречие, каждый говор того или иного языка характеризуется определенными совокупностями диалектных особенностей, причем эти особенности имеют свои зоны распространения, границы между которыми обычно не совпадают. Область распространения той или иной диалектной особенности, того или иного языкового явления называется ареалом (от лат. *area* — ‘площадь, пространство’), а граница между ними — изоглоссой (от греч. *isos* — ‘равный, одинаковый’ и *glōssa* — ‘язык, речь’). Поскольку территории распространения тех или иных диалектных особенностей (ареалы) различны и границы между ними (изоглоссы) расходятся, зоны распространения диалектов разделяются не одной изоглоссой, а пучками изоглосс. Это значит, что строгих границ между разными диалектами нет [см.: Рус. диалектология, с. 14].

В настоящее время под сильным воздействием школы, печати, радио, телевидения, в результате постоянных контактов сельского населения с городским и т. д. диалекты утрачивают свои особенности и сближаются с литературными языками. На месте диалектов появляются переходные разновидности общенародных языков, совмещающие особенности диалектной речи и литературного языка. Они называются полудиалектами. Полудиалекты служат средством общения среди сельской молодежи, некоторой части городского населения, преимущественно выходцев из села, и др.

§ 248. В отличие от территориальных диалектов социальные диалекты — это специфические разновидности общенародного языка, служащие средством общения людей тех или иных социальных либо профессиональных групп. Они не связаны с определенной территорией и выделяются среди других разновидностей общенародного языка главным образом по словарному составу, сохраняя фонетические, грамматические и другие особенности данного языка.

К социальным диалектам относится прежде всего речь людей, занимающихся отхожим промыслом и ремеслами (охотников, рыболовов, гончаров, портных, сапожников, шорников, овчинников, шерстобитов), бродячих торговцев (офеней), так называемых деклассированных элементов (воров, нищих, бродяг). Речь перечисленных групп людей называется еще аргó (франц. *argot*), условными (или тайными) языками. Основное назначение социальных диалектов — сделать содержание речи непонятным для окружающих.

Лексика таких диалектов включает заимствования из других языков (ср. в русском языке заимствования из новогреческого: *кресо* — ‘мясо’, *хирьга* — ‘рука’, *мас* — ‘мы’; из шведского: *стод* — ‘бог; икона’; из марийского: *пурт* — ‘нож’) и измененные разными способами слова собственного языка (ср. в русском языке: *рогатка* — ‘корова’, *грейка* — ‘печка’, *темнуха* — ‘ночь’, *кустра* — ‘сестра’, *кулото* — ‘золото’ и др.). Широко используются также общеупотребительные слова и словосочетания с особыми метафорическими значениями: *браслеты* (‘наручники’), *пожар* (‘арест’), *царёва дача* (‘тюрьма’), *запороть медведя* (‘вскрыть несгораемый шкаф’) и т. п. [см.: Степанов, с. 198; Маслов, 1987, с. 19].

К социальным диалектам относятся также разновидности языка, используемые людьми, объединенными возрастом, положением в обществе, профессией, родом занятий, интересами, привычками и т. п. Такие диалекты называют жаргонами (франц. *jargon*), слэнгами (англ. *slang*). Различаются, например, жаргоны молодежи, студентов, филателистов, военнослужащих, моряков, спортсменов, металлургов, программистов и т. д.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЯЗЫКА (РЕЧИ)

§ 249. Язык, являющийся универсальным средством общения людей, в своей литературной разновидности функционирует во всех сферах жизни и деятельности человека. В зависимости от того, в какой именно сфере используется литературный язык, он приобретает те или иные особенности в отборе и применении языковых средств. Иными словами, в разных сферах общения используются разные видоизменения (функциональные разновидности, структурно-функциональные варианты) языка, которые называются стилями языка/речи или функциональными стилями (от греч. *stylos* — ‘остроконечная палочка для письма’).

Стили языка/речи обычно определяются как виды (разновидности либо варианты) литературного языка или речи, как типы функционирования языка, обслуживающие определенные сферы жизни и деятельности людей. При этом обращается внимание на особенности использования языковых/речевых средств, специфику их организации.

Б. Н. Головин определяет стили языка как «типы его функционирования, его структурно-функциональные варианты, обслуживающие разные виды человеческой деятельности и отличающиеся друг от друга совокупностями и системами признаков, достаточными для интуитивного опознавания этих вариантов в речевом общении» [Головин, 1988, с. 21].

По определению Ю. А. Бельчикова, стиль — это «объединенная определенным функциональным назначением система языковых элементов, способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения, функциональная разновидность литературного языка» [РЯЭ-Ф, с. 336].

Ю. С. Степанов считает, что стиль языка/речи — это «вид речи, употребляемый людьми в типовой общественной ситуации. Такие виды речи характеризуются, во-первых, отбором языковых средств из общенационального языкового достояния (отбором слов, типов предложения, типов произношения), во-вторых, скрытым за этими средствами общим принципом отбора» [Степанов, с. 201; см. также: Ефимов, с. 12; Кожина, с. 49; СЛТ-А, с. 455].

В качестве стилеобразующих средств иногда рассматриваются лексические и синтаксические единицы языка. Разные стили современного русского языка, например, иногда разграничиваются именно по этим единицам [см.: Галкина-Федорук и др., 1957, с. 6]. Однако большинство языковедов считают, что в роли стилеобразующих средств могут выступать единицы всех языковых уровней. При этом обращается внимание на то, что данную функцию выполняют не единицы языка как таковые, а их «специфическая речевая организация», «характер объединения и закономерности употребления», «способы их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения» [Кожина, с. 49; Ефимов, с. 12; РЯЭ-Ф, с. 336], количественное распределение, частота употребления, «существенные различия вероятностей (или долей) языковых единиц и категорий» [Головин, 1968, с. 38].

При определении и описании функциональных стилей одни языковеды говорят о стилях языка (Р. А. Будагов, А. И. Ефимов и др.), другие — о стилях речи (А. Н. Гвоздев), третьи называют их и стилями языка, и стилями речи (Ю. С. Степанов). Некоторые ученые рассматривают стили языка и стили речи как разные явления, противопоставляя их друг другу.

Например, А. К. Панфилов, который под стилем языка понимает «его функциональную разновидность, характеризующуюся особыми фактами языка (лексическими, синтаксическими и т. д.)», стиль речи характеризует как «определенную систему использования языка и его стилей, обусловленную жанром, разновидностью общественной речи и даже авторской индивидуальностью». Стиль языка он уподобляет «химически чистой воде... не содержащей никаких примесей», а стили речи — «многообразным разновидностям воды в ее бытовом и производственном употреблении, т. е. воды с различными примесями, представленными в большей или меньшей степени» [Панфилов А., с. 76, 78].

Стили языка и речи различают и некоторые другие лингвисты [см.: Головин, 1988, с. 261, 265].

С точки зрения концепции о единстве языка и речи нет достаточных оснований для противопоставления стилей языка и стилей речи. Функциональные стили проявляются именно в р е ч и (как одной из форм существования языка), так как

«язык обнаруживает себя только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» [РЯЭ-Ф, с. 255], а поэтому «язык как таковой сам не принадлежит ни одной из обслуживаемых им сфер человеческой деятельности» [Смирницкий, 1954а, с. 30]. В этом плане весьма убедительным представляется утверждение, что «функциональный стиль — это одновременно и стиль языка, и стиль речи, а точнее, стиль функционального аспекта языка», что «функциональный стиль — как явление системное — проявляется именно в речи... в процессе функционирования языка и закрепляется в текстах» [Кожина, с. 56]. Это тем более очевидно, если принять во внимание то, что стилеобразующую функцию выполняют различия вероятностей языковых единиц и категорий [см.: Головин, 1968, с. 38]. Ведь в системе языка различия вероятностей его единиц никак не отражаются.

§ 250. Обычно различают четыре или пять функциональных языковых/речевых стилей. Во многих литературных языках выделяются такие стили: обиходно-литературный, газетно-политический, производственно-технический, официально-деловой и научный [см.: ЛЭС, с. 567].

В современном русском языке принято различать следующие функциональные стили:

- 1) научный (иначе — стиль научного изложения);
- 2) публицистический (или общественно-политический, газетно-публицистический);
- 3) деловой (или канцелярский, административный, официально-деловой, официально-канцелярский);
- 4) художественный (или художественно-беллетристический, стиль художественной литературы);
- 5) разговорный (или разговорно-бытовой, обиходно-бытовой) [см.: Розенталь, с. 27; Головин, 1988, с. 268; Кожина, с. 163; Сиротина, с. 6].

Некоторые лингвисты не считают нужным выделять художественный стиль (А. К. Панфилов, Т. Г. Винокур и др.), или разговорный (А. Н. Гвоздев, Е. М. Галкина-Федорук), или же разговорный и деловой (А. И. Ефимов). Разговорная и художественная речь не признаются функциональными стилями на том основании, что они связаны с разными сфе-

рами деятельности людей и в известной мере соотносятся с национальным языком в целом [см.: Ефимов, с. 14; ЛЭС, с. 567].

Наряду с перечисленными функциональными стилями многие языковеды выделяют в русском языке еще производственно-технический (или технико-производственный) стиль (А. И. Ефимов, А. К. Панфилов, Е. М. Галкина-Федорук и др.). Иногда говорят и о других стилях, например, о рекламном (или стиле рекламных сообщений), стиле команды и т. п.

Каждый функциональный стиль характеризуется языковыми особенностями.

Основные отличительные признаки научного стиля — это обилие специальных терминов, широкое использование однородных членов предложения с обобщающими словами, вводных слов и словосочетаний (*во-первых, во-вторых, далее, наконец, следовательно, с одной стороны, с другой стороны*), составных союзов (*как...так и, если не...то, не только...но и*) и производных предлогов (*ввиду, в силу, в результате, вследствие, в зависимости от, в отношении к, в связи с*), сложных предложений разных типов.

Публицистический стиль характеризуется широким использованием слов и словосочетаний с переносным значением для создания подтекста (т. е. для выражения внутреннего, подразумеваемого содержания); наличием лексико-фразеологических единиц с оценочным значением, с эмоционально-экспрессивной окраской; распространением бессоюзных сложных предложений, использованием различного рода инверсий (т. е. обратного порядка слов с целью их выделения в предложении; ср.: *Он писатель известный*).

Деловой стиль выделяется такими особенностями, как наличие профессиональной терминологии (юридической, финансовой, дипломатической и др.), обилие сложносокращенных наименований учреждений и организаций, строгий порядок слов в предложении, отсутствие вопросительных и побудительных предложений, преобладание пассивных конструкций над активными, широкое использование страдательных причастий и деепричастий, причастных и деепричастных оборотов, частая повторяемость языковых средств (наличие шаблонов, стандартов, штампов).

Художественный стиль характеризует широкое использование эмоционально-оценочной лексики, производных слов с суффиксами субъективной оценки (уменьшительно-ласкательными, увеличительными, неодобрительными); употребление просторечных слов, диалектизмов, окказиональной лексики; метафорическое использование многих общеупотребительных слов; обилие эпитетов, сравнений, модальных слов, междометий, вопросительных и побудительных предложений; сочетание авторской, повествовательной речи с прямой речью персонажей.

Разговорный стиль отличается от других стилей частым употреблением слов с конкретным значением, преобладанием глаголов, использованием личных глагольных форм, глагольных междометий (типа *прыг, скок, шасть*), личных местоимений, притяжательных прилагательных, вводных слов, междометных выражений. Для разговорного стиля характерны некоторые языковые особенности, связанные с «экономией речевых усилий»: обилие упрощенных синтаксических конструкций, неполных предложений. Разговорному стилю также свойственны многие особенности художественного стиля: широкое использование эмоционально-оценочных слов, наличие нелитературной лексики, окказионализмов, переносное употребление общераспространенных слов и др.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕЧИ

§ 251. Существуют две основные формы речи — устная и письменная. Литературные языки, обладающие письменностью, реализуются в речи как в письменной, так и в устной форме. Разные формы литературной речи различаются и внешними особенностями, т. е. способом реализации и восприятия, и внутренними, собственно языковыми.

Устная форма речи — это звучащая, произносимая речь, воспринимаемая на слух. Она является первичной и обязательной для каждого языка, а для бесписьменных языков — единственно возможной. Устная форма литературной речи используется в театре, кино и т. п., в учебном процессе, в научных диспутах, в повседневном общении людей, на различных собраниях и т. д. Устной форме речи свойственны мно-

гие языковые особенности, характерные для разговорного стиля: обилие упрощенных синтаксических конструкций, неполных предложений, частое употребление вопросительных и побудительных предложений, экспрессивных слов и выражений, разговорных и просторечных элементов, форм 1—2-го лица глаголов и др.

В устной речи крайне редко используются терминологическая и абстрактная лексика, причастные и деепричастные обороты, но широко распространены такие приемы, как повторы, подхватывание слов собеседника, а также используются различные вспомогательные средства общения — жесты, мимика, интонация. Для устной речи характерен неполный стиль произношения, т. е. неотчетливое, небрежное произношение звуков, при быстром темпе речи приводящее к их редукции (сокращению) [см.: Привалова, с. 89; Розенталь, с. 14; Сиротгина, с. 14; Шведова, с. 11].

Письменная форма речи является вторичной (т. е. более поздней по времени возникновения) по сравнению с устной формой речи. Она реализуется с помощью специальных знаков письменности, изображаемых на бересте, пергаменте, бумаге, полотне, на стенах зданий, на поверхности камней и других конкретных предметов, и воспринимается зрительно или осязанием. Основная сфера использования письменной речи — книги, журналы, газеты, различные документы, официальная и частная переписка. Формируясь на основе устной формы речи, сохраняя ее языковые особенности, письменная речь «перестает быть всего лишь транспозицией устной», приобретает «решающее значение для развития языков вообще» [Горбачевич, 1978, с. 39; Щерба, 1974, с. 208], играет «ведущую роль в формировании единой литературной нормы разных конкретных языков и, в частности, современного русского литературного языка» [Филин, 1974, с. 118].

Важнейшими особенностями письменной речи (по сравнению с устной речью) являются: ясность и четкость, полнота предложений и правильность их построения (что объясняется особыми условиями реализации письменной речи, наличием достаточного времени на ее обдумывание, исправление, дополнение), частое использование сложных предложений разных типов, обилие причастных и деепричастных оборотов, преобладание форм 3-го лица глаголов, более тщательный отбор лексических и фразеологических средств, нали-

чие собственно книжных слов и фразеологизмов [см.: Сиротина, с. 14; Привалова, с. 87; РЯЭ-Ф, с. 205].

Некоторые лингвисты склонны рассматривать устную и письменную формы речи (или формы реализации языка) как разные языки [см.: Мотш, с. 95]. Ср.: «У французов язык письменный и язык устный так далеки друг от друга, что можно сказать: по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят. Эти два языка [выделено нами. — В.Н.] отличаются, кроме различия в порядке слов, также различным расположением слов» [Вандриес, с. 141].

Кроме названных, основных форм речи, иногда выделяется еще переходная, промежуточная форма речи — устная форма воспроизведения письменной речи (иногда ее называют также озвученной письменной речью или устной публичной речью). Устная форма воспроизведения письменной речи реализуется в публичных выступлениях — лекциях, докладах, сообщениях и т. д. Она представляет собой своеобразное сочетание особенностей устной и письменной речи. Специфика данной формы речи обуславливается тем, что тексты подобных выступлений обычно готовятся в письменном виде, с учетом требований письменной речи, а реализуются в устной форме, с использованием элементов устной речи.

Таким образом, основу данной формы речи составляет письменная речь, которая в процессе реализации несколько видоизменяется: делаются некоторые уточнения, пояснения, допускаются повторения отдельных слов и выражений. При этом возможно упрощение и сокращение сложных синтаксических конструкций, проявление некоторых особенностей произношения говорящего [см.: Привалова, с. 87; ЛЭС, с. 540].

Происхождение языка

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

§ 252. Проблема происхождения языка [или глоттогенéза (от греч. *glōtta* — ‘язык’ и *genesis* — ‘происхождение’)] интересовала ученых с древнейших времен. При этом внимание к вопросам возникновения человеческого языка проявляют не только лингвисты, но и представители смежных гуманитарных наук, мыслители, писатели и др.

Еще в античные времена проблема происхождения языка занимала древнегреческих философов Демокрита, Платона, Аристотеля, римского философа Лукреция и др. Имеются достоверные сведения о том, что этими вопросами интересовались мыслители Древнего Китая и Древней Индии. В эпоху Средневековья, в период Возрождения и особенно в Новое время в Европе проблемами происхождения языка занимаются многие известные ученые: в Англии — философ Дж. Локк и естествоиспытатель Ч. Дарвин, во Франции — философ Э. де Кондильяк, философ, просветитель и писатель Ж.-Ж. Руссо, в Германии — философ В. Лейбниц, философ, писатель и критик И. Гердер, языковед А. Шлейхер, в России — М. В. Ломоносов и др.

Со временем изучение вопросов происхождения языка обособляется в качестве самостоятельной научной проблемы. «Проблема глоттогенеза, история изучения которой насчитывает не одну тысячу лет, как проблема, имеющая самостоятельный интерес, была сформулирована только в середине XVIII в. Это было сделано Кондильяком в трактате, посвященном теории познания» [Донских, с. 124]. Исследованием разных аспектов общей проблемы глоттогенеза начинают заниматься лингвистика, биология и другие науки. В настоящее время, кроме специалистов по лингвистике и биологии (физиологии), в решении данной проблемы активное участие принимают представители таких наук, как антропология, археология, этнография, психология, философия и др.

Многие лингвисты в качестве материала для изучения проблемы происхождения языка используют результаты наблюдений над речью детей, данные анализа языков австралийских, американских и африканских племен и народностей. В этих языках якобы сохранились черты языка первобытных людей, а также некоторые элементы высокоразвитых современных языков — архаические слова и лексические значения, грамматические конструкции.

Однако подобные факты вряд ли могут служить надежным источником для решения проблемы глоттогенеза. Развитие детской речи протекает под влиянием речи взрослых, а потому их речь коренным образом отличается от речи первобытных людей. Что же касается особенностей языков современных племен и народностей или высокоразвитых языков культурных народов, надо иметь в виду, что эти языки прошли долгий и сложный путь самостоятельного развития и не могут отражать состояния «первобытного» языка [см.: Будагов, 1965, с. 379].

По мнению А. А. Леонтьева, «никакие данные, полученные путем анализа и сопоставления современных языков, хотя бы они и касались более древних эпох их развития (например, данные, полученные в сравнительно-исторических исследованиях), не имеют существенного значения для проблемы происхождения языка, так как эпоху происхождения языка отделяют от самой “глубинной” реконструкции значительно более протяженные периоды, а главное — все эти данные относятся к эпохе, когда уже сложилось человеческое общество. Между тем происхождение языка связано с гораздо более архаичными формами взаимоотношения людей и относится ко времени возникновения общества» [РЯЭ-Ф, с. 237].

Имеют свой объект исследования и другие науки, занимающиеся вопросами глоттогенеза. Так, биологи (физиологи) решают эти вопросы на основе исследования организма человека, прежде всего строения его головного мозга, органов речи и слуха, а также различных органов животных, прежде всего человекообразных обезьян. Антропологи по древним ископаемым останкам изучают происхождение и эволюцию организма человека, широко используя данные о строении тела первобытных людей и предполагаемых их предков. Философы обобщают достижения конкретных наук, учитывая при этом имеющиеся данные о происхождении

человека и формировании человеческого общества, о социальной роли языка в первобытном обществе и в последующие периоды его развития, об отношении языка к мышлению и т. д.

Проблема происхождения языка является исключительно сложной и многогранной. В современном ее понимании — это не просто проблема возникновения отдельных элементов языка (слов, выражений и др.), а исследование становления языка как важнейшего средства человеческого общения «из доязыковых форм коммуникации» [РЯЭ-Ф, с. 236]. Происхождение языка — это становление «человеческого естественного звукового языка, отличного от других систем знаков» [ЛЭС, с. 108]. При этом главным моментом в общем процессе становления языка является возникновение основных его единиц — слов, т. е. превращение бессознательно произносимых звуков в слова́ — значимые единицы языка. Произносимые человеком звуки «становятся словами только тогда, когда им соответствует определенное смысловое содержание» [Бунак, 1951, с. 368].

Иными словами, возникновение собственно человеческого звукового языка, т. е. языка слов, непосредственно связано с превращением произвольно производимых человеком звуков в намеренно произносимые звуки речи или слова, выражающие определенное содержание (названия предметов, их признаков, действий, состояний и т. п.). Еще Д. Н. Ушаков обращал внимание на то, что «произвольно произведенные звуки речи не подходят под определение языка», поясняя эту мысль следующим образом: «Если, например, я вскрикну, нечаянно укол палец, то это будут такие же рефлексивные и произвольные движения органов речи, как движение руки, которую я при этом бессознательно отдерну в сторону» [Ушаков, с. 53—54].

В решении общей проблемы происхождения языка можно выделить ряд частных вопросов: о времени происхождения языка, о месте его возникновения, о возможных путях формирования звукового, словесного языка, о характере его первоначального состояния и др.

§ 253. Говоря о времени происхождения звукового языка, возникновения человеческой речи, надо иметь в виду, что этот вопрос неразрывно связан с проблемой происхождения

человека, развития его мышления, ибо «человек стал человеком именно с тех пор, когда у него возникли — пусть еще очень примитивные — мышление и речь» [Будагов, 1965, с. 368].

По вопросу о времени возникновения человека как мыслящего существа и, соответственно, человеческого языка есть самые противоречивые мнения. По утверждению одних ученых, «становление человеческого языка происходило в основном в период нижнего и среднего палеолита (кроманьонцы) и продолжалось от 2 млн до 40—30 тыс. лет тому назад» [Якушин, с. 69]. Другие делают более точные расчеты, утверждая, что человечество, а следовательно и человеческий язык, существуют приблизительно один миллион лет [см.: Косвен, с. 3]. На основании данных антропологии высказывается мысль о возможности «ориентировочно отнести возникновение естественного звукового языка в его членораздельной, близкой к современной форме к периоду около 100 тыс. лет назад, лежащему между неандертальцами... и первыми людьми современного типа» [ЛЭС, с. 108].

Результаты лингвистических исследований позволяют предположить, что первоначальное человеческое общество (ностратический, или бореальный, нордический, пранарод) и его язык (праязык) возникли приблизительно в период финального палеолита, т. е. 40—14 тысяч лет тому назад.

§ 254. Если вопрос о возникновении языка рассматривать в тесной связи с вопросом о происхождении человека, то местом первоначального использования человеческой речи следует признать территорию, наиболее благоприятную для жизни человека [см.: Якушин, с. 52]. По некоторым предположениям, таким местом могли быть земли между Восточным Средиземноморьем и Индостаном, между Прикаспием и Аравией.

В общей проблеме происхождения языка весьма существенным представляется вопрос о том, «возник ли язык первоначально в одном месте, в одном человеческом коллективе, или с самого начала разные языки стали возникать одновременно? Проблема эта иначе формулируется так: моногенезис или полигенезис языка?» [Будагов, 1965, с. 392]. Пока, на современном уровне развития науки, четкий ответ на этот вопрос дать невозможно.

Существует и в специальной литературе комментируется библейский взгляд на данную проблему, согласно которому Богом был создан единый язык, внушенный созданному им первому человеку, Адаму. Этим языком все человечество пользовалось до Всемирного потопа. Впоследствии, при постройке Вавилонской башни, Богом же этот единый человеческий язык был разрушен. В результате каждый народ получил свой особый язык [см.: Донских, с. 34, 76; Якушин, с. 13]. Концепция о первоначальном едином человеческом языке подтверждается «данными современной материалистической истории первобытной культуры»; на основании имеющихся сведений делается вывод о том, что человек, а следовательно и язык, не мог одновременно появиться в разных местах, что он «возник первоначально в одной, быть может, в довольно обширной области земного шара, в сходных географических условиях» [см.: Будагов, 1965, с. 392].

Подобного мнения придерживаются и лингвисты — сторонники ностратической гипотезы происхождения языка. Суть этой гипотезы заключается в следующем: несколько десятков тысяч лет тому назад все языки Старого Света представляли собой один ностратический язык, а все жители Старого Света были одним ностратическим народом.

Сторонниками концепции существования первоначально единого языка (теория моногенезиса языка) ставится также вопрос о том, какой именно язык был изначальным, послужил основой для появления других языков. Иудейские толкователи Библии утверждали, что таким языком был древнееврейский, что «Бог научил Адама еврейскому языку, его словам и грамматике» [Якушин, с. 13]. Эта точка зрения была особенно популярна в XVI—XVII вв. Египетский царь Псамметих I (VII в. до н. э.), изучая историю появления языка, пришел к выводу, что древнейшим языком был фригийский. Французский лингвист Ш. де Бросс допускает, что на роль первого языка может претендовать латынь. Другие ученые в качестве возможных праязыков называют такие языки, как арабский, армянский, китайский, немецкий, фламандский и др. [см.: Донских, с. 35].

Многие ученые предполагают, что в разных местах земного шара самостоятельно образовывались разные языки и что ряд языков мог возникнуть в одно и то же время. Высказывается мысль о том, что самого древнего народа и единого

первоначального языка не было: «Предки людей обитали почти во всей Евразии и Африке, и естественно, что во многих местах и одновременно появились “очеловеченные” их сообщества, племена и народы» [Якушин, с. 14]. При этом некоторые ученые (например, немецкий философ, психолог, физиолог и языковед XIX в. В. Вундт) утверждают, что первоначальных языков было бесконечное множество. Этот вывод подтверждается тем, что в ходе исторического развития человеческого общества количество языков постепенно сокращается. Так, немецкий лингвист А. Шлейхер в своем «Компедии сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1861—1862) писал по этому поводу следующее: «Невозможно установить один праязык для всех языков, скорее всего существовало множество праязыков. Это с очевидностью явствует из сравнительного рассмотрения ныне еще живущих языков. Так как языки все более и более исчезают и новые при этом не возникают, то следует предположить, что первоначально было больше языков, чем ныне. В соответствии с этим и количество праязыков было, по-видимому, несравненно бóльшим, чем это можно полагать на основе еще живущих языков» [см.: Звегинцев, 1960, с. 90].

§ 255. С проблемой глоттогенеза связан важнейший вопрос о путях возникновения звукового языка, человеческой речи, об источниках формирования первоначального языка. «Вопрос о происхождении человеческого языка есть вопрос о том, как [выделено нами. — В.Н.] у человека образовалась способность выражать языком слов свои внутренние состояния, главным образом мысли» [Ушаков, с. 114]. Ученые и мыслители разных стран выдвигали множество концепций происхождения языка.

Следует иметь в виду, что все предлагаемые теории происхождения языка опираются на косвенные данные и сводятся к предположениям ученых. От «первобытного» языка «никаких реальных остатков, поддающихся прямому изучению, нет и быть не может», поэтому «происхождение языка научно нельзя доказать, а можно только построить более или менее вероятные гипотезы» [Реформатский, 1967, с. 465, 472]. Иными словами, речь может идти «не столько о теориях, сколько о гипотезах, чисто умозрительно произведенных от общих философских воззрений того или иного автора»,

поскольку «происхождение языка вообще как неотъемлемой принадлежности человека нельзя ни непосредственно наблюдать, ни воспроизвести в эксперименте. Возникновение языка скрывается в глубинах предистории человечества» [Степанов, с. 161]. В связи с этим вместо термина «теория происхождения языка» правильнее было бы употреблять такие термины, как «гипотеза происхождения языка» (А. А. Реформатский, Ю. С. Степанов), «гипотеза возникновения человеческой речи» (Б. Н. Головин) и др. Однако в силу сложившейся традиции в последующем изложении нами используется и первый термин.

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

§ 256. С давних времен предпринимаются попытки классифицировать по тем или иным признакам теории, концепции и гипотезы происхождения языка. Еще в античной философии в решении вопроса о происхождении языка различались два основных направления:

1) теория естественного (или природного) происхождения языка, иначе — естественная (природная) теория, объяснявшая происхождение языка естественным путем, «от природы» («теория фюсей»);

2) теория искусственного происхождения языка, согласно которой язык был создан (Богом или людьми) искусственным путем, «по установлению» («теория тесей») [см.: Якушин, с. 5, 22].

Оба эти направления в разных вариантах существуют на протяжении всей истории развития научной и философской мысли.

Первые мыслители, занимавшиеся проблемой возникновения языка, придерживались мнения об искусственном его происхождении. Основателем (одним из основателей) данной концепции считают древнегреческого философа Демокрита (V—IV вв. до н. э.). Мысль об искусственном происхождении человеческого языка может быть обоснована тем, что в случае естественного его происхождения (наподобие развития способности ходить, видеть и т. п.) он мог бы возникнуть и у каких-либо животных, в то время как язык характерен только для человека, «выделяет и возвышает человеческий род над животным миром» [Там же, с. 5].

Гипотеза искусственного происхождения первоначально языка долгое время существовала как теория создания языка Богом или по воле Божьей. Наряду с этим с древнейших времен существовали концепции, согласно которым язык мог быть создан людьми без непосредственного участия божественных сил. Сюда относится, в частности, сравнительно поздняя по времени возникновения теория общественного договора [см. § 264].

Наряду с теорией/теориями искусственного происхождения языка с древнейших времен существует гипотеза естественного (или природного) его происхождения. Основателем данной теории считают римского философа Лукреция (I в. до н. э.). Во второй половине I в. до н. э. римский архитектор и инженер Витрувий в своем сочинении «Десять книг об архитектуре» писал о том, что в древние времена люди установили слова под воздействием ежедневного навыка производить дыханием различные звуки. Эта теория, равно как и теория искусственного происхождения языка, существует и в настоящее время. Особое внимание проблеме образования языка естественным путем уделяется начиная со второй половины XVIII в. [см.: Миллер, с. 33; Донских, с. 22, 41; Якушин, с. 23].

В современном языкознании концепция естественного происхождения языка представлена разными гипотезами. Наиболее известны теории звукоподражаний, междометий, трудовых выкриков, жестов, а также трудовая теория. Все они, в отличие от теорий искусственного создания языка, рассматривают возникновение человеческого языка как длительный процесс постепенного его становления на основе доязыковых средств коммуникации. Этот процесс связан с приспособлением определенных частей организма человека для произнесения звуков речи, с формированием речевого аппарата [см.: Степанов, с. 162; Кодухов, 1987, с. 46].

Существуют и иные подходы к классификации теорий происхождения языка. Так, с древнейших времен и до настоящего времени противопоставляются материалистические и идеалистические концепции происхождения языка [см.: Будагов, 1965, с. 368, 371]. Некоторые лингвисты говорят о возможности разделить великое множество высказываний о происхождении языка на две основные группы: теории биологические и теории социальные [см.: Кодухов, 1987, с. 46].

Почти все известные нам точки зрения на происхождение языка были известны еще в античной философии. Впоследствии они так или иначе совершенствовались. В современном языкознании более популярны теории естественного происхождения языка.

Звукоподражательная теория

§ 257. Одной из наиболее распространенных в современной науке теорий, или гипотез, естественного происхождения языка является теория звукоподражаний, или звукоподражательная теория¹.

Ее зарождение связывают с именами таких древнегреческих философов, как Платон и Демокрит. В VIII в. ее заметно усовершенствовали арабские филологи (возникает учение Аббада ибн Сулеймана). Наиболее активно эта теория развивается в XVII—XIX вв. (в работах немецких ученых Г. Лейбница, И. Гердера, В. Гумбольдта и др.). В XX в. ее поддерживали швейцарский языковед Ш. Балли, французский лингвист М. Граммон и др.

В первоначальном своем варианте звукоподражательная теория объясняет происхождение языка «врожденной склонностью человека имитировать природные шумы» [РЯЭ-Ф, с. 236] или «естественной человеческой склонностью подражать звукам природы» [Донских, с. 41]. Согласно этой теории, первоначальные слова «представляют собой не что иное, как своеобразное звуковое подражание» [Будагов, 1965, с. 374]. Речь идет о таких звуках природы, как журчание воды, грохот камней, шум ветра, шелест листьев дерева, о звуках, издаваемых разными животными (лай собаки, мяуканье кошки, ржание лошади и т. п.) и др.²

На первый взгляд подобное объяснение происхождения языка, и тем более отдельных слов, может показаться убедитель-

¹ В работах некоторых ученых эта теория называется оноματοпэтической (от греч. *onomatopoeia* — ‘словотворчество, звукоподражание’). Этим термином в настоящее время обозначаются звукоподражательные явления в языке, образование слов путем звукоподражания.

² Например, немецкий естествоиспытатель Парацельс высказывал мысль о том, что человек заимствовал язык у птиц [см.: Донских, с. 37].

тельным. «Весьма вероятно... подражания крикам животных, звукам природы постепенно становились словами, обозначавшими этих животных, эти явления природы» [Ушаков, с. 115]. Отчасти это объясняет то, что определенное количество слов подобного происхождения употребляется во всех современных языках. В русском языке к ним относятся такие слова, как: *гав-гав, мяу, хрю-хрю, кря-кря, ку-ку, ку-кареку, ква/квак, ха-ха, хи-хи, апчи, бац, бах, дзиль, кап-кап, пиф-паф* и др. От подобных слов образуются многочисленные производные: *гавкать, гавкнуть, гавканье; мяукать, мяукнуть, мяуканье; хрюкать, хрюкнуть, хрюканье, хрюшка; крякать, крякнуть, кряканье, кряква, крякуша, крякуша; квакать, квакнуть, кваканье, квакша, квакуха, квакушка; куковать, кукукнуть, кукование, кукушка; кукарекать, кукарекнуть, кукареканье; хаханьки; хиханьки, хихикать, хихиканье; дзилькать, дзильканье; капать, капанье* и др.

Несмотря на наличие в языках значительного количества звукоподражательных слов, вероятность возникновения на их основе первоначального языка вызывает вполне обоснованные возражения. Критики данной теории приводят такие аргументы:

1) удельный вес звукоподражательных слов в разных языках в целом невелик;

2) звукоподражательная теория не в состоянии объяснить происхождение слов, которые никак не связаны с звукоподражанием, особенно слов с абстрактным значением, т. е. обозначающих то, что «не звучит», не издает каких-либо звуков (*земля, небо, солнце, луна, дом, камень, рука, нога, квадрат, треугольник, время, пространство; добрый, умный, храбрый; ходить, думать, переживать* и др.);

3) точное воспроизведение различных звуков природы возможно лишь при наличии развитого слухового и речевого аппарата, чего у первобытных людей не было [см.: Ушаков, с. 115; Бунак, 1951, с. 265; Будагов, 1965, с. 375; Реформатский, 1967, с. 467; Головин, 1983, с. 164].

На основании подобных соображений делается вывод: сходство отдельных слов в разных языках с природными звуками «имеет вторичный характер и несколько не характеризует начального состояния речи» [Бунак, 1951, с. 262]. Иначе говоря, «звукоподражание могло оказать некоторое влияние на формирование слов уже сложившейся речи, подобно

тому как используется звукоподражание в обращении с детьми» [Бунак, 1966, с. 523]. Такой вывод подтверждается, в частности, и результатами наблюдений над разными языками. Оказалось, что звукоподражательных слов больше в развитых языках, чем в языках примитивных народов.

В дальнейшем сторонники звукоподражательной (онома-топоэтической) теории происхождения языка рассматривают происхождение первоначальных слов не только как результат непосредственного подражания звукам природы, животных, но и как следствие того, что слова отражают в своем звучании впечатление говорящих о называемых ими предметах. Иными словами, названия «звучащих» вещей создавались по ощущению издаваемых ими звуков, а названия предметов и явлений, которые «не звучат», формировались в соответствии с их воздействием на чувства говорящих.

Уже в античной философии слова, или имена, связывались «с природой вещей и людей, свойства которых отражались в звучании или значении имени» [Якушин, с. 23]. Эта мысль развивается в философском учении стоиков, по утверждению которых звучание слов определяется чувственным восприятием, ощущением таких признаков вещей, как мягкость, грубость, жесткость.

В VIII в. вопрос о сходстве между звуковыми оболочками слов и их значениями широко обсуждается арабскими филологами. Сторонники учения Аббада ибн Сулеймана утверждали, что «происхождение языка коренится в природном сходстве между словами и обозначаемыми предметами» [Донских, с. 41].

Позднее, в конце XVII — начале XVIII в., данную теорию, в том ее варианте, который сложился у стоиков, пытался развивать немецкий ученый и философ Г. Лейбниц, выделявший среди звуков сильные и шумные (например, [р]) и мягкие и тихие (например, [л]), различия между которыми и выражали соответствующие признаки обозначаемых предметов и явлений.

Во второй половине XVIII в. немецкий философ И. Гердер в своем «Трактате о происхождении языка» утверждал, что названия создаются по признакам обозначаемых предметов; при этом «незвучащие» предметы называются «по ощущению от осязания их». Подобных взглядов на происхождение языка придерживались французский ученый Ш. де Бросс и др.

В подтверждение приведенных выше суждений о происхождении языка приводятся лексические примеры из разных языков. Например, утверждается, что мед (вещество сладкое, приятное на вкус) в латинском языке называется словом *mel* потому, что оно «приятно ласкает слух». Такими же свойствами обладают и другие слова, обозначающие нечто мягкое, нежное, приятное. Ср.: лат. *lene* ('мягкое'), *voluptas* ('наслаждение'); нем. *leben* ('жить'), *lieben* ('любить'). И наоборот, латинское слово *acer* ('острый, жесткий') вызывает неприятное слуховое впечатление и вкусовое ощущение. «Грубыми» звуками характеризуются латинские слова *asperitas* ('грубость'), *cruх* ('крест'). «Жесткими» являются слова: лат. *veprus* ('терн'), *lana* ('шерсть'); нем. *Riss* ('разрыв'). Немецкие слова *Lauf* ('бег') и *Löwe* ('лев') своим звуковым составом якобы указывают на быстроту и т. д.

Обобщая все сказанное о звукоподражательной (ономатопэтической) теории происхождения языка, следует подчеркнуть, что эта теория «различает два способа образования звукоподражательных слов: непосредственное подражание внешнему звучанию — звукоподражательные слова (*булькать*) и ассоциативное сходство звучания слова с признаком предмета — звукообразные слова (в языке банту: *bafo-bafo* — 'живая походка'). В ономатопэтических словах звучание в какой-то мере и в каком-то отношении аналогично значению» [Якушин, с. 7].

Звукоподражательная теория происхождения языка в уточненном ее варианте тоже не представляется достаточно убедительной. Подражание звукам природы и ассоциативные сходства звучания слов с определенными признаками обозначаемых ими предметов и явлений не могут быть признаны единственным источником возникновения человеческой речи. Происхождение многих слов, особенно слов с абстрактными значениями, объясняется не только непосредственным подражанием звукам природы, а также ассоциативными связями их звучания с обозначаемыми ими предметами и явлениями.

Теория междометий

§ 258. Второй по распространенности и популярности является теория происхождения языка из междометий

(теория междометного происхождения языка, проще — теория междометий, или междометная теория). Ее называют также теорией эмоционального происхождения языка (или теорией эмоциональной, аффективной, реже — рефлексной). Наряду с теорией звукоподражания эта теория происхождения языка появилась в глубокой древности. Ее возникновение связано с именами древнегреческого философа Эпику́ра (IV—III вв. до н. э.) и его последователей — римского философа и поэта Лукреция (I в. до н. э.) и др. Широкое распространение эта теория получила в XVIII—XX вв. (в 1773 г. английский языковед лорд Монбоддó опубликовал книгу «О происхождении и прогрессе языка»). Ее сторонниками были немецкие ученые В. Гумбольдт, Я. Гримм, Х. Штэйнталь, русские языковеды А. А. Потебня, Д. Н. Кудрявский и др.

Согласно положениям междометной теории (в ее первоначальном варианте), «речь возникла из бессознательных выкриков, сопровождающих различные состояния эмоций» [Бунак, 1951, с. 262]. По мнению эпикурейцев, в основу первоначальной речи положены «эмоциональные крики, которые связывались с впечатлениями от воздействующих на человека вещей и становились их обозначениями» [Якушин, с. 55]. Сторонники междометной теории видели основу происхождения языка в стремлении первобытного человека выразить свои эмоции и другие переживания (радость, удивление, боль, страх, голод и др.) с помощью нечленораздельных звуков, междометий. Впоследствии от них якобы произошли и все остальные слова. В подтверждение такой версии происхождения языка приводится факт наличия в разных языках определенного количества междометных слов, а также производных от них образований. Ср., например, русские междометия *ах, ох, ой, эй, ух* и слова *ахать, ахнуть, охать, охнуть, ойкать, ойкнуть, ухать, ухнуть, уханье* и др.

В концепциях некоторых ученых междометная теория происхождения языка выступает в несколько иных вариантах. Так, в XVIII в. французский философ Э. де Кондильяк единственным источником происхождения языка (и познания) считал ощущения. Английский ученый Ч. Дарвин утверждал, что «звуки речи возникли как часть мимико-пантомимического комплекса, сопровождавшего состояние повышенной эмотивности», впоследствии они «приобрели

самостоятельное значение, получили применение и в отсутствие аффекта» [см.: Бунак, 1966, с. 523]. Некоторые современные языковеды высказывают предположение, что «речь возникла на основе звуков, свойственных высшим антропоидам [т. е. человекообразным животным. — В. Н.], но не аффектных криков, а аффектно-нейтральных жизненных шумов, сопровождавших обыденные акты поведения», которые в ходе дальнейшего развития «превратились в произвольные [звуки], в начальные фонемы» [Бунак, 1951, с. 271—272].

Среди сторонников междометной теории происхождения языка было широко распространено мнение о том, что первоначально язык был богатым и эмоциональным, а в последующие периоды его развития постепенно обеднялся, т. е. происходило «падение языка». По мнению Ж.-Ж. Руссо (XVIII в.), первоначально в лексике было множество синонимов, параллельных средств для выражения «богатства души» первобытного человека. Впоследствии же этот богатый, эмоциональный и непосредственный язык сделался «сухим, рассудочным и методическим». Эта концепция получила название «теория двух периодов развития языка» [см.: Будагов, 1965, с. 377].

По мнению большинства современных ученых, междометная теория происхождения языка, как и звукоподражательная теория, является несостоятельной. Объясняя происхождение незначительной доли слов, она не в состоянии объяснить возникновение основной части словарного состава языка, например эмоционально-нейтральных слов, в особенности слов, являющихся названиями «предметов мысли» [см.: Бунак, 1951, с. 262; Ушаков, с. 63, 115]. Обращается внимание на то, что слова, которые могли возникнуть из аффективных выкриков первобытного человека, способны выполнять, главным образом, выразительную (экспрессивную) функцию, в то время как у языка имеется и ряд более важных функций, которые подобные слова выполнять не в состоянии [см.: Реформатский, 1967, с. 467].

Теория жестов

§ 259. Некоторые исследователи в качестве особой теории происхождения языка рассматривают теорию жестов (или жестовую теорию). Сторонниками жестовой теории

происхождения языка являются многие ученые: в XIX в. это были Л. Гейгер, В. Вундт, в XX в. — Я. Ван-Гиннекен, Л. Лёви-Брюль, Н. Я. Марр, В. В. Бунак. Согласно этой теории, язык ведет свое начало от тех или иных форм жестикляции. Звуковому языку якобы предшествует язык жестов, которые постепенно вытесняются голосовыми движениями (по Вундту, «голосовыми жестами»), становятся «второстепенным дополнением к звукам голоса» [см.: Бунак, 1966, с. 524].

Сторонники рассматриваемой теории видят источник происхождения языка прежде всего в «выразительных движениях руки» (В. Вундт) или же в движениях разных частей человеческого организма, среди которых главную роль играет рука (Н. Я. Марр), т. е. придерживаются теории (гипотезы) ручных жестов. Согласно этому учению, жесты («линейная или кинетическая речь») служили единственным средством общения первобытных людей на протяжении полутора миллионов лет — в период между животным состоянием и возникновением звуковой речи. При этом «ручной язык был вначале не разговорным, а производственным и полностью удовлетворял потребности общения людей» [Марр, с. 271].

В концепции некоторых ученых особую роль в возникновении человеческого языка играют мимические движения мускулов, наподобие тех, которые мы производим, например, при ощущении горького или кислого, при чувстве довольства/недовольства [см.: Ушаков, с. 115]. Предполагается, что в процессе эволюции человека движения лицевых мускулов постепенно передаются тем органам, на базе которых впоследствии формируется речевой аппарат, — губам, языку, голосовым связкам и др.

Таким образом, звуковые жесты приходят на смену мимическим жестам. Этот процесс и положен в основу теории звуковых жестов. При этом вначале звуковые жесты «были произвольными, как аффективные реакции, а потом стали применяться сознательно», т. е. «бессознательные звуковые жесты превратились в сознательные, произвольно употребляемые речевые фонемы» [Бунак, 1951, с. 263]. В качестве одной из причин замены движений мускулов звукоподражательными жестами (с последующим их переходом в звуки речи) указывается невозможность использования первых в

определенных условиях — ночью или в сумерках, по разные стороны преграды (например, деревья) и др.

Существует и такое мнение, что в формировании языка людей в равной мере использовались движения разных частей тела человека — рук, головы, лицевых мускулов и др., т. е. пантомимические движения первобытного человека, которые считаются «первым подлинно человеческим средством передачи информации» [Якушин, с. 121]. Иными словами, источником происхождения языка считается пантомимическое представление, т. е. театрализованное изображение разных жизненных ситуаций, событий: охоты на зверя, борьбы с другими сообществами и др., которое должно было напомнить об этих событиях или подготовить к ним членов сообщества. Предполагается, что пантомима сопровождалась нечленораздельными звуками. С течением времени пантомимическое представление дробилось на более мелкие элементы, «блоки», в соответствии с чем должно было дробиться и его звуковое сопровождение. Таким образом увеличивается число звуков, из которых впоследствии развиваются слова-предложения, т. е. формируется человеческая речь [см. там же, с. 129].

Жестовая теория происхождения языка в разных ее вариантах отличается от междометной (аффективной) теории тем, что в соответствии с теорией жестов появлению звуков речи предшествует широкое использование ручных и/или иных жестов, в то время как сторонниками междометной теории возникновение звуков речи рассматривается как явление первичное.

В подтверждение возможности происхождения человеческой речи из жестов сторонники жестовой теории приводят факт широкого распространения жестов в общении современных племен. Например, у австралийского племени аранда насчитывается около 450 различных жестов, причем с их помощью можно не только обозначить конкретные предметы, но и выразить некоторые общие представления. В некоторых племенах жесты обычно используются в качестве дополнительного средства общения. Однако в определенных ситуациях они могут служить единственным способом обмена информацией: например, в межплеменном общении американских индейцев, в общении вдов австралийского

племени варрамунга, которым в течение года с момента овдовения запрещается говорить [см.: Кодухов, 1987, с. 49].

Теория происхождения языка из жестов представляется недостаточно обоснованной. По мнению современных ученых, первобытный человек не мог с помощью жестов выражать отвлеченные, абстрактные понятия. «Символические жесты невозможны без представления о их цели, т. е. без развитого мышления. Те виды жестов, которые могут быть воспроизведены без осознания их цели, — жесты понудительные, призывные, выражают значения, а не общие понятия и представления» [Бунак, 1966, с. 524]. Мнение большинства ученых сводится к тому, что жесты получают распространение лишь после возникновения звуковой речи и служат дополнительным, вспомогательным средством общения людей, сопровождая язык слов.

При объяснении роли жестов в общении первобытных людей обращается внимание на то, что и в современном мире у разных народов жестикуляция используется неодинаково. Например, мексиканец в разговоре на протяжении одного часа использует жестикуляцию 180 раз (т. е. в среднем 3 раза в минуту), француз — 120 раз, итальянец — 80 раз, а финн — всего лишь один раз. Для выражения одного и того же значения у разных народов нередко используются неодинаковые жесты. Если при обозначении утверждения («да») русские кивают головой сверху вниз, то болгары — качают головой из стороны в сторону; при выражении отрицания («нет») испанцы и португальцы делают движение руками от себя, японцы — покачивают кистью руки от себя и к себе или же покачивают вертикально поднятой до уровня лица ладонью либо указательным пальцем и т. д. [см.: Кодухов, 1987, с. 50].

Трудовая теория

§ 260. В середине XIX в. возникает трудовая теория (гипотеза) происхождения языка. Ее иногда называют рабочей теорией, гипотезой трудового происхождения человеческой речи, гипотезой социального происхождения человеческой речи. Основателями этой теории были немецкие филологи Л. Нуарé и Л. Гейгер. Большое значение данной теории придавал английский филолог Макс Мюллер. Трудовая теория

происхождения языка получила признание и дальнейшее развитие также в философии. С течением времени эта теория приобретает все большую популярность. Ее поддерживают и развивают также многие отечественные ученые: А. А. Леонтьев, О. А. Донских и др.

Сторонники трудовой теории связывают происхождение языка непосредственно с «производственной» деятельностью первобытного человека. Согласно этой теории, «язык возник в процессе совместной трудовой деятельности первобытных людей как одно из средств оптимизации и согласования этой деятельности» [РЯЭ-Ф, с. 237]. В первобытном трудовом коллективе «необходимо было выработать такие средства коммуникации, которые не просто с и г н а л и з и р о в а л и бы о чем-то, но п о н у ж д а л и к определенному с о в м е с т н о м у действию или к его прекращению, иными словами, являлись бы средствами о б щ е с т в е н н о й р е г у л я ц и и поведения» [Леонтьев, 1963, с. 46].

Идеи трудовой теории происхождения языка развивала и марксистская философия. К. Маркс особо подчеркивал мысль о том, что действительной причиной возникновения языка является развитие трудовой, «производственной» деятельности первобытных людей. Принципиально новым моментом в его философии является осознание коммуникативной функции языка как важнейшей [см.: Донских, с. 109], утверждение, что «язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс, с. 29].

Ф. Энгельс был убежден в неразрывной внутренней связи трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива, развития сознания формирующегося человека и становления форм и способов общения. По его словам, именно труд создал человека, а тем самым и его язык. При этом особая роль в возникновении человеческой речи отводится прямой походке, во многом способствовавшей совершенствованию головного мозга и органов речи человека¹.

Ср.: «Начавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом

¹ Подробное описание процесса развития речевого аппарата первобытного человека и его головного мозга (на основании антропологических данных) см.: Бунак, 1980, с. 127; 1951, с. 221, 232.

вперед кругозор человека. В пределах природы он постоянно открывает новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим» [Энгельс, с. 146—147].

Основные положения марксистского учения о происхождении языка можно сформулировать следующим образом:

1) первоначальный язык появился в виде звуковой, словесной человеческой речи;

2) возникновение языка неразрывно связано с происхождением человека, без языка человек не мог бы быть человеком;

3) неперенным условием возникновения языка является производственная деятельность людей, их коллективный, общественный труд; язык мог возникнуть тогда, когда появилась потребность в человеческом общении, потребность что-то сказать друг другу;

4) вопрос о происхождении языка должен решаться совместными усилиями разных наук — языкознания, антропологии, археологии, этнографии, общественной истории и др.;

5) современная наука не в состоянии объяснить происхождение языка, определить подлинный источник его возникновения; возможно лишь построение более или менее вероятных гипотез возникновения языка.

Принципиальное отличие марксистской концепции происхождения языка от трудовой теории Гейгера и Нуаре состоит в следующем:

1) по Гейгеру и Нуаре, первоначальный язык сопровождал трудовые действия человека, он возник (или мог возникнуть) до того, как человек научился пользоваться орудиями труда; по Энгельсу, труд первобытного человека, использо-

вание им орудий труда является предпосылкой возникновения языка;

2) по Нуаре, самосознание человека и его язык возникают в отношении человека к внешнему миру, к природе, к орудю труда; по марксистской концепции, они могут возникнуть только в отношении человека к другому человеку, т. е. носят сугубо общественный, социальный характер [см.: Донских, с. 105].

В подтверждение социальной обусловленности появления человеческой речи иногда приводится такой факт: «ни один ребенок не заговорит до тех пор, пока не окажется в окружении говорящих людей» [Головин, 1983, с. 165]. Естественно, важную роль в возникновении языка, наряду с социальным фактором, играют и факторы биологические, такие, как освобождение передних конечностей антропоида для изготовления орудий труда и пользования ими, выпрямление походки, развитие органов речи, головного мозга и др.

Трудовую теорию происхождения языка обычно называют марксистской теорией. Ввиду того, что основную роль в ее разработке сыграли труды Ф. Энгельса, некоторые ученые называют ее теорией Энгельса, а также теорией Нуаре—Энгельса (поскольку Ф. Энгельс в разработке своей концепции опирался на идеи Л. Нуаре).

Теория трудовых выкриков

§ 261. Во второй половине XIX в. ряд европейских ученых развивали трудовую теорию происхождения языка в весьма своеобразном направлении. Немецкий ученый К. Бюхер выводил происхождение языка из трудовых выкриков, сопровождавших коллективные трудовые действия. Таким образом, возникает еще одна теория (гипотеза) естественного происхождения языка, которая в современном языкознании известна под названием теории **т р у д о в ы х в ы к р и к о в**. Согласно данной теории, выкрики (или возгласы) первобытных людей, сопровождавшие коллективный труд, вначале носили инстинктивный, произвольный характер, но постепенно превращались в определенные символы трудовых процессов, т. е. в сознательно произносимые языковые единицы.

Голосовое сопровождение трудовых процессов, в особенности актов коллективного труда, у первобытных людей представляется явлением вполне естественным. Это может быть подтверждено тем, что и в современном обществе выполнение некоторых работ сопровождается определенными возгласами, которые в какой-то мере облегчают, ритмизируют трудовой процесс, способствуют организации деятельности людей. Однако подобные выкрики не несут никакой информации и вряд ли могли послужить источником (по крайней мере, единственным) возникновения речи первобытного человека. Они могли служить лишь «техническим» средством ритмизации труда, как это имеет место в жизни современных людей.

Некоторые лингвисты теорию трудовых выкриков иногда смешивают с трудовой теорией Л. Нуаре [см.: Реформатский, 1967, с. 467; Головин, 1983, с. 165; Кодухов, 1987, с. 48]. По своему содержанию теория трудовых выкриков ближе к междометной теории, чем к трудовой теории, и может рассматриваться как разновидность данной теории.

Существуют и другие теории естественного происхождения языка. Одной из сравнительно новых является сформулированная в США теория младенческого лепета. Согласно этой гипотезе, человеческая речь могла возникнуть из произносимых эмотивно-нейтральных звуков, сходных с произвольным лепетом младенца [см.: Бунак, 1951, с. 263; 1966, с. 524].

Теория божественного происхождения языка

§ 262. Из теорий (гипотез) искусственного происхождения языка с античных времен известна теория б о ж е с т в е н н о г о п р о и с х о ж д е н и я языка (или божественная теория, теория откровения, теория божественного откровения, теория божественного установления языка). Основанное на библейских легендах, ее содержание отражено в мифологических произведениях разных эпох.

Самыми древними из дошедших до нас литературных памятников, рассказывающих о божественном происхождении языка, являются индийские веды. Это четыре сборника художественных произведений разных жанров — песен, гимнов, жертвенных изречений и заклинаний, созданных на

территории к востоку от нынешнего Афганистана в XXV—XV вв. до н. э.

В Средние века божественная теория происхождения языка занимала господствующее положение среди других теорий. Вопрос о божественном происхождении языка оживленно обсуждался в научной литературе XVIII — начала XIX в., что связано с активной деятельностью французских просветителей, распространением идей Французской революции и стремлением противостоять усиливающемуся влиянию идей естественного происхождения языка. Однако к концу XIX в. данная теория происхождения языка уже утратила свое значение [см.: Якушин, с. 8; Донских, с. 15].

Теория божественного происхождения языка с момента ее возникновения претерпела сложную эволюцию. С древнейших времен известны два основных варианта этой теории. Согласно одному из них (наиболее упрощенному), происхождение языка объясняется очень просто: язык дан человеку Богом; Бог создал человека, а вместе с ним — и человеческий язык.

Согласно другому варианту этой теории, язык был создан людьми, но с помощью Бога. В древнеиндийской «Ригведе» говорится, в частности, о том, что начало речи дали люди, первые великие мудрецы, под покровительством бога Брхаспати — вдохновителя красноречия и поэзии. Подобная мысль высказывается в древнеиранской священной книге «Авеста», в древнекитайской философской литературе [см.: Якушин, с. 9, 20]. Близкая к данной версия содержится и в работах ученых других стран. Она заключается в следующем: Бог создал первого человека — Адама и наделил его даром речи, а Адам придумал имена всем другим существам и предметам, т. е. создал язык по своему произволу [см.: Донских, с. 40; Реформатский, 1967, с. 466].

Известны другие варианты божественной теории происхождения языка. Так, в одном из гимнов, содержащихся в «Ригведе», высказывается мысль о том, что Бог, «всеобщий ремесленник, ваятель, кузнец и плотник, создавший небо и землю», устанавливал не все имена, а только для подчиненных ему богов, имена же вещам устанавливали люди — святые мудрецы, хотя и с помощью Бога, «господина речи». Согласно Библии, Бог, сотворивший мир за шесть дней, назвал лишь самые крупные из созданных им объектов, такие, как *земля, море, небо, день, ночь*

и др. Установление же имен более мелких объектов (например, животных, растений) он поручил творению своему, Адаму [см.: Якушин, с. 9, 11].

Примерно такие же взгляды нашли отражение в английской номиналистической философии, например, в работах Т. Гоббса (XVII в.): Бог по своему усмотрению изобрел лишь некоторые имена и сообщил их Адаму, а также научил Адама создавать новые имена и строить из них речь, понятную другим людям.

Близкие мысли проповедуются в традиционном арабском богословии [см.: Донских, с. 45, 42].

Еще в античные времена божественная теория происхождения языка не пользовалась особой популярностью. В античной философии предпочтение отдавалось теориям естественного происхождения языка. Философы обращали внимание на то, что одно лицо не в состоянии «обозначить вещи все голосом», ибо для этого вначале нужно познать сущность всех вещей, а это одному не под силу. К тому же не из чего было создавать слова, так как до установления имен не было более мелких единиц — звуков [см.: Якушин, с. 54].

С резкой критикой теории божественного происхождения языка выступил немецкий филолог Я. Гримм (XIX в.), признававший распространенную в то время концепцию обеднения языка в процессе исторического развития. Гримм заявляет, что, во-первых, Божьей мудрости противоречит насильственное навязывание того, «что должно свободно развиваться в человеческой среде» и что, во-вторых, было бы противно Божьей справедливости позволить терять «дарованному первым людям божественному языку свое первоначальное совершенство». На этом основании делается вывод о том, что Бог не имел никакого отношения к возникновению и развитию языка [см. там же, с. 19].

В современной лингвистической литературе обращается внимание на невозможность божественного происхождения языка как единовременного акта еще и потому, что для формирования человеческой речи необходимо образование речевого аппарата человека, что требует значительного времени [см.: Степанов, с. 162].

Утрата популярности теории божественного происхождения языка, несомненно, связана и с распространением атеистических убеждений среди многих ученых.

Отмечая научную несостоятельность божественной теории происхождения языка, современные лингвисты отмечают и некоторые положительные моменты этой теории. В частности, обращается внимание на то, что она существенно повлияла на разработку других теорий, что благодаря возрождению этой теории в начале XIX в. «было дополнительно сфокусировано внимание на роли и сущности языковой способности человека» [Донских, с. 5, 89].

Теория общественного договора

§ 263. К числу теорий искусственного происхождения языка относится и теория общественного договора (иначе — теория социального договора, теория трудового договора, теория изобретения языка, договорная теория, или теория соглашения). В этой теории язык рассматривается как «искусственное порождение», как «сознательное изобретение и творение людей» [см.: РЯЭ-Ф, с. 236; Кодухов, 1987, с. 48]. Язык определяется также как «общественный договор, продукт словесного “называния”, при этом выбор имен в основном произволен» [см.: Донских, с. 42].

Возникновение теории общественного договора обычно связывают с именем французского просветителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, хотя идеи этой теории высказывались еще античными философами. Некоторые исследователи «настоящим творцом» рассматриваемой теории считают древнегреческого философа Демокрита. Стронниками идей Демокрита были Аристотель, Лукреций, Витрувий и др. В античной философии эта теория противопоставлялась теории божественного происхождения языка.

Демокрит объяснял возникновение человеческого языка общественными потребностями первобытных людей, их стремлением преодолеть те трудности, с которыми им приходилось сталкиваться в повседневной жизни. По описанию Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), возникновение человечества и человеческого языка представлялось следующим образом: «Первобытные люди жили... неустроенной и сходной с зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и

питались вкусной травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу, и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно друг друга узнавать. Голос их был еще бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение отосчитательно всего» [см.: Кодухов, 1987, с. 47].

Появление слов «по установлению» (а не «по природе») Демокрит обосновывал некоторыми языковыми особенностями, а именно наличием таких явлений, как одноименность (омонимия), многоименность (полисемия), возможность переименования вещей (например, Аристóкла в Платóна, Тирта́ма в Феофра́ста) и отсутствие соответствия в словообразовании (например, возможность образовать глагол *мыслить* от существительного *мысль* и невозможность образовать глагол «*справедливить*» от существительного *справедливость*) [см.: Донских, с. 42].

Теми же причинами объясняет возникновение языка и Витрувий, хотя он по-иному описывает ситуацию его зарождения: «Первобытные люди, подобно животным, рождались в лесах, пещерах и рощах и проводили свою жизнь, питаясь полевой пищей. Тем временем в некоем месте часто растущие деревья, шатаемые бурями и ветром и трясая друг о друга ветвями, вспыхнули огнем, и находившиеся в окрестностях люди, перепуганные сильным его пламенем, разбежались. Затем, когда все успокоилось, они подошли ближе и, заметив, что тепло от огня очень приятно, стали подбрасывать в огонь дрова и, таким образом поддерживая его, привлекать других и показывать им знаками, какую можно извлечь из этого пользу. В этом сходбище людей, когда каждый по-разному испускал дыханием голоса, они, благодаря ежедневному навыку, установили, как случилось, слова, а затем, обозначая ими наиболее употребительные вещи, ненароком стали, наконец, говорить и таким образом положили начало взаимной речи» [см.: Донских, с. 31].

Аристотель, поддерживая мысль о произвольном возникновении языка, «произвольном установлении имен», которые «имеют значение в силу соглашения», обращает особое внимание на то, что по языку человек выделяется среди всех живых существ [см. там же, с. 29—30].

Лукреций, сравнивая язык человека с «языком» животных, отмечает способность людей придумывать названия разным вещам: «Стало быть, коль заставляет различные чувства животных даже при их немоте испускать разнородные звуки, сколь же естественней то, что могли первобытные люди каждую вещь означать при помощи звуков различных!» [см. там же].

Руссо строил свою теорию возникновения языка исходя из деления жизни человечества на два периода — природный и цивилизованный. В первый период предметы и явления, воспринимаемые слуховыми органами, обозначались звуками, звуковыми сигналами; те же предметы, которые воспринимались зрительно, изображались жестами, с помощью жестов передавались и их названия. Во второй период те и другие обозначения заменялись звуками-предложениями, поскольку пользование жестами было неудобно.

Теория общественного договора, по мнению современных ученых, не объясняет происхождение языка. Критики этой гипотезы обращают особое внимание на то, что договариваться о названиях разных вещей, о значениях произносимых слов невозможно без языка [см.: Якушин, с. 16]. Иными словами, «для того, чтобы “договориться” о языке, надо уже иметь язык, на котором “договариваются”» [Реформатский, 1967, с. 468].

§ 264. Наиболее обоснованной и убедительной представляется трудовая теория происхождения языка. Положительную роль в разработке трудовой теории сыграли и другие теории, содержащие отдельные важные моменты. Однако в отдельности ни одна теория не в состоянии объяснить возникновение человеческой речи. Общим недостатком всех теорий считается то, что они (или многие из них) пытаются объяснить возникновение языка вне связи с вопросом о происхождении самого человека и образовании человеческого общества, в то время как данные явления неразрывно связаны между собой. Совершенно очевидно, что не может быть языка вне общества, как и невозможно существование общества без языка.

Вполне допустимо, что «язык произошел не исключительно одним каким-либо путем» [Ушаков, с. 115], т. е. что он формировался на основе разных источников. На это обращали

внимание многие ученые. Так, большинство французских философов второй половины XVIII в. в качестве таких источников называют одновременно подражание звукам природы и инстинктивные выкрики первобытных людей, т. е. признают и звукоподражательную, и междометную теории. При этом некоторые ученые (например, В. Вундт) рассматривают данные теории как дополняющие друг друга, относящиеся к разным периодам формирования первоначального языка. Предполагается, что сначала слова возникли из произвольных выкриков, а позже их состав пополнялся за счет звукоподражательных элементов [см.: Донских, с. 4, 67].

Английский естествоиспытатель Ч. Дарвин объясняет возникновение языка по совокупности трех источников: инстинктивных выкриков, звукоподражаний и жестов. При этом он считает, что жесты играли в возникновении речи вспомогательную роль [см.: Якушин, с. 49].

Сторонники трудовой теории происхождения языка также допускают использование разных источников для образования первоначальных языковых знаков.

Формирование и развитие языков

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ОБЩЕСТВА

§ 265. Язык на протяжении всей истории существования постоянно изменяется, развивается. Под изменением в языке понимается превращение его единиц в качественно новые единицы. Развитие языка обозначает совершенствование его единиц в процессе их изменения, приспособление языка к растущим потребностям общения.

Происхождение звукового языка связано с возникновением человека, общества. Равным образом изменение и развитие языков происходит по мере развития общества, совершенствования форм исторической общности людей, социальных форм объединения. Принято различать три основных периода развития общества и, соответственно, три этапа развития языков:

- 1) период первобытнообщинного, или родо-племенного, строя с племенными (родо-племенными) языками и диалектами;
- 2) период феодального строя с языками народностей;
- 3) период капитализма с языками наций, или национальными языками.

Ср.: «Развитие языков всегда было тесно связано с судьбами их носителей и, в частности, с развитием устойчивых социальных форм объединения людей» [Маслов, 1987, с. 190];

«доступное научному обозрению развитие языков шло от племенных языков и диалектов к языкам и диалектам народностей и затем — к языкам национальным. ...Закономерное историческое движение от языков племенных к языкам и диалектам народности и затем к национальным языкам зависит, конечно, от развития общества, народов и государств» [Головин, 1983, с. 163].

В соответствии с этим в зависимости от развития общества различается «три исторических типа диалекта: 1) диалект в условиях родо-племенного строя (диалект племени), 2) диалект в

эпоху образования древних и средневековых государств (т. е. в период становления народности) и 3) так называемый территориальный диалект в период формирования и развития национальных единств, когда диалект становится пережиточной формой устного общения определенных слоев общества» [Гухман, с. 211].

§ 266. В становлении языков (диалектов) в разные периоды развития общества, в разные исторические эпохи происходят два противоположных процесса — дифференциация (от лат. *differentia* — ‘различие’), или дивергенция (от лат. *divergere* — ‘расходиться’), и интеграция (от лат. *integratio* — ‘восстановление, восполнение’), или конвергенция (от лат. *convergere* — ‘приближаться, сходиться’).

Интеграцией (конвергенцией) называется «сближение разных языков и даже замена двух или нескольких языков одним» [Маслов, 1987, с. 188]. В качестве примера интеграции языков (диалектов) можно указать на объединение родственных языков (диалектов) в племенные, племенных — в языки (диалекты) племенных союзов при первобытнообщинном строе. Интеграцией можно назвать, например, образование древнегреческого языка (XIV в. до н. э. — IV в. н. э.) путем объединения ионийского, дорийского, аттического и эолийского диалектов (наречий) [см.: Ушаков, с. 102]. Процесс интеграции проявляется в формировании предположительно в III тысячелетии до н. э. (а может быть, и раньше) общинно-доевропейского (праиндоевропейского) языка (или индоевропейского праязыка) путем объединения многочисленных диалектов.

Под дифференциацией (дивергенцией) понимается «распадение единого языка на два или несколько различающихся между собою, хотя и родственных языков» [Маслов, 1987, с. 188]. Примером дифференциации языка может служить распад индоевропейского праязыка. Общиневропейский язык, распространенный в период палеолита (т. е. в первом из двух периодов каменного века) на территории между Волгой и Дунаем, с конца III тысячелетия до н. э. начинает делиться на диалекты: славянский, балтийский, германский, романский и др. Общеславянский (или праславянский) диалект, который первоначально был распространен на территории между Западным Бугом и средней частью

Днепра, обособляется во второй половине I тысячелетия. В VI—VII вв. славянские племена расселяются на огромной территории от озера Ильмень на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы на западе. Это приводит к образованию трех групп славянских языков — восточной, южной и западной, на базе которых позже формируется ряд славянских языков, сохранившихся до настоящего времени.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

Родо-племенные языки

§ 267. История развития языков начинается с формирования родовых и племенных языков (диалектов) в эпоху первобытнообщинного строя. Древнейшей организацией человеческого общества был род, который возникает на базе первобытного человеческого стада. Члены родового сообщества были связаны друг с другом отношениями кровного родства. Родовые объединения людей представляли собой «большие семьи, сначала, по-видимому, по материнской линии (матриархат), позже — по отцовской (патриархат)» [Степанов, с. 166]. Каждый род пользовался своим особым языком (диалектом).

Племя представляло собой объединение двух или нескольких родов и первоначально насчитывало не более ста человек. Роды были связаны общей территорией, хозяйственными отношениями, родственными узами между членами. Объединение родовых сообществ в племена сопровождалось образованием племенных языков (диалектов, наречий).

Ср.: «Как и всякий этнос, племя характеризуют следующие признаки — это общность людей, живущих на одной территории, связанных хозяйственными отношениями и говорящих на одном языке, но в отличие от более поздних этносов (народности, нации) племя имеет одну особенность: все люди в нем связаны кровнородственной связью, все происходят от действительного или мнимого (но действительного, по их мнению) общего предка» [Степанов, с. 167].

На протяжении всего существования первобытнообщинного (или родо-племенного) строя «племена обычно объединялись в союзы племен, получавшиеся путем дробления, со-

единения, передвижения и, наконец, сплочения племен» [Степанов, с. 167]. В качестве примера можно назвать союз индоевропейских племен, а также возникшие на его основе племена Древней Греции, Древней Руси, средневековой Германии и др. У каждого из племенных союзов возникает свой язык, т. е. формируются языки племенных союзов. Территориальное разобщение племен в результате их расселения приводит к появлению племенных особенностей в языке при сохранении общих явлений (слов, корневых и аффиксальных морфем, фонетических и грамматических закономерностей). Таким образом, языки племен, племенных союзов распадаются на группы родственных диалектов.

Родо-племенные отношения и племенные языки, сложившиеся в глубокой древности, у некоторых народов пережиточно сохранились до эпохи капитализма (например, у австралийцев, американских индейцев, у арабов на Аравийском полуострове). Вплоть до Октябрьской революции родо-племенное деление общества сохранялось у киргизов, туркмен, каракалпаков [см.: Кодухов, 1987, с. 68].

§ 268. В родо-племенном обществе наряду с территориальными диалектами формируются групповые диалекты. При этом появляются определенные различия в языке мужчин и женщин, лиц разных возрастных групп, например стариков и младших членов сообщества. Эти особенности проявляются прежде всего в лексике, отчасти — в фонетике. Различия в языке мужчин и женщин связаны, главным образом, с разделением труда между ними: мужчины занимались в основном охотой и рыболовством, женщины — сборианием плодов и корней. Лингвисты особенно подчеркивают мысль о том, что «языки первобытнообщинного, или родо-племенного, строя характеризуются... быстрым обновлением словаря», «увеличением числа усвоенных слов» [Степанов, с. 178; Бунак, 1966, с. 514]. В лексике распространяется такое явление, как табу́, т. е. запрет на употребление определенных слов [см. § 290].

Известны различные стадии (этапы, периоды) развития племенных языков (диалектов).

По мнению ученых, на ранней стадии развития племенных языков речь человека состояла из одиночных (не связанных друг с другом), преимущественно односложных, слов. «Первой

собственно человеческой, хотя и примитивной, формой речи первобытного человека были именно слова-команды, родившиеся под давлением необходимости оперативно управлять первобытным человеком» [Якушин, с. 93].

Предполагается, что в ранний период число усвоенных слов едва ли превышало один-два десятка [см.: Бунак, 1966, с. 514]. Слова были конкретными по содержанию и многозначными. Они имели «законченный смысл», почему называются иногда словами-предложениями. Подчеркивается, что «начальные формы понятий могли выполнять свои функции лишь постольку, поскольку они выражали более или менее законченную мысль, а не отдельные ее части» [Бунак, 1951, с. 272, 273]. На этом основании можно сделать вывод, что каждое слово обозначало одновременно «действие или состояние и действующее лицо или объект действия» [Бунак, 1966, с. 515].

Реконструируя речь первобытного человека, ученые обратили внимание на ее возможное сходство с речью ребенка на ранних стадиях ее развития: например, фонемы «ки» ('киска, кошка') в речи ребенка в возрасте около одного года «означают одновременно и определение вида животного, и констатацию его присутствия, и желание видеть или погладить животное, а иногда и испуг, и пр., а в более старшем возрасте слово "ашка" (чашка) знаменует целый класс полых предметов — ведро, чайник и др.» [Бунак, 1951, с. 273].

По характеру слов, их семантики «первобытную речь можно назвать стадией изолированных, несвязанных речений», или стадией нечленораздельной речи [Там же, с. 273, 276].

Следующая стадия развития племенных языков характеризуется заметным расширением словаря, появлением многосложных слов (при сохранении односложных), наличием определенных связей между разными словами, использованием сочетаний слов (двух и более). На данной, последней стадии развития племенных языков зарождаются некоторые грамматические особенности речи (например, морфологическая изменимость слов), выделяются части речи, устанавливается порядок слов в высказывании. Эта стадия развития племенных языков называется синтагматической (или стадией синтагм, стадией связанных речений), а также стадией членораздельной речи [см.: Там же, с. 275, 276; Бунак, 1966, с. 515].

Языки народностей

§ 269. С развитием частнособственнических отношений первобытнообщинная эпоха сменяется рабовладельческой и

феодалной. Начинается образование государств разных типов.

Первые государственные объединения возникают на азиатском и африканском континентах. Одним из древнейших государств мира является Китай, образование которого относится ко II тысячелетию до н. э., когда на территории племени инь сложилось рабовладельческое государство Инь. В середине I тысячелетия до н. э. уже известен ряд рабовладельческих государств в Индии. В Африке, в долине реки Нил, с древнейших времен существовало рабовладельческое государство Египет (Древний), на территории которого в IV тысячелетии до н. э. образовалось около 40 рабовладельческих государств (номов). На европейском континенте ранними государствами являются Древняя Греция и Древний Рим, где переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому обществу происходит в VIII—VI вв. до н. э. Древнерусское государство (Киевская Русь) как раннефеодалное государство славян с центром в Киеве возникло в конце IX в.

С образованием государств племена и племенные союзы преобразуются в народности. Под народностью понимается «общность людей, исторически сложившаяся в процессе разложения племенных отношений на базе единства языка и территории и развивающейся общности экономической жизни и культуры» [ТСРЯ-ОШ, с. 401]. В дальнейшем у каждой из народностей складывается свой язык. Языком древнерусской (восточнославянской) народности, например, был древнерусский язык, которым пользовались предки всех нынешних восточных славян.

§ 270. Характерной особенностью языка народности в условиях существования государственности является его раздвоенность (по выражению некоторых лингвистов, двухслойность). Эта особенность языка народности состоит в том, что язык феодальной знати существенно отличается от языка крестьян и горожан [см.: Степанов, с. 179]. В качестве языка знатных членов общества часто использовался чужой литературный язык. Например, в Англии после ее норманнского завоевания в XI в. языком феодальной знати долгое время оставался французский язык, тогда как основное население пользовалось английским (древнеанглийским) языком.

В Индонезии до XV в. феодальная знать «пользовалась санскритом и другими индийскими языками, в то время как крепостное крестьянство говорило на различных языках малайской, или индонезийской, группы» [Там же, с. 186].

В новых государствах создаются особые государственные языки, т. е. языки государственных актов, деловой переписки, науки, литературы, богослужения, которые противопоставляются местным, народным языкам и диалектам. В средневековую эпоху в качестве такого языка нередко используется какой-либо мертвый язык с сохранившейся письменностью. Например, во многих странах Востока таким языком служил арабский (в его классической форме) или древнегреческий, в ряде западноевропейских государств — латынь, в Древней Руси — церковнославянский язык, т. е. русифицированный старославянский.

Национальные языки

§ 271. В эпоху феодализма постепенно складываются условия для возникновения капиталистических отношений. С развитием капитализма образуются централизованные национальные государства. Первые такие государства возникли в Европе — в Англии, Франции, Италии. В национальных государствах сформировавшиеся в рабовладельческом и феодальном обществе народности преобразуются в нации (от лат. *natio* — ‘племя, народ’). В Западной Европе формирование наций на базе народностей происходило одновременно с образованием первых централизованных национальных государств. Процесс преобразования великорусской народности в русскую нацию начинается в XVII в.

Вместе с образованием нации формируется национальный язык, т. е. «язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной» [ЛЭС, с. 325]. В Западной Европе национальные языки (английский, французский) возникают в XVI—XVII вв. Русский национальный язык формируется начиная с XVII в. Особенно интенсивно этот процесс происходит в XVIII в., в «период бурного развития промышленности, переустройства государства, подъема науки и литературы, когда стало заметно западноевропейское (особенно французское) языковое влияние» [Там же, с. 429].

Национальный язык характеризуется рядом особенностей. В отличие от языка народности, который чаще всего используется в сфере устного общения, «национальный язык обслуживает соответствующую нацию не только в сфере устного общения... а обязательно и в сфере письменного общения в качестве ее [нации] литературного языка» [Маслов, 1987, с. 191], при этом письменность получает повсеместное распространение.

Появление письменности играло исключительно важную роль в развитии языков. С возникновением и распространением письма начинается формирование письменных языков. Различия между письменным и устным языками могут быть очень существенными. В качестве примера можно привести «разрыв между классической латынью, представленной памятниками литературы, и “вульгарной” (т. е. народной) латынью, как она восстанавливается по данным развившихся из нее романских языков и по свидетельствам римских грамматистов о “неправильной” латинской речи» [Маслов, 1987, с. 190].

Необходимо заметить, что в качестве письменного языка может использоваться и чужой язык. Например, в большинстве стран средневековой Европы это была средневековая латынь, в странах Ближнего Востока — арабский язык.

Распространение письменности обусловило формирование литературных национальных языков [см. § 243]. Чаще всего литературный язык создается на основе одного из диалектов общенародного языка. Например, русский литературный язык сложился на основе средневеликорусского диалекта — говора Москвы и прилегающих областей. Возможны и такие случаи, когда у одной нации на основе разных диалектов параллельно развиваются два литературных языка. Например, в Мордовии до настоящего времени существуют литературные языки эрзя (эрзя-мордовский) и мокша (мокша-мордовский).

В ряде случаев литературные языки возникают в донациональный период: «...литературный язык мог сложиться и в условиях развития народности. Известны литературные языки Древней Греции (древнегреческий), Рима (латинский), Древней Индии (санскрит), Древней Руси (древнерусский), Болгарии IX—X столетий (древнеболгарский) и др. Но для народности наличие литературного языка необязательно; кроме того, на-

родность может принять в качестве литературного и чужой язык» [Головин, 1983, с. 159].

С образованием национальных литературных языков весьма актуальной становится проблема литературной нормы, в основу которой кладется «какой-то один из диалектов — тот, который ходом исторического развития выдвигается на первое место» [Маслов, 1975, с. 244]. Так, в основу нормы французского литературного языка лег диалект Парижа и его окрестностей, нормы английского языка — диалект Лондона и прилегающей территории, нормы русского языка — говор Москвы и прилегающих областей.

Литературные национальные языки сближаются с народными языками. В рамках единого, общенародного языка стираются диалектные и иные различия. В то же время возникают так называемые социальные диалекты, «тесно связанные друг с другом и возрастным членением языка (обычной детской речью и условными детскими языками)» [Степанов, с. 201].

Расширение связей между народами навело ученых на мысль попытаться создать наднациональное средство общения — международный искусственный язык. В конце XIX в. были изобретены такие международные языки, как воляпюк, эсперанто, йдо и др. [см. § 3].

В качестве собственно языковых особенностей национального языка можно отметить такие, как богатство словарного состава, более совершенный грамматический строй (по сравнению с языком народности).

Благоприятные условия для развития национальных языков складывались в бывшем СССР. После Октябрьской революции более 40 народов получили научно разработанную письменность и свои литературные языки.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Законы развития языка

§ 272. В ходе исторического развития языков происходят изменения языковых единиц, категорий и т. д. разных уровней — фонетических, лексических, грамматических и др. При этом в каждом конкретном случае языковые изме-

нения зарождаются в речи отдельных лиц, затем постепенно распространяются на язык в целом.

Ср.: «Всякие изменения в фактах языка возникают в индивидуальном языке отдельных лиц, а затем или исчезают, или захватывают все большие и большие круги говорящих» [Ушаков, с. 122].

Основной причиной исторических изменений в языке считается стремление удовлетворить растущие потребности общения людей.

Ср.: «Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [Ломтев, 1953, с. 79].

Изменение языковых явлений представляет собой непрерывный исторический процесс, который в разные периоды развития языка происходит с разной степенью интенсивности.

Ср.: «Развитие и изменение языка происходит без прекращения непрерывности языка путем продолжения существовавшего ранее и его видоизменений, причем темпы этих изменений в различные эпохи неодинаковы: бывают эпохи, когда строй языка остается устойчивым на протяжении тысячи лет; бывает и так, что в течение двухсот лет строй языка сильно видоизменяется (перестройка глагольной системы русского языка в XIV—XVI вв. или перестройка фонетической системы в XI—XII вв., также и английское “большое передвижение гласных” совершается в XV—XVI вв., а падение парадигмы склонения в старофранцузском охватывает весь средневековый период» [Реформатский, 1967, с. 475].

В зависимости от того, в какой мере происходящие в языке изменения принимаются языковым коллективом, отражаются в речевой практике говорящих, могут быть определены разные этапы их осуществления.

Ученые различают несколько этапов языковых изменений. Так, в лексике возможно «индивидуальное новообразование или новообразование, употребительное в узком кругу постоянно общающихся между собой людей» (таково, например, приду-

манное Н. М. Карамзиным слово *влияние*, созданное по образцу французского *influence*) — это первый этап изменения.

Затем «такое новообразование, если оно нужно для выражения какого-то нового содержания... входит в социальную норму, т. е. начинает употребляться в определенной социальной группе внутри языкового коллектива», в определенном речевом стиле, — это второй этап изменения.

Наконец, «новообразование становится общепринятым (входит в общую норму языка), а затем, может быть, и общеобязательным во всем языковом коллективе, т. е. входит в систему языка» — это третий этап изменения [Леонтьев, 1963, с. 125—126].

§ 273. Происходящие в языке изменения опираются на действующие языковые законы (или законы развития языка).

Понятие языкового закона не получило в науке достаточно четкого объяснения. По словам Б. А. Серебренникова, языковые законы «в самых общих чертах... можно определить как постоянные и закономерные тенденции, направляющие развитие языков по пути их совершенствования (абсолютного прогресса)» [ЛЭС, с. 160].

Законы развития языка проявляются внутри языковой системы, их действие опирается на собственный языковой материал, они действуют как бы независимо от влияния общества, поэтому их иногда называют внутренними законами развития языка. Термином «внутренний закон развития языка» обозначается «то очевидное обстоятельство, что каждое новое явление в языке вырастает из уже существующих в нем явлений и на их основе. Каждое новое явление (новый звук, новая морфема, новое слово, новая форма, новая синтаксическая модель, новое отношение между языковыми единицами и категориями) исторически обусловлено самими языком, создается из его “материала” и по его “правилам”» [Головин, 1983, с. 160].

Различаются языковые законы общие и частные. Общие и называются законы, характерные для всех языков, для языка как общечеловеческого явления, частными — законы, действующие в том или ином конкретном языке.

Ср.: «Общие законы обеспечивают регулярное единообразие процессов развития языка, которое обуславливается общей для

всех языков природой, сущностью специфики языка как общественного явления особого порядка, его общественной функцией и качественными особенностями его структурных компонентов. По отношению к прочим общественным явлениям они выступают как характерные для языка, и именно это обстоятельство дает основание называть их его внутренними законами; однако в пределах языка они оказываются всеобщими. <...>

От общих законов развития языка, как специфического общественного явления, следует отличать законы развития конкретного языка в отдельности, являющиеся характерными для данного языка и отличающие его от других языков. Этой категории законов, поскольку они определяются структурными особенностями отдельных языков, можно также присвоить название частных внутренних законов развития» [Звегинцев, 1962, с. 164—168].

Наиболее известны такие внутренние законы развития языка, как закон абстрагирования, закон дифференциации, закон аналогии, закон экономии речевых усилий (языковых средств) и др.

Закон абстрагирования (точнее — закон абстрагирования элементов языковой структуры) выражается в том, что «на основе одних, более конкретных элементов структуры развиваются другие, менее конкретные» [Головин, 1983, с. 161]: например, служебные слова — на основе знаменательных, морфемы — на основе слов, служебных или знаменательных.

Закон дифференциации (точнее — закон дифференциации и отчленения элементов языковой структуры) проявляется в том, что на основе языковых единиц определенной категории формируются единицы разных категорий: например, на основе слова, обозначавшего когда-то одновременно и процесс и деятеля, формируются имена и глаголы, на основе имен, которые в общеиндоевропейском языке выражали «смешанные значения предмета и качества», формируются существительные и прилагательные.

Закон аналогии — это уподобление одних языковых элементов другим: например, уподобление разных по артикуляции смежных фонем, называемое ассимиляцией, образование новых слов/словоформ по имеющимся образцам и т. д.

Закон экономии речевых усилий (или закон экономии сил) проявляется в том, что говорящий стремится «экономить силы» при пользовании языковыми средствами, что имеет место, например, при ассимиляции согласных по звонкости-глухости, при образовании сложносокращенных слов или словоформ типа *водой* (ср. *водою*), *свойствен* (ср. *свойственен*), *прочитав* (ср. *прочитавши*) и т. д.

§ 274. Языковые изменения могут происходить не только по так называемым внутренним законам развития языка, но также и в результате смешения, или скрещения (скрещивания), разных языков. Под скрещением языков (двух или более) понимается «взаимодействие языков, в результате которого один язык побеждает, а другой оставляет в виде субстрата¹ свои следы в словарном составе языка-победителя, в его фонетическом строе, словообразовании, синтаксических конструкциях» [СЛТ-РТ, с. 358].

Скрещение языков обычно происходит в случае завоевания чужих стран и народов. Например, в процессе «романизации народов римских провинций (Галлия, Иберия, Дакия и др.²)... римляне навязали свой язык (народную, или “вульгарную”, латынь) покоренным туземцам» [Реформатский, 1967, с. 476]. На завоеванных римлянами территориях народы, усвоив язык победителей, сохранили многие фонетические, лексические, грамматические элементы собственных языков.

Иногда в результате скрещения языков побеждает язык покоренного народа. Так, после завоевания франками (германцами) латино-галльской провинции (территория современной Франции) побежденный народ сохранил свой язык, позаимствовав из языка народа-победителя лишь некоторые слова, в основном имена собственные, в том числе и название страны — *Франция*.

Необходимо строго разграничивать факты, связанные со скрещением языков, и факты лексических заимствований [см. § 288].

¹ Субстратом (от лат. *substrātus* — ‘подстилка’) называется совокупность элементов побежденного языка в языке-победителе, сохранившихся от языка завоеванного народа.

² Это территории современной Франции, Бельгии, Испании, Румынии, севера Италии и др.

§ 275. Разные стороны языковой системы (фонетика, лексика, морфемика, словообразование, грамматика) развиваются неравномерно. Принято считать, что наиболее быстро изменяется словарный состав языка, поскольку он непосредственно отражает те перемены, которые происходят в жизни и деятельности людей, которые пользуются этим языком. В то же время некоторые лингвисты (в частности, Ю. С. Степанов) утверждают, что наиболее подвижным является звуковой состав языка, что «основные элементы языка (корни слов, флексии и аффиксы) сохраняют устойчивость иногда на протяжении тысячелетий» [РЯЭ-К, с. 674].

Очевидно, подобные утверждения носят относительный характер. Более убедительным представляется мнение, согласно которому темпы развития разных сторон языка признаются зависящими «от конкретных исторических условий существования данного языка, а не от того, что, допустим, фонетика изменяется быстрее, чем грамматика» [Реформатский, 1967, с. 475].

Изменения в фонетике

§ 276. Рассмотрение вопроса о языковых изменениях целесообразно начинать с изменений в области фонетики, поскольку звуковые изменения затрагивают все уровни языка, весь его строй. С ними так или иначе связаны изменения единиц языка и иных языковых явлений в области лексики, морфемики, словообразования и грамматики, прежде всего морфологии. Звуковые изменения, происходящие в разных языках на разных этапах их развития, в большинстве случаев носят регулярный, закономерный характер, т. е. осуществляются в соответствии с фонетическими законами, например, законом открытого слога (иначе — законом утраты закрытых слогов), законом монофтонгизации дифтонгов в общеславянском (праславянском) языке, законом падения редуцированных гласных в древнерусском (общевосточнославянском) языке, законом оглушения шумных звонких согласных на конце слова в современном русском языке, законом передвижения согласных в германских языках и др.

Под фонетическими законами (звуковыми) обычно понимаются регулярные изменения в фонетической системе языка (или группы родственных языков) в его современном состоя-

нии либо в историческом развитии, точнее, действующие в языке законы, правила изменения и функционирования тех или иных фонетических единиц.

Ср.: «Изменение звуков по определенным правилам получило название звукового (или фонетического) закона. Звуковым законом называют формулу (правило) звуковых соответствий или переходов, которая свойственна тому или иному языку или группе родственных языков» [Кодухов, 1987, с. 131].

Фонетические (звуковые) законы — это «регулярные соответствия звуков на разных этапах развития одного языка или между родственными языками... Но об определенной фонетической закономерности можно говорить не только тогда, когда язык или языки рассматриваются в их историческом развитии, но и в тех случаях, когда изучается их современное (синхронное) состояние» [Будагов, 1965, с. 199];

это «регулярность фонетических соответствий, регулярное и взаимосвязанное фонетическое изменение» [СЛТ-РТ, с. 465];

это «1) регулярность фонетических соответствий, регулярное и взаимосвязанное изменение моделей фонетического соответствия как в разных, но генетически родственных языках, так и в одном и том же языке в разные исторические эпохи его развития. 2) Правило, определяющее условия, время и распространенность того или другого фонетического изменения или ряда однородных фонетических изменений в каком-либо языке; формула переходов (изменений) и соответствий для данного звука или звуков в данном языке или языках в определенный период его (их) развития» [СЛТ-А, с. 151—152];

это «регулярно осуществляющиеся в современном состоянии или в истории языка звуковые (фонетические) изменения» [РЯЭ-Ф, с. 87];

это «законы функционирования и развития звуковой материи языка, управляющие как устойчивым сохранением, так и регулярным изменением звуковых единиц, их чередований и сочетаний» [ЛЭС, с. 554].

Существует и более узкое толкование понятия фонетического (звукового) закона. Некоторые лингвисты под звуковыми законами понимают лишь такие изменения в фонетике, которые связаны с переходом фонетических элементов из одного состояния в другое или в качественно новые элементы, с заменой одних элементов другими.

В лингвистической литературе обращается внимание на то, что «о фонетических законах чаще всего говорят тогда, когда обнаруживают регулярность звуковых и з м е н е н и й [выделено нами. — В. Н.] на разных этапах развития языка или ряда родственных языков. <...> Когда говорят о фонетических законах, обычно имеют в виду звуковые п е р е х о д ы [выделено нами. — В. Н.] в области языков, связанных между собой единством происхождения» [Будагов, 1965, с. 199, 205].

Фонетический закон при таком его понимании иногда определяется как «констатирование того, что такой-то звук в таком-то языке и в такую-то эпоху имел такую-то судьбу» [Ушаков, с. 126].

§ 277. При широком понимании фонетических законов среди них различаются законы функционирования языка и законы языкового развития.

Ср.: «Надо различать в фонетических изменениях те, которые происходят путем замены (субституции), от тех, которые происходят посредством эволюции» [Вандриес, с. 54].

Законы функционирования языка (иначе — функциональные законы), действующие в данный период, — «это живые фонетические процессы, определяющиеся позициями, когда изменение сосуществует с тем, что изменялось, вступая в фонетическое чередование»; это, например, позиционные изменения звуков/фонем в современном русском языке [Реформатский, 1967, с. 488].

Законами развития языка (иначе — историческими законами) называются такие, которые «формируют последовательные этапы звуковых изменений и обуславливающих их причин (когда это возможно объяснить), при этом последующий этап приходит на смену предыдущему и его отменяет, так что сосуществования бывшего и ставшего быть не может»; это, например, изменение носовых гласных в чистые в восточнославянских языках [Там же].

Для обозначения функциональных законов фонетики иногда используется термин «синхронические звуковые законы», для обозначения исторических законов — термин «диахронические звуковые законы» [см.: Глинских, Петрова, с. 114].

В работах некоторых лингвистов функциональные, или синхронические, фонетические законы называются также живыми [см.: Маслов, 1975, с. 270].

В соответствии с типами фонетических законов различаются типы изменений фонетических единиц — изменения исторические и функциональные.

Ср.: «В процессе исторического развития языка и его речевого функционирования фонемы подвергаются изменениям. Будем различать изменения фонем исторические (генетические) и функциональные. Исторические изменения сказываются в исчезновении одних фонем и появлении в составе языка других. ...Функциональные изменения фонем, в отличие от исторических, свойственны языку определенного исторического периода и наблюдаются не во времени, а в “речевом пространстве”. Такие изменения сказываются не в исчезновении одних фонем и появлении в системе языка других (следовательно, не в изменении свойственного языку набора фонем), а в варьировании и чередовании фонем, обычно в пределах одной и той же морфемы. Вызываются функциональные изменения фонем либо живыми, действующими звуковыми (фонетическими) законами, либо сложившейся в языке традицией» [Головин, 1983, с. 47—48].

Изменение фонетического строя языка/языков определяется историческими (или генетическими) звуковыми законами. Наиболее существенными являются те изменения фонетического строя языка, «когда в результате изменения меняется количество фонем, ибо тогда может перестроиться вся фонетическая система» [Реформатский, 1967, с. 494].

§ 278. Действие звуковых законов ограничено во времени и пределами распространения того или иного языка. Иными словами, звуковые законы действуют «не повсеместно, а в пределах данного диалекта, определенного языка или группы родственных языков и действуют в пределах определенного времени» [Реформатский, 1967, с. 486—487].

Установлено, что в звуковой системе общеиндоевропейского (праиндоевропейского) языка было пять качественно различных гласных, причем каждый из них мог произноситься долго и кратко, т. е. образовывались пары по долготе-краткости: [a:] — [a], [o:] — [o], [e:] — [e], [i:] — [i],

[u:] — [u]. Таким образом, различались десять гласных фонем.

Различие гласных звуков по долготе-краткости отражено в ряде современных индоевропейских языков, а также в сохранившихся текстах, написанных на ныне мертвых языках. Ср.: лат. *māne* ('утро') и *mare* ('море'), *nōtus* ('известный') и *novus* ('новый'), *sēmen* ('семя') и *septem* ('семь'); лит. *mēdis* ('дерево') и *mėsti* ('бросить'), *vūras* ('мужчина') и *vīralas* ('вареная пища, суп'), *dūmas* ('дым') и *dūrys* ('дверь').

В индоевропейских языках, как и в индоевропейском языке, противопоставление гласных по долготе-краткости выполняет различительную (дистинктивную) функцию. Ср.: лат. *lābor* ('скользить') и *labor* ('работа'), *līber* ('свободный') и *liber* ('книга'); лит. *māno* ('думает') и *māno* ('мой'), *dýdis* ('величина') и *dīdis* ('великий, известный').

В общеславянском (праславянском) языке унаследованные от общеиндоевропейского языка парные по долготе-краткости гласные претерпевают существенные изменения. Некоторые из них начинают различаться артикуляционно, по месту и способу образования; впоследствии они утрачивают различия по долготе-краткости (т. е. количественные).

Рассмотрим некоторые изменения общеиндоевропейских гласных, происходившие на общеславянской языковой почве. Так, долгие гласные [a:] и [o:] совпадают в одном (непарном по долготе-краткости) звуке [a], т. е. гласный [o:] изменился в [a], а гласный [a:] сохранился без изменения артикуляции, как в словах *дань*, *дар* (ср. лат. *dōnum*), *два* (ср. лат. *duō*), *знать* (ср.: лат. *cōgnōsco*, лит. *žinóti*); *мать* (ср. лат. *māter*), *брат* (ср. лат. *frāter*), *стать* (ср. лат. *stāre*).

Краткие гласные [a] и [o] совпадают в одном звуке [o], т. е. гласный [a] изменяется в [o], а гласный [o] сохраняется без изменения, как в словах *отец* (ср.: лат. *atta*, гот. *atta*), *ось* (ср.: лат. *axis*, лит. *ašis*), *море* (ср. лат. *mare*), *острый* (ср.: лит. *aštrūs*, лат. *acus* — 'игла'); *дом* (ср. лат. *domus*), *гость* (ср. лат. *hostis*), *овца* (ср. лат. *ovis*), *ночь* (ср. лат. *noctis*).

Долгий гласный [e:] обычно изменялся в звук [ě], обозначавшийся в кириллице буквой ѣ, как в ст.-слав. *мѣсьць* (ср.: лат. *mēnsis*, лит. *mėnuo*), *сѣмя* (ср.: лат. *sēmen*, лит. *sėmenys*),

видѣти (ср.: лат. *vidēre*, лит. *veizdėti*), *сѣдѣти* (ср.: лат. *sedere*, лит. *sėdėti*), *бѣдѣти* (ср.: лит. *budėti*).

Долгий гласный [u:] в положении после твердого согласного перед любым другим согласным или на конце слова изменялся в [ы], как в *сын* (ср. лит. *sūnūs*), *мышь* (ср. лат. *mūs*), *дым* (ср.: лат. *fūmus*, лит. *dūmas*), *быть* (ср. лит. *būti*), *ты* (ср. лат. *tū*).

Краткие гласные [u] и [i] изменялись, соответственно, в редуцированные звуки [ъ] и [ь], как в ст.-слав. *домъ* (ср. лат. *domus*), *медъ* (ср. лит. *medūs*), *дукъти* (ср. лит. *duktė*), *блѣха* (ср. лит. *blusà*), *бѣдръ* (ср. лит. *budrūs*); *гость* (ср. лат. *hostis*), *ноуть* (ср.: лат. *noctis*, лит. *naktis*), *огнь* (ср. лит. *ignis*), *овьца* (ср.: лат. *ovis*, лит. *avis*), *мьгла* (ср. лит. *miqlà*).

В общеиндоевропейском языке была довольно развитая система согласных, которая в славянском праязыке претерпела существенные изменения. Частный случай таких изменений представляет собой переход переднеязычного согласного [s] в заднеязычный [x]. Изменение [s → x] происходило в положении после гласных [i], [u] (как долгих, так и кратких) и согласных [k], [g] перед любым гласным.

Результаты изменения [s → x] нашли отражение в разных славянских языках, в том числе и в современном русском: *мох* (ср. лат. *muscus*), *блоха* (ср. лит. *blusà*), *ухо* (ср. лит. *ausis*), *сухой* (ср. лит. *saišas*).

Типичный случай изменения праиндоевропейских согласных в общеславянскую эпоху представляет собой смягчение заднеязычных согласных [g], [k], [x] в положении перед гласным переднего ряда с последующим переходом в переднеязычные шипящие [ž], [č], [š], получившее название первого смягчения, или первой палатализации, заднеязычных согласных. В результате этого процесса в общеславянском языке появились качественно новые согласные, которые отсутствовали в праиндоевропейском языке.

Результаты первой палатализации заднеязычных согласных отражены, в частности, в словах/словоформах современного русского языка: *друзен*, *дружить*, *содружество* (ср. *друг*); *рученька*, *поручить* (ср. *рука*); *уши*, *внушить* (ср. *ухо*); *грешен*, *грешить* (ср. *грех*); *страшен*, *устрашить* (ср. *страх*) и др.

В последующие периоды развития общеславянского языка заднеязычные согласные в иных фонетических условиях (перед гласными переднего ряда, возникшими из дифтонгов, или после некоторых гласных переднего ряда) изменялись в соответствующие переднеязычные свистящие (вторая и третья палатализации) [см.: Мейе, 1951, с. 72; Горшков, 1963, с. 258].

Кроме гласных и согласных, в звуковой системе индоевропейского праязыка были еще дифтонги и дифтонгические сочетания. В общеславянскую эпоху происходил процесс изменения общеиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний в «обычные» звуки, монофтонги, что связано с действием закона открытого слога.

Все дифтонги и дифтонгические сочетания входили в состав закрытых слогов. По закону открытого слога они изменялись в двух направлениях. В положении перед гласным общеиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания в общеславянском языке распадались на составные элементы: слоговой элемент (слоγοобразующий гласный) оставался в составе прежнего, бывшего закрытого слога, а неслоговой элемент (неслоговой гласный или сонорный согласный) переходил в состав следующего слога; при этом неслоговые гласные [i̯] и [u̯] изменялись, соответственно, в согласные [j] и [v].

Подобные изменения нашли отражение в старославянских текстах и в современных славянских языках. Например: *koϥati (ср. лит. *káustyti* — ‘ковать, подковывать’) → ko-ϥati → ko-vati (ср.: ст.-слав. *ковати*, чешск. *kovati*, рус. *ковать*), *soϥati → so-vati (ср.: ст.-слав. *совати*, рус. *совать*), *orati (ср. лит. *arti*) → o-rati (ср.: ст.-слав. *орати*, польск. *orać*, рус. диал. *орать* — ‘пахать’)¹.

В положении перед согласным и в абсолютном конце слова общеиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания изменялись по закону открытого слога в качественно иные звуки — монофтонги (т. е. монофтонгизировались). Так, дифтонг [ou̯] изменялся в монофтонг [u:], дифтонг [ei̯] — в [i:], дифтонг [oi̯] — в особый звук [ě], обозначавший-

¹ Звездочкой принято обозначать слова/словоформы, не зафиксированные в письменных текстах, восстанавливаемые в науке предположительно.

ся буквой Ѣ («ять»); дифтонгические сочетания гласных с носовыми согласными изменялись в носовые гласные [oⁿ] и [eⁿ], обозначавшиеся в старославянском языке, соответственно, буквами ж («юс большой») и ѡ («юс малый»).

Например: **droŭ-gos* (ср. лит. *draũgas*) — ст.-слав. *дроуѣъ*, рус. *друг*; **kreĭ-vos* (ср. лит. *kreĩvas*) — ст.-слав. *кривѣъ*, рус. *крив*, *кривой*; **koĭ-na* (ср. лит. *káina*) — ст.-слав. *цѣна*, рус. *цена*; **ron-ka* (ср. лит. *rankà*) — ст.-слав. *рѣка*, рус. *рука*; **pen-ti* (ср. лит. *penkì*) — ст.-слав. *пѣть*, рус. *пять*.

§ 279. В древнерусском (общевосточнославянском) языке (VI—XIV вв.) произошли такие звуковые изменения, как падение редуцированных, утрата носовых гласных, изменение звука [ĕ] в звук [e] и др.

Под падением редуцированных понимается полное исчезновение гласных [ъ] и [ь] в слабой позиции, а также их переход в гласные полного образования [o] и [e] в сильной позиции. Этот процесс завершился в середине XII — первой половине XIII в.

В результате процесса падения редуцированных возникли так называемые беглые гласные [o] и [e], т. е. стало возможным чередование соответствующих гласных с нулем звука. Гласные [o] и [e] произносятся на месте бывших сильных редуцированных и отсутствуют на месте слабых редуцированных. Ср.: *сон* (на месте др.-рус. *сѣнѣ*) и *сна* (на месте др.-рус. *сѣна*); *день* (на месте др.-рус. *дѣнь*) и *дня* (на месте др.-рус. *дѣниа*), *дневной* (на месте др.-рус. *дѣньвьнѣи*).

Общевосточнославянские носовые гласные [oⁿ] и [eⁿ] в восточнославянских языках еще до появления первых памятников письменности изменились в чистые [u] и [’a], что отражено в таких словах русского языка, как *дуб* (ср. др.-рус. *дѣбѣ*), *рука* (ср. др.-рус. *рѣка*), *пять* (ср. др.-рус. *пѣть*) и др.¹

В древнерусском языке общеславянский гласный [ĕ] изменился в [e], что отражено в таких словах современного русского языка, как *лес* (ср. др.-рус. *лѣсъ*, *белый* (ср. др.-рус. *бѣлѣи*)), *петь* (ср. др.-рус. *пѣти*) и др.

¹ Общеславянские носовые гласные сохранились в современном польском языке, причем звук [oⁿ], как правило, употребляется в закрытых слогах, а [eⁿ] — в открытых [см. § 44, 71].

После мягкого согласного [j] и шипящих [žʹ], [šʹ] и [šʹ] на месте общеславянского гласного [ě] употреблялся звук [a], сохранившийся в русских словах типа *сеять* (из **se:je:ti*, ср. ст.-слав. *сѣяти*), *множайший* (из **mъпоže:jъs*, ср. ст.-слав. *мъножаи*), *горчайший* (из **goŭse:jъs*, ср. ст.-слав. *горьѡи*). Ср.: *петь* (из **pe:ti*, ср. ст.-слав. *пѣти*), *новее*, *новейший* (из **nove:jъs*, ср. ст.-слав. *новѣи*), *сильнее*, *сильнейший* (из **silъne:jъs*, ср. ст.-слав. *силънѣи*).

В южнославянских и западнославянских языках общеславянский гласный [ě] изменился в иные звуки, например, в [a], [o] и [e], что нашло отражение в современных болгарском, сербском, польском и других языках. Ср.: рус. *лето*, сербск. *лѣто*, болг. *лято*, польск. *lato*. При этом в некоторых славянских языках употребление того или иного гласного на месте древнего звука [ě] зависит от определенных фонетических условий: от характера слога, в котором находится соответствующий гласный (как в болгарском языке), от твердости-мягкости последующего согласного (как в польском языке) и т. д. [см. § 71].

В древнерусском языке действовал закон перехода [e → o], согласно которому гласный [e], исконный и возникший на месте сильного редуцированного звука [ь], в определенных фонетических условиях регулярно изменяется в гласный [o]. Такое изменение происходило в ударном слоге после мягкого согласного перед твердым или в абсолютном конце слова. Результаты подобного изменения отражены в русских словах/словоформах: *мёд* (из *медъ*), *сѣла* (из *села*), *лѣд* (из *льдъ* → *лед*), *пѣс* (из *пьсъ* → *пес*), *бельѣ*, *ружьѣ* и др. Гласный [e], образовавшийся на месте [ě], как правило, сохранялся без изменения, что отражено в русских словах/словоформах *лес*, *снег*, *тень*, *лето*, *белый*, *спелый*, *пел*, *сидел* и др.

В результате действия закона перехода [e → o] стало возможным чередование соответствующих гласных; ср.: *село*, *сельский* и *сѣла*, *посѣлок*; *пень*, *пенёк* и *опёнок*; *ледовый*, *ледяной*, *гололедица* и *лѣд*; *нести*, *несу*, *несла* и *нѣс*; *печь*, *печка*, *пеку*, *пекла*, *пекли* и *пѣк* и т. д. [см. § 71].

§ 280. Некоторые звуковые законы действовали не только в славянских языках. Так, процесс монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний проходил в таких индоев-

ропейских языках, как древнегреческий и латинский. В греческом языке монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний отмечается начиная с V в. до н. э. Во времена Римской империи подобные звуковые изменения происходят в латинском языке, что отразилось в современных романских языках — итальянском, испанском, французском [см.: Шайкевич, с. 20].

Аналогичное явление наблюдается в некоторых тюркских языках, например в должанском, отделившемся от якутского.

Типичным примером звуковых законов германских языков является закон передвижения согласных, в соответствии с которым древнеиндоевропейские глухие взрывные согласные [p], [t], [k] переходили («передвигались») в соответствующие глухие фрикативные, т. е. изменялся способ их образования при сохранении места образования. Действие этого закона, проявившегося в общегерманском языке (германском праязыке), отразилось в современных германских языках — немецком, английском и др. Ср.: нем. *Vater* ('отец'; из **pater*, ср. лат. *pater*), англ. *foot* ('нога'; ср. лат. *pēs*, род. п. *pēdis*) [см.: Будагов, 1965, с. 200; Маслов, 1975, с. 273].

§ 281. Фонетические законы распространяются не только на отдельные фонемы (группы фонем) и дифтонги, но и на слоги. В общеиндоевропейском языке слоги могли быть как открытыми, так и закрытыми, что сохранилось в современных индоевропейских языках. В общеславянском языке действовал закон открытого слога, согласно которому закрытые слоги преобразовывались в открытые; звуки в них располагались в порядке нисходящей звучности. Это значит, что каждый слог начинался с наименее звучного звука, каждый последующий звук был более звучным, а конечный звук — наиболее звучным. Такое расположение звуков в слоге нашло отражение в сохранившихся старославянских и древнерусских текстах.

Преобразование закрытых слогов в открытые происходило разными путями. В общеславянском языке общеиндоевропейские закрытые слоги, находившиеся в начале и в середине слова, могли преобразовываться в открытые, например, путем изменения слогораздела. Так, согласный звук, закрывавший начальный или срединный слог, отделялся от данного слога и

примыкал к последующему слогу, который чаще всего начинался тоже согласным: **gos-tis* ('гость'; ср. лат. *hostis*) → **go-stis*; **u:d-ra* ('выдра'; ср. лит. *ūdra*) → **u:-dra*; **op-sa* ('оса'; ср. лит. *vapsva*) → **o-psa*.

Конечные слоги до начала действия закона открытого слога могли оканчиваться согласными [s], [t], [d] и [r], а также дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями. Открытие конечного слога, оканчивающегося согласным звуком, происходило в результате утраты закрывающего слог согласного: **do-mus* ('дом'; ср. лат. *domus*) → **do-m̄s* → **do-m̄*; **ma:ter* ('мать'; ср.: лат. *māter*, лит. *môtė*, *môtina*, нем. *Mutter*) → **ma:-te*. Оканчивающие слог дифтонги и дифтонгические сочетания монофтонгизировались.

§ 282. Для общеславянского языка, как и для общеиндоевропейского, было характерно нефиксированное словесное ударение. Свободный характер ударения сохранился во многих славянских языках. В то же время в некоторых из них ударение стало фиксированным. Так, в современных чешском и словацком языках ударение всегда падает на начальный слог двусложного или многосложного слова, в польском языке оно, как правило, падает на предпоследний слог.

По-разному сложилась судьба ударения в родственных славянским балтийских языках: в литовском, как более архаичном, сохранилось свободное ударение, в латышском ударение всегда падает на начальный слог.

В процессе развития языка свободное ударение может изменять место в отдельных словах. Так, в русском языке в начале XIX в. говорили *музы́ка*, *диáлог*, в настоящее время в нормативном употреблении эти слова произносятся как *му́зыка*, *диалóг*. Прилагательное *поисковый* до второй половины XX в. в нормативной речи употреблялось преимущественно с ударением на начальном слоге (*пóисковый*), а с конца XX в. стало использоваться преимущественно с ударением на суффиксе (*поиско́вый*); во многих современных словарях оба варианта ударения признаны равноправными.

Ударные звуки, а также дифтонги и дифтонгические сочетания в общеиндоевропейском языке различались по интонации. Эти различия сохранялись и в общеславянском языке, для которого были характерны два вида интонации — восходящая и нисходящая. Интонационные различия в

ударных слогах сохранились в ряде современных индоевропейских языков: например, в литовском, латышском, сербскохорватском, словенском и др. Однако в большинстве современных индоевропейских языков, в том числе и в русском, интонационные различия не сохранились [см. § 65].

§ 283. Изменения в звуковом строе языка могут происходить по разным причинам. Чаще всего они осуществляются в связи с изменением «в артикуляциях органов речи», которые происходят «главным образом при передаче языка из поколения в поколение и при передаче чужого языка» [Ушаков, с. 128]. Это относится, например, к изменению носовых гласных в чистые, переходу [e → o] в ударном слоге после мягкого согласного перед твердым и на конце слова. Довольно часто фонетические изменения происходят по аналогии (т. е. одни звуковые единицы изменяются по образцу других), как, например, в случае перехода ударного звука [e] в звук [o] после мягкого согласного перед мягким: *берёзе, несёте* и т. п. (по аналогии с *берёза, берёзы, берёзу; несём, несёт* и т. д.).

Бывает, что фонетические изменения происходят в результате заимствования отдельных звуков/фонем из других языков. Например, русский язык заимствовал из греческого звук [ф], которого раньше в фонетической системе русского языка не было [см.: Леонтьев, 1963, с. 126].

В зависимости от того, известны причины фонетических изменений науке или нет, среди исторических фонетических законов иногда различают законы комбинаторные и спонтанные. Комбинаторными (иначе — позиционными, зависимыми, обусловленными) называются исторические фонетические законы, связанные с изменениями, причина которых ясна: например, палатализация согласных, редукция безударных гласных, ассимилятивное оглушение/озвончение согласных.

Спонтанными (иначе — независимыми) называются такие «самопроизвольные» явления, «где причина не ясна, хотя и должна быть»: например, изменение носовых гласных в чистые [Реформатский, 1967, с. 491—492].

§ 284. В результате действия фонетических законов в процессе развития языка изменяется его фонетическая система, происходят «разнообразные перемены в звуковом составе

языка» [Ушаков, с. 127]. Иначе говоря, «звуковые законы формируют фонетическую систему языка» [Гвоздев, 1973, с. 23]. Подобные процессы осуществляются в двух направлениях. В одних случаях количество фонем увеличивается, в других — сокращается.

Ср.: «Общая тенденция исторических изменений в фонетике может изменять фонетическую систему в двух направлениях: либо в сторону сокращения количества фонем (основных фонетических единиц языка), либо в сторону их увеличения» [Реформатский, 1967, с. 490].

Со временем звуковой состав языка постепенно расширяется. На каждом этапе языкового развития появляются новые звуки/фонемы, происходит процесс дивергенции (от лат. *divergere* — ‘расходиться’). В общеславянском языке к такого рода фонетическим изменениям относятся: появление качественно новых гласных звуков [ě] (из [e:] или дифтонга [oi̯]), носовых [oⁿ] и [eⁿ] (из соответствующих дифтонгических сочетаний), редуцированных [ъ] и [ь] (из кратких гласных [u], [i]), появление [ы] (на месте [u:]); возникновение новых согласных [x] (на месте [s]), шипящих [ž], [č], [š] (на месте заднеязычных [g], [k], [x] — в результате первой палатализации). Во французском языке в свое время появились носовые гласные (на месте дифтонгических сочетаний чистых гласных с носовыми согласными). В английском языке образовались разные фонемы: <s> и <z>, <f> и <v> (на месте позиционных вариантов одной и той же фонемы) и т. д.

Фонемный состав языка может сокращаться; в ходе языкового развития отдельные фонемы утрачиваются, происходит конвергенция (от лат. *convergere* — ‘приближаться, сходиться’). В результате этого процесса в общеславянском языке, например, были утрачены общеиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания (перед согласными и на конце слова они превратились в монофтонги, перед гласными распались на составные элементы). В древнерусском языке исчезли редуцированные гласные, а также фонема <ě>.

Изменения в лексике

§ 285. Лексика языка, его словарный состав представляет собой самый подвижный языковой уровень.

Ср.: «Словарный состав языка изменяется непрерывно и обновляется гораздо быстрее, чем другие структурные ярусы языка. Это понятно, потому что словарный состав языка, непосредственно отражая в языке действительность с ее переменами, обязан включать новые слова для обозначения новых вещей, явлений, процессов и отстранять в запас старые. Этот процесс всегда является фактом развития лексики языка, ее пополнения и стилистической дифференциации, что обогащает выразительные средства языка» [Реформатский, 1967, с. 479];

«словарный состав представляет собой ту сторону языка, которая более всех других подвержена историческим изменениям. Если изменения в фонологической системе и звуковой “материи” языка, в его грамматическом строе трудно заметить на протяжении жизни одного поколения, то изменения в словарном составе наблюдаются повседневно: любое нововведение в технике, в быту, в общественной жизни, в области идеологии и культуры сопровождается появлением новых слов и выражений либо новых значений у старых слов, и наоборот, устаревание и уход в прошлое тех или иных орудий, форм быта, общественных институтов неуклонно влекут за собой и уход из языка соответствующих слов» [Маслов, 1987, с. 195];

«естественной причиной утраты слов и появления новых слов является исчезновение самих предметов мысли, обозначавшихся словами, или появление новых предметов» [Ушаков, с. 133].

Изменение словарного состава языка происходит в двух направлениях. С одной стороны, лексика постоянно пополняется новыми единицами, необходимыми для обозначения новых предметов, понятий, явлений, с другой — утрачивает многие уже имеющиеся в языке слова. При этом процесс расширения словарного состава языка всегда опережает процесс утраты слов, т. е. «при изменении словарного состава языка прирост его всегда превышает убыль» [Реформатский, 1967, с. 479]. Это значит, что в результате лексических изменений происходит постоянное развитие словарного состава языка. Это относится, в основном, к словам знаменательных частей речи — существительным, прилагательным, глаголам, отчасти наречиям.

Ср.: «Между такими классами слов, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, с одной стороны, и такими

разрядами слов, как предлоги или союзы — с другой, имеется существенная разница, относящаяся к числу элементов, входящих в тот или иной из указанных разрядов. Число существительных, прилагательных или глаголов в современном русском языке является конечным, но с каждым днем это число увеличивается. В самых разнообразных областях науки, производства, техники, торговли, администрации, а также в обиходном языке постоянно возникают новые лексемы, примыкающие к уже существующим именам существительным, прилагательным или глаголам. Можно утверждать, что существительные, прилагательные, глаголы и, отчасти, наречия представляют собой открытые классы слов, число элементов которых можно выразить символом x . С другой стороны, такие классы слов, как союзы и предлоги, являются относительно замкнутыми классами слов. Их число не пополняется и остается более или менее постоянным на определенном этапе развития языка» [Исаченко, с. 35].

§ 286. Обогащение словарного состава языка, связанное с изменениями в жизни и деятельности людей, происходит во всех сферах функционирования данного языка. Появляющиеся в языке новые лексические единицы (слова или словосочетания) называются неологизмами (от греч. *neos* — ‘новый’ и *logos* — ‘слово’). Под неологизмами (например, *разрядка*, *луноход*, *чёрный ящик*) понимаются «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (“оказиональные” слова) в каком-либо тексте или акте речи» [ЛЭС, с. 331].

Ср. несколько иные определения понятия «неологизм»:

это «1. Слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия. □ Русск. *лавсан*. 2. Новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи. □ Русск. *зеленкудрые*, *акростишествовать*, *кисляйство*, *молоткастый*» [СЛТ-А, с. 261—262];

это «новые слова, т. е. слова, возникшие на памяти применяющего их поколения, например, возникшие в середине XX в. лексические единицы: *космонавтика*, *почтовый метод*, *про-*

граммирование, синхрофазотрон, спутник, прилуниться, космическая ракета и др.» [Головин, 1983, с. 68];

это «новые лексические единицы и новые значения в связи с появлением нового в жизни данного языкового коллектива... это, например, возникшие в русском языке на протяжении XX в. слова и новые значения имеющихся слов: *большевик, колхоз, совхоз, комсомол, соцсоревнование, комбайн, вертолёт, телевидение, космонавт, космодром, прилунение, лазер; совет* в значении ‘выборный орган нового типа’, а затем — ‘орган советской власти’» [Маслов, 1987, с. 195].

Пополнение словарного состава языка неологизмами осуществляется разными способами. Основными путями обогащения словаря считаются следующие:

- 1) образование новых слов на базе имеющихся с помощью тех или иных словообразовательных средств данного языка;
- 2) заимствование отдельных слов из других языков;
- 3) изменение лексических значений имеющихся в языке слов [см.: Маслов, 1987, с. 195].

Иногда в качестве путей обогащения лексики выделяются такие процессы, как изобретение слов отдельными людьми, лексическое калькирование [см.: Реформатский, 1967, с. 481].

§ 287. Самым распространенным путем обогащения лексики во многих языках мира является образование новых слов от существующих лексических единиц, т. е. с л о в о о б р а з о в а н и е (или деривация). Так, в современных славянских языках подавляющее большинство слов относится к числу п р о и з в о д н ы х, т. е. образованных в разное время теми или иными способами словообразования. Под способом словообразования как языкового процесса (т. е. способом исторического, диахронического словообразования) понимается способ изменения производящих слов или словосочетаний (их морфемной, фонемной, семантической структуры), в результате которого образуются новые лексические единицы.

В русском языке, как и во многих других, новые слова чаще всего образуются с помощью словообразовательных аффиксов (префиксов, суффиксов, постфиксов), т. е. аффиксальными способами словообразования (префиксальным, суффиксальным, постфиксальным или же смешанными —

префиксально-суффиксальным, префиксально-постфиксальным, суффиксально-постфиксальным и др.), по имеющимся образцам (словообразовательным моделям). Например, относительно недавно суффиксальным способом были образованы существительные: *значкист, очеркист* (по образцу имевшихся к тому времени слов типа *артиллерист, машинист*), *военизация, паспортизация, советизация, яровизация* (ср.: *активизация, легализация*), *листаж* (ср. *метраж*) и др.

Во многих индоевропейских языках, в том числе и славянских, широко распространено образование новых слов путем сложения, т. е. соединения разных (двух или более) слов либо основ (способ словосложения, основосложения, или композиция), нередко сопровождающегося присоединением словообразовательных аффиксов. Этот способ словообразования особенно широко используется в германских языках. Так, для обозначения многих реалий, названия которых в русском языке образуются аффиксальными способами, в немецком употребляются сложные слова. Ср.: рус. *моряк* и нем. *Seemann*, рус. *сапожник* и нем. *Sehumacher*.

Наряду с обычными сложными словами, образованными путем словосложения/основосложения, во многих языках часто используются сложносокращенные слова, или аббревиатуры, которые можно рассматривать как особую разновидность словосложения.

Способы диахронического (исторического) словообразования находят отражение в системе способов синхронного словообразования [см. § 171]. В ряде индоевропейских языков используется такой способ словообразования, как конвэрсия (от лат. *conversio* — ‘обращение, превращение’). Под конвэрсией в словообразовании понимается способ образования новых слов без применения специальных словообразовательных аффиксов, а путем изменения парадигмы производящего слова, системы его окончаний. Данный способ словообразования распространен в германских (английском, немецком), балтийских, славянских и других языках [см. § 172]. В синхронном аспекте (в синхронной дериватологии) слова, образованные этим способом, рассматриваются как производные флексийного способа словообразования, или нулевой суффиксации [см. § 171].

Без применения аффиксальных словообразовательных средств на базе знаменательных слов (или отдельных словоформ) могут образовываться слова служебных частей речи — предлоги (*близ, после, согласно, кругом, путём, посредством, благодаря, включая, начиная*) и союзы (*иначе, когда, тогда, точно, раз, правда, значит, пускай, хотя* и др.). Иными словами, «служебные слова всегда происходят из полнозначных» [Леонтьев, 1963, с. 109].

Новые слова часто создаются в результате изменения лексических значений имеющихся слов, т. е. с е м а н т и ч е с к и м с п о с о б о м (лексико-семантическим) словообразования. Ср.: *пионер*₁ — ‘зачинатель, новатор в какой-либо сфере деятельности’ и *пионер*₂ — ‘член детской организации’, *совет*₁ — ‘мнение, высказывание по поводу чего-либо’ и *совет*₂ — ‘орган государственной власти’, *спутник*₁ — ‘тот, кто находится в пути вместе с кем-либо’ и *спутник*₂ — ‘космический аппарат, запускаемый на околопланетную орбиту с помощью ракетных устройств’.

Частный случай семантического словообразования представляет собой обозначение тех или иных реалий (лиц или предметов, отвлеченных понятий) собственными именами, т. е. изменение имен собственных в нарицательные. Таким путем возникли многие существительные, например: *меценат* — ‘богатый покровитель наук и искусств’ (от имени римского богача Мецената, оказывавшего покровительство и материальную поддержку поэтам Вергилию, Горацию и др.); *цезарь* — ‘титул римских императоров’ (от имени государственного деятеля, полководца и писателя Древнего Рима Юлия Цезаря); *хам* — ‘грубый, наглый человек’ (от имени Хам — по библейскому преданию, он насмеялся над наготой отца Ноя, за что был им проклят); *галифе* — ‘брюки особого покроя’ (от имени французского кавалерийского генерала Галифе); *френч* — ‘вид военной куртки’ (от имени английского фельдмаршала Френча); *рентген* — ‘невидимые лучи, широко применяемые в медицине, физике, химии, технике’ (от имени открывшего их немецкого физика Рентгена).

Аналогичным путем, в результате процесса переименования, т. е. «изменения словесного обозначения тех или иных денотатов без изменения самих денотатов» [Маслов, 1975,

с. 251], образуются имена собственные. Данное явление широко распространено при наименовании географических объектов (ср.: *Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград, Царицын — Сталинград — Волгоград, Яик — Урал*), при образовании псевдонимов (ср.: *А. М. Пешков — Максим Горький, Е. И. Придворов — Демьян Бедный, С. М. Костриков — С. М. Киров*) и в ряде других случаев.

Новые слова могут образовываться так называемым фонетическим способом словообразования — в результате изменения звукового/фонемного состава имеющих в языке слов. Этим способом в свое время были образованы, например, слова *барин* (ср. *боярин*), *ружьё* (ср. *оружие*), *почва* (ср. *подошва*)¹.

Образование слов тем или иным способом словообразования не следует смешивать с так называемым изобретением слов, т. е. с «придумыванием» слов отдельными лицами. В качестве иллюстрации обогащения лексики таким путем можно привести существительное *газ*, «введенное в XVII веке голландским ученым Ван-Гельмонтом (предположительно от греческого слова “хаос”») для обозначения ‘вещества, отличающегося способностью распространяться по всему доступному для него пространству’ [СИС, с. 146]. К «придуманным» словам относятся такие существительные, как: *гном, кодак* (‘фотоаппарат’), *лиллипут, рококо, альдегид, солипсизм* и др. [см.: Реформатский, 1967, с. 481; ЛЭС, с. 258].

§ 288. Наряду со словообразованием как основным способом обогащения словарного состава языка широко используется такой путь пополнения лексики, как **з а и м с т в о в а н и е** с л о в из других языков. При этом заимствование иноязычных слов характерно для всех языков мира, что связано с постоянно расширяющимися контактами между странами и народами.

Ср.: «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязыч-

¹ Подробнее о способах исторического словообразования в русском языке см.: Немченко, 1994, с. 239—245.

ные. В разных языках в разные периоды их развития процент этих “не своих” слов бывает различным» [Будагов, 1965, с. 135];

«обогащение словарного состава языка за счет словаря других языков — обычное следствие взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений» [Реформатский, 1967, с. 482];

«общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между культурами, экономические, политические, культурные и бытовые контакты между народами, говорящими на разных языках. Контакты эти могут носить массовый и длительный характер в условиях совместной жизни на смежных и даже на одной и той же территории либо могут осуществляться лишь через определенные слои общества и даже через отдельных лиц. Они могут носить характер взаимовлияния или одностороннего влияния; иметь мирный характер или выступать в виде противоборства и даже военных столкновений. Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов» [Маслов, 1987, с. 201].

Чаще всего слова заимствуются из других языков для обозначения новых предметов, понятий, явлений. В русском языке это относится к таким словам, как: *балл, батарея, генерал, декан, деканат, дивизия, доцент, канцелярия, комбайн, консерватория, консультация, лазарет, лекция, ординатор, офицер, секретарь, семестр, семинар, танк, трактор, университет, экзамен* и др.

Нередко из других языков заимствуются слова для обозначения тех или иных понятий, уже имеющих свое название в данном языке, например: *артист* (ср. употреблявшееся в то время слово *лицедей*), *дифференциация* (ср. *разграничение*), *импорт* (ср. *ввоз*), *компромисс* (ср. *соглашение*), *локомотив* (ср. *паровоз*), *лошадь* (ср. *конь*), *мораль* (ср. *нравственность*), *собака* (ср. *пёс*), *экспорт* (ср. *вывоз*), *аранжировать* (ср. *приспособлять*). Заимствование слов подобного рода объясняется разными причинами, в частности «стремлением выделить какой-нибудь оттенок значения, неясный в своем слове» [Реформатский, 1967, с. 483].

Заимствование слов может быть прямым (или непосредственным) и косвенным (или опосредованным), т. е. может

осуществляться через «передаточные» языки. Непосредственно заимствованы русским языком из немецкого языка слова *анилаг, боцман, бухгалтер, диктант, ландшафт*, из французского — *актёр, антракт, бюро, ваза, вестибюль*. Через языки-посредники заимствованы русским языком слова *винт, крахмал, рама, тарелка, шнур* (из немецкого языка через польский); *лафет, лейтенант, офицер* (из французского языка через немецкий); *фазан* (из греческого языка через немецкий); *кафе* (из арабского языка через французский) и др.

Возможны случаи, когда в качестве посредников выступают два языка. Например, слово *музыка* заимствовано русским языком непосредственно из польского, куда оно пришло из французского языка, в свою очередь заимствовавшего его из греческого.

Заимствование слов может происходить в результате непосредственного устного общения представителей разных народов и путем письменного общения, с помощью письменных текстов, т. е. «через книги, газеты, каталоги, инструкции, технические паспорта машин и т. п.» [Там же]. В первом случае слова переходят из одного языка в другой в том виде, в каком они употребляются в устной речи носителей языка-источника. Во втором случае при заимствовании слово сохраняет письменный облик, произносится в соответствии с написанием. Например, русское слово *пароход*, заимствованное болгарами в XIX в. из устной речи при общении с русскими, закрепилось в болгарском языке с гласным [а] в первом предударном слоге: *парахóд*; а заимствованные болгарами в XX в. под влиянием письменных текстов русские слова *трудодень, самокритика* и др. вошли в болгарский язык в виде *трудодéнь, самокрíтика* и т. д., т. е. с гласным [о] в тех же фонетических условиях.

Очевидно, аналогичным образом может быть объяснено разное звучание (и написание) безударной фонемы <о> в литовских заимствованиях из русского и других славянских языков, например: *Maskva* ('Москва'), *maskvietis* ('москвич'), *baravykas* ('боровик'), *basanoškė* ('босоножка') и *Smolenskas* ('Смоленск'), *Novosibirskas* ('Новосибирск'), *Volgogradas* ('Волгоград'), *kolchozas* ('колхоз').

При устном заимствовании слова легче, быстрее усваиваются заимствующим языком, хотя нередко подвергаются заметным изменениям. Ср., например, термины, заимствованные русским языком из немецкого: *слесарь* (из *Schlosser*), *верстак* (из *Werkstatt*), *напильник* (из *Nadfil*)¹.

Среди слов, заимствованных из других языков, особо выделяются слова международные, или интернационализмы (от лат. *inter* — ‘между’ и *natio* — ‘племя, народ’). Интернационализмы определяются как «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех), языках» [ЛЭС, с. 197]. Обычно они восходят к индоевропейским языкам, чаще всего — к латинскому и греческому. Например:

автомат, автономия, анализ, атом, демократия, диалектика, педагогика, синтез, софист, тезис, тема, философия, эвристика (из греческого языка);

генеральный, индивид, класс, либеральный, материя, натура, нация, объект, принцип, прогресс, радикальный, республика, субъект, университет, факультет, федерация, форма (из латинского языка);

будуар, бульон, галантный, деликатный, дама, комплект, мебель, мода, олет, пальто, элегантный, этикет (из французского языка).

Некоторые интернациональные слова появились в русском языке в результате заимствования из других языков через язык-посредник. Например, слова *коммунизм, конституция, революция* заимствованы из латинского языка через французский.

§ 289. В качестве особого пути обогащения лексики в разных языках используется *калькирование* (франц. *calquer*). Кальками (франц. *calque*) в языкознании называются

¹ Вопросы освоения слов, заимствуемых из других языков, подробно рассматриваются в пособиях по курсам «Современный русский язык» и «Введение в языкознание» [см.: Реформатский, 1967, с. 483; Будагов, 1965, с. 125; Маслов, 1987, с. 202].

«материально исконные слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфологическим частям [т. е. морфемам. — В. Н.], в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов» [Шанский, 1964, с. 103]. В русском языке это такие слова, как: *небоскрёб* (ср. англ. *skyscraper*, где *sky* — ‘небо’, *scrape* — ‘скрести, скоблить’, *-er* — суффикс со значением деятеля), *подразделение* (ср. франц. *subdivision*, где префикс *sub-*, корень *divis-*, суффикс *-ion*), *представление* (ср. нем. *Vorstellung*, где префикс *vor-*, корень *stell-*, суффикс *-ung*), *внутримышечный* (ср. лат. *intramuscularis*, где префикс *intra-*, корень *muscul-*, суффикс *-ar-*, окончание *-is*), *состоять* (ср. нем. *bestehen*, где префикс *be-*, корень *steh-*, суффикс инфинитива *-en*). Ср. также: *влияние* (франц. *in-flu-ence*), *насекомое* (лат. *in-sect-um*), *плотность* (франц. *solid-ité*) и др.

Полукальками называются «слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [Там же, с. 108—109]. В русском языке образованы полукальки: *антитело* (ср. франц. *anticorps*, где *anti* — ‘против’, *corps* — ‘тело’), *гуманность* (ср. нем. *Humanität*, где *human* — ‘гуманный’, *-ität* — суффикс со значением отвлеченного качества), *желтофиоль* (ср. нем. *Gelbvirole*, где *gelb* — ‘желтый’), *телевидение* (где *теле* из греч. *tēle* — ‘далеко, вдаль’).

Процессы калькирования тесно связаны как со словообразованием, так и с лексическим заимствованием. По существу, это образование новых слов по определенным образцам (моделям). Однако, в отличие от собственно словообразования, при калькировании используются модели языка-источника.

§ 290. В связи с изменениями, происходящими в жизни и деятельности людей, в человеческом сознании, постоянно изменяются значения употребляющихся лексических единиц. Например, в русском языке существительное *неделя* первоначально обозначало ‘день отдыха, т. е. день, когда ничего не делают’ (ср. *понедельник* — ‘день, следующий после воскресенья’). Свое первоначальное значение слово *неделя* со-

хранило во всех славянских языках, кроме русского, также в литовском заимствовании из славянских языков. Прилагательное *красный*, которое в современном русском языке обозначает ‘один из основных цветов радуги’, первоначально имело значение ‘красивый’, которое в современном языке сохранилось в таких выражениях, как *Красная площадь*, *красная девица*, *красно солнышко*, *весна-красна* и др.

Лексическое значение слова изменяется в двух направлениях: либо расширяется, либо сужается, т. е. происходит расширение/сужение объема обозначаемого понятия. Расширение значения произошло у таких русских слов, как: *основа* — ‘главная часть какого-либо предмета, служащая его опорой, основанием; остов; сущность чего-либо’ и др. (первоначальное значение — ‘продольные нити для тканья’), *палец* — ‘одна из пяти подвижных конечных частей кисти руки или ступни ноги у человека’ и др. (первоначальное значение — ‘большой палец руки’), *идти* — ‘менять место в пространстве, перемещаться в том или ином направлении (о человеке и животном, о средствах передвижения, о разных конкретных предметах, явлениях природы и др.)’ (первоначальное значение — ‘передвигаться с помощью ног’).

Сужение значения отражено в семантике таких слов, как: *муж* — ‘супруг’ (первоначальное значение — ‘мужчина’), *жена* — ‘супруга’ (первоначальное значение — ‘женщина’), *порох* — ‘взрывчатое вещество’ (первоначальное значение — ‘любое вещество, состоящее из мелких частиц; пыль’, откуда совр. *порошок*), *хоронить* — ‘предавать земле умершего, погребать’ (первоначальное значение — ‘прятать, оберегать’).

Изменение лексических значений проявляется в том, что у слов развиваются новые значения или (значительно реже) утрачиваются прежние значения. Основной путь появления у слов новых лексических значений — это образование переносных значений, т. е. перенос какого-либо значения слова с одного понятия на другое по признаку сходства или смежности [см. § 115—116]. Среди переносных значений слов различаются значения узуальные и окказиональные [см. § 117].

В ряде случаев появление переносных значений слов связано с табу́ (от полинез. *tapu* — ‘священный, запретный’), т. е. с запретом на употребление определенных слов по религиозным, этическим и иным соображениям. Это относится к названи-

ям богов, духов, демонов, некоторых животных, отдельных частей человеческого организма, болезней, смерти и др. Слова или выражения, употребляемые вместо запрещаемых, называются эвфемизмами (от греч. *eu* — ‘хорошо’ и *rhēmi* — ‘говорю’). Так, Иисуса называют *Сыном Человеческим*, дьявола — *врагом, нечистой силой*, домового — *хозяином*, медведя — *зверем, стариком, хозяином*, волка — *серым*, смерть — *кончиной*, местоимением *сама*; вместо *старый* говорят *пожилой*, вместо *опоздать* — *задержаться*, вместо *умереть* — *преставитьсья, скончаться, отдать богу душу, приказать долго жить* и т. д. [см.: Степанов, с. 168].

§ 291. Утрата существующих в языке слов представляет собой длительный исторический процесс, «постепенный переход слов из активного словаря в пассивный, т. е. в разряд устарелых или устаревающих» [Реформатский, 1967, с. 480].

Переход многих слов из активного словарного запаса в пассивный связан с утратой обозначавшихся ими ранее реальных (предметов, понятий и т. д.). Такие слова (например: *боярин, подьячий, стрелец, нэпман, армяк, камзол, кафтан, конка, кистень, аршин*) называются историзмами.

Нередко по тем или иным причинам устаревают, т. е. переходят в пассивный словарный запас, обозначения существующих реалий. Такие слова постепенно вытесняются новыми наименованиями, которые употребляются в качестве синонимов по отношению к прежним названиям. Ср.: *пиит* и *поэт*, *рыбарь* и *рыбак*, *выя* и *шея*, *вежды* и *веки*, *ланиты* и *щёки*, *чело* и *лоб*, *вепрь* и *кабан*, *стогна* и *площадь*, *стяг* и *знамя*, *виктория* и *победа*, *реляция* и *донесение*, *рескрипт* и *указ*, *дружество* и *дружба*, *грядущий* и *будущий*, *сей* и *этот*, *токмо* и *только*. Такие устаревшие слова называют архаизмами.

Относительно редко слова полностью выходят из употребления, т. е. не сохраняются не только в активном, но и в пассивном словарном запасе. В русском языке к совсем забытым словам можно отнести немногие: *ратай, гридень, огнищанин, вершь, кола, плин, ногата* и др.

Изменения в морфемике и словообразовании

§ 292. В процессе исторического развития языка постоянные и весьма существенные взаимосвязанные изменения проис-

ходят в области морфемики и словообразования, тесно связанных друг с другом. При описании исторических преобразований в области морфемики обычно обращается внимание на изменения в морфемной (морфологической) структуре слова.

Различается несколько видов изменений в морфемной структуре слова. В работах по русской морфемике чаще всего описываются два вида таких изменений: опрощение и переразложение [см.: Будагов, 1965, с. 235; Реформатский, 1967, с. 272; Земская, 1973, с. 14], реже — три вида: опрощение, переразложение и усложнение [см.: Потиха, с. 104; Маслов, 1987, с. 212] либо четыре вида: опрощение, переразложение, анализ и дифференциация [Богородицкий, с. 96], или опрощение, переразложение, аналогия и агглютинация [Кодухов, 1987, с. 259], или опрощение, переразложение, усложнение и декорреляция [Немченко, 1994, с. 175] и даже шесть видов: опрощение, переразложение, усложнение основ, декорреляция, замещение и диффузия морфем [Шанский, 1968, с. 187].

Опрощение (в терминологии Н. В. Крушевского — интеграция) — это языковой процесс, в результате которого слово производное (точнее, слово с производной основой) изменяется в слово непроизводное (в слово с непроизводной основой). Иначе говоря, опрощение — это превращение основы более сложной структуры в простую, т. е. состоящей из двух или более морфем в одноморфемную.

В. А. Богородицкий (он был первым, кто исследовал проблему изменения морфемной структуры слова) определил опрощение как «морфологический процесс, посредством которого слово с сложным морфологическим [т. е. морфемным. — В. Н.] составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления» [Богородицкий, с. 99].

Наиболее подробно описавший изменения в морфемной структуре слова на материале русского языка Н. М. Шанский под опрощением понимает «такое изменение в морфологической структуре слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится непроизводной, нечленной» [Шанский, 1968, с. 189].

Основные причины опрощения основ:

1) изменение лексического значения исторически производного слова, например: *крыльцо* (ср. *крыло*; первоначаль-

ное значение — ‘маленькое крыло’), *красный* (ср. *краса*; первоначальное значение — ‘красивый’), *найти* (ср. *ити* — ‘идти’; первоначальное значение — ‘подойдя вплотную, на- ткнуться, наскочить на что-, кого-либо’);

2) изменение лексического значения производящего слова, например: *порошок* (ср. *порох* — ‘пыль’; совр. рус. *порох* — ‘взрывчатое вещество’), *тучный* (ср. *тук* — ‘жир, сало’; совр. рус. *тук* — ‘минеральное удобрение’), *зевать* (ср. *зѣвъ* — ‘пасть, отверстие, щель’; совр. рус. *зев* — ‘выход из полости рта в глотку’);

3) выпадение исторически производящего слова из словарного состава языка, например: *басня* (от *бати* — ‘говорить’), *важный* (от *вага* — ‘вес, тяжесть, сила’), *учить* (от *укъ* — ‘учение’);

4) изменение в звуковом составе исторически производного слова, например: *весло* (из *везло* ← *везти*), *вынуть* (из *вынять* ← *яти* — ‘брат’).

Под переразложением (или переинтеграцией) понимается языковой процесс, в результате которого в составе производного слова меняется внешний вид (звуковой состав) служебных морфем, перемещается граница между производящей основой и словообразующим аффиксом. При этом происходит увеличение словообразующего аффикса за счет определенной части производящей основы, которая в момент переразложения является самостоятельной служебной морфемой. Иными словами, происходит поглощение одной служебной морфемы другой.

Ср.: «Переразложение, или переинтеграцию, можно охарактеризовать как перераспределение морфемного материала внутри слова при сохранении его основой производного характера. При этом процессе слова, продолжая быть морфологическими составными, членимыми единствами, начинают делиться по-другому, не так, как делились раньше» [Шанский, 1968, с. 213];

«самое явление “переразложения” не должно рассматриваться как процесс механический. Конечные звуки основы могут отходить к составу суффикса лишь при определенных условиях. Важнейшее из них состоит, по-видимому, в том, чтобы отходящая к суффиксу часть основы в момент этого отделения сама по себе составляла известное звуковое единство, т. е. была бы живой морфемой, а не случайным звуко сочетанием» [Винокур, с. 433].

Важнейшей причиной переразложения основы является выпадение из словарного состава языка соответствующего производящего слова. По этой причине переразложение основ произошло в таких словах, как *властелин* (образовано от утраченного существительного *властель* — ‘господин, повелитель’), *женственный* (от *женство* — ‘женский пол’), *бесноваться* (от *бесный* — ‘бешеный, бесноватый’) и т. п.

Иногда переразложение основ происходит под влиянием морфемной структуры слов/основ более продуктивных типов. Например, существительное *грешник*, образованное от прилагательного *грешьшъ*, позже стало восприниматься как производное от глагола *грешить* либо существительного *грех* под влиянием отглагольных или отсубстантивных образований типа *клеветник*, *насмешник*, *шкодник*, *шутник*.

Усложнением (или осложнением) называется языковой процесс, в результате которого слово простой морфемной структуры (т. е. слово с непроизводной, нечленимой основой) превращается в слово более сложной структуры (в слово с производной, членимой основой).

Ср.: усложнение «предстает перед нами как процесс превращения ранее непроизводной основы в производную. В результате его слово, ранее имевшее непроизводный характер, становится делимым на определенные морфемы» [Шанский, 1968, с. 223];

осложнение — это «появление границы между морфемами на месте, где ее не было, членение одной морфемы на две» [Головин, 1983, с. 93].

В русском языке усложнению подвергаются слова (главным образом существительные), заимствованные из других языков. Основной причиной данного процесса является наличие в языке рядом с данными словами родственных им слов и осознание говорящими словообразовательных отношений между теми и другими. Так, основа существительного *почтальон* (ср.: франц. *postiljon*, польск. *posztalion*) расчленяется на корень и суффикс благодаря наличию слова *почта*, заимствованного из польского языка; основа слова *поэтесса* (ср. франц. *poétesse*) — в связи с заимствованием из греческого языка слова *поэт*; основа существительного *попадьа* (ср. греч. *paradia*) — в связи с заимствованием из греческого языка слова *non*.

Процесс усложнения основ может быть связан также с влиянием на иноязычные заимствования морфемного строения схожих по звучанию слов заимствующего языка, имеющих производные основы. В русском языке данной причиной вызвано усложнение основ таких слов, как *зонтик* (из голл. *Zonnedeck* — ‘покрышка от солнца’; ср.: *домик*, *котик*, *столик* и т. п.), *фляжка* (из польск. *flaszka* — ‘фляга’; ср.: *книжка*, *ножка* и т. п.).

Декорреляция определяется как «изменение характера или значения морфем и соотношений их в слове при сохранении последним того же числа и порядка морфем, которое в нем наблюдалось первоначально» [Шанский, 1968, с. 231]. Данный процесс происходит, главным образом, в связи с утратой исторически производящего слова. Это нашло отражение в словах типа *бахвал* (образовано от утраченного *хвал* — ‘хвастун’, в современном русском языке соотносится с глаголом *хвалиться*), *пастух* (восходит к существительному *пасть* — ‘пастьба, пастбище’, сейчас мотивируется глаголом *пасту*), *заморозки* (ср. исчезнувшее слово *заморозы* — ‘первые морозы’ и совр. *заморозить*), *обильный* (ср. утраченное слово *обиль* — ‘обильный’ и совр. *обилие*), *вкось* (ср. исчезнувшее слово *кось* — ‘кривизна’ и совр. *косой*).

Говоря о возможных изменениях в морфемной структуре слова (его основы), необходимо иметь в виду, что исторические изменения в области морфематики не ограничиваются рассмотренными процессами. Не менее интересными представляются проблемы изменения морфемного состава языка в целом, изменения характера имеющих в языке морфем (их фонемной структуры и семантики) и возникновения новых морфемных единиц, а также возможного исчезновения отдельных морфем. Многие процессы подобного рода связаны непосредственно с изменениями в морфемной структуре слова — опрощением, переразложением и др.

§ 293. Обогащение морфемного состава языка осуществляется разными путями. Морфемные единицы могут возникать в результате тех или иных изменений в морфемной структуре слов, превращения отдельных слов/словоформ в служебные морфемы, преобразования морфемных единиц одного вида в морфемы другого вида, заимствования морфем разных видов из других языков.

Благодаря переразложению основ производных слов в русском языке возникает большое количество морфов словообразовательных морфем: *-итель* (наряду с *-тель*; ср. *властитель*), *-ность* (наряду с *-ость*; ср. *готовность*), *-ница* (наряду с *-ица*; ср. *мельница*), *-лице* (наряду с *-ице*; ср. *удилище*), *-бище* (наряду с *-ище*; ср. *лежбище*), *-инка* (наряду с *-ка*; ср. *пылинка*), *-очка* (наряду с *-ка*; ср. *косточка*), *-ливый* (наряду с *-ивый*; ср. *молчаливый*), *-ственный* (наряду с *-ный*, *-енный*; ср. *женственный*), *-ощавый* (наряду с *-авый*; ср. *худощавый*) и др. В отдельных случаях при этом выделяются не новые морфы существующих словообразующих морфем, а совершенно новые морфемы, характеризующиеся особыми значениями. Например, глагольный префикс *недо-* (ср. *недовыполнить*) возник на месте префиксов *не-* и *до-*, префикс *обес-* (ср. *обессилеть*) — на месте префиксов *о-* и *бес-*, префикс *рас-пре-* (ср. *распределить*) — на месте префиксов *рас-* и *пре-*.

В результате опрощения возникают варианты формы корневых морфем, например: *белк-* наряду с *бел-* (ср. *белка* и *беличий*), *бочк-* наряду с *боч-* (ср. *бочка* и *бочар*).

Новые корневые морфемы образуются и в результате усложнения, например: *зонт-* (из *зонтик*), *фляг-* (из *фляжка*).

Вследствие декорреляции выделяются новые словообразовательные аффиксы, омонимичные прежним: ср., например, префикс *за-* и суффикс *-к-* в первоначальной и современной морфемной структуре существительного *заморозки*.

Многие служебные морфемы образовались в результате семантических изменений (утрата лексического значения) омонимичных им слов. Так, глагольные префиксы *в-*, *из-*, *на-*, *над-*, *от-*, *под-*, *при-*, *с-*, *у-* и др. возникли из омонимичных предлогов, префиксы *не-* и *ни-* — из омонимичных частиц, постфиксы *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-ся* — из местоимений, суффикс *-ин-* (со значением единичности, как в существительных *горошина*, *картофелина* и др.) — из местоимения *инѣ* ('один, сам'), суффикс *-дцать* (в числительных *двадцать*, *тридцать*) — из числительного *десять*, суффикс *-надцать* (в числительных *двенадцать*, *тринадцать* и др.) — из сочетания числительного *десять* с предлогом *на*.

Аналогичные процессы наблюдаются во многих языках. Например, немецкий субстантивный суффикс *-heit*, употреб-

ляющийся в составе слов типа *Schönheit* ('красота'), *Weisheit* ('мудрость'), восходит к омонимичному существительному со значением 'вид, образ; способ'; французский наречный суффикс *-ment*, входящий в состав слов типа *clairement* ('ясно'), восходит к латинскому существительному *mens* (ф. род. п. *mentis*), обозначавшему 'ум, намерение', и т. д.

К знаменательным словам (местоимениям или числительному со значением 'один') исторически восходят употребляющиеся в ряде языков артикли, которые рассматриваются или как аффиксальные морфемы, или как служебные слова.

В лингвистической литературе высказывается мнение о том, что в большинстве языков все служебные морфемы возникли из знаменательных слов.

Ср.: «Очень возможно, что индоевропейские и семитские склонения и спряжения — результат прикрепления к корню элементов, первоначально независимых, свободно перемещавшихся вокруг корня и потом слившихся с ним. Мы не знаем начала этого процесса. Было бы бесполезно пытаться установить первоначальную форму и значение окончания первого лица множественного числа или творительного падежа, суффикса начинательного глагола или отвлеченного существительного. Но можно утверждать, что эти элементы флексии — результат распространения по аналогии старых независимых слов, более или менее измененных и сведенных к роли грамматического орудия. Морфология, действительно, обновляется только таким способом» [Поржезинский, с. 166].

Предполагается, что по аналогии с известными случаями перехода знаменательных слов в аффиксальные морфемы, префиксы и суффиксы, «аффиксы вообще возникали из отдельных слов с самостоятельным значением, переходившим позже в формальное. Но... громадное большинство известных теперь аффиксов пережило такую длинную историю, что и предполагать даже трудно, из какого именно слова возник тот или иной из них» [Ушаков, с. 78].

В большинстве языков, располагающих системой префиксов, суффиксов и окончаний, эти аффиксы «возникли, по-видимому, из "настоящих" слов. Например, в индоевропейских, алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских), финно-угорских, дравидских, семито-хамитских, банту и многих других

группах языков личные окончания глагола обнаруживают черты родства с личными местоимениями. В большинстве языков показатели падежей так или иначе можно возвести к первоначальным наречиям (например, в некоторых кавказских) и т. д.» [Леонтьев, 1963, с. 105].

Служебные морфемы нередко возникают в результате изменения вида или функций имеющих в языке морфемных единиц. Так, при образовании наречий из грамматически изменяемых слов (или их словоформ) окончания производящих слов утрачивают признаки флексийных морфем и превращаются в словообразовательные суффиксы. Ср., например: *красиво* — прилагательное (кр. ф. ед. ч. ср. р.) и *красиво* — наречие; *весной*, *летом*, *авансом* — существительные (ф. твор. п. ед. ч.) и *весной*, *летом*, *авансом* — наречия.

Подобные преобразования могут сопровождаться фонетическими изменениями. Например, безударное окончание бывшей падежной формы *бегом*, *вѣрхом* и др. может приобрести ударение: *бегóм*, *верхóм* и др. В отдельных случаях изменяется фонемный состав бывшей флексийной морфемы; это произошло, например, при образовании наречия *домой* из словоформы *домови* (ф. дат. п. ед. ч. существительного *домъ*). Грамматические суффиксы бывших причастий *-ач-*, *-уч-*, *-л-* с переходом этих причастий в прилагательные превратились в адъективные словообразовательные суффиксы, что нашло отражение в словах типа *лежащий*, *пахучий*, *усталый*.

Морфемный состав любого языка интенсивно пополняется служебными морфемами, прежде всего словообразовательными суффиксами и префиксами, путем их заимствования из других языков. Словообразовательные аффиксы заимствуются вместе с иноязычными словами и используются впоследствии при образовании новых слов от имеющих в заимствующем языке слов/основ. В русском языке это — суффиксы *-аж* (ср. *листаж*), *-изм* (ср. *хвостизм*), *-ист* (ср. *связист*); префиксы *анти-* (ср.: *антимир*, *антинародный*), *вице-* (ср. *вице-губернатор*), *контр-* (ср. *контрразведка*), *супер-* (ср.: *суперприбыль*, *суперсовременный*), *транс-* (ср. *транссибирский*), *ультра-* (ср.: *ультразвук*, *ультраправый*).

§ 294. В результате процесса опрощения некоторые словообразовательные аффиксы исчезают. Вначале они перестают выделяться в составе основ отдельных слов, а затем полностью утрачивают морфемный статус в языке. Так, в русском языке исчез словообразовательный суффикс *-р*, ранее выделявшийся в отглагольных существительных типа *дар* (от *дать*), *жир* (от *жить*), *пир* (от *пить*). То же произошло с омонимичным суффиксом в составе таких прилагательных, как *добрый* (от *доба* — ‘пора, время’), *острый* (от общеиндоевропейской основы, сохранившейся в лат. *acus* — ‘игла’, лит. *aštrus* — ‘острый’), *нёстрый* (от созвучной общеславянской основы, сохранившейся в глаголе *писать* с первоначальным значением ‘пестрить, украшать’), *старый* (от созвучной общеславянской основы, сохранившейся в глаголе *стать*), *хитрый* (от *хытати* — ‘хватать, похищать’).

Утрачен (или почти утрачен) словообразовательный префикс *у-* в отсубстантивных и отадъективных по происхождению существительных и прилагательных (сохраняется у многих глаголов и отглагольных существительных и прилагательных). Это относится к таким исторически производным словам, как *уют* (от *ютъ* — ‘крыша’; ср.: *приют*, *ютиться*), *убогий* (первоначальное значение — ‘лишенный богатства, бедный’; от *богъ* — ‘богатство’), *упрямый* (букв. ‘прямой, откровенный’; от *прямой*), *утлый* (первоначальное значение — ‘бездонный, дырявый’; от *тгло* — ‘почва, пол, основание’)¹.

Для обозначения морфем (точнее — суффиксов и префиксов), которые с синхронической точки зрения утратили морфемный статус, в лингвистической литературе используются разные термины: их называют *мертвыми аффиксами* (суффиксами, префиксами) [см.: Ушаков, с. 141; Троицкий, с. 287; Виноградов, 1947, с. 36, 76; Шанский, 1953, с. 50; Степанова, 1953,

¹ Возможно, некоторые отыменные образования рассматриваемого типа еще сохраняют мотивационные отношения с производящими словами; ср., например, существительные *ущелье* и *щель*: в известном смысле ущелье напоминает щель. В то же время некоторые факты позволяют говорить об утрате мотивационных отношений между этими словами: 1) существительное *ущелье* включается в словники этимологических словарей, в которых принято объяснять слова с утраченной мотивацией; 2) при объяснении значения слова *ущелье* в толковых словарях современного русского языка отсутствуют ссылки на слово *щель*.

с. 94; Земская, 1963, с. 66; Потиха, с. 72; Цыганенко, с. 144], не ж и в ы м и — в противоположность живым [см.: Троицкий, с. 291], о к а м е н е в ш и м и [см.: Степанова, 1953, с. 94].

Ср. некоторые определения рассматриваемого понятия:

аффикс мертвый — это «аффикс, выделяющийся в составе слова лишь в результате этимологического анализа, с учетом фактов истории языка» [ОПМТ, с. 26];

мертвыми называются «суффиксы и приставки, которые перестали употребляться в языке для образования новых слов и не ощущаются говорящими как составные части слова» или «только такие суффиксы и приставки, которые не выделяются из состава ни одного слова и значение которых в языке неясно» [Земская, 1963, с. 66, 68].

§ 295. В процессе развития языка в его словообразовательной системе происходят существенные изменения. Многие из них определяются непосредственно изменениями в морфемике, точнее — в словообразовательной морфемике. В связи с изменениями в морфемной структуре слов и в морфемном строе языка в целом часто изменяются словообразовательные отношения между словами (производные слова превращаются в непроизводные, и наоборот — непроизводные слова становятся производными), появляются новые словообразовательные средства — словообразовательные аффиксы, образуются новые производные слова, возникают новые словообразовательные модели, утрачиваются некоторые словообразовательные аффиксы, а вместе с ними и соответствующие модели и типы и т. д.

Словообразовательные отношения между словами могут изменяться в соответствии с опрощением и усложнением. В результате опрощения исторически производные слова превращаются в непроизводные, в результате усложнения первоначально непроизводные слова становятся производными [см. § 293].

Новые словообразовательные аффиксы возникают в результате таких изменений в морфемной структуре слова, как переразложение и декорреляция, вследствие преобразования в аффиксальные морфемы отдельных слов (служебных и знаменательных), перехода грамматических морфем в словообразовательные, путем заимствования аффиксов из других языков [см. § 293].

С появлением новых словообразовательных аффиксов или особых морфем отдельных аффиксальных морфем возникают новые словообразовательные модели, варианты моделей и, соответственно, новые словообразовательные типы (и подтипы). Вследствие возможных семантических изменений, возникновения у аффиксов новых значений новые словообразовательные типы (и подтипы) производных слов появляются также в рамках одной и той же модели (варианта модели), как в случаях типа *истребитель* — ‘о человеке’ и ‘о самолете’.

По образцу словообразовательных моделей и типов, действующих в языке на том или ином этапе его развития, в разные периоды образуется большое количество новых слов, которые создаются разными способами словообразования [см. § 286, 287]. В ряде случаев меняется словообразовательная структура существующих производных слов, в том числе способ их образования. Например, исторически сложные слова превращаются в аффиксальные образования (суффиксальные или префиксальные, как в случае с числительными *двадцать*, *пятнадцать*, прилагательными *белобрысый*, *лопухий*), префиксальные производные — в префиксально-суффиксальные (как в случае с глаголом *обессилеть*) и т. д.

Появляются новые виды словообразовательных средств — и появляются новые способы словообразования, например: постфиксация и смешанные способы словообразования с использованием словообразовательных постфиксов (префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный способы), полуаффиксация, т. е. образование производных слов с помощью полупрефиксов и полусуффиксов [см.: Степанова, 1953, с. 152, 182].

В результате опрощения утрачиваются отдельные словообразовательные аффиксы — суффиксы и префиксы [см. § 294]; вместе с этим исчезают соответствующие словообразовательные модели и типы.

Изменения в грамматике

§ 296. Наряду с изменениями в системе словообразовательных морфем — суффиксов и префиксов, которые во многих

языках используются в качестве важнейших словообразовательных средств, не менее существенные изменения происходят в системе грамматических средств, прежде всего морфологических, в результате чего коренным образом изменяется грамматический строй языка.

Принято считать, что грамматический строй языка представляет собой наиболее устойчивую часть его системы. Тем не менее на протяжении всего исторического развития он претерпевает значительные изменения. Иначе говоря, «грамматический строй языка является исторической категорией, он находится в состоянии постоянного движения и развития и подчинен общим законам развития языка» [ЛЭС, с. 114].

Исторические изменения в грамматическом строе «чрезвычайно разнообразны и протекают в разных языках разными путями, порой даже в противоположных направлениях» [Маслов, 1987, с. 213]. Очевидно, следует различать два основных направления в изменении грамматического строя языка/языков. Во-первых, в грамматике, как и в других областях языковой системы, по мере ее развития возникают те или иные грамматические средства, определенные грамматические категории или граммы. Во-вторых, в ходе языкового развития утрачиваются многие из существующих грамматических средств, грамматических категорий или граммем. Кроме того, в ряде случаев наблюдается изменение существующих элементов грамматического строя, замена ряда грамматических явлений новыми для данного языка явлениями.

Происходящие в конкретном языке грамматические изменения касаются как плана выражения, так и плана содержания тех или иных элементов языковой системы. Эти изменения происходят в морфологии и синтаксисе и изучаются в исторической грамматике (в исторической морфологии и историческом синтаксисе).

§ 297. Формирование элементов грамматического строя языка, в том числе и морфологических, начинается на ранних этапах исторического развития языка. В области морфологии весьма показательны языковые изменения, связанные со становлением системы частей речи. Формирование частей речи как грамматической категории представляет собой

длительный процесс, который во многих языках продолжается до настоящего времени.

Известно, что до определенного периода слова не различались по частям речи. Одно и то же слово выражало разные грамматические (так называемые частеречные) значения, выполняло разные синтаксические функции.

Ср.: «...первое слово (слово-звук), имевшее... нерасчлененное значение и приложимое как к действию, так и к предмету... было “чистой основой”, т. е. было морфологически нерасчлененным» [Леонтьев, 1963, с. 106];

«имя существительное и имя прилагательное в индоевропейских и других языках различаются отнюдь не исконно. Этому различению предшествовал период существования нерасчлененного имени, способного обозначать смешанные значения предмета и качества. И современное деление слов на имена и глаголы также не исконно, ему предшествовало такое состояние языка, когда не было ни имени, ни глагола, а было единое слово, применявшееся для обозначения процесса и деятеля» [Головин, 1983, с. 162];

«Тюрго [французский философ-просветитель XVIII в. — В.Н.] очень своеобразно представлял себе первые слова. Он считал, что ими были существительные и глаголы вместе, причем существительные выражались словами, а глаголы — сопровождавшими их жестами: “Несколько слов для обрисования вещей и несколько жестов, соответствовавших глаголам, — вот одни из первых глаголов”» [Донских, с. 62].

По предположению ученых, формирование системы частей речи начинается с противопоставления имен и глаголов. При этом первичной частью речи считается имя существительное.

Ср.: «Имя существительное и глагол были, вероятно, древнейшими частями речи... Можно думать, что факт их расчленения связан в первую очередь не с особенностями значения, а с синтаксической функцией (подлежащее — сказуемое)» [Леонтьев, 1963, с. 58];

«в языке долгое время не было других слов, кроме названий, данных чувственно воспринимаемым предметам, таких слов, как *дерево*, *плод*, *вода*, *огонь* и других, произносить которые часто представлялся случай» [Кондильяк, с. 229];

«имена родились раньше глаголов; это доказывает нам то вечное свойство, что речь не имеет смысла, если она не начинается с имени, выраженного или умолчанного» [Вико, с. 174—175].

Подобные суждения подтверждаются некоторыми фактами современных языков. Известно, например, что наиболее постоянным в языках является противопоставление имени и глагола, при этом в некоторых из них вычленяются только имя и глагол (например, в индейском языке йума) [см.: ЛЭС, с. 578]¹.

На базе имен существительных в свое время формируются другие именные части речи, прежде всего имена прилагательные. Предполагается, что имя прилагательное стало частью речи раньше, чем глагол.

Ср.: «Имя прилагательное в большинстве языков возникло из имени существительного, как показал еще замечательный русский лингвист А. А. Потебня. Представление о качестве выражалось сначала сочетанием двух существительных: не *зелёная трава*, а *зелень-трава*» [Леонтьев, 1963, с. 107; см. также: Потебня, 1899, с. 73];

«по Кондильяку, первые слова — это имена существительные... Потом появились слова, выражающие качества предметов, — прилагательные (сюда же Кондильяк относит почему-то и наречия). Затем возникают глаголы» [Донских, с. 229]².

К сравнительно раннему периоду развития языка относится обособление местоимений как части речи. Ученые утверждают, что эта часть речи формируется после обособления имен существительных и на их основе. Предполагается, что личные местоимения возникают после указательных,

¹ Существует мнение, согласно которому формированию имени и глагола как отдельных частей речи предшествовало появление таких слов, как междометия, местоимения, артикль, частицы. Так, по предположению Дж. Вико, первыми частями речи были междометия, затем местоимения, потом члены (артикли) и наконец частицы (к ним Вико относит предлоги). И только после этого появляются имена [см.: Донских, с. 52].

² Факт неразличения имен существительных и имен прилагательных отражается и в некоторых современных языках, например в языке хауса (распространен в ряде африканских стран). В бирманском языке слова, соответствующие прилагательным и существительным других языков, объединяются с глаголом.

притяжательных и др., при этом вначале появляются местоимения 1—2-го лица, затем — местоимения 3-го лица.

Ср.: «Личное местоимение третьего лица возникло, по-видимому, позже местоимений первого и второго лица... В большинстве языков его можно вывести или из указательного местоимения, или из существительного. Напротив, происхождение местоимений первого и второго лица, как правило, не может быть установлено; это указывает на их относительную древность. Личные местоимения вообще тесно связаны с указательными и притяжательными и во многих языках совпадают по форме с последними» [Леонтьев, 1963, с. 107].

Значительно позже среди имен в качестве части речи обособляются имена числительные. Например, по мнению А. Е. Супруна, в индоевропейских языках эта часть речи выделяется только в XVIII—XIX вв. В истории русского языка имя числительное как часть речи начинает формироваться в общевосточнославянскую эпоху, в XIII—XIV вв., т. е. в древнерусском языке [см.: Иванов, с. 354].

Ср.: «В европейской грамматической традиции числительное, первоначально не выделявшееся как самостоятельная часть речи, по мере появления подробных грамматических описаний стало рассматриваться особо среди разносклоняемых имен, а с XVIII—XIX вв. нередко выделяется как часть речи» [ЛЭС, с. 583].

Наречие как часть речи во многих языках начинает формироваться в глубокой древности. В качестве самостоятельной части речи оно выделялось уже в античной грамматике. В истории славянских языков оформление названной части речи начинается еще в дописьменную эпоху и продолжается до настоящего времени. Этот класс слов постоянно пополняется в результате их образования на базе других частей речи [см.: Иванов, с. 407].

§ 298. Система частей речи в процессе исторического развития языка постоянно пополняется различными морфологическими категориями, граммемами, новыми грамматическими формами. Например, в системе имен существительных формируются такие морфологические категории, как

род, число, падеж, одушевленность-неодушевленность, определенность-неопределенность.

В индоевропейских языках одной из древнейших грамматических категорий существительного является категория рода. Первоначально существовала двухродовая система, которая позже преобразовалась в трехродовую, т. е. стали различаться существительные мужского, женского и среднего рода. Наиболее известны две концепции происхождения грамматической категории рода. Согласно одной из них, в основу формирования категории рода положено противопоставление предметов по признаку одушевленности-неодушевленности, согласно другой концепции — по признаку их активности-пассивности.

Ср.: «Общеиндоевропейский язык противопоставлял “одушевленный” род, допускавший различие падежа подлежащего (именительного) и падежа дополнения (винительного) к глаголу в единственном и во множественном числе, роду “неодушевленному” (среднему), никогда не допускавшему этого различия. Одушевленный род содержал два подрода: мужской род — для существ мужского пола или воспринимаемых как таковые и женский (имевший форму основы, производной от основы мужского рода) — для существ женского пола или воспринимаемых как таковые (например, *земля, деревья* и т. д.). В отличие от противопоставления “одушевленный : неодушевленный (средний) род”, выражавшегося различием формы именительного и винительного падежей, противопоставление мужского и женского рода выражалось различными основами и почти исключительно в прилагательном. Таким образом, оно существовало во всех падежах» [Мейе, с. 367];

«грамматический род в языках мира возникал, вероятнее всего, в связи с активной или пассивной функцией обозначаемого предмета... Так, в праиндоевропейском языке все существительные, видимо, делились на две категории: к “одушевленному роду” принадлежали те, которые могли быть субъектом активного действия; к “неодушевленному” — те, которые были потенциальным объектом такого действия. Очень похожую систему двух родов мы находим в хеттском языке. Затем “одушевленный род” распался на мужской и женский, а “неодушевленный” превратился в средний. На вероятность такого развития указывает тот факт, что общеиндоевропейское окончание

винительного падежа *-т* по звучанию совпадает с окончанием именительного падежа среднего рода *-т*» [Леонтьев, 1963, с. 109—110].

Грамматическая категория *ч и с л а* в разных языках, в том числе и славянских, возникает с появлением форм множественного числа существительных. Предположительно формирование этой категории связано с образованием существительных с собирательным значением. Категория числа распространяется и на другие части речи — имя прилагательное, местоимение, глагол (в личных формах).

Ср.: «Категория числа имен существительных в большинстве языков возникла, по всей вероятности, из собирательных по значению слов типа немецкого *Gebirge* ‘горы’, русского *дурачьё*, *листва* и т. д.» [Леонтьев, 1963, с. 110];

«старое собирательное имя среднего рода, которое в имени-тельно-винительном падеже играло роль множественного числа среднего рода и фигурировало рядом с мужским родом... в славянских языках представляет множественное число, например, ст.-слав. *ига*... Собирательное имя женского рода *братриа* (*братиа*) служит в общеславянском языке множественным числом к слову *братръ* (*братъ*)... Собирательные среднего рода типа *каменик* обычны вместо множественного числа от *камень*... так же *листвъ* имеет собирательное *листвиик* и т. д.» [Мейе, с. 368—369].

Позже в ряде языков возникают особые формы двойственного числа (например, в славянских, балтийских языках), а в некоторых еще и тройственное, четвертное и др.

Категорию *п а д е ж а* относят к числу поздних морфологических явлений. Считается, что в большинстве языков формирование данной категории начинается с противопоставления форм именительного, винительного и родительного падежей. Основой для образования разных падежных форм могли служить различные грамматические конструкции.

Ср.: «Падеж, по-видимому, — довольно позднее образование. То, что называется в современных языках падежом, может восходить к очень разным явлениям. Например, многие из так называемых падежных форм в финно-угорских и кавказских языках... — это наречие с пространственным или другим конкретным значением, слившееся с основой имени». Такую же гипотезу применительно к индоевропейским языкам выдвинул в

свое время немецкий лингвист Ф. Шпехт: «Самые древние падежи, возникновение которых обычно связано с синтаксисом, — это в большинстве языков именительный, винительный и родительный» [Леонтьев, 1963, с. 110—111].

По-разному формировались в языках и другие грамматические категории существительного — определенности-неопределенности, одушевленности-неодушевленности. Категория определенности-неопределенности, например, в германских и романских языках возникает в результате семантического преобразования местоимения со значением 'тот'. Данное указательное местоимение утрачивает свое лексическое значение и превращается в артикль, служащий показателем определенности существительного. Затем появляется также артикль со значением неопределенности [см.: Маслов, 1987, с. 210].

Характерной особенностью качественных прилагательных (как и наречий, а в некоторых языках — существительных и глаголов) является способность иметь формы степеней сравнения. В разных языках (и у разных частей речи) эти формы образовывались в разное время и с помощью разных грамматических средств.

Некоторые индоевропейские языки (славянские, балтийские) в дописьменный период своего развития на базе существующих кратких (именных, нечленных) форм прилагательных образовывали полные (местоименные, членные) формы. Эти формы создавались путем присоединения к краткой форме указательного местоимения. В истории славянских языков появление полных форм прилагательных объясняется утратой краткими формами синтаксической функции определения и способности изменяться по падежам [см.: Иванов, с. 338]. В балтийских языках (в частности, в литовском) краткие формы прилагательных склоняются и сегодня.

В системе глагола в процессе развития формируются такие грамматические категории, как лицо, время, наклонение, вид и др. Установлено, что сначала возникли формы 1—2-го лица, форма 3-го лица появилась позже. Предполагается, что личные формы глагола могли образоваться из конструкций типа «название действия + притяжательное местоимение» (например, *лов мой*), «название деятеля +

личное местоимение» (например, *ловец я; ты убийца*) и др. [см.: Леонтьев, 1963, с. 111].

Формирование категории глагольного времени, по предположению ученых, начинается с противопоставления форм настоящего и прошедшего времени. Будущее время в подавляющем большинстве языков выделяется значительно позже. Оно формируется разными путями. Наиболее простой — употребление форм настоящего времени в функции будущего. На основе первичных форм прошедшего и будущего времени глагола во многих языках появляются формы так называемых относительных времен: прошедшего результативного (перфект), предпрошедшего (плюсквамперфект), предбудущего (лат. *futurum exactum*), будущего в прошедшем (лат. *futurum praeteriti*) и др.

В ряде языков одновременно с грамматической категорией времени формируется категория глагольного вида, начинают различаться видовые формы глагола. В славянских языках противопоставляются виды совершенный (перфектив) и несовершенный (имперфектив).

К глагольным грамматическим категориям относится категория *наклоны*, которая в индоевропейских языках с давних времен была представлена такими граммемами, во многом сохранившимися до настоящего времени, как изъявительное наклонение (индикатив), повелительное наклонение (императив), сослагательное наклонение (конъюнктив), желательное наклонение (оптатив) и др.

Со временем в рамках глагольной парадигмы развиваются причастия, деепричастия, полупричастия, которые по своим формальным и семантическим признакам сближаются с другими частями речи, а также переходят в прилагательные (причастные формы) или наречия (деепричастия) и т. д.

§ 299. В процессе развития языка некоторые грамматические явления по тем или иным причинам становятся избыточными и прекращают свое существование. Чаще всего утрачиваются отдельные граммы грамматических категорий, но иногда исчезают и грамматические категории в целом.

Характерным примером грамматических изменений в системе именных частей речи служит преобразование во

многих индоевропейских языках трехродовой системы в двухродовую. В одних языках (например, в балтийских, романских, в большинстве новоиндийских) утрачивается средний род (он объединяется с мужским), в других (например, в датском и шведском) — мужской и женский род объединяются в общий род [см.: Шайкевич, с. 102]. В английском, персидском и таджикском языках грамматическая категория рода утрачена полностью. В то же время в славянских, в немецком, исландском и греческом языках древняя трехродовая система сохранилась до настоящего времени.

Многие индоевропейские языки в процессе исторического развития утратили формы двойственного числа. Не сохранились они в большинстве славянских языков, в том числе во всех восточнославянских языках. В частности, утрата двойственного числа древнерусским языком отражается в письменных памятниках начиная с XIII в., когда вместо форм двойственного числа начинают употребляться соответствующие формы множественного числа. Сначала это касается конструкций, в которых отсутствует слово *два*, а позже такая замена распространяется и на словосочетания с данным числительным. Предполагается, что окончательная утрата двойственного числа в древнерусском языке произошла в XIV—XV вв. [см.: Иванов, с. 317].

Значительные упрощения претерпела в индоевропейских языках система склонения. С течением времени постепенно сокращается количество падежей. Например, в санскрите было семь падежей, в латинском языке — пять, а в греческом и немецком их количество сократилось до четырех. В авестийском языке было восемь падежей, а в некоторых современных языках сохранилось всего три (в белуджском) или два (в курдском, талышском, ягнобском). Уменьшается и количество типов склонения существительных. Так, в истории русского языка на протяжении относительно небольшого промежутка времени из пяти древних типов склонения было утрачено два. В английском, французском, болгарском, персидском и таджикском языках существительные теперь вообще не склоняются.

На определенном этапе развития русского языка утрачено склонение кратких форм прилагательных.

В некоторых индоевропейских языках (например, в романских) утрачены формы степеней сравнения, употреблявшиеся в латинском языке.

Существенным преобразованиям подверглась грамматическая категория времени. В большинстве индоевропейских языков количество глагольных времен заметно сократилось. В истории славянских языков, например, это сокращение произошло, главным образом, в связи с преобразованием системы прошедших времен. Вместо традиционно различавшихся ранее четырех прошедших времен (перфект, имперфект, плюсквамперфект и абрист) сохранилось одно, формы которого образовались на базе бывшего перфекта. Разные будущие времена тоже объединились в одно.

Известные упрощения произошли в системе индоевропейских залоговых форм. Так, в латинском языке формы опатива (желательного наклонения) совпали с формами конъюнктива (сослагательного наклонения). Отсутствует желательное наклонение также во многих современных индоевропейских языках (например, в славянских, литовском литературном и др.).

В большинстве индоевропейских языков утрачена глагольная форма супина (некоторые языковеды рассматривают его как отглагольное существительное). В древнерусском языке, например, супин стал смешиваться с инфинитивом и вышел из употребления уже в XI в. Так же складывалась судьба супина в «народной латыни». К настоящему времени супин полностью утрачен всеми славянскими (кроме нижнелужицкого, словенского, а также чешского, сохранившего изолированные следы данной формы) и романскими языками.

§ 300. Языковые изменения проявляются не только в том, что постоянно образуются новые элементы и утрачиваются некоторые из существующих, но и в том, что одни явления по тем или иным причинам заменяются другими.

Примером подобного рода изменений служит замена морфем другими морфемами с тем же значением. Многие из таких изменений связаны с происходившими фонетическими преобразованиями. По этой причине в истории русского языка, например, окончание дательного падежа единственного числа существительных женского рода *-ѣ* было заменено окончанием *-е* (ср.: *водѣ* → *воде*, *горѣ* → *горе*), окончание 1-го

лица единственного числа настоящего времени глагола -ж — окончанием -у (ср.: *берж* → *беру*, *несж* → *несу*) и т. д. Некоторые из подобных изменений происходили в связи с действием закона аналогии: например, окончание родительного падежа множественного числа существительных мужского рода -ь (типа *конь*, *царь*) под воздействием аналогичных форм женского рода (типа *костей*, *ночей*) было заменено окончанием -ей.

В ходе развития языка нередко не только заменяются отдельные морфемы, но и меняется характер грамматических средств в целом: например, способы образования грамматических форм, выражения грамматических значений. Так, в некоторых индоевропейских языках флексийные средства выражения грамматического рода существительных в свое время были заменены артиклем (ср.: нем. *der Mensch* — ‘человек’, *die Frau* — ‘женщина’, *das Buch* — ‘книга’). Во многих языках простые (синтетические) формы прошедших и будущих времен глагола были заменены сложными (аналитическими) формами, которые образуются с помощью вспомогательных глаголов (ср., например, формы будущего времени от глаголов несовершенного вида в русском языке, формы некоторых прошедших и будущих времен в немецком языке). И наоборот, сложные временные формы могут заменяться простыми (ср., например, образование форм прошедшего времени из форм перфекта в истории русского языка).

Существенные изменения происходят в системе частей речи. В процессе развития языков многие слова/словоформы переходят из одной части речи в другую. По утверждению некоторых лингвистов, этот процесс так или иначе затрагивает все части речи [см.: Лукин, с. 8]. Особенно широко распространен переход прилагательных в существительные (субстантивация прилагательных) и причастий в прилагательные и существительные (адъективация и субстантивация причастий) [см.: Немченко, 1975, с. 22]. Так, перешли в разряд имен прилагательных исконно русские причастия с суффиксами -ач-/-яч- и -уч-/-юч- (типа *лежачий*, *сидячий*, *пахучий*, *вонючий*).

Грамматические изменения могут затрагивать всю грамматическую систему языка или определенной группы языков. В качестве примера можно привести изменение латинской системы склонения и спряжения в романских языках.

Ср.: «Наиболее устойчивая часть языка — грамматика — тоже, конечно, подвержена изменениям. И эти изменения могут иметь разный характер. Они могут касаться и всей грамматической системы в целом, как, например, в романских языках, где прежняя латинская система словоизменительной морфологии (склонение, спряжение) уступила место аналитическим формам выражения через служебные слова и порядок слов» [Реформатский, 1967, с. 495].

§ 301. Исторический синтаксис, изучающий общие закономерности эволюции синтаксического строя языка/языков, разработан крайне слабо. Это относится к разным языкам, разным периодам их развития. В историческом синтаксисе русского языка, например, «рассматриваются лишь отдельные, самые основные явления в развитии синтаксической системы древнерусского языка, причем это рассмотрение ведется от эпохи первых памятников письменности как начального этапа истории до современного состояния русского языка как конечного этапа этой истории» [Иванов, с. 413]. При этом основное внимание обращается на изменения в структуре предложения как важнейшей синтаксической единицы языка.

Изменения в синтаксисе индоевропейских языков весьма незначительны, по сравнению с теми изменениями, которые обнаруживаются в морфологии и других областях языковой системы. Структура современного русского предложения, например, во многом соответствует структуре предложения в древнерусском языке, заимствованной из славянского праязыка, имеет много общего со структурой предложения в других индоевропейских языках, отражающих структуру общеиндоевропейского предложения.

Ср.: «В славянском языке [речь идет о славянском праязыке, или общеславянском языке. — *В. Н.*] индоевропейский тип предложений сохранился без существенных изменений. ...В то время как фонетика и морфология подверглись глубоким изменениям, структура предложения общеиндоевропейского, общеславянского и древнего (исторического) периодов и даже современного периода различных славянских языков различается очень незначительно. Можно ограничиться небольшим количеством замечаний, чтобы показать, как мало нового ввел славянский язык в этом отношении» [Мейе, с. 380].

§ 302. В истории славянских языков, в том числе и русского, синтаксические изменения затронули все типы предложения. В древнерусском языке в простом предложении изменился состав, способы выражения главных и второстепенных членов, синтаксические связи между словами и т. д. Весьма активно использовались в древнерусских текстах определенно-личные и безличные предложения и крайне редко употреблялись назывные предложения, которые получили распространение приблизительно в XVI—XVII вв. [см.: Иванов, с. 414].

Более существенные изменения наблюдаются в средствах выражения членов простого предложения, в синтаксических связях между ними. Так, в древнерусском языке в функции подлежащего крайне редко употреблялись личные местоимения (в современных восточнославянских языках они получили широкое распространение). Особенностью выражения составного именного сказуемого в древнерусском языке было употребление связки в формах настоящего, прошедшего и будущего времени (в современных восточнославянских языках связка в форме настоящего времени утрачена). Прилагательное в древнерусском языке согласовывалось с существительным как в полной, так и в краткой форме (в современном русском языке следы согласования краткого прилагательного с существительным сохранились лишь в устойчивых словосочетаниях типа *красна девица, на босу ногу, середь бела дня*).

§ 303. Сложные предложения в индоевропейских языках формировались путем объединения простых предложений с помощью различных союзов.

Ср.: «То, что на древних этапах развития индоевропейских языков выражалось простым соположением предложений или простым нанизыванием их друг на друга при помощи простейших сочинительных союзов по типу *и пришел, и увидел, и сказал*, то на последующих этапах их развития начинает передаваться при помощи сложной системы самых разнообразных сочинительных и подчинительных союзов, которые обнаруживают более сложные логические связи и отношения» [Будагов, 1965, с. 339];

«сложные предложения в начальный период истории древнерусского языка развиты были слабо. В древнерусских текстах

нередко обнаруживаются такие объединения простых предложений, которые не представляют собой еще сложных предложений, хотя уже и не являются всего лишь сочетаниями грамматически независимых простых предложений, — это так называемые к о н с т р у к ц и и н а н и з ы в а н и я» [Русинов, с. 157].

Среди сложных предложений в древнерусском языке, как и в современном русском, выделялись предложения сложносочиненные и сложноподчиненные. Различия между ними возникли относительно поздно, в письменный период развития языка.

Ср.: «Еще сравнительно недавно, в X—XII вв., в русском языке было неотчетливое противопоставление системы сложносочиненных предложений системе предложений сложноподчиненных. Факты истории других языков позволяют утверждать, что нынешнее противопоставление сочинения подчинению возникло из более ранней, не дифференцированной по этому признаку связи высказываний» [Головин, 1983, с. 161—162].

По вопросу о происхождении сложноподчиненных предложений существуют разные мнения. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой сложноподчиненное предложение возникло путем развития сложносочиненного. Согласно другой точке зрения, сложноподчиненное предложение, равно как и сложносочиненное, развивалось на базе «конструкций нанизывания» [см.: Иванов, с. 431].

Классификация языков

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 304. Сегодня в мире существует несколько тысяч языков¹. Определить точное количество языков не представляется возможным, что объясняется разными причинами, прежде всего тем, что далеко не всегда можно строго разграничить язык и территориальный диалект, различие между которыми условно. Например, в современном польском языке принято выделять пять групп диалектов: великопольские, малопольские, мазовецкие, силезские и кашубские. В то же время некоторые лингвисты рассматривают кашубский диалект как самостоятельный западнославянский язык [см.: Кондрашов, с. 133]. В романистике продолжительное время велись споры о количестве романских языков, о статусе таких языков/диалектов, как, например, галийский (самостоятельный язык или диалект португальского языка?), гасконский (отдельный язык или диалект провансальского языка?), франко-провансальский (самостоятельный язык или диалект французского либо окситанского языка?) и др. Существовали разные мнения в вопросе о статусе молдавского, каталонского и окситанского языков [см.: ЛЭС, с. 421].

Научное исследование и описание языков предполагает их классификацию. Под классификацией языков понимается их распределение по группировкам (классам, группам, подгруппам и т. д.) на основании различных дифференциальных признаков. По определению В. А. Виноградова, классификация языков — это «распределение языков мира по определенным таксономическим [т. е. классификационным. — В. Н.] рубрикам в соответствии с принципами, вытекающими из

¹ В разных источниках указывается разное количество языков мира: более 2000 языков [Широков, 2003, с. 208], свыше 2500 языков [Будагов, 1965, с. 353; Реформатский, 1967, с. 382], около 2800 языков [Маслов, 1975, с. 280], от 2500 до 5000 языков [Головин, 1983, с. 6; ЛЭС, с. 609], в 2006 г. была информация о том, что в мире насчитывается 6417 языков.

общей цели исследования, и на основе определенных признаков» [ЛЭС, с. 228].

В основу языковой классификации могут быть положены разные признаки:

1) происхождение языков, их генетическое родство — это генеалогическая классификация;

2) типология языков, типы языковых единиц — это типологическая классификация;

3) принадлежность к тому или иному языковому ареалу, той или иной ареальной общности — это ареальная классификация¹.

§ 305. Генеалогическую классификацию языков иногда называют генетической (от греч. *genos* — ‘род, происхождение’ и *logos* — ‘понятие, учение’). Генеалогическая классификация языков представляет собой распределение языков мира по разным группировкам на основании родственных связей между ними, с учетом степени их родства. Под отношениями языкового родства при этом понимается наличие сходства между однородными языковыми элементами, обусловленного общим происхождением данных языков из одного языка-основы, или праязыка.

Ср.: «Родство языковое — общее свойство двух или нескольких языков, заключающееся в том, что их исконные минимальные значимые элементы (корневые морфемы и аффиксы) находятся в строго определенных соответствиях, отражающих регулярный характер звуковых преобразований... материально-фонда, восходящего к общему источнику — праязыку» [ЛЭС, с. 418].

В отличие от других возможных классификаций языков генеалогическая классификация носит **абсолютный** характер. Это значит, что в данной классификации каждый язык всегда принадлежит к определенной генеалогической группировке.

При генеалогической классификации языки мира обычно делятся на языковые семьи, ветви, группы, подгруппы. При этом термины, обозначающие соответствующие группиров-

¹ В лингвистической литературе обычно рассматриваются лишь генеалогическая и типологическая классификации языков.

ки языков, используются в лингвистике крайне непоследовательно.

§ 306. Самым крупным объединением языков в генеалогической классификации является языковая семья (иначе — семья языков). Языковой семьей называется совокупность языков, в большей или меньшей степени связанных отношениями родства и сохраняющих известные черты сходства тех или иных элементов.

Ср.: семья языков — это «совокупность родственных языков... происшедших от одного языка-предка, или праязыка (например, индоевропейская семья языков)» [РЯЭ-Ф, с. 283];

это «совокупность родственных языков... унаследовавших из общего праязыка заметную общность материального фонда (слова, морфемы, корни, аффиксы), отражающего строгие звуковые соответствия» [РЯЭ-К, с. 462].

Для обозначения семьи языков употребляются и другие термины: «большая семья» (в противоположность «малой семье»), или «макросемья» (в противоположность «микросемье»), «филия». В этом значении нередко употребляются также термины «группа языков», «языковая группа».

Ср.: «Объем понятия “семья языков” в терминологической практике изменчив. Одно и то же объединение родственных языков может именоваться и группой, и семьей. Так, славянские языки могут называться группой, входящей в индоевропейскую семью, и семьей, входящей в большую семью. Для семей труднообозримых и далеко расходящихся языков (например, индейских) применяются также термины “макросемья” и “филия”, которые иногда выступают как синонимы, иногда как иерархически подчиненные термины» [РЯЭ-К, с. 462];

«потребовалась длительная (более века!), упорная работа нескольких поколений высокообразованных и талантливых исследователей-профессионалов, чтобы доказать родство некоторых “малых” языковых семей (славянской, балтийской, германской, романской, иранской, индийской и др.) между собой и объединить их в “большую” языковую семью, которая получила условное название индоевропейской. Точно так же лишь несколькими поколениями ученых было наконец выявлено дальнее родство финских (“чудских”) языков с венгерским (большая финно-угорская языковая семья)» [Широков, 2003, с. 208].

Среди языков мира различается несколько десятков языковых семей. Они объединяют такие языки, как, например: индоевропейские (распространены на всех континентах земного шара);

тюркские (распространены во многих странах Европы и Азии);

угро-финские, или финно-угорские (север Восточной Европы, Венгрия, бассейн Волги и Камы, Западная Сибирь);

тунгусо-маньчжурские, или маньчжурско-тунгусские (Сибирь, Дальний Восток);

чукотско-камчатские (Чукотка, Камчатка и др.);

эскимосско-алеутские (Чукотка, Аляска, Канада, Гренландия, Алеутские острова и др.);

нахско-дагестанские, или восточнокавказские (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Азербайджан, Грузия, Турция);

монгольские (Монголия);

китайско-тибетские, или сино-тибетские (Китай);

тайские (Индокитай и Южный Китай);

австроазиатские, или аустроазиатские (Юго-Восточная и Южная Азия);

австронезийские, или малайско-полинезийские (Индонезия, Филиппины и др.);

дравидские (южноазиатский субконтинент);

папуасские (Новая Гвинея и другие острова Тихого океана);

конго-кордофанские, или нигеро-кордофанские (Африка);

нило-сахарские (Африка);

койсанские (Африка);

афразийские, афроазиатские, или (устар.) семито-хамитские (Африка, Азия);

австралийские (Австралия);

индейские, или американские, америндейские (Центральная и Южная Америка);

карибские, или караибские (Южная Америка);

языки галф (Северная Америка).

К настоящему времени наиболее подробно изучены языки индоевропейской семьи (по некоторым данным, их насчитывается 127) [см.: Языки, с. 5]. По предположению ученых, территория первоначального (или относительно раннего) распространения индоевропейских языков находилась в полосе

от Центральной Европы и Северных Балкан до южнорусских степей. В течение последних примерно пяти веков они распространились также в Северной и Южной Америке, Австралии и отчасти в Африке.

Разные языковые семьи отличаются друг от друга специфическими особенностями в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса и др. Так, для индоевропейских языков в области морфологии характерно противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных, наличие супплетивных форм личных местоимений, переходность-непереходность глаголов, наличие форм наклонений глагола и др. В лексике современных индоевропейских языков сохраняются многие слова общеиндоевропейского происхождения. К ним относятся некоторые названия степеней родства (*мать, дочь, сын, брат, сестра* и др.), названия животных (*волк, бобр, корова, коза, муха* и др.), деревьев (*дуб, ива, берёза* и др.) и многие другие общеупотребительные слова (*берег, море, вода, луна, огонь, дым, соль, острый, два, три* и т. п.).

§ 307. Многие семьи языков делятся на ветви, которые нередко называют малыми семьями или группами. Языковая ветвь представляет собой более мелкое подразделение языков, чем семья. Языки одной ветви сохраняют достаточно тесные родственные связи, имеют много черт сходства.

Среди языков индоевропейской семьи различаются ветви, объединяющие языки славянские, балтийские, германские, романские, греческие (греческая группа), кельтские, иллирийские, индийские (иначе — индоарийские), индоиранские (арийские), тохарские и др. Кроме того, в индоевропейской языковой семье есть «одиночные» языки (т. е. не образующие особых ветвей): албанский, армянский, венецкий, фракийский и фригийский.

К угро-финской языковой семье относятся четыре ветви: прибалтийско-финская, волжская, пермская и угорская. Кроме того, к данной семье принадлежит саамский язык, который не входит ни в одну из ветвей.

Языки чукотско-камчатской семьи делятся на две ветви: чукотско-корякскую и ительменскую.

В отечественном языкознании наиболее основательно изучена и описана славянская ветвь индоевропейской

языковой семьи. Эти языки первоначально существовали в Восточной и Юго-Восточной Европе, а впоследствии широко распространились на территории других регионов Европы и Азии.

Отличительной особенностью фонетики славянских языков является превращение праиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний в монофтонги (монофтонгизация). В системе согласных современных славянских языков отражена первая палатализация заднеязычных [g], [k], [x], выразившаяся в их переходе в соответствующие шипящие [ž], [č], [š], что отразилось в чередовании заднеязычных с шипящими.

Из изменений в морфологии — утрата почти всеми славянскими языками двойственного числа. Во всех славянских языках исчезло окончание -s формы именительного падежа единственного числа существительных мужского рода (в связи с действием в общеславянском языке закона открытого слога); ср. формы в разных славянских языках (например, рус. *волк, сын, дым*) и в неславянских индоевропейских языках (например, лит. *vilkas, sūnus, dūmas*).

В лексике современных славянских языков сохранилось большое количество слов общеславянского происхождения: *забава, место, память, погода, человек; жадный, простой, чистый; забыть, писать, читать* и др.

Характерными особенностями фонетики балтийских языков являются противопоставление гласных фонем по долготе-краткости, наличие тонического ударения, интонационное противопоставление фонем, наличие дифтонгов (чистых и смешанных). В морфологии сохраняется пять типов склонения существительных, многообразие типов сложных времен и наклонений глагола, образуемых путем сочетания личной формы вспомогательного глагола с причастием. В словарном составе много исконных слов общеиндоевропейского происхождения, особенно в таких семантических сферах, как обозначения родства, частей тела человека, чисел, как названия животных, растений, деталей пейзажа, небесных тел, элементарных действий и др.

Германские языки характеризуются такими отличительными особенностями, как широкое использование чередования гласных в корне слова, выполняющего словоизменительную или словообразовательную функцию (аблаут), спирантизация глухих смычных согласных [p], [t], [k] обще-

индоевропейского происхождения в определенных условиях, т. е. превращение их в щелевые (фрикативные), динамическое ударение на первом (корневом) слоге, наличие двух разновидностей склонения прилагательных — сильного (или местоименного) и слабого (или именного).

Особенностями фонетики романских языков являются общероманская система гласных из семи фонем (сохраняется в большинстве романских языков), наличие дифтонгов, упрощение и преобразование некоторых групп согласных, тенденция к открытости слога. В морфологии распространены аналитические грамматические формы, двухродовая система существительных (мужской и женский род), отсутствие склоняемости имен, разнообразие форм артикля, обилие временных форм глагола (различается до 16 времен). В словообразовании широко используются конверсия (переход прилагательных в существительные), отыменное образование глаголов. В лексике преобладают слова, унаследованные из латыни; много заимствований из германских, кельтских, древнегреческого и других языков.

Генетическое родство между языками разных ветвей проявляется в неодинаковой степени. В частности, существуют тесные взаимоотношения между индийскими и иранскими, славянскими и балтийскими языками, что позволяет говорить о существовании промежуточных языковых ветвей — индоиранской, балто-славянской и др. Особенно тесные связи сохраняются между славянскими и балтийскими языками. Их объединяет, например, наличие местоименных форм прилагательных, грамматической категории глагольного вида, значительное количество родственных слов. Необходимо отметить, что сходство словарного состава славянских и балтийских языков объясняется не только общим происхождением этих языков, но и заимствованием балтийскими языками многих слов из славянских, что является результатом длительных контактов балтов и славян.

§ 308. В рамках некоторых языковых ветвей выделяются группы языков, связанных друг с другом более тесными генетическими отношениями, чем языки отдельной ветви той или иной языковой семьи.

Так, с л а в я н с к а я ветвь индоевропейской семьи языков делится на три группы:

1) восточнославянскую — русский, украинский и белорусский языки;

2) западнославянскую — польский, чешский, словацкий, лужицкий, а также вымерший полабский языки;

3) южнославянскую — болгарский, сербскохорватский, македонский и словенский языки, а также старославянский язык, сохранившийся в религиозных текстах.

На три группы делится также германская ветвь языков:

1) северную (северогерманскую, или скандинавскую) — шведский, норвежский, датский, исландский и фарёрский языки;

2) западную (или западногерманскую) — английский, немецкий, нидерландский (голландский), люксембургский и фризский языки, африкаанс, идиш;

3) восточную (или восточногерманскую) — вымершие готский, бургундский, вандальский, гепидский и герульский языки.

Среди романских языков обычно выделяют пять групп:

1) иберо-романскую — португальский, галисийский, испанский и каталанский языки;

2) галло-романскую — французский и провансальский языки;

3) итало-романскую — итальянский и сардинский языки;

4) ретороманскую (или ладинскую) — швейцарский ретороманский, тирольский ретороманский и фриульский языки;

5) балкано-романскую — румынский, молдавский, армунский, мегленорумынский и истрорумынский языки.

Языки разных групп, относящихся к одной и той же ветви, характеризуются чертами сходства и различия. Отметим некоторые фонетические явления, различающие славянские языки восточнославянской, западнославянской и южнославянской групп.

В соответствии с общеславянскими дифтонгическими сочетаниями **ol*, **or*, **el*, **er* между согласными употребляются:

в современных восточнославянских языках — полногласные звуко сочетания *olo*, *oro*, *ere* с возможными закономерными отклонениями в произношении гласных, например:

рус. *голова* (**golva*, ср. лит. *galva*), *молоко* (**melkon*, ср. нем. *Milch*), *корова* (**korva*, ср. лит. *karvė*), *берег* (**bergos*, ср. нем. *Berg* — ‘гора’);

в западнославянских или в некоторых из них — звукосочетания *lo*, *ro*, *le*, *re* с возможными изменениями согласного, например: польск. *głowa*, чешск. *hlava* (ср. рус. *голова*); польск. *krowa*, чешск. *křava* (ср. рус. *корова*); польск. и чешск. *mleko* (ср. рус. *молоко*); польск. *brzeg*, чешск. *brěh* (ср. рус. *берег*);

в южнославянских — звукосочетания [la], [ra], [l’a], [r’a], например: болг. *глава* (ср. рус. *голова*), *крава* (ср. рус. *корова*), *мляко* (ср. рус. *молоко*), *бряг* (ср. рус. *берег*).

В соответствии с общеславянскими сочетаниями согласных **dj*, **tj* употребляются:

в современных восточнославянских языках — шипящие [ž], [č], например: рус. *межа* (**medja*, ср. лат. *medius* — ‘средний’), *свеча* (**svetja*, ср. рус. *свет*, *светить*);

в западнославянских — свистящие аффрикаты [dž], [č], например: польск. *miedza*, *świeca*;

в южнославянских — иные согласные, например: болг. *межда*, *свещ*, сербскохорв. *међа*, *свѐћа*, слов. *меја*, *свећа*.

Некоторые группы близкородственных языков делятся на подгруппы. Так, южнославянские языки иногда подразделяются на восточную (болгарский и македонский языки) и западную (сербскохорватский и словенский языки) подгруппы, западнославянские — на лехитскую, чешско-словацкую и серболужицкую подгруппы¹.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 309. В отличие от генеалогической классификации типологическая классификация языков «всегда относительна и исторически изменчива ввиду изменчивости самой структуры языка и ее теоретического осмысления» [ЛЭС, с. 228].

Типологической классификацией языков называется деление языков на классы (или типы) в зависимости от характера (типа) языковых единиц того или иного уровня, от способов

¹ Более полную информацию о генеалогической классификации языков см.: Реформатский, 1967, с. 407; Широков, 2003, с. 205 и др.

и средств выражения их грамматических значений, независимо от происхождения языка.

Ср.: «Типологическая классификация языков исходит из того, что разные языки независимо от происхождения могут обнаруживать сходство в своей структуре, типах выражаемых значений, способах их передачи и т. д. В основе типологической классификации лежит та или иная лингвистическая характеристика, реализованная в разных языках различными способами и средствами, что дает возможность объединить в группы те языки, в которых эта характеристика реализуется одинаковым или подобным образом» [Глинских, Петрова, с. 220];

«принцип типологической классификации языков основывается на положении, согласно которому все языки мира совершенно независимо от того, родственны ли они между собой по происхождению или не родственны, распространены ли в одной части света или в разных частях света, могут быть объединены между собой по каким-то общим признакам их структуры, и прежде всего морфологической структуры слова» [Будагов, 1965, с. 353];

«типологическая классификация языков оперирует классами языков, объединяемых по тем признакам, которые выбраны как отражающие наиболее значимые черты языковой структуры (например, способ соединения морфем)» [ЛЭС, с. 511].

Типологическая классификация языков может осуществляться по морфологическим, синтаксическим, фонетическим/фонологическим, семантическим/лексико-семантическим и другим структурным признакам. На этом основании некоторые лингвисты в рамках типологической классификации языков различают несколько классификаций (типологий): морфологическую, синтаксическую, фонетическую/фонологическую, семантическую [см.: Маслов, 1987, с. 232; Глинских, Петрова, с. 220]. Наиболее разработанной и известной является морфологическая типологическая классификация (или морфологическая типология) языков мира.

Для обозначения типологической классификации языков часто используется термин «морфологическая классификация языков». Это объясняется тем, что типологическая классификация языков чаще всего осуществляется на основе морфологических признаков слов/словоформ. Ее следует рассматривать как видовое понятие по отношению к

типологической классификации, как один из видов типологической классификации.

Некоторые лингвисты при описании типологической классификации языков обращают внимание на их «сходства и различия структурного (типологического) порядка» [см.: Маслов, 1987, с. 230]. Это дает основание для использования в рассматриваемом значении термина «структурная классификация языков».

§ 310. Классификация языков, проводимая на основе морфологических признаков слов, их грамматических форм, называется морфологической классификацией. Эта классификация языков «опирается на сходство и различия морфологического строения слов [имеется в виду их морфемное строение. — В. Н.] в том или ином языке» [Головин, 1983, с. 188].

По морфологическим признакам слов/словоформ, по их морфемному строению большинство языков мира делится на два класса (типа) — на языки корневые и аффиксальные.

Ср.: «Первое противопоставление морфологических типов языков опирается на характер строевых средств выражения грамматических значений: языки, имеющие аффиксы, противопоставляются языкам безаффиксным (корневым). <...> Изолирующий тип языка [т. е. тип корневых языков. — В. Н.] противопоставляется аффиксирующему типу, т. е. таким языкам, которые имеют аффиксы» [Кодухов, 1987, с. 252—253].

Корневыми считаются языки, в которых «слово обычно равняется корню, а отношения между словами передаются прежде всего синтаксически (порядком слов, служебными словами, ритмом, интонацией)» [Будагов, 1965, с. 356]. В них «нет аффиксов формообразования, нет, разумеется, и грамматического изменения слова, связанного с такими аффиксами» [Головин, 1983, с. 187]. Корневые языки называют также *и з о л и р у ю щ и м и* (или *корнеизолирующими, безаффиксными, аморфными, аналитическими*). Корневыми является, например, большинство языков Юго-Восточной Азии (китайский, японский, вьетнамский и др.).

В аффиксальных языках грамматические формы слов образуются с помощью собственно аффиксов (т. е. аффиксов в узком смысле слова) и флексий (окончаний). Среди аффик-

сальных различаются языки флективные и агглютинативные.

К флективным (иначе — флектирующим) относятся языки, в которых основным средством образования грамматических форм слов и выражения грамматических значений является флексия (внешняя или внутренняя) как полифункциональная (многозначная) грамматическая морфема. Флективными является большинство индоевропейских языков (славянские, балтийские и др.), а также многие афразийские (афроазиатские), или семито-хамитские, языки.

В таких языках флексия представляет собой «устойчивый и существенный признак морфологической структуры слова» [Там же, с. 186]. Полифункциональность флексии заключается в том, что одна и та же флексийная морфема в составе словоформы способна выражать разные грамматические значения. Например, флексия *-ый* в словоформе *белый* выражает одновременно значение единственного числа, именительного или винительного падежа, принадлежность к мужскому роду; флексия *-ит* в словоформе *видит* — значения изъявительного наклонения, настоящего времени, единственного числа, 3-го лица.

Агглютинативные (иначе — агглютинирующие) языки (от лат. *agglutināre* — ‘приклеивать’), как и флективные, характеризуются тем, что в них грамматические формы слов образуются с помощью морфем, аффиксов, которые в определенной последовательности присоединяются к корню/основе слова. К агглютинативным языкам относятся корейский, тюркские, финно-угорские, монгольские, индонезийские, индейские языки, многие языки народов Африки.

От флективных агглютинативные языки отличаются прежде всего тем, что морфемы в них являются однозначными: каждая морфема выражает только одно определенное значение. При этом морфемы имеют устойчивый фонемный состав, остаются неизменными при сочетании с разными основами и с другими аффиксальными морфемами. Например, в турецкой словоформе *dallarda* (‘на ветках’) присутствуют корень-основа *dal-* со значением ‘ветка’, аффикс *-lar-* со значением множественного числа и аффикс *-da* со значением местного падежа.

Есть и такие языки, которые не укладываются в рамки рассмотренных трех морфологических типов. Они выделя-

ются в особый тип языков, которые называются инкорпорирующими (от лат. *incorporāre* — ‘включать в свой состав, присоединять’). В таких языках используются производные (сложные) слова/словоформы, эквивалентные предложениям.

К инкорпорирующим (или полисинтетическим) относятся некоторые языки Азии (чукотский, корякский и др.), языки индейцев Северной Америки и др. Например в языке индейского племени нутка слово *unikw-ihl-'minih-'is-it-a* (‘несколько огоньков было в доме’) имеет корень *unikw-* со значением ‘огонь’ или ‘гореть’, корень *-ihl-* со значением ‘дом’, аффикс *-'minih-* со значением множественного числа, аффикс *-'is-* со значением уменьшительности, показатель прошедшего времени *-it-* и показатель изъявительного наклонения *-a*. В языке североамериканских индейцев чинук в слове *i-n-i-á-l-u-d-am* (‘я пришел, чтобы отдать ей это’) есть корень-основа *d-* со значением ‘отдать’, префикс *i-*, обозначающий только что прошедшее время, префикс *n-*, передающий местоименный субъект «я», префикс *i-*, передающий местоименный объект «это», префикс *a-*, передающий местоименный объект «ей», предложный элемент *-l-*, а также *-u-* — показатель движения, направленного от говорящего, и *-am* — суффикс, уточняющий пространственное значение глагола.

Итак, в современном языкознании различается четыре морфологических типа языков: корневые, флективные, агглютинативные и инкорпорирующие. Такая классификация является наиболее известной [см.: Там же; Шайкевич, с. 118; Глинских, Петрова, с. 220].

Предлагаются также морфологические классификации языков, основанные на иных критериях, например, в зависимости от способа образования грамматических форм слов и, соответственно, от способа выражения грамматических значений. По этому признаку различаются следующие морфологические типы языков:

1) синтетические языки (грамматические формы образуются синтетическим способом);

2) аналитические языки (словоформы образуются аналитическим способом);

3) полисинтетические языки (совмещают признаки синтетических и аналитических языков) [см.: Маслов, 1987, с. 233; Головин, 1983, с. 188; Кодухов, 1987, с. 256; Глинских, Петрова, с. 209].

При этом обращается внимание на то, что данная классификация языков носит весьма условный характер, что в большинстве языков представлены разные способы формообразования. При такой классификации синтетические языки соотносятся с аффиксальными, аналитические — с корневыми.

Необходимо заметить, что строгих границ между разными грамматическими типами языков нет. Многие языки (например, языки народов островов Океании) занимают промежуточное положение между корневыми (аморфными) и агглютинативными, совмещают признаки тех и других и могут быть охарактеризованы как аморфно-агглютинативные.

Частично это относится и к русскому языку, который по большинству морфологических признаков относится к флективным (синтетическим), но в то же время обладает некоторыми признаками корневых (аналитических). Аналитическим способом образуются, например, формы предложного падежа существительных (*в саду, на берегу, о лесе*), формы степеней сравнения прилагательных и наречий (*более красивый, самый красивый, красивее всего*), формы будущего времени глаголов несовершенного вида (*буду читать*), формы сослагательного наклонения (*почитал бы*) и др. Немало в русском языке таких грамматически неизменяемых знаменательных слов, как, например, наречия (*там, везде, сегодня* и др.), иноязычные по происхождению существительные с основой на гласный (*кино, такси, кенгуру* и др.) и т. п., что характерно для корневых языков.

АРЕАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 311. Особое место среди классификаций языков занимает ареальная классификация. Ее иногда называют географической, поскольку деление осуществляется с учетом территориального расположения носителей определяемых языков. Ареальная классификация языков распространяется не на все языки мира, а лишь на языки отдельных регионов (ареалов), в то время как генеалогическая и типологическая классификации охватывают (или стремятся охватить) все языки мира.

Ареальной классификацией языков называется их деление на определенные классы на основании общих признаков, которые возникают в языках в результате длительных контактов говоря-

щих на них народов. Объединения языков, выделяемые при ареальной классификации, всегда занимают смежные территории, в то время как группировки языков, различаемые при генеалогической и типологической классификациях, могут быть отделены друг от друга территориями распространения языков иных типов.

Группы языков, выделяемые при ареальной классификации, называются языковыми союзами. Это такие объединения языков (как родственных, так и неродственных), которые распространены на определенной территории и обнаруживают общие черты, сформировавшиеся в результате длительных контактов народов, говорящих на соответствующих языках. По определению В. П. Нерознака, языковой союз — это «особый тип ареально-исторической общности языков, характеризующийся определенным количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретенных в результате длительного и интенсивного контактного и конвергентного [т. е. связанного со сближением или совпадением. — *В. Н.*] развития в пределах единого географического пространства» [ЛЭС, с. 617]. Сходство языков, образующих языковой союз, проявляется на разных уровнях — фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и др.

В лингвистической литературе наиболее часто описываются такие языковые союзы:

балканский — языки болгарский, македонский, албанский, румынский, молдавский, греческий и частично сербскохорватский;

поволжский, или волго-камский, — языки башкирский, татарский, чувашский, марийский и удмуртский;

центральноазиатский, или гималайский, — языки иранские, индоарийские, дравидские и тибетско-китайские.

На территории бывшего СССР в годы советской власти отмечали существование советского языкового союза, иначе — языкового союза национальных языков советских социалистических наций [см.: Степанов, с. 207].

Чаще всего в качестве примера языкового союза называют балканский языковой союз. Входящие в него языки имеют ряд общих черт — так называемых балканизмов. В области фонетики, например, «союзные» языки объединяет отсутствие противопоставления гласных фонем по долготе-краткости (за исключением сербскохорватского языка и части диалектов болгарско-

го и македонского языков), экспираторное ударение и др. В морфологии к общим чертам относится совпадение форм родительного и дательного падежей, образование степеней сравнения аналитическим способом, постпозиция артикля, образование форм будущего времени глагола с помощью вспомогательного глагола со значением 'хотеть', замена инфинитива глагола разными синтаксическими конструкциями. Лексика характеризуется большим количеством общих заимствований из греческого, латинского, турецкого и других языков.

Теория письма

ПОНЯТИЕ ПИСЬМА

§ 312. Основное средство общения людей — звуковой язык. Но существуют и дополнительные, вспомогательные средства общения. К ним относятся, например, письмо (разные его типы и виды), различные системы знаков специального назначения: дорожные знаки, знаки морской сигнализации и др. Важнейшим из дополнительных средств общения является письмо, которое наиболее полно и точно отражает звуковой язык. По образному выражению М. В. Панова, «письмо — одежда устной речи. Оно передает, “изображает” устную речь» [Панов, 1979, с. 5]. Письмо, как и звуковой язык, обслуживает самые разнообразные сферы жизни и деятельности людей и, таким образом, в значительной мере приближается к звуковому языку как основному средству общения людей.

Письмо принципиально отличается от звукового языка, оно «является по отношению к языку чем-то внешним, не относится, так сказать, к его существу» [Щерба, 1957, с. 157]. Главное внешнее различие между звуковым языком и письмом состоит в том, что звуковой язык воспринимается на слух, а письмо, так или иначе отражающее звуковой язык, — зрительно. Письмо определяется:

как система начертательных, или графических, знаков, используемых для передачи речи (информации, речевой информации) на расстоянии или для закрепления ее во времени;

как «средство коммуникации между людьми в тех случаях, когда непосредственное общение для них почему-то невозможно, т. е. практически когда они разделены пространством (географически) или временем (хронологически)» [Там же, с. 144];

как «дополнительное к звуковой речи средство общения при помощи системы графических знаков, позволяющее фиксировать речь для передачи ее на расстояние, для сохранения ее произведений во времени и т. п.» [СЛТ-А, с. 323].

Наряду с термином «письмо» для обозначения рассматриваемого понятия нередко используется термин «письменность» [см.: Щерба, 1957, с. 45; Будагов, 1965, с. 211; Панов, 1967, с. 56; Реформатский, 1967, с. 407; Широков, 1985, с. 163]. Данное значение термина «письменность» (наряду со значением ‘совокупность письменных памятников какого-либо народа, какого-либо периода его истории, какой-либо эпохи’) обычно указывается также в разных словарях. При этом в одних словарях данное значение стоит на первом месте [см.: СЛТ-А; СРЯ-Е; ТСРЯ-ОШ], в других — на втором или третьем месте [см.: СЛТ-РТ; ССРЛЯ; ТСРЯ-У].

Некоторые ученые настойчиво предлагают использовать указанные термины дифференцированно: «Подлежат разграничению... термины “письмо” и “письменность”... Письмо представляет собой дополнительное к звуковой речи средство общения. Письменностью же следует называть результат использования этого средства, т. е. совокупность документов, выполненных письмом того или иного народа» [Истрин, с. 57; см. также: Головин, 1983, с. 169].

Однако письмо не всегда отражало звуковой язык, устную речь. В момент возникновения и в начальной стадии своего развития оно могло и не передавать элементов языка, не отражать своими средствами определенных языковых форм или единиц [см.: Реформатский, 1967, с. 349]. На этом основании в истории развития письма различают собственно письмо, или письменность, и неписьменные средства передачи информации, которые иногда называют предписьменностью или протописьменностью [см.: ЛЭС, с. 402].

К неписьменным средствам передачи информации относятся различные конкретные предметы и явления, использовавшиеся первобытными людьми в качестве условных знаков: бирки, зарубки, так называемые вѣмпумы, кѣпу и др. Некоторые языковеды к неписьменным средствам общения относят также рисунки, картинки — так называемые пиктографические знаки, с помощью которых передавались целые сообщения [см.: РЯЭ-Ф, с. 205; ЛЭС, с. 375].

В связи с разграничением письменных и неписьменных средств общения различаются два варианта понимания письма. Под письмом в широком смысле понимается совокупность любых начертательных (графических) либо изо-

бразительных знаков, используемых людьми для передачи той или иной информации. В соответствии с этим письмо определяется как «дополнительное к звуковой речи средство общения, возникающее на базе языка, служащее главным образом для передачи речи на большие расстояния и для закрепления ее во времени и осуществляемое при помощи начертательных знаков или изображений, передающих, как правило, те или иные элементы речи — отдельные простейшие сообщения, слова, морфемы, слоги или звуки» [Истрин, с. 13]. Более того, иногда к письму относят не только изобразительные средства, но и различные предметы и явления, передающие ту или иную информацию.

Ср.: «В широкое понятие письма можно включить все виды общения людей при помощи оптических знаков, т. е. знаков, воспринимаемых глазом; под это определение подходит не только собственно письмо и печать, а также и любые воспроизведения письменных и печатных знаков, например рекламные “надписи” из неоновых трубок на магазинах или из консервных банок на витрине, из декоративных цветов или разноцветных камешков на клумбах, эскадрильи самолетов, построенных в виде букв, образующих какое-нибудь слово, но и всевозможные дымовые, световые, цветковые сигналы, например семафоры, светофоры, морские и речные сигналы флагами и фонарями и т. п.» [Реформатский, 1967, с. 350—351].

К письму (в узком смысле понятия) относятся лишь такие начертательные знаки, которые отражают соответствующие языковые единицы — слова, морфемы, слоги, звуки.

Ср.: «Настоящее письмо возникает только там, где... каждое слово в речи и все грамматические отношения между словами находят свое воспроизведение в начертательных знаках и, таким образом, воспроизводится не только общий смысл сообщения, но и его дословное содержание» [Дьяконов, с. 9].

Иными словами, система письма «характеризуется постоянным составом знаков, причем каждый знак передает либо целое слово, либо последовательность звуков, либо отдельный звук речи» [ЛЭС, с. 375].

Некоторые лингвисты понимают письмо еще более узко, т. е. признают настоящим письмом «лишь те системы начертательных знаков, которые отражают не только членение со-

общения на слова и грамматические отношения между словами, но и фонетику речи» [Истрин, с. 14].

Более приемлемой представляется концепция, согласно которой элементами письма признаются любые начертательные или изобразительные знаки, передающие определенные единицы языка или отдельные сообщения [см. там же].

Изучением письма (письменности) занимаются такие науки, как грамматология, эпиграфика, палеография.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПИСЬМА

§ 313. История появления письма представляется весьма сложной. Многие в ней до настоящего времени остаются непонятным или спорным. В частности, нет полной ясности в вопросе о времени возникновения письма.

В первой половине XX в. некоторые ученые утверждали, что письмо появилось одновременно со звуковым языком или даже раньше звукового языка. Подобного мнения придерживались Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, Я. Ван Гиннекен, Г. Маллери и др. [см.: Истрин, с. 59]. Некоторые ученые источником первоначального письма считают жесты («язык жестов»), рассматривают знаки такого письма как «чисто графические наглядные эквиваленты определенных жестов, уже вошедших в обиход» [Лоукотка, с. 24], даже пытаются доказать «жестовое» происхождение многих знаков пиктографического письма индейцев, почти всех знаков китайского иероглифического письма. Сторонники рассматриваемой теории возникновения письма считают, что первоначальное письмо выполняло в основном магические функции [см.: Дириингер, с. 37], т. е. письмо «использовалось почти исключительно для общения с тотемом или магической силою», «являясь как бы элементом колдовства» [Мещанинов, с. 35; Лоукотка, с. 24]. Другие лингвисты утверждают, что первоначальное письмо было исключительно мнемоническим, т. е. «напоминательным», средством [см.: Дьяконов, с. 6].

Современное языкознание считает, что «теория о более раннем возникновении письма по сравнению со звуковой речью не имеет никаких реальных оснований» [Истрин, с. 60]. Доказательств этой теории не представляет ни история, ни этнография, ни археология, ни антропология. Ни одной из

перечисленных наук не известны «человеческие общества, которые пользовались бы письмом, не обладая речью. Наоборот, народы, владевшие речью, но не обладавшие письмом (тасманийцы, огнеземельцы и др.), известны и истории, и этнографии» [Там же]. Письмо как вторичное, дополнительное средство общения может развиваться лишь на базе языка и возникнуть только позже звуковой речи, т. е. тогда, «когда в результате развития общества звуковая речь перестала удовлетворять возросшим и усложнившимся потребностям людей в общении» [Там же, с. 11]. Лаконично эта мысль излагается так: «Без языка нет человека, а тем самым не может быть и письма» [Реформатский, 1967, с. 349].

В отношении утверждения, что первоначальное письмо служило магическим средством, можно сказать, что «многие памятники первоначального письма выполняли более сложные мемориальные и коммуникативные функции» [Истрин, с. 61], т. е. служили и средством увековечения памяти о ком-либо или о каком-либо событии, и средством общения людей.

Вероятнее всего, возникновение письма как важнейшего дополнительного средства общения людей относится к тому времени, когда в обществе появляется насущная потребность в передаче информации на дальние расстояния и в закреплении и сохранении ее во времени [см.: Там же, с. 74; Реформатский, 1967, с. 348; Головин, 1983, с. 169, 182]. Такая потребность особенно остро ощущается в позднейший период каменного века, т. е. в эпоху неолита (VI/V—II тысячелетия до н. э.). В это время на основе матриархально-родовых групп возникают племена и союзы племен, которые нередко располагаются на больших отдаленных пространствах. Внутри племен выделяются племенные жрецы и вожди, совершенствуется разделение труда, разграничивается личная и коллективная (родо-племенная) собственность, начинается обмен продуктами труда. Развиваются также обменно-торговые отношения, военные и иные связи между племенами. Со временем формируются обычаи и традиции, появляется устное народное творчество. В этих условиях возникает крайняя необходимость в письменной форме общения.

§ 314. Задолго до появления письма как такового использовались так называемые предметные способы передачи информации на расстояние и закрепления ее во времени. Средствами общения при этом служили самые простые, наиболее примитивные знаки, прежде всего предметы и явления природы, естественные приметы, например: пепел от костра — как свидетельство недавней стоянки людей; случайно надломленная ветка дерева — как знак того, что здесь прошел человек или зверь; следы людей или животных, позволяющие определить направление их движения.

Позже для передачи информации люди начинают создавать искусственные знаки, которым придается какое-либо условное значение. Для передачи сообщений на расстояние использовались, например, такие условные знаки, как дым или огонь костра, барабанный бой. Создавались и специальные знаки для закрепления информации во времени. Так, для сообщения о месте нахождения или о направлении своего движения охотники оставляли следы на почве или надламывали ветки деревьев; у некоторых народов для обозначения дальнейшего пути охотников, покидающих стоянку, и предполагаемого расстояния проводилась ногой на песке черта определенной длины в соответствующем направлении и т. д. Затем для аналогичных целей стали изготавливать конкретные предметы, возводить специальные сооружения: стрела использовалась как знак направления; межа, межевые камни, ограды служили знаками, символами собственности; курган, могильный холм, надгробия разных видов обозначали места захоронения и т. д. Для счета, оформления договорных отношений использовались бирки, т. е. палки с зарубками, шнуры с узлами и т. п.

С течением времени искусственные предметные знаки как средство общения приобретают более сложные формы. Среди них особо выделяются знаки кйпу и вампумы. Кйпу — это так называемое узелковое письмо перуанских инков — народа относительно высокой культуры. Его знаки представляли собой либо отдельные нити или шнуры с определенным количеством узелков или нанизанных раковин, расположенных особым образом, либо палочки или толстые веревки с навязанными разноцветными шнурками с узелками и сплетениями. Вампум представлял собой пояс с вплетенными в него (или прикрепленными к нему) цветными раковинами

разного цвета и размера, расположенными в определенных комбинациях. Кипу и вампумы служили своеобразным письмом, которое можно было послать адресату с гонцом.

В древности условными знаками для передачи информации могли служить не только отдельные предметы, но и определенные комбинации разных предметов или животных. По рассказу древнегреческого историка Геродота, скифы однажды отправили персам послание, состоящее из птицы, лягушки, мыши и пяти стрел. Содержание послания якобы значило: 'если вы, персы, не умеете летать в небесах, как птица, скакать по болотам, как лягушка, и прятаться под землей, как мышь, все вы погибнете, осыпанные нашими стрелами'.

Предметные знаки как средство передачи информации широко используются на протяжении всей истории человечества. К таким знакам относятся светофоры и семафоры, знаки сигнализации на судах, звуковые и световые сигналы на транспорте, различные огни, используемые для обозначения места посадки самолета или высадки десанта, и т. д.

Кроме конкретных предметов и явлений, в качестве средств передачи информации с давних времен использовались условные изображения, наносимые на поверхность разных предметов. К ним относятся, например, родовые и племенные знаки, включая тотемные¹; знаки родовой, племенной или личной собственности; марки мастеров на изготовленных ими предметах; княжеские и иные личные знаки; магические и культовые знаки (знаки, охраняющие от несчастий и зла, знаки запрета, знаки заупокойного культа); знаки опасности; знаки направления (обычно в виде стрелы); знаки местонахождения воды (обычно в виде ведра); числовые знаки (в виде определенного количества точек или черточек) и др.

Эти знаки были немотивированными, носили условный характер: их значение было известно только посвященным. Каждый такой знак применялся, как правило, вне сочетания с другими знаками и использовался для передачи целого

¹ Тотем — это определенное животное (реже — предмет, растение), которое являлось как бы родоначальником и покровителем соответствующей родовой группы.

сообщения, например: «это животное принадлежит такому-то роду» (знак собственности), «этот предмет изготовлен таким-то мастером» (марка изготовителя), «нужно идти в таком-то направлении» (знаком направления служило изображение стрелы). Подобные знаки изображались на гончарных изделиях, на оружии (знаки собственности и марки изготовивших их мастеров), на амулетах, талисманах (магические и культовые знаки), на монетах, печатях, гербах, знаменах (княжеские и иные личные знаки), на домашних животных, иногда — на теле пленников (знаки собственности) и т. д. Некоторые знаки сохранились на скалах, стенах пещер, на рогах мертвых животных и др. Предполагается, что первые знаки такого рода возникли на основе использовавшегося ранее первобытного орнамента.

В настоящее время подобного рода знаками являются специальные знаки на гербах, флагах, штандартах, знаки различия на погонах и эполетах, всевозможные нагрудные значки и др. [см.: Истрин, с. 38, 80].

Древнейшие условные начертательные знаки были неудобны тем, что они, как правило, не отображали непосредственно обозначаемые ими предметы и явления, сами по себе не вызывали представления о содержании передаваемого сообщения. Кроме того, употребляясь вне сочетания с другими знаками, они способны были передавать лишь очень простую информацию.

§ 315. Наряду с условными начертательными знаками с древнейших времен применяются также наглядные изобразительные знаки; это рисунки, изображающие различные предметы и явления действительности (хижину, человека, животного и др.). Иными словами, используется пиктографическое письмо [или пиктография (от лат. *pictus* — ‘рисованный, писанный красками’ и греч. *graphō* — ‘пишу’)].

Для обозначения такого письма используются и другие термины: «письмо рисунками» (А. А. Реформатский), «рисуночное письмо» (Р. А. Будагов, И. М. Дьяконов, А. М. Кондратов), «картинное письмо» (В. А. Истрин, В. И. Кодухов).

В то же время термин «пиктография» часто используется в более широком значении — для обозначения собственно пиктографии вместе с использованием древнейших условных начер-

тательных знаков. Некоторые лингвисты в данном значении употребляют термин «фразография» [см. § 319].

Знаки пиктографического письма вначале выцарапывались, а затем и рисовались на скалах (пиктограммы, изображенные на скалах, называются петроглифами), камнях, стенах пещер, на бамбуке, древесной коре, бересте, на коже, рогах и костях животных.

Каждый пиктографический знак (или пиктограмма), подобно древнейшим условным знакам, служил для передачи целого сообщения, не расчлененного на отдельные слова. По своему значению пиктограмма могла соотноситься с отдельным словом, словосочетанием, предложением или сочетанием нескольких предложений. Однако, в отличие от условных знаков, пиктограммы, как правило, были мотивированными, внешне схожими с обозначаемыми предметами и явлениями, своей формой напоминали то, о чем ими сообщалось. Например, для того, чтобы передать понятие ‘человек’, нужно было нарисовать человека.

Подобные знаки довольно часто использовались и для обозначения отвлеченных понятий. Так, знак «солнце» (обычно в виде кружка) мог обозначать и ‘небесное тело’, и ‘день, дневное время’, знак «лодка» — и ‘транспортное средство’, и ‘передвижение с помощью этого средства’. В пиктографическом письме североамериканских индейцев для передачи отвлеченных понятий использовалось множество знаков: сказочная рогатая змея обозначала ‘жизнь’; животное или человек, изображенные вниз головой, — ‘смерть’; черепаха — ‘счастье, успех’; человек с крыльями вместо рук — ‘ловкость’; лук со стрелой — ‘войну’; курительная трубка с перьями — ‘мир’; две человеческие фигурки с соединенными руками — ‘дружбу’; два сердца, соединенные дужкой, — ‘любовь’; две скрещенные змеи — ‘опасность’; собака — ‘быть настороже’ и др.¹

В отличие от древнейших условных знаков, пиктограммы могли сочетаться друг с другом, использоваться в определенных последовательностях, составлять серии рисунков, последовательно связанных друг с другом. Например, для пе-

¹ См.: Шницер Я. Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб., 1903.

редачи сообщения 'я ушел на охоту' требовалось нарисовать человека, лес и зверей.

Таким образом, пиктография отображала содержание сообщения в виде рисунка (или последовательности рисунков). С помощью пиктографического письма можно было составлять такие сложные сообщения, как условия обмена, описания крупных военных, судебных и иных событий, информация об охоте, дипломатические, любовные и иные послания, племенные летописи-хроники, тексты молитв, заклинаний, легенд и т. д. [см.: Истрин, с. 63, 66].

Важнейшим источником пиктографического письма считается первобытное изобразительное искусство, т. е. наскальная, настенная живопись древнейших племен. В качестве других источников пиктографии называют первобытный орнамент, нашедший отражение в таких пиктографических знаках, как «круг» (символ солнца), «волнистая линия» (символ воды), «крест» (символ четырех стран света) и др., повторяющиеся почти во всех древнейших системах письма, а также различные системы знаков предметного общения и жесты [см.: Там же, с. 62, 66, 88, 90; Реформатский, 1967, с. 352; Головин, 1983, с. 173, 182; Кодухов, 1987, с. 140; Маслов, 1987, с. 241].

Пиктографическое письмо возникло, вероятно, в эпоху мезолита (XV—IX/VIII тысячелетия до н. э.) или несколько позже. Окончательно оно могло сформироваться в эпоху неолита, начавшуюся для большинства народов с VIII—VI тысячелетий до н. э. или даже раньше [см.: Истрин, с. 71, 73; Головин, 1983, с. 173].

Предполагается, что пиктография была известна всем первобытным народам. Особенно широкое распространение она получила у индейцев Северной Америки, жителей Тропической Африки, аборигенов Австралии, у многих народов Крайнего Севера. При этом у разных народов она имела некоторые отличительные особенности, отражала «характерные для данной местности детали флоры и фауны, а также своеобразные подробности архитектуры, одежды, культуры, быта и верований данного народа» [Истрин, с. 78].

В современных условиях пиктографический характер имеют некоторые дорожные знаки (например, изображение стрелы или руки с вытянутым указательным пальцем как знак направления), изображения различных предметов на

вывесках мастерских и магазинов (например, часов, сапога, кренделя), изображение предмета пожарного инвентаря (например, багра, ведра) на стене сельского дома и др. [см.: Там же, с. 79; Реформатский, 1967, с. 366; Кодухов, 1987, с. 141].

Пиктография, служившая важнейшим дополнительным средством передачи информации на протяжении многих тысячелетий, с течением времени — с развитием общественных отношений, абстрактного мышления и языка — перестает удовлетворять потребностям людей в письменном общении.

В лингвистической литературе обращается внимание на недостатки пиктографии как вида письма:

1) пиктографические знаки, более или менее полно передававшие содержание сообщений, не отражали языковых особенностей передаваемых высказываний, в частности членения речи на те или иные знаменательные части (например, слова), не выражали языковых форм;

2) с помощью пиктограмм относительно легко передавалась информация о конкретных предметах, несложных явлениях, с их помощью «возможно изображение почти исключительно предметов и явлений видимого мира, притом более простых по своему внешнему виду» [Шапиро, с. 5]. В то же время трудно (или даже невозможно) было пользоваться ими для передачи отвлеченных и сложных понятий, а также больших по объему текстов;

3) пиктограммы, как правило, имели неустойчивый характер, они нередко «изобретались» пишущим для конкретного сообщения, а поэтому не всегда были понятны, иногда допускали разное толкование;

4) процесс начертания пиктограммы был весьма трудоемким и длительным, а это препятствовало убыстрению письма, в чем назревала насущная необходимость [см.: Щерба, 1957, с. 114; Истрин, с. 37, 96; Головин, 1983, с. 170; Реформатский, 1967, с. 353].

§ 316. Системы пиктографических знаков постепенно совершенствовались, упрощались. Сложные пиктограммы расчленяются на отдельные более простые изобразительные знаки, которые приобретают устойчивый характер, а со временем утрачивают мотивированность, т. е. внешнее сходство с обозначаемыми предметами и явлениями. Они стабилизи-

руются не только по форме, но и по значению: за каждым знаком закрепляется определенное значение, соответствующее тому или иному слову. Стабилизируется и порядок расположения знаков в рамках сообщения — в соответствии с обычным для данного языка порядком слов в предложении. Таким образом постепенно складывается качественно новая система письма — идеографическое письмо [или идеография (от греч. *idea* — ‘образ, понятие’ и *graphō* — ‘пишу’)]. Этот тип письма называется также иероглифическим письмом [или иероглификой (ср. греч. *hieroglyphoi* — ‘священные письмена’)], логографическим письмом [или логографией (от греч. *logos* — ‘слово’ и *graphō* — ‘пишу’)].

Идеографическое письмо существовало у разных народов. Особое развитие оно получило в египетском, китайском и японском языках. Во многих языках (в том числе в таких высокоразвитых, как китайский и японский) оно сохранилось в основе своей до настоящего времени.

Под идеографией понимается такое письмо, знаки которого передают значения отдельных слов, обозначают определенные предметы или понятия. Такие знаки представляют собой либо схематические рисунки конкретных предметов, либо условные изображения, являющиеся символами обозначаемых ими предметов и явлений. Сначала предмет изображается в виде рисунка, затем этот рисунок упрощается и постепенно превращается в знак-символ. Таким образом, различаются идеограммы изобразительные и символические, условные. В качестве идеограмм можно привести такие схематические изображения, или символы, предметов, как, например: кружок с точкой посередине (‘солнце’), волнистая линия (‘вода’), лошадь (‘соответствующее животное’), птица (‘лететь’), нога (‘ходить’, ‘стоять’, ‘приносить’), две шагающие ноги (‘идти’), глаз (‘зоркость’, ‘бодрствование’), глаз с капающими из него слезами (‘горе’) [см.: Истрин, с. 41, 97; Будагов, 1965, с. 208; Реформатский, 1967, с. 353, 357; Головин, 1983, с. 170].

Иногда идеография понимается более широко — как письмо, знаки которого передают разные единицы содержания, т. е. соответствуют словам или морфемам [см.: СЛТ-А, с. 323, 498], или еще шире — как система письменных знаков, передающих слова, морфемы и целые фразы, отдельные сообщения, т. е. пред-

ставляющих собой логограммы, морфемогаммы и фразограммы, но не отражающих их материальной стороны, звуковой формы [см.: Зиндер, с. 281; Маслов, 1987, с. 239].

Чаще всего термины «иероглифическое письмо» и «иероглифика» используются в качестве абсолютных синонимов терминов «идеографическое письмо» и «идеография» [см.: Матусевич, 1959, с. 112; Будагов, 1965, с. 208; СЛТ-РТ, с. 259], хотя нередко ими обозначаются более узкие понятия.

Одни языковеды иероглифическим называют письмо, знаки которого имеют вид рисунка какого-либо объекта (человек, животное, предмет), отличаются «ярко выраженным изобразительным характером» или «хотя бы частично сохраняют изобразительную форму, прямо или косвенно связанную со значением знака» [Истрин, с. 164, 42], т. е. сохраняют «хотя бы символическое сходство с изображаемым предметом» [Головин, 1983, с. 170].

Другие лингвисты под иероглификой понимают письмо, пользующееся условными знаками, которые в большинстве случаев утратили связь с картинными изображениями [см.: Реформатский, 1967, с. 354; Зиндер, с. 281; СЛТ-А, с. 167].

Иногда термины «идеографическое письмо» и «идеография» используются в более широком значении: иероглифическими знаками (иероглифами) называют письменные знаки, изображающие не только слова, но и слоги или звуки [см.: СЛТ-РТ, с. 105].

Для обозначения идеографического письма (или иероглифического — в обычном значении термина) иногда используется термин «идеографическо-иероглифическое письмо» [см.: Будагов, 1965, с. 209].

Термины «логографическое письмо» и «логография» тоже используются преимущественно для обозначения письма, в котором каждый знак соотносится со словом [см.: Истрин, с. 39; Маслов, 1987, с. 240; Широков, 1985, с. 169; ЛЭС, с. 275, 375].

Идеографическое (иероглифическое, логографическое) письмо формировалось в основном путем расчленения пиктографических знаков, их изменения в идеографические знаки [см.: Истрин, с. 78, 96; Головин, 1983, с. 174; Кодухов, 1987, с. 141]. В качестве источника идеографических знаков могли использоваться также древнейшие условные изобразитель-

ные знаки, которые «в отличие от пиктографии... никогда не приводили к возникновению на их основе логографических систем широкого, универсального назначения», из них возыкали лишь отдельные логограммы [Истрин, с. 98—99].

Принято считать, что идеография как особый тип письма вырабатывается в раннем обществе в связи с усложнением его хозяйственной жизни, в период «формирования рабовладельческого строя и образования государств, особенно нуждавшихся в упорядоченном и точном письме для целей управления, для учета и статистики в крупных государственных и храмовых хозяйствах, для нужд религиозного культа, для записи законов и т. п.» [Там же, с. 103—104]. По другим источникам, «к IV—II тысячелетиям до н. э. уже существовало несколько разновидностей идеографического (логографического) письма... например, китайское письмо, которое уже во II тысячелетии до н. э. имело все признаки хорошо развитой идеографии» [Головин, 1983, с. 174].

С развитием идеографии совершенствовалась и техника письма. Первоначально идеографическое (иероглифическое) письмо (в частности, египетское) использовалось главным образом для составления надписей, которые высекались на камне, реже — вырезались на деревянных саркофагах, позже — на кусках дерева, древесной коре. Затем для письма научились приготавливать специальные материалы: папирус, пергамент, бумагу. Постепенно совершенствовались пишущие средства, орудия письма: от насекательных (по камню) и царапающих (по дереву) орудий до кисточки, которой письменные знаки рисовали тушью [см.: Истрин, с. 165; Реформатский, 1967, с. 354].

По своему характеру, по выражаемому значению идеографическими являются многие начертательные знаки, используемые в разных (неидеографических) системах современного письма. К ним относятся, например, знаки препинания (точка, запятая, кавычки, восклицательный знак и др.), диакритические знаки (надстрочные и подстрочные), заглавные буквы, цифровые знаки, химические символы, математические знаки и др. Кроме того, к идеограммам можно отнести картографические и топонимические знаки (например, кружки и точки для обозначения населенных пунктов, разные виды линий для обо-

значения дорог и др.), многие дорожные знаки (например: зигзаг — знак поворота, крест — знак перекрестка, восклицательный знак — ‘осторожно’), черную рамку, в которую заключается фамилия умершего, и др.

В современных системах письма встречаются также всевозможные сочетания идеограмм с буквенными знаками или их последовательностями, например: *1-й* (‘первый’), *3-мя* (‘три’), *5-этажный* (‘пятиэтажный’) и т. п.

Идеография имеет известные преимущества не только по сравнению с предшествовавшей ей пиктографией, но и по сравнению с современными буквенными, фонографическими системами письма. Во-первых, идеографическое письмо более компактно по сравнению с буквенным письмом: слово (иногда и словосочетание) в нем обозначается одним знаком, в то время как в буквенном письме для этого обычно используется несколько букв (слов). Подсчитано, что для передачи одного и того же текста требуется примерно в четыре раза меньше китайских иероглифов, чем русских букв. Во-вторых, идеографические знаки понятны людям, говорящим на разных языках/диалектах. Это обстоятельство послужило одной из причин сохранения элементов данного типа письма в Китае, где единый общенародный язык еще не получил достаточно широкого распространения [см.: Шапиро, с. 5; Истрин, с. 106; Головин, 1983, с. 170].

При всем этом возможности передачи информации с помощью идеографического письма очень ограничены. Основные недостатки идеографии заключаются в следующем:

1) чрезвычайно большое количество знаков (идеограмм) затрудняет их запоминание и, следовательно, пользование письмом;

2) с помощью идеографических знаков трудно передавать грамматические формы слов;

3) крайне затруднена передача с помощью идеограмм слов с абстрактным значением и собственных имен;

4) в результате консервативности идеографического письма оно постепенно утрачивает связь с языком, который постоянно развивается.

§ 317. Наличие серьезных недостатков делает идеографическое письмо малоэффективным. И постепенно в нем начина-

ют появляться некоторые элементы звуковых знаков. Письмо приобретает характер морфемографического (или морфемогра́фии), в котором отдельные знаки обозначают не слова как таковые, а морфемы — корневые или служебные, грамматические. Знаки такого письма соответствуют либо целым морфемам, либо определенным однослоговым частям дву- или многослоговых морфем, которые по своему звуковому составу часто сближаются с морфемами. Поэтому письмо рассматриваемого типа обычно называют слоговым [или силлабическим (от греч. *syllabe* — ‘слог’)], а также словесно-слоговым (или логографически-силлабическим). Эти термины подчеркивают переходный характер такого письма, наличие в нем элементов письма собственно идеографического и слогового.

В основе слогового (словесно-слогового) письма остаются идеограммы, отражающие одноморфемные, однокорневые слова и соотносительные с ними корневые части сложных слов. Это можно пояснить на примере китайского письма. Древнекитайский язык состоял в основном из одноморфемных слов. Затем в результате их сложения образовались двух-, трех- и четырехморфемные слова. Китайские иероглифы, обозначавшие отдельные одноморфемные слова, постепенно начинают использоваться в значении однослоговых корневых морфем, т. е. слогов. Затем к ним присоединяются иероглифические знаки, равные по значению определенным грамматическим элементам, служебным морфемам. Таким образом, современное китайское письмо, по существу, является слоговым (словесно-слоговым), своего рода «морфемографической разновидностью логографического письма» [см.: Истрин, с. 161].

Слоговое письмо может быть определено как «письмо, знаки которого передают отдельные последовательности звуков языка, чаще всего слоги» [ЛЭС, с. 445]. Возможно более точное определение данного вида письма: силлабогра́фией, или слоговым письмом, «называется письмо, знаки которого обозначают отдельные слоги и слогообразующие гласные независимо от того, совпадают ли эти слоги с морфемами или же являются элементами многослоговых морфем» [Истрин, с. 45]. Знаки силлабического (слогового) письма называются силлабогра́ммами, а обозначаемые ими единицы — силлабэ́мами. В частности, к силлабемам можно отнести и русские бук-

вы *я, е, ё, ю* в словоформах типа *я, её, ею* [см.: Реформатский, 1967, с. 359, 367].

Предполагается, что слоговые знаки возникли в начале III тысячелетия до н. э. в шумерском письме (на территории совр. Ирака). Установлено, что в середине III в. до н. э. в Индии уже были две слоговые системы — бра́хми и кхаро́шти, не сохранившие элементов идеографии.

В настоящее время силлабические системы письма наиболее широко распространены у народов Индии и стран Юго-Восточной Азии. Слоговыми являются современное индийское письмо деванага́ри, применяемое для санскрита, хинди и др., японское письмо ка́на, корейское письмо кун-мун (некоторые лингвисты рассматривают его как буквенно-звуковое), а также арабская и эфиопская письменные системы [см.: Матусевич, 1959, с. 114; Истрин, с. 46; Кодухов, 1987, с. 144; ЛЭС, с. 376].

Основным источником формирования слогового письма была идеография (логография). Древнейшее слоговое письмо сформировалось в результате использования идеографических знаков для обозначения корневых морфем, часто совпадающих с отдельными слогами. Кроме того, многие силлабограммы создавались специально для выражения грамматических значений.

В XIX — начале XX в. слоговые системы письма искусственно разрабатывались для малых народностей Азии, Африки и Америки грамотными туземцами или европейскими миссионерами с целью распространения среди местного населения христианства. Почти все такие искусственные системы письма оказались нежизнеспособными и быстро вышли из употребления; многие из них были заменены латинским письмом [см.: Истрин, с. 183, 256].

Слоговое письмо более удобно, по сравнению с идеографическим, для обучения и пользования. Основное преимущество этого типа письма состоит в том, что в нем меньше знаков. В разных системах слогового письма от 35—40 до 200—300 знаков (не считая лигатур, т. е. возможных сочетаний разных знаков для обозначения одного слога). Кроме того, слоговое письмо более точно отражает языковые особенности, в частности фонетические, и может передавать грамматические формы слов. Однако пользование этим типом

письма вызывало значительные трудности при чтении [см.: Истрин, с. 185].

§ 318. Наиболее совершенным типом письма является буквенное (иначе — звуковое, буквенно-звуковое, алфавитное, фонетическое, фонемное, фонематическое, фонологическое, фонографическое, или фонография). Знаки этого письма, или буквы, иногда называются соответственно фонограммами¹. Буквенное письмо — это «тип письма, характеризующийся тем, что графический знак, как правило, обозначает отдельный звук речи или фонему» [СЛТ-А, с. 323]. В отдельных случаях для обозначения одного звука/фонемы в этой системе письма используется сочетание двух и более букв, например: нем. *ch* (ср. рус. *х*), *sch* (ср. рус. *ш*), *tsch* (ср. рус. *ч*). Иногда, наоборот, одной буквой обозначается сочетание разных звуков. Например, в русском языке буквы *е, ё, ю, я* в определенных условиях (в абсолютном начале слова, после гласного или разделительного знака) обозначают сочетание звука [j] с соответствующим гласным.

В современном языкознании некоторые из синонимичных терминов, обозначающих рассматриваемый тип письма, используются и в более широком значении, т. е. для обозначения письма, знаки которого передают разные фонетические единицы языка — звуки и слоги. В этом значении используются термины: «звуковое письмо» [см.: СЛТ-РТ, с. 259], «фонетическое письмо» [см.: Истрин, 1965, с. 35; ЛЭС, с. 377], «фонематическое письмо» [см.: Зиндер, с. 281], «фонографическое письмо» или «фонография» [см.: Головин, 1983, с. 171; Реформатский, 1967, с. 359; Кодухов, 1987, с. 144; Маслов, 1987, с. 239].

Термины «звуковое письмо» и «фонетическое письмо» иногда употребляются еще в одном значении — для обозначения системы письма, знаки которого (буквы) обозначают реально произносимые звуки (в противоположность фонемному письму, в котором буквы соответствуют фонемам) [см.: Аванесов, 1972, с. 210; Гвоздев, 1973, с. 92; Панов, 1967, с. 354]. Поэтому использование данных терминов для обозначения буквенного письма считается нежелательным.

¹ Ср.: пиктография — пиктограмма, идеография — идеограмма, логография — логограмма, силлабография — силлабограмма.

Высказываются также критические замечания по поводу употребления термина «алфавитное письмо»: обращается внимание на то, что и некоторые слоговые системы письма имеют алфавиты [см.: Истрин, с. 47]. Наиболее точно описываемый тип письма обозначается терминами «буквенное письмо» или «буквенно-звуковое письмо».

Основное преимущество буквенной системы письма по сравнению со всеми другими системами состоит в том, что она наиболее полно и точно отражает звуковую сторону языка. При этом в буквенном письме используется минимальное количество знаков, что облегчает обучение письму. В алфавитах большинства языков мира содержится 20—40 букв. Исключение составляют очень немногие языки, например северокавказские, для отражения которых на письме требуется до 50—60 букв. В древнейших буквенных системах использовалось до 30 буквенных знаков. В классическом греческом алфавите было 24 буквы: 7 — для обозначения гласных и 17 — для обозначения согласных.

Буквенное (буквенно-звуковое) письмо возникло во второй половине II тысячелетия до н. э. Вначале это было консонантное (консонантно-звуковое) письмо, в котором основными знаками (буквами) обозначались только согласные звуки. В начале I тысячелетия до н. э. появляется письмо вокализованное (вокализованно-звуковое), в котором письменными знаками обозначаются в равной мере как гласные, так и согласные звуки [см.: Истрин, с. 258; Кодухов, 1987, с. 146].

Знаки консонантного звукового письма впервые были использованы в египетском письме. Несколько позже (в XII—X вв. до н. э.) консонантно-звуковое письмо появилось в Финикии. Предполагается, что здесь оно могло возникнуть на основе египетского письма. Более совершенный вид это письмо приобретает в древнегреческом языке, где начиная с VII—VI вв. до н. э. оно постепенно заменяется вокализованно-звуковым.

Формировалось буквенное письмо в основном на базе слогового письма. «Историческим родоначальником всех видов алфавитного письма явилось древнесемитское (финикийское)... силлабическое письмо со знаками только типа “согласный + гласный”» [РЯЭ-Ф, с. 209]. Первоначально такие

знаки могли возникать непосредственно из идеограмм (логограмм): «Консонантно-звуковые знаки обычно возникали в египетском письме из одно-двухконсонантных логограмм, произносимых при чтении как сочетания одного или двух согласных звуков с каким-то неизвестным нам, но вполне определенным гласным» [Истрин, с. 268].

С начала I тысячелетия до н. э. консонантное буквенно-звуковое письмо распространяется из Финикии в двух направлениях. На востоке возникает арамейское письмо, послужившее источником формирования почти всех буквенно-звуковых письменных систем языков народов Азии (в большинстве азиатских стран оно сохраняет консонантный принцип). На западе формируется греческое письмо, явившееся основой для создания письменных систем языков народов Европы (европейское письмо носит вокализованный характер).

Принципиальные изменения в развитии буквенного письма происходят в Греции в первой половине I тысячелетия до н. э. Помимо введения букв для обозначения гласных, греки внесли в финикийское письмо и некоторые другие изменения. В частности, они несколько поменяли состав букв, обозначающих согласные звуки (в соответствии с фонетическим строем греческого языка). В своем начертании буквы греческого алфавита приобрели более завершенную геометрическую форму — в соответствии с традициями греческой архитектуры и орнаментики. Греки меняют и направление письма. Вначале они, подобно древним египтянам и финикийцам, пишут справа налево, затем принимают двоякое направление письма, т. е. написание букв справа налево и слева направо (так называемый бустрофедон), и, наконец (с VII—VI вв. до н. э.), переходят к письму слева направо [см. там же, с. 338].

Греческий алфавит, будучи первой в мире вокализованной буквенно-звуковой системой, оказал большое влияние на дальнейшее развитие буквенного письма. На базе западногреческого письма был создан л а т и н с к и й (римский) а л ф а в и т, послуживший основой для создания большинства современных письменных систем. На основе восточногреческого (византийского) письма созданы славянская к и р и л л и ч е с к а я а з б у к а (в середине или в конце IX в.), армянская (в начале V в.) и др. Кириллица

положена в основу письменных систем современного русского, болгарского, татарского и многих других языков.

Сегодня буквенно-звуковым письмом пользуется около 75 процентов населения Земли. Появление и распространение буквенного письма в значительной мере способствовало распространению грамотности, развитию мировой культуры.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ СИСТЕМ

§ 319. Научный анализ письменных систем предполагает их классификацию по тем или иным существенным признакам, построение их типологии.

Прежде чем перейти к вопросу о типологии письменных систем, напомним, что под письмом мы понимаем известную совокупность, определенную с и с т е м у г р а ф и ч е с к и х з н а к о в, используемых для передачи информации. «Письмо начинается с того момента, когда условные рисуночные знаки (пиктограммы) и отвлеченные символы (идеограммы) стали привязываться к определенным языковым единицам, передавать конкретные языковые тексты» [Широков, 1985, с. 169].

Традиционно письменные системы классифицируются по совокупности разных признаков, в частности таких, как состав, форма, значение используемых знаков, принципы их применения и др. На этом основании различаются три основных типа письма: пиктография, идеография и фонография [см.: Головин, 1983, с. 182].

Ср.: «Издавна установилось традиционное деление систем письма на три типа, столь же традиционно называемых “пиктографическим”, “идеографическим” (иначе “иероглифическим”) и “фонетическим” письмом; последнее иногда подразделяется на “слововое” и “буквенно-звуковое” (иначе “алфавитное”)» [Истрин, с. 31].

Современная наука обращает внимание на известные недостатки традиционной классификации письменных систем. Среди таких недостатков указывается, например, отсутствие единого принципа, признака деления. Более существенным считается семантический признак используемых

знаков, чем их формальные признаки, т. е. соотношенность с определенными видами языковых единиц. Обращается внимание на то, что при традиционной классификации письменных систем не учитываются некоторые очень важные виды письменных знаков, такие, как древнейшие условные знаки, знаки, используемые для обозначения морфем, и др. [см.: Истрин, с. 35].

Некоторые языковеды предлагают классифицировать системы письма по одному признаку — в зависимости от значения письменных знаков, от характера передаваемых отдельными знаками элементов речи. На этом основании различаются пять основных типов письма:

1) пиктографическое, фразографическое письмо (или пиктография, фразография); каждый знак такого письма (пиктограмма, фразограмма) передает целое сообщение, графически не расчлененное (или почти не расчлененное) на отдельные слова;

2) идеографическое, иероглифическое, логографическое письмо (или идеография, иероглифика, логография); каждый знак такого письма (идеограмма, иероглиф, логограмма) соответствует отдельному слову;

3) морфемографическое письмо (или морфемография); каждый знак такого письма (морфемограмма) соответствует отдельной морфеме;

4) слоговое, силлабическое письмо (или силлабография); каждый знак такого письма (силлабограмма) соответствует слогу;

5) буквенное, звуковое, буквенно-звуковое, фонографическое письмо (или фонография); каждый знак такого письма (буква, фонограмма) соответствует отдельному звуку речи или фонеме [см. там же, с. 36].

Лингвисты, которые не признают пиктографию письмом (относят ее к предписьменности, или протописьменности), выделяют четыре основных типа письма: идеографический, словесно-слоговой (логографически-силлабический), собственно силлабический и буквенно-звуковой (алфавитный) [см.: ЛЭС, с. 375].

При описании основных типов письма нередко обращается внимание на отсутствие строгих границ между ними, на то, что в конкретных системах письма эти типы обычно существуют в не вполне чистом виде [см.: ЛЭС, с. 375]. Одни и те жеобрази-

тельные знаки (например, изображение птицы, глаза, ноги, лодки, очков) могут рассматриваться то как пиктограммы, то как идеограммы (логограммы). Весьма расплывчаты границы между идеографическим, морфемографическим и слоговым письмом. Чистая идеография имела очень ограниченное применение. Высказывается мнение о том, что этот тип письма был лишь переходным от пиктографии к словесно-слоговому письму [см.: РЯЭ-Ф, с. 206].

Знаки слогового (силлабического) письма часто передают морфемы, фонетически равные слогу, или же однослоговые, одноморфемные слова. Так, в современном китайском письме «графема-иероглиф соответствует слогу, но слог, как правило, одновременно является и значимой единицей — морфемой или словом» [Маслов, 1975, с. 305]. Это находит отражение в использовании таких терминов, как «словесно-слоговое письмо», «логографически-силлабическое письмо». Термины «слоговое письмо», «силлабическое письмо», «силлабография» иногда употребляются как абсолютные синонимы по отношению к термину «морфемография», чем подчеркивается отсутствие строгих границ между данными типами письма.

На основании тех или иных формальных признаков письменных знаков, прежде всего их формы, в рамках некоторых основных типов письма выделяются их разновидности. Например, по характеру внешней связи используемых знаков с обозначаемыми ими предметами или явлениями в рамках пиктографического (фразографического) письма некоторые ученые различают собственно пиктографию, знаки которой имеют мотивированный характер, и древнейшие условные знаки, которые носят немотивированный характер. Собственно пиктограммы иногда называют иконическими знаками (в отличие от древнейших условных знаков, называемых символическими).

По форме буквенных знаков характеризуются разновидности во многих системах буквенно-звукового письма. Например, в древнегреческом письме различались: монументальное (или капитальное) письмо, унциальное письмо (или унциал), уставное письмо (или устав), скорописные, курсивные почерки, минúскул и др. В монументальном (капитальном) письме буквы имели крупные размеры, прямолинейные и угловатые формы; данная разновидность письма ис-

пользовалась для мемориальных и религиозно-культовых надписей на твердом материале — на камне, кости и др. Унциал представлял собой более округлый почерк; он использовался, главным образом, для записи литературных произведений и текстов государственных документов на папирусе или пергаменте. Уставное письмо применялось чаще всего в церковных книгах; буквы этой разновидности письма были еще проще по начертанию. Скорописная, курсивная разновидность письма использовалась для административно-канцелярской, торговой и бытовой переписки; буквы были меньше, имели более округлую форму, писались слитно; часто использовались лигатуры. Минускульное письмо имело еще более упрощенную форму, в нем использовались строчные буквы.

Некоторые разновидности буквенного письма, в том числе и греческого, возникали в соответствии с необходимостью отразить фонетические особенности диалектов данного языка.

Возможна также генеалогическая классификация письменных систем, т. е. подразделение их на группы, объединенные общностью происхождения. Так, различаются группы письменных систем, построенные на арабской основе (арабская, персидская, афганская и др.), на латинской основе (английская, немецкая, французская и др.), на славянско-кириллической основе (русская, белорусская, украинская и др.) и т. д.

§ 320. В современном мире наиболее широкое распространение получило буквенное (звуковое) письмо, или фонография. С буквенным письмом связаны такие важнейшие понятия, как алфавит, графика, орфография.

Алфавитом (греч. *alphábētos* — от названий первых букв греческого алфавита — «альфа» и «бета») называется совокупность графических знаков (букв), расположенных в принятом для данного языка (или данной группы языков) порядке. Реже в данном значении употребляется термин «азбука» (от названий первых букв старославянского алфавита — «азъ» и «буки»). Алфавиты существуют для всех буквенных и для большинства слоговых систем письма.

В буквенных системах письма их знаки (буквы) обычно обозначают отдельные звуки/фонемы. Однако строгого со-

ответствия между буквами и звуками не бывает: в ряде случаев для обозначения одного звука используется сочетание разных букв или, наоборот, одной буквой обозначается сочетание разных звуков. Кроме того, в некоторых алфавитах имеются буквы, которые не обозначают никаких звуков, а лишь указывают на звуковое значение предшествующей/последующей буквы (таковы, например, русские буквы *ѣ* и *ѵ*).

Общепринятый строгий порядок расположения букв в алфавите имеет большое значение для хранения и поиска информации (используется в словарях, справочниках, каталогах и др.). В некоторых системах письма фиксированный порядок расположения букв в алфавите применялся для буквенного обозначения чисел. Для этого использовались, например, буквы греческого, некоторых семитских алфавитов, старославянских (кириллицы и глаголицы), древнерусской азбуки.

§ 321. С буквенным письмом связано и понятие графики (от греч. *graphō* — ‘пишу’). Графикой называется: 1) совокупность начертательных средств того или иного языка и взаимоотношения между этими средствами и обозначаемыми ими звуками/фонемами; 2) раздел языкознания, изучающий графические средства языка и их взаимоотношения с соответствующими звуковыми единицами.

Основной единицей графики (в первом значении данного термина) является графема, которая обычно соотносится с буквой, обозначая конкретный звук. Однако для обозначения отдельных звуков в ряде случаев используются сочетания разных букв. Таким образом, различаются графемы простые, или монографы, и графемы сложные (составные), или полиграфы, т. е. диграфы (состоящие из двух букв), триграфы (состоящие из трех букв) и т. д. Одна графема может обозначать несколько звуков/фонем, как в случае с русскими йотованными буквами *е*, *ю*, *я*. В качестве самостоятельных графем могут выступать диакритизованные буквы (т. е. буква вместе с диакритическим знаком), например, *č* в чешском, литовском и некоторых других языках. На основании сказанного графема может быть определена как «минимальная единица графической системы языка (системы

письма), обладающая тем или иным лингвистическим содержанием» [ЛЭС, с. 117].

Кроме букв, или собственно графем, к графическим средствам буквенного письма относятся и небуквенные знаки: цифры, знаки препинания и другие возможные изображения, имеющие определенное значение (например, знаки +, -, =, ≈, <, >, №, §, % тоже иногда называют графемами). Таким образом, под графемой (в широком смысле) понимается любой знак «как определенный элемент в данной системе письма, т. е. как абстрактная, многократно повторяющаяся в текстах единица» [Маслов, 1987, с. 238].

Каждая графема имеет относительно стабильную начертательную, графическую форму. В то же время в конкретном применении на письме одна и та же графема может иметь разные графические видоизменения, или варианты: например, прописной и строчной, печатный и рукописный, гарнитурные, или шрифтовые (в печатных текстах), индивидуальные (в рукописных текстах). Все подобного рода видоизменения графем, обычно сохраняющие общую типовую форму и объединенные единством языкового значения, называются терминами «граф(а)», «аллограф(а)», «аллографема».

§ 322. Строго терминологически орфографией (от греч. *orthos* — ‘правильный’ и *graphō* — ‘пишу’) называется: 1) система правил, способов передачи речи на письме, правил написания слов данного языка; 2) раздел языкознания, занимающийся разработкой и изучением этих правил. Для обозначения орфографии в первом значении употребляется также исконно русский термин «правописание», представляющий собой кальку (дословный перевод) с греческого термина «*orthographia*».

Основные правила орфографии регламентируют:

1) обозначение звуков/фонем на письме, использование буквенных знаков для их обозначения в составе морфем, слов, словосочетаний;

2) использование на письме прописных и строчных букв (ср., например, употребление в русском и многих других языках прописных букв при написании имен собственных, в немецком языке — всех имен существительных);

3) слитное, полуслитное (дефисное) и отдельное написание слов и их частей;

4) деление слов при переносе их частей с одной строки на другую.

Особую область орфографии составляет написание заимствованных слов, которое нередко характеризуется специфическими особенностями (ср., например, особые правила обозначения согласного [j] в русской орфографии для слов типа *Йемен, фойе, Йорк, йог, йод, майор, район, батальон, почтальон*). Можно говорить также об особых в каждом языке правилах графических сокращений слов или словосочетаний.

Иногда к числу правил орфографии относят и правила употребления знаков препинания [см.: Маслов, 1975, с. 307].

Написание, определяемое правилами орфографии, выбираемое из ряда возможных, называется орфограммой (от греч. *orthos* — ‘правильный’ и *grammā* — ‘письменный знак’). Примерами орфограмм в русском письме могут служить: написание буквы *а/о* в безударных слогах таких слов, как *борода, голова, дорогой*; написание буквы *з/с* на конце приставок; написание окончания родительного падежа единственного числа мужского рода *-ого*; написание *-ться/-тся* в глагольных формах; обозначение суффикса *-н-/-нн-* в страдательных причастиях прошедшего времени и в отпричастных прилагательных; употребление строчной или прописной буквы в начале слова; слитное или полуслитное написание слова; место деления слова при переносе; характер сокращения слова.

Среди правил орфографии центральное место занимает правила, касающиеся обозначения звуков/фонем на письме — в составе морфем или слов/словоформ. Эти правила опираются на конкретные принципы орфографии. Важнейшими из них являются фонетический, фонемный и исторический¹.

Согласно фонетическому принципу орфографии, буквами алфавита «изображаются реально произносимые звуки», т. е. «на письме обозначается тот звук, который реально произносится» [СЛТ-А, с. 295; Аванесов, 1972, с. 210]. Данный принцип орфографии выражается формулой: «как слы-

¹ Разные ученые выделяют неодинаковое количество принципов орфографии: три (В. А. Истрин, Р. А. Будагов, Б. Н. Головин и др.), четыре (Л. В. Щерба, В. Ф. Иванова и др.), пять (Ю. С. Маслов и др.), шесть (А. А. Реформатский и др.).

шится, так и пишется». Фонетический принцип имеет место тогда, «когда на письме специально отражаются позиционные чередования фонем, т. е. фонемы слабых позиций обозначаются буквами на основе прямого соответствия: фонема — адекватная ей буква» [ЛЭС, с. 351].

Фонетический принцип орфографии широко используется в том или ином буквенном письме в момент его возникновения, когда написание слов в максимальной степени отражает их произношение. В процессе развития в языке происходят различные фонетические изменения, которые орфография не в состоянии отразить, и фонетический принцип орфографии постепенно нарушается. Это касается, в частности, позиционных (т. е. фонетически обусловленных) чередований звуков (ср., например, написания *голова*, *пастба* при произношении [гъл^ва], [п^зд'ба]).

В некоторых современных системах письма (например, в белорусской, сербской, немецкой) фонетический принцип орфографии является ведущим.

Чаще всего буквами обозначаются не реально произносимые звуки, а фонемы, без учета их позиционных изменений. Так, в первом слого словоформ *молод*, *моложе*, *молодой* буквой *о* обозначаются разные гласные звуки, представляющие одну и ту же фонему <о>, в словоформах *друг*, *друга* буквой *г* обозначаются разные согласные, представляющие фонему <г>. И наоборот, разные фонемы, по звучанию совпадающие в речи, обозначаются разными буквами. Ср., например, *сама* (местоимение, жен. р.) и *сома* (существительное, ф. род. п. ед. ч.), *кот* и *код*, *прут* и *пруд*. Такой принцип орфографии в отечественном языкознании (О. С. Ахманова, Б. Н. Головин, Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов, М. В. Панов, А. А. Реформатский, О. С. Широков и др.) называют **фонемным** (или фонематическим, фонологическим). Фонемный принцип орфографии используется во многих современных системах письма. Он положен в основу и современной русской орфографии.

Сущность фонемного принципа орфографии заключается в том, что:

«написанное слово точно отображает его фонемный состав» [Зиндер, с. 287];

«одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях» [РЯЭ-Ф, с. 184];

«одинаковые фонемы, представленные разными чередующимися звуками, обозначаются одинаковыми буквами» [Широков, 1985, с. 21];

«фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются теми же буквами, что и фонемы в сильных позициях» [ЛЭС, с. 351].

При фонемном принципе орфографии подчеркивается единство морфемы: в разных словах/словоформах одна и та же морфема обозначается на письме одинаково, независимо от того, как она реально произносится в соответствии с действующими в языке правилами орфоэпии. Поэтому этот принцип иногда называется *м о р ф е м н ы м* или морфематическим (Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов).

Фонемный (морфемный) принцип орфографии практически реализуется при формообразовании (в морфологии) и словообразовании (при словопроизводстве). Поэтому его часто называют *м о р ф о л о г и ч е с к и м* (Р. И. Аванесов, О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, А. Н. Гвоздев, Б. Н. Головин, В. Ф. Иванова, В. И. Кодухов, М. И. Матусевич, М. В. Панов, А. Г. Шапиро, Л. В. Щерба). При этом термин «морфологический принцип орфографии» иногда употребляется и в других значениях [см.: СЛТ-РТ, с. 227, 463].

Рассматриваемый принцип орфографии называют еще и этимологическим (Л. Р. Зиндер, Л. В. Щерба), этимолого-морфологическим (Р. А. Будагов, Ю. С. Маслов, М. И. Матусевич), фонематически-морфологическим (В. А. Истрин). Заметим, что термин «этимологический принцип орфографии» обычно используется в качестве абсолютного синонима термина «исторический принцип орфографии».

В разных системах письма в большей или меньшей степени распространено написание слов, отражающее не современное их состояние, а прошлое, т. е. написание слов в соответствии со сложившейся традицией, с учетом особенностей давнего их произношения и написания. Такой принцип орфографии, когда «пишут так, как писали предки» [Щерба, 1957, с. 46], называется *и с т о р и ч е с к и м*.

Данный принцип орфографии нередко называют также этимологическим (О. С. Ахманова, Ю. С. Маслов, М. И. Матусевич), традиционным (О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, А. Н. Гвоздев, Б. Н. Головин, Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов, М. И. Матусевич), консервативным (О. С. Ахманова, Л. Р. Зин-

дер, Ю. С. Маслов, М. И. Матусевич), историко-традиционным (В. А. Истрин, В. И. Кодухов), традиционно-историческим (О. С. Ахманова, Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая).

Исторический принцип орфографии преобладает во французском, испанском, но особенно в английском письме. В современном русском письме исторический принцип орфографии как таковой отсутствует; он представлен лишь отдельными, хотя и достаточно многочисленными случаями написания слов.

В русской орфографии данному принципу соответствует, например, традиционное обозначение разными буквами безударных гласных в словах, в которых они не встречаются под ударением (ср.: *баран, каблук, славяне* и *собака, корова, молоко, горох; печать, дебют* и *мятеж, язык*); обозначение буквами *а* и *о* одной и той же фонемы в составе корневой или префиксальной морфемы (ср.: *возраст* и *росток, касаться* и *коснуться; раздумье, размышление* и *розыск, роспуск*); обозначение некоторых согласных фонем в слабой позиции, не проверяемое сильной позицией (например, употребление буквы *б* в слове *общий*); употребление буквы *и* после твердых шипящих, которые в древнерусском языке были мягкими согласными (ср.: *жизнь, жить, ширь, широкий, шипеть*); обозначение звука [о] буквой *ё* после шипящих (ср.: *жён, пчёл, лжёт, пошёл, пшённый*); сохранение буквы *г* в окончании *-ого/-его* (ср.: *большого, молодого, синего, любящего*) и др.

Можно сказать, что исторический принцип орфографии — это принцип «самый “беспринципный”, слепо сохраняющий любую традицию письма» [Реформатский, 1967, с. 374].

Наряду с рассмотренными основными принципами орфографии многие ученые (О. С. Ахманова, В. А. Богородицкий, А. Н. Гвоздев, Л. Р. Зиндер, В. И. Кодухов, Ю. С. Маслов, М. И. Матусевич, Л. В. Щерба и др.) особо выделяют принцип *д и ф ф е р е н ц и а ц и и н а п и с а н и й* (или дифференциальный, дифференцирующий, дифференцировочный), называемый также идеографическим (иначе — иероглифическим, символическим). Этот принцип орфографии «опирается на смысловое различие схожих написаний», обычно «проявляется в фонематическом письме в различии написаний омонимов» [Кодухов, 1987, с. 154; Зиндер, с. 289]. Ср.: *бал* и *балл, кампания* и *компания, ожог* и *ожёг, поджог* и *поджёг, пережог* и *пережёг,*

плач и *плачь*, *туш* и *тушь*, *надежда* и *Надежда*, *лисицын* и *Лисицын*; ср. также в старой русской орфографии: *миръ* ('спокойствие') и *миръ* ('вселенная'), *есть* ('имеется') и *ѣсть* ('кушать') и др.

Некоторые языковеды в качестве особого принципа орфографии рассматривают принцип графически единообразного оформления написания слов, относящихся к определенным грамматическим категориям. Такой принцип орфографии называют *морфологическим* (Л. Р. Зиндер, А. А. Реформатский, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова), или *морфологическим* в узком смысле (М. И. Матусевич), или *символично-морфологическим*, *граммематическим* (Ю. С. Маслов), или *принципом морфолого-графических аналогий* (В. Ф. Иванова). В качестве примеров использования данного принципа орфографии в современном русском письме приводятся случаи употребления буквы *ь* после шипящих для указания на женский род существительного (*рожь*, *мышь*, *ночь*, *вещь*), на инфинитив глагола (*печь*, *беречь*), на форму повелительного наклонения глагола (*ешь*, *ешьте*; *режь*, *режьте*; *плачь*, *плачьте*).

К морфологическому принципу орфографии (в узком смысле) некоторые языковеды относят случаи, когда схожее написание различает разные грамматические формы одного и того же слова: *сидиться* и *сидится*, *ссориться* и *ссорится*, *стучаться* и *стучатся* [см.: Матусевич, 1959, с. 120; Зиндер, с. 288].

Иногда выделяются такие принципы орфографии, как *слоvesно-семантический* [см.: Гвоздев, 1973, с. 103], *лексико-синтаксический*, *словообразовательно-грамматический* [см.: РЯЭ-Ф, с. 184].

§ 323. Кроме «общенародных» письменных систем, используемых в разных сферах деятельности людей, существуют еще различные системы письма специального назначения (или специализированные системы), искусственно создаваемые для конкретных целей. К ним можно отнести такие способы передачи речи, как *транскрипция*, *транслитерация*, *стенография*, *криптография* и др.

Транскрипцией (от лат. *trānscrīptio* — 'переписывание') называется особая система письма, предназначенная для научно-лингвистических целей, для точного обозначения звукового состава речи [см. § 31].

Транслитерация (от лат. *trāns* — ‘сквозь, через’ и *littera* — ‘буква’) может быть определена как побуквенная передача текста или отдельных слов, записанных на том или ином языке, графическими средствами воспроизводящего языка. При этом не всегда учитывается звуковое значение букв транслитерируемых слов; на письме иногда сохраняются и те буквы, которые в языке-источнике не обозначают отдельных звуков. Например, возможна такая передача иноязычных слов русскими буквами: англ. *Cliburn* (буквой *i* обозначается дифтонг [ai]) — рус. *Клиберн*; франц. *Hugo* (начальная буква звука не обозначает) — рус. *Гюго*; итал. *capriccio* (буква *i* перед *o* не обозначает звука) — рус. *каприччио* [см.: Шерба, 1958, с. 171; Реформатский, 1967, с. 378; Матусевич, 1959, с. 132; Зиндер, с. 297; Кодухов, 1987, с. 155; Маслов, 1987, с. 262].

Стенографией (от греч. *stenos* — ‘узкий, тесный’ и *graphō* — ‘пишу’) называется «особая система письма профессионального назначения, имеющая целью ускорение процесса письменной фиксации живой речи» [Головин, 1983, с. 179].

Криптографией (от греч. *kryptos* — ‘тайный, скрытый’ и *graphō* — ‘пишу’) называется тайное письмо, тайнопись, т. е. разновидность письма, использующего шифр. Применяется для шифрования военных, дипломатических и других текстов [см.: Будагов, 1965, с. 208].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.
- Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
- Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аврорин В. А.* О предмете социолингвистики // *Вопр. языкознания.* 1975. № 4.
- Аврорин В. А.* Функции языка // *Современные проблемы литературоведения и языкознания.* М., 1974.
- Ардентов Б. П.* Роль языка в жизни общества // *Рус. язык в средней школе.* Кишинев, 1969.
- Арутюнова Н. Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
- Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.
- Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова О. С., Бокарев Е. А.* Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема // *Вопр. языкознания.* 1956. № 6.
- Балалыкина Э. А., Николаев Г. А.* Русское словообразование. Казань, 1985.
- Баранникова Л. И.* Введение в языкознание. Саратов, 1973.
- Баранникова Л. И.* Основные сведения о языке. М., 1982.
- Белашапкова В. А.* Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
- Бельчиков Ю. А.* О нормах литературной речи // *Вопросы культуры речи.* М., 1965. Вып. 6.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М., 1935.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб., 1871.
- Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1965.
- Будагов Р. А.* Очерки по языкознанию. М., 1953.

- Бунак В. В.* Происхождение речи по данным антропологии // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. Т. 16.
- Бунак В. В.* Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. Т. 92.
- Бунак В. В.* Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
- Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В.* Современный русский язык. М., 1966.
- Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- Введенская Л. А., Дыбина Т. В., Щеболева И. И.* Современный русский литературный язык: Лексикология. Фонетика. Ростов-на-Дону, 1963.
- Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Виноградов В. В.* Проблемы морфологической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // *Славянское языкознание: Докл. сов. делегации на VI Межд. съезде славистов.* М., 1968.
- Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947.
- Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Галкина-Федорук Е. М.* К вопросу об омонимах в современном русском языке // Рус. язык в школе. 1954. № 3.
- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. М., 1957.
- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. М., 1962. Ч. 1.
- Гвоздев А. Н.* О звуковом составе морфем // *Вопр. языкознания.* 1960. № 3.
- Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. 1.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3.
- Гепнер Ю. Р.* Очерки по общему и русскому языкознанию. Харьков, 1959.
- Герд А. С.* Морфемика в ее отношении к морфологии // *Вопр. языкознания.* 1990. № 5.
- Глинских Г. В., Петрова О. В.* Введение в языкознание. Н. Новгород, 1998.
- Глоzman А. Б.* Разработка проблемы языковых функций в работах советских философов и лингвистов 60—70-х гг. // *Актуальные*

- проблемы истории марксистско-ленинской философии. М., 1978. Вып. 3.
- Голованов И. Г.* Морфология современного русского языка. М., 1962.
- Головастиков А. Н.* К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // *Тезисы рабочего совещания по морфемике.* М., 1980.
- Головин Б. Н.* Введение в языкознание. М., 1966; 4-е изд. М., 1983.
- Головин Б. Н.* Замечания к теории словообразования // *Уч. зап. Горьковского ун-та.* 1967. Вып. 76.
- Головин Б. Н.* О некоторых направлениях и задачах изучения лексики, терминологии и стилей // *Лексика, терминология, стили.* Горький, 1973. Вып. 1.
- Головин Б. Н.* О некоторых проблемах изучения терминов // *Вестник Моск. ун-та.* 1972. Сер. 10. Филология. № 5.
- Головин Б. Н.* О роли статистики в описании языковых и речевых стилей // *Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов: Тезисы докл. Второй межвузовской конф.* Минск, 1968.
- Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
- Головин Б. Н.* Основы теории синтаксиса современного русского языка. Н. Новгород, 1994.
- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
- Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. (На материале современного русского языка). Л., 1978.
- Горбачевич К. С.* Вариантность слова как лексико-грамматический феномен. (На материале современного русского языка) // *Вопр. языкознания.* 1975. № 1.
- Горбачевич К. С.* Изменения норм русского литературного языка. Л., 1971.
- Горнунг Б. В.* Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук // *Вопр. языкознания.* 1960. № 4.
- Горшков А. И.* Старославянский язык. М., 1963.
- Грамматика* русского языка. М., 1953. Ч. 1. Фонетика и морфология.
- Грамматика* русского языка. М., 1954. Ч. 2. Синтаксис.
- Грамматика* современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
- Гречко В. А.* Лексическая синонимика современного русского литературного языка / Под ред. М. И. Черемисиной. Саратов, 1987.
- Гречко В. А.* Теория языкознания. Н. Новгород, 1995. Ч. 1.
- Григорьев В. П.* О некоторых вопросах интерлингвистики // *Вопр. языкознания.* 1966. № 1.

- Григорьев В. П., Исаев М. И.* О культуре русской речи у нерусского населения // Рус. речь. 1967. № 5.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // *Хрестоматия* по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Гухман М. М.* Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период. (На материале германских языков) // *Ф. Энгельс и языкознание*. М., 1972.
- Дементьев А. А.* О так называемых «интерфиксах» в русском языке // *Вопр. языкознания*. 1974. № 4.
- Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963.
- Докторович Д. Л.* К понятию фатической функции языка. (О двух видах фатической речи) // *Синтаксическая структура простого предложения*. Смоленск, 1979.
- Докторович Д. Л.* Фатическая функция языка. (К постановке вопроса) // *Проблемы* английского словообразования. Смоленск, 1976.
- Донских О. А.* Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
- Дрезен Э. К.* За всеобщим языком. М.—Л., 1928.
- Дрезен Э. К.* Основы языкознания, теории и истории международного языка. М., 1932.
- Дубровский Д. И.* Существует ли внесловесная мысль? // *Вопр. философии*. 1977. № 9.
- Дьяконов И. М.* О письменности // *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963.
- Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М., 1969.
- Жирмунский В. М.* О границах слова // *Вопр. языкознания*. 1961. № 3.
- Жирмунский В. М.* О синхронии и диахронии в языкознании // *Вопр. языкознания*. 1958. № 5.
- Журавлев А. П.* Аспекты значения слова и их восприятие // *Восприятие* языкового значения. Калининград, 1980.
- Загоровская О. В.* Об эстетической функции языка. (Из истории вопроса) // *Поэтическая стилистика*. Воронеж, 1982.
- Загоровская О. В.* Эстетическая функция языка в соотношении с его основными функциями // *Коммуникативная и эстетическая функции художественного текста*. Воронеж, 1982 (а).
- Загоровская О. В.* Эстетическая функция языка и ее речевая реализация // *Методы и принципы научного анализа в филологических исследованиях*. Воронеж, 1978.
- Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1.
- Звегинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962.

- Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Звегинцев В. А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
- Зверев А. Д.* Словообразование в современных восточнославянских языках. М., 1981.
- Земская Е. А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // *Развитие* грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Земская Е. А.* Как делаются слова. М., 1963.
- Земская Е. А.* Понятие производности, оформленности и членности основ // *Развитие* словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- Зенков Г. С.* Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1988.
- Золотова Г. А., Анипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванникова Е. А.* К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // *Синонимы* русского языка и их особенности. Л., 1972.
- Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964.
- Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1965. Ч. 1. Морфология.
- Истрин А. В.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
- Калакуцкая Л. П.* Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме // *Ономастика* и норма. М., 1976.
- Калинин А. В.* Лексика русского языка. М., 1966; 2-е изд. М., 1978.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч. М., 1966. Т. 6.
- Киров Е. Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. Казань, 1989.
- Киров Е. Ф.* Фонология языка. Ульяновск, 1997.
- Киров Е. Ф.* Части речи русского языка // Вестник Нижегородского ун-та. Серия «Филология». 1999. Вып. 1.
- Киселева Л. А.* Коммуникативные языковые функции и семантическое строение словесного значения // *Проблемы семантики*. М., 1974.

- Кобрин Р. Ю.* О сопоставительном анализе свободных, фразеологических и терминологических словосочетаний // Уч. зап. Горьковского ун-та. 1970. Вып. 99.
- Ковалик И. И.* Корень слова и его роль в словообразовательном гнезде // *Актуальные проблемы русского словообразования.* Ташкент, 1978.
- Кодухов В. И.* Введение в языкознание. М., 1979; 2-е изд. М., 1987.
- Кодухов В. И.* Общее языкознание. М., 1974.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
- Колесникова Н. А.* Критика некоторых современных буржуазных теорий по вопросу взаимоотношений языка и мышления // *Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе: Вопросы методологии.* Киев, 1981.
- Колоколова Н. И.* Понятие и слово, суждение и предложение // *Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе: Вопросы методологии.* Киев, 1981.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971.
- Кондильяк Э.* Сочинения. М., 1980. Т. 1.
- Кондрашов Н. А.* Славянские языки. М., 1962.
- Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1963.
- Костомаров В. Г.* Проблема общественных функций языка и понятие «мировой язык» // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран.* М., 1975.
- Краус И. К.* К общим проблемам социолингвистики // *Вопр. языкознания.* 1974. № 4.
- Крылов Н. А.* Некоторые вопросы образования и синхронического строения слов // Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та: Вопросы филологии. 1970. Т. 25. Вып. 2.
- Кубрякова Е. С.* О понятиях синхронии и диахронии // *Вопр. языкознания.* 1968. № 3.
- Кубрякова Е. С.* О словообразовательной системе языка и отношениях словообразовательной производности // *День Артура Озола: Проблемы словообразования в современном языкознании: Материалы научной конф.* Рига, 1969.
- Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа. (На материале германских языков). М., 1974.
- Кубрякова Е. С.* Что такое словообразование. М., 1965.
- Кузнецов С. Н.* Направления современной интерлингвистики. М., 1984.
- Кузнецов С. Н.* Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
- Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1989.
- Кузькин Н. П.* К вопросу о сущности термина // *Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы.* 1962. № 20. Вып. 4.

- Лаврова Н. Н.* Термин «языковая единица» в учебной и справочной литературе // *Термины* в структурно-семантическом и функциональном аспектах. Н.Новгород, 1991.
- Лантц А. -М.* Паскаль из Лакнау — еще один «Маугли» // *За рубежом*. 1986. № 5.
- Лебедева Ю. Г.* Пособие по фонетике русского языка. М., 1981.
- Левковская К. А.* Лексикология немецкого языка. М., 1956.
- Левковская К. А.* Словообразование: Материалы к курсам языкознания. М., 1954.
- Левковская К. А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения словарного материала. М., 1962.
- Лексическая синонимия: Сб. статей / Под ред. С. Г. Бархударова.* М., 1967.
- Лемов А. В.* Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000.
- Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М., 1973. Т. 25.
- Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Леонтьев А. А.* Проблемы глоттогенеза в современной науке // *Ф. Энгельс* и языкознание. М., 1972.
- Логика / Под ред. Д. П. Горского и В. П. Таванца.* М., 1956.
- Лойфман И. Я.* Коммуникативные аспекты отражения и функции языка // *Ленинская теория отражения.* Свердловск, 1980. Вып. 10.
- Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.
- Ломтев Т. П.* О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // *Вопр. философии.* 1953. № 5.
- Ломтев Т. П.* Фонология современного русского языка. (На основе теории множеств). М., 1972.
- Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977.
- Лопатин В. В.* Словообразование как объект грамматического описания // *Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы.* М., 1974.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С.* К соотношению единиц словообразования и морфонологии // *Единицы* разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
- Лукоцка Ч.* Развитие языка. М., 1950.
- Лукин М. Ф.* Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк, 1973.
- Макаев Э. А.* К вопросу об изоморфизме // *Вопр. языкознания.* 1961. № 5.

- Максимов В. И.* Структура и членение слова. Л., 1977.
- Манучарян Р. С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.
- Марков В. М.* Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М. В. Ломоносова // *Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения)*. Казань, 1967. Вып. 1.
- Марков В. М., Николаев Г. А.* Некоторые вопросы теории русского словообразования // *Именное словообразование русского языка*. Казань, 1976.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. М., 1955. Т. 3.
- Март Н. Я.* Язык и письмо // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. 1931. Т. 6. Вып. 6.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975; 2-е изд. М., 1987.
- Маслов Ю. С.* О морфеме // *Актуальные проблемы русского словообразования*. Самарканд, 1972. Вып. 2.
- Маслов Ю. С.* Проблемы морфологической структуры слова в славянских языках // *Славянская филология*. Л., 1975 (а). Вып. 3.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
- Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. М., 1959.
- Матусевич М. И.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1976.
- Международный язык и наука*. Одесса, 1910.
- Мейе А.* Общеславянский язык / Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1951.
- Мельничук А. С.* Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // *Ленинизм и теоретические проблемы языкознания*. М., 1970.
- Мельчук И. А.* О супплетивизме // *Проблемы структурной лингвистики*. 1971 / Под ред. С. К. Шаумяна. М., 1972.
- Мельчук И. А.* Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Изв. АН СССР. Серия литер. и языка. М., 1968. Т. 27. Вып. 5.
- Мещанинов И. И.* К вопросу о стадиальности в письме и языке // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. 1931. Т. 7. Вып. 5—6.
- Миллер Е. Н.* К определению языка // *Вопр. языкознания*. 1987. № 3.
- Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтаксиса. М., 1980.
- Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

- Михайлов М.* Вопросы морфологического анализа: Проявление выделимости морфем в деривационных процессах. Варшава—Вроцлав, 1976.
- Моисеев А. И.* Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987.
- Моисеев А. И.* О языковой природе термина // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии.* М., 1970.
- Мотш В.* К вопросу об отношении между устным и письменным языком // *Вопр. языкознания.* 1963. № 1.
- Мустейкис К.* Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.
- Мухин А. М.* О предложении, синтагме и фразе. (В связи с вопросом об основной синтаксической единице) // *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков.* Л., 1975.
- Наер В. Л.* Об одном аспекте языковой специфики массовой коммуникации // *Сб. научных трудов Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков им. М. Тореза.* М., 1979. Вып. 151.
- Немченко В. Н.* Вариантность слова в русском языке: Фонематические варианты. Н. Новгород, 1992.
- Немченко В. Н.* Вариантность языковых единиц: Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск, 1990.
- Немченко В. Н.* Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород, 1998.
- Немченко В. Н.* К определению понятия термина как объекта лексикографического описания // *Термины в языке и речи.* Горький, 1985.
- Немченко В. Н.* О диахронии и синхронии в словообразовании // *Филол. науки.* 1985 (а). № 5.
- Немченко В. Н.* О понятии морфа как формально-семантической разновидности морфемы // *Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект.* Владимир, 1997.
- Немченко В. Н.* О понятии «нулевой» морфемы // *Термин и слово.* Горький, 1979.
- Немченко В. Н.* О разграничении частей речи в современном русском языке. (Имена прилагательные в их отношении к другим частям речи). Горький, 1975.
- Немченко В. Н.* Слова с прерывистыми основами в русском языке // *Русское слово: Тезисы межвуз. конф.* Орехово-Зуево, 1997 (а).
- Немченко В. Н.* Словообразование и его место в структуре русского языка. Горький, 1971.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык: Морфемика и словообразование. Н. Новгород, 1994.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1984.

- Немченко В. Н.* Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского гос. ун-та. Серия «Филология». 2000. Вып. 1 (2).
- Немченко В. Н.* Типология грамматических категорий в терминах // *Термины* в языке и речи. Н. Новгород, 1994 (а).
- Никитевич В. М.* Основы деривативной номинации. Минск, 1985.
- Никольский Л. Б.* О предмете социолингвистики // *Вопр. языкознания*. 1974. № 1.
- Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Новиков Л. А.* Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // *Рус. язык в школе*. 1960. № 3.
- Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
- Новиков Л. А.* Таксономия языковых единиц: Опыт метаописания // *Филол. науки*. 2002. № 6.
- Общая психология* / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970.
- Общее языкознание: Внутренняя структура языка*. М., 1972.
- Общее языкознание: Методы лингвистических исследований*. М., 1973.
- Овчаренко В. М.* Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. М., 1970.
- Овчаренко В. М.* Термин, аналитическое наименование и номинативное определение // *Современные проблемы терминологии в науке и технике*. М., 1969.
- Омельянович Н. В.* Вариантность и системы-варианты // *Вариантность* как свойство языковой системы: Тезисы докладов. М., 1982. Ч. 2.
- Пазухин Р. В.* Язык, функция, коммуникация // *Вопр. языкознания*. 1979. № 6.
- Панов М. В.* О слове как единице языка // *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина*. 1956. Т. 51. Вып. 5.
- Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
- Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Панфилов А. К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1968.
- Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977.
- Пастушенков Г. А.* Некоторые проблемы структуры слова (единицы структурно-семантического плана). Калинин, 1977.
- Пастушенков Г. А.* Структура русского слова в ее отношении к структурно-семантическому и функциональному уровням членения // *Уч. зап. Калининского пед. ин-та*. 1968. Т. 53.
- Пастушенков Г. А.* Так называемые «сложные» суффиксы в современном русском языке // *Филол. науки*. 1974. № 1.
- Петерсон М. Н.* Очерк литовского языка. М., 1955.
- Петерсон М. Н.* Русский язык. М.—Л., 1925.

- Пешковский А. М.* Понятие отдельного слова // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.—М., 1975.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика. М., 1922.
- Пиотровский Р. Г.* К вопросу о методах лингвистического исследования // *Теоретические* проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Платон.* Соч. М., 1970. Т. 2.
- Попов П. С.* Суждение. М., 1957.
- Попов Р. Н., Валькова Д. П., Маловицкий Л. Я., Федорова А. К.* Современный русский язык. М., 1978.
- Попова З. Д.* Общее языкознание. Воронеж, 1987.
- Поржезинский В. К.* Введение в языковедение. М., 1910.
- Постникова С. В.* Синонимы в немецком языке и основные приемы их активизации. М., 1984.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2; Харьков, 1899. Т. 3.
- Потиха Э. А.* Современное русское словообразование. М., 1970.
- Почепцов Г. Г.* Язык и познавательная деятельность человека // *Подготовка* учителя иностранного языка в педагогическом вузе: Вопросы методологии. Киев, 1981.
- Привалова М. И.* О типах и стилях русского литературного языка // *Вопросы* теории и истории языка: Сб. статей, посвященных памяти Б. А. Ларина. Л., 1969.
- Проблемы* интерлингвистики. М., 1976.
- Проблемы* теории текста. М., 1978.
- Распопов И. П.* Методология и методика лингвистических исследований. Воронеж, 1976.
- Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной филологии. М., 1970.
- Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М., 1959.
- Рогожникова Р. П.* Варианты слов в русском языке. М., 1966.
- Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1977.
- Русинов Н. Д.* Древнерусский язык. М., 1977.
- Русская* диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965.
- Русский* язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка / Под. ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Свадост-Истомин Э. П.* Как возникает всеобщий язык? М., 1968.

- Серебренников Б. А.* О лингвистических универсалиях // *Вопр. языкознания.* 1972. № 2.
- Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1957.
- Сидоров М.* Как человек стал мыслить. М., 1965.
- Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь. М., 1983.
- Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
- Слюсарева Н. А.* Методологический аспект понятия функций языка // *Изв. АН СССР. Серия литер. и языка.* 1979. Т. 38. № 2.
- Смирницкий А. И.* Значение слова // *Вопр. языкознания.* 1955. № 2.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: Проблема «отдельности слова» // *Вопросы теории и истории языка...* М., 1952.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: Проблема «тождества слова» // *Труды Ин-та языкознания АН СССР.* 1954. Т. 4.
- Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М., 1954 (а).
- Современный русский язык* / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.
- Современный русский язык: Морфология* / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.
- Современный русский язык* / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1964. Ч. 2.
- Современный русский язык: Синтаксис* / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1957.
- Современный русский язык: Словообразование* / Сост. Г. А. Молочко, А. П. Фомина, Е. С. Хмелевская, И. С. Козырев. Минск, 1978.
- Современный русский язык* / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1979. Ч. 1.
- Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
- Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
- Солнцев В. М.* Языковой знак и его свойства // *Вопр. языкознания.* 1977. № 2.
- Сорокин Ю. С.* «Просторечие» как термин стилистики // *Доклады и сообщения филол. фак. [ЛГУ].* 1949. Вып. 1.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Под ред. и с прим. Р. И. Шор. М., 1933.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.

- Степанова М. Д.* Методы синхронного анализа лексики. (На материале современного немецкого языка). М., 1968.
- Стехин Ю. К.* Лексическая группа прилагательных с суффиксом *-ий (-ья, -ье)* в языке русской советской поэзии // *Вопросы лексикологии*. Днепропетровск, 1969.
- Супрун А. Е.* Части речи в русском языке. М., 1971.
- Тихонов А. Н.* Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002.
- Томашевский Б. В.* Стих и язык // *Филологические очерки*. М.—Л., 1959.
- Торопцев И. С.* Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.
- Торсуев Г. П.* Проблемы теоретической фонетики и фонологии. М., 1969.
- Троицкий В. Н.* Основные принципы словообразования // Уч. зап. 1-го Ленингр. пед. ин-та иностр. языков. 1940. Т. 1.
- Трофимов В. А.* Современный русский литературный язык: Морфология. Л., 1957.
- Тьюго А. Р.* Размышления о языках // Избр. филол. произв. М., 1937.
- Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Уорф Б.* Наука и языкознание // *Новое в лингвистике*. М., 1960. Вып. 1.
- Ушаков Д. Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1929.
- Федоренко Л. П.* Закономерности усвоения русской речи. М., 1984.
- Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова // *Морфологическая структура слова в языках различных типов*. М.—Л., 1963.
- Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка // *Русский язык в современном мире*. М., 1974.
- Фоменко Ю. В.* О гипотезе номинативности и знаковости предложения // *Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах: Тезисы докладов обл. науч. конф.* Омск, 1988.
- Фомина М. И.* Современный русский язык: Лексикология. М., 1983.
- Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение: Общий курс // Избр. труды. М., 1956. Т. 1.
- Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М., 1958.
- Цыбова И. А.* Французский язык: Словообразование. М., 1996.
- Цыганенко Г. П.* Состав слова и словообразование в русском языке. Киев, 1978.
- Чесноков П. В.* Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог, 1996.
- Чикобава А. С.* Введение в языкознание. М., 1952. Ч. 1.

- Шайкевич А. Я.* Введение в лингвистику. М., 1995.
- Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М., 1964.
- Шанский Н. М.* Основы словообразовательного анализа. М., 1953.
- Шанский Н. М.* О соединительной гласной как словообразовательной морфеме // Рус. язык в школе. 1958. № 5.
- Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.
- Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык. М., 1987. Ч. 2.
- Шапиро А. Г.* Русское правописание. М., 1961.
- Шведова Н. Ю.* О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // Вопр. языкознания. 1964. № 2.
- Шелякин М. А.* К вопросу о понятиях морфемы и основы слова // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966.
- Шендельс Е. И.* Связь языкознания с другими науками. М., 1962.
- Широков О. С.* Введение в языкознание. М., 1985.
- Широков О. С.* Языковедение: Введение в науку о языках / Под ред. А. А. Волкова. М., 2003.
- Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шубин Э. П.* О синхронии и диахронии языка // Уч. зап. Калининского пед. ин-та. 1969. Т. 64. Вып. 1. Ч. 1.
- Шубняков Б. П.* Единство языка и мышления // Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе: Вопросы методологии. Киев, 1981.
- Шумилов Н. Ф.* К вопросу о разграничении полисемии и омонимии // Рус. язык в школе. 1956. № 3.
- Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
- Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
- Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1965.
- Языки народов СССР* / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1966. Т. 1.
- Языковые универсалии и лингвистическая типология.* М., 1969.
- Якобсон Р. О.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4.

- Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.
- Янко-Триницкая Н. А.* Основа и флексия в русском глаголе // *Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского.* М., 1971.
- Янко-Триницкая Н. А.* Членимость основы русского слова // *Изв. АН СССР. Серия литер. и языка.* 1968. Т. 27. Вып. 6.
- Ярцева В. Н.* Синтаксические условия реализации морфологической вариантности языка // *Вариантность как свойство языковой системы: Тезисы докладов.* М., 1982. Ч. 2.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЛЭС* — *Лингвистический* энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- ОПЛТ* — *Немченко В. Н.* Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справочник. Н. Новгород, 1995.
- ОПМТ* — *Немченко В. Н.* Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985.
- ОПСТ* — *Немченко В. Н.* Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985.
- ОПФТ* — *Немченко В. Н.* Основные понятия фонетики в терминах: Учебный словарь-справочник. Н. Новгород, 1993.
- РГ* — *Русская* грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1—2.
- РЯЭ-К* — *Русский* язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997.
- РЯЭ-Ф* — *Русский* язык: Энциклопедия / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1979.
- СИС* — *Словарь* иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. М., 1954.
- СЛТ-А* — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- СЛТ-М* — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / Под ред. А. А. Реформатского. М., 1960.
- СЛТ-РТ* — *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Справочник лингвистических терминов. М., 1972.
- СМРЯ* — *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- СРЯ-Е* — *Словарь* русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961. Т. 1—4.
- СРЯ-О* — *Словарь* русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М., 1953.
- ССРЛЯ* — *Словарь* современного русского литературного языка. М.—Л., 1950—1965. Т. 1—17.
- ССРЯ-Е* — *Словарь* синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970. Т. 1—2.
- ТСРЯ-ОШ* — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- ТСРЯ-У* — *Толковый* словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. 1—4.
- ФЭ* — *Философская* энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. М., 1960—1962. Т. 1—2.
- ФЭС* — *Философский* энциклопедический словарь / Подгот. А. Л. Грекулова и др. М., 1989.

Аж. — В. Ажаев
Ал. — М. Алигер
Алекс. — М. Алексеев
Буб. — М. Бубеннов
Вишн. — Вс. Вишневский
Г. — Н. В. Гоголь
Гонч. — И. А. Гончаров
Горб. — Б. Горбатов
Ес. — С. А. Есенин
Ис. — М. Исаковский
Купр. — А. И. Куприн
Леон. — Л. Леонов
Лип. — В. Липатов
Л. Т. — Л. Н. Толстой

Мал. — А. Малышкин
М. Г. — М. Горький
П. — А. С. Пушкин
Пауст. — К. Паустовский
Перв. — А. Первенцев
Посл. — пословица
Проск. — П. Проскурин
Св. — М. Светлов
Сим. — К. Симонов
Сурк. — А. Сурков
Ф. — А. Фадеев
Фед. — К. Федин
Ч. — А. П. Чехов
Ш. — М. Шолохов

англ. — английский
арм. — армянский
бел. — белорусский
болг. — болгарский
букв. — буквально
бушм. — бушменский
вин. п. — винительный падеж
гав. — гавайский
глагол. — глагол
гот. — готский
греч. — греческий
грубо-прост. — грубо-просторечный
дат. п. — дательный падеж
диал. — диалектный
др.-рус. — древнерусский
ед. ч. — единственное число
жен. р. — женский род
им. п. — именительный падеж
индонез. — индонезийский
инф. — инфинитив
исп. — испанский
итал. — итальянский
кит. — китайский
кирг. — киргизский
кр. ф. — краткая форма
л. — лицо
ласк. — ласкательный
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
литер. — литературный
маорийск. — маорийский
местоим. — местоимение
мн. ч. — множественное число
муж. р. — мужской род
нареч. — наречие
нар.-поэт. — народнопоэтический

наст. вр. — настоящее время
нем. — немецкий
норм. — нормативный
обл. — областной
перс. — персидский
повел. накл. — повелительное
 наклонение
польск. — польский
поэт. — поэтический
предл. п. — предложный падеж
прил. — имя прилагательное
прост. — просторечный
прош. вр. — прошедшее время
разг. — разговорный
род. п. — родительный падеж
рум. — румынский
рус. — русский
самоанск. — самоанский
сравн. ст. — сравнительная степень
средн. р. — средний род
ст.-слав. — старославянский
сущ. — имя существительное
тагальск. — тагальский
твор. п. — творительный падеж
узб. — узбекский
укр. — украинский
уменьш. — уменьшительный
устар. — устарелый
ф. — форма
франц. — французский
чешск. — чешский
числ. — имя числительное
швед. — шведский
шум. — шумерский
яванск. — яванский

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указатель составлен к основному тексту (с. 5—650). В него включены названия лингвистических понятий, употребленные как в авторском тексте, так и в цитатах из работ других языковедов. Не включаются в указатель некоторые составные термины, значение которых ясно по структуре соответствующих терминологических наименований, выводится из семантики их компонентов (например: «ударное слово», «двусложное слово», «трехморфемное слово», «разговорное слово», «глагол совершенного вида» и т. п.).

Названия понятий (термины) в указателе располагаются в алфавитном порядке. При этом иногда опорные слова составных наименований, которые сами по себе (как однословные термины) являются названиями научных понятий, указываются на первом месте, перед согласованным определением, например: «гласный лабиализованный» (вместо «лабиализованный гласный»), «слово производное» (вместо «производное слово»).

Компоненты составных терминов, которые в тексте могут пропускаться, заключаются в квадратные скобки (например: «ассимиляция [звуков]», «время [глагола]», «доминанта [синонимического ряда]»).

Номера параграфов, в которых даются определения и объяснения значений терминов, выделяются курсивом.

- Аббревиатура § 287
Аббревиация § 171, 173
Аблаут § 307
Автоматическая обработка текста § 3
Агглютинация § 292
Адъективация причастий § 300
Азбука § 320
— глухонемых § 14
— кириллическая § 318
— Морзе § 14
— ручная § 14
— специальная § 14
Аканье § 69
Акомодация [звуков] § 69
— прогрессивная § 69
— регрессивная § 69
Актив § 220
Активный запас слов § 141
Актуальная информация предложения § 238
Актуальное содержание предложения § 238
— членение предложения § 236, 238
- Акусма § 35
Акустика звука речи § 26
Акустическая характеристика (картина) звуков речи § 28, 43
Акустические признаки (качества, свойства) звуков речи § 3, 32, 34, 42, 67, 68
Акут § 65
Акцент § 57
Акцентная группа § 27
Акцентное слово § 27, 57, 110
Акцентология § 57
Аллографа (аллографема) § 321
Алломорф (алломорфа, алломорфема) § 76, 77
Аллофон (аллофона, аллофонема) § 35, 37, 38, 40, 41, 71, 72
Алфавит § 318—320
Альвеолы § 33, 46
Альтернант § 70, 71
Альтернативный ряд [звуков, фонем] § 70

- Альтернатива § 70
 — фонем § 101
 Амбификс § 92
 Антитеза § 134
 Антонимическая оппозиция § 129
 — пара § 123, 129, 130, 151, 158
 Антонимические отношения [между словами] § 129, 130, 132, 133
 Антонимический ряд § 129, 158
 Антонимическое противопоставление [слов] § 129, 132
 Антонимия § 21, 129, 134
 — внутренняя § 132
 — частичная § 130
 Антонимы § 123, 129, 131, 133
 — авторские § 133
 — внутрисловные § 132
 — грамматические § 131
 — индивидуальные (индивидуально-стилистические) § 133
 — контекстуальные (контекстно-речевые) § 133
 — лексико-грамматические § 131
 — общеязыковые § 133
 — однокоренные § 131
 — окказиональные § 133
 — полные § 130
 — разнокоренные (разнокорневые) § 131
 — речевые § 133
 — ситуативные § 133
 — узуальные § 133
 — частичные § 130
 — языковые § 133
 Антропоним § 104, 123
 Антропонимика § 104
 Апеллятив § 123
 Апокопа § 69
 Апостроф § 31
 Аппликация [в лингвистике] § 102
 Арго социальное § 348
 Арготизм § 141
 Ареал языковой § 247, 304, 311
 Ареальная классификация языков § 304, 311
 Артикль § 27, 84, 110, 188, 197, 200, 206, 208, 210, 238, 297
 — неопределенный § 238
 — определенный § 238
 — постпозитивный § 84, 92, 200
 — препозитивный § 84, 92
 Артикулирование § 11
 Артикуляционная база языка § 34
 — характеристика звуков речи § 42, 43
 Артикуляционные органы § 51
 — признаки (свойства, особенности) звуков речи § 33, 43, 47, 67, 68
 Артикуляция звуков речи § 34, 35, 43, 47, 49, 67, 69
 — — — дополнительная § 47
 — органов речи § 283
 — — — ослабленная § 11
 Архаизм § 291
 Архисема § 120—122
 Архитектоника слова (основы слова) § 161
 Аспект глагола § 219
 — звуков речи § 28
 — — — акустико-артикуляционный § 28
 — — — функционально-языковой § 28
 — изучения звуков речи § 28, 32
 — — — — акустико-артикуляционный § 35
 — — — — акустический § 28, 32, 35
 — — — — артикуляционный § 28, 32, 35
 — — — — биологический § 28, 32, 35
 — — — — лингвистический § 28, 32, 35
 — — — — перцептивный § 28
 — — — — социальный § 28, 32, 35
 — — — — физиологический § 28, 32, 35
 — — — — фонологический § 28, 32, 35
 — — — — функциональный (функционально-языковой) § 28, 32, 35
 — — языка (языковой системы) диахронический § 22
 — языка (структуры языка) § 24, 25, 240
 — — семантический § 25
 Ассимиляция звуков дистантная (дистактная) § 69
 — — контактная § 69
 — — неполная § 69
 — — несмежная § 69
 — — полная § 69
 — — прогрессивная § 69
 — — регрессивная § 69
 — — смежная § 69
 — — факультативная § 69
 — — частичная § 69
 — согласных по звонкости-глухости § 69, 273
 — — по месту образования § 69, 273
 — — по мягкости § 69, 273
 Ассоциативные отношения между единицами языка § 21
 Астроним § 104, 123
 Астронимика § 104
 Аферезис § 69
 Афоризм § 145
 Аффикс § 74, 80, 86, 87, 90, 91, 94
 — внутрикорневой § 93
 — выраженный (материально выраженный) § 79
 — грамматический § 74, 79, 97
 — десемантизированный § 82
 — мертвый § 294
 — неподвижный § 92

- непрерывный § 93
- нулевой § 79
- подвижный § 92
- положительный § 79
- прерывистый (прерванный) § 83, 93
- разрывающий § 93
- словоизменятельный § 79, 97
- словообразовательный (словообразующий) § 12, 74, 83, 87, 94, 95, 98, 126, 136, 168, 171, 172, 287, 292, 295
- — внутрикатегориальный § 94
- — межкатегориально-внутрикатегориальный § 94
- — нетранспозиционный § 94
- — стилистический § 82, 96
- — стилистически нейтральный § 96
- — транспозиционный § 94, 98
- — уменьшительно-ласкательный § 96
- — экспрессивный § 96
- — эмоционально окрашенный § 96
- соединительный § 80
- формально-структурный § 80
- формообразовательный (формообразующий) § 108, 310
- Аффиксация § 173
- Аффиксоид § 88, 173
- Аффриката § 31, 46, 49
- глухая § 46
- губная § 46
- звонкая § 46
- — свистящая § 31
- — шипящая § 31
- переднеязычная § 46
- Балканизм** § 311
- Биморфема** § 83
- Биологическая характеристика звуков речи § 33
- Бификс § 83, 92
- Буква § 14—16, 22, 319
- диакритизованная § 321
- заглавная § 316
- йотованная § 43, 321
- прописная § 322
- строчная § 31, 322
- Бустрофедон § 318
- Валентностный класс глаголов** § 217
- Вампум** § 312, 314
- Вариант единицы языка § 108
- литературного языка (национальный вариант) § 244
- морфемы § 76, 77
- — фонетический § 76
- слова § 108, 111
- — акцентный (акцентологический) § 108, 245
- — грамматический § 108
- — лексико-семантический § 63, 108, 111, 112, 123, 245
- — морфологический § 108, 245
- — написательный § 108
- — — графический § 108
- — — орфографический § 108
- — орфоэпический (произносительный) § 108
- — семантический § 63, 108, 111, 112, 123, 245
- — словообразовательный § 111
- — смешанный (смешанного типа) § 108
- — — акцентно-грамматический (акцентно-морфологический) § 108
- — — акцентно-фонемный (фонемно-акцентный) § 108
- — — фонетико-грамматический (фонетико-морфологический) § 108
- — — формально-семантический § 108
- — — стилистический § 108
- — — поэтический § 108
- — — просторечный § 108
- — — разговорный § 108
- — фонемный (фонематический) § 108, 245
- — фонетический § 108
- — формальный § 108, 111
- — — абсолютный § 108
- — — неполный § 108
- — — полный § 108
- — — частичный § 108
- фонемы § 38—41, 70, 71
- — звуковой § 40
- — индивидуальный § 39
- — комбинаторный § 39
- — нормативный § 39
- — обязательный § 39
- — — позиционный § 39
- — — фонетический § 39
- — основной § 38
- — собственно позиционный § 39
- — факультативный (нефонетический) § 39
- Вариантность единиц языка (языковых знаков) § 17, 21, 108
- морфемы § 21, 74
- слова § 21, 108
- — семантическая § 108
- фонемы § 21
- Вариация фонемы § 38, 71
- Варьирование морфемы фонологическое § 101
- — формальное § 76
- фонемы § 38, 40, 101
- Вводное слово § 9, 12, 110, 113, 234
- Вербоид § 218, 226

- Вершина словообразовательного гнезда § 169
 — слога § 53, 56
 — фонетического слова § 63
 Ветвь языковая § 305, 307, 308
 Вещественная информация [предложения] § 238
 Взаимодействие звуков в речевом потоке § 67, 69
 Взрывность согласного § 35
 Вибрант § 46
 Вид глагола § 218, 219, 307
 — — аористический § 219
 — — неопределенный § 219
 — — непрогрессивный § 219
 — — несовершенный § 217, 219
 — — общий § 219
 — — определенный § 219
 — — перфектный § 219
 — — презенто-имперфектный § 219
 — — прогрессивный § 219
 — — протяженный § 219
 — — совершенный § 219
 — синтаксической связи [слов в словосочетании] § 230
 Вокализм § 43
 Вокалическая система § 24, 43
 Воляжук § 3
 Воспроизводимость лексических единиц в речи § 106, 142
 Время глагола § 218, 222, 299
 — — аналитическое § 222
 — — будущее § 222, 299
 — — второе § 222
 — — первое § 222
 — — давнопрошедшее § 222, 225
 — — настоящее § 222
 — — историческое § 222
 — — предбудущее (преждебудущее) § 222
 — — простое § 222
 — — прошедшее § 222, 299
 — — — многократное § 222
 — — — однократное § 222
 — — синтетическое § 222
 — — сложное § 222, 307
 Выдержка [при артикуляции] § 34, 48
 Высказывание § 19, 20, 27, 57, 66, 233, 240
 — связное § 177
 Высота звука (тона звука) § 28, 32, 57, 59
 Гиперонимия § 141
 Гипонимы § 123, 141
 Гипотеза происхождения языка (возникновения человеческой речи) см. Теория происхождения языка
 Глагол § 2, 12, 197, 199, 216—218, 226, 285, 297
 — активный § 217
 — безличный § 217
 — вспомогательный § 188, 217
 — двухвалентный § 217
 — знаменательный § 217
 — личный § 217, 218
 — непереходный § 217
 — объективный § 217
 — одновалентный § 217
 — пассивный § 217
 — переходный § 217
 — полужнаменательный (полусвязочный) § 217
 — сказуемое § 193, 218
 — служебный § 217
 — субъективный § 217
 — трехвалентный § 217
 — финитный § 218
 Глагольная система § 24, 219, 220, 299
 Гласный § 2, 21, 32, 40, 43, 44, 48—50, 56, 69
 — беглый § 19, 279
 — верхнего подъема § 44
 — губной § 44
 — долгий § 32, 44, 45, 55, 71, 278
 — заднего ряда § 44
 — закрытый § 44
 — краткий § 32, 45, 55, 71, 278
 — лабиализованный § 44
 — монофтонгический § 71
 — назализованный § 44, 279, 284
 — неверхнего подъема § 68
 — негубной § 44
 — нелабиализованный § 44
 — неназализованный § 44
 — неносовой § 44
 — переднего ряда § 69
 — неслоговой § 50, 53, 278
 — нечленораздельный § 258, 259
 — нижнего подъема § 44
 — носовой § 44, 279, 284
 — нулевой § 19, 35
 — огубленный § 44
 — открытый § 44
 — переднего ряда § 44
 — периферийный [в составе слога] § 53
 — полного образования § 71, 279
 — протетический § 69
 — редуцированный § 31, 71, 278, 279
 — — напряженный § 71
 — — сильный § 279
 — — слабый § 279
 — ротовой (второй) § 44

- сверхдолгий § 45
- слоговой (слоогообразующий) § 43, 50, 53, 54, 59, 60, 278
- сложный § 50
- соединительный § 19, 24, 79, 80, 168
- нулевой § 19
- среднего подъема § 44
- — (смешанного) ряда § 44
- тематический § 80
- — глагольный § 82, 96
- узкий § 44
- чистый § 44
- широкий § 44
- Глосса § 154
- Глоссарий § 154
- Глоттогенез § 1, 252, 255
- Глоттогония § 1
- Глоттология § 1
- Глухость согласного § 35, 68
- Говор § 247
- Голос § 32, 42, 47
- Голосовой тон § 57
- Голосовые связки § 32, 33, 43, 46, 47, 68
- Гортанный взрыв § 68
- Гортань § 33, 46
- Грамматика § 22, 23, 177—179, 234
 - академическая § 178
 - активная § 178
 - говорящего § 178
 - дескриптивная § 178
 - диахроническая § 22, 178
 - историческая § 1, 2, 29, 178, 296
 - контрастная § 178
 - научная § 178
 - нормативная § 178
 - общая § 178
 - описательная § 178
 - пассивная § 178
 - практическая § 178
 - синхронная (синхроническая) § 22, 178
 - слушающего § 178
 - сопоставительная § 2, 178
 - сравнительная § 178
 - сравнительно-историческая § 178
 - теоретическая § 178
 - учебная § 178
 - формальная § 178
 - функциональная § 178
 - частная § 178
 - школьная § 178
 - языка § 177—179, 240
- Грамматическая категория¹ § 19—21, 25, 113, 179, 183, 196, 209, 228
 - — классификационная (классифицирующая) § 183
 - — морфологическая § 180, 183, 196, 208, 298
 - — — бинарная § 183
 - — — двучленная § 183
 - — — многочленная § 183
 - — — слов (словесных форм) § 183, 196
 - — — трехчленная § 183
 - — синтаксиса (синтаксическая) § 228, 233
 - — — словесных конструкций § 228
 - — — позиций § 228
 - — — изменяемость слов § 310
 - модель § 151
 - система § 24, 177
 - форма § 179
 - — морфологическая § 179—181
 - — синтаксическая § 179
- Грамматический род *см.* Род
 - способ § 185
 - строй [языка] § 74, 177, 297
- Грамматическое значение § 179, 181
 - — общее § 181
 - — синтаксическое § 228
 - — словоформы § 79
 - — частное § 181
 - средство § 185
 - — морфемное § 72
 - — формальное § 223
- Грамматология § 312
- Граммема § 27, 179, 204, 208, 228
 - морфологическая § 180, 183
 - родовая § 214, 225
 - синтаксическая § 228
 - числовая § 207
- Граница (-ы) морфемы § 56
 - слова § 63, 109
 - слога (межслоговая) § 51, 56
 - термина § 150
 - фонемы § 41
- Граф (графа) § 321
- Графема § 321
 - иероглиф § 319
- Графика § 28, 319, 321
- Графическая система языка § 321
- Графические средства [языка] § 321
- Графический комплекс § 17
- Громкость звука речи § 32
- Группа языков § 266, 306—308
- Губа (губы) § 33, 34, 44, 46

- Данное [в предложении] § 238
- Двугласный смешанный § 50
 - чистый § 50
- Двуязычие § 3
- Деепричастие § 197, 218, 226, 234, 298
- Декорреляция § 292, 295

¹ См. также: Категория (рода, числа, падежа, степеней сравнения, вида, залога, времени и т. п.).

- Деминутив § 116
 Денотат § 17
 Депрефиксация § 79
 Дериват § 161, 170
 Дериватология § 74, 161—165, 180
 — диахроническая § 22, 162
 — историческая § 162, 164
 — описательная § 162, 164
 — синхронная (синхроническая) § 22, 162, 287
 — функциональная § 162
 Дериватор § 94
 Деривация слова § 74, 287
 — фразеологическая § 143
 Десемантизация § 104
 Десигнат § 17
 Детерминант § 234
 Диалект § 242, 243, 246, 247, 265—267, 304
 — групповой § 268
 — народности § 265
 — племени (племенной) § 265, 267
 — профессиональный § 246
 — родо-племенной § 265, 268
 — социальный § 248
 — территориальный § 246, 247, 265, 304
 Диалектизм § 250
 Диалектная группа § 247
 Диахрония § 22, 162
 Дивергенция [языков] § 266, 284
 Диграф § 321
 Диереза § 69
 Диссимилиация звуков дистантная (дистактная) § 69
 — — контактная § 69
 — — несмежная § 69
 — — прогрессивная § 69
 — — регрессивная § 69
 — — смежная § 69
 — согласных по способу образования § 69
 Дифтонг § 19, 20, 27, 50, 71, 278, 307
 — восходящий § 50
 — истинный § 50
 — ложный § 50
 — нисходящий § 50
 — однородный § 50
 — падающий § 50
 — равновесный § 50
 — скользящий § 50
 — смешанный § 50, 53, 307
 — устойчивый § 50
 — чистый § 50, 53, 307
 Дифтонгическое сочетание § 50, 278, 308
 Дифтонгоид § 50
 Дифференциация [в морфемной структуре слова] § 292
 — языков § 266
 — — социальная § 3
 Диффузия морфем § 292
 Диэрема § 35
 Длительность артикуляции гласного § 68
 — — звука [речи] § 28, 32, 45, 59, 68
 — — — относительная § 64, 68
 — звучания § 48
 Долгота звука § 31, 32, 45, 48, 278
 Доминанта синонимического ряда § 124, 125
 Дополнение [в предложении] § 226, 234
 — косвенное § 217
 — прямое § 217, 220
 Дублеты [в лексике] § 111, 127
 Дыхательная группа § 27
 Дыхательное горло § 33
 Дыхательный аппарат § 33
 Единица грамматики (грамматического строя) § 197—199
 — звукового строя § 30, 35
 — значения § 19, 20
 — лексики (лексического уровня языка) § 74, 106, 107, 142, 245
 — морфемики § 73, 74
 — морфологии (морфологического строя, морфологического уровня, морфологической системы языка) § 25, 181, 184
 — мышления § 7—9, 12
 — общения § 19, 240
 — речи (речевой) § 19, 20, 41, 107, 142, 240, 241
 — — артикуляционная § 19
 — — произносительная § 51
 — синтаксиса (синтаксического уровня языка) § 228
 — словообразования (словообразовательного уровня, словообразовательной системы языка) § 25, 105, 164, 166
 — — комплексная § 25, 169
 — — линейная § 168
 — — сегментная § 168
 — фонетики (фонетического строя, фонетического уровня, фонетической системы языка) § 26, 28, 30, 50, 74
 — фразеологического состава языка § 143
 — языка (языковой системы, языковая единица) § 8, 9, 12, 13, 19—21, 24, 25, 64, 74, 107, 150, 240, 241
 — — аналитическая § 103
 — — асемантическая § 35
 — — воспроизводимая § 142
 — — грамматическая § 179
 — — двусторонняя § 17, 20, 75, 76, 85
 — — звуковая § 28, 70

- — знаковая (значимая, значащая) § 12, 17—19, 20, 21, 28, 35, 36, 41, 51, 75, 76, 85, 150, 252
- — — сложная § 20
- — — идеальная § 18, 20
- — — коммуникативная § 20
- — — комплексная § 20
- — — конструктивная § 20, 36
- — — лексическая § 25, 74, 86, 103, 104, 111
- — — — сложная § 27
- — — линейная § 20, 24, 36, 78
- — — материальная (материально выраженная) § 17, 19, 20, 29
- — — морфемная § 73, 292, 293
- — — морфологическая § 184
- — — надсегментная § 20, 27
- — — незнаковая § 36
- — — несегментная § 20, 27
- — — номинативная § 20
- — — нулевая § 20
- — — основная § 19
- — — относительно-материальная § 20
- — — производная § 52
- — — раздельнооформленная § 110
- — — сверхсегментная § 20, 27
- — — сегментная § 20, 24, 27, 36, 78
- — — семантико-синтаксическая § 228
- — — синтаксическая § 20, 25, 228, 301
- — — словарная § 74
- — — словообразовательная § 161, 163, 179
- — — — комплексная § 163, 166, 169
- — — — основная § 169
- — — — сегментная § 163, 166
- — — смысловая § 41
- — — составная § 103
- — — строевая § 19, 20, 36
- — — структурно-семантическая § 106, 149
- — — суперсегментная § 20, 27
- — — супплетивная § 195
- — — супрасегментная § 20, 27
- — — фонетическая § 20, 27, 29, 35, 50, 51, 71, 75
- — — фонетически оформленная § 106
- — — фонеморфологическая § 74
- — — формальная § 19
- — — фразеологическая § 142—148
- — — — неполнозначная § 110
- — — служебного характера § 110

Жаргон § 248

Жестикулация § 259

Жест (жесты) § 259, 263, 264, 313

Заемство § 111

— лексическое § 289

— слов из других языков § 69, 135, 288, 292

— — косвенное § 288

— — опосредованное § 288

— — прямое § 288

— — устное § 288

Закон абстрагирования [элементов языковой структуры] § 273

— аналогии § 273, 300

— восходящей звучности § 56

— дифференциации элементов языковой структуры § 273

— монофтонгизации дифтонгов § 276

— мышления § 9, 10

— оглушения звонких согласных на конце слова § 276

— открытого слога § 55, 276, 278, 281, 307

— падения редуцированных § 276, 279

— передвижения согласных § 276, 280

— развития языка § 273, 274

— строения языка § 2

— утраты закрытых слогов § 276

— фонетических изменений § 277

— функционирования языка § 2, 277

— экономии речевых усилий (сил) § 273

— — языковых средств § 273

— — языкового развития § 277

Залог [глагола] § 218, 220

— активный (актив) § 220

— возвратно-средний § 220

— возвратный § 220

— действительный § 220

— медиальный § 220

— невозвратный § 220

— основной § 220

— пассивный (пассив) § 220

— побудительный § 220

— совместно-взаимный § 220

— средне-возвратный (возвратно-средний) § 220

— средний § 220

— страдательный § 220

Замещение [в морфемной структуре слова] § 292

— звуков § 69

Звонкость согласного § 35, 68**Звук [языка, речи] § 2, 11, 15, 17, 19—20, 23, 26, 27, 30—33, 35, 42, 50, 51, 65, 70**

— выдыхательный § 49

— гласный *см.* Гласный

— предложение § 263

— согласный *см.* Согласный**Звуковая величина § 70**

— последовательность § 17

- система языка § 24, 26, 27, 29
- Звуковое чередование *с.м.* Чередование звуков
- Звуковой закон § 276, 278, 280, 284
 - — диахронический § 277
 - — живой § 277
 - — исторический § 277
 - — синхронический § 277
- комплекс § 17, 20, 63, 113
- состав речи § 31
- — языка § 26, 275, 284
- строй языка § 26, 27, 30, 35, 283
- Звуковые средства § 26, 57
- Звукоподражание § 17, 203, 264
- Звукосочетание § 17, 21, 308
 - неполногласие § 111
 - полногласие § 111, 308
 - соединительное § 73
- Звучание § 17, 18
- Звучность § 56
- Зерофонема § 35
- Зияние § 69
- Знак § 13, 14, 15—17, 316
 - буквенный § 4, 31
 - графический § 28, 312, 318, 319
 - диакритический (значок) § 14, 31, 316, 321
 - надстрочный § 31, 316
 - подстрочный § 316
 - идеографический § 316
 - изобразительный § 312, 315, 316, 319
 - иконический § 319
 - искусственный § 16
 - — многозначный § 16
 - — моносемичный § 16
 - — однозначный § 16
 - — полисемичный § 16
 - — условный § 16
 - кипу § 314
 - надстрочный § 14, 31, 65
 - начертательный § 16, 28, 312, 316, 319
 - — условный § 314, 315
 - неязыковой § 13, 16, 17
 - — естественный § 16
 - — искусственный § 16
 - — индивидуальный § 16
 - — — многозначный § 16
 - — — нечленимый § 16
 - — — однозначный § 16
 - — — окказиональный § 16
 - — — простой § 16, 17
 - — — сложный § 16, 17
 - — — составной § 16
 - — — узуальный § 16
 - — — целостный § 16
 - номенклатурный § 150
 - нулевой § 15
 - пиктографический § 312, 315, 316
 - письменный § 316, 318
 - препинания § 316
 - рисуночный § 319
 - ручной азбуки § 14
 - символ § 16, 316
 - символический § 251
 - словесного ударения § 57, 63
 - словесный § 17, 142
 - слоговой § 3, 317
 - сложный § 20
 - составной § 20
 - специальной азбуки § 14
 - транскрипционный § 31
 - ударения § 31, 57, 63
 - языка (языковой) § 13, 14, 16, 17—20, 75
 - — оптимальный § 20
 - — простой § 17
 - — сложный § 17
 - — составной § 17
- Знаковая система [языка] § 16, 17, 22
 - — искусственная § 17
 - — универсальная § 17
- Знаковость (языка, языковой единицы, звука, фонемы) § 12, 20
- Значение аффикса оценочное § 12
 - высказывания вещественное § 237, 238
 - единицы языка (знака языка, языковое) § 15, 18
 - — — структурное § 20
 - морфемы § 18
 - предложения § 18
 - — вещественное § 237, 238
 - — грамматическое § 237
 - слова § 8, 9, 17, 18, 108, 112
 - — абстрактное § 119
 - — вещественное § 8, 122, 199
 - — грамматическое § 18, 86, 105, 113
 - — — общее § 196
 - — денотативное § 9, 121
 - — коннотативное § 9
 - — концептуальное § 9, 121
 - — лексическое § 9, 18, 86, 105, 112, 113, 114, 115, 118—120, 290
 - — — временное § 117
 - — — вторичное § 118
 - — — главное § 118
 - — — дополнительное § 86, 121
 - — — исторически производное § 115
 - — — исходное § 115
 - — — коннотативное § 121
 - — — контекстное (контекстуальное) § 117
 - — — концептуальное § 121
 - — — номинативное § 114, 120
 - — — окказиональное § 117, 119
 - — — основное § 86, 118, 120
 - — — переносное § 12, 115—117, 119, 290

- — — — метафорическое § 116, 119
- — — — метонимическое § 116, 119
- — — — окказиональное § 290
- — — — узуальное § 290
- — — — периферийное § 121
- — — — побочное § 118
- — — — прямое § 114, 115, 119
- — — — речевое § 117
- — — — свободное § 114, 119
- — — — сигматическое § 117
- — — — синтаксически обусловленное (синтаксически ограниченное) § 114, 119
- — — — ситуативное § 117
- — — — собственно языковое § 117, 119
- — — — сопутствующее § 118, 121
- — — — текстовое § 117
- — — — узуальное § 117
- — — — фразеологически связанное (фразеологически обусловленное) § 114, 119
- — — — функционально обусловленное (функционально-синтаксически ограниченное или закрепленное) § 114
- — — — эпизодическое § 117
- — — морфологическое общее § 196
- — — словообразовательное § 18, 86, 105, 113
- — — стилистическое § 9
- — — терминологическое § 196
- — — частеречное § 191, 196
- — — экспрессивное § 9
- — — эмоциональное § 9
- — — словосочетания § 18
- — — числа [существительного] § 207
- — — члена предложения грамматическое § 237
- — — лексическое § 237
- — — языковое § 15, 18
- Значимая часть слова § 19
- Значок дифференциальный § 31
- различительный § 31
- Зооним § 104, 123
- Зоонимика § 104
- Зубы § 33, 46
- Идеограмма** § 316, 317, 319
- изобразительная § 316
- символическая § 316, 319
- Идеография § 316, 319
- Идиома § 144
- Идиоматичность лексического значения слова § 120
- Идо § 3
- Иерархические отношения между единицами языка § 21, 24, 25
- Иероглиф § 316, 319
- Иероглифика § 316, 319
- Изменение звуков в потоке речи § 67, 68
- — — — комбинаторное § 67, 69
- — — — позиционное § 67
- — — — собственно позиционное § 67, 68
- морфемной (морфологической) структуры слова § 292
- фонем генетическое § 277
- — историческое § 277
- — функциональное § 277
- языковое § 265, 272—276
- — историческое § 272
- — фонетическое § 276
- Изоглосса § 247
- Именная часть составного сказуемого § 213, 226
- Императив § 221, 298
- Имперфект § 188, 222
- Имперфектив § 219, 298
- Имя § 2, 197, 199, 297
- нарицательное § 123
- прилагательное *см.* Прилагательное
- собственное § 104, 199
- существительное *см.* Существительное
- числительное *см.* Числительное
- Инвариант фонемы § 38
- Инверсия § 57, 236, 250
- Индикатив § 221, 298
- Инициаль § 53
- Инкорпорация § 172
- Инспират § 49
- Интеграция [в морфемной структуре слова] § 292
- языков § 266
- Интенсивность звука речи § 32, 59, 68
- слога § 59
- Интерлингва § 3
- Интерлингвистика § 2, 3
- Интернационализм [в лексике] § 288
- Интерфикс § 19, 24, 73, 75, 79, 81, 186
- нулевой § 19
- Интерфиксация § 102, 168
- Интонационная система (подсистема) языка § 25
- Интонационное единство § 21
- Интонационно-смысловое единство § 27
- Интонация § 12, 19, 20, 26, 27, 64, 65, 73, 78, 186, 251
- акутовая § 65
- вопроса (вопросительная) § 66
- восторга § 66
- восхищения § 12
- восходящая § 65
- восходяще-нисходящая § 65
- высказывания § 64, 66
- гнева § 12
- длительная § 65

- звука § 64, 65, 191
- нейтральная § 65
- нисходящая § 65
- нисходяще-восходящая § 65
- побуждения (побудительная) § 66
- повествования (повествовательная) § 66
- повышающаяся § 65
- предложения § 64, 66, 233, 238
- прерывистая § 65
- радости § 12, 66
- ровная § 65
- слова (словесная) § 64
- слога (слоговая) § 64
- удивления § 66
- фразы (фразовая) § 64, 66
 - восходящая § 66
 - восходяще-нисходящая § 66
 - нисходящая § 66
 - повышения § 66
- Интонаема § 27
- Инфикс § 74, 89, 93, 99, 172
 - прерывистый § 93
 - словообразовательный § 172
- Инфиксация § 172
- Инфинитив [глагола] § 69, 218, 226
- Историзм § 291
- История языка § 1
- Исходящая информация предложения § 238
- Калька** [в лексике, терминологии, фразеологии] § 147, 151, 289
- Калькирование § 286, 289
 - лексическое § 286
- Категория (грамматическая):
 - аспекта глагола § 219
 - вида § 216, 219, 298, 307
 - времени § 216, 222, 298, 299
 - залога § 216, 220
 - лица § 216, 223
 - наклонения § 216, 221, 298
 - одушевленности-неодушевленности § 209, 298
 - определенности-неопределенности § 2, 213, 298
 - оценки § 2
 - падежа § 208, 211, 214, 216, 298
 - рода § 206, 207, 211, 214, 216, 298
 - состояния § 197, 199
 - степени сравнения прилагательного § 214, 215
 - числа § 207, 211, 214, 216, 224, 298
 - двучленная § 214
 - формально выраженная § 207
- Квазионим § 41
- Квазисиноним § 127
- Кинема § 35
- Кипу § 312, 314
- Классификация единиц языка уровня § 24
 - звуков (гласных, согласных) § 42, 44, 46, 49
 - письменных систем генеалогическая § 319
 - слов языка системная § 141
 - — — стратификационная § 141
 - фонем § 42, 44, 46, 49
 - языков § 2, 3, 304
 - — — ареальная § 304, 311
 - — — генеалогическая (генетическая) § 304, 305, 308
 - — — географическая § 311
 - — — структурная § 309
 - — — типологическая § 304, 309
 - — — морфологическая § 309, 310
 - — — синтаксическая § 309
 - — — фонетическая (фонологическая) § 309
- Клитика § 27, 31, 57
- Количество звука речи § 32, 48
- Коммуникативное членение предложения § 238
- Компаратив § 111
- Комплекс звуков речи § 17, 113
- Композиция (словосложение) § 287
- Конвергенция языков § 266, 284
- Конверсия § 137, 171, 173, 287, 307
- Коннотация § 9, 121
- Консонантизм § 43
- Континуатив § 218
- Контраст (антонимов) § 134
- Конфигурация § 83, 92
- Концепция происхождения языка *см.* Теория происхождения языка
- Конъюнктив § 221, 298, 299
- Корень [слова] § 86, 87, 93
 - нулевой § 79, 86
 - свободный § 87
 - связанный § 87
- Корнеслов § 159
- Космоним § 104, 123
- Космонимика § 104
- Краткость звука речи § 32, 45, 48, 278
- Криптография § 323
- Крылатое выражение § 145
 - слово § 142
- Культура речи § 1
- Курсивная разновидность письма § 319
- Лабиялизованность гласного** § 35
- Лекс (лекса) § 107—111
 - семантический § 107, 108
 - формальный § 107, 108
- Лексема § 19, 21, 75, 107, 109, 111
- Лексика § 22, 23, 25, 103, 105, 123, 289
 - абстрактная § 251

- заимствованная § 141
- исконная § 141
- книжная § 141
- литературная § 69
- межстилевая § 141
- нелитературная § 250
- общенародная § 141
- окказиональная § 250
- просторечная § 246
- разговорно-бытовая § 141
- социально ограниченная § 141
- терминологическая § 104, 150, 251
- устаревшая § 141
- эмоционально-оценочная § 250
- эмоционально-экспрессивная § 141
- языка § 285, 286
- Лексико-грамматическая категория § 183
- отнесенность [слова] § 106
- Лексико-грамматический класс слов § 211
- разряд слов § 12, 122, 180, 196, 212, 217
- Лексикография § 104, 152, 154
- практическая § 154
- теоретическая § 154
- Лексикология § 103—105
- диахроническая § 22, 104
- историческая § 29, 104
- общая § 104
- описательная § 104
- прикладная § 104
- синхронная (синхроническая) § 22, 104
- сравнительная § 104
- сравнительно-историческая § 104
- частная § 104
- Лексикон § 155
- Лексико-семантическая группа § 123
- система языка § 123
- Лексическая единица § 74, 106, 107, 142, 245
- категория § 135
- непроницаемость [единицы языка] § 142
- — слова § 106, 110
- омонимия § 17, 111, 135, 138
- система языка § 24, 123
- Лексическое поле § 123
- Лигатура § 317
- Лингвистика § 1, 19, 20, 252
- внешняя § 3
- вычислительная § 3
- инженерная § 3
- компьютерная § 3
- математическая § 3
- прикладная § 3
- социальная § 3
- Лингвистическая единица § 106, 241
- система § 23
- статистика § 3
- философия § 3
- Лингвистический закон § 273
- метод § 3
- Лингвостатистика § 3
- Литературная норма § 243, 271
- Лицо глагола § 218, 223
- Логическое суждение § 7—9, 12, 233
- Логограмма § 318, 319
- Логография § 316, 319
- Макросемья языков § 306
- Макроструктура словаря § 154
- Маленький язычок § 33, 46
- Масдр § 226
- Материальное выражение единицы языка § 19
- Междометие § 112, 113, 122, 197, 198, 202, 203, 258, 297
- воспроизводящее § 203
- выраженное § 202
- глагольное § 203
- Межслововая граница § 51, 56
- Мелодика речи § 64
- Местоимение § 188, 199, 210, 297
- Место образования звука § 44, 46, 47
- Металингвистика § 3
- Метастаз [при артикуляции] § 34
- Метатеза дистантная (дистактная) § 69
- контактная § 69
- Метафора § 116
- Метонимия § 116
- Механизм словообразования (системы словообразования) § 74, 161
- — порождающий § 161
- словопорождения § 161
- языка § 4, 23, 106
- — морфемный § 73
- — словоизменятельный § 74
- — собственно морфологический § 74
- Микросемья языков § 306
- Микросистема терминов § 151
- Микроструктура словаря § 154
- Микротопоним § 104, 123
- Микротопонимика § 104
- Минускул § 319
- Многозначность § 17, 119, 150
- Многоязычие § 3
- Множественность словообразовательной структуры (слова) § 170
- Модальное слово (выражение, предложение) § 110, 113, 197, 198, 201
- Модальность § 201
- Модель материальной единицы языка § 20
- предложения § 19, 20, 142, 233, 234
- — грамматическая § 233
- словоизменения § 25

- словообразования § 25
- словосочетания § 19, 142
- слога § 19, 54, 55
- языка (языкового механизма) § 23
- Модификация звуков в потоке речи § 67
- Монофтонгизация дифтонгов § 278, 280, 281, 307
- Морф (морфа) § 19, 41, 73, 76, 77, 179
 - семантический § 77
 - соединительный § 80
 - формальный § 76, 77
- Морфема § 12, 17, 19—21, 23, 24, 73—75, 76, 87, 90, 91, 94, 96, 98, 172, 173, 179, 184, 187, 207, 293, 310, 317
 - асемантическая § 80, 96
 - аффиксальная § 84, 86, 90, 97, 98, 172, 173, 310
 - внутрикорневая § 89, 93
 - непрерывная § 93
 - вокалическая § 96
 - восполняющая § 91
 - грамматическая § 73, 74, 83, 94, 98, 99, 108, 310
 - нулевая § 91
 - полифункциональная § 310
 - словоизменяющая § 94
 - формообразовательная (формообразующая) § 94
 - двааффиксная § 83
 - деривационная § 94, 168
 - живая § 292, 294
 - заимствованная § 96
 - закрытая § 96
 - исконная § 96
 - комплексная § 91
 - консонантная § 96
 - консонантно-вокалическая § 96
 - корневая § 75, 76, 79, 86, 87, 293
 - свободная § 87
 - материальная (материально выраженная) § 79
 - материально невыраженная § 79
 - межосновная § 80
 - мертвая § 294
 - многозначная § 310
 - надлинейная § 78
 - надсегментная § 78, 79
 - надсловная § 78
 - неживая § 294
 - нелинейная § 78
 - неприкрытая § 96
 - несегментная § 78, 79
 - нулевая § 19, 79
 - однозначная § 310
 - окаменевшая § 294
 - отделимая (отделяемая) § 92, 111
 - открытая § 96
 - относительно связанная § 84
 - отрицательная § 79
 - перемещаемая § 92
 - подвижная § 92
 - послекорневая (посткорневая) § 89, 91
 - постфиксальная § 91
 - предкорневая § 89, 90
 - предпрефиксальная § 90
 - прерывистая § 83
 - префиксальная § 81, 92
 - префиксально-постфиксальная § 92
 - прикрытая § 96
 - пустая § 80, 81, 96
 - разноместная § 92
 - реляционная § 94
 - сверхсегментная § 78, 79
 - сверхсловная § 78
 - свободная § 84
 - связанная § 87
 - связи § 80, 81, 96
 - сегментная § 79, 91
 - синтаксическая § 80, 81
 - слово § 84
 - словоизменяющая § 91, 94
 - словообразовательная (словообразующая) § 73, 94—96, 98, 99, 168, 293
 - модификационная § 94
 - мутационная § 94
 - непродуктивная § 95
 - нерегулярная § 95
 - приаффиксальная § 94
 - приглагольная § 94
 - присуффиксальная § 94
 - продуктивная § 95
 - регулярная § 95
 - стилистическая § 96
 - уникальная § 95
 - служебная § 74, 75, 84, 86—88, 91, 94, 96, 99, 179, 187, 293
 - грамматическая § 84, 86, 186
 - нерегулярная § 99
 - относительно связанная § 87
 - подвижная § 92
 - послекорневая § 92, 93
 - предкорневая § 93
 - регулярная § 99
 - свободная § 87
 - уникальная § 99
 - соединительная § 80, 81, 96
 - стилистическая § 82
 - структурная § 80
 - суперсегментная (супрасегментная) § 78, 79
 - суффиксальная § 82, 172, 187
 - тематическая § 82
 - факультативная § 86
 - флексийная (флективная) § 74, 94, 293, 310
 - формально-классифицирующая § 96
 - формально-структурная § 96

- формообразовательная (формообразующая) § 94
- частица § 84
- Морфематическая система языка § 73
- Морфемика § 73, 74, 99, 292
- грамматическая § 73, 74
- диахроническая § 73
- историческая § 73
- морфологическая § 73
- описательная § 73
- синхроническая (синхронная) § 73
- словообразовательная § 73, 295
- языка § 74
- Морфемная (морфологическая) структура слова § 73, 74, 99
- Морфемный (морфологический) анализ слова (словоформы) § 73, 79
- механизм языка § 73
- нуль § 79
- состав слова § 99
- — языка § 73, 96, 184, 292, 293
- статус нулевой морфемы § 79
- строй языка § 73, 295
- Морфемограмма § 316, 319
- Морфемография § 73, 317, 319
- Морфемология § 73, 99
- Морфемосиллабема § 74
- Морфологическая изменяемость слов § 268
- категория § 25, 183
- — несловоизменятельная § 183
- — словоизменятельная § 183
- оформленность слова § 110
- система языка § 24, 180
- форма § 181
- Морфологический класс глаголов § 217
- — — непродуктивный § 217
- — — основной § 217
- — — продуктивный § 217
- состав слова § 73
- способ § 185, 186, 194, 195
- строй языка § 74, 180
- Морфологическое значение § 181, 184
- средство § 185, 187—189, 191, 192, 194, 195
- — акцентное § 190
- — дополнительное § 189
- — морфемное § 189
- — самостоятельное § 189
- Морфология § 21, 24, 25, 73, 180, 307
- историческая § 180, 296
- общая § 180
- описательная § 180
- слова (основы слова) § 73
- теоретическая § 180
- формальная § 180
- функциональная § 180
- частная § 180
- языка § 180
- Морфонема (морфофонема) § 101
- Морфонемика см. Морфонология
- Морфонологическая система § 100
- Морфонологические изменения § 102, 168
- Морфонология (морфофонемика) § 100, 101
- словообразовательная § 100—102
- Мотивированность слова (языкового знака) § 17, 120, 150
- — семантическая § 167
- — — взаимная § 167
- — — двусторонняя § 167
- Музыкальный тон звука речи § 32, 57, 78
- Мыслительная деятельность § 6, 10, 12, 15
- единица § 9
- Мышление § 6—12, 17
- Мягкость согласного § 31, 35, 47, 71, 279
- Надгортанная полость § 33**
- Наклонение [глагола] § 218, 221, 298**
- желательное § 221, 299
- изъявительное § 221
- повелительное § 221
- предположительное § 221
- сложное § 307
- сослагательное полное § 221, 299
- условное § 221
- Наложение морфем полное § 102**
- — частичное § 102
- Написание слова полуслитное (дефисное) § 110, 322**
- — раздельное § 110, 322
- — слитное § 110, 322
- Направление письма § 318**
- Наречие как разновидность языка § 247, 266**
- племенное § 267
- Наречие как часть речи § 197, 199, 234, 285, 297**
- местоименное § 113, 122, 199
- предикативное § 197
- составное § 110
- Национальный вариант литературного языка § 244**
- Нёбная занавеска § 33, 44**
- Нёбо § 23, 33, 44, 46**
- Недвуударность слова § 110**
- Неединственность словообразовательной мотивации § 170**
- Не-знак § 3**
- Нейролингвистика § 3**
- Нейтрализация фонем (фонологическая) § 35, 37**
- Неодушевленность [существительного] § 209**
- Неологизм § 141, 286, 295**
- Неопределенная форма глагола § 226**

- Неопределенность (грамматическая) § 200, 210
 Непереходность глагола § 226
 Непроницаемость слова § 106, 110
 Неслогообразующий элемент слога § 52
 Новичаль § 3
 Новое [в предложении] § 238
 Новообразование [в лингвистике] § 272
 Номен § 150
 Номенклатурное наименование § 150
 Норма (нормированность) языка § 243
 Носовой оттенок гласного § 31, 38, 44, 68, 69
 — призыв гласного § 31, 44, 69
 Ноэма § 120
 Нуль звука § 70, 71, 279
 — морфемы § 79
- Обертон** § 32
 Обозначаемое знака § 15—17, 19, 20, 75, 150
 Образец словоизменения формальный § 25
 — словообразования формальный § 25
 Образование сложносокращенных слов § 171
 Обращение § 234
 обстоятельство [в предложении] § 226, 234
 Объект языкознания § 3
 Оглушение [звонких] согласных § 35, 68, 69, 283
 Огубленность гласного § 35
 Однозначность слова § 119, 150
 Одноударность слова § 110
 Одушевленность-неодушевленность § 209
 Озвончение [глухих] согласных § 35, 69, 247, 283
 Означаемое знака § 15—17, 19, 20, 75, 150
 Означающее знака § 15—17, 75, 101, 150
 Ойконим § 104, 123
 Ойконимика § 104
 Оканье § 247
 Окказионализм § 241, 250
 Окончание [в слове] § 91, 187, 207
 — личное § 223
 — материальное (материально выраженное) § 79
 — нулевое § 79
 Окраска слова стилистическая § 12
 — — экспрессивная § 12
 — — эмоциональная § 12
 — фразеологизма экспрессивно-эмоциональная § 142
- Оксиденталь § 3
 Оксюморон (оксиморон) § 134
 Омография § 138
 Омографы § 138
 Омонимическая пара слов § 135, 136, 158
 Омонимические отношения между словами § 137
 Омонимический ряд [слов] § 135, 136, 158
 Омонимия языковых знаков, слов (лексическая) § 17, 111, 135, 138
 Омонимы § 123, 135, 136, 138, 139
 — абсолютные § 139
 — грамматические § 137, 139
 — графические § 138
 — лексико-грамматические § 137, 139
 — лексические § 137
 — морфологические § 137
 — неполные § 139
 — полные § 139
 — производные § 139
 — словообразовательные § 139
 — фонетические § 138, 139
 — частичные § 139
 Омофония § 138
 Омофоны § 138
 Омормы § 137, 139
 Онимия § 104
 Ономасиология § 104
 Ономастика § 104
 Оппозиция фонем § 35
 Определенность [в предложении] § 226, 234
 Определенность-неопределенность слова (существительного) § 200, 210
 Опрощение § 292, 294, 295
 Оптатив § 298, 299
 Органы произношения § 33
 Органы речи § 3, 5, 11, 28, 33, 34, 46, 252, 260
 — — дыхательные (дыхательный аппарат) § 27, 33, 46
 — — производные (органы произношения) § 33, 34
 — — — активные § 32, 33, 34, 43, 44, 46, 47, 68
 — — — пассивные § 33, 46
 — — резонирующие (резонаторы) § 32, 33, 34, 44, 46, 49
 Орним § 104, 123
 Орнимика § 104
 Орфографическая система § 322
 Орфографические правила § 178, 322
 Орфография § 319, 322
 Орфоэпия § 28
 Осложнение основ § 292, 295
 Основа высказывания § 238
 — предложения § 234
 — — грамматическая § 234, 235
 — — предикативная § 234, 235

- слова § 21, 73, 83, 97, 98
- — базовая § 97, 168
- — грамматическая § 97
- — деривационная § 97, 168
- — компактная § 98
- — лексическая (собственно основа слова) § 97, 98
- — морфологическая § 97
- — мотивирующая § 97, 168
- — некомпактная § 98
- — непрерывная § 98
- — непроизводная § 98
- — нечленимая § 98
- — образующая § 97
- — первичная § 97
- — прерывистая (прерванная) § 93, 98
- — производная § 98
- — производящая § 97, 98, 168
- — разорванная § 98
- — словоизменительная § 97, 98
- — словообразовательная (словообразующая) § 97, 98, 168
- — формообразовательная (формообразующая) § 97, 98
- — членимая § 98
- словоизменения § 97
- словообразования (словопроизводства) § 97
- словоформы § 97
- формообразования § 97
- Основосложение § 173, 287
- Отверждение [мягких] согласных § 69
- Отдельность слова § 109—111
- Открытость слога § 307
- Относительное слово *см.* Слово относительное
- Отрезок звучащей речи (речевого потока) § 19, 20, 27, 55
- Отступ [при артикуляции] § 34
- Отенок звука (фонемы) § 31, 38, 44, 68, 69
- лексического значения слова § 118
- — — семантический § 119
- Падеж** § 188, 208, 211, 298, 299
- аналитический § 208
- исходный § 208
- косвенный § 208
- основной § 208
- прямой § 208
- синтетический § 208
- флективный § 208
- Падежная система § 208
- Падение редуцированных [гласных] § 279
- Палатализация заднеязычных согласных § 42, 278, 283, 307
- Палеография § 1, 312
- Парадигма § 21, 24
- грамматических форм слова § 65
- морфологическая § 21
- склонения прилагательных § 213
- — существительных § 208
- — — двухпадежная § 208
- — — четырехпадежная § 208
- — — шестипадежная § 208
- слова § 182
- — грамматическая § 61, 182, 196
- — — большая § 182
- — — дефектная § 182
- — — малая § 182
- — — неполная § 182
- — — общая § 182
- — — полная § 182
- — — частная § 182
- — морфологическая § 182
- — падежная § 208
- — словоизменительная § 182
- словообразовательная § 21
- Парадигматические отношения между единицами языка § 21, 24
- Парадигматический ряд § 21
- Пара согласных по звонкости-глухости § 47
- — по твердости-мягкости § 47
- Паронимическая пара [слов] § 140, 158
- Паронимический ряд [слов] § 140, 158
- Паронимия § 140
- Паронимы § 123, 140
- Парономазия § 140
- Пассив § 220
- Пассивная конструкция § 250
- Пассивный запас слов § 141
- Пауза § 27, 64, 110
- краткая § 27
- ограничительная § 27
- Переинтеграция § 292
- Перенос лексического значения слова § 116
- Переразложение [основы] § 292, 293, 295
- Переходность-непереходность глагола § 226
- Периферийный звук слога § 53
- Периферия слога § 53
- Персоналия § 160
- Перфект § 180, 222, 298
- Перфектив § 219, 298
- Петроглиф § 315
- Пиктограмма § 315, 319
- ложная § 316
- Пиктография § 315, 319
- Письменная система § 3, 14, 16, 29, 316, 318, 319
- Письменность § 3, 271, 312
- Письменный текст § 1, 3
- Письмо § 271, 312, 313, 319
- алфавитное § 318, 319
- буквенное (буквенно-звуковое) § 316, 318, 319

- — вокализованное (вокализованно-звуковое) § 319
- — капитальное § 319
- — консонантное (консонантно-звуковое) § 318
- — монументальное § 319
- — унициальное (унициал) § 319
- — уставное (устав) § 319
- для слепых § 16
- звуковое § 318, 319
- идеографическое § 316, 317, 319
- иероглифическое § 313, 316, 319
- идеографическо-иероглифическое § 316
- картинное § 315
- логографически-силлабическое § 319
- логографическое § 316, 319
- минускульное (минускул) § 319
- морфемографическое § 317, 319
- общее § 16
- пиктографическое § 313, 315, 316, 319
- рисуночное § 315
- силлабическое § 317, 319
- слоговое (словесно-слоговое) § 317, 319
- тайное § 323
- точечное § 14
- узелковое § 314
- фонетическое (фонемное, фонематическое, фонологическое, фонографическое) § 318
- фразографическое § 319
- План выражения единицы языка § 20, 41, 75, 76
- содержания единицы языка § 20, 75, 76
- Плюсquamперфект § 188, 222, 298
- Повтор [корня] § 194, 251
- Подгруппа языков § 305, 308
- Подлежащее § 9, 226, 234, 302
- Подсистема грамматики § 179
- общей системы языка § 24
- терминов § 151
- языка (языковой системы) § 24, 25, 73, 105, 143, 177—179
- основная § 24
- Подтекст § 250
- Подуровень лексического уровня языка § 25
- простого предложения § 25
- сложного предложения § 25
- языка § 25
- Подчинение [в синтаксисе] § 230
- Позиция гласного § 71
- звука речи (фонетическая) § 41
- фонемы (фонологическая) § 37
- Полигенезис языка § 254
- Полиграф § 321
- Полисемия языкового знака, слова § 17, 111, 119
- Полифтонг § 20, 50
- Полифункциональность флексии § 310
- Полость глотки § 33, 46
- гортани § 32
- зева § 33
- надгортанная § 46
- носа § 32, 33, 46
- рта § 32—34, 46, 49
- Полуаффикс § 84, 88, 173
- Полуаффиксация § 295
- Полугласный § 50
- Полудиалект § 247
- Полузнак § 20
- Полукалька § 147, 151, 289
- Полукалькирование § 289
- Полумягкость согласного § 81
- Полупрефикс § 88, 110, 111
- Полупричастие § 218, 226, 298
- Полусуффикс § 88
- Полуударение § 62
- Понятие § 7, 9, 11, 12
- логическое § 11
- отвлеченное § 12
- Порядок слов в предложении § 12, 19, 20, 78, 186, 192, 208, 228, 236, 268
- — — грамматически значимый § 192
- — — — обратный § 236
- — — — последовательный § 236
- — — — прогрессивный § 236
- — — — регрессивный § 236
- — — — свободный § 236
- — — — связанный § 236
- — — — строгий § 250
- — — — твердый § 192
- — — — фиксированный § 236
- — в словаре § 157
- — — алфавитный § 157
- Послелог § 84, 110, 188, 197, 200
- Поствокальные группы (поствокалии) § 53
- Постпрефикс § 90, 92
- Постфикс § 27, 74, 89—91, 92, 93, 187
- словообразовательный § 168, 171, 295
- Постфиксация § 171, 172, 295
- Поток речи § 19, 27, 28, 32, 51
- Почерк [буквенного письма] § 319
- курсивный § 319
- скорописный § 319
- Правила орфографии § 178, 322
- пунктуации § 178
- Правописание § 322
- Праязык § 2, 254, 305, 306
- Превокальные группы (превокалии) § 53
- Предикат § 2, 7—9
- Предикатив § 197, 211, 218
- Предикативная единица § 235
- Предикативность § 233, 237
- Предлог § 188, 200, 285

- наречие § 88, 231
- составной § 110
- Предложение § 2, 8, 9, 12, 17, 19—21, 23, 228, 233, 234, 241
- простое § 9, 66, 233, 235, 238, 302
- сложное § 233, 235, 266, 302, 303
- — сложноподчиненное § 60, 235, 238, 303
- — сложносочиненное § 235
- Предложно-падежная конструкция § 110, 111, 231
- форма § 111
- Предметная отнесенность слова § 111, 113
- Предметность § 12, 205
- Предморфология § 100
- Предписанность § 312, 319
- Префикс § 87, 89, 90, 92, 93, 172, 187, 197
- нулевой § 79
- отделяемый (отделимый) § 110
- подвижный § 92
- словообразовательный § 90, 168, 171, 293
- Префиксация § 171, 172, 219
- Префиксоид § 88, 110, 173
- Придаточная часть сложноподчиненного предложения § 235
- Придыхание § 68
- Призвук гласного § 50, 69
- — носовой § 31, 44, 69
- Признак фонемы дистинктивный § 35
- — дифференциальный § 35, 37
- — интегральный § 35
- — различительный § 35, 37
- Прилагательное (имя прилагательное) § 12, 197, 199, 211—215, 285, 296, 297
- качественное § 21, 212, 213, 289
- краткое § 213, 214, 302
- несклоняемое § 199, 214
- относительное § 21, 212
- полное § 213, 214
- притяжательное § 21, 212
- Примыкание [в синтаксисе] § 230
- Принцип морфемного анализа слова § 73, 99
- орфографии § 322
- — грамматический § 322
- — дифференциальный (дифференцирующий) § 322
- — исторический § 322
- — консервативный § 322
- — морфемный (морфематический) § 322
- — морфологический § 322
- — символично-морфологический (морфолого-графический) § 322
- — традиционный (традиционно-исторический) § 322
- — фонемный (фонологический) § 322
- — фонетический § 322
- — этимологический § 322
- — правописания (написания) § 322
- Природа языка § 3, 5
- Присвязка § 197
- Приставка (префикс) § 90
- мертвая § 294
- нулевая § 79
- отделяемая (отделимая) § 111
- словообразовательная § 21
- Приступ [при артикуляции] § 34
- Причастие § 197, 218, 226, 298
- Прогрессив § 219
- Произведение речи § 240
- Производность слова диахроническая § 167
- — историческая § 167
- — синхроническая § 167
- Производящая база [производного слова] § 168
- Произносительная единица речи § 51
- — языка § 52
- Произносительный поток § 27
- Происхождение письма § 2
- языка § 252—256
- — естественное § 256—259
- — искусственное § 256, 260—264
- — — божественное § 262
- Прокликтика § 27, 57
- слоговая § 63
- Проницаемость единицы языка § 111
- Просодия § 64
- Просторечие § 69, 242, 243, 245
- внелитературное § 245
- литературное § 245
- Протеза § 69
- Противопоставление фонем § 35
- Протописьменность § 312, 319
- Психолингвистика § 3
- Пунктуационные правила § 178
- Развитие письма § 2**
- языка § 1—3, 22, 28, 73, 265, 266, 275
- — историческое § 1, 2, 29, 272, 273, 292
- Раздельнооформленность сложного слова § 110
- Раздельность написания слова § 110
- Расширение значения [слова] § 290
- Редукция гласного § 68
- — качественная § 68
- — количественная § 68
- — — сильная § 68
- — — слабая § 68
- — конечного согласного § 68
- Редуликат (редупликатив) § 173
- Редупликация § 78, 173, 185, 194, 207
- Резонатор, резонирующая полость § 33, 34
- Рема § 66, 236, 238
- Референтная отнесенность слова § 111, 113

- Речевая деятельность § 3, 5, 240
 — единица § 19, 20, 41, 51, 107, 142, 240, 241
 — цепь § 30, 35
 Речевое звено § 27
 — общение § 19
 — произведение § 240, 241
 Речевой акт § 3, 240
 — аппарат § 28, 33, 39, 43, 259, 260, 262
 — канал § 43
 — орган § 11, 28
 — отрезок § 19, 20, 27, 55
 — поток § 19, 27, 28, 32, 51
 — процесс § 32
 — такт § 27
 — штамп § 142
 Речь § 239, 240, 241
 — бессловесная § 11
 — внутренняя § 11, 240
 — — редуцированная § 11
 — газетная § 239
 — деловая § 239
 — детская § 69, 252
 — диалектная § 69, 247
 — звуковая, звучащая § 11, 19, 28, 51, 259, 313
 — кинетическая § 259
 — линейная § 259
 — литературная § 239, 251
 — молодежная § 239
 — народнопоэтическая § 128
 — ненормированная § 245
 — нечленораздельная § 268
 — нормированная § 128
 — обыденная § 3
 — письменная § 57, 240, 251
 — — озвученная § 251
 — повышено-эмоциональная § 47
 — поэтическая § 12, 69, 239
 — просторечная § 69
 — публицистическая § 239
 — разговорная § 69, 239, 250
 — разговорно-бытовая § 239
 — устная § 12, 240, 251
 — — публичная § 251
 — художественная § 12, 239, 250
 — человеческая § 253—255, 257, 259, 260, 262, 264
 — — звуковая § 260
 — — словесная § 268
 — членораздельная § 268
 — школьников § 239
 Ритмика [в лингвистике] § 64
 Рифма § 53, 54
 Род [грамматический] § 206, 211, 218, 225, 298
 — женский § 206, 225, 299
 — мужско-женский § 206
 — мужской § 206, 225, 299
 — неодушевленный § 298
 — общий § 206, 299
 — одушевленный § 206, 298
 — парный § 206
 — средний § 206, 225, 298, 299
 Родство языков генетическое § 307
 Ротовая полость *см.* Полость рта
 Ряд вариантов фонем (фонемных разновидностей) § 38
 Самостоятельность слова позиционная § 106
 — — синтаксическая § 106
 Сверхпарадигма § 24
 Сверхфразовое единство § 25
 Связка § 7, 179, 217, 302
 — нулевая § 19
 Связь слов в словосочетании (предложении) бессоюзная § 232, 235
 — — — подчинительная § 232, 235
 — — — сочинительная § 232, 235
 — — — союзная § 232, 235
 Сегмент речи (речевого потока) § 19, 20, 27
 Сема § 19, 108, 112, 120—122
 — денотативная § 121
 — дифференциальная § 120—122
 — коннотативная § 121
 — концептуальная § 121
 — понятийная § 121
 Семантика § 75
 — слова § 112
 — — лексическая § 10, 108, 112, 119
 — — оценочная § 129
 — — словообразовательная § 164, 170
 Семантико-грамматический разряд глаголов § 217
 Семантическая валентность [слова] § 106
 Семантический компонент лексического значения слова § 120
 — — дополнительный § 120
 — — идиоматический § 120
 — — obligatory § 120
 — — фразеологический § 120
 — маркер § 120
 — множитель § 120
 — признак § 120
 — — дифференциальный § 120
 — элемент дифференциальный § 120
 Семантическое поле § 123
 Семасиология § 104, 112
 Семема § 75, 108, 120, 122
 Семиотика (семиология) § 16
 Семья языков § 305, 306, 307
 — — большая § 306
 — — малая § 306, 307
 Сила звука [речи] § 28, 32, 64, 68
 Силлабема § 317
 Силлабическая система языка § 24
 Силлабограмма § 317, 319

- Силлабография § 317, 319
 Силлабоморфема § 74
 Символ § 16
 Синкопа § 69
 Синонимика § 124
 Синонимическая группа § 124
 — пара § 124, 126, 127, 158
 — серия § 124
 Синонимические отношения [между словами] § 124—126
 Синонимический ряд § 123, 124, 125, 127, 151, 158
 Синонимическое гнездо § 124
 Синонимичные слова § 126, 127
 Синонимия дистрибутивная § 127
 — морфем § 21, 124
 — предложений § 21, 124
 — слов § 21, 124
 — словосочетаний § 21, 124
 — языковых знаков § 21, 124
 Синонимоиды § 127
 Синонимы § 123, 124, 127
 — абсолютные § 19, 113, 125, 127
 — авторские § 128
 — адекватные § 127
 — дистрибутивные § 127
 — идеографические § 127
 — индивидуальные § 128
 — контекстные (контекстуальные, контекстно-речевые) § 128
 — неадекватные § 127
 — нейтральные § 127
 — неточные § 127
 — общеязыковые § 128
 — однокоренные (однокорневые) § 111, 126
 — окказиональные § 128
 — относительные § 125, 127
 — полные § 125—127
 — понятийные § 127
 — разнокоренные (разнокорневые) § 126
 — речевые § 128
 — семантико-стилистические § 127
 — семантические § 127
 — ситуативные § 128
 — словообразовательные § 126
 — стилистические § 127
 — стилистически нейтральные § 127
 — текстовые § 128
 — точные § 127
 — узуальные § 128
 — частичные § 125, 126
 — языковые § 128
 Синтагма § 19, 21, 27
 Синтагматика языка § 35
 Синтагматические отношения [между единицами языка] § 21, 24
 Синтакс § 228
 Синтаксема § 228
 Синтаксис § 21, 24, 227, 233, 234
 — актуальный § 227
 — исторический § 227, 296, 301
 — коммуникативный § 227
 — конструктивный § 227
 — контекста § 227
 — общий § 227
 — описательный § 227
 — предложения § 227
 — словосочетания § 227
 — текста § 228
 — частный § 227
 — языка § 227, 228
 Синтаксическая категория § 228
 — — активности-пассивности конструкции предложения § 228
 — — предложения § 228
 — — словосочетания § 228
 — — члена предложения § 228
 — конструкция § 179, 228
 — связь слов в словосочетании подчинительная § 229, 230
 — — — сочинительная § 229, 230
 — система языка § 301
 — структура § 142
 Синтаксический строй языка § 301
 Синхронический (синхронный) аспект изучения языка § 22
 Синхрония [в языке] § 22, 73, 162
 Система единиц языка (языковых категорий) § 20, 22, 24, 25, 42, 43, 143, 161, 177, 206, 218, 227, 240, 241, 297—299, 307
 — вокализма § 24, 43
 — глагола § 24, 219, 220, 299
 — грамматики § 179
 — имени существительного § 24
 — — — двухродовая § 298, 299
 — — — трехродовая § 298, 299
 — консонантизма (консонантная) § 24, 43
 — начертательных знаков § 312
 — письма § 3, 14, 16, 29, 316, 318, 319
 — — буквенная § 316
 — — буквенно-звуковая § 318
 — — для слепых § 3
 — — искусственная § 317
 — — профессионального назначения § 223
 — — силлабическая § 317
 — — слоговая § 317
 — — специализированная (специального назначения) § 16, 323
 — — фонографическая § 316
 — — склонения § 24, 208, 299, 300
 — — словообразования § 24, 25, 105
 — — спряжения § 24, 300
 — — средств общения § 240
 — — стенографической записи речи § 3
 — фонетическая § 28, 29, 40, 50, 277
 — фонетической транскрипции § 3
 — фонологическая § 24

- фразеологического состава языка § 143
- языка § 12, 19, 21—23, 24, 25, 73, 106, 143, 177, 178, 240, 241
- языковых знаков § 4, 17, 20, 312
- средств § 240
- Системность термина § 150, 151
- языка § 21, 23
- Сказуемое § 2, 9, 226, 233, 234
- безличное присвяточное § 197
- именное составное § 302
- Склонение прилагательных § 299, 307
- существительных § 21, 69, 79, 193, 299
- Склоняемость имен § 307
- Скоростной почерк § 319
- Скрещение (скрещивание) языков § 274
- Сленг § 248
- Слитность написания слов § 110
- Словарная статья § 153, 154, 157
- Словарный запас [языка] § 268, 271, 291
- — активный § 291
- — пассивный § 291
- состав языка § 74, 103—105, 111, 275, 285, 286
- Словарь активный § 291
- пассивный § 291
- Словарь [о книге] § 153—155
- акцентный § 158
- антонимов (антонимический) § 158
- арготизмов § 158
- архаизмов § 158
- аспектный § 158
- биографический § 160
- географический (географических наименований) § 160
- грамматический § 158
- деривационный § 158
- диалектный (диалектологический) § 157
- идеографический (идеологический) § 157
- — двуязычный § 157
- — многоязычный § 157
- — — одноязычный § 157
- — — разноязычный § 157
- инверсионный § 157
- иностранных слов § 158
- исторический § 157, 158
- картинный § 157
- корней § 159
- лингвистический общий § 156, 157, 158, 159
- — частный § 156, 158, 159
- личных имен § 160
- морфем (морфемный) § 159
- — — алфавитный § 159
- — — гнездовой § 159
- — — корневой § 159
- — — многоязычный § 159
- — — одноязычный § 159
- — — разноязычный § 159
- — — толковый § 159
- морфемной членимости слов § 159
- морфемно-орфографический § 159
- нелингвистический § 155, 160
- неологизмов § 157, 158
- неязыковой § 155
- новых слов § 157, 158
- областной § 158
- — дифференциальный § 158
- — полный § 158
- обратный § 157, 160
- омонимов § 158
- орфографический § 158
- орфоэпический § 158
- паронимов § 158
- переводной § 157
- — активный § 157
- — двуязычный § 157
- — многоязычный § 157
- — пассивный § 157
- понятий § 155
- просторечных слов § 158
- редких слов § 158
- синонимов § 158
- слов § 155
- словообразовательный § 158, 159
- словосочетаний § 159
- сокращений § 158
- сочетаемости слов § 159
- специальный § 158
- справочник § 160
- статистический § 158
- тематический § 157
- терминологический § 160
- — многоязычный § 160
- — одноязычный § 160
- — переводной § 160
- — разноязычный § 160
- — энциклопедического типа § 160
- толково-грамматический § 158
- толковый § 157
- топонимический § 160
- филологический § 154
- фразеологический § 159
- — переводной § 159
- — разноязычный § 159
- — учебный § 159
- частотный § 158
- энциклопедический § 160
- — общий § 160
- — отраслевой § 160
- — региональный § 160
- — специальный § 160
- — универсальный § 160
- этимологический § 158
- языка писателя § 158
- языковой § 154
- Словник [словаря] § 158, 159
- Слово § 1, 2, 12, 17, 19, 21, 23, 24, 27, 46, 51—53, 62, 69, 71, 74, 79,

- 106—115, 118, 119, 122, 123, 127, 128, 131—139, 150, 158, 173, 179, 180, 184, 245, 247, 250, 251, 258, 268, 271, 286, 288, 317, 319
- акцентное § 27, 57, 110
 - аналитическое § 123
 - апеллятивное § 123
 - безлично-предикативное § 197
 - большое § 27
 - вводящее § 9, 12, 110, 113, 234
 - вещественное § 122
 - вспомогательное § 110, 111, 186, 188, 200, 207, 217, 219
 - грамматическое § 122
 - диахронически производное § 25, 105, 119, 163, 166, 167, 285, 292
 - заголовочное § 153, 157
 - заимствованное § 135, 288
 - заместитель § 122
 - заместительное § 113, 199
 - звук § 297
 - звуковое § 11
 - звукоподражательное § 17, 197, 203, 257
 - знаменательное § 8, 12, 57, 62, 84, 113, 121—123, 293, 310
 - изменяемое § 86, 111, 122, 241, 293
 - иноязычное (иноязычного происхождения) § 69, 71, 119, 288
 - интернациональное § 288
 - исконное § 135
 - команда § 268
 - корневое § 79, 87, 167
 - лексически несамостоятельное § 200
 - — пронцаемое § 106
 - лексическое § 122
 - международное § 288
 - многозначное § 107, 111, 120, 122, 123, 125, 130
 - моносемичное (моносемантическое) § 119, 123
 - моносиллабическое § 122
 - морфологически изменяемое § 86, 111, 122, 241, 293
 - — неизменяемое § 110, 122, 199, 202, 310
 - назывное § 199
 - нарицательное § 113
 - непроизводное § 25, 105, 167, 175, 292
 - несамостоятельное § 200
 - нулевое § 19
 - однозначное § 119, 120, 123, 125
 - окказиональное § 286
 - ониматопозитическое § 257
 - орфографическое § 27
 - отглагольное § 218
 - относительное § 235
 - полиосновное § 173
 - полисемичное (полисемантическое) § 119, 123
 - полисиллабическое § 122
 - полнозначное (полное) § 132, 234
 - порядковое § 111, 197
 - предикативное § 197
 - предложение § 259, 268
 - производное § 25, 105, 119, 163, 166, 167, 285, 292
 - — многоструктурное (полиструктурное) § 170
 - — разноструктурное § 170
 - самостоятельное § 27, 84, 113, 122
 - связочное § 113
 - синхронически непроизводное § 25, 105, 167, 175, 292
 - — производное § 25, 105, 119, 163, 166, 167, 285, 292
 - словарное § 27
 - сложное § 19, 60, 110, 178, 287
 - сложносокращенное § 60, 79, 171, 173, 285
 - — инициальное § 136
 - сложносоставное § 110
 - служебное § 27, 113, 122, 179, 188, 198, 208, 217, 228, 287
 - составное § 110
 - союзное § 235
 - стилистически нейтральное § 124, 127, 128
 - — сниженное § 17
 - указательное § 113
 - устаревшее § 291
 - устарелое § 69, 291
 - фонетическое (фонологическое) § 27, 57, 63, 110
 - формальное § 113, 122
 - цельное § 123
 - частичное § 122
 - членимое § 123
 - эмоционально нейтральное § 258
 - — окрашенное § 17
 - — оценочное § 250
 - Словоизменение § 91
 - Словоизменительная модель § 25
 - Словоизменительный класс глаголов § 217
 - тип § 19, 25
 - Словообразование § 22, 23, 25, 73, 74, 161—166, 172, 180, 287, 292
 - аффиксальное § 173
 - диахроническое § 22, 162, 287
 - историческое § 162, 164, 287
 - описательное § 162, 164
 - семантическое § 287
 - синхронное (синхроническое) § 22, 162, 171, 287
 - флексийное § 173
 - фонетическое § 172
 - функциональное § 162
 - Словообразовательная категория § 19
 - конструкция слова § 161
 - модель § 19, 25, 169, 295

- пара § 169
- парадигма § 169
- подмодель § 295
- подсистема § 25
- производность слова § 167
- система языка § 161, 162, 166
- структура слова § 161, 163, 170
- цепочка § 169
- Словообразовательное гнездо § 169
 - значение [производного слова] § 79, 169
 - средство § 131, 167, 168, 295
 - аффиксальное § 287
 - второстепенное § 168
 - дополнительное § 168
 - морфемное § 171
 - надсегментное § 168
 - нелинейное § 168
 - неморфемное § 168
 - несегментное § 168
 - основное § 168, 171, 172
 - сверхсегментное § 168
 - сегментное § 168
 - сопутствующее § 168
 - суперсегментное (супрасегментное) § 168
- Словообразовательные отношения между словами § 295
- Словообразовательный анализ синхронный § 170
 - класс глаголов § 217
 - подтип § 295
 - строй языка § 162
 - тип § 19, 20, 25, 169, 295
 - формат (форматив) § 163, 171
- Словопорождение § 161
- Словопорядок § 192, 236
 - свободный § 192
- Словопроизводство § 74, 161
 - морфологическое § 83
- Словосложение § 172, 173
 - чистое § 171
- Словосочетание § 12, 17, 19—21, 23, 150, 228, 229—232, 241
 - вводное § 12
 - лексикализованное § 142
 - модальное § 201
 - незамкнутое § 232
 - несвободное § 142
 - однородное § 232
 - подчинительное адъективное § 150, 232
 - беспредложное § 232
 - квантитативное § 232
 - комбинированное § 232
 - предложное § 232
 - простое § 232
 - сложное § 232
 - свободное § 20, 142
 - сочинительное § 150
 - бессоюзное § 232
 - закрытое § 232
 - — открытое § 232
 - — противительное § 232
 - — разделительное § 232
 - — соединительное § 232
 - — союзное § 232
- устойчивое § 19, 103, 104, 114, 142
- фонетическое § 27
- фразеологическое § 114, 142, 144
- Словотворчество § 161
- Словоупотребление § 158
- Словоформа § 20, 25, 27, 179, 181, 228, 241
 - агглютинативная § 310
 - аналитическая § 123, 186
 - цельная § 123
 - членимая § 123
- Слог § 19, 20, 24, 27, 32, 35, 38, 39, 51, 54, 55, 59, 60, 74
 - долгий § 54
 - закрытый § 32, 54, 55
 - — неприкрытый (закрыто-неприкрытый) § 54
 - — прикрытый (закрыто-прикрытый) § 54
 - краткий § 54
 - легкий § 54
 - неприкрытый § 54, 55
 - открытый § 32, 54, 55
 - — неприкрытый (открыто-неприкрытый, неприкрыто-открытый) § 54
 - — прикрытый (открыто-прикрытый, прикрыто-открытый) § 54
 - полузакрытый (полуоткрытый) § 54
 - полуприкрытый § 54
 - прикрытый § 54, 55
 - сильный § 54
 - слабый § 54
 - тяжелый § 54
- Слоговая вершина § 53, 56
 - модель § 19, 54, 55
 - система § 24
- Слоговой состав слова § 61
 - элемент § 53
- Слогоделение § 56
- Слогообразующая функция [звука] § 55
- Слогообразующий элемент § 52
- Слогораздел § 56, 281
- Сложение слов (основ) § 173, 287
 - чистое § 171
- Смещение языков § 274
- Смычка [в фонетике] § 46
- Смягчение заднеязычных согласных § 278, 307
 - твердых согласных § 69
- Согласный § 2, 21, 32, 43, 48, 50
 - аффрикативный § 46
 - билабиальный § 46
 - боковой § 46

- вдыхательный § 49
- веллярный § 46
- взрывной § 43, 46
- выдыхательный § 49
- глоточный § 31, 46
- глубоководный (глубокоязычный) § 46
- глухой § 21, 32, 43, 47—49
- гортанный § 46
- губно-губной § 46
- губно-зубной § 46
- губной § 21, 46
- денто-лабиальный § 46
- долгий § 48, 55
- дрожащий § 46, 49
- дыхательный § 49
- задненёбный § 46
- заднеязычный § 46
- звонкий § 21, 31, 32, 47—49, 55, 68
- зубной § 46
- инспираторный § 49
- краткий § 48, 55
- лабиальный § 46
- лабио-дентальный § 46
- лабио-лабиальный § 46
- ларингальный § 46
- латеральный § 46
- мгновенный § 46
- мягкий § 21, 47
- назальный § 46
- нёбно-зубной § 46
- недыхательный § 49
- носовой § 31, 44, 46, 47, 71
- — глухой § 47
- палатальный § 46
- парный по звонкости-глухости § 47
- передненёбный § 46
- переднеязычный § 46
- полумягкий § 47
- полусмягченный § 47
- поствеллярный § 46
- свистящий § 31, 46
- сильный § 47
- слабый § 47
- слитный § 31, 32, 46, 49
- слогообразующий § 57
- смычно-взрывной § 46, 48
- смычно-проходной § 46, 49
- смычно-щелевой § 46, 49
- смычный § 2, 46, 49
- — чистый (собственно смычный) § 46
- смягченный § 47
- соединительный § 73, 80
- сонорный (сонор) § 32, 43, 47, 49, 53, 54, 56, 57, 68
- — глухой § 32, 47
- — плавный § 53
- — средненёбный § 46
- — среднеязычный § 46
- — средний [по твердости-мягкости] § 47
- — твердый § 47
- — увулярный § 46
- — фарингальный § 31, 46
- — фрикативный § 43, 46, 49, 247
- — членораздельный § 4, 11, 260
- — шипящий § 31, 46
- — шумный § 32, 43, 46, 47, 49, 53, 55, 56, 68
- — щелевой (щелинный) § 43, 46, 48, 49
- — щелкающий § 49
- — экспираторный § 49
- — эпентетический § 69
- — язычковый § 46
- — язычный § 46
- Согласование [в синтаксисе] § 78, 230
- Содержание знака [языкового] § 15—19, 150
- слова § 17, 113
- Соединительный элемент сложного слова § 80, 81, 88, 91, 168
- Созначение § 118, 121
- Сокращение безударных гласных § 283
- Сонор § 32, 43, 47, 49, 53, 54, 56, 57, 68
- Сонорность § 56
- Соположение § 110
- Состав подлежащего § 234
- предложения § 234
- — грамматический § 235
- — сказуемого § 234
- Социолингвистика § 3
- «Сочетаемый» класс глаголов § 217
- Сочетаемость звуков § 21
- морфем § 21
- фонем § 21
- Сочетание звуков § 20
- слов свободное § 142, 144
- — устойчивое § 142, 144
- Сочинение [в синтаксисе] § 230
- Союз подчинительный § 110, 200, 232, 235
- сочинительный § 110, 200, 232, 235
- Союзное слово § 235
- Спинка языка § 44, 46
- Спирант § 46
- Спирантизация глухих смычных согласных § 307
- Способ деривации § 74
- образования грамматических форм § 186, 300
- — — — аналитический § 186, 300
- — — — гибридный § 186, 300
- — — — описательный § 186, 300
- — — — синтетический § 186, 300
- — — — смешанный § 186, 300
- — — — основосложения § 287

- расположения слов в словаре § 157
- — — гнездовой § 157
- — — полугнездовой § 157
- словообразования § 171, 172, 287
- — аффиксальный § 172, 287
- — инфиксальный § 172
- — лексико-семантический § 287
- — морфолого-синтаксический § 171
- — постфиксальный § 171, 287
- — префиксально-постфиксальный § 171, 287, 295
- — префиксально-сложно-суффиксальный § 171
- — префиксально-сложный § 171
- — префиксально-суффиксально-постфиксальный § 171
- — префиксально-суффиксальный § 171, 287, 295
- — префиксально-флекси́нный (префиксально-флективный) § 171, 173
- — префиксальный § 171, 287
- — приставочный § 171, 287
- — простой § 171
- — семантический § 287
- — сложно-префиксальный § 171
- — сложно-суффиксальный § 171
- — сложно-флекси́нный (сложно-флективный) § 171, 173
- — сложный § 171, 173
- — смешанный § 171, 295
- — суффиксально-постфиксальный § 287, 295
- — суффиксально-префиксальный § 171, 287, 295
- — суффиксально-сложно-префиксальный § 171
- — суффиксально-сложный § 171
- — суффиксальный § 171, 172, 174, 287
- — флекси́нный (флективный) § 171, 172, 174, 287
- — фонетический § 172, 287
- — чистый § 171
- сложения § 287
- соположения § 110
- Спряжение § 21
- Сравнительный оборот § 234
- Средство образования грамматических форм § 185
- общения (человеческого общения) § 4, 240
- — вспомогательное (жесты, мимика, интонация) § 251
- — основное § 4
- Стенография § 323
- Степень долготы гласных § 45
- звучности [звуков речи] § 56
- качественной редукции гласных § 68
- сравнения прилагательных § 211, 215
- — — положительная § 215
- — — превосходная § 194, 215
- — — сравнительная § 215
- Стилистика § 3
- Стилистическая окраска слова § 12
- подсистема языка § 25
- система языка § 25
- Стиль литературной речи § 245
- произношения § 55
- — неполный § 251
- — разговорный § 53
- функциональный § 239, 249, 250
- языка, речи § 239, 249
- — индивидуальный (индивидуально-авторский) § 239
- — книжный § 245
- Строение языка § 1, 2
- Строй предложения § 177
- слова § 177
- словосочетания § 177
- языка § 177, 179, 272
- Структура вещественного значения предложения § 237
- грамматического значения предложения § 237
- лексемы семантическая § 122
- — смысловая § 122
- лексического значения слова § 112, 122
- морфемы слоговая § 100, 101
- — фонетическая § 100, 101
- — фонологическая § 100, 101
- предложения § 234, 301
- — семантическая § 228, 237
- слова § 161, 180
- — грамматическая § 180
- — деривационная § 170
- — материальная § 74
- — морфемная (морфологическая) § 73, 74, 99
- — семантическая § 112, 122
- — словообразовательная § 161, 163, 170
- — смысловая § 112, 122
- словарной статьи § 154
- словаря § 154
- суждения § 9
- языка § 9, 23, 24, 309
- Структурная схема предложения § 233
- Субстантивация прилагательных § 300
- причастий § 300
- Субституция § 69
- Субстрат [в лингвистике] § 274
- Субфонема § 35
- Субъект [в лингвистике] § 2, 7—9
- Суждение § 7—9, 12, 233

- Сужение [лексического] значения слова § 116, 290
- Суперордина́та § 144
- Супин § 218, 226, 299
- Супплетив (супплетивное образование) § 76, 195
- Супплетивизм § 185, 195, 207, 219
- Суффикс § 91, 172, 187, 293
- грамматический § 79, 91, 190, 293
- десемантизированный § 82
- инфинитива § 97
- материально выраженный § 79
- мертвый § 294
- неодобрительный § 250
- нулевой § 79
- основообразующий (основообразовательный) § 82, 96
- оценочный § 121, 250
- словообразовательный § 79, 91, 96, 108, 171, 206, 293
- стилистический § 82, 96
- тематический § 82
- увеличительный § 250
- уменьшительно-ласкательный § 94, 250
- уничижительный § 96
- формообразующий § 207
- Суффиксация § 171, 172, 219
- нулевая § 287
- Суффиксоид § 88, 173
- Существительное (имя существительное) § 12, 21, 69, 79, 198, 199, 205, 208, 209, 285, 297
- женско-вещное § 209
- личное § 69, 209
- лично-мужское § 209
- неличное § 209
- нелично-мужское § 209
- неодушевленное § 209
- несклоняемое § 193, 209
- одушевленное § 209
- pluralia tantum § 207
- singularia tantum § 207
- составное (сложно-составное) § 110
- раздельноформленное § 110
- уменьшительно-ласкательное § 116
- Сущность языка § 4, 5, 12
- — знаковая § 13, 14
- Схема предложения § 234
- Табу** § 268, 290
- Тайнопись § 323
- Такт речевой § 27
- Твердость согласного § 47, 71, 279
- Тезаурус § 156
- Текст § 1, 228, 240
- внутренний § 240
- письменный § 1, 3
- Текстология § 1, 3
- Телескопия § 173
- Тема [в предложении] § 66, 236, 238
- Тематическая группа слов § 123
- Тематический класс глаголов § 217
- Тематическое поле § 123
- Тембр § 32, 33
- Темп речи § 32
- Теория происхождения языка (возникновения человеческой речи) § 255—259, 262, 263
- — — аффективная § 258, 259
- — — биологическая § 256
- — — божественная (божественного происхождения) § 256, 262
- — — договорная § 256, 263
- — — естественная (естественного происхождения) § 256, 257, 261, 262
- — — жестовая § 256, 259
- — — звукоподражательная (звукоподражаний) § 256, 257, 264
- — — идеалистическая § 256
- — — искусственная § 256, 262, 263
- — — марксистская § 260
- — — материалистическая § 256
- — — междометная (междометного происхождения) § 256, 258, 259
- — — ностратическая § 254
- — — оноματοпоэтическая § 257
- — — природная (природного происхождения) § 256
- — — рабочая § 260
- — — рефлексная § 258
- — — соглашения § 263
- — — социальная § 256, 260
- — — тесей § 256
- — — трудовая (трудового происхождения) § 256, 260, 261, 264
- — — трудовых выкриков § 256, 261
- — — фюсей § 256
- — — эмоциональная (эмоционального происхождения) § 258
- — — Энгельса (Энгельса—Уяре) § 260, 261
- слога § 52
- — акустическая § 52
- — артикуляционная § 52
- — мускульная (мускульного напряжения) § 52
- — сонорная § 52
- — экспираторная § 52
- Термин § 12, 26, 104, 119, 127, 147, 149, 150, 151, 239
- заимствованный § 151
- исконный § 151
- международный § 151
- производный § 151

- производный § 151
- простой § 151
- родства § 120
- составной § 110, 150, 151
- Терминоведение § 104, 149
- Терминологическая система (терминосистема) § 24, 104, 149—151
- Терминологическое сочетание § 150
- Терминология § 3, 104, 149—151, 239, 250
- Терминосистема *см.* Терминологическая система
- Тетрафтонг § 19, 20, 50
- Тип мышления § 6, 11
 - письма § 319
 - предложения § 66, 235
 - синтаксической связи слов в словосочетании § 230
 - склонения существительных § 299, 307
 - словарей § 154
 - словосочетаний § 232
 - слога § 19, 32, 54, 55
 - спряжения глаголов § 217
 - ударения (словесного ударения) § 58, 59
 - языков § 74, 310
- Типологическая классификация языков § 304, 309
- Типология предложений § 235
 - словарей § 154
 - языков § 309
- Тождество слова § 109, 111
- Тон голосовой § 57
 - звука речи § 32, 57, 78
- Топоним § 104, 123
- Топонимика § 104
- Транскрипционная система § 31
- Транскрипционный знак § 31
- Транскрипция § 3, 31, 323
 - аллофонемная § 31
 - научная § 31
 - практическая § 31
 - фонематическая (фонемная) § 31
 - фонетическая § 31
 - фонологическая § 31
- Транслитерация § 31, 323
- Транспозиция § 171
- Трансфикс § 93
- Триграф § 321
- Трифтонг § 19, 20, 27, 50

- Ударение** § 19, 20, 26, 27, 32, 57, 61—63
 - логическое § 57, 238
 - синтагматическое § 57
 - синтаксическое § 57
 - словесное § 27, 31, 32, 54, 57—59, 62, 63, 68, 73, 78, 168, 186, 190, 207, 219, 282
 - второстепенное § 27, 62
- — выдыхательное § 59
- — главное § 27, 62, 168, 171
- — динамическое § 32, 59, 307
- — добавочное § 62
- — долготное § 52
- — дополнительное § 27, 62
- — количественное § 32
- — количественно-силловое (количественно-экспираторное) § 59
- — мелодическое § 59
- — музыкальное § 32, 59
- — музыкально-количественно-силловое § 59
- — музыкально-силловое § 59
- — неподвижное § 61
- — несвободное § 60
- — нефиксированное § 27, 60, 282
- — ограниченное § 60
- — одноместное § 60
- — основное § 27, 62, 63
- — перемещающаяся § 61
- — побочное § 27, 62
- — подвижное § 61
- — полусвязанное § 60
- — постоянное § 60, 61, 63
- — разноместное § 60, 63
- — свободное § 60, 61, 282
- — связанное § 60, 61, 63
- — силловое § 32, 59
- — смешанное § 59
- — тоническое (тоновое) § 32, 59, 307
- — фиксированное § 27, 60, 282
- — экспираторное § 32, 59, 311
- — слоговое § 57
- — смысловое § 57
- — фразовое § 57
- Удвоение корня § 194
 - слов (основ) § 173
 - согласных корня § 172
- Унициал § 319
- Употребление слова § 117
- Управление [в синтаксисе] § 78, 230
- Уровень языка (языковой, системы, структуры языка) § 19, 22, 24, 25, 100, 283, 285
 - — коммуникативно-синтаксический § 25, 228
 - — лексический (лексико-семантический, лексико-морфологический, лексемный) § 24, 25, 106, 123, 142, 161
 - — лингвостилистический § 25
 - — морфемный (морфологический, морфемо-морфологический) § 19, 25, 73
 - — морфонологический § 25
 - — предложения (-ний) § 25
 - — промежуточный § 25
 - — самостоятельный § 25
 - — сверхфразовых единств § 25

- — синтаксический (синтаксических единиц) § 25, 228
- — словесный (слов) § 24, 25, 106, 123, 142, 161
- — словообразовательный § 25, 161, 166
- — словосочетаний § 25
- — фонетический (фонемный, фонологический, фонетико-фонологический) § 19, 24—26
- — фразеологический § 25
- Уровневая классификация единиц языка § 24
- Усечение основы § 102, 168, 190
- Усложнение основ § 292, 295
- Устав [почерк] § 319
- Устная форма воспроизведения письменной речи § 251

- Фаза артикуляции [звука речи] § 34**
- Физиологическая характеристика звука речи § 33, 42**
- Физиологические признаки (качества) звука речи § 42**
- Физиология звука речи § 26**
- Физическая характеристика звука речи § 32**
- Физические признаки звука речи § 42**
- Филия § 306**
- Философия языка § 3**
- Финаль § 53**
- Флексия § 91**
 - внутренняя § 189, 207, 208
 - грамматическая § 197
 - материально выраженная § 79
 - падежная § 188
- Фон [фонемы] § 35, 37, 38, 40, 41, 71**
- Фонема § 19—21, 27, 30, 32, 35, 36, 39, 40, 45—48, 51, 71, 268**
 - гласная § 37—40
 - материальная (материально выраженная) § 35
 - ментальная § 35
 - нулевая § 35
 - паузы § 35
 - согласная § 35, 37, 40
- Фонематичность (фонемный статус) звука § 41**
- Фонемика (фонематика, фонемология, фонематология) § 26**
- Фонемная величина § 71**
- Фонемный вариант § 38—41, 70, 71**
 - ряд § 38
 - состав языка § 27, 41, 284
 - строй языка § 51
- Фонетика § 22—24, 26—29, 58, 150**
 - акустическая § 28
 - аппаратурная § 28
 - артикуляционная § 28
 - диахроническая § 22, 28
 - инструментальная § 28
 - историческая § 22, 28
 - общая § 28
 - описательная § 22, 28
 - синхронная (синхроническая) § 22, 28
 - функциональная § 28, 35
 - частная § 28
 - экспериментальная § 28
 - языка § 177
- Фонетическая величина § 71**
 - единица § 20, 27, 29, 35, 50, 51, 71, 75
 - система § 28, 29, 40, 50, 277
- Фонетические изменения § 276, 277, 283**
 - — генетические § 277
 - — исторические § 277
 - — функциональные § 277
- Фонетический закон § 276, 277, 281, 284**
 - — живой § 277
 - — зависимый § 283
 - — исторический § 277, 283
 - — — комбинаторный § 283
 - — — спонтанный § 283
 - — независимый § 283
 - — обусловленный § 283
 - — позиционный § 283
 - — синхронический § 277
 - — функциональный § 277
 - — строй языка § 26, 277, 318
- Фонетическое (фонологическое) слово § 27, 57, 63, 110**
 - средство § 27, 57
- Фонограмма § 318, 319**
- Фонография § 318, 319**
- Фонологическая нейтрализация § 35, 37**
 - позиция § 37
 - система языка § 285
- Фонологические средства языка § 100**
- Фонология § 26, 28**
- Фономорфология § 100**
- Форма литературного языка § 12**
 - — — устная § 12
 - мышления § 7
 - национального языка § 245
- предложения (грамматическая форма предложения) § 233, 234**
- речи (литературной речи) § 251**
 - — письменная § 251
 - — устная § 251
- синтаксическая § 228
- слова § 181
- — аналитическая § 30, 110, 181, 217, 219, 231, 300, 307
- — видовая § 219
- — внутренняя § 120
- — временная § 222
- — грамматическая § 20, 21, 25, 108, 110, 111, 179—181, 188, 226, 228, 231, 241, 307

- — залоговая § 299
- — именная § 213, 298
- — инфинитивная § 69, 311
- — исходная § 182, 226
- — краткая § 213, 298
- — личная § 223, 298
- — местоименная § 213, 298, 307
- — морфологическая § 111, 181
- — неличная § 218
- — неопределенная § 226
- — неспрягаемая § 218, 219, 226
- — нефинитная § 218
- — нечленная § 213, 298
- — описательная § 181, 188, 219
- — падежная § 208
- — полная § 213, 298
- — простая § 181, 300
- — синтетическая § 91, 181, 218, 228, 300
- — словарная § 182
- — словообразовательная § 161
- — сложная § 110, 181, 217, 300
- — составная § 110
- — спрягаемая § 218, 219, 225
- — структурная § 161
- — — типовая § 161
- — членная § 213, 298
- — степени сравнения § 215, 298, 299
- — существования языка § 20, 239, 243
- — устного воспроизведения письменного текста § 251
- Форматив § 94
- Формообразование § 73, 189
- — именное § 183
- Формообразовательная категория § 183
- Фраза § 27, 66
- — фонетическая (фонологическая) § 27
- Фразеологизм § 104, 110, 142—148
- — заимствованный § 147
- — исконный § 147
- — просторечный § 146
- — разговорный § 146
- — стилистически нейтральный § 146
- Фразеологическая единица [языка] § 142—148
- — подсистема языка § 25
- — система языка § 24, 25
- Фразеологический оборот § 142, 144
- — состав языка § 104, 143
- Фразеологическое выражение § 144
- — единство § 144
- — сочетание § 144
- — срращение § 144
- Фразеологичность лексического значения слова § 120
- Фразеология § 104, 142, 143
- — диахроническая § 142
- — историческая § 142
- — описательная § 142
- — синхроническая § 142
- Фразограмма § 316, 319
- Фразография § 315, 319
- Фразообразование § 143
- Функциональная характеристика служебных морфем § 96
- Функционирование языка § 1, 3, 5, 22
- Функция единицы языка коммуникативная § 19
- — — номинативная § 19
- — — строевая § 19
- — звука речи § 12
- — — слогообразующая § 55
- — звуковой интонации различительная § 65
- — — словоразличительная § 65
- — — форморазличительная § 65
- морфемы § 75, 94
- предложения § 12
- слова § 12
- — синтаксическая § 198
- словосочетания § 12
- ударения (словесного ударения) § 12, 62, 63
- — вершинообразующая § 63
- — делимитативная § 63
- — дистриктивная § 63
- — конститутивная § 63
- — кульминативная § 63
- — объединяющая § 63
- — различительная § 63
- — семантическая § 63
- — сигнификативная § 63
- — словоопознавательная § 63
- — словоразграничивающая § 63
- — словоразличительная § 63
- — словоформирующая § 63
- — смыслоразличительная § 63
- — форморазличительная (формоопознавательная) § 63, 190
- фонемы § 36
- — дистриктивная § 36
- — дифференциальная § 36
- — конструктивная (конститутивная) § 36
- — опознавательная § 36
- — перцептивная § 36
- — различительная § 36
- — сигнификативная § 36
- — строевая § 36
- фразовой интонации § 66
- языка (языковая) § 4, 12, 19
- — аккумулятивная § 12
- — выразительная § 12
- — гносеологическая (гностическая) § 12
- — инструментальная § 12
- — когнитивная § 12
- — коммуникативная § 12
- — конструктивная § 12

- — контактная (контактоустанавливающая) § 12
- — метаязыковая (металингвистическая) § 12
- — мыслеформирующая (мыслительная) § 12
- — назывная (номинативная) § 12
- — общения § 12, 13
- — общественная § 4, 5, 12, 13
- — познавательная § 12
- — поэтическая § 12
- — регулятивная § 12
- — социальная § 3
- — фатическая § 12
- — художественная § 12
- — экспликативная § 12
- — экспрессивная § 12
- — эмоциональная (эмотивная) § 12
- — эстетическая § 12

- Цельнооформленность слова § 106, 110**
 - — морфологическая § 110
- Центр словообразования § 169**
 - слога § 53
 - фонетического слова § 63
- Цепочка языковых единиц § 24**
 - — линейная (синтагматическая) § 24
- Циркумфикс § 83, 93**
- Цоканье § 247**

- Частица [как слово] § 297**
 - модальная § 12
 - отрицательная § 27
 - речи § 198, 201
 - служебная § 208
 - усилительная § 238
- Частица [как морфема] § 84, 92, 188, 200**
 - возвратная § 27
 - постпозитивная § 27, 206
- Часть речи § 2, 21, 25, 180, 196—201, 268, 297**
 - вещественная § 198
 - вспомогательная § 198
 - вторичная § 198
 - гибридная § 197, 199
 - главная § 198
 - грамматическая § 197
 - знаменательная § 197, 198, 285
 - изменяемая (грамматически, морфологически) § 199
 - именная § 199, 200, 234, 297, 299
 - лексическая § 198
 - незнаменательная § 198
 - неизменяемая (грамматически, морфологически) § 199
 - несамостоятельная § 198
 - — основная § 198
 - — переходная § 197
 - — подчиненная § 198
 - — полнозначная § 198
 - — самостоятельная § 198, 204
 - — синкретическая § 197
 - — склоняемая § 199
 - — служебная § 69, 74, 84, 91, 198, 200
 - — смешанная § 197
 - — спрягаемая § 199
 - — формальная § 198
 - — ядерная § 197
- Чередование звуков (звуковое) § 19, 20, 70, 71, 102**
 - аллофонемное § 71
 - грамматическое § 71, 72
 - живое § 71
 - историческое § 71
 - качественное § 71
 - количественное (квантитативное) § 71
 - комбинаторное § 71
 - мертвое § 71
 - морфологическое § 71, 72, 172
 - непозиционное § 71
 - нефонетическое (фонетически необусловленное) § 71, 72
 - позиционное § 71
 - традиционное § 71
 - фонемное § 71
 - фонетическое (фонетически обусловленное) § 27, 71
 - ударения (места ударения) § 61, 172
 - фонем § 70, 73, 78, 101, 168, 186, 207, 208, 219
 - — грамматическое § 189
 - — качественное § 71
 - — количественное (квантитативное) § 71
 - — морфологическое § 189
- Числительное (имя числительное) § 2, 12, 199, 297**
 - неопределенное § 199
 - порядковое § 197
 - составное § 110, 123
- Число [грамматическое] § 207, 211, 218, 224**
 - двойственное § 207, 214, 224, 298, 299, 307
 - единственное § 207, 214, 224
 - множественное § 207, 214, 224
 - — небольшого количества § 207
 - — ограниченное § 207
 - — собирательное § 207
 - тройственное § 207
- Член [артикль] § 297**
- Член предложения § 234**
 - — второстепенный § 9, 234
 - — главный § 9, 233, 234, 235
 - — детерминирующий § 234

- Членение речи (потока речи) § 19, 35, 51
 — — линейное § 35
 — — ритмико-интонационное § 27
 Чоканье [в фонетике] § 247
- Шаблон** [в лингвистике] § 250
 Шепелявость § 39
 Шрифт Брайля § 14
 Штамп [в лингвистике] § 250
 Шум [в лингвистике] § 32, 42, 47
 — чистый § 32, 47
- Эвфемизм** § 290
 Экзолингвистика § 3
 Экономия речевых усилий (сил) § 273
 — языковых средств § 250, 273
 Экскурсия [при артикуляции] § 34
 Экспонент знака § 15—17, 20, 79, 150
 — — нулевой § 15
 — — целостный § 16
 — значимой единицы языка § 35, 36, 70, 75, 150
 Экспрессивная окраска слова § 12
 Экстралингвистика § 3
 Элизия § 69
 Элятив (элатив) § 215
 Эмоциональная окраска слова § 12
 Энантioseмия § 132
 Энантioseмы (антонимы-энантioseмы) § 132
 Энклитика § 27, 57, 63
 Энциклопедия [как словарь] § 160
 Эпентеза § 69
 Эпиграфика § 312
 Эпитеза § 69
 Эсперанто § 3
 Этимология § 104
 Этнолингвистика § 3
- Юс** (большой, малый) § 44, 278
- Ядро** высказывания § 238
 — лексического значения слова § 121
 — — — концептуальное § 121
 — — — — понятийное § 121
 — слога § 53
Язык [орган речи] § 33, 34
Язык [как средство общения] § 1, 4—6, 8—12, 17, 20, 23, 239—242, 249, 252—254, 260, 263—265, 304
 — аморфно-агглютинативный § 310
 — аморфный § 106, 310
 — аналитический § 310
 — аффиксальный § 310
 — — агглютинативный (агглютинирующий) § 310
 — — флективный (флектирующий) § 310
 — безаффиксный § 310
 — бесписьменный § 29, 243, 251
 — бесформенный § 106
 — глухонемых § 11, 239
 — государственный § 244, 270
 — естественный § 1, 3, 5, 11, 12, 239, 252, 253
 — жестов § 239, 259, 313
 — животных § 263
 — звуковой § 11, 252, 253, 255, 265, 312, 313
 — изолирующий § 310
 — инкорпорирующий § 310
 — искусственный § 3, 239
 — кодифицированный § 247
 — корневой § 310
 — корнеизолирующий § 310
 — литературный § 239, 242, 243, 244, 247, 271
 — — международный § 2, 3, 239
 — мертвый § 5, 12
 — народно-разговорный § 245
 — народности § 265, 269, 270, 271
 — народный § 12, 270, 271
 — национальный (нации) § 244, 265, 271
 — неживой § 5
 — ностратический § 254
 — общенародный § 12, 239, 245, 271
 — официально-деловой § 239
 — письменный § 271
 — племенной (племенного союза) § 265—267
 — полисинтетический § 310
 — разговорный § 12, 239
 — родовой § 266
 — родо-племенной § 265, 268
 — ручной § 259
 — синтетический § 310
 — слов (словесный) § 11, 252, 259
 — слогового типа § 51
 — тайный § 248
 — условный § 248
 — устный § 271
 — фонемного строя § 51
 — человеческий § 1, 2, 11, 12, 252—254, 259, 263, 265
- Языки** неродственные § 2
 — родственные § 2
Языковая ветвь § 305, 307, 308
 — группа § 266, 306—308
 — диахрония § 22, 162
 — единица *см.* Единица языка
 — категория § 12
 — норма § 243
 — — литературная § 245
 — подсистема § 24, 25, 73, 105, 143, 177—179
 — политика § 3
 — семья § 305, 306, 307
 — синхрония § 22, 73, 162
 — система § 12, 19, 21—23, 24, 25, 73, 106, 143, 177, 178, 240, 241
 — статика § 22

- структура § 9, 23, 24, 309
- функция *см.* Функция языка
- Языковедение § 1
- Языковое единство § 2
- значение § 8, 10, 17, 18, 20, 79
- развитие *см.* Развитие языка
- родство § 305
- средство § 11, 12, 17, 19, 57
- Языковой закон § 9, 273
- знак § 13, 14, 16, 17—20, 75
- механизм § 4, 23, 106
- союз § 311
- уровень *см.* Уровень языка
- ярус *см.* Ярус языка
- Языковые универсалии § 2, 133, 178, 196
- — абсолютные § 2
- — статистические § 2
- Языкознание § 1, 3—6, 18—22
- диахроническое (диахронное) § 2—22
- историческое § 2, 29
- общее § 1, 2, 12
- описательное § 2
- прикладное § 3, 154
- синхронное (синхроническое) § 2, 22
- сопоставительное § 2
- сравнительно-историческое § 2
- частное § 2
- Язычок § 33, 34
- Яканье § 69
- Ярус языка (языковой) § 24
- — морфемный § 73
- — словообразовательный § 161, 162, 165
- — структурный § 285
- Ять [буква] § 279

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Введение. ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА (§ 1—3)	5
Глава 1. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (§ 4—22)	15
Понятие языка	15
О природе языка	16
Связь языка и мышления	20
Функции языка	34
Знаковая сущность языка	43
Понятие знака	43
Понятие языкового знака	52
Единицы языка и их отношение к знакам	59
Типы взаимоотношений между единицами языка	67
Синхрония и диахрония в языке	72
Глава 2. СИСТЕМА ЯЗЫКА (§ 23—238)	76
Понятие языковой системы	76
Фонетика	86
Понятие фонетики	86
Понятие звука речи	96
Транскрипция как средство отображения звуков речи	99
Акустическая характеристика звуков речи	103
Артикуляционный аспект звуков речи	106
Звуки речи с функциональной точки зрения	110
Фонема и ее отличительные признаки	110
Функции фонем	115
Позиции фонем	116
Варьирование фонем	118
О границах фонем	124
Классификация звуков речи (фонем)	127
Гласные и согласные как основные типы звуков речи	127
Классификация гласных звуков	129

Классификация согласных звуков	133
Вопрос о полифтонгах	140
Понятие о слоге	143
Ударение	152
Интонация	162
Изменение звуков в потоке речи	167
Чередование звуков	179
Морфемика	188
Понятие морфемики	188
Понятие морфемы	193
Определение понятия морфемы	193
Морф как разновидность морфемы	197
Морфема и смежные явления	200
Классификация морфем	212
Корневые и служебные морфемы	212
Классификация служебных морфем	216
Основа слова	229
Принципы морфемного анализа	233
Морфонология	235
Лексикология	239
Понятие лексики и лексикологии	239
Понятие слова	245
О границах слова	255
Семантическая характеристика слова	267
Понятие лексического значения слова	267
Классификация лексических значений слов	271
Семантическая структура слова	281
Системность словарного состава языка	289
Лексика как система	289
Синонимы	294
Антонимы	304
Омонимы	309
Паронимы	319
Гипонимы	321
Фразеология	323
Понятия фразеологии и фразеологизма	323
Классификация фразеологизмов	325
Терминология	332
Понятие терминологии	332
Понятие термина	334
О системности терминов	339

Лексикография	341
Понятие лексикографии и словаря	341
Основные типы словарей	343
Лингвистические словари	343
Нелингвистические словари	353
Словообразование.	355
Понятие словообразования	355
Единицы словообразования	359
Производное слово	359
Сегментные единицы	363
Комплексные единицы	365
Словообразовательная структура производного слова	368
Понятие словообразовательной структуры слова	368
Способы словообразования	370
Производные слова и их эквиваленты в разных языках	378
Грамматика	384
Понятие грамматики	384
Единицы грамматики	390
Морфология.	395
Понятие морфологии	395
Основные единицы морфологии	397
Морфологические способы и средства	403
Части речи	415
Общая характеристика частей речи	415
Имя существительное	424
Имя прилагательное	439
Глагол	446
Синтаксис	462
Понятие синтаксиса	462
Основные единицы синтаксиса.	464
Синтаксическая форма и категория	464
Словосочетание.	467
Понятие словосочетания	467
Классификация словосочетаний	472
Предложение	474
Понятие предложения	474
Члены предложения	477
Классификация предложений	478
Порядок слов в предложении	481
Семантика предложения	483

Глава 3. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗНОВИДНОСТИ ЯЗЫКА (§ 239—251)	488
Язык и речь	488
Основные разновидности языка, связанные с внутренним членением языкового коллектива	496
Функционально-стилистические разновидности языка (речи)	507
Основные формы речи	511
Глава 4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА (§ 252—264)	514
Проблема происхождения языка	514
Теории происхождения языка	520
Звукоподражательная теория	522
Теория междометий	525
Теория жестов	527
Трудовая теория	530
Теория трудовых выкриков	533
Теория божественного происхождения языка	534
Теория общественного договора	537
Глава 5. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ (§ 265—303) ...	541
Формирование и развитие языков в связи с развитием общества	541
История развития языков	543
Родо-племенные языки	543
Языки народностей	545
Национальные языки	547
Исторические изменения языковых явлений	549
Законы развития языка	549
Изменения в фонетике	554
Изменения в лексике	566
Изменения в морфемике и словообразовании	578
Изменения в грамматике	588
Глава 6. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ (§ 304—311)	603
Генеалогическая классификация языков	603
Типологическая классификация языков	611
Ареальная классификация языков	616

Глава 7. ТЕОРИЯ ПИСЬМА (§ 312—323)	619
Понятие письма	619
Возникновение и развитие письма	622
Классификация письменных систем	639
<i>Использованная литература</i>	651
<i>Условные сокращения</i>	666
<i>Предметный указатель</i>	668

Учебное издание

Немченко Василий Николаевич

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Учебник для вузов

Зав. редакцией *Н. Е. Рудомазина*

Редактор *Н. А. Страхова*

Художественное оформление *Ю. В. Христинич*

Технический редактор *М. В. Биденко*

Компьютерная верстка *Т. В. Максимова*

Корректор *И. В. Андрианова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.

Подписано к печати 27.07.08. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.

Бумага типографская. Гарнитура «New Baskerville C». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 44,0. Тираж 4000 экз. Заказ № .

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сущевский Вал, 49.

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**

127018, Москва, Сущевский Вал, 49.

Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (495) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник».

109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.

Тел.: (495) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазины «Переплетные птицы»:

127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.

Тел.: (495) 912-45-76;

140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,

ул. Октябрьской революции, 366/2.

Тел.: (495) 741-59-76.

Интернет-магазин: <http://www.drofa.ru>